

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

ТОМ XLVI — XLVII 2017

Карамзин 250

*Записки о старой
и новой России*

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Владимир Мау, Андрей Медушевский, Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух, Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Андрей Колесников (раздел «социум») Алла Язькова (международная политика) Владимир Кантор (философия, история) Татьяна Щербина (культура, дневник поэта) Ирина Буйлова (перспективное планирование) Станислав Усачев (международное сотрудничество) Елена Мокеева (макет) Юлия Баклакова (корректор) Людмила Захарова (главный бухгалтер) Григорий Ярошенко (фотопроекты) Журнал-Партнер "Herald of Europe" (London) Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Николай Головнин, Александр Петров, Сергей Приходько, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Яков Уринсон, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк), Ольга Старовойтова (Санкт-Петербург), Димитриос Триантафиллидис (Афины), Наталия Исаева (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и в сотрудничестве с ним. Информационное и организационное содействие оказывают Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.ru

Интернет-версия журнала: www.vestnikevropy.ru

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ №№ 46–47

Для читателей старше 16 лет, в соответствии с новыми законами.

- © «Вестник Европы» XLVI– XLVII, 2016 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Отпечатано в типографии Август Борг.
107497, Москва, Амурская ул., д. 5, стр. 2.

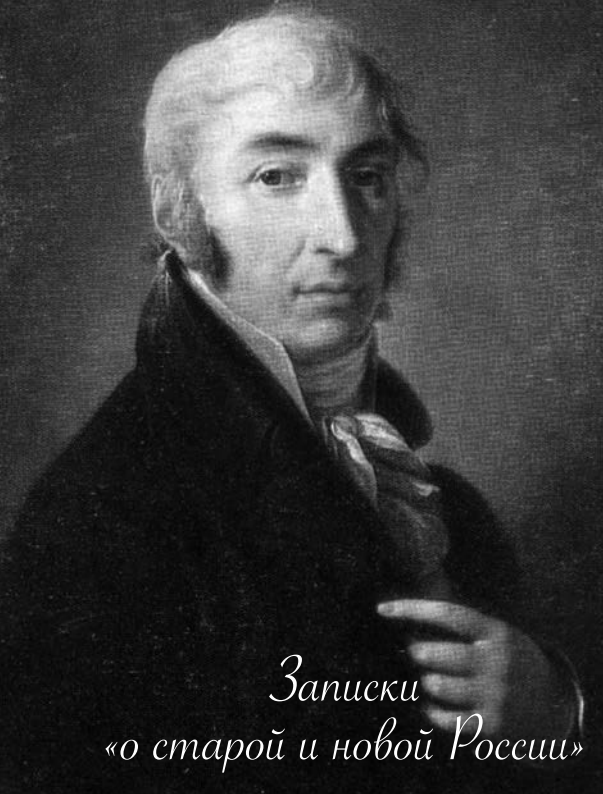
ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XLVI– XLVII год 2016

Записки
«о старой и новой России»

© Фото: Виктор Ярошенко

КАРАМЗИН 250

- 5 **Владимир Кантор.** Карамзин: сотворение русского европейца
- 17 **Виктор Ярошенко.** Без страха и надежды
- 46 **Алексей Кара-Мурза.** Странствия Карамзина. Швейцария

Круглый стол

- 76 Вокруг Карамзина
- 96 **Александр Пыпин.** «Очерки общественного движения при Александре I». IV. Карамзин

Современники Карамзина

- 118 **Владимир Зелинский.** П.Я. Чаадаеву. Частное письмо

25 ЛЕТ. «ЗАПИСКИ О НОВОЙ РОССИИ»

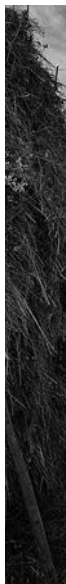
- 126 Три консенсуса. Геннадий Бурбулис вспоминает
- 140 «Переворот». Беседа Е. Гайдара и В. Ярошенко 22 августа 1991 г. *Расшифровка магнитофонной записи. (Публикуется впервые)*
- 153 Как случился распад Советского Союза. О России и Украине. Беседа с Галиной Старовойтовой *(интервью)*
- 166 **Андрей Козырев.** Цивилизация сложно пробивает себе дорогу

Письма из редакции

- 175 «Начало»
- 184 25 лет. Мифы, ошибки, достижения. Юбилейное заседание правительства реформ
- 196 **Андрей Медушевский.** Эволюции государства и режима

Свободный университет

- 212 **Вацлав Клаус.** Мы вступили в постдемократическую эру

- 218 **Владимир Мау.** Егор Гайдар и уроки экономической истории
- 223 **Мария Снеговая.** Почему народы отказываются от свободы
- 238 **Александр Эткинд.** Внутренняя колонизация. Критическая теория паразитического государства

ЛИТЕРАТУРА

- 255 **Андрей Грицман.** Хроника текущих событий. *Стихи*
- 259 **Григорий Каковкин.** Жан-Жак или Идеальная баба
- 268 **Николай Климонтович.** «Та сторона». Короткий роман.
- 287 **Алексей Цветков.** За ближним востоком есть дальний восток. Стихи
- 290 **Анатолий Курчаткин.** Свобода и литература в России

Европа

- 313 Россия и Европа. Берлинский форум. Б. Минц, А. Чубайс, С. Дубинин, М. Хармс, А. Пинкварт, Е. Гонтмахер, Ф. Виллерсхаузен, А. Кнауль
- 330 **Евгений Рашковский.** Политэкономия большой войны и матрицы тоталитарного строя

- 346 **Наталья Лебедева.**
Тегеран–Ялта–Потсдам

Великобритания

- 366 **Михаил Борщевский.** BREXIT.
Попытка анализа

КУЛЬТУРА

- 381 **Татьяна Щербина .** Я и художники 80-х

Хроника

- 402 Премии Егора Гайдара
- 404 Всероссийская Карамзинская ассамблея

О книгах

- 408 Трехтомник А. Тягны-Рядно
- 410 **Наталья Исаева.** Васильев-параутопия-Абдуллаева

Ad memoriam

- 416 Алла Алексеевна Язькова

Artes

- 418 Фотопроект: Эмиль Гатауллин.
Из серии «В сторону горизонта»

СОТВОРЕНИЕ РУССКОГО ЕВРОПЕЙЦА: КАРАМЗИН

«...наша, без сомнения,
счастливая судьба во всех отношениях
есть какая-то необыкновенная скорость:
мы зреем не веками, а десятилетиями»

Н.М. Карамзин

Пожалуй, стоит начать наше рассуждение с цитаты из статьи Василия Розанова: «Карамзин был первый русский европеец, уже не по предметам своего внимания, но по самому вниманию, по всему душевному строю – и в этом лежит тайна его обаяния для современников и его значения в нашей истории. В нем первом европейская цивилизация коснулась уже не форм нашего быта, поэтического творчества и мышления, но тронула внутреннее содержание наше, коснулась самой души. Глубокая ли впечатлительность его, подвижность всей природы или ранние впечатления детства, проведенного с чужеземными музами, были причиной этого – решить трудно: но уже в первых его произведениях вполне чувствуется вся его будущность, весь переворот, который ему суждено было совершить в нашем духовном развитии. Стоит сравнить его примечания к своему переводу поэмы Галлера «О происхождении зла» (Москва, 1786 г.) с примечаниями Кантемира к его переводу Фонтенелевых «Разговоров о множестве миров», чтоб оценить всю глубину пропасти, которая их разделяет. В «Письмах русского путешественника» впервые склонилась, плакала, любила и понимала русская душа чудный мир Западной Европы, тогда как раньше, в течение века, она смотрела на него тусклыми, лишь отражающими предмет, но не отвечающими ему глазами»¹.

До Петра Великого Московская Русь воспринималась западными путешественниками почти как дикая Африка, где были свои владыки, но жизнь текла вне всяких норм, как в захваченной неприятелем стране, поскольку не было никаких гарантий жизни и собственности. Западным путешественникам казалось, что это навсегда. Но, как писал Пушкин, случай – мгновенное и мощное орудие Провидения решает многое. Необходим был культурный герой, из тех, что знали все народы, начиная от Гильгамеша. Тесея, Геракла и кончая Карлом Великим. Интересно, что, рассуждая о судьбе России, три русских мыслителя (Карамзин, Пушкин, Хомяков), независимо друг от друга употребили одну и ту же формулу: «Явился Петр». Петр Великий как явление! Как политическая и военная сила Россия вошла в Европу при Петре. Об этом писал Карамзин, но смысл петровской деятельности он, увы, увидел прежде всего в его военных победах: «Петр Великий, *соединив* нас с Европою и показав нам выгоды Просвещения, ненадолго унизил народную гордость русских. Мы взглянули, так сказать, на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее. Едва великий государь сказал нашим воинам, как надобно владеть новым оружием, они, взяв его, лете-

¹ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Мысли о литературе. М. : Современник, 1989. С. 185.

ли сражаться с первой европейской армией. Явились генералы, ныне ученики, завтра примеры для учителей. Скоро другие могли и должны были перенимать у нас; мы показали, как бьют шведов, турков — и, наконец, французов. Сии славные республиканцы, которые еще лучше говорят, нежели сражаются, и так часто твердят о своих ужасных штыках, бежали в Италию от первого взмаха штыков русских. <...> В военном искусстве мы успели более, нежели в других, оттого, что им более занимались, как нужнейшим для утверждения государственного бытия нашего; однако ж не одними лаврами можем хвалиться. Наши гражданские учреждения мудростию своею равняются с учреждениями других государств, которые несколько веков просвещаются»². Примерно то же самое следом за Карамзиным повторил Чернышевский: «Цель Петра была гораздо проще, практичнее, сообразнее с его положением и понятиями. Ему нужно было сильное регулярное войско, которое умело бы драться не хуже шведских и немецких армий; ему нужно было иметь хорошие литейные заводы, пороховые фабрики; он понимал, что элементы военного могущества ненадежны, если его подданные сами не обучатся вести военную часть, как ведут ее немцы, если мы останемся по военной части в зависимости от иностранных офицеров и техников; стало быть, представлялась ему надобность выучить русских быть хорошими офицерами, инженерами, литейщиками. Раз пошедши по этой дороге, занявшись мыслью устроить самостоятельное русское войско в таком виде, как существовало войско у немцев и шведов, он по своей энергической натуре развил это стремление очень далеко и, заимствуя у немцев или шведов военные учреждения, заимствовал, кстати, мимоходом и все вообще, что встречалось его взгляду»³.

Пожалуй, единственный, кто оценил войны Петра Великого как прорыв в цивилизацию и Европу, был гениальный Пушкин: «Наконец, явился Петр. <...> Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское Просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»⁴. Но именно Карамзин стал тем, кто совершил интеллектуальное утверждение европейских ценностей, которые создали из дикого Калибана волшебника Просперо. Иными словами, создал культурный смысл России.

И это произошло: возник тип русского европейца, молодого и сильного европейца, который, несмотря на внутренние и внешние катаклизмы в течение двух столетий, состоялся и уцелел, выступив против большевизма в России, сражаясь против нацизма в Европе (две трети погибших героев французского Сопротивления — русские люди, всего в **движении Сопротивления** во Франции сражалось более 35 тысяч **русских** и выходцев из России). Но кто стоял у начала этой духовной становления, кто первым сделал интеллектуальное усилие этой духовной возгонки по превращению русских людей в европейцев, но **русских европейцев**? Попыток было немало, но решающей оказалась деятельность Карамзина, создавшего — без преувеличения — практически всю область русской духовности: прозаик, поэт, переводчик, свободно говоривший на нескольких европейских языках, путешественник, открывший России Европу, великий историк и незаурядный мыслитель, заложивший в России нормы цивилизованного прочтения мира. После «Писем русского путешественника», путешественника, проехавшего насквозь всю Европу, общавшегося с величайшими европейцами, общавшегося с ними *на равных*, он начинает издавать журнал «Вестник Европы», в котором публикует свои статьи, формулирующие принципы русского европеизма, которые основаны не на подражании, а на *переимчивости* (русский язык богат и точен). Точно так римляне осваивали греческую культуру, а западноевропейцы — рим-

² Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Московские учебники, 2002. С. 255.

³ Чернышевский Н.Г. Апология сумасшедшего // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1950. С. 611.

⁴ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 307-308.

скую. Быть учеником полезно, только так можно состояться. Школа и университеты не случайно существуют уже столетия.

Быть может, одно из важнейших его воздействий на русскую духовную элиту — это утверждение национального и культурного «самостоянья» (как говорил Пушкин) и поиск самих себя. В одной из важнейших своих статей он писал в четвертом номере «Вестника Европы» в 1802 г.: «Я не смею думать, чтобы у нас в России было немного патриотов; но мне кажется, что мы излишне *смирненны* в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. <...> Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью»⁵.

И далее чрезвычайно жестко он высказывает кредо, которое строило сознание просвещенного русского: «Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: «Я существую морально!» Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? Что там носят, в чем ездят и как убирают дѣбмы? Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!»⁶

Мы называем Карамзина вслед за Пушкиным последним русским летописцем и первым русским историком, мы помним, что Пушкин посвятил Карамзину своего «Бориса Годунова», не всегда, правда, отдавая себе отчет, что нужна была особая точка отсчета в описаниях российской дикости, чтобы она могла стать и точкой отсчета для написания первой русской исторической трагедии (по шекспировским канонам, но нужен был материал для этих канонов). Недаром Пушкин колебался, как назвать свою пьесу, и назвал ее «Комедией о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве». Там, конечно, и юродивый, и сцена в корчме у Литовской границы, где Пушкин позволяет себе откровенное хулиганство, когда Отрепьев, понимая, что в Литву ведет только один путь, о нем и спрашивает молодую хозяйку: «А далече ли до Луёвых гор?». Хулиганские «Луёвы горы» в конечном варианте Пушкин оставляет, но начинает понимать, что написалось нечто большее, чем раешная потешка. И посвятил в итоге ее Карамзину, без которого, этого размаха в понимании русской судьбы не было бы. «Драгоценной для россиян памяти НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА сей труд, гением его вдохновенный, с благодарностию посвящает Александр Пушкин». Если поначалу он читал «Историю» Карамзина «как свежую газету», да еще и «злободневную», по его же выражению, то потом он осознал, что Карамзин заложил основы русского миропонимания. Миропонимания, где Россия выглядела как часть Европы, причем важная часть. Еще до Тютчева, сказавшего, что навстречу Европе Карла Великого встала Европа Петра Великого, Карамзин, не употребляя подобной высокой формулы, показал Россию как часть Европейского материка, способную к самопознанию, а стало быть, и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность. Ведь, строго говоря, основы древнегреческой мыслительности заложил историк Геродот. Вообще, Карамзин дал Пушкину не только материал для размышления о России, он подарил ему великого мыслителя в друзья. Пушкин, как известно, легко сходил с людьми, но Чаадаев среди всех был неразменным золотым. У Карамзина Пушкин и познакомился с Чаадаевым. В Царском

⁵ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Московские учебники, 2002. С. 253-254.

⁶ Там же. С. 257.

Селе. «Когда они впервые встретились у Карамзина в Царском Селе, Чаадаеву было 22, Пушкину 17, он еще учился в Лицее»⁷.

Пустое пространство, дикую Скифию, Карамзин сумел оживить и двинуть в мир, причем не придумывая немислимых сюжетов, а рисуя и осмысливая то, что было. Было хорошее, писал о хорошем, были ужасы Ивана Грозного — ужаснее о злодействах Грозного ярче Карамзина не написал никто. Недаром Пушкин назвал его «Историю» не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека. Более того, у Пушкина было неожиданное сравнение, когда он написал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Россия как целый материк, но, в отличие от Америки, — с исторической жизнью. Но почему же никто ее из европейцев не замечал, словно некий железный занавес намертво закрыл Русь от Запада? А ведь занавес был. Это татаро-монгольское нашествие. Оценивая масштабы разрушения Руси монгольскими ордами, русские историки проводили аналогию с падением Римской империи в эпоху «Великого переселения народов». «Россия, — писал Н.М.Карамзин, — испытала тогда все бедствия, претерпленные Римской империей от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и разнятся между собою только в силе»⁸. Несмотря на уважение к памяти Карамзина, эффективность и внешнюю убедительность сравнения, ему необходимо возразить. Во-первых, варвары, ворвавшиеся в области Римской империи, слишком долго жили по окраинам римской Ойкумены, отчасти пропитались ее духом, во всяком случае, пришли в Рим как христиане, а христианство оказало в дальнейшем решающее влияние на их культуру. Татаро-монголы были и остались чужды христианству, обходясь с Церковью как с необходимым для их нужд орудием. Не Церковь подчиняла завоевателей, а завоеватели-варвары подчинили себе Церковь. Во-вторых, германские племена попали на почву высокоразвитой античной цивилизации, складывавшейся и укреплявшейся не одно столетие. Русь же сама только-только ступила на путь цивилизации. И если германцы в конечном счете подпали под влияние покоренного ими Рима, то на Руси произошло обратное: Русь оказалась под мощным воздействием Золотой Орды. Иными словами, неокрепшая, только становящаяся цивилизация была *сызнова варваризована*.

И трагедия Руси, и ее историческая заслуга перед Европой были значительны. Это был путь в несколько столетий. От первых новгородско-киевских князей, которые ходили походами на Византию, до спасения Западной Европы погибающей Русью от татаро-монгольского нашествия — иными словами, спасения христианского мира. Пушкин подхватил эту мысль Карамзина: «Нет сомнения, — писал поэт, — что Схизма отъединила нас от остальной Европы (стало быть, считает Пушкин, Россия была ее частью. — В.К.) и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами (то есть, для Карамзина и Пушкина, европейцами. — В.К.), сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех»⁹. Спасение Западной Европы отныне стало своего рода парадигмой бытия России, той самой России, которую Запад не хотел замечать.

Становление Карамзина началось с «Писем русского путешественника». Едва ли не впервые не западный путешественник поехал в «африканскую Россию», а русский, причем весьма образо-

⁷ Гершензон Михаил. Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. М. — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 131.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I-IV. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 419.

⁹ Переписка А.С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 289.

ванный дворянин, поехал в Европу — не учиться, как при Петре или Екатерине, а смотреть, наблюдать, делать выводы. То есть поехал как равный. Не по слухам, не по байкам, даже не по легендам, а самому все увидеть. Что за создание такое — Европа и так ли уж Россия существует вне этого пространства? Ведь европейские тексты Карамзин читает, понимает, переживает, даже начинает свое путешествие, ставя себя в контекст европейских путешественников. Более того, сообщает, что хотел писать роман из европейской жизни, но сжег его, ибо надо самому видеть, что пишешь: «Вечер приятен. В нескольких шагах от корчмы течет чистая река. Берег покрыт мягкой зеленою травой и осенен в иных местах густыми деревьями. Я отказался от ужина, вышел на берег и вспомнил один московский вечер, в который, гуляя с Пт. под Андроньевым монастырем, с отменным удовольствием смотрели мы на заходящее солнце. Думал ли я тогда, что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в Курляндской корчме? Еще другая мысль пришла мне в голову. Некогда начал было я писать роман и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось. Но в романе писал я, что вечер был самый ненастный, что дождь не оставил на мне сухой нитки и что в корчме надлежало мне сушиться перед камином; а на деле вечер выдался самый тихий и ясный. Сей первый ночлег был несчастлив для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обеспокоило меня в моем путешествии, сжег я его в печи, в благословенном своем жилище на Чистых Прудах. — Я лег на траве под деревом, вынул из кармана записную книжку, чернилицу и перо и написал то, что вы теперь читали»¹⁰. Как видим, с самого начала он сообщает читателю, что он, как автор, существует в европейском контексте, который он знает лучше, чем европейцы — российское пространство. Это ему быстро становится ясно: «Между тем вышли на берег два Немца, которые в особливой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить Русской народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? “Нет”, — отвечали они. “А когда так, государи мои, — сказал я, — то вы не можете судить о Русских; побывав только в пограничном городе”. Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня Русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. Разговор продолжался. Один из них сказал мне, что он имел счастье быть в Голландии и скопил там много полезных знаний. “Кто хочет узнать свет, — говорил он, — тому надобно ехать в Роттердам. Там то живут славно, и все гуляют на шляпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, в Роттердаме я сделался человеком!” — “Хорош гусь!” — думал я — и пожелал им доброго вечера»¹¹.

Это первое столкновение с европейским типом восприятия мира, увертюра к «Письмам», которая показывает, что Европа видит только себя. А Карамзин хочет увидеть Европу в реальности, причем не ставя себя не выше и не ниже собеседников. Позиция внятная — уважения и желания узнать то, чего не знаешь. Вообще-то уже в таком подходе звучит подлинно европейский подход, тот, который когда-то сделал Европу — Европой. Карамзин составил маршрут, желая посетить и пообщаться с крупнейшими умами Европы (как мы понимаем, иностранные языки были ему вполне доступны). Неожиданно в его путешествие вклинилась Французская революция, которая во многом сменила вектор его миропонимания. Как писал великий русский филолог Буславев: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела своею задачею внести к нам плоды западного Просвещения, то Карамзин блистательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основою разумной любви к Родине, и за-

¹⁰ Карамзин Н.А. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 11-12.

¹¹ Там же. С. 12.

падное Просвещение было ему дорого потому, что он чувствовал в себе силу водворить его в своем Отечестве»¹².

Пока же приведу его визит к величайшему мыслителю восемнадцатого века, мыслителю, к идеям которого вернулись неокантианцы в начале XX века, одному из самых сложных и европейских мыслителей, давшему код европейской культуры. Начну с визита. «Вчера же (июня 19, 1789 г.) после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного и тонкого Метафизика, который опровергает и Малекбранша, и Лейбница, и Юма, и Боннета-Канта, которого Иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, т.е. *все разрушающий Кант*. Я не имел к нему писем; но смелость города берет — и мне отворились двери и кабинет его. Меня встретил маленькой, худенькой старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: “Я Русской Дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту”. Он тотчас попросил меня сесть, говоря: “Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости”. С полчаса говорили мы о разных вещах. <...> Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха»¹³. Замечу, что мы видим разговор равных, никакого подобострастия перед западным гением. Дело не в количестве знаний, а в самоуважении. Не говорю уж о том, что с великим философом говорил великий историк. Он знал современный ему интеллектуальный Запад как мало кто. А тут все эти гении вживе. Он общается с Гердером, Виландом, смотрит живопись великих англичан и французов, переживает якобинскую революцию.

В своей работе «Что такое Просвещение?» Кант связывал совершеннолетие человека и его способность пользоваться собственным разумом с развитием свободы. Карамзин умел и смел пользоваться собственным разумом. Поэтому, пытаясь усвоить западноевропейские идеи, он никогда не был рабом великого имени. Приняв от Руссо принцип сентиментализма, введя его в русскую литературу, Карамзин написал знаменитую «Бедную Лизу», создавшую так называемый «лизин текст» в русской литературе. Но якобинцы увидели своего предшественника в великом Руссо, отвергшем науку и культуру, как позднее предшественником большевиков стал руссоист Лев Толстой с его великим отказом от всех завоеваний цивилизации, которая-де не нужна народу. Карамзин сумел разделить Руссо-художника и Руссо-мыслителя: «Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам?»¹⁴ Карамзин еще республиканец, он создает повесть «Марфа-Посадница» — о защитнице новгородской вольности, хотя добавляет, что Марфа была благородна, но историческая закономерность истории вела к монархии. Трагедия Франции убеждала его, что перевороты чаще всего оказываются катастрофой для страны.

Он создавал стихи, которым подражали его современники, он издавал журналы, в том числе (повторю это) переживший многие годы в разных обличьях «Вестник Европы», который должен был дать русскому образованному обществу ориентир духовной жизни. Он модернизировал русскую лексику, вводя европейские слова — от промышленности до калош. Но язык русский, в его почти нынешнем звучании, создал Пушкин, который говорил о себе, что он ударил по наковальне русского языка — и тот зазвучал. Карамзин обогатил язык словами-кальками, такими как «впечатление» и «влияние», «влюблённость», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввёл в оби-

¹² Буслаев Ф.И. Письма русского путешественника // Буслаев Ф.И. О литературе. Исследования, статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 450.

¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 20-21.

¹⁴ Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 41.

ход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Разумеется, он стал знаменем молодых русских европейцев, объединившихся в общество «Арзамас». Противостоял же карамзинистам адмирал Шишков, который вместе с Г. Державиным основал литературное общество «Беседа любителей русского слова» (1811) с уставом и своим журналом, к этому обществу примкнули П. Катенин, И. Крылов. Шишкову казалось, что реформа языка, осуществленная Карамзиным, антипатриотична и даже антирелигиозна. Шишков утверждал, что «новшества» Карамзина «исказили» благородную и величественную его простоту, и упрекал Карамзина в неумеренном употреблении варваризмов («эпоха», «гармония», «энтузиазм», «катастрофа»). Но, как пишет современный немецкий славист Дирк Уффельманн, «Карамзин открыл как субъективная свобода соответствует независимости; Шишков же подчинил единичное сознание коллективным правилам»¹⁵. Эта независимость позволила Карамзину оставаться во всем верным самому себе. Но Пушкин видел русский язык глубже и точнее этих спорщиков. Пушкин писал Вяземскому (1–8 декабря 1823 г. Из Одессы в Москву): «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения». Тем более, что французская утонченность, однако, не помешала состояться зверствам Французской революции.

Итак, просвещённый, европейски образованный молодой человек, поклонник европейской культуры, общавшийся с Кантом, Гердером, Виландом, любивший, но не принявший Руссо, размышлял о принципах миропонимания по-своему. На его глазах правление Екатерины II сменилось деспотическим режимом Павла I. Затем Александр I. Закат жизни историка падает на правление Николая I. Четыре императора... Взлёт и крушение Французской революции. Наполеоновские войны. Отечественная война с французским нашествием... Напомню тютчевские строки: «Его призывали всеблагие / Как собеседника на пир».

Из тех, «кто посетил сей мир в его минуты роковые», не каждый становится достойным собеседником богов. Карамзин стал. Прекраснодушный мечтатель, сентиментальный ревнитель Просвещения, он сумел увидеть суровую линию исторического развития. В 1794 году Карамзин написал:

И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном,
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно.
И люди будут — люди вечно...

Тоска и грусть его слов не требуют пояснений. Но именно эта жажда идеала обратила его к истории своего Отечества: чтобы понять, как жить, как можно воздействовать на жизнь, необходимо разобраться в принципах государственно-исторического устройства родной страны. Это была его личная потребность, но она совпала с общественной...

31 октября 1803 года Николай Михайлович Карамзин был назначен историографом с окладом тысячи рублей в год. Главный выразитель государственного самосознания император Александр I хотел знать историю государства, которым он управлял. К началу XIX века Россия вошла в тесный, небывалый ранее контакт с Европой как могучее и жизнеспособное государство, а не как стихийная азиатская орда. На взгляд европейцев, однако, Русское государство возникло почти что из ниоткуда. Необходим был взгляд, рассматривавший Россию не изолированно, а в новом историческом кон-

¹⁵ Uffelmann Dirk. Die russische Kulturosophie .Logik und Axiologie der Argumentation. Frankfurt am Main. Peter Lang Verlag, 1999. S. 139.

тексте, в контексте европейской истории, пусть поначалу этот контекст и будет чисто литературным, мысленным, не выявленным научно (сравнения с Римом и Грецией, воспоминания о Таците и Ливии, как предшественниках, на которых ориентируется русский историк). Необходимо было показать, что Россия — страна с историей, а не случайный пришелец, страна, достойная своих европейских соседей. Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что общение с Европой шло теперь не только на государственном, но и на общественном уровне. В России, по мнению В.Г. Белинского, с конца XVIII века возникает общество, и это общество тоже хочет понять, что же оно такое, ибо оно не уверено, что имеет достойное внимания историческое прошлое, особенно сравнивая рабскую жизнь в России с европейскими свободами. «Восклицание известного Фёдора Толстого, — замечает Эйдельман, — (после прочтения «Истории» Карамзина): «Оказывается, у меня есть Отечество!» — выражало ощущение сотен, даже тысяч образованных людей». Это была вторая линия, определявшая потребность в историческом исследовании. «Историк XIX века, — писал о Карамзине С. М. Соловьев, — уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего. Мы сказали «предчувствует» потому, что это важное определение несколько не развито в последующей речи, где, подобно историку XVIII века, историограф подробно развивает пользу истории как науки опыта для различных разрядов общественных деятелей. При сходстве воззрения на предмет вообще должна быть разница в подробностях по самому расстоянию, разделявшему время жизни обоих историков, по самому различию характера этого времени. Историк, бывший свидетелем великих политических бурь и потом восстановления порядка; историк, писавший при государе, который был главным виновником того восстановления, должен был обратить внимание преимущественно на то, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами обуздывалось их бурное стремление, учреждался порядок»¹⁶. Это был человек, способный объединить эти два интереса в один и одухотворить его своим личным интересом, интересом свободной и независимой личности, которая пытается не предписывать истории свои законы, а постигать их. Мудрость, понятая молодыми современниками историка (включая и юного Пушкина) далеко не сразу.

Настоящий христианин, переживший отказ французов от христианства, увидевший в этом движении путь в кровавую пропасть, Карамзин надеется найти противоядие в истории. Он пишет: «Что Библия для христиан, то История для народов»¹⁷. Именно преодоление мятежных страстей народных ожидал он от исторического сочинения. Он хотел поставить русскую историю в контекст европейской, это был первый пункт его задачи. «Карамзин как великий писатель был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны. Сначала он приступил к жизни, его окружавшей, с требованиями высшего идеала, идеала, выработанного жизнью остального человечества. Идеал этот, конечно, оказался несостоятелен перед действительностью, которая окружала великого писателя... И Карамзин <...> стал историком “государства Российского”; он, может быть, сознательно, может быть, нет <...> подложил требования западного человеческого идеала под данные нашей истории, он *первый* взглянул на эту странную историю под европейским углом зрения»¹⁸. Но он также хотел, чтобы, войдя в исторический контекст, Россия не забывала своих грехов и ужасов правления, помнила не только подвиги.

Это вот «золотое сечение», наложенное на историю, человеческая мера, применённая к историческим событиям и историческим деятелям, была мерой жизни самого Карамзина, мерой его отношения как к друзьям, противникам, так и к «сильным мира сего». Парадокс Карамзина в том, что, сохраняя

¹⁶ Соловьев С. М. Н.М.Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 49 (выделено мною. — В.К.)

¹⁷ Карамзин Н.М. Мысли об истории // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 159.

¹⁸ Григорьев А.А. Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 186/

в душе республиканские идеалы, он стал монархистом, ибо полагал, что самодержавие — не случайный эпизод для России, оно возникло исторически и есть некая гарантия от исторических потрясений, от выпадения России за пределы христианского развития.

В первых же строчках своей «Истории» он формулирует принципы своего подхода к мироустройству и не изменяет им далее.

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье. <...> Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает Отечество, где живем и чувствуем»¹⁹.

Заметим, что Европа уже не исключение для Карамзина — она среди прочих. Первый удар по своему европеизму Карамзин получил от якобинцев, от их кровавого террора, когда благородные идеи Просвещения превратились в свою противоположность. Потом пришло время Наполеона, который, по словам историка, облил кровью Европу, разрушил в прах множество европейских держав, и имя его приводило сердца в содрогание. Если кратко определить его эволюцию, перемену взглядов, то это не просто любовь к Родине, а уверенность, что Россия, будучи европейской, имеет свой код развития. Вспомним, что и славянофилы, и западники начинали свое вхождение в интеллектуальное пространство с усвоения западноевропейских теорий, более того — с *идеализации Запада*. Классическим образом это ощущение выражено в часто цитируемых словах А.С. Хомякова о «дальнем Западе, стране святых чудес». Все, что создано на Западе, — писал Карамзин, — имеет общечеловеческий характер — такова исходная посылка обоих течений. «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек»²⁰. Здесь очевидна почти слепая вера в Западную Европу. Тем сильнее наступило разочарование. Ужаснувшийся бесчеловечностью Французской революции, отказавшейся от многих базовых ценностей, прежде всего от защиты человеческой личности (одна казнь великого Лавуазье, почти пугачевская по своей жестокости), Карамзин начал искать возможность гуманизма *в просвещенном российском самодержавии*.

Здесь Карамзин подошел к важнейшей интеллектуально-гуманистической позиции, возможной для историка. «Молодые якобинцы», полемизировавшие с Карамзиным, мечтавшие о немедленном создании республики по новгородскому образцу, не желали учитывать исторического своеобразия развития и становления России, решительными мерами надеясь превратить её в подобие Европы... Если вспомнить о крепостном праве, аракчеевских военных поселениях, солдатчине, то нетерпение понятное, естественное. Но в известном смысле путь к неподражательному, истинному европеизму,

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Тома I-IV. Калуга: Золотая аллея. 1993. С. 6-7.

²⁰ Карамзин Н.М. Соч. В 2-х т. Т. I. Л.: Художественная литература, 1984. С. 346.

о котором, как мы знаем, мечтал и Карамзин, возможен только через самопознание и самосознание, через реальное знание о себе и отказ от идеологических иллюзий, как консервативных, так и либеральных, во всяком случае, если и не отказ, то осмысление их. «Карамзин, — пишет исследователь, — не устаёт повторять своё: что общество, государство складываются естественно, закономерно и всегда соответствуют духу народа, что преобразователям, нравится или не нравится, придётся с этим считаться. Он не сомневается, кстати, что и алжирский, и турецкий, и российский деспотизм, увы, органичны; эта форма не подойдёт французам, шведам, так же как шведское устройство не имеет русской или алжирской почвы»²¹. Так что же делать? Принять самодержавие как последнее слово русской истории? В этом обвиняли Карамзина будущие декабристы. Но у историка была другая задача. Введение исторического параметра превращало хаос прошлого в закономерно развивающийся космос.

«Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья»²², — писал Карамзин. Пушкин был поначалу этим расстроен и написал эпиграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастия,
Необходимость самовластия
И прелести кнута.

С самодержавцами у Пушкина были сложные отношения: Николай его погубил, но именно поэт стал певцом великого императора, написав «Полтаву», «Медного всадника», «Арапа Петра Великого». Самодержавцы бывают разные, но это не отменяет идею. Зрелый Пушкин понял, что Петр и в самом деле был создатель России, великий работник. Хочу процитировать слова Бердяева, заметившего, что «многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он сознавал эту органическую связь. Он был поэтом императорской, великодержавной России»²³. Связь двух строителей, как писал Г.П. Федотов, империя, Петром и Пушкины созданная. То, что Петр делал действием, Пушкин заколдовывал, закреплял в слове.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

Это была империя, создающая цивилизованное пространство, охватывавшее самые разные социальные слои и разные народы. Не случайны слова Федотова, что Пушкин был «певец Империи и свободы»²⁴. Цивилизирующееся пространство Империи как раз и давало возможность свободы. «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу *русских европейцев* (курсив мой. - В.К). Их отличает прежде всего свобода и широта духа — отличает не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее. <...> Русский европеец был дома везде»²⁵. Именно русские европейцы оказались в эпоху тоталитаризма защитниками европейской свободы. А в истоке их идей — из русских мыслителей — был Николай Михайлович Карамзин.

²¹ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 139.

²² Карамзин Н.Я. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. С. 105.

²³ Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917-1918 гг. СПб.: РХГИ, 1999. С. 237.

²⁴ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб: София, 1991. С. 141.

²⁵ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб: София, 1991. С. 178.

Каждая страна имеет свой палладиум, чтобы состояться как свободная европейская держава. Нельзя сказать, что Карамзин интеллектуально победил Пушкин, просто он дал ему ориентир. И Пушкин понял мелочность русских «младаякобинцев», и благородство замысла Карамзина.

Именно Петербург, город, построенный, самодержцем Петром, стал «камнем преткновения» (прошу прощения за случайный каламбур) в рассуждениях и спорах о возможной судьбе России. Еще до славянофилов, до Герцена, Бакунина, Достоевского и большевиков, ненавидевших этот *город*, по поводу судьбы Петербурга столкнулись два великих поэта — Мицкевич и Пушкин. Мицкевич отказывал Петербургу в праве называться европейским городом и твореньем человеческих рук, цивилизующих окружающую природу. В своем сочинении «Дзяды», созданном в 1832 г. (после поражения польского восстания) и полным ненависти к России — с желанием вывести ее за пределы европейской культуры, он написал:

У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Весь «Медный всадник» — ответ Мицкевичу и своя трактовка петербургской судьбы. Пушкин объясняется в любви к городу: «Люблю тебя, Петра творенье!» Город — «Петра творенье», как и вся новая русская культура, как и сам Пушкин. Но, быть может, Петр и есть сатана. Так по крайней мере говорили сторонники московских обычаев. Для Пушкина давно решено, что Петр — *выражение Божьих мыслей о России*.

*Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.*

Надо сказать, что Карамзин был много глубже, чем сторонник той или иной формы правления. И это тоже Пушкин понял и принял. Незадолго до своей кончины историк написал несколько, не скажу, гениальных, но весьма мудрых фраз. В основе человеческой жизни лежит Божье Провидение, и человек должен это чувствовать:

«Державы, подобно людям, имеют определенный век свой: так мыслит философия, так вещает история. Благоразумная система в жизни продолжает век человека, — благоразумная система государственная продолжает век государств; кто исчислит грядущие лета России? Слышу пророков близкого конечного бедствия, но, благодаря Всевышнему, сердце мое им не верит, — вижу опасность, но еще не вижу погибели!»²⁶

Тем не менее он понимал, что рано или поздно это произойдет. Есть ли выход?

В 1826 г. Николай Михайлович Карамзин написал «Мысли об истинной свободе». Эти мысли стоит прочитать внимательно, еще лучше провести по ним семинар, но хотя бы увидеть:

«Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгуры, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надобно быть сильными и богатыми в утешение слабым и бедным; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользе голода. Дайте нам чувство, а не теорию. — Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов; а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат

²⁶ Карамзин Н.Я. Записка о древней и новой России. С. 109.

или не действуют, пока обузданы законом или силою: вот неоспоримое доказательство в пользу Аристотратии: палица, а не книга! — И так сила выше всего? Да, всего, кроме Бога, дающего силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!»²⁷

Поразительно, что П.Я. Чаадаев, которого ругают как ненавистника России, беспощадного западника, прежде всего оценил в Карамзине интеллектуального, духовного творца великой страны — России: «Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое Отечество! Как простодушно любовался он его огромностию, и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чуждому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь? А как писатель, что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать»²⁸.

Свобода государства рождается только — и только! — через духовную свободу и независимость личности. Вряд ли кто задумывался, но все последние философические стихи Пушкина пронизаны по-карамзински понятой идеей христианской свободы. Путь к свободе идет через самопознание: «но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья».

И гениально-лаконично дал эту философскую формулу в своем реквиеме:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

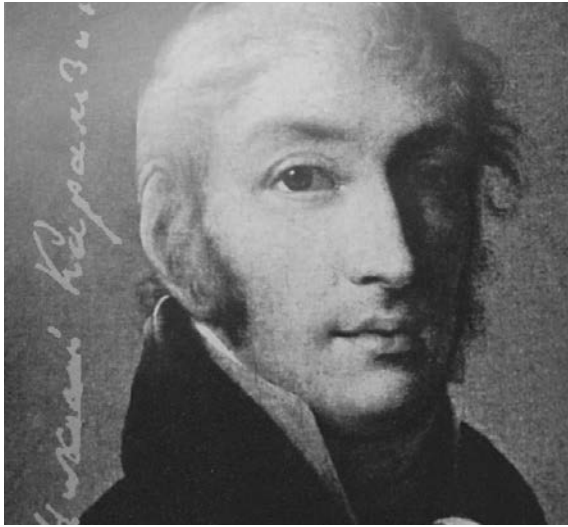
Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Был ли Карамзин *консерватором*, как уверяют сегодня многие? Но консерватор — хранитель неподвижности, а Карамзин вводил новые смыслы и перестраивал российское сознание. Он был человеком меры — в понимании Аристотеля. Как Аристотель, он выступал за «золотую середину», которая есть понятие, противоположное посредственности; это своего рода совершенство или вершина, напоминающая линию хребта между двумя безднами, или между пропастью и болотом, или, точнее, между Сциллой и Харибдой. Но это понятие меры в России плохо усваивалось как властью, так и оппозицией. Поэтому Карамзин так важен и сегодня.

²⁷ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 161.

²⁸ Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу. 1838 // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С.411-412.

Виктор ЯРОШЕНКО

БЕЗ СТРАХА И НАДЕЖДЫ

Из записей разных лет

Творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли
Н.М. Карамзин

Европейцы ездили-плавали в Россию издавна: дружинами, ватагами, торговыми флотами, многолюдными посольствами, группами и порознь; многие впоследствии писали о ней. Русские тоже посещали Европу, а со времен Петра эти «командировки» стали регулярным и обычным делом, необходимым для многих карьер.

Разделение мира на «Восток» и «Запад» произошло сравнительно поздно, в конце XVIII века.

Карамзин в своем «Путешествии...» все время называет себя посланцем Севера.

Ларри Вульф¹ показывает, как западноевропейские путешественники в своих книгах воспринимали и «изобретали» Восточную Европу, пишет об их пристрастно-пренебрежительном и, в общем-то, до сих пор не изменившимся отношении к европейскому Востоку. Российских авторов Вульф даже не цитирует, разве что на последней странице упоминается Лев Толстой. Карамзина и его европейское путешествие он не отмечает, хотя приводит многочисленные цитаты из путешествий европейцев тех же лет и буквально дней по тому же маршруту — но в обратном направлении: из Парижа и Лондона в Москву

и Петербург. Тем интереснее сопоставить впечатления юного Карамзина с восприятиями европейцев.

Граф Луи Филипп де Сегюр участник Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), зимой 1784/85 года проехал через Восточную Европу как посланник Людовика XVI ко двору Екатерины II.

Сегюр писал:

«Попав в Польшу, начинаешь верить, что окончательно покинул Европу<...> порабощенное население, грязные деревни, жилища, лишь немногим отличающиеся от жилищ дикарей, — все внушает мысль, что ты перенесся на десять столетий назад к полчищам гуннов, скифов, венедов, славян и сарматов».

...Он еще не доехал до Петербурга, но у него уже был наготове образ города: «Вид Петербурга вызывает двойное удивление: здесь слились век варварства и век цивилизации, X и XVIII столетия, азиатские и европейские манеры, грубый скиф и утонченный европеец, блестящая гордая знать и погруженный в рабство народ».

В Петербург Сегюр прибыл 10 марта 1785-го, за четыре года до путешествия Карамзина.

«...когда я прибыл в Петербург, в нем под кровом европейской цивилизации оставалось еще множество пережитков прежних времен». Граф повсюду ищет их — и все-таки находит, хотя и не без труда: «...за полстолетия все приучились подражать иностранцам, одеваться, строить жилища, обставлять их, есть, встречаться, приветствовать, давать балы и ужины, точно так же, как французы, англичане и немцы <...> Только в разговоре да в некоторых мелочах и виден тот знак, который показывает, где кончается современный русский и начинается древний москвит».

Нуда, Московия, седая старина...

В свите императрицы Екатерины II граф Сегюр посетил Москву в июне 1785 года.

«Это смешение хижин простолюдинов, богатых купеческих жилищ, великолепных дворцов гордого и многочисленного дворянства, этот беспокойный народ, представляющий одновременно самые противоположные манеры, различные века, народы дикие и цивилизованные, европейское общество и азиатские базары...»

Примерно так же писали и о Китае.

Даниэль Дефо (от имени Робинзона Крузо проехавшего через Сибирь от Китая до Архангельска) писал в 1719 году:

«Должен сознаться, что по возвращении домой мне было странно слышать, как у нас превозносят могущество, богатство, славу, пышность и торговлю китайцев, ибо, по моим собственным наблюдениям, китайцы показались мне презренной толпой или скопищем невежественных грязных рабов, подвластных достойному их правительству. Словом, если бы расстояние, отделяющее Китай от Московии, не было столь огромным и если бы московская империя не была почти столь же варварской, бессильной и плохо управляемой толпой рабов, то царь московский без большого труда выгнал бы китайцев с их земли и завоевал бы их в одну кампанию».

В 1773 году знаменитый на всю Европу философ Дени Дидро, шестидесятилетний издатель Энциклопедии, просветитель, писатель, драматург, отправился в Санкт-Петербург к своему

венценосному confidentу — русской императрице Екатерине II, дабы отблагодарить за щедрую цену, данную за его библиотеку, которую она великодушно согласилась получить лишь после его кончины. Дидро прибыл в Петербург осенью 1773 года и прожил здесь, во дворце Нарышкиных на Исаакиевской площади, пять месяцев — до февраля 1784 года, почти ежедневно встречаясь с императрицей. По этому поводу посол граф Сегюр записал: «Она восхищалась его умом, но отвергла его теории, заманчивые по своим идеям, но неприложимые к практике».

И Дидро укатил по зимнему тракту будучи очень разочарованным.

* * *

Понятие «Большое путешествие» утвердилось в Европе после того, как в 1738 году Томас Наджент издал описание маршрута, которого традиционно придерживались англичане, под названием «Большое путешествие», или вояж через Нидерланды, Германию, Италию, Францию. Он убеждал, что древний и благородный обычай путешествовать помогает «воспитать истинного джентльмена».

Уильям Кокс, англиканский священник, сын придворного врача, в 1775 году был приставлен к юному племяннику герцога Мальборо, которого на пять лет отправляли в «Большое путешествие» по Европе. Кокс включил в этот маршрут новшества, такие как посещение Польши, Швеции и России. В 1784 году, когда Сегюр проезжал через Польшу и Россию, Кокс опубликовал свои «Путешествия по Польше, России, Швеции и Дании». Сегюр наверняка их читал.

Кокс был поражен «огромностью и разнообразием Москвы»: «в первый раз моему вниманию предстал город столь необычный, столь исключительный и столь противоречивый<...> местами это огромное поселение похоже на заброшенный пустырь, местами — на многолюдный город; местами — на презренную деревню, местами — на величественную столицу». (*Л.В. С.* 74).

«Москву можно счесть городом, построенным по азиатскому образцу, но постепенно она становится все более европейской, демонстри-

руя беспорядочное смешение разнородных архитектурных стилей».

Были в его книге и места, которые сегодня, при желании, воспринимаются как пророчества: «Если двор вернется в Москву и ослабит связи с европейскими державами, прежде чем во нравах этого народа произойдут существенные изменения, то Россия быстро вернется к своему первоначальному варварству».

Маркиз де Кюстин написал «Россию в 1839 году», когда Карамзина, как и Пушкина, уже не было на свете.

Он восклицал: <...> «здесь слишком легко обмануться видимостью цивилизации». И до сих пор европейцы пишут о России именно так, опираясь на эти «заповеди» Кюстина: «Я не виню русских в том, что они таковы, каковы есть, я осуждаю в них притязания казаться такими же, как мы».

РУССКОЕ БОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Молодой Николай Карамзин дерзко называл себя «первым, кто с пером в руках...»

«Наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке. Автору сих писем первому явилась эта мысль».

Г.П. Макогоненко отметил, что это заявление неточное.

В 1777–1788 годах по Франции именно с «пером в руках» путешествовал Д.И. Фонвизин. Своими впечатлениями о поездке он делился в письмах, адресованных своей сестре и П.И. Панину. Позже Фонвизин собирался опубликовать эти письма под заглавием «Записки первого путешественника» в Собрании своих сочинений, о чем сообщал в объявлении, напечатанном в мае 1788-го в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Денис Иванович Фон Визен (как писали его имя в старину) был на двенадцать лет старше Карамзина, но прожил всего 48 лет.

Письма Фонвизина к П.И. Панину ходили в списках. Два из них были опубликованы

в «Санкт-Петербургском журнале» (1798). Возможно, что в 1797-м Карамзин действительно еще не знал о письмах Д.И. Фонвизина из Франции.

Фонвизинские письма скептически и отличаются от карамзинских, так же как сорокачетырехлетний человек отличается от молодого, двадцатидвухлетнего. Забавно сравнить, как совпадают оценки чужих стран у де Сегюра и Фонвизина.

Фонвизин

«Здесьние злоупотребления и грабежи, конечно, не меньше у нас случающихся.<...> Вся честность на словах, и чем складнее у кого фразы, тем больше остерегаться должно какого-нибудь обмана<...>

<...>Ежели кто из молодых моих сограждан, имеющий здравый рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нее отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к Отечеству нет вернее способа, как скорее отослать его во Францию. Здесь узнаёт он самым опытом очень скоро, что рассказы о здешнем совершенстве — суцая ложь, что люди везде люди, что прямо умный и достойный человек везде редок и что в нашем Отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом...

Дворянство французское по большей части в крайней бедности, и невежество его ни с чем несравнимо. Ни звание дворянина, ни орден св. Людовика не мешают во Франции ходить по миру. Исключая знатных и богатых, каждый французский дворянин, при всей своей глупой гордости, почтет для себя за великое счастье быть принятым гувернером к сыну нашего знатного господина...»².

* * *

Итак, 22-летний Карамзин отправился в Европу и скоро написал о своем путешествии прославившее его объемистое сочинение, названное «Письма русского путешественника» (далее — ПРП).

Ю.М. Лотман подсчитал, что путешествие обошлось Карамзину в 1800 рублей — немалые, конечно, деньги, тем более что в другом месте он упоминает, что Карамзин не сделал гвардейской карьеры и ушел в отставку в 19 лет, потому, что не было денег на взятку писарю и на обмундирование. Глинка утверждал, что Карамзин как-то сказал ему, что ездил в Европу на деньги масонов. Однако Лотман в это не верил.

Адам Мицкевич, человек очень осведомленный в русских делах, друживший с Пушкиным уже в конце 1820-х, в своих парижских лекциях о русской литературе писал: «Карамзин был, так сказать, созданием мартинизма. Семейство Тургеневых, познакомившись с молодым человеком, оказало ему поддержку, дав ему средства совершить поездку за границу... хотя Карамзин не вполне примкнул к религиозным идеям мартинистов, но им он обязан серьезным, честным и религиозным характером своих произведений». (*Вояжёр*. Это тоже был его псевдоним. Или позывной: курьер, связной, вестник).

С одной стороны, пишет Лотман, «вояж Карамзина был делом щегольским и легкомысленным». Карамзина прельщала мысль приобщиться к «тайному союзу мудрецов», число коих во все времена было невелико.

Его увлекали идеи «братства людей культуры», «республики философов».

Иван Петрович Тургенев, симбирский помещик, основатель симбирской ложи «Златого венца»³, совладелец Типографической компании (покровитель Карамзина, вытаскивший толкового юношу в Москву и пристроивший его к Новикову), признавался в письме Лафатеру, с которым состоял в переписке:

«Русские и вправду начинают чувствовать то высокое призвание, для которого создан человек».

«Отправляясь в путь, он уже знал Европу. Надо было выяснить, можно ли ей верить», — пишет Лотман. Европы, конечно, он не знал, а узнав немножко, как большинство русских до, и много после него, решил, что эти европейские знания не очень применимы к русской жизни.

В путь

«Для чего же и путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей? Человек в дорожном платье, с посохом в руке, с котомкою за плечами, не обязан говорить с осторожной разборчивостью какого-нибудь придворного, окруженного такими же придворными, или профессора в испанском парике, сидящего на больших, ученых креслах»⁴.

Карамзин писал под цензурою, и ему нужно было всячески затемнить следы своей неподобающей активности во Франции, охваченной революцией, в Швейцарии, Англии, как и некоторые из своих занятий, контактов и встреч.

И тем не менее будем основываться на авторской (литературной) версии графика и маршрута путешествия, потому что график и маршрут литературного путешествия — важнейшая часть сюжета, разворачивающегося на ландкарте; даже если он и не вполне соответствовал реальности, продуманный автором маршрут является реальностью более высокого порядка — художественной.

Итак, первая датировка:

18 мая 1789 года, Тверь.

В России К. давал даты по юлианскому, в Европе — по григорианскому календарю. Об этом разрыве не будем забывать. От Москвы до Твери 120 км. Это примерно день, а с отдыхом и с обедом два дня конного пути.

Получается, что отправился Карамзин из Москвы в свое историческое путешествие 16 мая 1789 года.

Вторая запись:

26 мая. Санкт-Петербург.

«...прожив здесь пять дней, друзья мои, через час поеду в Ригу».

Выходит, что 21 мая К. был уже в Петербурге, преодолев 650 км, за пять дней. Слишком быстро!

Еще одна непонятность: маршрут европейской поездки выбран им слишком уж экзотический — тогда так никто не ездил.

К тому же сухопутная поездка кругом, через Лифляндию, Эстляндию, Курляндию, Пруссию и Польшу, была утомительной, опасной и несравненно более дорогостоящей, чем проверенный путь морем (тоже, впрочем, не слишком безопасный). Корабли и позднее частенько пропадали

в море. Тонули. Сгорали (как корабль с женою Тютчева). Скорее всего, у К. были причины выбрать такой маршрут, о которых он не хотел сообщить читателю, но которые были понятны посвященным. Например: Иммануил Кант жил в Кёнигсберге. Если повезет с Кантом, откроются и другие двери.

31 мая. От Риги до Кёнигсберга извозчик нанялся довести за 13 червонцев.

Встреча с Кантом

Кёнигсберг, июня 19. 1789 г.

Карамзин подробно осветил свой визит к Канту. Вот он, знаменитый отрывок:

«...Вчера же после обеда (*отметим эту тонкость, на обед не нарывался*) был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого метафизика, который опровергает и Малбранша и Лейбница, и Юма и Бонета. Канта, которого иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, то есть всесокрушающий Кант. Я не имел к нему писем, но смелость города берет — и мне отворились двери в кабинет его».

Смелость-то смелость, но как, какими словами приготовился он к встрече?

«Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту».

Несколько натушно...

«Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости». С полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытиях новых земель».

Карамзин не подробен, но общий сюжет беседы легко представить. Кант вежливый человек. Не докучает расспросами. Но вполне ведь вежливо спросить у ворвавшегося в твой дом человека:

— Вы откуда и куда? С какими, так сказать, целями?

Карамзин отвечает подробно. Про Петербург, Москву.

— Вы Москвич, это так интересно. (Это Кант, должно быть, без энтузиазма.)

— Нет, я провел детство в глубине России, на Волге, если знаете. (Кант знает, он 46 раз прочел студентам курс физической географии.)

Беседа оживляется...

— Правда ли, что Волга так велика? — Кант, разумеется, читал Палласа и Миллера, объехавших и описавших Россию, но перед ним сидит юноша, выросший на Волге! Невероятно. Ведь за Волгой татары, Урал, а там Сибирь, Китай. Гигантское, непредставимое, неисправимое пространство. Непредставимое?

«Удивлялись: Кант настолько живо мог представить себе описанное, то есть не им увиденное, что это было для него реально живым, как бы увиденным им. У Канта была фантастическая способность присутствия. Ему не надо было реально испытывать, чтобы испытать. (М. Мамардашвили. Кантианские вариации).

Карамзин, наверное, чуть рисуется, юн. Рассказывает о происхождении своего рода. О волжских жителях, о татарах и казаках. О Стеньке Разине.

«Надобно было удивляться его историческим и географическим знаниям, которые, казалось, могли бы одни загроздить магазин человеческой памяти; но это у него, как немцы говорят, «дело постороннее». Потом я, *не без скачка* (выделено Карамзиным), обратил разговор на природу и нравственность человека; и вот что мог удержать в памяти из его рассуждений: «Деятельность есть наше определение. Человек не может быть никогда совершенно доволен обладаемым и стремится всегда к приобретениям. Смерть застает нас на пути к чему-нибудь, что мы еще иметь хотим. Дай человеку все, чего желает, он в ту же минуту почувствует, что это ВСЁ не есть ВСЁ. Не видя цели или конца стремления нашего в здешней жизни, полагаем мы будущую, где узлу надобно развязаться. Сия мысль тем приятнее для человека, что здесь нет никакой соразмерности между радостями и горестями, между наслаждением и страданием. Я утешаюсь тем, что мне уже шестьдесят лет и скоро придет конец жизни моей, ибо надеюсь вступить в другую, лучшую... Говорю о нравственном законе: назовем его *совестию*, чувством добра и зла — но они есть. Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно, — вероятность не есть очевидность, когда мы говорим о будущей жизни; но сообразив все, рассудок велит нам верить ей... Но, говоря о нашем опре-

делении, о жизни будущей и проч., предполагаемым уже бытие Всевечного творческого разума, все для чего-нибудь, и все благо творящего. Что? Как?.. Но здесь первый мудрец признается в своем невежестве. Здесь разум погашает светильник свой, и мы во тьме остаемся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несобытное».

“Почтенный муж! Прости, если в сих строках обезобразил я мысли твои!.. Вот вам, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня беседы, которая продолжалась около трех часов. Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно, и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов немного, все просто, кроме... его метафизики”.

Этот текст из «Писем русского путешественника» цитировался многократно. Он вполне хрестоматиен. Но трудно найти в русской мемуаристике документ большей важности — прямое свидетельство беседы ключевых людей западной и русской культуры. Немного было таких встреч. Пусть Карамзин еще молод, скорее, даже зелен, юн, дерзок до наглости, и не обучен манерам: ну как это — прийти без приглашения, без рекомендаций, запросто к Канту? Нарушить заведенный распорядок жизни, набиться на три часа — абсолютно неслыханно. Из текста Карамзина, многократно правленного и передуманного, видно невероятное напряжение, которым дался ему этот очень важный для него визит. Это фрагмент моего старого текста про Кёнигсберг из «Вестника Европы» (том 6 за 2002 год. — В.Я.)

Веймар

20 июля, Веймар

Особые планы возлагал К. на Веймар. Еще бы! В этом городе под крылом герцога Карла Августа жили великие и легендарные — Гете, Гердер, Виланд.

«На рассвете приехали мы в Буттельштет, где почтмейстер дал мне до Веймара маленькую колясочку. Я подарил почтальону фарфоровую трубку, купленную мною на берлинской фабрике, и он из благодарности привез меня в Веймар довольно скоро.

...Город очень не велик, и кроме герцогского дворца, не найдешь здесь ни одного громадного дома.

У городских ворот меня допрашивали; после чего я предложил караульному сержанту свои вопросы, а именно: здесь ли Виланд? здесь ли Гердер? здесь ли Гете?»

— Здесь, здесь, здесь, — отвечал он, и я велел почтальону вести себя в трактир «слона».

Наемный слуга немедленно был отправлен мною к Виланду спросить, дома ли он.

— Нет, он во дворце.

— Дома ли Гердер?

— Нет, он во дворце.

— Дома ли Гете?

— Нет, он во дворце.

— «Во дворце, во дворце!» — повторил я, передавая слугу, взял трость и пошел в сад...

Узнав, что Гердер наконец дома, пошел к нему...

Он встретил меня еще в сенях и обошелся со мною так ласково, что я знал в нем великого автора, а видел перед собою только любезного, приветливого человека».

Известно, что с августа 1788 по июнь 1789 года Гердер был в Италии. Когда вернулся, был завален неотложными делами, болел. Непрошенный визитер был ему совсем некстати.

Гёте однажды заметил: «Гердер умел быть пленительным и остроумным, но так же легко выказывал и неприятную сторону своего характера — насмешливую нетерпимость к чужому мнению и поведению». Карамзину повезло, он попал на пленительного Гердера.

И.Эккерман спросил как-то Гёте, что он считает самым лучшим произведением Гердера. Его «Идеи к философской истории человечества», — сказал Гёте, — безусловно самое лучшее.

Первая часть «Идей» была опубликована в 1784-м. Вторая вышла в 1785-м, третья — в 1787-м. В 1789-м в Риге все три тома были переизданы. Четвертая часть вышла только в октябре 1791 года (А.В. Гулыга). Пятую часть он так и не закончил.

Из толстого тома «Идей»:

«Пусть обрушатся на Европу дикие народы — с нашим военным искусством им не совладать,

и новый Аттила не сможет пройти от Черного и Каспийского моря до Кatalаунских полей.

Пусть восстанет сколько угодно попов, сластолюбцев, мечтателей, тиранов, им не вернуть ночь Средневековья<...> Возблагодарим творца, он рассудок сделал существом человека, а искусство – существом рассудка. Рассудок и искусство – вот тайна и средство укрепляющегося миропорядка»⁵.

Карамзин:

«Он расспрашивал меня о политическом состоянии России». Рискованные расспросы, тут можно и под подозрение попасть. Экспертные заключения 22-летнего москвитянина вряд ли могли глубоко заинтересовать почтенного профессора, тем более что русские студенты ему встречались и в Дрездене, и в Кенигсберге; удивляла разве что из ряда вон выходящая дерзость посетителя.

Карамзин:

«...Разговор обратился на литературу, и, слыша от меня, что я люблю немецких поэтов, спросил он, кого предпочитаю всем другим.

Вопрос привел меня в затруднение.

– Клопшток, – отвечал я, запинаясь, – считаю самым выпендренным из певцов германских.

– И справедливо, – сказал Гердер, – только его читают менее чем других, и я знаю многих, которые в «Мессиаде» на десятой песне остановились, с тем чтобы уже никогда не приниматься за эту славную поэму.

Он хвалил Виланда, а особенно Гёте, велел своему маленькому сыну принести новое издание его сочинений, читал мне с живостью некоторые из его прекрасных мелких стихотворений».

Но вот умозаключение, в котором наш главный путешественник выглядит совсем уже иначе:

«Гердер, Гёте и подобные им, присвоившие дух древних греков, умели и язык свой сблизить с греческим и сделать его самым богатым для поэзии, удобнейшим языком; и поэтому ни французы, ни англичане не имеют таких хороших переводов с греческого, какими обогатили ныне немцы свою литературу. Гомер у них Гомер; та же неискusstvenная, благородная простота в языке, которая была душою древних времен, когда ца-

ревны ходили по воду и цари знали счет своим баранам».

Через тридцать лет в своем отзыве о французском издании «Идей...» Гёте заметит, что произведение Гердера «почти полностью забыто» на его родине... На Гердера стали смотреть как на устаревшего мыслителя.

* * *

Как-то совсем уж вскользь пишет Карамзин о своей попытке повидаться с Гёте; это удивляет. А ведь ласковый прием у Иоганна Готфрида Гердера давал шанс и на прием у Иоганна Вольфганга фон Гёте.

Вполне возможно предположить, что у Гёте его ждал еще больший афронт, чем у Виланда, таковой, о котором он уже не мог написать никогда.

21 июля состоялся визит к Виланду.

Карамзин у Виланда. Виланду посвящены шесть страниц книги – более чем кому бы то ни было другому, кроме Лафатера. Оно и понятно – Христофор Мартин Виланд, поэт и автор знаменитой сатиры «Истории Абдеритов», «Агатона», издатель «Немецкого Меркурия», был тогда популярнейшим, моднейшим из писателей германских; его сравнивали со Свифтом и Вольтером.

Карамзин:

«Вчера два раза был я у Виланда, и два раза сказали мне, что его нет дома.

Ныне пришел к нему в восемь часов утра (!?) и увидел его.

Вообразите себе человека довольно высокого, тонкого, долголицего, рябоватого, белокурого, почти безволосого, у которого глаза были некогда серые, но от чтения стали красные, – таков Виланд».

А дальше – удивительные по откровенности и выпадающие из общего контекста книги страницы:

«– Желание видеть вас привело меня в Веймар, – сказал я.

– Это не стоило труда, – отвечал он с холодным видом и с такою ужимкою, которую я совсем не ожидал от Виланда.

Потом спросил он: как я, живучи в Москве, научился говорить по-немецки?

Отвечал я: мне был случай говорить с немцами, и потом такими, которые хорошо знают свой язык, упомянул я и о Л.

Тут разговор обратился на сего несчастного человека, который некогда был ему очень знаком. Между тем, мы все стояли, из чего и надлежало мне заключить, что он не намерен удерживать меня долго в своем кабинете.

— Конечно, я пришел не во время? — спросил я.

— Нет, отвечал он, — впрочем, поутру мы обыкновенно чем-нибудь занимаемся.

— Итак, позвольте мне прийти в другое время; назначьте только час. Еще повторяю вам, что я приехал в Веймар единственно для того, чтобы вас видеть.

Виланд. Чего вы от меня хотите?

Я: Ваши сочинения заставили меня любить вас и возбудили во мне желание узнать автора лично. Я ничего не хочу от вас, кроме того, чтобы вы позволили мне видеть себя.

В: Вы приводите меня в замешательство. Сказать ли вам искренно?

Я: Скажите.

В: Я не люблю новых знакомств, а особливо с такими людьми, которые мне ни почему не известны. Я вас не знаю.

Я: Правда, но чего вам опасаться?

В: Ныне в Германии вошло в моду путешествовать и описывать путешествия. Многие переезжают и города в город и стараются говорить с известными людьми только для того, чтобы после все слышанное от них напечатать. Что сказано было между четырех глаз, то выдается в публику. Я на себя не надежен; иногда могу быть слишком откровенен.

Я: Вспомните, что я не немец, и не могу писать для немецкой публики.

(А *propos*: Карамзин издал “Письма” по-немецки еще раньше, чем по-русски.)

К тому же вы могли обязать меня словом честного человека.

В: Но какая польза нам знакомиться? Положим, что мы сойдемся образом мыслей и чувств; да, наконец, не надобно ли будет расстаться?

Я: Для того чтобы иметь удовольствие вас видеть, могу остаться в Веймаре дней десять и расставшись с вами, радовался бы тому, что уз-

нал Виланда, — узнал, как отца среди семейства и как друга среди друзей.

В: Вы очень искренны. Теперь мне должно вас остерегаться, чтобы вы с этой стороны не заметили бы во мне чего-нибудь дурного.

Я: Вы шутите.

В: Нимало. Сверх того, мне бы совестно было, если бы вы точно для меня остались здесь жить. Может быть, в другом немецком городе, может быть, в Готе было бы вам веселее.

Я: Вы поэт, а я люблю поэзию; как бы приятно для меня было, если бы вы позволили мне хотя час провести с вами в беседе о пленительных красотах ее?

В: Я не знаю, как говорить с вами. Может быть, вы учитель мой в поэзии.

Я: Много чести! Итак, мне остается проститься с вами в первый и последний раз.

В. (посмотрев на меня с улыбкою): Я не физиономист, однако ж вид ваш заставляет меня иметь к вам некоторую доверенность. Мне нравится ваша искренность; и я вижу еще первого русского, такого как вы. Я видел вашего Ш. Острога человека, напитанного духом этого старика (указывает на бюст Вольтеров). Обыкновенно ваши единосемцы стараются подражать французам, а вы...

Я: Благодарю.

В: Итак, если вам угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мне ныне после обеда, в половине третьего.

Я: Вы хотите быть только снисходительны! Хочу иметь удовольствие быть с вами, — говорю я, — и прошу вас не думать, чтобы вы одни на свете были искренны.

<...> Мы сели на канапе. Он желал знать, пишу ли я. И не переведено ли что-нибудь из моих безделок на немецкий. Я сыскал в своей записной книжке перевод «Печальной весны».

— Жалею, если вы часто бываете в таком расположении, какое здесь описано, — сказал он.

Тут Виланд и задал важнейший вопрос:

— Теперь скажите, что у вас в виду?

К. не сказал ни слова правды:

«Тихая жизнь, — отвечал я. — Окончив свое путешествие, которое предпринял *единственно для того*, чтобы собрать некоторые приятные впечатления и обогатить свое воображение новыми

идеями; буду жить в мире с натурою и с добрыми, любить изящное и наслаждаться им».

А как же: *первый в Европе с пером в руке?*

— Кто любит муз и любим ими, — сказал Виланд, — тот и в самом уединении не будет празден и всегда найдет для себя приятное дело. Он носит в себе источник удовольствия, творческую силу свою, которая делает его счастливым.

«Вот вам подробное описание нашего разговора, *который сперва зацепил заживо мое самолюбие*».

Кто здесь Карамзин автор? Или К. — литературный персонаж, чувствительный, наблюдательный, болезненно самолюбивый, мнительный, тщеславный искатель знаменитостей, простака, который, давши слово хранить между двумя сказанное, тут же все и разбалтывает в печати?

Карамзин сильно рисковал, набиваясь к Виланду. Этот насмешник, автор язвительнейшей «Истории Абдеритов» (а попросту — «страны дураков»), мог за себя постоять.

«Ведь истинным мудрецом в Абдере мог стать лишь тот, кто менее всего был абдеритом: нетрудно понять, почему абдериты были самого низкого мнения о том из своих сограждан, кто более всего делал им чести. И это была не обычная их глупость. Она имела свою причину, настолько понятную, что было бы несправедливо их упрекать... И не в том, что из зависти или ревности они не могли стерпеть, чтобы кто-нибудь превосходил их умом. Клянусь истинным изречением на вратах Дельфийского храма — ни у одного абдерита не нашлось бы столько ума, чтобы подумывать об этом, иначе бы он сразу же перестал быть абдеритом» (*перевод Г.С. Слободкина*).

Виланд пылкого русского юношу обижать не стал.

«Окончание успокоило меня несколько; однако ж я все же еще в волнении пришел от Виланда к Гердеру и решил на другой день ехать из Веймара».

* * *

«...Гердер принял меня с такой же кроткой лаской, как вчера, — с такой же приветливой улыбкой и с таким же видом искренности. Мы говорили об Италии, *откуда он недавно возвратился* и где

остатки древнего искусства были достойным предметом его любопытства.

Путник (К., или герой его), человек легкости мыслей необыкновенной:

“вдруг пришло мне на мысль: что, если бы я из Швейцарии пробрался в Италию и взглянул на Медицисскую Венеру, Бельведерского Аполлона, Фарнезского Геркулеса, Олимпийского Юпитера, — взглянул бы на величественные развалины древнего Рима и вздохнул бы от тленности всего подлунного?”

В желании этом не было ничего фантастического: маршрут в Италию давно и хорошо наезжен английскими и немецкими туристами. Винкельман, Гердер и Гёте уже написали об Италии.

Например, Гете:

“Только в Риме ощущаешь по-настоящему, что ты человек. Такого подъема, скажу я, такого накала, никогда уже не испытывал, по сравнению с тем, что я переживал в Риме. Я никогда уже не знал подлинной радости”.

Карамзин туда не едет, у него другой маршрут и другой, возможно, мандат. О Гете только и сказано:

“Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, где живет Гёте, видел я его, смотрящего в окно, — остановился и рассматривал его с минуту: важное греческое лицо! Ныне заходил к нему; но мне сказали, что он рано уехал в Йену”.

Трудно представить, зная обстоятельство уже отработанной тактики осады (позади Кенигсберг и Кант, Берлин, Лейпциг, Веймар), что от Гёте К. так легко бы отступился. Возможно, что Виланд, уступив напору московитянина, рассказал о том Гёте; Гёте не пожелал с ним встречаться... Жаль. Во всяком случае, важная для нас встреча — германской и русской литератур — не состоялась.

А может, состоялась, но были причины, по которой она не описана?

* * *

29 июля. Франкфурт

«Был у Виллемера, богатого здешнего банкира.

Мы говорили с ним о новых парижских происшествиях. Что за дела там делаются!»

К богатым банкирам просто так не попадают и просто так не ходят.

Вообще у праздного вояжера очень много встреч с деловыми людьми.

30 июля. Франкфурт

Особого описания удостоились “Франкфуртские жида”.

«Общее бедствие соединяет людей теснейшим союзом. Таким образом, и жида, гонимые роком и угнетенные своими сочеловеками, находятся друг с другом в теснейшей связи, нежели мы, торжествующие христиане. Я хочу сказать, что в них видно более *духа общности*, нежели в другом народе».

1 августа. Дармштадт

2 августа. Майнц

3 августа через Оппенгейм и Вормс в Мангейм

4 августа. Мангейм.

Куда он несется в наемных экипажах по пыльным тряским дорогам?

5, 6 августа. Страсбург На стенах собора Карамзин нашел и русские надписи: “Мы здесь были и устали до смерти”.

Без даты, Базель

«Из Страсбурга выехали мы в шесть часов поутру, а в восемь вечера были уже за три версты до Базеля, то есть проехали в день 29 французских миль, или 87 верст.

Французская почта гораздо скорее немецкой... на шести, девяти и двенадцати верстах переменяют лошадей и на каждой станции надобно платить прогоны вперед; нашими деньгами копеек по двадцати за милю».

Тридцать миль по двадцать копеек — 6 рублей. Недешево. Если вспомнить, что весь бюджет путешествия составлял 1800 рублей, то получается, что у него на месяц приходится 100 рублей, на день получается рубля три. С дорожными расходами. Негусто.

2 октября. Женева

«Вы, конечно, удивитесь, когда скажу вам, что в Женеве намерен я прожить почти всю зиму. По рекомендательным письмам отворен мне вход в первые дома».

«За десять рублей в месяц я нанял себе большую, светлую, изрядно прибранную комнату; завел свой чай и кофе; а обедаю в пансионе, платя

за то четыре рубля в неделю». (10 + 16 = 24 рубля. Тут можно передохнуть и подтянуть расходы. Такое чувство, что он старательно отчитывается за финансы, имея в виду и другой какой-то счет.)

1 декабря. Женева

«Ныне минуло мне двадцать три года!»

Потом запись почти через два месяца. Где он был, что делал — следы надо искать в швейцарских архивах...

В Женеве он получил паспорт:

«Мы, синдики и совет города и республики Женевы, сим свидетельствуем, до кого сие имеет касательство, что поелику господин К., двадцати четырех лет от роду, русский дворянин, намерен путешествовать во Франции, чтобы в его путешествии ему не было учинено никакого неудовольствия, ни досаждения, мы всепокорнейше просим всех, до кого сие касается, и тех, к кому он станет обращаться, давать ему свободный и охранный проезд по местам, находящимся в их подчинении, не чиня ему и не дозволяя причинять ему никаких тревог, ни помех, но оказывать ему всяческую помощь и споспешествование, каковы бы они желали получить от нас в отношении тех, за кого бы со своей стороны они перед нами поручительствовали. Мы обещаем делать то же самое всякий раз, как нас будут об этом просить. В каковой надежде выдано нами настоящее за нашей печатью и за подписью нашего секретаря сего 1 марта 1790 г. От имени вышеназванных господ синдики и совета Пюэрари».

В видах русской цензуры Карамзин добавляет: «Но не думайте, что великолепные синдики из отменной благосклонности дали мне эту грамоту: всякий может получить такой паспорт».

И теперь-то не всякий. И тогда.

4 марта 1790 года наш путешественник в двухместной английской карете, которую он нанял до самого Лиона за четыре лудора с талером, выехал из Женевы.

ПЕРВЫЕ “ПИСЬМА”

О своих «европейских» Письмах Карамзин уведомил европейского читателя, напечатав по-французски в октябре 1787 года

в гамбургском журнале «Spectateur du nord» статью «Несколько слов о русской литературе». Статья по сути своей мистификаторская: бо́льшая часть ее — конспект еще не напечатанных «Писем русского путешественника в пяти частях» — дается как пример прозаического сочинения, стяжавшего в России *некоторый* успех.

Издатель «Зрителя» здесь же опубликовал примечание, которое, скорее всего, написано самим автором — К.:

«...даем это сочинение, равно как и письмо, в том виде, в каком получили его; читатели смогут судить, до какой степени литература в России владеет нашим языком. Мы глубоко сожалеем о невозможности назвать выдающегося писателя, от которого письмо это получено; но мы должны уважать запрет, предписанный нам его скромностью».

Очень интересно, как Карамзин подает свое пространное сочинение европейской публике на нескольких страницах журнала, как и что он акцентирует:

«Своему успеху у русского читателя это сочинение отчасти обязано *новизне предмета*. Наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, но до сих пор *никто из них* не делал этого *с пером в руке*. Автору писем *первому* явилась эта мысль, и ему удалось привлечь интерес публики (выделено мною. — В.Я.)».

Далее следует Автопортрет:

«Это молодой человек, стремящийся увидеть природу там, где она предстает более сияющей, чем у нас, и он особо алчет увидеть великих писателей, чьи сочинения пробудили в нем первые движения души.

Он вырывается из объятий друзей и отправляется в путь один на один со своим чувствительным сердцем. Всё интересует его: достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе жизни их обитателей, монументы, воскрешающие в его памяти различные знаменательные события; следы великих людей, которых уже нет на свете; приятные ландшафты, вид плодородных полей и безбрежного моря.

То он посещает развалины заброшенного старинного замка, чтобы без помех предаваться

там мечтам и блуждать мыслью во тьме прошедших веков; то он является в дом к знаменитым писателям — причем единственной рекомендацией служит ему его восторг перед их сочинениями; и почти всегда он бывает хорошо принят. Впрочем, ему случается переносить и некоторые унижения».

(Здесь интересный момент: Карамзин перед иностранным читателем откровенно обнажает главный прием своего проекта: игру в восторженного неопита, эдакого простодушного русского, не чуждого, впрочем, долго незаживающих обид.)

«Кант, Николай, Рамлер, Мориц, Гердер принимают его сердечно и приветливо, он очарован их приемом и в таких случаях чувствует себя перенесённым в древние времена, когда философы отправлялись в самые легендарные страны, дабы *повидаться с себе подобными*, и повсюду находили гостеприимных хозяев и искренних друзей».

(Юноша не без дерзости избрал *себе подобных* и жаждет их признания — пусть даже обычной вежливости к путешествующему, но тем самым он все равно уже в круге *себе подобных*!) Все это сходило вполне удачно, пока не встретился Виланд. В «Письмах» Карамзин уделил этой встрече немало страниц, видимо, будучи до глубины сердца уязвлен приемом.

Даже здесь, в «Зрителе», в кратком «дайджесте» для иностранного читателя, обида прорывается вновь: «Но когда автор бессмертного “Агатона” (т.е. Виланд), будучи в дурном расположении духа, говорит ему: “Сударь, я вас не знаю”, — он поражен, потрясен, он уже хочет уходить и хочет отказаться от своего увлечения такого рода визитами; но добрый Виланд смягчается, меняет тон, удерживает его и доверительно с ним беседует; проведя три часа в кабинете сего великого поэта, юный путешественник прощается с ним, полный признательности, и со слезами умиления».

В «Письмах русского путешественника» этой незадавшейся встрече Карамзин посвятил гораздо больше места, хотя обида в книге сквозит не так явственно.

Франция

Фонтенбло, 9 часов утра

«Третьего дни ночью выехали мы из Шалона, в легкой коляске, вместе с одним парижским купцом, который, взяв с нас двоих триста ливров, сказал, чтобы мы спрятали до Парижа свои кошельки: он платит прогоны, за обед, за ужин, за чай и кофе. Может быть, останется у него несколько талеров или экю, но зато мы совершенно покойны.

...За 30 часов переехали мы 65 французских миль; везде видели приятные места и на каждой станции — были окружены нищими! Товарищ наш француз говорил, что они бедны от праздности и лени своей и потому недостойны сожаления, но я не мог спокойно ни обедать, ни ужинать, видя под окном сии бледные лица, сии раздранные рубища!»

27 марта 1790 года К. прибыл в Париж.

Париж, 2 апреля 1790

«Я в Париже!» Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... «Я в Париже!» — говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские, вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством: на дома, на кареты, на людей. Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию своих явлений.

Пять дней прошли для меня как пять часов: в шуме, во многолюдстве, в спектаклях, в волшебном замке Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлениями, но я не могу самому себе дать в них отчета и не в состоянии сказать вам ничего связного о Париже.

Пусть любопытство мое насыщается, а после будет время рассуждать, описывать, хвалить, критиковать».

Обед у г-на и г-жи Гло, к которому у К. было письмо из Женевы.

«Г-жа Гло есть ученая дама, лет в тридцать, говорит по-английски, итальянски и... *любит обходиться с авторами*». Подле меня сидел за столом англичанин, человек умный и важный, который,

узнав, что я русский, расспрашивал меня о нашем климате, образе жизни и проч. Известный путешественник Кокс ему приятель; он вместе с ним был в Швейцарии и Германии».

«...Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск этого некогда пышного города. Златая роскошь, которая прежде царствовала в нем, как в своей любезной столице, — ...поднялась на воздух и скрылась за облаками... Ужасы революции выгнали из Парижа богатейших жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие земли, а те, которые здесь остались, живут по большей части в тесном круге своих друзей и родственников.

...«Вы опоздали приехать в Париж» (говаривал аббат Н.).

Счастливые времена исчезли, приятные ужины кончились, хорошее общество рассеялось по всем концам земли. ...Порядочный человек не знает теперь, куда деваться, что делать и как провести вечер».

«<...>Вчера в придворной церкви видел я короля и королеву, — писал Карамзин, когда головы венценосцев уж скатились в корзину при гильотине.

«Спокойствие, кротость и добродушие изображаются на лице первого, и я уверен, что никакое злое намерение не рождалось в душе его.

Он может быть злополучен, может погибнуть в шумящей буре — но правосудная история впишет Людовика XVI в число благодетельных царей, и друг человечества прольет в память его слезу сердечную» (*значит, не вчера, а давно виделось, а писано уж потом!*).

* * *

Париж, апрель 1790 г.

«Говорить ли о французской революции? Вы читаете газеты, следственно, происшествия вам известны...»

Нет, отнюдь не наивный простак ездит по Европе:

«Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует; все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре!»

(Так было спустя полтора века и в Москве – в декабре 1905-го, затем в Санкт-Петербурге в марте и в октябре 1917-го, а потом в Москве в августе 1991-го, и в октябре 1993-го.)

«Те, которым потерять нечего, дерзки, как хищные волки; те, которые всего могут лишиться, робки, как зайцы; одни хотят все отнять, другие хотят спасти [хоть] что-нибудь. Оборонительная война с наглым неприятелем редко бывает счастлива. История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона.

...С 14 июля все твердят во Франции об аристократах и демократах, хвалят и бранят друга друга этими именами, по большей части не зная их смысла... Один маркиз, который некогда был осыпан королевскими милостями, играет теперь не последнюю роль меж неприятелями двора. Некоторые из прежних его друзей выразили ему свое негодование. Он пожал плечами и с холодным видом отвечал им: “Что делать? Я люблю мя-те-жи!”»

(Маркиз заика. Наверняка это Лафайет. – В.Я. Наш путешественник явно знает гораздо больше, нежели пишет.)

«...Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан, и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. “Утопия” всегда будет мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания добрых нравов. Всякие же насильственные потрясения гибельны». И К. кончает главу, цитируя (переводя) Рабле:

«Потоп, потоп говорю: ибо земля освободится от сего бедствия не иначе, как *упившись кровью*».

К. писал о своей жизни в революционном Париже:

«Если же кто вздумает коротко знакомиться с певицами или актрисами, или в тех домах, где играют в карты, тому надобно английское богатство. И домом жить дорого, то есть дороже, нежели у нас в Москве.

Но вот как можно весело проводить время и тратить не много денег:

Иметь хорошую комнату в лучшем отеле, поутру читать разные журналы, газеты, где всегда найдешь что-нибудь занимательное, жалкое, смешное и меж тем пить кофе, какого не умеют варить ни в Германии, ни в Швейцарии; потом кликнуть парикмахера, говоруна, вряля, который наскажет вам множество забавного вздора... о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафайете, намажет вашу голову прованскими духами и напудрит самой белой, легкой пудрой, а там, надев чистый, простой фрак, [можете] бродить по городу, зайти в “Пале-Рояль”, в Тюильри, на Елисейские поля, к известному писателю, к художнику, в лавки, где продаются эстампы и картины, – к Дидоту, любоваться его прекрасными изданиями классических авторов, обедать у *ресторатора*, где подадут вам за рубль пять или шесть хорошо приготовленных блюд с десертом; посмотреть на часы и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрев какую-нибудь церковь, или галерею картинную, или библиотеку, или кабинет редкостей, *явиться с первым движением смычка в опере*, в комедии, в трагедии, пленяться гармонией, балетом, смеяться, плакать... с томною душою отдыхать в Пале-Рояле, в “cafe de valois” “de caveau” за чашкой *баваруаза*, взглядывать на великолепное освещение лавок, аркад, аллей в саду, вслушиваться иногда в то, что говорят тамошние глубокие политики, наконец, возвратиться в тихую свою комнату, собраться с идеями, написать несколько строк в своем журнале... Так я провожу время – и доволен».

* * *

«Нынешний день – угадайте, что я осматривал? Парижские улицы; разумеется, где что-нибудь случилось, было или есть примечания достойное. Забыв взять с собою план Парижа, который бы всего лучше мог быть моим путеводителем, я страшным образом кружил по городу и в скверных фиакрах целый день проездил».

Париж, май 1790

«Нынешний день молодой скиф К-н в академии надписей и словесности имел счастье узнать Бартеlemi-Платона.

Меня обещали с ним познакомить, но как скоро я увидел его, то, следуя первому движению, пошел и сказал:

— Я русский, читал “Анахарсиса”, умею восхищаться творениями великих, бессмертных талантов. Итак, хотя в нескладных словах, примите жертву моего глубокого почтения!»

К. уже поднаторел, оттачивая в разных местах свою коронную фразу, со времен Канта он сильно пообтесался.

О РУССКОЙ ИСТОРИИ

«... Тут же узнал я Левека, автора “Российской истории”, которая, хотя имеет много недостатков, однако ж лучше всех других».

И тут же Карамзин дает задание для самого себя, на исполнение которого потребовалось двадцать лет трудов и, конечно, благоприятные обстоятельства, сделавшие его *историографом*.

«Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей российской истории, то есть написанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит, Юм, Робертсон, Гиббон — вот образцы!

Говорят, что наша история сама по себе менее других занимательна; не думаю; нужен только ум, вкус, талант.

Можно *выбрать, одушевить, раскрасить* (выделено мною. — В.Я.), и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания и не только русских, но и чужестранцев.

...Что неважно — то сократить, как сделал Юм в “Английской истории”, но все черты, которые означают свойство народа русского, происхождения действительно любопытные — описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий — князь Владимир; свой Людовик XI — царь Иоанн, свой Кромвель — Борис Годунов, и еще такой государь, которому нигде не было подобных, — Петр Великий.

<...>

Немцы, французы, англичане были впереди русских, по крайней мере, шестью веками; Петр двинул нас своей мощной рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие *иеремиады* об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиономии — не что иное, как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, нежественность и праздность, скука была их доля в самом высшем состоянии — для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям.<...>

Все народное — ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы избрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!»

Эрменонвиль

«Верст 30 от Парижа до Эрменонвиля: там Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкого воображения, злобы людей и своей подозрительности, заключил бурный день жизни тихим, ясным вечером... Человек редкий, автор единственный, пылкий в страстях и в слоге, убедительный в своих заблуждениях, любезный в своих слабостях!.. Несчастный по своему характеру между людьми и завидно-счастливый по своей душевной нежности в объятиях природы, в присутствии невидимого божества, в чувстве его благости и красот творения!..

Среди журчащих вод, под сению священной,
Ты видишь гроб Руссо, наставника людей,
Но памятник его нетленный
Есть чувство нежных душ и счастье детей».

Вернемся в Париж.

Июнь 1790 г.

«Парижское народное собрание... в первый раз пришел я туда после обеда...был остановлен часовым, которого никакие просьбы смягчить не могли... Но вдруг явился человек в темном кафтане, собой очень некрасивый, и, взяв меня за руку и сказав “пойдемте сударь, пойдемте”,

ввел в залу... заседание еще не открывалось. Вокруг меня было множество людей, по большей части неопрятно одетых, с растрепанными волосами, в сюртуках. Наконец, *тот самый человек, который ввел меня*, подошел к президентскому столу, взял колокольчик, зазвонил — и все, закричав: “По местам! По местам!” — разбежались и сели.

Один я остался посреди зала и сел на ближайшей лавке. Подошел церемонимейстер в черном кафтане и сказал: “Вы не можете быть здесь”. Я встал и перешел на другое место”. (Очень достоверно. Но ясно, что К. кто-то привел сюда и представил. — В.Я.)

«Между тем один из членов, г. Андре, читал на кафедре предложение военной комиссии. Его слушали с вниманием, я также, но недолго, потому что проклятый черный кафтан опять подлетел ко мне и сказал:

- Вы, конечно, не знаете, что в этой зале могут быть [только] одни члены.
- Куда же мне деваться?
- Подите в ложи.
- А если там нет места?
- Подите домой или куда вам угодно.

Я ушел, но в другой раз высидел в ложе пять или шесть часов... Я видел одно из самых бурных заседаний».

Карамзин, наверное, видел много разных заседаний, будучи уже введен в круг политический, но он не случайно описывает именно это:

«Депутаты духовенства предлагали, чтобы католическую религию признать единственной или главной во Франции.

Мирабо оспаривал, он говорил с жаром и сказал:

— Я вижу отсюда то окно, из которого сын Екатерины Медичи стрелял в протестантов!

Аббат Мори вскочил с места и закричал:

— Вздор! Ты отсюда не видишь его!

Члены и зрители захохотали во все горло... (Это явно откуда-то из печати. — В.Я.)

Вообще в заседаниях нет никакой торжественности, никакого величия; но многие риторы говорят красноречиво. Мирабо и Мори вечно единоборствуют, как Ахиллес и Гектор».

* * *

«Француз непостоянен — и незлопамятен... По ветрености оставляет он доброе, избирает вредное; зато сам первый смеется над своей ошибкой... Как англичанин радуется открытию нового острова, так француз радуется острому слову.

Ни якобинцы, ни аристократы твои не сделали мне никакого зла; я слышал споры — и не спорил; ходил в великолепные храмы твои наслаждаться глазами и слухом... Выехал из тебя не с пустой душой: в ней *остались идеи и воспоминания!*» (Из письма Александру, члену совета при императрице, или сестре, княгине Екатерине Дашковой).

Англия

«Мы уже три часа на море; ветер пресильный; многие пассажиры больны. Берег французский скрылся от глаз наших — английский показывается в отдалении.

Вместе с нами сели на пакетбот молодой лорд и две англичанки, жена и сестра его; они возвращаются из Италии. Лорд важен, но учтив. Леди и мисс любезны. С каким нетерпением приближаются они к отечеству, к родственникам и друзьям своим, после шестилетней разлуки! С какою радостью говорят о тех удовольствиях, которые ожидают их в Лондоне!»

В Англии поиздержавшийся в странствиях Карамзин пробыл недолго. Может быть, поэтому тексты про Англию у него довольно стереотипны.

«Англию можно назвать землею красоты — и путешественник, который не пленится милостивыми англичанками (особенно переехав из Франции, где очень мало красавиц), может смотреть равнодушно на их прелести, должен иметь каменное сердце».

«Женщины в Лондоне очень хороши, одеваются просто и мило... Они ходят, как летают, ... маленькие ножки, выставляясь из-под кисейной юбки, едва касаются до камней тротуара... Англичанки по большей части белокуры, но самые лучшие из них темноволосые.<...>

В каждом городе самая примечательная вещь для меня... сам город<...>. Я исходил Лондон вдоль

и поперек. Он ужасно длинен, но в иных местах очень узок, в окружности же составляет верст пятьдесят<...>. Дома лондонские все малы, узки, кирпичные, небеленые и представляют скучное, печальное единообразие; но внутренность мила, все просто, чисто и похоже на сельское».

Карамзин в концерте.

«Тут видел я всю лучшую лондонскую публику. Но всех более занимал меня молодой человек в сереньком фраке, видом весьма обыкновенный, но умом своим редкий; человек, который в летах цветущей молодости живет единственно честолюбием, имея целию пользу своего отечества; родителя славного сын достойный, уважаемый всеми истинными патриотами, — одним словом, Вильгельм Питт! У него самое английское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на котором, однакоже, изображается благородная важность и глубокомыслие. Он с великим вниманием слушал музыку — говорил с теми, которые сидели подле него, — но более казался задумчивым. В наружности его нет ничего особенного, приятного. Слышав Генделя и видевав Питта, не жалею своей гиней.

...Но всего чаще обедаю у нашего Посла, Г.С.Р.В.⁶, человека умного, достойного, приветливого, который живет совершенно по-английски, любит англичан и любим ими. Всегда нахожу у него человек пять или шесть, по большей части иностранных министров. Обхождение графа приятно и ласково без всякой излишней короткости. Он истинный патриот, знает хорошо Русскую Историю, Литературу, читал мне наизусть лучшие места из “Од” Ломоносова. Такой посол не уронит своего Двора; за то Питт и Гренвиль очень уважают его. Я заметил, что здешние Министерские конференции бывають без всяких чинов. В назначенный час министр к министру идет пешком, во фраке. Хозяин, как сказывают, принимает в сюртуке; подають чай, высылають слугу, и, сидя на диване, решають важное политическое дело. Здесь нужен ум, а не пышность. Наш граф всегда носит синий фрак и маленькой кошелек, который отличает его от всех лондонских жителей: потому что здесь никто кошельков не носит. На лето принимает он прекрасный сельский дом в Ричмонде

(верстах в 10 от Лондона), где я также у него был и ночевал...»

Пока Карамзин безмятежно путешествовал по Европе, Россия воевала на два фронта — с Турцией и со Швецией. Лилась кровь, гибли люди. В Петербурге в панике ждали шведского десанта. Англия была готова вот-вот вступить в войну против России, чему немало препятствовал российский посол С.Р. Воронцов. В Автобиографии (Русский архив, 1876. Кн. 1, вып. 1. С. 33-59) он описал свою борьбу:

«<...> Пруссия открыто заключила наступательный и оборонительный союз с Портою и такою — же со Швецией. Вышеупомянутые условия мира были предложены нам министрами Пруссии и Англии. У нас смутились, отговаривались, давали уклончивые ответы и не умели заговорить тоном, приличным одной из первых держав в мире. <...>Шведский король был настолько изменчив и безрассуден, что поддался этим внушениям и согласился на все, споря только о подробностях, т.е. требуя более денег<...> Наконец г-н Питт вооружил огромные морские силы: он приказал снарядить 36 линейных кораблей, из которых 8 трехдечных, 12 фрегатов и столько же бригов и куттеров. Не веря, чтоб он окончательно решился на меру столь крутую, противную действительным интересам его страны, опасную для его популярности, благодаря которой он держался на своем месте, я несколько раз объяснялся с ним со всею смелостью человека, желающего предотвратить несправедливую войну, одинаково пагубную для обеих сторон. Он отвечал мне уклончиво и ничего не значащими фразами, как человек, решившийся на меру, которую не может оправдать, при всем своем искусстве в диалектике».

Воронцов решился на действия, которые в наши дни сочли бы бесцеремонным вмешательством во внутренние дела и привели бы к скандальному выдворению посла. Он заявил:

«...“Вы, конечно, можете рассчитывать на большинство в обеих палатах; но я настолько уже ознакомился с здешнею странною, чтобы знать, что министерство и самый парламент не имеют никакой силы без поддержки графств и независимых собственников, в сущности управляющих

страною. Поэтому я вам объявляю, господин герцог, что я всеми мерами буду стараться, чтоб нация узнала о ваших намерениях, столь противных ее интересам, и я слишком убежден в здравомыслии английского народа, чтоб не надеяться, что громкий голос общественного мнения заставит вас отказаться от несправедливого предприятия”.

Он был поражен смелостью и откровенностью моих слов, и я оставил его изумленного и безмолвного.

Я посетил вождей оппозиции и, что было еще действеннее, нескольких членов нижней палаты, которых независимый и честный характер пользуется уважением и министерства, и оппозиции, и которые внушают всей стране такое доверие, что по их голосам судят о правоте и полезности всякого дела. Я объяснил им несправедливость предполагаемых мер, огромные расходы, которые они повлекут за собою и вред от прекращения торговли с нами, столь необходимой для Англии. Они обещали мне свою поддержку. <...>С моей стороны, дабы скорее разрешить вопрос и принудить г. Питта к разоружению, я велел составить записки, для которых доставлял самые точные и убедительные материалы, с целью доказать нации, что ее влекут к разорению посредством уничтожения ее торговли, и что все это делается ради интересов, ей чуждых. Эти записки были переведены на английский язык и, по напечатании, рассылаемы мною во все провинции. Они произвели тревогу в мануфактурных городах и между прочими в Норидже, Уэкфильде, Лидсе и Манчестере, где произошли митинги и публичные собрания, которых постановления были напечатаны и клоунились к подаче прошений Парламенту против действий министерства относительно России. Другие города готовились последовать этому примеру; из нескольких графств независимые избиратели писали к своим представителям в Парламенте, внушая им отделаться от г. Питта и подавать голоса против него. В Лондоне, на стенах всех домов, простой народ мелом чертил слова: “Не хотим войны против России”. В двадцати и более газетах, выходящих здесь ежедневно, появлялись постоянно статьи, происходившие (хот

тя негласно) от меня и убедительные для нации, которая со дня на день все сильнее негодовала на министерство<...>

Мы целые ночи писали, а днем бегали во все стороны, и если я еще мог иметь несколько минут отдыха, то они не могли: приходилось по ночам разносить в конторы разных газетных редакций статьи, которые должны были появляться в печати на следующий день. Наконец Питт признал себя побежденным и послал в Россию Фаукнера – с наставлением уступить во всем воле Императрицы. <...> Флот был разоружен, а в Швеции отправлен к Листону курьер для прекращения всех переговоров о субсидии королю» (там же).

* * *

Не думаю, что К. совсем уж был далек от интереса к теме международной политики и к некоторым ее подробностям. Я не знаю, пересылал ли с ним С.Р. Воронцов, так его приблизивший, какой-то корреспонденции своему старшему брату, дипломату, сенатору и члену совета при Императрице. Ведь именно он, опытейший дипломат и в прошлом полномочный министр в Англии, занимался разработкой статей Верельского мирного договора со Швецией, а потом и Ясского договора – с Турцией. Или к своей сестре, княгине Екатерине Романовне Дашковой, близкой Императрице.

В Англии, если верить “Письмам”, К. старательный турист, но вот и отголосок разговоров с послом Семеном Романовичем Воронцовым:

«...Важно, что министр всегда должен быть отменно умным человеком для сильного, ясного и скорого ответа на все возражения противников; еще важнее, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвещенны, знают наизусть свои истинные выгоды, и если бы какой-нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов в парламенте, как волшебник – своего талисмана. «Итак, не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум. <...>Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле».

* * *

«Письма путешественника» искусно смонтированы из жизненных впечатлений, а также сведений из книг, журналов и газет. (Впрочем, и в «Бедной Лизе» искали биографию. Биография там есть — не утопленная в пруду, конечно, но незабываемый образ Москвы, — это личное, прочувствованное.)

Почитаем прямые авторские, как теперь бы сказали, включения:

Остров Борнхольм:

«Вы знаете, что я странствовал в чужих землях, далеко-далеко от моего отечества, далеко от вас, любезных моему сердцу, видел много чудного, слышал много удивительного, многое вам рассказывал, но не мог рассказать всего, что случилось со мною...» (И правда ведь не мог! — В.Я.)

«Англия была крайним пределом моего путешествия (именно так. — В.Я.)

Сел в Лондоне на корабль “Британия”, чтобы плыть к любезным странам. Карамзин описывает свое морское плавание — и, зная уже его манеру ценить детали и факты, ему вполне можно верить:

«Волны пенились под рулем корабля нашего, берег гревзендский скрылся в отдалении, северные провинции Англии чернелись на другом краю горизонта, — наконец все исчезло, и птицы, которые долго вились над нами, полетели назад, к берегу, как будто бы утраченные необозримостью моря».

Есть детали и вполне откровенные, не требующие ни сюжетом, ни художественной ткани, но единственно отвечающие строгой точности автора-путешественника, просто не могущего изменить правду, какой бы она ни была, потому что претерпленное в реальных странствиях для автора дороже всякой выдумки, и оно непременно проступит сквозь вымысел.

«Но скоро жестокий приступ морской болезни лишил меня чувства. Шесть дней глаза мои не открывались, и томное сердце, орошаемое пеною бурных волн (тут К-н даже дает сноску: “В самом деле, пена волн часто орошала меня, лежащего почти без памяти на палубе”) едва билось в груди моей. В седьмой день я ожил и хотя с бледным, но радостным лицом вышел на па-

лубу. Солнце по чистому лазоревому своду катилось уже к западу, море, освещаемое златыми его лучами, шумело, корабль летел на всех парусах по грядам рассекаемых валов, которые тщетно силились опередить его...»

Точнейшее описание!

«Моя исповедь», 1802 г. (написана от имени графа NN).

«<...> Наконец я возвратился в отечество, где лавры и мирты поджидали меня (сарказм автора очевиден)». А вот следующая фраза — уже скорее не героя, а автора: “*Весь свет казался мне беспорядочною чередою китайских теней, все правила — уздою слабых умов, все должности — несносным принуждением. Я спешил поразить умы соотечественников разными странностями и с удовольствием видел себя истинным законодателем столицы.*»

Я везде, как в зеркале, видел себя с головы до ног; все мои движения были срисованы и повторены с величайшей верностью... Но главным моим предметом были женщины, которых лестное внимание открывало мне обширное поле деятельности».

“Рыцарь нашего времени” написан в 1803 году, когда Карамзин начал увлеченно издавать «Вестник Европы».

Героя этой романтической истории зовут Леон, он, как и автор, родился на «луговом берегу Волги, там где впадает в нее прозрачная река Свяга<...> Отец Леонов был русский коренной дворянин, израненный отставной капитан (как и отец К., Михаил Егорович. — В.Я.), человек лет в пятьдесят.<...>

Провинциальные небогатые дворяне, соседи, дружеский клуб и даже «Братское общество» провинциальных дворян. Но приезжает сосед — богач, вельможа, граф, с красавицей молодой женой. Покровитель, благодетель, как и в судьбе Гоголя. И в судьбе Карамзина.

И графиня обращает внимание на прелестного ребенка-сироту и начинает покровительствовать ему, и между ними, К-н подчеркивает, возникает томление, начинаются странные и запретные отношения.

Она учит его манерам, языкам, книгам, танцам, одевает и делает щеголем: “как приятно обласкать хорошенького мальчика!”

Он вырос в деревне, застенчив, неловок, как весело взять его на руки.

«Эмилия объявила Леона нежным другом своим, сама учила его по-французски, даже истории и географии, старалась также образовать в нем приятную наружность, показала, как ему надо ходить, кланяться, быть ловким в движениях — и герой наш не имел нужды в танцмейстере. Разумеется, что его одели уже по моде: разумеется, маленькая слабость женщин! Через две недели соседи не узнавали Леона в модном фраке его, в английской шляпе, с Эмилиною тросточкой в руке и совершенно городской осанкою... Графиня согривала Леона нежными поцелуями — если не было с ней графа. Он стоял за нею, чесал гребнем ее светлые каштановые волосы, которые почти до земли доставали и которые он любил целовать”...

Симбирский мальчик оказавшись хлопотами И. Тургенева сотрудником Новикова, к двадцати знал немецкий и французский превосходно, английский похуже, но переводил Шекспира, прочел, судя по “Письмам”, все главные книги Европы той поры.

* * *

В Петербург Карамзин вернулся щеголем, денди, каким скоро прослышет красавчик Браммел, всех шокирует, как через сто лет желтая кофта Маяковского, как Крученых или Хлебников, он меняет язык, он использует немислимые прежде сюжеты.

Дилетантизм — знамя Карамзина. К. был авангардист! Это моя догадка, и тут же Лотман меня осаждает: “поведение романтика, нигилиста, футуриста”.

После путешествия он одевался, по общему мнению, вызывающе. А ведь он уже не был наивным юношей, многое повидал, многое понял. В этом была какая-то выработанная позиция, маскировка, мимикрия; возможно привлекая внимание к своей внешности эдакого *Freak, фри-ка*, “Попугая Обезьянина”, он отводил внимание от содержательных и опасных к нему вопросов.

Ведь вскоре после его приезда обстановка в России сильно ухудшилась, последние годы правления императрицы Екатерины II отнюдь не были благодетельными.

А. Попов «Дело Новикова и его товарищей» («Вестник Европы», 1868, кн. 4, с. 617-650).

.Исследователи еще в XIX веке отмечали «несообразности и противоречия в защите и обвинении Новикова.

Действительно, дело вообще о масонах окончилось наказанием собственно одного лишь Новикова. Указ от 1 мая 1792 года повелевал «предать Новикова законному суждению на основании учреждения (о губерниях), а между тем законного суждения дано не было, и дело было решено административном порядке и тайно.

Еще в августе 1790 г. <...>Радищев за напечатание книги возмутительного содержания был — правда, на основании жестоких тогдашних законов — осужден на смерть; но осужден все-таки по закону и притом в уголовной палате и в Сенате, а по дарованию ему жизни сослан на жительство в Сибирь, куда дозволено было приехать к нему и его семейству.

Ровно через два года Новиков, по разным, отчасти далеко не доказанным проступкам, вследствие предполагаемых намерений и т.п., был отстранен от законной подсудности, которой сначала хотели его подвергнуть, и заключен без суда на пятнадцать лет в каземат Шлиссельбургской крепости.

Почему только Новиков? Основной инстинкт — самосохранение. Екатерине не нужны были массовые репрессии, подрывающие основу ее режима, она хорошо знала, что масонство было слишком распространено среди высшей знати, двора и гвардии. Пугнула, разогнала по деревням — этого оказалось достаточно».

А.Н. Пыпин писал в «Вестнике Европы» в 1867 году:

«...при начале дела его предполагали отдать на правильное законное суждение; но процесс ограничился допросами у Прозоровского и Шешковского... Новикову, как главному представителю направления, досталась самая тяжкая участь из всего кружка. Его ближайшие

друзья, товарищи и соучастники, иногда — по делам ордена — даже более компрометированные по тогдашним понятиям, отделались легкими взысканиями... В указе от 1 августа «О Новикове и его друзьях» деятельность их характеризуется как «вредные замыслы, побуждения духа любоначалия и корыстолюбия, крайняя слепота, невежество и развращение, плутовство и обольщение» («Вестник Европы». 1867, т. 5. А.Н. Пыпин. Русское масонство в XVIII веке. С 65.).

Указом от 18 августа повелевалось дело о московских книгопродавцах *решить согласно с законами и о том донести*.

Книгопродавцев арестовали, заковали, били, бросили в казематы, магазины разорили, книги сожгли. Люди были сосланы в каторжные работы. « Их было 15 человек, все вышеупомянутым наказаниям и подвергаются», — писал Прозоровский Шешковскому 24 августа (ВЕ 1868, т. 4, с. 623).

Отчего такая резкая реакция и такая суровость? Судя по всему, Екатерина давно и внимательно следила за масонами, за их активной перепиской между собою и особенно с Западом — и с утроенным вниманием — с важными масонами, входившими в европейские правительства.

Масонскую метафизику и алхимию она считала вздором, но ей в принципе не нравилась деятельность этих «иностранных агентов», особенно когда она узнала, что масоны общаются с цесаревичем Павлом Петровичем и мечтают, по советам зарубежных «братьев», сделать его главою русского масонства — Великим мастером русской провинции Ордена. Архитектор Василий Баженов тоже был масон, часто ездил между Петербургом и Москвой и возил наследнику новиковские запрещенные книги. До поры до времени это сходило с рук.

Над Н.М. Карамзиным нависла вполне реальная опасность, если вспомнить дело студентов Московского университета Невзорова и Колокольникова.

Посланные Новиковым за границу изучать химические науки якобы в поисках «философского камня», дабы стать лаборантами, каковые при кругах бывают и коих работы служат для на-

блюдения прочим членам. Перед поездкой оба были приняты в масоны.

По возвращении же в Россию оба студента 14 февраля 1792 года были арестованы в Риге и препровождены в каземат. Их долго допрашивали; даже били («биты лично Степаном Шешковским, начальником Тайной канцелярии»). Оба студента оказались не совсем здоровыми, их поместили в Обуховскую больницу, где Колокольников вскоре умер. А с Невзоровым продолжили «следственные действия», предложили было при чистосердечном раскаянии поехать врачом в Сибирь.

Невзорова держали сначала в Невской лавре, а потом в Петропавловской крепости. На допросах у Невзорова домогались «показать по самой истине», не был ли он в Париже и в народном собрании и «не имели ли какого сообщения или сношения с членами народного собрания?» Невзоров, судя по всему, «не был, не знал, не участвовал». А вот Карамзин как раз был и даже описывал в живых сценах заседания Конвента.

Допросы Невзорова продолжались несколько месяцев, результатами их интересовалась императрица. Да только он совсем сошел совсем с ума, называя всех вокруг шпионами и иезуитами, а «присланное платье не носил, говоря, что оно *намагнетизировано*». Заключение было такое: «*оный Невзоров в уме помешан*».

Через 25 лет Невзоров писал о своем пребывании в Обуховской больнице: «Меня, содержавшегося в доме сумасшедших, [император Павел] высочайше благоволил посетить пять раз (сам и в первый раз, вскоре по вступлении своем на престол, с высочайшею супругою своею и с благополучно царствующим ныне государем императором. Не мог я тогда быть освобожден по причине болезни моей». Невзоров находился в больнице до апреля 1798 года, когда было решено: «Студента Невзорова в рассуждении выздоровления его отпустить в Москву к сенатору Лопухину с тем, чтобы он и за поведение его отвечал» (ВЕ, 1868, т. 4, с. 644).

Так что Карамзину было чего опасаться. В своем заграничном путешествии он приобрел немало контактов, знакомств, приятелей и дру-

зей, что всегда было подозрительно для российской власти. Карамзин вернулся в Россию к разгрому новиковского кружка, гонениям на мартинистов. (В сталинские времена расстреляли бы, состряпав заговор «карамзинистов».) Был под подозрением, его «отхлопотали». В «Письмах» Карамзин лукавил, менял даты, умалчивал, шифровался, вместо имен ставил инициалы, что дало работу на двести лет вперед филологам и историкам.

Вернувшись домой, Карамзин затеял «Московский журнал»⁷, который имел некоторый успех. Карамзин получил 300 пронумерованных (подписчиков). Публике журнал нравился. Но среди «своих» были и другие мнения. В 1792 году, когда начались гонения на Новикова и его круг, журнал прекратил свое существование.

Николай Никитич Трубецкой был влиятельным масоном, наместным мастером провинциальной ложи, а также прозаиком и поэтом, стихи которого «весьма похвалялись». Когда Карамзин основал «Московский журнал», Н.Н. Трубецкой не без раздражения писал А.М. Кутузову (кстати копию того письма отправил по начальству почтдиректор И.Б. Пестель):

«Сочинение же его никому не полюбилось, да и, правду сказать, полюбится нечему, я пробежал оные и не в состоянии был оные дочитать. Словом, он своим журналом объявил себя в глазах публики дерзновенным и, между нами сказать, дураком» (*Барсков*. Переписка масонов. 1915, с. 94).

* * *

«Письма» Н.М. Карамзина носили следы воздействия Лориса Стерна: «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена», 1767) и особенно «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», 1768). Но я думаю (тема совсем неисследованная), что стоит поискать параллели с более ранними тревеллогами – с псевдодокументализмом Даниэля Дефо в популярнейших «Приключениях Робинзона Крузо» (1719) и с его антиподом Джонатаном Свифтом – «Путешествия Гулливера» (1726-27).

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ

31 декабря 1815 года, под самый новый 1816 год, столь много значивший в жизни вступавшего в год пятидесятилетия Карамзина, – его жена Екатерина Андреевна родила второго сына, которого назвали Александром.

Ключевой юбилей для всякого – пятидесятилетие, пора подведения итогов. Наступил 1816-й. Историограф повременил три недели и отправился в Петербург.

2 февраля 1816-го он прибыл в столицу. Карамзин не был здесь четверть века и появился без всякого желания, но с нуждой – исхлопотать согласие Императора на публикацию «Истории Государства Российского», а главное – денег на издание. Прибыть-то Николай Михайлович прибыл, только в Петербурге его никто не ждал. То есть не то что бы никто.

Вот как описывал пребывание Карамзина в Петербурге Натан Эйдельман. («Последний летописец»):

«...Петербург непривычен, впечатлений слишком много, суета, расходы: 500 рублей в месяц за карету, 70 рублей – лакей... Историографа всюду приглашают, принимают...

И, конечно, постоянно – лучшие друзья: один раз до второго часу ночи, другой раз, кажется, всю ночь...

«Арзамасцы» – веселый литературный союз с шутовскими атрибутами: арзамасский колпак, обязательное угощение – арзамасский гусь, ...обязательные прозвища, заимствованные только из стихов Жуковского: «Светлана», «Дымная печурка», «Чу, вот я вас!» «Сверчок»... Здесь дурчатся Жуковский, Вяземский, Денис Давыдов, Батюшков, братья Тургеневы, Никита Муравьев, Михаил Орлов, чуть позже – Пушкин, а из «галиматыйи» выходит лучшая русская литература...» Молодые арзамасцы везут своего «евангелиста» в Царское Село, и там возобновляется знакомство с кудрявым отроком, которого более десяти лет назад Карамзин изредка наблюдал в доме Сергея Львовича Пушкина. Дядя-«арзамасец» Василий Львович наставляет племянника насчет

Николая Михайловича: «Люби его, слушайся и почитай».

Он ежедневно писал жене, описывая встречи и приемы, которые принимал как неизбежное... Но слава уже летела впереди него. Ростопчин сказал во дворце, молва растащила: «Привратник Бессмертия».

Карамзин ждал приема у императора Александра, но во дворец не приглашали. Не до того было. Александр не принимал Карамзина два месяца. Пока не посетил скрепя сердце, почти униженный, всесильного графа Аракчеева. Почитал и ему из «Истории», как читал в других домах. Аракчеев был сама любезность. Вскоре пригласили и к императору. Пять лет не виделись. Александр заматерел, забронзовел — еще бы, победитель Наполеона, один из властителей Европы.

Дерзкая по тону «Записка о древней и новой России» не забыта, но отсюда кажется уж совсем неуместной. Проявил благосклонность: присвоил статского советника, наградил орденом Анны первой степени. (Карамзин принял в сложных чувствах. Чин пятого класса. Где-то между полковником и генерал-майором. У статских чин начальника департамента какого-нибудь.) А Вяземский дразнил «Истории графом». Вольно ему, князю, дразниться.

Государь дозволил печатать «Историю» без цензуры (сам взялся цензурировать, а на деле — «на личную ответственность»), велел печатать в типографии военного ведомства и выделил 60 тыс. рублей на издание. Он, отмечали многие, не очень понимал в деньгах, что значит много, что — мало. Публиковаться в Петербурге означало держать корректуры, значит и жить здесь. В мае Карамзин перевозит в Петербург семью <...>

Ната Эйдельман продолжает:

«В Петербурге Карамзины стараются, не всегда с успехом, сохранять московские привычки. Зимой — в городе, сперва на Фонтанке у гостеприимной Е. Ф. Муравьевой, затем — около Литейного двора, на Захарьевской за 4 тыс. руб., Нева в ста саженьях, недалеко и Таврический сад; двор хорош и с садиком; всего довольно, и сараев, и амбаров, комнаты весьма недурны, только без мебели».

Свой же дом в Санкт-Петербурге завести было невозможно. Летом *повели* жить в Царском Селе в штабс-лекарском доме, одном из «Кавалерских домиков», что в «Китайской деревне», построенной Екатериной для адъютантов, врачей и прочей близкой обслуги. Совсем рядом с Екатерининским дворцом и Лицеумом в ближнем флигеле. Часто забегал Пушкин.

Светские, дворцовые люди, заезжие гости стремились непременно побывать у Карамзина, докучали, как он сам некогда — Канту и Виланду. Круг замкнулся.

«Царь дал 60 тысяч, — пишет Н. Эйдельман, — но год многосемейной, светской жизни в столице стоит 40 тысяч. Хотя вскоре «История» начинает давать доход, и кое-какой оброк приходит из деревни, а все равно к лету 1819-го «половина исторического капитала уж рассеялась». За 5 лет прожили сверх доходов ровно 100 тысяч, еще через 4 года — 150 тыс.».

Все это, конечно, не могло не задевать Карамзина: нелепая «китайская деревня», кавалерские домики, птичьи права, неясные обязательства. Но он привык жить, «как истинный философ, не унижая своей личности», как мало кто жил в его время. Да и у Канта домик был не больше.

КАРАМЗИН И ГРАФ ИОАНН КАПОДИСТРИЯ

Он подружился с графом Каподистрия, возможно, потому что почувствовал в нем скитальца, каким и он сам был в молодости: вояжера, посланца, человека большого мира, открытого и свободного. Карамзин в Петербурге был обласкан, известен — и одинок. Не знатен, не богат, без больших связей и, что особенно опасно: прямодушен и конфиденгент государя. К таким людям свет относился с опаской. Каподистрия тоже был здесь чужой. Они сблизились.

Через две недели, 14(26) февраля 1816 г., по приезде в Петербург в одном из первых писем, написанных из северной столицы, он сообщал своей жене: «Из новых примечательных знакомств наименую тебе Капо д'Истрия; он в боль-

шой доверенности и показался мне любезным, откровенным...»

В этой дружбе все интересно, хотя мало что известно. Известно (со слов Ф.Ф. Вигеля, что Каподистрия и Карамзин заступились перед разгневанным императором за Пушкина («Он наводнил Россию возмутительными стихами») и умолили Александра не губить юное дарование, не ссылать его на погибель в Соловки или Сибирь, а отправить в Кишинев сверхштатным чиновником в распоряжение генерала И.Н. Инзова. Каподистрия и других лицеистов пригрез в департаментах Министерства иностранных дел.

Граф Каподистрия был одним из многих европейцев, связавших свою судьбу с Россией в эпоху крупнейшего европейского (и мирового) кризиса, вызванного Французской революцией и переделом мира. Наполеоновские войны, Италия, Испания, Египет, возвышение Бонапарта, разделы Польши — все это мало известно современному читателю, как и то, почему и зачем Суворов штурмовал Альпы и против кого адмирал Ушаков воевал в Средиземноморье.

Республика Семи Островов — первое греческое государство Нового времени, — существовавшая в 1800–1807 годах на островах Керкира (Корфу), Паксос, Лefкас, Кефалиния, Итака, Закинф и Китира в Ионическом море.

Ионические острова на протяжении многих столетий входили в состав Венецианской республики, пока Наполеон ее не уничтожил, заняв всю Италию. Острова перешли к Франции. Французы повели себя также, как все оккупанты. Греки возмутились. В Петербурге тоже. Император Павел I направил против французов русскую эскадру во главе с контр-адмиралом Федором Ушаковым, которая при поддержке турецкого флота в 1800 году выбила французов с Корфу и освободила Ионические острова. Республика Семи Островов во главе с И. Каподистрией (будущим российским министром иностранных дел) просуществовала семь лет, формально как данница Османской империи, но, в сущности, под защитой русского флота.

Однако по условиям Тильзитского мира, заключенного после серии поражений, импе-

ратор Александр I негласно обязался стать союзником Наполеона, принять участие в континентальной блокаде Англии и многое еще... Острова переходили в состав Иллирийских провинций Франции.

Первый президент Греческой республики граф Иоанис Каподистрия вынужден был отбыть под покровительство русского императора. Он поступил в русскую дипломатическую службу и сделал быструю карьеру. Служил при императоре, в 1815 году стал статс-секретарем, а в 1816-м был назначен управляющим Министерства иностранных дел Российской империи. Занимал он эту должность до 1822 года, когда, окончательно уверившись, что ему не удастся склонить Александра к войне с Турцией за свободу Греции, ушел в отставку и покинул Россию. Этот блестящий человек, которого греки называли Президент, вернулся на родной остров Корфу и был предательски убит в 1830 году⁸.

Переписка Графа Каподистрии с Н. М. Карамзиным была опубликована в литературно-политическом сборнике «Утро» в 1866 году.

«13 июня 1818. Умный Гр. Каподистрия обедал у нас на сих днях, и мы провели с ним приятно часов шесть. Он рассказал нам всю свою историю. Люблю его, но вижу редко».

28 июля 1822 г. К Дмитриеву: «Люблю его искренно, еще более за душу, нежели за ум».

5 августа к нему же: «Никто не балует меня здесь ласкою (никто из придворных) кроме одного графа Каподистрии, с которым мы иногда философствуем».

1 августа 1822 г. к Малиновскому: «Жаль, что любезный, умный граф Каподистрия нас оставляет. Таких людей мало».

Письмо Карамзина к графу Каподистрии в марте 1818 г. (по-французски)

«Примите, Граф, мою искреннюю благодарность за честь, оказанную Министерством иностранных дел моему сочинению. Если это не есть уже ободрение для меня (потому что, увы, я уже слишком стар), это приятная награда за труды и за усердие, с которым я старался сделать нашу историю известнее, и, следовательно, полезнее»<...>

Мое полуофициальное письмо окончилось бы здесь, Граф, если бы мне надобно было только выразить признательность за благородность действий Министерства в отношении к Историографу; но чувство, которое вы в особенности мне внушили, требует языка более свободного, более искреннего... Я мог бы прибавить к этому еще многое, если бы дал волю своей болтливой откровенности; я был бы в состоянии не пощадить вашей скромности, но я щажу ваше время. И так я оканчиваю письмо, говоря, что Карамзины вас любят много: этим выражается все».

Из письма графа Каподистрии Карамзину:

«У меня нет слов, любезный, многоуважаемый друг, чтобы выразить вам удовольствие, доставленное мне письмом, которое вы написали вместе с вашей супругою... Вне семейных привязанностей, лучшее в мире это есть искренняя дружба. Такая дружба, какой удостаивают меня Карамзины, более чем искренняя: она сердечна; я дорожу ею и прошу вас сохранить мне ее навсегда... Мое здоровье, в котором вы по своей доброте принимаете участие, было в самом деле очень расстроено в начале зимы. Путешествие в Италию и в особенности родной воздух принесли мне бесконечно много пользы, и я, может быть, уже совершенно выздоровел бы, если бы не мешала живость участия, какое я принимаю во всем, что касается лиц, которые удостаивают меня своего доверия, и те тревоги, которые от этого происходят. Вы можете поэтому легко судить о моем положении на родине после одиннадцатилетнего отсутствия, в обстоятельствах, в каких эта страна находится. Вместо покровительства Великобритании поступает с нею таким образом, какому нет названия, какого вообразить нельзя, — столь отвратно сие недоброжелательство. Исполнив, насколько от меня будет зависеть, обязанности сына и гражданина, я отплыву опять в Италию. По дороге я воспользуюсь в продолжение недель двумя минеральными водами, чтобы избавиться от той желчи, какая накопилась у меня здесь, а потом отправлюсь прямо к вам в Царское Село. Я буду рад видеть вас в добром здравии, с вашим IX томом и дитятей, которое имеет явиться на свет. Я не смею писать об этом Г-же Карамзи-

ной, чтобы не утомлять ее своими каракулями. К тому же вы составляете с нею такое прекрасное и такое полное единство, что было бы и трудно говорить с вами порознь. Будьте здоровы и верьте в искренность того чувства, которое я питаю к вам обоим».

Из письма Карамзина графу Иоанну Каподистрии, которое широко известно, его приводит и Ю.М. Лотман:

«Приближаясь к концу своей деятельности, я благодарю Бога за свою судьбу. Может быть, я заблуждаюсь, но совесть моя покойна. Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, *не унижая своей личности*, за которую я в ответе перед той же Россией. Да, пусть я только и делал, что описывал историю варварских веков, пусть меня не видали ни на поле боя, ни в совете мужей государственных. Но поскольку я не трус и не ленивец, я говорю: значит, так было угодно небесам, и, без смешной гордости моим ремеслом писателя, я без стыда вижу себя среди наших генералов и министров».

ПОЕЗДКА В МАКАТЕЛЕМ

В.Ярошенко. Из дневника. Октябрь 2011 г.

«Я вернулся из Арзамаса; третий раз за год. Старинный город проводил «Гайдаровские чтения», на этот раз не в связи с Аркадием Гайдаром, которому тут многое посвящено, а вокруг памяти его внука, моего друга, Егора.

«Гайдаровские чтения», устроенные мэрией Арзамаса, Фондом Егора Гайдара и АНХ и ГС, были посвящены поискам социально-экономической стратегии развития в современных обстоятельствах. После объявления «рокировочки» жарких политических споров не было.

Констатируя нарастание кризисных тенденций в экономике мира и, в частности России, все выступающие видели выход в ускорении перевода страны на инновационный путь развития и в актуальности проведения широкой демократической политической реформы.

<...>Я выступал с докладом — «Вестник Европы» — от Карамзина до Гайдара».

Мало кто знал здесь, что основатель «Вестника Европы» Николай Михайлович Карамзин был помещиком Ардатовского уезда, жил здесь в страшную эвакуацию 1812 года. Сохранилась его хозяйственная переписка с крестьянами сел Большой и Малый Макателем. (Об этом на конференции в музее-усадьбе Вяземских Остафьеве рассказывала в декабре 2010 г. Луиза Михайловна Карнишина.)

«Имение принадлежало жене Карамзина, Екатерине Андреевне, Арзамасской округи Макателен с селами Малый Макателен, Большой Макателен...» (Правильно – Макателем. – В.Я.)

После смерти тестя, князя А.И. Вяземского, в 1808 году Карамзин должен был заниматься делами имения.

Из Нижнего Новгорода: *Состояние крестьян жалкое, нет духа собирать оброк.* Эпидемия горячки в 1811 г. 16 мая писал брату, что значительная часть арзамасской деревни сгорела с хлебом и скотом.

Получая две тысячи рублей в год как историограф, Карамзин, вынужденный переехать в Петербург для печатания «Истории», остро нуждался в деньгах. Брату писал: «*Петербург славный город, но жить в нем дорого*». Жалуется: «Не имею достаточно средств на воспитание детей... Иногда не без грусти думаю, что нашим небогатым дочерям, к тому же и не красавицам, придется, как вероятно, доживать век в девушках».

У Карамзина было шесть, потом семь, восемь детей (двое умерли в младенчестве). Он был помещик, и проблемы были типичные, помещичьи: за-

держки оброка (два раза в год, в марте и октябре), недоимки, земельные споры. Об оброке. Бурмистру Степанову о непременно собрании мартовской половины оброка: «*Вы знаете, никто не берет столь мало оброка, как мы, имейте совесть, не заставляйте нас думать о продаже Макателена. Сам приеду, чтобы разделить с вами землей...*»

Оброчную сумму 2600 рублей получил. Обещаете доставить весь оброк, исполните, деньги нам очень нужны... До сего времени не получаю от вас оброка, вы обманули меня... Мы с горечью, но решимся продать вас. На неделе продадим все, еще возьмем оброк через губернатора, он пришлет вам воинскую команду для взъскания».

Уже на пороге смерти, 28 апреля 1826 года, Карамзин пишет: «*Платите оброк исправно, хоть и не совсем в срок, но чтобы к концу год был совершенно очищен*».

Карамзин так и не смог добиться своевременной оплаты полного оброка. Говорили, что историограф нуждался в деньгах «*по неумению извлекать доход из арзамасской деревни своей супруги*». Одной из причин неуплаты были засухи, которые повторялись каждые три года. Случались пожары; в 1823 году большая часть домов в Малом Макателеме сгорела.

«*С горечью я получил ваше уведомление о несчастном пожаре... Надо всем миром помогать им*»... Карамзин разрешает рубить лес в заказнике, освобождает погорельцев от оброка на год. Нескончаемый вопрос о земельных спорах крестьян. Пишет бурмистру: «*я велел тебе исполнить приказ: возвратить*

25 десятин Большому Макателену...» Но Земельный спор Малого и Большого Макателена не кончился годами.

Распоряжение:

“Я вам отец и судья, мое дело знать, что справедливо и для вас полезно... Вы мне все равны как дети. Велю строго вам слушаться и не смей буянить”. Я упомянул об этом на конференции. А вечером, на приеме, мэр Арзамаса, Анатолий Николаевич Мигунов, сказал, что его мать родом из Большого Макателема и предложил там побывать.

* * *

Ясным, прозрачным, солнечным днем 7 октября 2011 года в компании двух ученых дам, бесконечно много знающих об истории города Арзамаса, я оказался в давно заброшенном карамзинском поместье.

Древняя липовая аллея вдоль асфальтового тракта, каскад прудов. Почти невидный за зарослями некогда прекрасного парка, скромный деревянный дом с резными наличниками и большой двухэтажный каменный дом в шестнадцать больших окон по каждому этажу, с флигелями, подвалами и храмом на берегу пруда, в котором до наших 90-х годов была больница и роддом. Был здесь и сиротский приют, и странноприимный дом, были и промыслы для местных крестьян... Здесь долгие годы жил сын Н.М. Карамзина — Александр Николаевич Карамзин (31.12.1815–

9.7.1888) со своей супругой Наталией Васильев-ной, в девичестве княжной Оболенской.

Выпускник юридического факультета Дерптского университета, блестящий гвардейский офицер (прапорщик лейб-гвардии конной кавалерии), поэт (повесть в стихах «Борис Ульянов»), преданный юный друг Пушкина. По преданиям, едва ли не прототип лермонтовского Печорина, Александр Карамзин, после роковой пушкинской дуэли, которая произвела на него «переворачивающее душу нравственное влияние», безвылазно поселился в далеком нижегородском поместье, по его выражению, «ардатовской Камчатке». Он был трудолюбив и предприимчив: разбил сады, пруды, огромный парк, сад, построил больницу, акушерский пункт. Узнав, что по соседству есть железная руда, основал вполне успешный Ташинский металлургический завод, работавший даже и до самых последних лет (завод, конечно, возник не случайно; помог его старший брат — Андрей Николаевич Карамзин. Прислал специалистов, помог с разрешением Горного ведомства. Он учился вместе с братом в том же Дерптском университете на том же юридическом факультете и служил в конногвардейской артиллерии. Выйдя в отставку был начальником знаменитых Демидовских заводов в Нижнем Тагиле, а после смерти графа, богатейшего Павла Николаевича Демидова, женился на его вдове, красавице шведке, урожденной баронессе Авроре Шернваль).

© Фтис: Виктор Яроцкий

Ну, а Александр Карамзин с женою, княжной Наталией Оболенской, в своей глуши построили больницу и приют для сирот, позднее богадельню, мастерские. А после его смерти (детей Бог им не дал) «наследница Карамзина В.Н. Щербакова выстроила на свои средства здесь, в Рогожке, двухэтажную каменную больницу, которую обеспечила в 1910 году даже электричеством». Больница просуществовала больше ста лет, в 1995 году отметила столетие; затем закрыта, забыта и заброшена уж совсем недавно, в самые последние годы, уже при Национальных проектах.

В 1853 году братья Андрей и Александр Карамзины отправились добровольцами на Крымскую войну. Жена Александра Наталия стала сестрой милосердия. Андрей, в звании полковника, был направлен на Балканский театр, получил под свое командование боевой отряд из трех эскадронов александрийских гусар и сотни Донского казачьего полка. Он погиб в бою с турками под Каракулом, погубив свой отряд. Вот что писал о об этом Ф.И.Тютчев:

«...Последней тенью на этом горестном фоне послужило то обстоятельство, что во всеобщем сожалении, вызванном печальным концом Андрея Николаевича, не все было одним сочувствием и состраданием, но примешивалась также и значительная доля осуждения. Рассказывают, будто государь (говоря о покойном) прямо сказал, что поторопился произвести его в полковники, а затем стало известно, что командир корпуса генерал Липранди получил официальный выговор за то, что доверил столь значительную воинскую часть офицеру, которому еще не доставало значительного опыта. Представить себе только, что испытал этот несчастный А. Карамзин, когда увидел свой отряд погубленным по собственной вине...»

* * *

Похоронены были Александр Николаевич и Наталия Васильевна Карамзины с большим почетом в местной церкви. В 1923 году их могила была кощунственно разорена и разграблена, череп праведника долго использовался в местной школе как наглядное пособие — вот такой был «выверт». А кости продолжали лежать под разо-

ренным алтарем. Только десять лет назад стараниями главного врача тогда еще существовавшей, старейшей в Нижегородской области Рогожской больницы Олега Михайловича Бахарева останки Карамзиных из разоренной церкви были перезахоронены на берегу их старинного пруда. В месте чистом, светлом и покойном. Удивительное место: тлен и запустение, но и покой и какая-то русская привычная скорбь в душе: эта дивная аллея древних лип, эта золотая листва под ногами, эти пруды и каналы, где гуляет рыба, эти еще белые больничные стены, где не выветрился запах лекарств.

Запустение, да, но неполное — крашеный мостик и скамейки, и даже белая беседка посреди зеленого пруда, невесть как поставленная; заботливо обустроенная могила, уместный здесь чугунный крест (он же чугунолитейный завод основал!), вырезанные на граните портреты Александра Николаевича и Наталии Васильевны, а на древнем дубовом стволе заботливо запаянная в полиэтилен, вырезанная из газеты статья «Ардатовский благодетель». А ведь нет никакого бюджета для этого, и нет никаких оплаченных рук.

Никого не было вокруг, и до города неблизко, и никакие указатели сюда не ведут, и в маршрутах туристических это место пока не значится, — а на гранитной плите лежали свежие цветы. И казалось, Гений места не покинул этот старый парк.

БЕЗ СТРАХА И НАДЕЖДЫ

«Завертываюсь в пурпурную мантию (разумеется, в воображении), покрываю голову большою, распущенною шляпою, И выступаю в альцибиадовских башмаках, ровным шагом, с философской важностью, на древнюю афинскую площадь».

Какой ритм!

А вот из стихов к другу юности И. Дмитриеву (1794 г. Карамзину 28 лет.):

.....
 А мы, любя дышать свободно,
 Себе построим тихий кров
 За мрачной сению лесов,

*Куда бы злые и невежды
 Век дороги не нашли
 И где б без страха и надежды
 Мы в мире жить с собой могли...*

Один священник, услышав эти стихи, сказал: «Бедный. Их автор совсем не знал Бога». Я думаю, Карамзин стремился жить в гармонии со своим внутренним Я, в мире с собою, с внутренним нравственным законом (о котором он говорил еще с Кантом: «Говорю о нравственном законе: назовем его совестью, чувством добра и зла — но они есть) и который чувствовал и ценил в себе как главную ценность.

И «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лук. 17:20-21).

Эта встреча в глубинах собственной личности всегда тайна, всегда неисповедима и несказанна, но жизненный путь пишущего человека дает возможность получить об этом некоторое представление.

«И где б без страха и надежды». Здесь важно это «б». Не сказано, что он так жил — сказано лишь, что он *хотел бы* так жить. А жил он, похоже, и в страхе, и, конечно, в надежде. С того самого 1792 года, когда повязали и бросили в крепость Новикова, на всю жизнь напугав детей его. Он знал боль потери самых близких и надеялся, что минует его чаша сия. Смелость — это не отсутствие, а преодоление своих страхов. Повторимся: «Любезное Отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, не унижая своей личности, за которую я в ответе перед той же Россией».

* * *

Уже закончив эту статью, в уточняющих поисках в интернете, я наткнулся на некий сайт, из тех, что еще недавно были вполне маргинальны, а сегодня вполне даже в тренде, может, чуть впереди паровоза. Внимание мое привлекла обширная для интернета анонимная статья в трех

частях про Карамзина. Вполне старательное изложение биографии, правда, с напором на усиления злонамеренных масонов, которые сделали Николаю Михайловичу всю биографию с далеко идущей целью — лишить наш народ «исторической памяти», чтобы он стыдился своих исторических корней... «Хотят, чтобы мы были уверены, что русские цари были похожи на грязных маньяков, которые устраивали публичные казни, а русский народ смотрел на это с умилением и с благоговением...» Именно для этого, по их мнению, и выпестован был врагами России Николай Карамзин.

Что тут сказать? С анонимами спорить не с руки, да и ничего им не докажешь. Они даже факты не слишком извращают, просто поворачивают так, как им нужно для улучшения питания исторических корней... Трудная тема... Потому что начиная с гонений на Новикова и других просветителей, и позднее, со споров сторонников «Беседы» и шутовского «Арзамаса», славянофилов и западников, все это отражения уже многовекового спора между «архаистами и новаторами», сторонниками самости и модернизации, обскурантизма и искусства, изоляционизма и открытости, свободы и прописей, либерализма и национализма, того самого, который все увереннее и громче возвышает голос повсюду на нашей планете. Дай им волю, они и Пушкина запретят (вот уже и попа в купца переиначивают в детском издании) из соображений защиты «чувств верующих» и вообще на всю светскую культуру готовы накинуть узду. Власть у нас, как и в других странах, все еще воображают, что они оседают эту волну. Боюсь, не оседают; это извержение лавы предубеждений и ненависти, она испепеляет все, сжигает всех... Тонкая кора нашей трехсотлетней, все-таки европейской (!) культуры идет трещинами. Так что Карамзин — это вовсе не далекое оств-

шее прошлое, а самое что ни на есть горячее настоящее, потому что двести лет со дня опубликования его «Истории Государства Российского» оказались не таким уж большим сроком, чтобы достичь согласия по поводу цивилизационного выбора.

2001–2016 гг.

Примечания

- 1 Ларри Вульф. «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения». М.: НЛО. 2003. (Далее — цитаты из этой книги обозначены как Л.В.).
- 2 Д.И. Фонвизин. Цит. по сб.: «В поисках своего пути. Россия между Европой и Азией». С. 21-22.
- 3 Холм, на котором была построена Симбирская крепость, и ныне называется Венец, так же как и три улицы, и высотная гостиница в центре Ульяновска.
- 4 Н.М. Карамзин. Из предисловия к первому отделенному изданию «Писем русского путешественника». 1793.
- 5 И.Г. Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 450.
- 6 Ю.М. Лотман комментировал эту цитату: «Многочетное приглашение на обед означает большую степень близости: или длительное знакомство (чего у Карамзина не могло быть с постоянно жившим в Лондоне С.Р. Воронцовым), или же существенные для Воронцова рекомендательные письма<...> С.Р. Воронцов, как и его брат, Александр Романович, был человеком с недвусмысленно очерченным политическим лицом: противник самодержавного деспотизма вообще и режима Потемкина — в частности, он не скрывал своей оппозиционности по отношению к петербургскому правительству. <...> Частые посещения Воронцова Карамзиным тем более бросаются в глаза, что ни в одной из столиц европейских государств, кроме Лондона, он не наносил таких высоких визитов, ибо ни служебное положение, ни родственные связи, ни состояние не давали ему на это права».
- 7 «Московский журнал». Карамзин издавал в 1791-1792. Он был издателем, редактором и переводчиком. В журнале были опубликованы его произведения: «Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и др., а также переводы иностранных писателей, в т.ч. Стерна, Макферсона, Мармонтеля, и др.
- 8 Записка об убиении графа Каподистрии http://www.memoirs.ru/rarhtml/Raik_RA69_5.htm

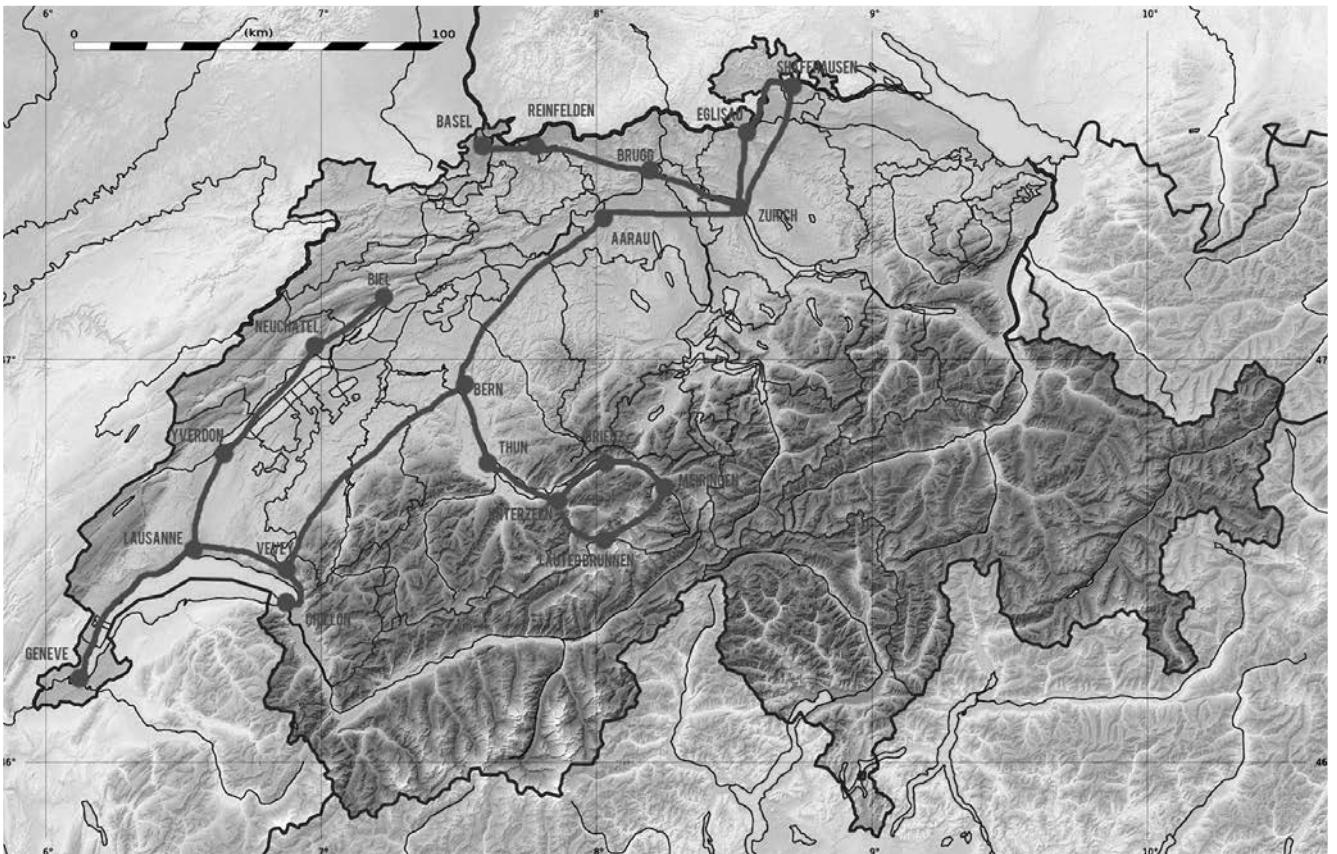

© Текст: Виктор Ярошенко

Алексей КАРА-МУРЗА

СТРАНСТВИЯ КАРАМЗИНА ШВЕЙЦАРИЯ

Новое прочтение
“Писем русского путешественника”

Европейское путешествие молодого Николая Михайловича Карамзина, известное нам главным образом по его знаменитым «Письмам русского путешественника»², продлилось около четырнадцати месяцев: с мая 1789-го по июль 1790 года.

«Швейцарский период», безусловно, занял в этом турне центральное место: в Швейцарии Карамзин пробыл около семи месяцев — с начала августа 1789-го до начала марта 1790-го. Для сравнения: в Германии он провел менее двух месяцев, во Франции — около трех с половиной, в Англии — около двух с половиной месяцев. Судя по всему, главным пунктом пребывания Карамзина в Европе изначально намечалась Женева: здесь «русский путешественник» прожил долгих пять месяцев — со 2 октября 1789 года по 1 марта 1790 года, делая лишь небольшие «вылазки» по окрестным местам.

Согласно авторитетному мнению Юрия Михайловича Лотмана (1922–1993), «путешествие, если судить по характеру интересов Карамзина в 1780-е годы, задумывалось как некая дуга с двумя основными точками опоры: Швейцарией и Англией»³. Эти две страны, разъясняет далее ученый, «как бы олицетворяли для Карамзина две возможности развития человечества, между

которыми колебались симпатии Карамзина в то время, когда он готовился к путешествию...

Патриархальности Швейцарии противостоял идеал «просвещенности» — Англия. В конечном счете, это была антитеза общественных устремлений Руссо и Вольтера. Карамзин испытал сильное влияние и того и другого, и желание произвести «следствие на месте» над идеями двух апостолов Просвещения XVIII века было одной из побудительных причин путешествия»⁴.

“Большое путешествие” или бегство?

Причины, побудившие Н.М. Карамзина весной 1789 года прервать участие в «Дружеском ученом обществе» и литературное сотрудничество с новиковской «Типографической компанией» (единственную работу, дававшую ему регулярный заработок) и отправиться в длительный — четырнадцатимесячный! — вояж в Европу, до сих пор остаются до конца не выясненными⁵. Известный литератор и один из первых биографов Карамзина Альберт Викентьевич Старчевский (1818–1901) писал, что в конце XVIII — начале XIX века в столичных кругах бы-

«Масонский дом» в Кривоколенном переулке, откуда Н.М. Карамзин уехал за границу весной 1789 г.

Федор Рокотов. Портрет Н.М. Карамзина. Государственный исторический музей.

Князь Гавриил Петрович Гагарин — «Тартюф», бывший масонский гротмейстер шведского обряда, ставший источником преследований Карамзина.

товало мнение, «будто известный патриот, Новиков, желая содействовать распространению Просвещения в Отечестве и видя в молодом Карамзине человека, подающего большие надежды, доставил ему средства совершить путешествие по образованнейшим государствам Европы, с тем чтобы Карамзин, возвратившись с богатым запасом новых идей, содействовал его видам»⁶.

По словам Старчевского, долгое время принималось за доказанный факт и то, что, отправляясь за границу, Карамзин получил от видного масона и ближайшего друга Новикова, Семена Ивановича Гамалеи (1743–1822), подробную «инструкцию», которой должен был руководствоваться в Европе «в выборе предметов изучения». Более того, согласно Старчевскому, «копии с этой инструкции имелись у многих любителей русской старины в Москве»⁷. Обсуждались в обеих столицах и свидетельства литератора Ф.Н. Глинки (будущего декабриста), который ссылаясь на слова самого Карамзина, будто бы доверительно сообщившего ему, что «был направлен за границу на средства масонов», и что «общество», отправившее его, «выдало путевые деньги из расчета на каждый день на завтрак, обед и ужин», и поэтому, например, для покупки книг за границей, он вынужден был экономить на еде и т.д.⁸.

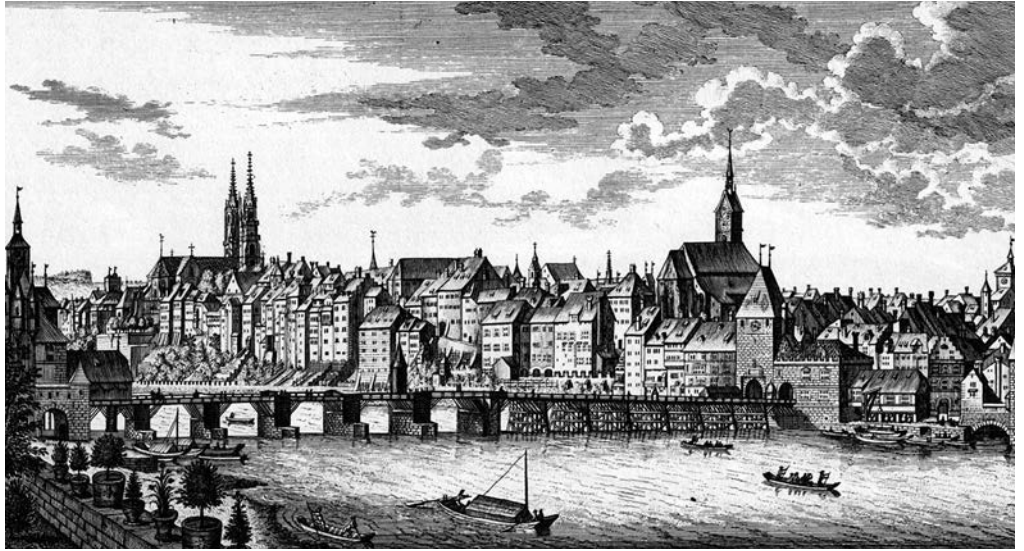
Решающими в определении судьбы Карамзина на следствии по «новиковскому делу» 1792 года⁹ стало свидетельство одного из лидеров московского масонства, князя Николая Никитича Трубецкого (1744–1820), который, лично покаявшись в увлечении мартинизмом, попутно уверенно заявил: «Что же принадлежит до Карамзина, то он от нас посылаем не был, а ездил вояжером (путешественником — А.К.) на свои деньги»¹⁰.

Ю.М. Лотман, в других случаях добросовестный до дотошности, спешит поставить на этом точку: «Самый простой и безболезненный вид разрыва (Карамзина с масонами. — А.К.) был отъезд. Тем более что планы путешествия Карамзин строил давно, и эти планы были известны в масонской среде и даже, видимо, первоначально одобрялись...»¹¹. Остается признать, что большинство исследователей карамзинского вояжа, ставшего поистине культовым в нашей литературе, так или иначе согласились с магистральной версией отъезда Карамзина: «*фазошелся с масонами и на собственные деньги отправился путешествовать*».

Однако при таком подходе остается совершенно необъяснимым тот факт, что за всё время своего длинного путешествия по Германии, Швейцарии, Франции и Англии Карамзин *практически ничего не писал в Россию* — ни родным бра-

Иван Иванович Дмитриев, друг Карамзина, помогавший ему в побеге за границу

Старый Базель

тям Василию и Федору, ни сестре Екатерине (в замужестве Кушниковой), ни самым близким друзьям. А объяснение этому, на наш взгляд, предельно просто: еще перед отправлением в Европу между Карамзиным и его близкими было договорено, что он *не будет писать из-за границы*; более того, Карамзин просил *не писать к нему самому*.

Единственной, кто попытался игнорировать эту странную договоренность, была, судя по всему, по-матерински любившая и опекавшая Карамзина Анастасия (Настасья) Ивановна Плещеева. Когда в июле 1790 года (т.е. спустя четырнадцать месяцев после отъезда Карамзина в Европу) она, ранее безуспешно писавшая ему за границу и не получавшая ответов, узнала, что тот объявился в Лондоне и готовится к возвращению в Россию, отправила ему гневное письмо: «Я уверена и уверена совершенно, что проклятые чужие края сделали с тебя совсем другого: не только дружба наша тебе в тягость, но и письма кидаешь, не читая! Я в том столько уверена, как в том, que j' existe (что я существую. — франц.), потому что с тех пор, как ты в чужих краях, я не имела удовольствия получить не единого ответа ни на какое мое письмо...»¹²

И это писала Плещеева, которой (вместе с ее мужем Алексеем Александровичем) Карамзин впоследствии и посвятил свои «Письма русского

путешественника» — да еще с надписью: «Вам писано — вам и посвящаю!» Похоже, прав литературовед В.В. Сиповский насчет того, как именно задумывались, а потом были положены на бумагу «Письма русского путешественника»: «Можно предположить, что Карамзин, заноса свои впечатления в записную книжку, вел “заглазную беседу” со своими друзьями...»¹³

Однако отсутствием взаимной переписки с близкими людьми странности карамзинского путешествия не исчерпываются.

Исследователи и комментаторы настойчиво продолжают отгонять от себя еще одну простую мысль: каким образом бросивший литературный труд у Новикова, отставной поручик Карамзин смог позволить себе многомесячное заграничное турне по Европе на те небольшие деньги, которые он смог выручить от продажи брату Василию своей доли отцовского наследства? К тому же основную часть этих денег — и это доказано — Карамзин получит от брата лишь несколькими годами позже, в 1795 году, и, кстати, известно, как потратит — на помощь бедствующей семье своих друзей Плещеевых! Об этом он тут же сообщит старшему (на пятнадцать лет) брату Василию, которого всю жизнь боготворил и называл только на «вы»: «Я, получив от вас деньги, по долгу сердечной дружбы, обязан отдать их Алексею

Ганс Гольбейн-младший. «Христос во гробе»
(1521–1522)

Памятник Эразму Роттердамскому
в базельском Мюнстере.

Александровичу, который имеет в них нужду. Странно было бы для всех, знающих связь мою с его домом, если бы я поступил иначе»¹⁴.

Между тем, представляется глубоко неверной и точка зрения, согласно которой молодой Карамзин отправился в Европу «с заданием от масонов». Известно, что в иерархии московских мартинистов он имел невысокий статус «брата», полученный еще в Симбирске, — с таким статусом в Европу ни с каким заданием не посылают! Очевидно, что Карамзину помогло деньгами не «общество», а, скорее, лично Н.И. Новиков, — а это совершенно разные вещи. Отправляя Карамзина за границу, Новиков мог увлечь его «журналистским заданием» с обещанием последующих публикаций и даже в счет будущих гонораров — сейчас об этом опять-таки можно только гадать.

* * *

Гораздо важнее другой и главный вопрос: а зачем Новикову вообще потребовалось отсылать Карамзина за границу именно весной 1789 года?

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит внимательно перечитать переписку интересующего нас времени двух близких к Карамзину людей: Настасьи Плещеевой и масонского наставника Карамзина Алексея Михайловича Кутузова, в самом деле посланного кружком Новикова в Берлин «с

заданием». Из этих писем, зачастую непростых для восприятия (оба участника догадывались о перлюстрации), можно сделать, тем не менее, однозначный вывод: весной 1789 года Карамзин не собирался уезжать за границу и отправился в Европу не по своей воле.

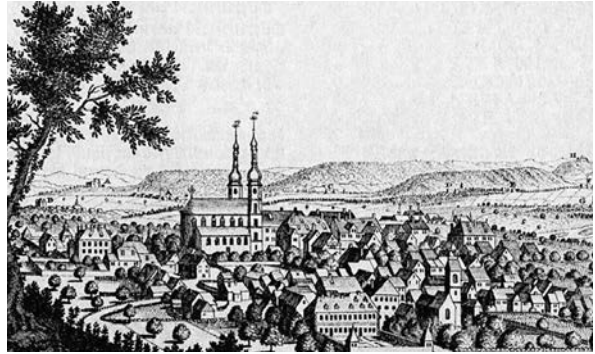
Так, 22 июля 1790 года А.И. Плещеева писала из орловского имения Знаменское А.М. Кутузову в Берлин: «К счастью, не все, например, вы знаете причины, которые побудили его (Карамзина. — А.К.) ехать. Поверите ль, что я из первых, плакав пред ним, просила его ехать; друг ваш Алексей Александрович (Плещеев. — А.К.) — второй; знать сие было нужно и надобно. Я, которая была вечно против одного вояжа, и дорого мне стоила она разлука. Да, таковы были обстоятельства друга нашего, что сие непременно должно было сделать»¹⁵. Из этих слов следует, что именно супруги Плещеевы, имевшие влияние на Карамзина, окончательно склонили его ехать в Европу, после того, как узнали о неких «обстоятельствах».

“Тартюф” — кто это?

И далее в письме к Кутузову Плещеева указывает на вполне конкретное лицо (хотя прямо и не называет его имени), поведение и по-

Базель. Площадь Рыбного рынка, где Н.М. Карамзин жил в начале августа 1789 г.

Арлегейм

ступки которого стали главной причиной отъезда Карамзина: «После этого скажите, возможно ли мне было и будет любить злодея, *который всему почти сему главная причина* (курсив мой. — А.К.)? Каково расставаться с сыном и другом и тогда, когда я не думала уже увидеться в здешнем мире. У меня тогда так сильно шла горлом кровь, что я почитала себя очень близкой к чахотке. А того, кто причиной сего вояжу, вообразить без ужаса не могу, сколько я зла ему желаю! О, Тартюф!»¹⁶

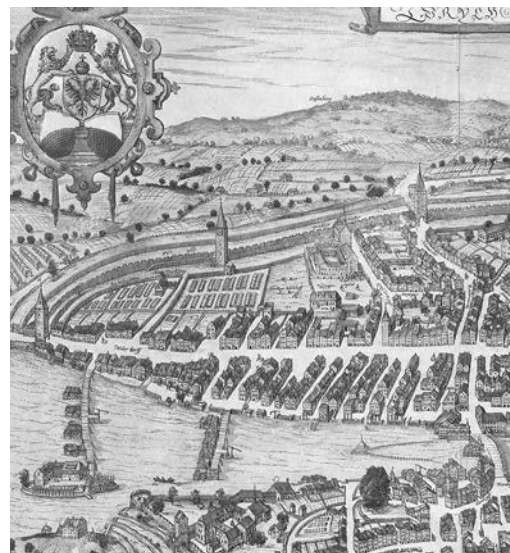
Из несколько сумбурного письма Плещеевой, во-первых, следует, что Карамзин направлялся в Европу на неопределенный срок: «я не думала уже увидеться в здешнем мире...». Что касается конкретного лица, ставшего причиной отъезда (фактически — бегства) Карамзина за границу, то установить его непросто. Важной зацепкой является плещеевское именование пресловутого «злодея» — «Тартюфом». Подобная аттестация, естественно, наводит на мысль, что речь идет не о заведомом враге, а, напротив, — о человеке, который числился некоторое время среди «своих» и, возможно, был даже вхож в круг Плещеевых. Ведь «Тартюфом», вслед за Ж.-Б. Мольером (одноименная комедия была написана им в 1664 году), принято называть до поры не разоблаченного, показного святошу, абсолютно безнравственного внутри, ловко прикидывающегося другом дома.

В рассказанной истории А.И. Плещеева, очевидно, невольно отождествляет себя с мольеровской Эльмирой, которой, как известно, хотя и не сразу, удалось разоблачить Тартюфа. А уже после возвращения Карамзина в Россию А.И. Плещеева в письме к А.М. Кутузову из Москвы от 10 ноября 1790 г., сетуя на то, что «Рамзей» (т.е. Карамзин) вернулся из Европы сильно изменившимся («сердце его сто раз было нежнее и чувствительнее»), снова возвращается к теме «злодея», из-за которого Карамзин вынужден был покинуть Россию: «Есть ли человек, столь великодушный, который бы мог простить злодея, причинившего все эти перемены? Считайте меня, как хотите, но я не себя виню, а виню того злодея, который был причиной моего согласия на отъезд Рамзея»¹⁷.

В своей книге о Карамзине (1899) В.В. Сиповский был склонен считать (правда, не называя конкретных имен), что интрига против молодого Карамзина шла изнутри ближайшего круга Н.И. Новикова: «Из первых писем Плещеевой, писем, в которых чувствуются и слезы, и страх, — видно, что тогда в новиковском кружке не всё было благополучно: какая-то трагедия разыгрывалась там втихомолку на глазах у Плещеевой, а она, перепуганная женщина, спасая дорогих ей людей, дерзала бороться с каким-то “злодеем”, “Тартюфом”...»¹⁸

Вид старого Цюриха

Карта Цюриха

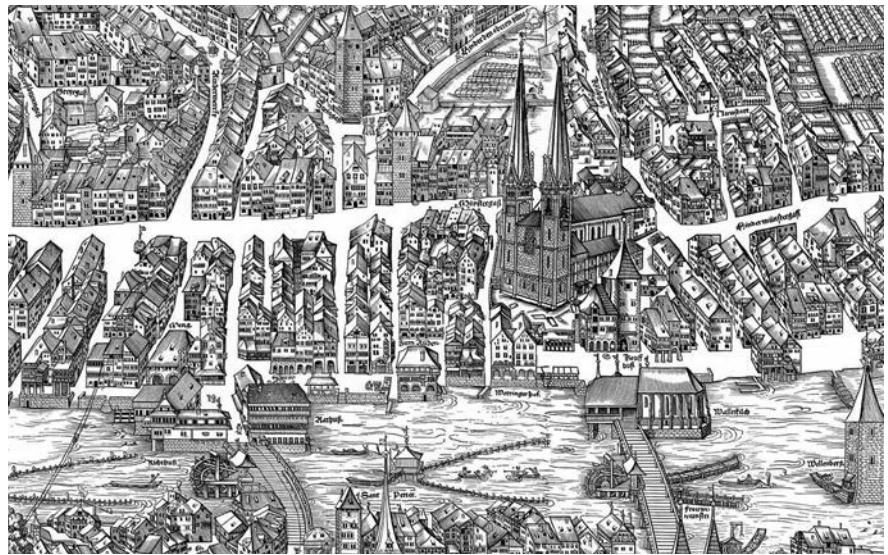
Совсем иначе интерпретирует содержание писем Плещеевой Кутузову Ю.М. Лотман: «Мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем, кого Плещеева называла “злодеем” и “Тартюфом”, но мы вряд ли ошибемся, если предположим связь этих событий с гонениями, обрушившимися в это время на московский круг единомышленников Н.И. Новикова, к которому принадлежал и Карамзин»¹⁹. Лотман, таким образом, склоняется скорее к версии о том, что в начале 1789 года юный Карамзин каким-то образом оказался мишенью начинающих репрессий со стороны императорского двора против московской партии Новикова.

Наиболее радикальное предположение в этой связи выдвигает В.Б. Муравьев — автор новейшей биографии Н.М. Карамзина в серии «Жизнь замечательных людей». Припомнив пушкинское определение Екатерины II, данное поэтом в бессарабской ссылке 1822 года: «Тартюф в юбке и короне», Муравьев делает смелый вывод: «Так что теперь к письму А.И. Плещеевой можно сделать объяснительное примечание: Тартюф — это российская императрица Екатерина II (1729–1796)»²⁰. Если быть последовательным, то по Муравьеву выходит, что весной 1789 года двадцатидвухлетний Карамзин бежал из России, став объектом преследования не кого-нибудь, а самой русской импера-

трицы! Однако, увы: версия эта в книге Муравьева не имеет никакого продолжения и выглядит абсолютно «вставной», ибо в дальнейшем изложении автор полностью воспроизводит концепцию о Карамзине как о вольном путешественнике.

Мне представляется, что к разгадке внезапного отъезда Карамзина в Европу (им самим весной 1789 года не планируемого, тем более — на длительный срок) парадоксальным образом, хотя и с различных сторон, приблизились разные исследователи: интрига против Карамзина шла *и изнутри, и извне его близкого окружения*.

Речь может идти о князе *Гаврииле Петровиче Гагарине* (1745–1807), крупнейшем петербургском масоне шведского обряда, знатоке трудов шведского мистика Эммануила Сведенборга, в то время как Н.И. Новиков и его московские друзья тяготели к немецким розенкрейцерам. В 1780-х годах князь Гагарин, уловив антимазонские настроения Екатерины II, постепенно свернул деятельность своих лож в Петербурге и вскоре получил назначение на высокую гражданскую должность в Москве — обер-прокурора 6-го департамента Сената. Разумеется, появление в Первопрестольной знатока эзотерических текстов и масонского гроссмейстера (хотя и иного, чем москвичи, обряда) не могло не остаться не замеченным кругом Новикова, который сде-

Старый Цюрих

лал попытку сблизиться с Гагариным. Похоже, однако, что сам тайный советник Гагарин очень скоро повел двойную игру: вникая в секреты новиковцев, он не прочь был поучаствовать в их разгроме. В 1792 году он станет одним из главных свидетелей на процессе против Новикова и его друзей.

Уже после смерти князя Гагарина, в 1811 году, граф Федор Васильевич Ростопчин, человек, очень близкий в те годы к Карамзину²¹, представит императору Александру I свои «Заметки о мартинистах», где о покойном Гаврииле Гагарине говорилось следующее: «Этот человек был гроссмейстером тайной масонской ложи в Москве и решил пристать к мартинистам; но, узнав, что им грозит гонение, счел за лучшее избавиться от всякой ответственности и выслужаться посредством разоблачения вверенных ему тайн. Он сделался предателем единственно из страха... Это был человек умный, опытный в делопроизводстве, но корыстный, склонный к пьянству, погрязший в долгах и никем не уважаемый»²². Очень вероятно, что эту свою характеристику князя Гагарина Ростопчин, мало сведущий в масонских делах, писал со слов близкого к нему Карамзина.

Каким именно образом в начале 1789 года двадцатидвухлетний Карамзин оказался замешан-

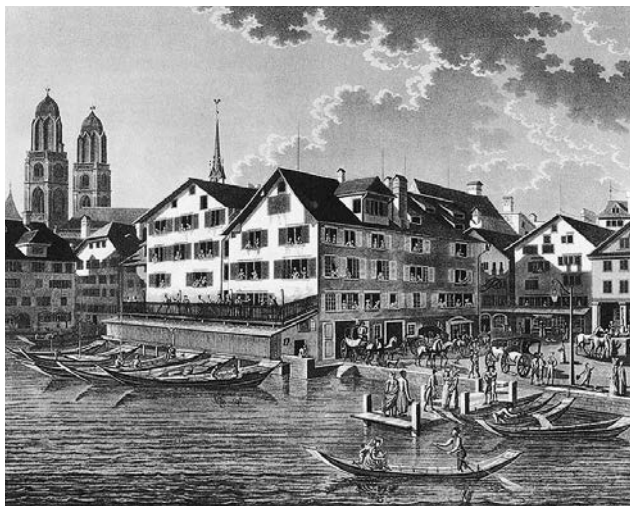
ным в интриги князя Гагарина, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Однако нам известна развязка тех событий: Карамзин был выведен из-под удара и отправлен за границу — скорее всего, лично Новиковым, не желавшим ни «сдавать» молодого сотрудника, ни ссориться с влиятельным Гагариным. Новиков тогда еще надеялся, что гнев императрицы минует его и что он по-прежнему будет пользоваться покровительством московского наместника («главнокомандующего») П.Д. Еропкина, чей глава канцелярии («правитель дел») И.А. Барнашев был активным масоном и близким к Новикову человеком.

Если принять нашу версию, что «путешествие» Карамзина 1789–1790 годов фактически было бегством за границу (по сути — эмиграцией), то карамзинские «Письма русского путешественника» предстают *литературно обработанным дорожным дневником эмигранта* и, соответственно, должны читаться *принципиально иным образом*.

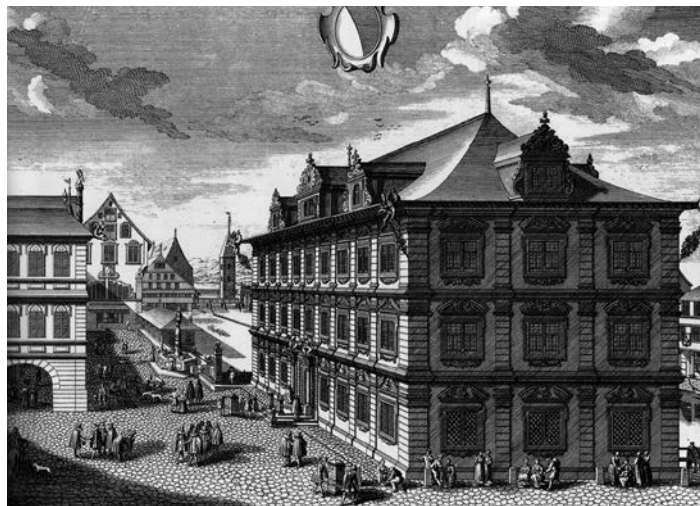
* * *

В дороге

Э то касается уже самого первого карамзинского «Письма...», помеченного: «Тверь, 18 мая 1789 г.», которое историк и литератор М.П. Погодин назвал ни много ни мало «эпохой в исто-

Отель «Рабен», где Н.М. Карамзин жил во второй половине августа 1789 г.

Цюрих. Городская ратуша

рии Русского слова»: «С него начинается наша настоящая литература»²³. Понятно, что в такой ситуации адекватное прочтение этого важнейшего литературного памятника является делом принципиально важным.

Действительно, при новом прочтении, описанные Карамзиным-беглецом чувства расставания с близкими и родиной уже не выглядят нарочитой самоэкзальтацией, ранее списываемой комментаторами на сентименталистские пристрастия автора. Беглец покидает родину на неопределенный срок и без гарантий возвращения, а поэтому и «путешествие в Европу», о котором он когда-то действительно мечтал, окрашивается в совершенно иные тона: «О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? — Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения?... Но — когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего... Простите! Дай Бог вам утешений! — Помните друга, но *без всякого горестного чувства* (курсив мой. — А.К.)»²⁴. О каком «горестном чувстве» говорит Карамзин? Разумеется, сам «путешественник» вправе и обязательно будет тосковать по оставшимся в России друзьям, но почему эти

друзья, провожая Карамзина в Берлин, Женеву, Париж, Лондон, должны вспоминать о нем «с горестным чувством»? Ведь о праздных «туристах» принято вспоминать скорее с завистью, но никак не с горестью.

Согласно нашей версии, вынужденный изгнанник Карамзин не мог не взять с собой в дорогу (по крайней мере, до русской границы) надежного сопровождающего²⁵, посвященного во все тайные «обстоятельства». И поэтому, после расставания с московскими друзьями, в кибитке, вместе с Карамзиным, из Москвы отправился еще один человек, *имя которого было решено впоследствии не упоминать*. Этим «вторым», расставшимся с Карамзиным лишь на русской границе, был, согласно нашей версии, еще один близкий друг Карамзина — литератор Иван Иванович Дмитриев (1760–1837).

К такому выводу прямо подталкивает фрагмент из письма Карамзина И.И. Дмитриеву (в то время уже — александровскому министру юстиции!) от 4 августа (ст. ст.) 1810 года, на которое исследователи ранее не обращали должного внимания. В этом письме Карамзин, говоря о скором своем отъезде из Москвы в Арзамас по делам нижегородского имения, неожиданно «проговаривается» на интересующую нас тему: «Эта дорога напомнит мне лета первой молодости и путеше-

Иоганн Каспар
Лафатер

Дом И.К. Лафатера в Цюрихе

Шафгаузен

ствие мое с тобою к пределам нашей общей родины (курсив мой. — А.К.)»²⁶. Поскольку Карамзин никогда более за границу не выезжал, остается предположить, что речь идет именно о мае 1789 года — самом начале четырнадцатимесячных европейских странствий Карамзина.

Что касается самого И.И. Дмитриева, то, ни разу не упомянутый в «Письмах русского путешественника», он до конца жизни хранил тайну карамзинского вояжа в Европу. В своих поздних мемуарах он так написал об общении с Карамзиным в конце 1780-х гг.: «Несколько раз встречались в Москве, и, наконец, разлучились уже на долгое время: он отправился в чужие края, но не за счет общества, как многие о том разглашают, а на собственном иждивении»²⁷.

Эта случайная находка в позднейшей переписке Карамзина с И.И. Дмитриевым заставляет по-новому перечитать и второе письмо из «Писем путешественника», помеченное: «С. Петербург, 26 мая 1789», в котором Карамзин рассказывает о посещении им своего друга «Д» — тоже гвардейского офицера и литератора Александра Ивановича Дмитриева (1759–1798), старшего брата И.И. Дмитриева: «В Петербурге я не поселился. Приехав с своему Д, нашел его в крайнем унынии. Сей достойный, любезный человек открыл мне свое сердце: оно чувствительно —

он несчастлив!»²⁸ Находившийся «в крайнем унынии» по причине, как ему казалось, неразделенной любви²⁹, Александр Дмитриев подумал было, что Карамзин, отправлявшийся в обещающее бесконечные наслаждения путешествие, не в состоянии понять и разделить его печалей: «Состояние мое совсем твоему противоположно, сказал он со вздохом: главное твое желание исполняется: ты едешь наслаждаться, веселиться; а я поеду искать смерти, которая одна может окончить мое страдание»³⁰.

Что же ответил своему «несчастному» другу Карамзин? Его ответ никак не соответствует состоянию предвкушающего европейские радости «туриста», но зато очень соответствует настроению беглеца, не по своей воле покидающего родину: «Но не думай, мой друг — сказал я ему — чтобы ты видел перед собою человека, довольного своею судьбою; приобретая одно, лишаюсь другого, и жалею. — Оба мы вместе от всего сердца жаловались на несчастный жребий человечества, или молчали. По вечерам прохаживались в Летнем саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своем думал»³¹.

Итак, согласно новой версии, начальный этап «путешествия» Карамзина выглядит следующим образом. В мае 1789 года он отправляется сначала в Санкт-Петербург в сопровождении И.И.

Дмитриева, который мог предложить беглецу свою дружескую помощь еще по одной причине: именно в мае 1789 года его брат, Александр Иванович, ранее подпоручик, был выпущен из Семеновского полка в армию премьер-майором³² — это событие брата, вероятно, хотели отметить в Петербурге вместе. Участие в этом празднике бежавшего из Москвы Карамзина также более чем вероятно, как ясно и то, что описание подобного «мероприятия» совсем не укладывалось в авторскую схему «Писем русского путешественника». Кстати, тот факт, что, бежав из Москвы, Карамзин отправился сначала в Санкт-Петербург и провел там пять дней, первоначально собираясь плыть в Германию морем, подтверждает то, что источник проблем Карамзина — тот самый «Тартюф» — находился в Москве, а не в тогдашней столице.

Судя по всему, И.И. Дмитриев сопровождал Карамзина от столицы вплоть до самой границы, о чем говорят вышеприведенные слова Карамзина: «*путешествие мое с тобою к пределам нашей общей родины*» из его письма Дмитриеву от 4 августа 1810 года.

Новое прочтение «Писем русского путешественника» (в самом этом названии звучит *горчайшая карамзинская ирония!*), казалось бы, многократно читанных-перечитанных поколениями русских, показывает, что автор постоянно посылает нам — читателям — своего рода *маячки-сигналы* об истинных причинах своего так наз. «путешествия». Это вполне объяснимо и оправданно: ведь некоторые его современники (к примеру, те же супруги Плещеевы, которым были впоследствии посвящены «Письма...»), знали об истинной подоплеке карамзинского турне. Увы, позднейшие исследователи очень долго игнорировали эти карамзинские «сигналы» и степень их исторической и литературной важности.

Что же касается автора данного текста, то стремясь, как и его герой, в Швейцарию, мы вынуждены задержаться лишь еще на одном, но, как представляется, принципиальном фрагменте из карамзинских «Писем путешественника», касающемся пока его пребывания в Германии, конкретно — в Саксонии.

Дрезден

Выше уже несколько раз упоминалось о неожиданном для московских друзей Карамзина его письме к А.А. Петрову из Дрездена — единственном известном нам письме, посланном Карамзиным из-за границы за весь 1789-й год! Если верна наша догадка о том, что перед «путешествием» был заранее обговорен полный запрет на переписку, то в столице Саксонии Карамзин должен был попасть в некие форс-мажорные обстоятельства, *вынудившие* его (и одновременно *позволившие* ему) прервать молчание. Что-то случилось в Дрездене такое, что подвигло Карамзина нарушить договоренность и черкнуть-таки восточку в Москву!

Как уже говорилось, спонтанная отправка Карамзиным послания из Дрездена объяснима, в первую очередь, начавшимися финансовыми затруднениями, наложившимися на острый душевный кризис³³. Перечитаем под этим углом зрения фрагменты из «Писем путешественника», посвященные пребыванию в Дрездене.

Согласно «Письмам...», Карамзин был в Дрездене по дороге из Берлина с 10 по 13 июля 1789 года. Главка, помеченная автором «*За две мили от Дрездена, 10 Июля, 1789*», является, по своему настроению, одной из самых грустных во всей книге. Небывалая тоска охватила Карамзина еще накануне, в Берлине: «В тот же вечер стало мне так грустно, что я не знал куда деваться. Бродил по городу, нахлобучив себе на глаза шляпу, и тростью своею считал на мостовой камни... Что же делать?..»³⁴. И далее — важнейший пассаж: «*Кто еще не заперт в клетку (курсив мой — А.К.) — кто может, подобно птичкам небесным, быть и здесь и там, и там и здесь — тот может еще наслаждаться бытием своим, и может быть счастлив, и должен быть счастлив*»³⁵.

«*Кто еще не заперт в клетку...*» — согласимся, эта горькая мысль мало подходит «вольному вояжеру», каким представляется Карамзин в традиционной интерпретации. Зато она очень логична для сознания скитальца, вынужденного — во избежание худшего! — бежать из родного дома действительно «куда глаза глядят».

Только скитальцу остается радоваться тому, что он, хотя и лишен родины, но во всем остальном — «подобно птичкам небесным» — абсолютно свободен!

Тема разлуки с отечеством и друзьями не оставляет Карамзина и на подъезде к Дрездену. Переменяя на одной из почтовых станций лошадей, «русский путешественник» знакомится с прекрасной незнакомкой — «в Амазонском зеленом платье с белым платком в руках»: «Вы, конечно, иностранец, если смею спросить? — Так, сударыня. — Конечно, Англичанин? Потому что англичане хорошо говорят по-Немецки. — Извините, сударыня: я Москвитянин. — Москвитянин? Ах, боже мой! Я еще от роду не видывала Москвитян. Как вы к нам заехали? — Из любопытства, сударыня. — Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Ведь вы, конечно, оставили в отечестве своем много любезного? — Много, сударыня, много: я оставил отечество и друзей...» и т.д.³⁶. Пассаж об исключительном «любопытстве», заставившем вояжера «оставить отечество и друзей», — еще один блестящий пример горькой самоиронии автора «Писем русского путешественника».

Остается вопрос: кто мог конфиденциально переправить дрезденское письмо Карамзина в Москву, если официальной почте он категорически (и справедливо) не доверял? Согласно «Письмам путешественника», 12 июля 1789 года Карамзин посетил русское посольство при саксонском дворе. Поскольку сам посланник был в отъезде³⁷, Карамзин, по его словам, «познакомился с секретарем нашего Министра»³⁸. Очень вероятно, что именно этот человек и стал тем лицом, который переправил (по дипломатическим каналам, а возможно, и лично) письмо Карамзина в Москву — такова моя версия происхождения ставшего полной неожиданностью для московских друзей Карамзина его послания из Дрездена к А.А. Петрову.

Понятно, что, отослав важную для него весточку в Россию, наш «путешественник» на следующее утро, 13 июля, отправляясь из Дрездена в Лейпциг, находился уже в совершенно ином, приподнятом состоянии духа: «Так ясно было небо, так ясна была душа моя...»³⁹.

Страсбург

Согласно «Письмам русского путешественника», 5 августа 1789 года, в семь часов вечера, Николай Карамзин приехал из немецкого Мангейма во французский Страсбург. В его сочинении описываются приметы волнений, докатившихся из революционного Парижа: «Везде в Эльзасе приметно волнение. Целые деревни вооружаются, и поселяне пришивают кокарды к шляпам. Почтмейстеры, постиллионы (ямщики почтовых карет. — А.К.), бабы говорят о революции»⁴⁰.

«Между тем в самых окрестностях Страсбурга толпы разбойников грабят монастыри. Сказывают, что по деревням ездил какой-то человек, который называл себя графом д'Артуа и возбуждал поселян к мятежу, говоря, что король дает народу полную свободу до 15 августа и что до сего времени всякий может делать что хочет»⁴¹.

Декларируемые симпатии автора «Писем путешественника» явно на стороне мирных обывателей, чурающихся беспорядков: «Жители затыкают уши и спокойно отправляют свои дела. Офицеры сидят под окном и смеются, смотря на неистовых». «Я был ныне в театре, — продолжает Карамзин, — и, кроме веселости, ничего не приметил в зрителях. Молодые офицеры перебежали из ложи в ложу и от всего сердца били в ладоши, стараясь заглушить шум пьяных бунтовщиков, который раза три приводил в замешательство актеров на сцене»⁴².

По мнению Ю.М. Лотмана, тот факт, что из Германии Карамзин поехал не сразу в Швейцарию, а во французский Страсбург, свидетельствует о том, что планы Карамзина изменились, и он решил обязательно найти (и, в итоге нашел-таки) своего старшего друга и масонского наставника А.М. Кутузова в революционном Париже: «Итак, он спешит в Швейцарию. Однако из Мангейма он направляется совсем не туда, а едет во Францию — в Страсбург... Таким образом, из Мангейма Карамзин “торопился” совсем не в Швейцарию, а во Францию»⁴³.

Версию о тайной поездке в Париж летом 1789 года Лотман развивает и в книге «Сотво-

Рейнский водопад

Вид старого Берна

рение Карамзина»: «Согласно тексту “Писем”, Карамзин пересек границу Франции, приехал в Страсбург, но, вдруг свернув с дороги на Париж, отправился в Швейцарию. В тексте “Писем” это решение, по сути, никак не мотивировано... Предположив, что Кутузов звал Карамзина не в Страсбург, а в Париж, что Карамзин откликнулся на это предложение и что почтовая карета, в которой сидел русский путешественник, выехала из столицы Эльзаса не через южные ворота по базельской дороге, а через западные по парижской, мы сразу получим ответы на ряд вопросов»⁴⁴.

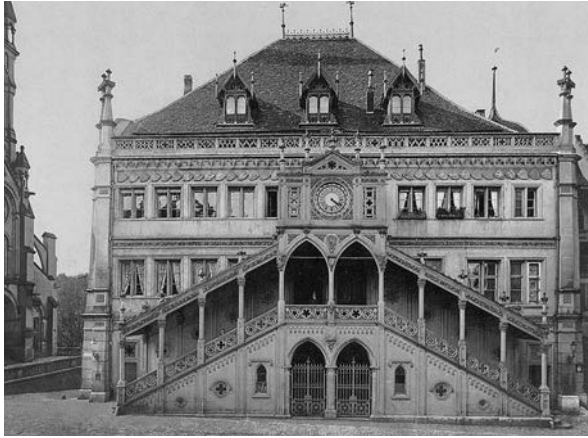
Лотман явно сам «торопится» отправить Карамзина в Париж: и «тайно» из Страсбурга, в августе 1789 года, и потом — «досрочно», из Женевы, зимой 1790 года. Его логика понятна: как можно «гулять по Швейцарии», когда во Франции — Революция! Увы, версия Юрия Михайловича не получила никаких подтверждений и никаких серьезных вопросов не решила.

Тот факт, что из Германии Карамзин поехал во французский Страсбург имеет достаточно простое объяснение: путешественник намеревался въехать в Швейцарию через Базель, а удобный путь из Мангейма в Базель лежит именно через Страсбург. Кроме того, именно в Страсбурге долгое время жил и работал близкий друг Ка-

рамзина по московскому «масонскому дому», немецкий поэт и философ Якоб Ленц (1751–1792), который, по-видимому, активно участвовал в составлении плана путешествия Карамзина по Европе. Нет сомнений, что после рекомендаций Ленца Страсбург изначально стоял в плане европейской поездки Карамзина⁴⁵.

К безотлагательной поездке в Швейцарию и — конкретно — в ближайший к Эльзасу Базель Карамзина подталкивало еще и то обстоятельство, что в Страсбурге он узнал, что И.К. Лафатер (с которым, как он предполагал, он непременно должен встретиться чуть позже, в Цюрихе), оказался в те дни именно в Базеле, где, поближе к Франции, конфиденциально встречался со старым знакомым, государственным деятелем и финансистом Жаком Неккером — уроженцем протестантской Женевы, игравшим в те месяцы одну из важнейших ролей во французских событиях. Карамзин прямо пишет об этом важном обстоятельстве в «Письме», помеченном: «Страсбург, Августа 6»: «Мне сказывали, что Лафатер за несколько дней пред сим был в Базеле для свидания с Неккером»⁴⁶.

Согласно «Письмам», в Страсбурге у нашего «путешественника» появился друг-напарник, датчанин Беккер, сын придворного копенгагенского аптекаря, изучавший медицину и химию

Берн. Городская ратуша

Берн. Башня с часами

в Берлинском университете и затем много путешествовавший по Германии. В «Письмах русского путешественника» из Швейцарии этот «Г-н Б.» — «молодой человек в красном камзоле» — станет своего рода *alter ego* русского путешественника, средоточием всех качеств, которые Карамзин ценил в других и стремился культивировать в себе: прямоты, искренности, приподнятой чувствительности. Кроме того, в «Письмах» датчанин выполняет, на наш взгляд, еще одну важнейшую функцию: доктор медицины Беккер — вольный путешественник в подлинном смысле этого слова, в то время как сам Карамзин — «путешественник русский», «путешественник поневоле».

Доктор Беккер обратил на себя внимание Карамзина еще в Страсбурге, когда, при посадке в почтовый дилижанс, направляющийся в швейцарский Базель, всех пассажиров строго предупредили: «Берегитесь! Дорога не совсем безопасна; в Эльзасе много разбойников...» «Мы посмотрели друг на друга, — пишет Карамзин в «Письмах». — “У меня есть кортик и собака”, — сказал молодой человек в красном камзоле, севший подле меня...»⁴⁷.

Карамзин близко сошелся с молодым симпатичным датчанином, опытным и смелым путешественником, который «прошел большую часть Германии пешком, один, со своею собакою

и с кортиком на бедре, пересылая через почту чемодан свой из города в город»⁴⁸.

Характерно, что именно в этом месте «Писем» — в преддверии въезда в Швейцарию — Карамзин помещает свою знаменитую «апологию путешествия»:

«Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения. Все прочие животные, будучи привязаны к некоторым климатам, не могут выйти из пределов, начертанных им натурою, и умирают, где родятся; но человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат — ищет везде наслаждений и находит их — везде бывает любимым гостем природы, повсюду отвергающей для него новые источники удовольствия, везде радуется бытием своим и благословляет свое человечество. А мудрая связь общности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобства жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих весельях... Одним словом, друзья мои, путешествие

Берн. Мюнстер

Берн. Башня св. Кристофора и Церковь св. Духа

питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»⁴⁹

Встреча со Швейцарией

Московскому беглецу Карамзину действительно хочется вжиться в образ «вольного путешественника»! Встреча с реальной Швейцарией — страной юношеских грез — описана в «Письмах», как апогей либеральных мечтаний «русского путешественника»: «Итак, я уже в Швейцарии, в стране живописной природы, в земле свободы и благополучия! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве»⁵⁰.

В Базеле Карамзин и доктор Беккер остановились в отеле «Storchen» («Аист») на площади Рыбного рынка, знаменитой своим готическим фонтаном (**Fischmarktbrunnen**), украшенном 24 цветными фигурами — одним из самых известных фонтанов Европы.

К досаде Карамзина, И.К. Лафатер к тому времени уже уехал из Базеля снова в Цюрих, но в Базеле — первом швейцарском городе в запланированном турне — было что посмотреть. В Мюнстере, «главной базельской церкви», Карамзина привлек монумент Эразма Роттердамского, который, по свидетельству Карамзина, «считался в свое время ученым и остроумнейшим человеком в Европе».

В «базельских письмах» Карамзин особо подчеркивает свою увлеченность поисками шедевров «славного» Ганса Гольбейна-младшего — «базельского уроженца и друга Эразмова»: «Знатки говорят о сем живописце, что фигуры его вообще весьма хороши, что тело писал он живо, но одежду очень дурно... Какое прекрасное лицо у Спасителя на вечери! Иуду, как он здесь представлен, узнал бы я всегда и везде... Страсти Христовы изображены на восьми картинах»⁵¹.

Но особенно поразила Карамзина картина Гольбейна «Христос во гробе»: «В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно. По преданию рассказывают, что Гольбейн писал его с одного утопшего жида»⁵².

В 1867 году эту картину посмотрел специально приехавший для этого в Базель Ф.М. До-

Тун. Отель «Фрейгоф», где Н.М. Карамзин останавливался в конце августа 1789 г.

Нижний ледник Гринденвальда (с картины К. Вольфа)

Тун

стоевский, который, по словам Е.Г. Новиковой, «путешествуя по Европе в 1860-х гг., ощущает себя “русским путешественником” – прямым потомком Карамзина».⁵³ Жена Достоевского, Анна Григорьевна, вспоминала: «По дороге в Женеву мы остановились на сутки в Базеле, с целью в тамошнем музее посмотреть картину, о которой муж от кого-то слышал. Эта картина, принадлежавшая кисти Ганса Гольбейна, изображает Иисуса Христа, вынесшего нечеловеческие истязания, уже снятого со Креста и предававшегося тлению. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен. Картина произвела на Ф. М. подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы пораженный...»

Свои впечатления от Гольбейнова «Христа во гробе» Достоевский потом передал в романе «Идиот», в диалоге князя Мышкина и Рогожина перед картиной, висевшей в квартире последнего («странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту»): «Это копия с Ганса Гольбейна, – сказал князь, успев разглядеть картину, – и хотя я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу. – А на эту картину я люблю смотреть! – пробормотал, помолчав, Рогожин. – На эту картину! – вскричал вдруг князь, под впечатлением

внезапной мысли, – на эту картину! Да от этой картины у иного вера может пропасть! – Пропадает и то, – неожиданно подтвердил вдруг Рогожин»⁵⁴.

Согласно «Письмам», 9 августа 1789 года Карамзин, в обществе двух знакомых берлинцев, совершил поход в городок Арлесгейм, рядом с которым находится один из самых живописных романтических парков Европы.

В «Письмах русского путешественника» читаем: «В семи верстах от Базеля находится так называемая *пустыня*, или обширный сад, принадлежащий одному из здешних богачей. Туда ходил я пешком с двумя молодыми берлинцами, здесь живущими. Кажется, будто бы искусство не имело никакого участия в разведении сего сада. Надобно везде ходить по узеньким тропинкам и взбираться на утесы по каменным ступеням. Инде видишь частый зеленый кустарник – инде глубокие пещеры или разбросанные шалаша. Во глубине дикого грота, где чистая вода, струясь с высоких камней, ископала себе маленький бассейн, стоит монумент покойного Геснера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно приехал я в Швейцарию: умолк голос нежного певца ее! В сем тихом гроте, в сем святилище меланхолии душа чувствует томное уныние и погружается наконец в сладкую дремоту...»⁵⁵.

Удивительно, но литературно поданная история с походом Карамзина в Арлесгейм «с двумя молодыми берлинцами» нашла не так давно полное документальное подтверждение: подписи всех трех, «*Николая Карамзина из Москвы*», «*С.Т. Матиса из Берлина*» и «*Фердинанда Тронцеля, библиотекаря из Берлина*» — были найдены швейцарской исследовательницей Светланой Геллерман в книге записей посетителей Эрмитажа именно за 9 августа 1789 года⁵⁶! Эта уникальная историко-краеведческая находка полностью опровергает версию Ю.М. Лотмана о том, что в начале августа Карамзин якобы тайно, находился в Париже для встречи со своим бывшим масонским наставником Кутузовым.

Вечером того же дня, 9 августа, Карамзин, вместе с доктором Беккером (переживавшим очередную романтическую влюбленность), выехали из Базеля по дороге вдоль Рейна в направлении Цюриха (через Рейнфельден и Бругг): «Наняли мы здесь извозчика, или так называемого кучера (Kutscher), который за два луидора с талером повезет нас в Цюрих на паре жирных лошадей, в двухместной старомодной карете; и таким образом за 60 верст платим мы 17 руб.»⁵⁷.

Далее в «Письмах...», в маленькой главке под названием «*В карете дорогою*», Карамзин сочиняет еще одну апологию — на этот раз самой земле Швейцарии, в духе другого кумира своей молодости — Жан-Жака Руссо: «Уже я наслаждаюсь Швейцариею, милые друзья мои! Всякое дуновение ветерка проникает, кажется, в сердце мое и развеивает в нем чувство радости. Какие места! Какие места! Отъехав от Базеля версты две, я вскочил из кареты, упал на цветущий берег зеленого Рейна и готов был в восторге целовать землю. Счастливые швейцары! Всякий ли день, всякий ли час благодарите вы небо за свое счастье, живучи в объятиях прелестной природы, под благодетельными законами братского союза, в простоте нравов и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, приятное сновидение, и самая роковая стрела должна кротко влетать в грудь вашу, не возмущаемую свирепыми страстями!»⁵⁸

«Прелестная натура» Швейцарии подвигает нашего путешественника на философские размышления: «Я думаю, что ужас смерти бывает

следствием нашего уклонения от путей природы. Думаю, и на сей раз уверен, что он не есть врожденное чувство нашего сердца...»⁵⁹

Погружение во «всеобъемлющее лоно природы», обещающее русскому страннику «новое счастье», очевидно, начинает врачевать душу беглеца, успешно вживающегося в образ «путешественника».

* * *

Как следует из «Писем», 10 августа 1789 года в 10 часов утра Карамзин и Беккер приехали в Цюрих и остановились «в трактире под вывескою “Ворона”», где им отвели «большую светлую комнату»⁶⁰.

Встреча Карамзина с Лафатером, жившем в старинном доме на той же стороне Лимматы, что и гостиница Карамзина, многократно описана в литературе.

Ю.М. Лотман, опубликовавший переписку Карамзина и Лафатера, как представляется, весьма точно воспроизводит психологическую атмосферу первой очной встречи Карамзина с Лафатером: «Можно полагать, что наивное восхищение “южным магом” (как называли Лафатера по аналогии с предромантическим философом-интуитивистом И.Г. Гаманном, прозванным “северным магом”), свойственное Карамзину в те годы, когда он направил первое письмо в Цюрих, уже прошло. Карамзину, который в эту пору уже был внимательным читателем Вольтера, Кондильяка, Канта, который прочел критическую брошюру Мирабо против Лафатера, наивная религиозная философия и вера в чудеса, защищаемая Лафатером, не могли не казаться архаичными. К Лафатеру его привлекали симпатичные черты личности: патриархальная простота обращения, практическая филантропия, столь ценимая в московских масонских кругах, сентиментально-идиллический быт, царивший в доме цюрихского пастора»⁶¹.

В карамзинских «Письмах», помеченных Цюрихом, начинает особенно ярко просвечивать тема ностальгии по родине и оставшимся там друзьям: «Для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать; чтобы узнать всю любовь нашу к друзьям, надобно с ними расстаться»⁶².

* * *

Не без некоторой зависти беглец Карамзин, ставший европейским «путешественником» по неволе, присматривается к разнообразным проявлениям тесной связи жителей Швейцарии с их родной землей: «Швейцары так страстно любят свое отечество, что почитают за великое несчастье надолго оставлять его»⁶³.

Возможно, этими двумя чувствами — ностальгии по родине и симпатии к *душевным* проявлениям швейцарского патриотизма — объясняется тот странный факт, что швейцарские города, как воплощения застывшей материальности, не производили на Карамзина позитивного впечатления.

Вот его описание Базеля: «Базель более всех городов в Швейцарии, но, кроме двух огромных домов банкира Саразеня, не заметил я здесь никаких хороших зданий, и улицы чрезмерно худо вымощены. Жителей по обширности города очень немного, и некоторые переулки заросли травой»⁶⁴.

А вот мнение о Цюрихе: «О городе скажу вам, что он не прельщает глаз, и, кроме публичных зданий, например ратуши и проч., не заметил я очень хороших или огромных домов, а многие улицы или переулки не будут и в сажень шириною»⁶⁵.

Примерно в том же духе Карамзин выскажет потом о Шаффхаузене или, например, о Лозанне. О Шаффхаузене: «О городе не могу вам сказать ничего примечания достойного, друзья мои»⁶⁶. О Лозанне: «Исходил я весь город и могу сказать, что он очень нехорош; лежит отчасти в яме, отчасти на кособоре, и куда ни поди, везде надобно спускаться с горы или всходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены»⁶⁷.

Согласно «Письмам» (доверие к точности которых, после находок С. Геллерман, естественно, возрастает), рано утром 13 августа 1789 года Карамзин и доктор Беккер вышли из цюрихского «Ворона» и отправились в пеший поход на север, к Шаффхаузену, чтобы посмотреть знаменитый Рейнский водопад: «Сперва шел я довольно бодро, но скоро силы мои начали истощаться — день был самый ясный — жар беспрестанно усиливался — и наконец, прошедши мили две, я от слабости упал на траву подле дороги, к великой досаде

моего Б. [Беккера], которому хотелось как можно скорее дойти до Рейнского водопада. Из трактира вынесли нам воды и вина, которое подкрепило силы мои, и мы чрез час опять пустились в путь. Однако ж до Шаффхаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконец, в семь часов вечера, услышали мы шум Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокого берега и увидели водопад»⁶⁸.

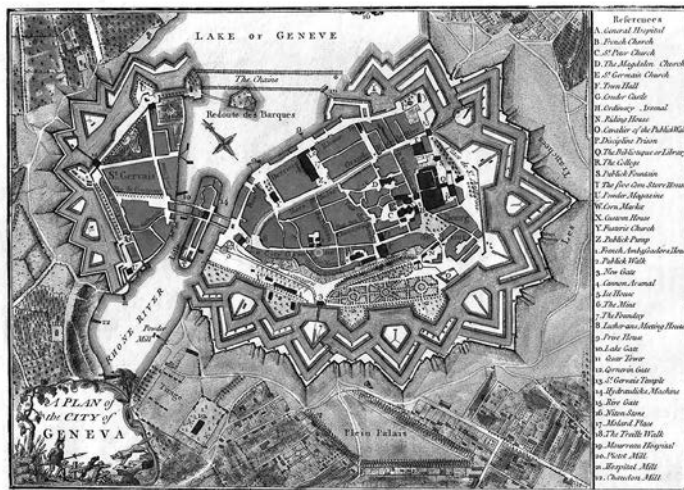
Далее в «Письмах» следует знаменитый фрагмент, который до сих пор вызывает повышенный интерес и «карамзинистов», и рядовых читателей: «Не думаете ли вы, что мы при сем виде закричали, изумились, пришли в восторг и проч.? Нет, друзья мои! Мы стояли очень тихо и смиренно, минут с пять не говорили ни слова и боялись взглянуть друг на друга. Наконец, я осмелился спросить у моего товарища, что он думает о сем явлении? “Я думаю, — отвечал Б*, — что оно — слишком — слишком возвеличено путешественниками”. — “Мы одно думаем, — сказал я, — река, с пеною и шумом ниспадающая с камней, конечно, стоит того, чтобы взглянуть на нее; однако ж, где тот громозвучный, ужасный водопад, который вселяет трепет в сердце?” — Таким образом мы поговорили друг с другом и, боясь, чтобы в Шаффхаузене не заперли ворот, отложили до следующего дня посмотреть на водопад вблизи»⁶⁹.

У Рейнского водопада

...Рано утром 14 августа 1789 года Карамзин, захватив в Шаффхаузене рекомендательные письма из Цюриха от Лафатера, нанес визиты философу Миллеру, автору недавно вышедшей книги «Philosophische Aufsätze» («Статьи по философии» — нем.) и богатому местному купцу Гаупшу. Оба они, радушно принявшие русского путешественника, были несколько озадачены тем, «что падение Рейна не сделало во мне сильного впечатления, но, услышав, что мы видели его с горы, со стороны Цюриха, перестали дивиться и уверяли меня, что я, конечно, перемену свое мнение, когда посмотрю на него с другой стороны и вблизи»⁷⁰.

Шильонский замок
на Женевском озере

Карта Женевы конца XVIII в.
(точкой помечен дом, где жил
Н.М. Карамзин)

На следующее утро предположения знатных шаффхаузенцев полностью подтвердились. Новая попытка Карамзина и Беккера взглянуть на Рейнский водопад с иного ракурса произвела на путешественников совершенно иное впечатление, нежели накануне: «После обеда поехали мы в наемной коляске к водопаду, до которого от города будет около двух верст. Приехав туда, сошли с горы и сели в лодку. Стремление воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась, и чем ближе подъезжали мы к другому берегу, тем яростнее мчались волны. Один порыв ветра мог бы погрузить нас в кипящей быстрине. Пристав к берегу, с великим трудом взлезли мы на высокий утес, потом опять спустились ниже и вошли в галерею, построенную, так сказать, в самом водопаде. Теперь, друзья мои, представьте себе большую реку, которая, преодолевая в течении своем все препоны, полагаемые ей огромными камнями, мчится с ужасною яростью и наконец, достигнув до высочайшей гранитной преграды и не находя себе пути под сею твердою стеною, с неописанным шумом и ревом свергается вниз и в падении своем превращается в белую, кипящую пену. Тончайшие брызги разнообразных волн, с беспримерною скоростью летящих одна за другою, мириадами поднимаются вверх и составляют млечные облака влажной, для глаз не-

проницаемой пыли. Доски, на которых мы стояли, тряслись беспрестанно. Я весь облит был водяными частицами, молчал, смотрел и слушал разные звуки ниспадающих волн: ревущий концерт, оглушающий душу! Феномен действительно величественный! Воображение мое одушевляло холодную стихию, давало ей чувство и голос: она вещала мне о чем-то неизглаголанном!»⁷¹

Вот уже более двух столетий «русский путешественник» Николай Карамзин, чьи «Письма» переведены на десятки языков, по праву считается одним из самых талантливых певцов европейского чуда — Рейнского водопада, осмотр которого давно стал аттракционом мирового значения. Путешественники из разных стран сравнивают с «карамзинскими» не только свои впечатления, но и свои самые глубинные переживания.

В своих «Письмах» Карамзин написал: «Я наслаждался — и готов был на коленях извиняться перед Рейном в том, что вчера говорил я о падении его с таким неуважением»⁷². И далее: «Долее часа стояли мы в сей галерее, но это время показалось мне минутою. Переезжая опять через Рейн, увидели мы бесчисленные радуги, производимые солнечными лучами в водяной пыли, что составляет прекрасное, великолепное зрелище... Каменная стена, с которой низвергается Рейн, вышиною будет около семидесяти пяти футов.

Вид старой Женевы

Вид Женевы

В середине сего падения возвышаются две скалы, или два огромные камня, из которых один, несмотря на усилие волн, стремящихся сокрушить его, стоит непоколебим (подобно великому мужу, скажет стихотворец, непреклонному среди бедствий и щитом душевной твердости отражающему все удары злого рока), — а другой камень едва держится на своем основании, будучи разрушаем водою»⁷³.

Позднее, многие путешественники взяли за правило последовательно осматривать Рейнский водопад с тех самых точек, с которых глядел на него Карамзин в середине августа 1789 года.

...А тогда, летом 1789 года, Карамзин и датчанин Беккер, осмотрев водопад и отпустив колеску назад в Шаффхаузен, наняли лодку и поплыли вниз по течению Рейна до Эглизау, чтобы вернуться в Цюрих более коротким путем. Не раз они оглядывались на «чудо природы»:

«Шумящие волны быстро несли нашу лодку между плодоносных берегов Рейна. День склонялся к вечеру. Я был так доволен, так весел; качание лодки приводило кровь мою в такое приятное волнение; солнце так великолепно сияло на нас сквозь зеленые решетки ветвистых деревьев, которые в разных местах увенчивают высокий берег; жаркое золото лучей его так прекрасно мешалось с чистым серебром рейнской пены; уединенные

хижины так гордо возвышались среди виноградных садилов, которые составляют богатство мирных семейств, живущих в простоте натуры, — ах, друзья мои! Для чего не было вас со мною?»⁷⁴

Вот уж, действительно: Швейцария, с ее природными красотами и чудесами, поистине умела врачевать душевные раны «русского путешественника».

* * *

Переехав из Цюриха в Берн, «русский путешественник» остановился в гостинице «Crone» («Короне», или, как Карамзин называет ее на русский манер, — «Венце») на центральной улице старогоерна — Gerechtigkeitsgasse. Некоторые комментаторы затрудняются с определением точного места проживания Карамзина в Берне на том основании, что в те годы в Берне, мол, существовали две гостиницы с одинаковым названием. Это недоразумение легко разрешается: гостиница «Crone», занимавшая целый квартал, имела два входа — со стороны Gerechtigkeitsgasse и с параллельной ей Postgasse. Сегодня в помещениях бывшего отеля находится ресторан, сохранивший историческое название — «Crone».

Как следует из «Писем», 29 августа 1789 года Карамзин, оставив вещи в Берне, отправился, поначалу в экипаже, в свой «альпийский поход»,

взяв с собою «только теплый сертук, половину белья своего, записную книжку и карандаш»⁷⁵. В десять часов вечера он был уже в Туне и остановился в отеле «Фрейгоф» на самом берегу озера: «Заказав ужин, бродил по городу и всходил на здешнюю высокую колокольню, откуда видны многие цепи гор и все обширное Тунское озеро. Завтра разбудят меня в четыре часа. В это время отходит отсюда почтовая лодка, на которой переиду через озеро»⁷⁶.

На следующее утро, отплыв в почтовой лодке из Туна, Карамзин делает новую запись: «Темнота ночи мало-помалу исчезает. Горы открываются минута от минуты яснее. Все дымится! Тонкие облака тумана носятся вокруг нашей лодки. Влага проникает сквозь мое платье, и сон смыкает глаза мои. Добродушный швейцар подает мне черный мешок, который должен служить мне вместо пуховой подушки. Величественная натура! Прости слабому! На несколько часов отвращает он взор свой от твоего великолепия»⁷⁷.

...Пробудившись от неудобного сна, путешественник в семь часов утра делает в дорожном дневнике новую запись. Впервые за время путешествия «швейцарская идиллия» Карамзина обретает новые, необычные обертоны: «Внизу дымятся хижины, жилища бедности, невежества и — может быть — спокойствия. Вечная прелесть! Какое разнообразие в твоём физическом и нравственном мире!»⁷⁸ Итак, простота жизни швейцарцев — возможно, лишь признак бедности и невежества: от всех преимуществ этой руссоистской идиллии остается лишь... возможное спокойствие.

Проходя долиной Лаутербруннена, путешественник увидел самый высокий в Швейцарии водопад Штауббах, который за несколько лет до этого был прославлен И.В. фон Гёте, посетившим эти места в 1779 году и посвятившим Штауббаху знаменитую «Песнь духов над водами»⁷⁹

В «Письмах» Карамзина появляется запись: «Версты за две не доходя до Лаутербруннена, увидел я так называемый Штауббах, или ручей, свергающийся с вершины каменной горы в девятьсот футов вышиною. В сем отдалении кажется он неподвижным столбом млечной пены. Скорыми

шагами приблизился я к этому феномену и рассматривал его со всех сторон. Вода прямо летит вниз, почти не дотрагиваясь до утеса горы, и, разбиваясь, так сказать, в воздушном пространстве, падает на землю в виде пыли или тончайшего серебряного дождя. Шагов на сто вокруг разносятся влажные брызги, которые в несколько минут промочили насквозь мое платье»⁸⁰.

Продвигаясь далее, Карамзин наблюдает еще одно природное чудо — водопад Трюммельбах: десять каскадов пробивают себе путь внутри горы, падая с высоты 150 метров. «Вода, прокопав огромную скалу, из внутренности ее с шумом надает и стремится в долину, где, мало-помалу утишая свою ярость, образует чистую речку. Вид рассеившейся горы и шумное падение Триммербаха [Трюммельбаха] составляют дикую красоту, пленяющую любителей природы. Около часа пробыл я на сем месте, сидя на возвышенном камне, — и наконец, в великой усталости, возвратился в Лаутербруннен, где теперь отдыхаю в трактире»⁸¹.

Вечером того же дня путешественник наблюдает восход луны над горным хребтом Юнгфрау: «Светлый месяц взошел над долиною. Я сижу на мягкой мураве и смотрю, как свет его разливется по горам, осеребрит гранитные скалы, возвышает густую зелень сосен блистает на вершине Юнгферы [Юнгфрау], одной из высочайших Альпийских гор, вечным льдом покрытой».

В четыре часа утра началось восхождение на высокогорное плато Венгерналп (около двух тысяч метров): «Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошел — с благоговением ступил первый шаг на Альпийскую гору и с бодростию начал взбираться на крутизны. Утро было холодно, но скоро почувствовал я жар и скинул с себя теплый сертук. Через четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потом каждую минуту надлежало мне отдыхать. Кровь моя волновалась так сильно, что мне можно было слышать биение своего пульса... Более четырех часов шел я все в гору по узкой каменной дорожке, которая иногда совсем пропадала; наконец достиг до цели своих пламенных желаний и ступил на вершину горы, где вдруг произошла во мне удивительная перемена»⁸².

Действительно, на вершине с Карамзиным происходит еще одна «швейцарская метаморфоза»: он ощущает себя сверхчеловеком, приблизившимся к Божеству (недаром он уподобляет свою дорожную палку «Геркулесовской палице»). В «Письмах» читаем: «Чувство усталости исчезло, силы мои возобновились, дыхание мое стало легко и свободно, необыкновенное спокойствие и радость разлились в моем сердце. Я преклонил колена, устремил взор свой на небо и принес жертву сердечного моления – Тому, Кто в сих гранитах и снегах напечатлел столь явственно Свое всемогущество, Свое величие, Свою вечность!.. Друзья мои! Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения Всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова, но я никогда так усердно не молился, как в сию минуту»⁸³.

«Здесь смертный чувствует свое высокое определение, забывает земное отечество и делается гражданином вселенной; здесь, смотря на хребты каменных твердынь, ледяными цепями скованных и осыпанных снегом, на котором столетия оставляют едва приметные следы, забывает он время и мыслью своею в вечность углубляется; здесь в благоговейном ужасе трепещет сердце его, когда он помышляет о той всемогущей руке, которая вознесла к небесам сии громады и повергнет их некогда в бездну морскую»⁸⁴. Впечатления от горного восхождения остаются у Карамзина надолго: «Теперь лежу на хижине... и пишу карандашом в своей дорожной книжке. Как в сию минуту низки передо мною все великаны земного шара! – Через полчаса пойду далее»⁸⁵.

С высоты Венгернальпа Карамзин спускается к Гринденвальду: «Шедши от хижин около часа по отлогому скату – мимо стад, пасущихся на цветной благовонной зелени, – начали мы спускаться с горы... В то же самое время увидел я и верхний глетчер⁸⁶, или ледник, а нижний открылся гораздо уже после, будучи заслоняем горою, с которой мы спускались. Сии ледники суть магнит, влекущий путешественников в Гриндельвальд. Я пошел к нижнему, который был ко мне ближе»⁸⁷.

Зачарованный фантастическим видом «глетчера», наш путешественник теряет осторожность, чем вызывает недовольство проводника.

«К несчастью, проводник мой не знал удобнейшего ко восходу места, но как мне не хотелось оставить своего намерения, то я прямо пошел вверх подле льду, по кучам маленьких камешков, которые рассыпались под моими ногами, так что я беспрестанно спотыкался и полз, хватаясь руками за большие камни. Проводник мой кричал, что он предаст меня судьбе моей, но я, смотря на него с презрением и не отвечая ему ни слова, взбирался выше и выше и храбро преодолевал все трудности. Наконец открылась мне почти вся ледяная долина, усеянная в разных местах весьма высокими пирамидами...»⁸⁸

Проведя ночь в Гринденвальде, в пять часов утра Карамзин начинает новое восхождение и поднимается на перевал Гроссе Шайдек, осматривает ледник Розенлауи и спускается в долину Гасли, где любит знаменитым Рейхенбахским водопадом. Выйдя затем на берег Бриенцского озера, Карамзин возвращается в Тун и далее в Берн.

* * *

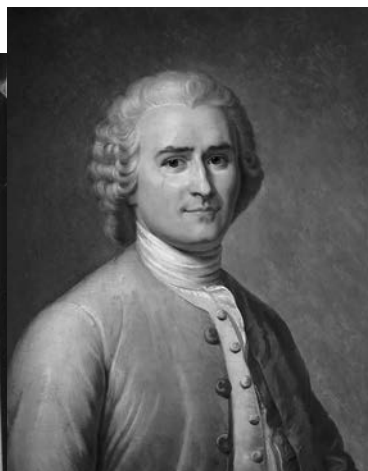
Лозанна произвела на Карамзина сильное, но очень противоречивое впечатление пестрым смешением людей разных национальностей и религий: «Сие смешение для меня противно. Целость, оригинальность! Вы во всем драгоценны; вы занимаете, питаете мою душу – всякое подражание мне неприятно...»

Многие страницы «Писем русского путешественника» посвящены описанию того, как их автор, взяв томик Жан-Жака Руссо, путешествовал по берегам Женевского озера, осматривая места, связанные с именами персонажей одной из излюбленных книг Карамзина – «Новой Элоизы». Веве, Кларан, Шильонский замок – талантливейшие описания Карамзиным этих культовых для сознания любого европейца мест поставили совсем молодого автора «Писем русского путешественника» в ряд классиков европейской литературы.

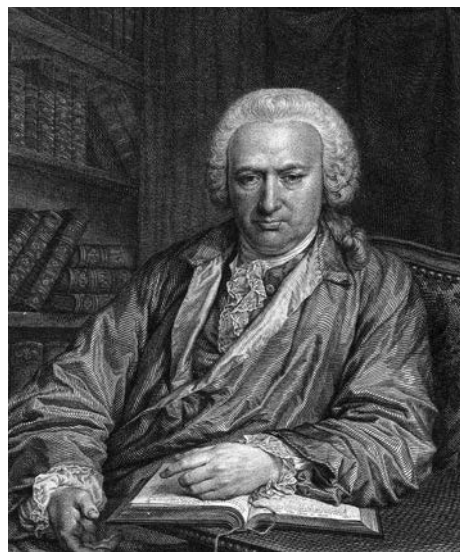
«Надобно, чтобы красота здешних мест сделала глубокое впечатление в Руссовой душе: все описания его так живы и притом так верны! – пишет Карамзин. – Вы можете иметь понятие о чувствах, произведенных во мне сими предметами,

Женева. Мемориальная доска Ж.-Ж. Руссо на Большой улице

Жан-Жак Руссо (1712–1778)

Шарль Бонне

зная, как я люблю Руссо и с каким удовольствием читал я вам его “Элоизу”! Хотя в сем романе много неестественного, много увеличенного — одним словом, много романического, — однако ж на французском языке никто не описывал любви такими яркими, живыми красками, какими она в “Элоизе” описана — в “Элоизе”, без которой не существовал бы и Немецкий “Вертер”»⁸⁹.

Женева

Впереди Карамзина ждала Женева, которую его «московские друзья» наметили как главный центр его тайного пребывания за границей.

По справедливому замечанию швейцарской исследовательницы Светланы Геллерман, много сделавшей для установления важных деталей жизни Карамзина в Швейцарии, «женевское пребывание Карамзина интересно и по своей продолжительности (более пяти месяцев), и по информации, которой мы располагаем об этом сюжете»⁹⁰.

Действительно, в Женеве наш «путешественник» прожил долгие пять месяцев: со 2 октября 1789 года по 1 марта 1790 года. Здесь Карамзин остановился по адресу: Гран Рю (Большая Улица), дом № 17⁹¹ — совсем недалеко от дома, где 28

июня 1712 года родился кумир его юности Жан-Жак Руссо⁹².

«Письма путешественника» из Женевы полностью подтверждают версию о том, что многомесячная остановка в Женеве, конечно же, не была дорожной импровизацией уставшего «туриста». С не замеченной за ним ранее деловитостью Карамзин подробно описывает свое обустройство в городе на берегу Женевского озера: «Трактирная жизнь моя кончилась. За десять рублей в месяц я нанял себе большую, светлую, изрядно прибранную комнату в доме, завел свой чай и кофе; а обедаю в пансионе, платя за то рубль четыре в неделю»⁹³.

К этому остается только добавить то, о чем, по нашему мнению, «путешественник» умалчивает: квартира на Большой улице была заранее снята для него друзьями, а деньги уплачены за несколько месяцев вперед — иначе придется признать, что наш «путешественник» в течение трех месяцев каким-то образом возил с собой деньги по трем странам, чтобы в нужный момент в Женеве уплатить их хозяйке — мадам Лажье за постой.

Разумеется, в «Письмах путешественника» тайный беглец должен был как-то объяснить читателю свою внезапную и длительную остановку в ранее весьма динамично развивающемся вояже. Прислушаемся к его аргументации: «Вы, конеч-

Женева. Площадь Молар

Женева. Мемориальная доска
Н.М. Карамзину на Большой улице

но, удивитесь, когда скажу вам, что я в Женеве намерен прожить почти всю зиму. Окрестности женеvские прекрасны, город хорош. По рекомендательным письмам отворен мне вход в первые дома. Образ жизни женеvцев свободен и приятен — чего же лучше? Ведь мне надобно пожить на одном месте! Душа моя утомилась от множества любопытных и беспрестанно новых предметов, которые привлекали к себе ее внимание; ей нужно отдохновение — нужен тонкий, сладостный, питательный сон на персях любезной Природы»⁹⁴.

Между тем многие фрагменты из последующих «Писем» свидетельствуют о том, что заявленный в первом «женеvском письме» расчет обрести «сладостный и питательный сон на персях Природы» был всего лишь стилизуемой под сентиментализм печально-иронической декларацией изгнанника. Перечтем, например, фрагмент о тяжелой бессоннице, который в «Письмах» следует сразу же (sic!) за нарочито-слащавыми словами об искомом «сне на персях Природы»: «В полночь. Ныне ввечеру чувствовал я в душе своей великую тягость и скуку: каждая мысль, которая приходила ко мне в голову, давила мозг мой; мне неловко было ни стоять, ни ходить. Я пошел в Бастион, здешнее гульбище, — лег на углу вала и дал глазам своим волю перебегать от предме-

та к предмету. Мало-помалу голова моя облегчалась вместе с моим сердцем... Тут вдруг ударили в барабан. Боясь, чтобы меня не заперли в Бастионе, я вскочил и вышел оттуда, но, не желая расстаться с вечером, пошел на Трель [Treille], другое гульбище подле ратуши, и сел на лавке под ореховыми деревьями... Темнота сгущалась, ветер усиливался и шумел ужасно между деревьями, облака неслись быстро, натекли на город, и пошел дождь»⁹⁵. Хорош «сладостный сон» — не правда ли?

Но на этом поистине беспощадное к самому себе описание Карамзиным бессонной женеvской ночи под усиливающимся дождем (заметим: московский скиталец не спешит вернуться в сухое и теплое жилище) не заканчивается. У автора начинаются фантастические галлюцинации на темы своего симбирского детства: «Обратив глаза на долину, вдруг увидел я множество огней, которые в темноте представляли романтическое зрелище. Мне казалось, что я вижу там замки благодетельных фей — и все сказки, которые воспаляли младенческое мое воображение и делали меня в ребячестве маленьким Дон-Кихотом, оживились в моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнил я один вечер, сумрачный и бурный, в который, ощутив вдохновение божественных фей, укрылся я от своего,

впрочем, весьма бдительного дядьки, забрался в ту горницу, где хранились разные оружия, покрытые почтенною ржавчиною, — схватил саблю, которая прилась мне по руке, и, заткнув ее за кушак тулупа своего, отправился на гумно (я жил тогда в деревне) искать приключений и противиться силе злых волшебников, но чувствуя в себе на каждом шагу умножение страха, махнул саблею несколько раз по черному воздуху и благополучно возвратился в свою комнату, думая, что подвиг мой был довольно важен»⁹⁶.

К раннеженевскому ночному видению со взрослой саблей, призванной оборонить от «злых волшебников», примыкает описанный Карамзиным эпизод из другого «Письма путешественника» — о возвращении в Женеву после загородного обеда в сельском домике: «Обед был самый веселый; все мы сидели в шляпах и пели песни. После стола одни катались в лодке по озеру, другие играли в шары или, сидя на крыльце, спокойно курили свои трубки»⁹⁷. Пробыв за городом до вечера, вспоминает далее путешественник, он отправился пешком в Женеву, и здесь-то с ним и случилась удивительная история: «Могли я думать, чтобы на сем пути ожидала меня опасность? Вы, конечно, не угадаете, какая? Я шел, задумавшись; наступил на змею и увидел ее только тогда, как она начинала уже обвиваться вокруг ноги моей и подымала вверх голову, чтобы сквозь чулок ужалить меня... Но не бойтесь! Я сбросил ее с ноги прежде, нежели она могла влить в нее яд свой. “Злобная тварь! — думал я, смотря, как она ползла от меня по желтому песку. — Злобная тварь! Жизнь твоя теперь в моих руках, но если натура терпит тебя в своем царстве, то я не хочу прекращать бедного бытия твоего — пресмыкайся!”»⁹⁸.

Похоже, причудливые метаморфозы женевских видений Карамзина, описанные им в «Письмах русского путешественника», еще ждут внимательнейшего изучения не только историками и философами, но и профессиональными психоаналитиками!

Во всяком случае, «история со змеей», описанная Карамзиным, претендует на то, чтобы считаться *одним из смысловых центров* всего комплекса «Писем русского путешественника». По-

пытавшаяся укусить Карамзина, мирного московского участника дружеского круга, «злобная тварь» — это, скорее всего, то же самое лицо, которое харкающая кровью А.И. Плещеева с ненавистью объявила «Тартюфом», а аккуратный А.А. Петров называл в письмах среди «злых людей», ставших причиной бегства друга.

Таким образом, женевские образы Карамзина, мимо которых прошли, не заметив, практически все комментаторы «Писем путешественника», — это литературно представленное нравственное *credo* Карамзина — невинной жертвы гонений, но истинного христианина, — публично объявляющего об отказе от мести: «*Не хочу прекращать бедного бытия твоего — пресмыкайся!*»

Известный российский литературовед Илья Захарович Серман (1913–2010) в своей поздней статье «Где и когда создавались “Письма русского путешественника” Н.М. Карамзина?» (2004) утверждал, ссылаясь на новейшие разыскания С. Геллерман, что «центральной фигурой женевского пребывания Карамзина был Шарль Бонне»⁹⁹. Действительно, новые материалы, найденные в архиве выдающегося женевского философа и естествоиспытателя Шарля Бонне (1720–1793), убедительно свидетельствуют, что Карамзин неоднократно, иногда по несколько раз в неделю, общался с Бонне в доме последнего в местечке Gentod (у Карамзина — «Жанту») под Женевой. Однако можно ли говорить, что Бонне был «центральной фигурой» *всего* пятимесячного (с октября 1789-го по март 1790-го) периода пребывания Карамзина в Женеве? Разумеется, нет.

Материалы, собранные С. Геллерман, как раз свидетельствуют о том, что в первый раз Карамзину удалось встретиться с престарелым Бонне лишь в начале 1790 года, т.е. *спустя три месяца* после своего приезда в Женеву...

Вернемся, однако, к самим «Письмам путешественника». «Вы, может быть, удивляетесь, друзья мои, — пишет Карамзин, — что я по сие время ничего не говорил вам о великом Боннете, который живет верстах в четырех от Женевы, в деревне Жанту. Мне сказали, что он весьма нездоров, глух и слеп и никого, кроме ближних родственников, не принимает, почему я не имел надежды видеть сего славного Философа и На-

туриста»¹⁰⁰. Итак, зная, разумеется, что в пригороде Женевы обитает «великий Боннет» (Bonnet — *франц.*), Карамзин, наслышанный о его болезнях, долгое время и не помышлял о возможности лично с ним встретиться.

«Но третьего дня, — продолжает Карамзин, — г. Кела, свойственник его, вызвался сам ехать к нему со мною, уверив меня, что посещение мое не будет ему в тягость. Мы приехали к нему поутру, но не застали его дома: он прогуливался. Господин Кела велел ему сказать, что один русский путешественник желает быть у него, — и на другой день Боннет прислал звать меня»¹⁰¹.

Остается вопрос: в какие именно дни (и, соответственно, какого года) все это происходило? Означенный фрагмент в «Письмах» Карамзина не имеет датировки и обозначен просто: «*Женева*». В книге он расположен сразу вслед за «письмом», имеющим точную авторскую датировку: «1 декабря 1789 г.». Видимо, именно на этом, очень ненадежном основании А.З. Серман решил, что и следующее, «недатированное письмо» написано «в начале декабря 1789 г.»¹⁰².

Между тем, материалы, найденные С. Геллерман в архиве Бонне, расставляют всё на свои места. Во-первых, исследовательница поясняет, что указанный в карамзинских «Письмах» Гийом Кела (Guillome Cayla) (1746–1794) был видным деятелем в истории Женевы: с 1775 года был членом Совета двухсот, а потом два раза избирался в синдики¹⁰³. Его жена происходила из того же семейства де ля Рив, в котором принадлежала жена Шарля Бонне: вот почему Карамзин справедливо называет Кела «свойственником Боннета»¹⁰⁴.

Во вторых, в архиве Ш. Бонне Геллерман обнаружила копию письма его к Г. Кела, датированное 1 января 1790 года: «Я Вас уверяю, мой дорогой родственник, что мы, моя жена и я, были очень огорчены тем, что не были во время вашего приятного посещения... Если он (Карамзин. — А.К.) будет еще несколько дней в нашем городе, то я мог бы принять его в понедельник или во вторник, то есть 4 или 5 января»¹⁰⁵. А в письме к Сюзанне Бонне, своей сестре, от 4 января Бонне общал: «В этот момент русский дворянин уходит из моей комнаты. Он очень хотел меня видеть, поскольку он переводит на русский язык “Созер-

цание природы” с последнего издания... Я очень им доволен, и, как кажется, он — мной»¹⁰⁶.

Итак, благодаря еще одной исследовательской находке С. Геллерман теперь мы знаем точную дату первой встречи Карамзина с Бонне: она произошла 4 января 1790 года, то есть спустя более чем три месяца после приезда Карамзина в Женеву. Результаты, полученные Геллерман, — это ответ профессионального историка и на недоумения другой категории авторов, которые никак не могли взять в толк: что вообще мог делать Карамзин в Женеве в течение пяти месяцев?! — и на этом основании «придумывали» ему «тайные отлучки», например, в революционную Францию.

Наш выдающийся карамзиновед Ю.М. Лотман, вплоть до последних своих работ, не переставал удивляться: «Беспрецедентная длительность пребывания в одном месте может быть сопоставлена лишь с краткостью и бессодержательностью писем этого периода. Карамзину решительно нечего делать в Женеве!»¹⁰⁷

Любопытен в этой связи разговор, состоявшийся между Ю.М. Лотманом и С. Геллерман в Мюнхене в 1989-м, юбилейном для карамзинского путешествия году, о котором Геллерман рассказала А.З. Серману. Признавая «всю весомость документальных доказательств» того, что Карамзин реально отправился из Страсбурга в Швейцарию, а не тайно поехал в Париж «смотреть революцию», Юрий Михайлович снова задался вслух тем же самым вопросом: «А что так долго делал Карамзин в Швейцарии?»¹⁰⁸.

В самом деле, распорядок дня Карамзина в Женеве в «Письмах» представлен как весьма однообразный: «Вы не можете вообразить себе, как приятен мне теперь новый образ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство! Встав рано поутру и надев свой походный сертук, выхожу из города, гуляю по берегу гладкого озера или шумящей Роны, между садов и прекрасных сельских домиков, в которых богатые женевские граждане проводят лето, отдыхаю и пью чай в каком-нибудь трактире, или во Франции, или в Швейцарии, или в Савойе (вы знаете, что Женева лежит на границе сих земель), — еще гуляю, возвращаюсь домой, пью с густыми сливками кофе, который варит мне хозяйка моя, мадам Лажье, —

читаю книгу или пишу, — в двенадцать часов одеваюсь, в час обедаю; после обеда бываю в кофейных домах, где всегда множество людей и где рассказываются вести; где рассуждают о французских делах, о декретах Национального собрания, о Неккере, о графе Мирабо и проч. В шесть часов иду или в театр, или в собрание — и таким образом кончится вечер»¹⁰⁹.

Ю.М. Лотмана можно понять: столь быстрый и демонстративный, в чем-то даже вызывающий переход от свободных странствий (вспомним дрезденское сравнение себя с «птичками небесными») к выверенному, если не сказать: *рутинному* распорядку заставляет задуматься.

По нашему мнению, объяснить это очень просто: «женевское сидение» Карамзина было, конечно, делом вынужденным... Чем же реально жил Карамзин в Женеве — хотя бы первые три месяца, покуда не начал тесно общаться с Шарлем Бонне?

В «Письмах русского путешественника», относящихся к пребыванию Карамзина в Женеве, наше внимание привлекла небольшая главка, помеченная: «Женева, 26 ноября 1789». В ней автор рассказывает о «странной болезни», которая якобы продолжалась у него «около двух недель»: «Долго я не писал к вам, друзья мои, для того что не мог писать. Около двух недель мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отроду не чувствовал и которая не только не давала мне за перо приняться, но даже и спать мешала. Опершись на стол, просиживал я дни и ночи, почти без всякого движения и закрыв глаза. Добродушная хозяйка моя, мадам Лажье, приводила ко мне доктора, но лекарства его не помогали. Наконец, благодетельная натура сжалилась над бедным страдальцем и сняла с головы моей свинцовую тягость. Вчера я в первый раз вздохнул свободно и первый раз, вышедши на чистый воздух, поднял на небо глаза свои. Мне казалось, что вся природа радовалась со мною, — я плакал, как младенец, и узнал, что болезнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось наслаждаться, — чувствует так же, как и прежде, нелюбезный образ друзей моих снова сияет в нем во всей своей ясности. Ах, милые! В сию минуту исчезло разделяющее нас пространство — я обнимал вас вместе с природою, вместе с целою вселенною! Исчезни, воспомина-

ние о прошедшей болезни! Я не хочу быть злопаятен против матери моей, природы, и забуду все, кроме того, чем она услаждает чашу дней моих!»¹¹⁰.

Приведенный нами полностью важный фрагмент из карамзинских «Писем» обычно выпадает из поля зрения комментаторов: кому охота комментировать болезнь героя, смело путешествующего по экзотическим краям. Между тем, в свете новой версии о Карамзине-беглеце, вынужденном в течение многих месяцев скрываться в Женеве, фрагмент о болезни представляется нам гораздо более реальным и жизненным, чем иные страницы «Писем», ставших, возможно, плодом литературной выдумки. Болезнь Карамзина, носившая, судя по описанию, в основном «душевный» характер, была, на наш взгляд, во-первых, еще *более серьезной*, чем описывает автор (хотя и он пишет поистине трагические вещи), а во-вторых, скорее всего, гораздо *более продолжительной*. (Вполне вероятно, что болезнь эта началась сразу после той драматической бессонной ночи под женевским дождем, о которой говорилось выше, и ночная бессонница с галлюцинациями стала ее первым приступом.) Если это так, то Карамзин тяжело заболел в Женеве не позднее середины октября 1789 года и его болезнь длилась как минимум полтора месяца!

Хочется верить, что Карамзин пишет правду, и в день своего двадцатитрехлетия, 1 декабря 1789 года, он действительно смог выйти на берег Лемана, как пишет о том в «Письмах русского путешественника»: «Ныне минуло мне двадцать три года! В шесть часов утра вышел я на берег Женевского озера и, устремив глаза на голубую воду его, думал о жизни человеческой. Друзья мои! Дайте мне руку, и пусть вихрь времени мчит нас куда хочет! — Доверенность к провидению — доверенность к той невидимой руке, которая движет и миры и атомы; которая бережет и червя и человека, — должна быть основанием нашего спокойствия. Этот день хотел бы я провести с вами, но как быть! — Стану хотя в мыслях вами радоваться. И вы, конечно, вспомните ныне своего друга»¹¹¹.

Другие интереснейшие заметки «русского путешественника» из Женевы, рассказывающие о посещении им мест, связанных с тем же Руссо и героями его произведений (на берегах Женев-

ского и Бриенцкого озер), рассказ о посещении Фернейского дома Вольтера и многие другие эпизоды, ставшие в нашей литературе культовыми, источником многочисленных реплик «а ля Карамзин» — для самого автора «Писем русского путешественника», фигуры по-своему трагической, явились лишь искусно нарисованным историческим и литературным фоном для философского в своей основе повествования о личных скитальческих переживаниях.

Близкие друзья Карамзина, посвященные в тайны его «путешествия», хорошо понимали это. Потомки, литературные эпигоны, многочисленные комментаторы-карамзинисты — похоже, не понимают до сих пор...

* * *

Когда летом 1790 года Н.М. Карамзин вернулся в Россию, властям было уже не до него: новый наместник Екатерины II в Москве князь И.И. Прозоровский начал открытый поход против масонской верхушки, который окончился в 1792 году полным разгромом «кружка Новикова». Недолгий, но яркий период русского «просветительства» сменился очередным «затемнением».

По мнению В.О. Ключевского, «постигшая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатление, какого, кажется, не производило падение ни одной из многочисленных “случайных” звезд, появлявшихся на русском великосветском небосклоне прошлого века»¹¹².

Однако просвещенческая «эстафета» уже была передана. Прав критик К.А. Полевой (брат Н.А. Полевого): «Семена, посеянные Новиковым и его товарищами, принесли столь благодетельные плоды, что, когда Карамзин начал издавать “Московский журнал”, публика была для него уже готова, и публика не придворная, как то было при Сумарокове, а русская»¹¹³.

Примечания

- 1 Журнальный вариант большого исследования проф. А.А. Кара-Мурзы. Публикуется с сокращениями.
- 2 В настоящей работе используется классическое издание «Писем...» в серии «Литературные памятники». См.:

- Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Ред.: Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко [И.А. Паперно], Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С.718.
- 3 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. СПб.: Азбука, 2015. С. 101.
- 4 Там же. С. 101–102.
- 5 См.: Кара-Мурза А. Чем беглец отличен от путешественника. Загадка европейского турне Николая Карамзина // НГ-Сценарии, 2016, № 7 (165), 27 сентября. С. 14.
- 6 Старчевский А.В. Николай Михайлович Карамзин. СПб.: типография К. Крайя, 1849. С. 28.
- 7 Там же. С. 29. Правда, сам Старчевский в своем сочинении сетовал, что при написании биографии Карамзина ни одной из этих «копий» у него «под рукой не оказалось» (там же).
- 8 См.: Шторм Г.П. Новое о Пушкине и Карамзине // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 19. Вып.2. С. 150.
- 9 Ю.М. Лотман пишет, что в 1792 г., когда произошел разгром новиковского кружка, «Карамзин уцелел почти чудом» (Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 307).
- 10 Подробнее об этом: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 52.
- 11 Там же.
- 12 Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780–1792 гг. Пг.: издательство Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1915. С. 2–3.
- 13 Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». С. 156.
- 14 Цит. по: Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 1. С. 254.
- 15 Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII века. С. 5–6.
- 16 Там же. С. 6.
- 17 Там же. С. 29.
- 18 Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». С. 143–144.
- 19 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 35.
- 20 Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 104–105.
- 21 По московским меркам, Карамзин и Ростопчин считались родней: жена Ростопчина и первая жена Карамзина (урожденная Протасова) были двоюродными сестрами. В 1811 г. Ростопчин был частым гостем в доме Карамзиных; вместе они наведывались в тверскую резиденцию сестры Александра I, великой княгини Екатерины Павловны, через которую передавали «аналитические материалы» для царя. А летом 1812 г. Карамзин, в свою очередь, переехал с семьей жить в дом Ростопчина, назначенного генерал-губернатором Москвы.
- 22 Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Ростопчин Ф. Мысли вслух на Красном крыльце. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 140–141.
- 23 Погодин М.П. Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. 1. С. 72.
- 24 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 5, 6.

- 25 Речь в данном случае не идет, конечно, о личном крепостном слуге Карамзина — Илье, который, разумеется, сопровождал барина до самой русской границы (там, согласно русской традиции, отношения барин/крепостной заканчивались). Присутствие крепостного Ильи в барской кибитке на российской территории в «Письмах...» всегда как бы подразумевается, но почти никогда не оговаривается.
- 26 Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 119.
- 27 Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М.: типография В. Готье. 1866. Кн. 2. С. 100.
- 28 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 6.
- 29 В конце концов, А.И. Дмитриев благополучно женился на девушке, по которой так тосковал, — Марии Александровне Пиль, шведке по происхождению. Семейное счастье их, увы, продолжалось недолго: в 1798 г. Александр Иванович скоропостижно скончался.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 В том же 1789 г. А.И. Дмитриев был произведен в подполковники и определен в Суздальский мушкетерский полк, в составе которого позднее воевал во время русско-шведской кампании.
- 33 Письмо Карамзина московским друзьям из Дрездена, как уже отмечалось, не сохранилось. Между тем, сентябрьский ответ на него А.А. Петрова в Женеву весьма характерен, ибо из него следует, что, во-первых, Петров в течение четырех месяцев *не предпринимал никаких попыток* связаться с любимым другом: «Четыре уже месяца, как мы расстались, а я теперь только в первый еще раз пишу тебе. Но ты весьма ошибаешься, если заключишь из этого, будто я мало о тебе помню. Нет, любезный друг, воспоминание о тебе есть одно из лучших моих удовольствий. Часто я путешествую за тобою по ландкарте; расчисляю, когда куда мог ты приехать, сколько там пробыть; вскарабкиваюсь с тобою на высокие горы, воображаю тебя бродящего по прекрасным местам, или делающего визит какому-нибудь важному ученому» (Письма А.А. Петрова к Карамзину. С.509). И далее — важное напоминание о необходимости соблюдать крайнюю осторожность в переписке: «Я не ожидаю от тебя подробных описаний твоего путешествия...» (там же). Судя по всему, главной причиной того, что Петров вообще ответил на письмо Карамзина, было желание сообщить ему, что «московским друзьям» известны финансовые затруднения «путешественника» и дополнительные деньги будут переведены в Швейцарию.
- 34 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 49.
- 35 Там же.
- 36 Там же. С. 50–51.
- 37 Русским посланником в Дрездене был тогда князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский (1752–1809), кстати, родной отец ставшей знаменитой впоследствии княгини Зинаиды Волконской, родившейся в Дрездене в декабре того самого, 1789-го года.
- 38 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 56.
- 39 Там же. С. 57.
- 40 Там же. С. 94.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 Лотман Ю.М., Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 537.
- 44 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 95, 97.
- 45 См.: Леман-Карли Г. Я.М.Р. Ленц и Н.М. Карамзин // XVIII век. Сборник 20. СПб.: Наука, 1996. С. 145–149.
- 46 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 96.
- 47 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 96–97.
- 48 Там же. С. 97.
- 49 Там же. С. 93–94.
- 50 Там же. С. 97.
- 51 Там же. Возможно, при составлении литературного текста «Писем русского путешественника» (эту работу Карамзин всерьез начнет осенью 1789 г. в Женеве), Карамзин поначалу планировал максимально насытить «Письма» очерками о художественных шедеврах, виденных им в европейском турне. Об этом говорят подробные искусствоведческие «вставки» в «Письмах» из Дрездена, посвященные шедеврам местной художественной галереи (см.: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 51–55).
- 52 Там же.
- 53 Новикова Е.Г. Картина Ганса Гольбейна-мл. «Христос в могиле» в русской культуре: Н.М. Карамзин и Ф.М. Достоевский // Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 261. Действительно, в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский неоднократно мысленно дискутирует с Карамзиным на общую тему «Россия и Европа»: «Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление?.. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления?» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Л.: 1973, т. 5. С. 51.)
- 54 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 181. См. также: Myers, Jeffery. Holbein and the Idiot. Stoichita, 1975.
- 55 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 101.
- 56 Gellerman S. Karamzine a Geneve. Notes sur quelques documents d'archive concernant les Lettres d'un Voyageur russe / Fakten und Fabeln: Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert, Basel — Frankfurt am Main: Helbing & Lichtenhah, 1991. S. 85.
- 57 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 102.
- 58 Там же. С. 102–103.
- 59 Там же. С. 103.
- 60 Там же. С. 106.
- 61 Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 103.
- 62 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 108.

- 63 Там же. С. 116.
 64 Там же. С. 97.
 65 Там же. С. 109.
 66 Там же. С. 113.
 67 Там же. С. 148.
 68 Там же. С. 112.
 69 Там же.
 70 Там же. С. 112–113.
 71 Там же. С. 113.
 72 Состояние, сходное с «карамзинским» при повторном посещении им Рейнского водопада, через много лет испытал Ф.М. Достоевский, во второй раз увидев Кельнский собор: «В обратный проезд мой через Кельн, я увидал собор во второй раз... Я хотел “на коленях просить у него прощения” за то, что не постиг первый раз его красоту, точь-в-точь как Карамзин, с такою же целью становившийся на колени перед Рейнским водопадом» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 5. С. 48).
 73 Там же. С. 113.
 74 Там же. С. 114.
 75 Там же. С. 130.
 76 Там же. С. 131.
 77 Там же.
 78 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 131.
 79 Позже, в 1816 году, об этом же водопаде написал Байрон, сравнив его с хвостом коня, который на поле Апокалипсиса везёт Смерть.
 80 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 132.
 81 Там же. С. 132–133.
 82 Там же.
 83 Там же. С. 133–134.
 84 Там же. С. 134.
 85 Там же.
 86 Слово «глетчер» вошло в русский язык с легкой руки Карамзина.
 87 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. С. 134–135.
 88 Там же. С. 135.
 89 Там же. С. 150.
 90 *Gellerman S.* Karamzine a Geneve. P. 74.
 91 Сейчас на фасаде этого дома, сменившего нумерацию на «Гран-Рю, 14», находится мемориальная доска, установленная поклонниками Карамзина в 1980-е годы.
 92 Сейчас это дом под номером 40 по той же Большой улице.
 93 Там же.
 94 Там же. С. 156.
 95 Там же. С. 157–158.
 96 Там же. С. 158.
 97 Там же. С. 160–161.
 98 Там же. С. 161.
 99 *Серман И.З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 196.
 100 *Карамзин Н.М.* Там же. С. 167.
 101 Там же. С. 167–168.
 102 *Серман И.З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? С. 196.
 103 В июне 1794 г. Гийом Кела был расстрелян женеvскими радикалами, развязавшими революционный террор «по парижскому образцу».
 104 *Gellerman S.* Karamzine a Geneve. P. 75–76.
 105 *Ibid.* P. 76.
 106 *Ibid.* P. 78. О том, что Ш. Бонне весьма высоко оценил Карамзина, говорит и письмо Бонне от 26 января: «Мы сегодня имели к обеду одного почтенного русского, переводчика “Созерцания”. Он пишет на нашем языке как француз... Он пришел утром пешком, и мы, моя жена и я, отвезли его в карете до Сешерона...» (*ibid.* P. 81).
 107 *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. С. 125.
 108 См.: *Серман И.З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? С. 200.
 109 Там же.
 110 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 166–167.
 111 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 170.
 112 *Ключевский В.О.* Воспоминания о Н.И. Новикове и его времени // Русская мысль, 1895, № 1. С. 49.
 113 *Полевой К.А.* Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 года, помещенные в «Деннице» и в «Северных цветах» // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 2. С. 213.

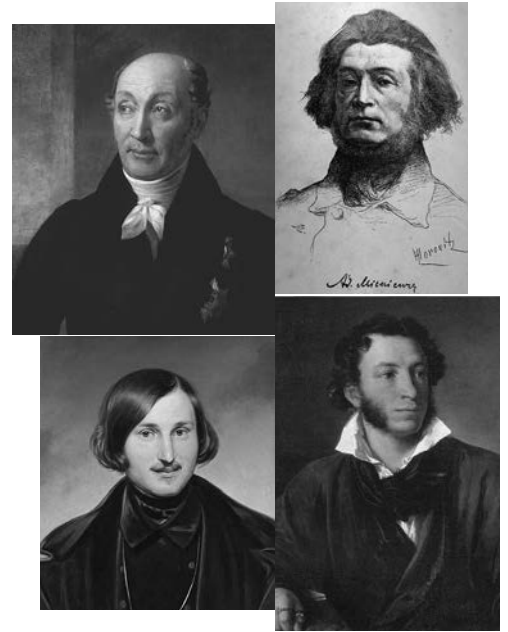
© Текст: Алексей Кара-Мурза

Алексей Алексеевич КАРА-МУРЗА — кандидат исторических наук, доктор исторических наук, профессор. Труды в области политической теории, истории русской политической мысли и либерального реформаторства. С 1981 года работает в Институте философии Российской Академии наук (ИФ РАН заведующий отделом социальной и политической философии ИФРАН, заведующий сектором философии Российской истории).
 Руководил историко-просветительскими и мемориальными проектами в честь выдающихся либералов в сорока регионах России. Член совета Фонда «Либеральная миссия». Автор более двадцати книг.

Вокруг Карамзина

УЧАСТНИКИ:

М.М. СПЕРАНСКИЙ, Н.В. ГОГОЛЬ,
М.Т. КАЧЕНОВСКИЙ, И. ЛЕЛЕВЕЛЬ,
И.В. КИРЕЕВСКИЙ, Н.А. ПОЛЕВОЙ,
П.А. ВЯЗЕМСКИЙ, П.Я. ЧААДАЕВ,
А.С. ПУШКИН, А. МИЦКЕВИЧ,
М.П. ПОГОДИН, В.Г. БЕЛИНСКИЙ,
Н.А. ДОБРОЛЮБОВ, А.И. ГЕРЦЕН,
А.Н. ПЫПИН, Ю.М. ЛОТМАН,
Н.Я. ЭЙДЕЛЬМАН, Д.С. ЛИХАЧЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

Наш «Круглый стол», посвященный 250-летию Николая Михайловича Карамзина, собирался долго; иным текстам — около двух веков. За этим виртуальным, но вполне осязаемым «столом» собраны самые знаменитые в российской словесности и науке люди, имена которых составляют честь нашей культуры. Есть здесь и люди менее заметные в тени их славы, не говорю уж о нынешних скромных адептах нашего юбиляра.

Здесь и Александр Сергеевич Пушкин, поэт, а прежде — шалун, баловник, ученик Лицея Царскосельского, и его соученики: барон Модест Андреевич Корф и князь Петр Андреевич Вяземский; здесь польский патриот — поэт Адам Мицкевич, а также наследники карамзинской славы — историк Сергей Соловьев и профессор Василий Ключевский. Здесь и журналисты, писавшие о Карамзине; и авторы, пытавшиеся состязаться с «Графом Историей» («Истории Граф»), как записал однажды Вяземский вслед за лакеем в «старой записной книжке»; а также другой знаменитый дипломат — граф, грек и космополит Иоанн Каподистрия (назвавшийся в России Иваном Антоновичем), и незадачливый Николай Полевой, пытавшийся состязаться с Карамзиным на его поприще и безжалостно высмеянный Пушкиным...

Многим нашлось место за этим «Круглым столом», а многим так и не нашлось — от тесноты журнальных полос.

Все наши авторы публиковали свои суждения о Карамзине добровольно, а ежели высказывались в частной переписке, то по прошествии времени приватность эта была признана публикаторами уже и не имевшей места.

Мы не имели возможности опубликовать тексты полностью или в сколь-нибудь даже просторном варианте. Мы стремились сохранить суть оценки и отношения, как если бы составляли пьесу для постдраматического театра, где текст и не так уж чтоб очень важен, а важны жест, ритм, пауза, мизансцена.

Для нашей торжественной публикации мы пользовались замечательным изданием «Карамзин: pro et contra»¹, а также оригинальными публикациями (как правило, первыми) привлеченных авторов, к этому «Круглому столу».

Разумеется, особое значение для нас имели публикации в основанном Н.М. Карамзиным «Вестнике Европы». Хотя его наследник в редакторском кресле проф. М.Т. Каченовский считается одним из первых критиков Карамзина и его

«Истории Государства Российского», как и А.Н. Пыпин, академик, блестящий сотрудник и автор «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич в 70-х — 80-х годах XIX века.

В этой едином собрании мы поставим рядом высказывания авторов «Вестника Европы» почти за двести лет.

Добавим, что можем предположить возможные возражения по поводу цензуры, тенденциозного либеральничания, nepозволительных извлечений и лакун из контекста. Эти, как и другие прочие несообразности, принимаю на свою редакторскую ответственность.

* * *

Однако же, предполагая, что у занятого читателя «Вестника Европы» нынешнего века если и затеплится интерес к мыслям предков и найдется время, чтобы пролистать карамзинский номер (с великим тщанием нами собранный), а то даже (льщу себя надеждой) и прочитати несколько статей, то вряд ли когда-нибудь современный читатель соберется одолеть тысячу страниц карамзинской антологии или поддаться фантазии в залах старинной периодики отыскивать подлинные свидетельства давней литературной приязни и вражды.

Вряд ли! Оставим это занятие для специально обученных людей, коих становится все меньше, равно как и потребителей их продукции.

* * *

Много было сказано и отлито в словесной «бронзе» уже к столетию Николая Михайловича Карамзина, затем переплавлено в «серебро» — к его 150-летию (Б. Эйхейбаум в 1916-м).

Можно было бы ожидать и «золота» к двухсотлетию, но государственный, защитник «самовластья и прелестей кнута» Карамзин в 1966-м совсем уж не гляделся в советской литературной витрине. И — юбилей отметили формально-бюрократически, имя автора «Бедной Лизы» слегка подшуткатурили и подкрасили голубеньким, как кладбищенскую ограду.

Сейчас вокруг духовного наследия Николая Михайловича Карамзина вновь разгорелись нешуточные бои.

Мы считаем создателя «Истории...» и «Вестника Европы» родоначальником русского критического европеизма, современного литературного языка, качественной журналистики. Перечитывая его статьи, письма, стихи и прозу, страницы «Истории Государства Российского», мы видим его великим

новатором, гуманистом и просветителем, факел которого и сегодня светит в сгущающихся сумерках невежественного человеконенавистничества.

Мы публикуем этот наш номер журнала, как и эти извлечения из множества трудов, речей, статей, полемик, писем, для того чтобы фигура Николая Карамзина предстала перед нынешним читателем во всем ее историческом и культурном значении.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПЕРАНСКИЙ

Весьма благодарен вам за «Историю» Карамзина. Что бы ни говорили ваши либеральные *врали*, а «История» ставит его наряду с первейшими писателями в Европе. Скажу даже, что ничего не знаю ни на английском, ни на французском языке превосходнее [этого сочинения]. Слог вообще прекрасный; дух — и времени, и обстоятельствам, и достоинству империи свойственный; богатство учености и изысканий действительно везде редкое, а у нас невиданное и небывалое. Он и Уваров у нас есть первые ученые люди из русских — первые не только по достоинству, но и по времени.

В сем роде, т.е. в истинной учености, от Феофана до них у нас совершенная пустота. Я говорю о русских, а не о немцах, кои занимались нашими делами и ныне еще занимаются с великим успехом. Можно сделать несколько примечаний и мелких поправок, но что значат сии маленькие пятна! В посвящении слог моложав, и даже есть некоторое острословие, важности предмета несоразмерное, — но кто читает посвящения? Ни Корнель, ни Расин писать их не умели. О предисловии тоже можно сделать примечание, но я говорю об «Истории», а не о фразах и мелочах.

<...> Есть точка зрения, с коей можно совсем иначе, и может быть, справедливее смотреть на нашу историю и написать ее, но сей вид должно представить потомству и будущим томам.

«Вот как один великий исторический деятель отзывался о труде другого, не перед публикою, и не для публики, а в домашнем, откровенном письме» *Сообщено бароном М.А. Корфом.*

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он исполнил весь свой долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять. Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почтен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве. Он первый возвестил торжественно, что писателя не может стеснить цензура, и если уж он исполнился чистейшим желанием блага в такой мере, что желанье это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищей, тогда никакая цензура для него не строга, и ему везде просторно. Он это сказал и доказал. Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что он один имел на то право. <...>

Имей такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имел Карамзин, и тогда возвещай свою правду: все тебя выслушают, начиная от царя и до последнего нищего в государстве. И выслушают с такою любовью, с какой не выслушивается ни в какой земле ни парламентский защитник прав, ни лучший нынешний проповедник, собирающий вокруг себя верхушку модного общества, и с какой любовью может выслушать только одна чуждая наша Россия, о которой идет слух, будто она вовсе не любит правды.

МИХАИЛ ТРОФИМОВИЧ КАЧЕНОВСКИЙ

<...> У нас в Киеве, как и везде, с жадным удовольствием читают «Историю Государства Российского», — с удовольствием и признательностию за долговременный труд, предпринятый почтенным автором, дабы...

Но, отдавая должную справедливость труду и таланту, я весьма не согласен с закоренелыми поклонниками, которые хлопочут о том единственно, чтобы божок их всем и каждому казался совершенен, непогрешителен, как тибетский Далай-лама. <...> Вышла «История Государства

Российского», и тотчас господа редакторы журналов, каждый в свою очередь, отдали честь ей высокопарным приветствием, как военные караулы мимоедущему генералу отдают честь игранием на трубах или барабанным боем. Генерал проехал, и все затихло. Ни один из редакторов не взял на себя труда, прочитавши творение, сказать что-нибудь дельное, полезное или хоть занимательное для публики (если не для автора, ибо он может и не читать рецензий)! А что причиною сему? Конечно, не лень тех редакторов, которые хотели бы сказать свои мысли о книге, предложить свои суждения, заметить ошибки и показать источники оных; нет, а закоренелая привычка некоторых читателей к первым впечатлениям.

ИОАХИМ ЛЕЛЕВЕЛЬ

<...> Предприятие Карамзина величественно и огромно. Писать историю столь великого государства, историю своего Отечества есть предмет, достойный подъятых им трудов; и когда они совершены уже и обнародованы, то каждый мыслящий человек имеет право их рассматривать и сказать об них свое мнение. Я не могу быть равнодушным к сему делу и, разбирая неоднократно различные исторические произведения моего Отечества, теперь осмеливаюсь внимательно рассмотреть историю Карамзина. Не будучи русским, я, может быть, не имею права рассматривать изображения, начертанных на языке, для меня чуждом, и оценивать достоинство повествования и образ изложения происшествий. <...>

Мнение Карамзина, каким образом должно писать историю, вовсе противно нашему, а потому нам непременно надлежало коснуться первой черты, чтобы выступить на сем поприще. Мы, впрочем, согласны, что мысли, может быть, наскоро набросанные в предисловии, не могут иметь сильного влияния на самое произведение историческое. <...>

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ КИРЕЕВСКИЙ

Литературу нашего девятнадцатого столетия можно разделить на три эпохи, различные особенною направлением каждой из них, но связанные

единством их развития. Характер первой эпохи определяется влиянием Карамзина; средоточием второй была муза Жуковского; Пушкин может быть представителем третьей.

Начало девятнадцатого столетия в литературном отношении представляет резкую противоположность с концом восемнадцатого. В течение немногих лет просвещение сделало столь быстрые успехи, что с первого взгляда они являются невероятными. Кажется, кто-то разбудил полусонную Россию. Из ленивого равнодушия она вдруг переходит к жажде образования, ищет учения, книг, стыдится своего прежнего невежества и спешит породниться с иноземными мнениями. Когда явился Карамзин, читатели для него уже были готовы, и его удивительные успехи доказывают не столько силу его дарований, сколько повсюду распространившуюся любовь к просвещению.

<...> Карамзин застал свою публику под влиянием мистицизма, странно перемешанного с мнениями французскими из середины восемнадцатого столетия. Этим двум направлениям надлежало сосредоточиться, и они естественно соединились в том филантропическом образе мыслей, которым дышат все первые произведения Карамзина.

Кажется, он воспитан был для своей публики, а публика для него. Каждое слово его расходилось по всей России; прозу его учили наизусть и восхищались его стихами, несмотря на их непоэтическую отделку, — так согласовался он с умонаклонностью своего времени. <...> Направление, данное Карамзиным, еще более открыло нашу словесность влиянию словесности французской. Но именно потому, что мы в литературе искали философии, искали полного выражения человека, образ мыслей Карамзина должен был пленить нас сначала и впоследствии сделаться для нас неудовлетворительным. Человек не весь утопает в жизни действительной, особенно среди народа недеятельного.

Лучшая сторона нашего бытия — сторона идеальная, мечтательная, та, которую не жизнь дает нам, но мы придаем нашей жизни, которую преимущественно развивает поэзия немецкая, оставалась у нас еще невыраженной. <...>

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

<...>Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. «История Государства Российского» есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончателные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве.

<...>Появление «Истории Государства Российского» (как и надлежало быть) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3 тыс. экземпляров разошлись в один месяц (чего не ожидал и сам Карамзин). Светские люди бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем, очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: «Владимир усыновил Святополка, однако же не любил его... *Однако!* Зачем не *но?* однако! чувствуете ли вы всю ничтожность вашего Карамзина?» В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина. Каченовский бросился на предисловие. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!). Михаил Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему

целых 12 лет жизни безмолвным и неумолимым трудам. Примечания к «Истории...» свидетельствуют об обширной учености Карамзина, приобретенной им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою «Историю...» в России, в государстве самодержавном; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Повторяю, что «История Государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

ПЕТР ЯКОВЛЕВИЧ ЧААДАЕВ

<...> Для того чтоб писать хорошо на нашем языке, надо быть необыкновенным человеком, надо быть Пушкиным или Карамзиным <...> Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое Отечество! Как просто-душно любовался он его огромностию и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чужому, знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь? А как писатель — что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать. Нынче говорят: что нам до слога? Пиши как хочешь, только пиши дело. Дело, дело! Да где его взять и кому его слушать? Я знаю, что не так развивался ум у других народов. Там мысль подавала руку воображению, и оба шли вместе, там долго думали на готовом языке, но другие нам не пример, у нас свой путь.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЛЕВОЙ²

<...> Спрашиваем: настало ли для нас время суждений о Карамзине? *Теперь* настало. Уже три года прошло, как все земные отношения, все личные

пристрастия, предубеждения погребены в могиле незабвенного: остались только его творения, наше наследство неотъемлемое. Для нас, *нового поколения*, Карамзин существует только в истории литературы и в творениях своих. Мы не можем увлекаться ни личным пристрастием к нему, ни своими страстями, заставлявшими некоторых современников Карамзина смотреть на него неверно. Труд Карамзина совершенен: картина великого художника представлена нам — недоконченную, правда, но уже хлад смерти оковал животворную руку творца, и мы, скорбя о потере, можем судить о труде его как о создании целом. К счастью нашему, если Карамзин и слишком рано умер, для надежд наших, то все многое им сделано, и творение его столь же важно, сколь огромно.

<...> Карамзин — повторим сказанное нами — многое успел исполнить по своему предположению: он изобразил нам события русской истории за семь с половиною столетий, преследовал ее от колыбели русского народа до возмужалости Русского государства, сего дивного исполина века. Мало для нас, дороживших славою Карамзина, — довольно для славы его.

Он успел вполне развить талант свой, далее он и не мог уже шагнуть. В двенадцати томах «Истории Государства Российского» *весь* Карамзин.

Время летит быстро, и дела и люди быстро сменяются. Мы едва можем уверить себя, что читаемое нами настоящим, сделалось *прошедшим*, современное — *историческим*. Так и Карамзин. <...>

<...> Если бы надобно было сравнивать с кем-либо Карамзина, мы сравнили бы его с Ломоносовым: Карамзин шел с того места, на котором Ломоносов остановился; кончил то, что Ломоносов начал. Подвиг того и другого был равно велик, важен, огромен в отношении России. <...> После него до Карамзина, в течение 25 лет, было сделано весьма немного.

Карамзин (заметим странную случайность: родившийся в самый год смерти Ломоносова), образованный изучением писателей французских, проникнутый современным просвещением Европы, которое было решительно все французское, перенес приобретенное им в родную почву,

и сильным, деятельным умом своим двинул вперед современников.

Подобно Ломоносову, чрезвычайно разнообразный в своих занятиях, Карамзин был грамматиком, стихотворцем, романистом, историком, журналистом, политическим писателем. Едва ли найдем какую-либо отрасль современной ему литературы, на которую он не имел бы влияния; самые ошибки его были поучительны, заставляя умы других шевелиться, производя недоумения, споры, из коих являлась истина.

Так действовал Карамзин, и вследствие сего должно оценить его подвиги. Он был, без сомнения, *первый* литератор своего народа в конце прошедшего столетия, был, может быть, самый просвещенный из русских современных ему писателей. Между тем век двигался с неслыханной для того времени быстротою. Никогда не было открыто, изъяснено, обдуманно столь много, сколько открыто, изъяснено, обдуманно в Европе в последние двадцать пять лет. Все изменилось и в политическом, и в литературном мире.

Философия, теория словесности, поэзия, история, знания политические — все преобразовалось. Но когда начался сей новый период изменений, Карамзин уже кончил свои подвиги вообще в литературе. Он не был уже действующим лицом; одна мысль занимала его — история Отечества: ей посвящал он тогда все время и труды свои.

<...> Какое достоинство имеют теперь для нас сочинения, переводы и труды Карамзина, исключая его историю? *Историческое, сравнительное*. Карамзин уже не может быть образцом ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русского. Период его кончился. Легкая проза Жуковского, стихи Пушкина выше произведений в сих одах Карамзина. Удивляемся, как шагнул в свое время Карамзин, чтим его заслугу, почетно вписываем его имя в историю литературы нашей, но видим, что его русские повести не русские; его проза далеко отстала от прозы других новейших образцов наших; его стихи для нас проза; его теория словесности, его философия для нас недостаточны.

Так и должно быть, ибо Карамзин не был гений огромный, вековой: он был человек большого ума, образованный по-своему, но не принадлежал к вечно юным исполинам философии, поэзии, ма-

тематики, жил во время быстрого изменения юной русской литературы, такое время, в которое необходимо все быстро изменяется. Он увлекал современников и сам был увлечен ими.

Объяснив себе таким образом Карамзина как литератора вообще, обращаемся к его «Истории».

Она заняла остальные *двадцать три года* жизни Карамзина (с 1802 по 1826 год); он трудился ревностно, *посвятил ей лучшее время своей жизни*. Но стал ли он наряду с великими историками древнего и нового времени? Может ли его история называться произведением *нашего времени*?

Сравнение его с древними и новыми историками, коих имена озаглавлены славою, мы увидим впоследствии, но теперь скажем только, что как сам Карамзин вообще был писатель не нашего века, так и «Историю» его мы не можем назвать творением нашего времени.

<...> Приложим все сии рассуждения к «Истории Государства Российского», и мы увидим, что творения Карамзина, в отношении к истории, какой требует наш век, есть то же, что другие сочинения Карамзина в отношении к современным требованиям нашей литературы — она неудовлетворительна.

Карамзин не мог выйти и не вышел из понятий своего века, времени, в которое только что начала проявляться идея философической истории, и еще не ясно определены были отношения древних к нам, и особые условия новых писателей; политические знания были не установлены; повествовательная часть истории не понята вполне.

<...> Карамзин не выдерживает сравнения и с великими историками прошедшего века, Робертсоном, Юмом, Гиббоном, ибо, имея все их недостатки, он не выкупает их тем обширным взглядом, тою глубокою изыскательностью причин и следствий, какие видим в бессмертных творениях трех английских историков прошедшего века. Карамзин так же далек от них по всему, как далека в умственной зрелости и деятельности просвещения Россия от Англии.

Напротив, не только не хотим мы унижать Карамзина, но возвысим его, может быть, более,

нежели осмелятся возвысить самые слепые приверженцы. Мы скажем, что никто из русских писателей не пользовался такою славою, как Карамзин, и никто более его не заслуживал сей славы. Подвиг Карамзина достоин хвалы и удивления. Хорошо зная всех отечественных, современных нам литераторов, мы осмеливаемся утверждать, что ныне никто из всех литераторов русских не может быть даже его преемником, не только подумать шагнуть далее Карамзина. Довольно ли этого? Но Карамзин велик *только для нынешней России, и в отношении к нынешней России* — не более. <...>

Карамзин оказал незабвенные заслуги открытием, приведением в порядок материалов. Правда, еще до него сделаны были попытки, и труды почтенных мужей, Байера, Тунмана, Миллера, особливо знаменитого Шлецера были значительны, важны. Но никто *более Карамзина* не оказал заслуг российской истории в сем отношении. Он обнял всю историю русскую — от начала ее до XVII века, и нельзя не грустить, что судьба не допустила Карамзина довести своего обозрения материалов до наших времен.

<...> Не будем поставлять в заслугу Карамзину, что он, может быть, не был так приготовлен к труду своему, как знаменитые европейские его соперники. <...> Заметим здесь мимоходом: были и теперь есть люди в России, более Карамзина знающие какую-либо часть, к русской истории относящуюся, но сие частное знание поглощает все другие их способности и не дает им средства даже и подумать сравниться с великим творцом «Истории Государства Российского»: они каменщики; Карамзин — зодчий, и великий зодчий. Здание, им построенное, не удивляет целого мира, подобно зданиям Микеланджело, но тем не менее оно составляет честь и красу своего века для той страны, в коей оно .

<...> Он был столь велик, сколь позволяли ему время, средства, способы его и образование России: благодарность к нему есть долг наш.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН

<...> Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напад

на «Историю Государства Российского» в то самое время, как начинал печатать «Историю Русского Народа». Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдал бы от себя нареkania, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегами — хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его не удовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, своею иноческою простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. «Заметим, что сии апофеги, — говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, — бывают для основательных умов или полужистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров». Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой — никакого: *вольному воля*, как говорили наши предки.

Г-н Полевой замечает, что 5-я глава XII тома была еще не дописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и задает вопрос: «Когда же думал историк?»

На сие отвечаем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностию принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу.

<...> Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана «История Русского Народа» — на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частых его заимствований у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия «Истории Государства Российского», так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

<...> Желание противоречить Карамзину поминутно увлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частию несправедливые.

<...> По крайней мере, слог есть самая слабая сторона «Истории Русского Народа». Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова — всё обезображено, перепутано и затемнено.

САМУИЛ АРОНОВИЧ ЛУРЬЕ
(Реплика в защиту Н.А. Полевого)

Умная личность, как правило, мало что могла сделать, таких людей гасили сразу, а глупые пользовались огромной популярностью и не без пользы для себя тащили этот порядок. От правителя требовалось быть достаточно ничтожным, чтобы

у него всё получалось и шло как идет. И оказалось, что чрезвычайно способный человек Николай Полевой это понимал. Он ведь действительно был мальчик, начитавшийся западных книжек, выросший в атмосфере победы над Францией, когда Россия вошла в Европу и т. д. И он правильно чувствовал. Ведь тогда Россия отставала от, допустим, Австрии на десять–двадцать лет. Можно было догнать и перегнать буквально. Отменить крепостное право. Ведь в Австрии и Пруссии освободили крестьян, и катастрофы не случилось, никого не убили. Но с Польского восстания 1830 года, когда Николай окончательно испугался, Россия начала отставать за каждый год — на несколько лет, пока не накопилось то, что есть теперь. И именно Полевой, а не Пушкин, не Николай I чувствовал тренд эпохи, исторический момент. Он был уверен, будучи безусловным патриотом, монархистом, глубоко и искренне верующим человеком, что русский может быть европейцем.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДОБРОЛЮБОВ

<...> В самой истории Карамзин держится постоянно той точки зрения, которая выразилась в заглавии его творения: «История *Государства Российского*». Через 20 лет после него Полевой хотел писать историю русского *народа*; но ему весьма плохо удалось его дело. Нельзя, впрочем, винить ни его за неудачу, ни Карамзина за его образ зрения. История не сочиняется, а составляется по данным, сохранившимся более всего в письменных памятниках. А что представляла историку наша древняя письменность? Мы уже видели, что в ней принимали участие только два малочисленнейшие класса народа, и только их интересы выражались в ней. Следовательно, истории народа по данным летописным составить было невозможно, если человек не умел, как говорится, читать между строк. А Карамзин если и имел отчасти это искусство, то единственно для проведения своей главной идеи о государстве.

<...> Таким образом, порядку государственному он противопоставлял свободу народную; не умевши понять, что они нераздельны и взаимно друг друга поддерживают, он говорил: «народы

дикие любят свободу, народы просвещенные любят порядок...»

И, однако же, Карамзин и Жуковский получили в русском обществе такое значение, какого не имел ни один из предшествовавших писателей. Чем же объяснить это? Тем, разумеется, что оба они удовлетворяли потребностям того общества, которое их читало. <...> Коренная Россия не в нас с вами заключается, господа умники. Мы можем держаться только потому, что под нами есть твердая почва — настоящий русский народ; а сами по себе мы составляем совершенно неприметную частичку великого русского народа.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ

<...> Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос, что делается в России, то пришлось бы сказать: *крадут*. Он был непримиримый враг русского лихоимства, расточительности, как частной, так и казенной. Сам он был не скуп, а бережлив; советовал бережливость друзьям и родственникам своим; желал бы иметь возможность советоваться с государством. Ничего так не боялся он, как долгов за себя и за казну. <...> В сношениях своих с государем он дорожил своей нравственной независимостью, так сказать, боялся утратить и затронуть своей бескорыстной преданности и признательности. Он страшился благодарности вещественной и обязательной. Можно подумать, что и государь, с обычною ему мечтательностью, не хотел придать сношениям своим с Карамзиным характер официальный, характер относительности Государя к подданному. <...> Карамзин за себя не просил, другие также не просили за него, и государь, хотя и довольно частый свидетель скромного домашнего быта его, мог и не догадываться, что Карамзин не пользуется даже и посредственным довольством. Как уже сказано, Карамзин заботился не о себе. <...>.

* * *

...Карамзин, *не мудрствуя лукаво*, провел русскую историю широкими путями Провидения. Многие, которым показалось, что этот способ слишком прост, селятся провести ее сквозь игольные уши особых систем. В молодежи эти попытки

Памятник Н.М. Карамзину в Остафьево

понятны. Самонадеянность и алчность новизны неизменные, а в некотором отношении и похвальные свойства молодого поколения в деле жизни и науки.

Узнав, что Пушкин пишет в деревне своей трагедию «Борис Годунов», я просил его сказать мне несколько слов о плане, который он предназначал себе. «Мой план, — отвечал он, — весь находится в X и XI томах «Истории» Карамзина». Почти то же сказал он и в посвящении своего труда памяти историографа.

Некоторые критики ставят ему это в порок. Мы находим в этом новое свидетельство зрелости и ясности поэтических понятий Пушкина.

Если кто спросил бы Карамзина, когда готовился он писать «Историю», какому плану намерен он следовать, он мог бы отвечать с таким же чистосердечием и глубокою мудростью: «Мой план весь в событиях».

<...> Некоторые обвиняют «Историю» Карамзина в том, что она не философическая; нужно бы наперед ясно и явственно определить, что должно признавать философию истории. Если под этим выражением должно подразумевать систему и обязанность с заданной точки зрения смотреть на события, то его творение в самом деле не философическое. Но между тем должно приписать это не тому, что Карамзин не знал подобного требования новейших критиков, но тому, что, в сознании ясного и самобытного ума, он был выше этих требований. Если же принять философию в более обширном и общечеловеческом смысле, то есть в смысле бесстрастной и нелицеприятной мудрости, любви к истине и к человечеству, возвышенной покорности пред Промыслом, то «История» его глубоко проникнута и одушевлена выражением этой философии. Одна есть философия частного ума и определенной эпохи, другая — выражение души бессмертной, опытности и мудрости веков. <...>

<...> Карамзин сделал многое, но, разумеется, не все историческое поле им преследовано и прочищено. Оно еще не окончательно разработано. Еще много трудов впереди. <...>

<...> Кажется, Пушкиным было сказано о некоторых критиках Карамзина-историка: они мла-

денцы, которые кусают грудь кормилицы своей. <...> Нам все-таки останется заметить и сожалеть, что как после Пушкина не было у нас великого поэта, так после Карамзина не было у нас историка.

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ПОГОДИН

<...> История его двенадцать лет не сходит с моего письменного стола; но до сих пор я не осмелился произнести полного своего суждения об ней, давая время зреть моим мыслям, стараясь обогащаться опытом. <...>

История России есть история полмира. Чтоб приготовить материалы будущему ее художнику-соорудителю, по такому плану, какой предназначал себе Карамзин, — должно теперь приняться за приготовительную работу сотне таких людей...

Думать, что в «Истории» Карамзина все то уже сделано, что сии люди при благоприятных обстоятельствах могли бы сделать («Пройдя вдоль эту длинную дорогу, — сказал мне сам Карамзин в незабвенное для меня свидание с ним: 26-го декабря 1825 г., — я видел направо и налево множество предметов, которых обделывать не мог и проч.) <...> Карамзин физически не мог этого сделать. Требовать даже от него этого нельзя, точно так, как нельзя было требовать от Фидия, чтоб он ломал себе мрамор на острове Паросе, перевозил его в Афины и проч.

Мысль Карамзина начать писать «Историю» в 1803 году есть одна из отважнейших мыслей в европейском литературном мире, хотя мы и должны благодарить его Ангела-Хранителя за это внушение, ибо имеем теперь великолепный памятник языка в нашей словесности.

Карамзин велик как художник-живописец, хотя его картины часто похожи на картины того славного итальянца, который героев всех времен одевал в платье своего времени; хотя в его Олегах и Святославах мы видим часто Ахиллесов и Агамемнонов расиновских.

Апофегеммы Карамзина в «Истории» — суть большею частию общие места. Взгляд его вообще на историю как науку — взгляд неверный, и это ясно видно из предисловия. Относительные, также великие, заслуги Карамзина состоят в том, что он приохотил русскую публику к чтению

истории, открыл новые источники, подал нить будущим исследователям, обогатил язык. Труд, совершенный им в [течение] двенадцати лет, есть труд исполинский.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАДЕЖДИН

<...> Мы, русские, нетерпеливы, ждать не любим, привыкли брать все приступом. Прежде нежели совершилась сотая доля приговорительных работ, требуемых Шлецером, явилась «История Государства Российского». Этот великолепный храм, воздвигнутый так внезапно прошедшему Руси, изумил настоящее и со славою перейдет в будущность. Призванный, обласканный высоким вниманием царя, художник работал из всех сил, употребил все свои способности и средства, положил лучшее время своей жизни, даже жизнь свою, при сооружении этого памятника, которого не дано было ему окончить. Его призвание было не историческое, еще менее критическое, в ученом смысле слова.

Карамзин родился литератором, резчиком на языке. Он уже и трудился на этом поприще, которое указывала ему природа, уже действовал с блестящим успехом, создавая новый период в нашей литературе, который по справедливости носит его имя, как вдруг судьба открыла ему новое поле и перевела его на другую череду.

Не приготовленный к этому новому служению, он, однако, понимал всю его важность, знал все его требования и обязанности. Многие на его месте отделились бы легче, удовольствовались бы риторическою переделкою и изящным параграфом летописей. Карамзин был добросовестен и благороден.

<...> Жертва великая для художника: самому ломать и обсекать материалы своего создания! Так Карамзин сделался критиком. Но если его бесмертное произведение составляет эпоху в нашей исторической литературе, оно не могло подвинуть вперед исторической нашей критики. Сочинитель «Истории Государства Российского» в своей критике был чистым шлецеристом, хотя иногда не соглашался с своим учителем в подробностях. Пока Шлецер мог служить ему и материальным руководителем, он шел твердою ногою. Но скоро

он увидел себя одного в глухой и непроходимой чаще «удельного периода». <...>

В истории Иоанна Грозного два тома кажутся жизнеописаниями двух разных лиц, оттого что материалы для первого взяты из домашних источников, а для второго — преимущественно из иноземных. Не столько противоречия, зато больше неопределенности, представляет колоссальный облик Годунова и фантастическая эпоха самозванцев.

<...> Карамзин заставил нас впервые прочесть свою историю на звучном языке, который сам для ней создал, и сверх того приготовил огромный запас сведений в своих драгоценных «Примечаниях», которые можно назвать библиотекою нашей древности. Это последнее с лихвою выкупает все недостатки.

АДАМ МИЦКЕВИЧ

<...> Труды Карамзина имели большое влияние на русское общество. Возбудив всеобщее сочувствие благодаря сжатому, ясному и простому слогу, он затем впервые затронул чувствительную сторону человеческого сердца. Карамзин был первым романтическим писателем, восприимчивым к красоте природы и нежным чувствам; он горячо любил семейную жизнь и литературу.

Своей славою он главным образом обязан составленной им «Истории» России. Начал он этот обширный труд в царствование Александра. Он верно оценил тогдашнюю литературу, назвав ее *пеною*; поверхностному и туманному ее характеру он хотел противопоставить то, что называется серьезною литературою и добросовестным изучением предмета... С этой именно целью он отчасти и приступил к своей «Истории».

Теперь его обвиняют в том, что он неверно понял главный ход истории славянских народов, что он не изучил зачатки исторической их жизни, что он исказил некоторые факты, чтобы легче было включить их в поставленные себе рамки, что он представлял себе славянские народы в виде правильно организованного государства с царствующим семейством во главе, наконец, что он объяснял древнюю историю России тем, что происходило в его время.

Но вопросы, возбужденные впоследствии, оставались тогда неизвестными, и величайшие французские и английские историки совершили те же ошибки.

По слогу Карамзин несколько не уступает ни Гиббону, ни Юму. В других отношениях он стоит выше этих историков, у него больше души, он правдивее... Вечно бесстрастный Гиббон воодушевляется только, когда он нападает на христианство... Юма мало читают даже в самой Англии.

Карамзин, наоборот, остался до сих пор классическим писателем; его труд всегда будут читать, особенно ту его часть, в которой описывается царство Ивана Грозного...

Описывая эпохи, которые он рациональным путем объяснить не мог, он проникся убеждением о непосредственном влиянии Провидения на человеческие дела; вследствие этого он стал серьезнее, а иногда просто величественен...

Карамзин был первым русским литератором.

Его деятельность ограничивалась исключительно литературным трудом, он никогда не стремился влиять на ход государственных дел. Пользуясь благорасположением императора Александра, он имел множество противоречий этому монарху в важных вопросах...

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

<...> Творение Карамзина было плодом глубокого изучения исторических источников, основательного и отличного по тому времени образования, — творение таланта великого, труда добросовестного и бескорыстного, совершавшегося в священной тишине кабинета, далекого от всех литературных рынков... «История Государства Российского» с каждым томом являлась созданием более зрелым, более глубоким, более великим, и если осталась недоконченной, то единственно по причине смерти своего благородного творца.

Но после Карамзина что явилось сколько-нибудь примечательного в нашей исторической литературе?

<...> А между тем великий труд Карамзина, как и всякий великий труд, отнюдь не отрицает

ни необходимости, ни возможности другого великого труда в этом роде, который так же бы удовлетворил своему времени, как его труд — своему. Но этот новый труд будет возможен тогда только, когда новые исторические *идеи* перестанут быть *мнениями и взглядами*, хотя бы и «высшими», сделаются наукообразным сознанием истории как науки, словом — *философиею истории*...

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН

<...> В этом молодом литераторе, которого окружала среда мелкого честолюбия и грубого материализма, чувствовалось нечто независимое и чистое. Карамзин был первым русским литератором, которого читали дамы.

То, что наши первые писатели были светскими людьми, является большим преимуществом русской литературы. Они ввели в нее известное изящество, присущее хорошему тону, воздержанность в словах, благородство образов, отличающие беседу людей воспитанных. Грубость и вульгарность, встречающиеся порой в немецкой литературе, никогда не проникали в русскую книгу.

Великое творение Карамзина, памятник, воздвигнутый им для потомства, — это двенадцать томов русской истории. Его история, над которой он добросовестно работал полжизни и разбор которой не входит в наши планы, весьма содействовала обращению умов к изучению отечества. Если подумать о хаосе, царившем в русской истории до Карамзина, и о том труде, которого ему стоило в нем разобраться и дать ясное и правдивое изложение предмета, то станет понятно, как несправедливо было бы умолчать о его заслугах.

Но Карамзину не хватало того саркастического элемента, который от Фонвизина перешел к Крылову и даже к Дмитриеву — задушевному другу Карамзина. В мягком и доброжелательном Карамзине было что-то немецкое. Можно было заранее предсказать, что из-за своей сентиментальности Карамзин попадет в императорские сети, как попался позже поэт Жуковский.

История России сблизила Карамзина с Александром. Он читал ему *дерзостные* страницы, в которых клеймил тиранию Ивана Грозного и возлагал иммортели на могилу Новгородской

республики. Александр слушал его с вниманием и волнением и тихонько пожимал руку историко-графа. Александр был слишком хорошо воспитан, чтобы одобрять Ивана, который нередко приказывал распиливать своих врагов надвое, и чтобы не повздыхать над участью Новгорода, хотя отлично знал, что граф Аракчеев уже вводил там военные поселения. Карамзина, охваченного еще большим волнением, пленяла очаровательная доброта императора. Но к чему же привели историка его дерзостные страницы, его возмущение, его сетования? Что же узнал он из русской истории, к какому выводу пришел в результате своих исследований, — он, написавший в предисловии к своему труду, что история прошлого есть поучение будущему? Он почерпнул в ней лишь одну идею: «Народы дикие любят свободу и независимость, народы цивилизованные — порядок и спокойствие», он сделал лишь один вывод: «осуществление идеи абсолютизма», развитие которой, прослеженное им от Мономаха до Романовых, преисполняет его восторгом.

Идея великого самодержавия — это идея великого порабощения. Можно ли представить себе, чтобы шестидесятимиллионный народ существовал лишь затем, чтобы сделать реальностью... абсолютное рабство?

<...>

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

<...> Если в первую половину XVIII века было начато материальное приготовление к написанию русской истории, то во вторую половину века было сделано приготовление духовное, и в первой четверти XIX века явилась «История Государства Российского» Карамзина.

Как же выразилось в этом произведении русское народное самопознание? Какая основная мысль труда?

Мысль русского человека, мысль Славянина должна была остановиться на том явлении, что из всех славянских народов народ русский один образовал государство, не только не утратившее своей самостоятельности, как другие, но громадное, могущественное, с решительным влиянием на исторические судьбы мира. Что такое

племя, что такое народ без государства? Материал, нестройный, бесформенный материал (*rudis indigestaque moles* — грубые беспорядочные массы (*лат.*)); только в государстве народ заявляет свое историческое существование, свою способность к исторической жизни, только в государстве становится он политическим лицом, с своим определенным характером, с своим кругом деятельности, с своими правами.

Первое, драгоценнейшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потом возможность заявить свое существование в более или менее широкой деятельности, участвовать в общей жизни значительнейших государств, лучших представителей человечества. Это сознание единственного славянского государства, полноправного, пользующегося главными благами исторического существования, самостоятельностью и великим значением среди других государств, это сознание вполне отразилось в «Истории Государства Российского», которую можно назвать величественною поэмой, воспевающею государство.

<...> образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической.

<...> Герои поэмы — князья Московские, и первое место среди них принадлежит Иоанну III, величайшему из государей, перед которым бледнеет величая фигура Петра, ибо Петр был только преобразователем государства, а не виновником его силы и величия, как Иоанн III. <...>

Здесь мы видим взгляд, противоположный тому, какой господствовал в первую половину XVIII века: тогда говорили, что Петр Великий призвал Россию от небытия к бытию, сделал все из ничего; теперь, благодаря указанному выше движению второй половины XVIII века, историк приписывает иноземцам этот в первую половину XVIII века русский человек, еще только садившийся за азбуку и пораженный новым миром, пред ним открывшимся, преклонился пред ним, сознал себя человеком совершенно новым и провозгласил, что он приведен из небытия в бытие великим преобразователем.

Благодаря преобразованию российская мысль работала, сознание просветлело, московская Россия была присоединена к России петровской, и, как обыкновенно бывает при подобных поворотах, не без ущерба для последней. Это великое движение в русском сознании отразилось в «Истории Государства Российского».

<...>

<...>Вглядевшись в нравственный образ Карамзина, сравним его с нравственным образом Ломоносова — и две половины XVIII века предстанут пред нами олицетворенные со всем своим различием. Усмотревши в Карамзине полного представителя Екатерининского времени, спросим его мнения об этом времени и получим в ответ: «Время счастливейшее для гражданина российского». <...> Чем более историк вглядывался в постепенное образование великого государственного тела России, чем более вникал он, как присоединялась кость к кости и сустав к суставу, как все это облекалось плотью и наполнялось духом, тем яснее сознавал он величие дела собирания Русской земли, тем яснее сознавал он единство русского народа: вот почему так сильно взволновался историк и заявил горячий протест во имя русской истории и во имя Екатерины II, когда явилась мысль о возможности урезать живое тело России; подобно древним русским деятелям, не потерпел историк, чтоб «разносили розно Русскую землю», и в народном русском поминании о Карамзине напишется то же, что писалось в летописях о людях, знаменитых обороной родной страны: «Он постоял на стороже Русской земли».

Другие товарищи мои укажут, как потрудился Карамзин для русского слова. Никто из его современников не сознавал яснее его высокого значения литературы в обществе; он посвятил все-го себя на служение ей и не изменял ей в годину искушений.

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ

Карамзин смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене. Он следит за речами и поступками героев пьесы, за развитием драматической

интриги, ее завязкой и развязкой. У него каждое действующее лицо позирует, каждый факт стремится разыграться в драматическую сцену. По временам является на сцену и народ; но он остается на заднем плане, у стены, отделяющей сцену от кулис, и является обыкновенно в роли *deus ex machina* (лат.).

<...>Герои Карамзина действуют в пустом пространстве, без декораций, не имея ни исторической почвы под ногами, ни народной среды вокруг себя.

Это — скорее воздушные тени, чем живые исторические лица. Они не представители народа, не выходят из него; это особые люди, живущие своей особой героической жизнью, сами себя рожают, убивают один другого и потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью.

Они ведут драматическое движение, но сами не движутся, не растут и не стареют, уходя со сцены такими же, какими пришли на нее: русские князья Южной Руси XI-XII вв. говорят, мыслят и чувствуют так же, как русские князья Северной Руси XIV и XV вв., т. е. как мыслил историк.

Это люди разных хронологических периодов, но одинакового исторического возраста. Они говорят и делают, что заставляет их говорить и делать автор, а не потому, что они герои, что говорят и делают это.

От времени до времени сцена действий у Карамзина пустеет: герои прячутся за кулисы, и зритель видит одни декорации, обстановку, быт, житейский порядок — это в так называемых внутренних обозрениях...

Но среди этого житейского порядка не видать живых людей и не поймешь его отношения к только что ушедшим героям: не видно ни того, чтобы из их речей и поступков должен был сложиться именно такой порядок, ни того, чтобы их речи и поступки были внушены таким порядком. Таким образом, у Карамзина действующие лица действуют без исторической обстановки, а историческая обстановка является без действующих лиц.

<...>Речи и поступки действующих лиц у Карамзина внушаются этими понятиями и ими же измеряются; это своего рода лампочки, прикрытые от зрителя рампой и бросающие особый от общего освещения залы свет на сцену.

Но Карамзин не заглядывает за исторические кулисы, не следит за исторической связью причин и следствий, даже как будто неясно представляет себе, из действия каких исторических сил складывается исторический процесс и как они действуют.

<...>Его занимало не общество с его строением и складом, а человек с его личными качествами и случайностями личной жизни.<...>

Он не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы. Конечно, он много помог русским людям лучше понимать свое прошлое; но еще больше он заставил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой.

<...> В спорах о лучшем образе правления для России он стоял на одном положении: Россия прежде всего должна быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою.

Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России, Карамзин превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие — коренное начало русского государственного *современного* порядка; следовательно, его развитие — основной факт русской исторической жизни, самая сильная тенденция всех ее условий.

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы — от девяностых XVIII в. до двадцатых годов XIX в. по справедливости называется периодом *Карамзинским*. Одно уже это достаточно доказывает, что Карамзин, по своему образованию, на целую голову превышал своих современников.
<...>

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ

Про себя я могу сказать, что развитием моим и моего дарования я обязан — прежде всего влиянию Карамзина, которого тогда только еще *начинали переставать* читать, но я и сверстники мои успели еще попасть под этот *конец*, но, конечно, с появлением Пушкина скоро отрезвлялись от манерности и сентиментальности французской школы., которой Карамзин был представителем. Но тем не менее моральное влияние Карамзина было огромно и благотельно на все юношество...

(Письмо к А.Н. Пышину от 10 мая 1874 г.)

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ЭЙХЕНБАУМ

1

<...> «История государства Российского» — конечно, не столько история, сколько героический эпос.

<...>Ему нравится мысль — «задавать художникам предметы из отечественной истории... особенно пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы...» <...>

К истории Карамзина привели долгие эстетические опыты и философские размышления. Поэтому в том, что он говорит об истории, можно и нужно видеть большее, чем взгляды на ее задачи.

<...>Вяземский верно определил новое у Карамзина: на смену блеску и яркому сиянию солнца являются сумерки и тени, вместо близкого, видимого — дальнее. Слово Карамзина не стремится дать образ вещи -- оно направлено к каким-то иным областям нашего воображения или, здесь лучше сказать, нашей фантазии.

<...>Мы слишком мало обращали до сих пор внимания на то, что Карамзин был не только художником, но и мыслителем и, можно сказать, первым нашим философом.

<...>Карамзин не случайно и не бессознательно пришел к новой поэтике; она обосновывается его размышлениями о человеческом знании и вместе с ними составляет общий строй его отношения к миру и человеку. С юных лет он задумывается над этими вопросами. Еще в одной из самых ранних своих вещей — «Прогулке» — он изобра-

жает солнечный день, после которого наступает ночная тишина уединения, когда все погружается в глубокий сон, а человек возбуждается к священным размышлениям и сильнее чувствует свое существование.

«Ощущаю живо, — восклицает Карамзин, — что я живу, и есмь нечто отделенное от прочего, есть совершенное целое». Это чувство замкнутости в себе заставляет Карамзина обратить все свое внимание не на мир, а на свое существование и углубляться в самопознание.

Но скоро разбивается представление о целостности человека, и перед Карамзиным вырастает вопрос о соотношении между душой и телом, ибо без его решения не может быть, как он думает, познания самого себя.

Мучась этим вопросом, Карамзин, еще совсем молодым человеком, двадцати лет, затевает переписку с швейцарским философом Лафатером. Выбор этот не случаен: занятия «физиогномикой» должны были бы, как думал Карамзин, разъяснить вопрос о том, как сосуществуют и взаимно влияют душа и тело, — он верил поэтому, что именно Лафатер разъяснит ему эту тайну над вопросом о пределах и возможностях человеческого знания.

<...> Отсюда начинаются своеобразные гносеологические размышления Карамзина, ход которых можно проследить. Из переписки с Лафатером Карамзин усвоил одно, очень важное, — что нет и не может быть познания души вне мира предметов и явлений и что, с другой стороны, самый этот мир познается только как зеркало души.

<...> И недаром из разговора с Кантом, как ни трудна его метафизика, Карамзин понял одно — что для человеческого знания есть предел, за которым «первый мудрец признается в своем невежестве. Здесь разум погашает светильник свой, и мы во тьме остаемся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несобитное».

В полном соответствии с этим разочарованием в теоретической философии творчество Карамзина направляется в другие, уже намеченные стороны — в область нравственной философии, то есть кантовского «практического разума», и в область фантазии как свободно-творческой деятельности человека. Гносеологические размышления не прекращаются, но уже нет стремле-

ния к «метафизике природы» — ее место заступает «метафизика нравов», антропология в кантовском смысле, где человек рассматривается и интимно, как «темперамент», как стремящееся к личному счастью существо, и общественно, как исторический деятель. Так, кажется мне, можно понять соединение «любвных повестей» Карамзина с его «Историей Государства Российского».

Разочарование Карамзина в силе человеческого познания проявляется часто и в его собственных суждениях, и в тех афоризмах, которые он записывал для памяти. Он постоянно занимается философией и читает с большим вниманием, вникая в тонкости мысли и языка. Выбор афоризмов очень характерен для направления его ума в сторону философского идеализма — только существование Бога, требуемое всей нравственной природой человека, остается неприкосновенным.

<...> «Если я и мог бы сомневаться в собственном существовании, то я все-таки не сомневался бы в существовании Бога».

Вопросы о науке, об истине и заблуждениях живо волнуют Карамзина, и он с большой страстью борется с воззрениями Руссо. Ему нужно оправдать культуру как область практического творчества, и он пользуется гносеологией Локка, чтобы опровергнуть враждебное отношение Руссо к науке (статья «Нечто о науках, искусствах и просвещении», 1793). Приведя восклицание Руссо — «но сколько заблуждений в науках!», Карамзин пишет: «Правда, для того, что они несовершенны; но предмет их есть истина. Заблуждения в науках суть, так сказать, чуждые наросты и рано или поздно исчезнут... Из темной сени невежества должно идти к светозарной истине сумрачным путем сомнения, чаяния и заблуждения».

<...> В более поздней статье «О счастливейшем времени жизни» (1803) Карамзин опять, хотя и мельком, говорит о знании: «Оптимизм есть не философия, а игра ума: философия занимается только ясными истинами, хотя и печальными; отвергает ложь, хотя и приятную. Творец не хотел для человека снять завесы с дел своих, и догадки наши никогда не будут иметь силы удостоверения».

<...> Все яснее определяется отношение к жизни как к иллюзии, и вот 30 сентября 1821 года

Карамзин пишет И.И. Дмитриеву: «В самом деле, чем более приближаюсь к концу жизни, тем более она кажется мне сновидением. Я готов проснуться, когда угодно Богу: желаю только уже не иметь мучительных снов до гроба; а мысль о смерти, кажется, не пугает меня».

Я думаю, что не без связи с этими умозрениями Карамзин написал замечательную повесть в форме автобиографического письма — «Моя исповедь» (1802), где разработана личность человека, лишенного всякой веры в истину и науку, для которого жизнь — «китайские тени» и потому представляет только авантюрный интерес.

Ветреник, безбожник, надуватель жен, остроумный карикатурист, который в Риме, «с добрыми католиками целуя туфель папы, укусил ему ногу и заставил бедного старика закричать из всей силы», за что и высидел несколько дней в крепости св. Ангела — этот своеобразный русский Дон Жуан, которому «весь свет казался... беспорядочною игрою китайских теней (это было его любимое слово), все правила — уздою слабых умов, все должности — несносным принуждением», сносит, как философ, равнодушно житейские испытания и, оглядываясь на прошлое, так заканчивает свое письмо: «Если бы я мог возратить прошедшее, то думаю, что повторил бы снова все дела свои: захотел бы опять укубить ногу папе, распутствовать в Париже, пить в Лондоне, играть любовные комедии на театре и в свете, промотать имение и увезти жену свою от второго мужа. Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыдил род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в Отечестве. Но поверю ли им, видя, с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов! Нет, нет! Я совершил свое предопределение и, подобно страннику, который, стоя на высоте, с удовольствием обнимает взором пройденные им места, радостно вспоминаю, что было со мною, и говорю себе: так я жил!»

<...>В бытии Карамзин видел не предметы сами по себе, не материальность, не природу, но созерцающую их душу. Истина — у конца го-

ризонта, где начинается непроницаемость. Мимо всего близкого, ясного — потому что бытие не в нем, а по ту сторону его. И если в философии это приводило к утверждению, что жизнь есть сон или что мир — зеркало души, то в поэтике это заставляло его относиться к слову не как к зрительному образу или краске, но как к элементу музыкальному. Слово для него замкнуто в себе и обращается не столько к воображению, сколько к фантазии, не столько к зрению вещей, сколько к созерцанию отраженной в них души. Поэтому речь Карамзина всегда строится по закону внутренней языковой интонации, а не по принципу описания. Отсюда — повышенная (но не ложная) риторика и торжественная периодичность его речи, из своих собственных законов строящей мелодию. Примеры такого отношения к языку бесчисленны и в «Письмах русского путешественника», и в любовных повестях, и в «Истории», и в «Афинской жизни» — замечательной и мало оцененной картине древнегреческой культуры.

<...> Как поэтический язык отличен от разговорного, так и искусство отлично от простого описания. <...>

Это немного, что мне удалось сказать здесь, может служить введением к новой разработке творчества Карамзина. Между его философией и поэтикой — полное соответствие. Это не просто «сентиментализм» как умонастроение эпохи, пассивно воспринятое, но нечто гораздо большее.

<...>И можно прямо сказать, что мы еще не вчитались в Карамзина, потому что неправильно читали. Искали буквы, а не духа. А дух реет в нем, потому что он, «платя дань веку, творил и для вечности».

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛОТМАН

<...> Дворянин небогатого рода, но принадлежавший семье, традиционно гордившейся образованием и независимостью, Карамзин свои первые шаги начал на проторенной дороге — офицером в привилегированном гвардейском полку. Затем последовал первый резкий поворот — неожиданный выход в отставку. Вспомним, что во время суда над Новиковым императрица раздраженно помянула раннюю отставку Новикова как доказатель-

ство его нелояльности. Выход Карамзина в отставку также был демонстративным поступком. <...>

Карамзин, нарушая сословную традицию, сделался профессиональным литератором, человеком, для которого перо стало не забавой дилетанта, а инструментом профессионала. Но заработок не стал целью. Целью была пропаганда просвещения. В обществе масонов недавний светский щеголь сделался суровым моралистом, стремящимся «познать самого себя». Но на пути к «высшим тайнствам» — резкий поворот: разрыв и путешествие в Европу. Карамзины были небогаты, и длительное путешествие потребовало почти разорительных для писателя расходов. Это не остановило его.

Позже в «Письмах русского путешественника» он описал свое странствие, но вместе с тем многое скрыл. Ему пришлось обойти подробности длительного пребывания в охваченном революцией Париже и знакомство с многими из выдающихся политических деятелей этих дней. Он прибыл в Россию с твердым намерением стать реформатором. Его программа укладывалась в рамки европеизации и коренных реформ русской культуры.

С умением, неожиданным для начинающего литератора, он создал первый в России литературный журнал. Организуя издание, ему приходилось одновременно создавать новый тип читателя. Карамзин создавал журнал, который ориентировался на читателя. Но это был читатель, которого одновременно создавал Карамзин. <...>

Карамзин создал первый в России оригинальный политический журнал — «Вестник Европы». В журнале были опубликованы важные художественные произведения: «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Марфа-посадница». Однако главенствовала в журнале политика. Карамзин мог притворяться дилетантом. На самом деле он признавал лишь хорошую высокопрофессиональную работу. «Вестник Европы» привлекал современников не только содержанием материалов, но и высоким качеством журнала. Карамзин же утвердил как закон точные даты выхода номеров журнала: два раза в месяц. «Марфу-посадницу» он писал, когда в соседней комнате стоял гроб с телом скончавшейся в родах его первой жены, — журнал не должен был опаздывать.

НАТАН ЯКОВЛЕВИЧ ЭЙДЕЛЬМАН

<...>Если воспользоваться сравнением Пушкина «Карамзин — Коломб», тогда читатели Карамзина подобны людям Возрождения, которым остро необходимы великие открытия, Америка, Индия; предки же тех, кто «бросились читать историю своего Отечества, дотоле им неизвестную», — современники Щербатова, Татищева, — это как бы люди «предвозрождения», уже начинающие мечтать о новых мирах, но еще не столь захваченные мечтой, чтобы поднимать паруса.

Можно доказать столь зыбкое, кажется, не поддающееся статистике явление, как степень общественного интереса к истории?

Можно!

Судя по данным о книгах XVIII века, видно, что вообще интерес к чтению, в частности к чтению историческому, возрастал постоянно. Когда Н.И. Новиков издал «Древнюю российскую вивлиофику» (1773–1775), где публиковались исторические документы XIV–XVIII веков, эти книжки столь сильно разошлись, что в 1788–1791 годах были полностью переизданы. Серьезные исторические труды были, однако, более высокой, сложной формой познания, нежели сравнительно популярные историко-литературные сюжеты или сборники любопытных документов.

О том, что отцы и деды Пушкина, декабристов уже «дозревали», но еще «не дозрели» до глубокого исторического чтения, говорит и другая статистика, очень интересно представленная в недавнем труде А.Г. Тартаковского «1812 год и русская мемуаристика XIX века», — хотя вкус к писанию и чтению воспоминаний в сущности зарождается в России с Петровского времени, но до начала XIX века это процесс сравнительно медленный. Авторитетные современные справочные издания («История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под ред. П.А. Зайончковского) фиксируют всего 867 дневников и мемуаров, относящихся к периоду до 1801 года, — выходит, за весь XVIII век вместе с более ранними немногими документами не написано и тысячи записок, в то время как за полвека, с 1801 по 1856 год, известно 3619 названий. Но мало того, мемуаристы XVIII века писали все больше для себя и своих

близких и, как правило, не публиковали воспоминания при жизни.

<...> Важнейшей датой этих перемен был, конечно, 1812 год.

Карамзин уловил историческую потребность и открыл тысячам людей прошлое их страны в тот момент, когда они этого жаждали. Он помог многим найти историю в себе, себя — в истории — лучшие читатели не приняли всего, что предлагал Карамзин, но получили богатейший материал для собственных раздумий. Они вместе со своим историком еще переоценивали сходство «всех времен, всех народов»; но без того горячего интереса, что проявился к прошлому в 1810–1812 годах, не было бы следующих шагов к подлинному историзму.

Время воспитало читателя-историка, и тогда явился историк-писатель, а за ним — новые великие историки и писатели. <...>

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ

<...> Я хочу напомнить вам, что в самые тяжелые и критические моменты нашей истории мы никогда не забывали о нашей культуре. И именно этим была сильна наша страна.

<...>

Нам ли не праздновать юбилей Карамзина? У него был большой интерес к поворотным эпохам нашей истории. Поэтому есть особый, внутренний смысл в том, что мы празднуем 225-летие автора «Истории Государства Российского» в эти «минуты роковые».

Роль Карамзина в русской культуре столь велика и многообразна, что можно даже говорить не об одном Карамзине, а о нескольких Карамзиных, значение которых в равной степени высоко.

<...>Предстоит еще многое узнать о той роли, которую играл Карамзин в истории русской культуры. Но уже сейчас видно, что она была исключительно велика и благородна. Благородство — именно та черта, которая свойственна деятельности Карамзина во всех сферах и его убеждениям. Редкий человек прожил свою жизнь с таким достоинством, как это сделал Карамзин.

Примечания

- 1 Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л.А. Сапченко. СПб.: РХГА, 200.
- 2 О Николае Полевом и его эпохе читайте роман-трактат Самуила Лурье «Изломанный аршин».

© Подготовка текста: В. Ярошенко

«Очерки общественного движения при Александре I»

IV. КАРАМЗИН

«Записка о древней и новой России»

Извлечения из работы — «Вестник Европы». 1870 г. Том 9 (Сентябрь).

Публикуется с сокращениями по изданию «Карамзин Pro et Contra». СПб., 2006.

<...>

До сих пор, если заходит речь о Н.М. Карамзине, его личность вызывает весьма различные мнения: с одной стороны, нас, «верных сынов отчизны», все еще приглашают «шептать святое имя», с другой — точно так же слушают эти призывы недоверчиво и насмешливо. Борьба поколений продолжается; они все еще не понимают друг друга.

<...>Но спор о значении Карамзина ведется уже с других точек зрения, чем в те времена, о которых говорил Белинский.<...> В «Истории» современники изумлялись как произведению, действительно еще не виданному, его ученым и литературным достоинствам, но опять-таки мало отдавали себе отчет в целом ее направлении¹.

Только немногие представители новой школы, как увидим после, прилагали к ней тогда эту более широкую критику. Большинство же восхищались безусловно и не мудрствуя лукаво.

<...>Любопытно в самом деле, что то сочинение Карамзина, в котором всего ярче выразились его общественные понятия и где он непосредственно говорит о внутренних политических вопросах своего времени, осталось — точно так же, как изложенный нами план Сперанского, —

¹ В письме об «Истории» Карамзина Сперанский, который должен был хорошо ее понимать, считает, что тогда не время (т. е. бесполезно) было бы доискиваться этого. Он очень хвалит книгу и замечает только: «Есть точка зрения, с коей можно совсем иначе и, может быть, справедливее смотреть на нашу историю и написать ее, но сей вид должно предоставить потомству и будущим томам» (Р<усский> Арх<ив>. 1869. С. 920). Это писано было в марте 1818 г. Понятно, что и в «будущих томах» Карамзин не мог дойти до точки зрения, о которой говорил Сперанский.

по-видимому, совершенно неизвестно современникам. Два эти произведения, представляющие собой два противоположных полюса тогдашних понятий и выражавшие их наиболее ясным и открытым образом, остались для публики секретом, столь великим, что действие его длится и до нашего времени<...>

<...>Оба произведения, как нарочно, писаны были в одно и то же время (1810–1811); авторы защищали два совершенно различных взгляда, и таким образом, сражаясь между собою, оба не знали один о другом. Оба автора одинаково не имели в виду других читателей, кроме императора. Только здесь, в этом центре, сходились принципы, выражавшие собою стремления общества, одни — зарождавшиеся, другие — господствовавшие в житейской рутине.

<...>Император Александр один хотел быть решителем основного вопроса общества и народа — и порешил его: все время своего правления он колебался между двумя дорогами — и не мог одолеть задачи. Между тем задача действительно стояла; высказывавшиеся мнения представляли собою два направления, действительно существовавшие в обществе, и нерешенный вопрос стала разъяснять сама жизнь — тем сложным и трудным процессом, которым она наперекор препятствиям достигает своих целей.

Теперь гораздо яснее обнаруживается общественное значение Карамзина, чем то было для современных ему критиков. С одной стороны, становятся известны материалы, исторически характеризующие его личность и для него неизвестные; с другой — понятия, которые он защищал, имели свою историю в дальнейшем общественном движении. Борьба понятий, которая шла в его время, правда, и теперь не кончилась, но с той поры она уже прошла несколько периодов, и сама история дала нам ясно видеть, к чему вела точка зрения Карамзина и к чему действительно она приводит в настоящее время, — что значили собственно его идеи и кто поклонник этих идей в настоящую минуту.

Между прочим, это отчасти высказалось в недавно отпразднованном юбилее рождения Карамзина (1 декабря 1866).

<...>По нашим нравам у нас вообще возможны были юбилеи только одни консервативно-нравоучительные — таков же вышел и юбилей Карамзина. Пересматривая довольно многочисленную литературу, им вызванную, нельзя не заметить в ней самую положительную тенденциозность, охранительного свойства, везде, где только эта литература касалась вопросов общественных. Чего говорить, что все это были панегирики, редко умеренные, но большей частью неумеренные. В Карамзине восхваляли не только его действительные заслуги в свое время, но и выставляли его как прямой образец в настоящем; нам не только изображали его *историческое* значение, но опять нас приглашали «как верных сынов Отчизны» — «шептать святое имя», выводили из Карамзина мораль для настоящей минуты и в довершение всего извлекли из Карамзина даже аргументы в пользу консервативно-крепостнических тенденций, особенно разыгравшихся ко времени этого юбилея.

Понятно, что статья в ту пору (пожалуй, и теперь) против этого потока юбилейных панегириков Карамзину значило бы, как и сорок лет назад, прослыть «ненавистником Отечества», «бездушным зоилом» и т. п. Люди, иначе смотревшие на предмет, как сорок лет назад, слушали юбилейные панегирики с той же «недоверчивой и насмешливой улыбкой», но их мнения и не высказались в эту пору, потому между прочим, что последние годы закрыли печать для целых направлений, существовавших в литературе.

Таким образом, давнишний спор о значении Карамзина, в нынешнем литературном периоде, даже не был веден, как он велся прежде: высказывалась только одна сторона...

<...>

Обыкновенно полагают, что когда, перед поездкой за границу, Карамзин расстался с кружком старших масонов, заявив свое несогласие с некоторыми их воззрениями и обычаями, то он уже вступил на иную дорогу. Это не вполне так. Карамзин действительно отказался от крайностей розенкрейцерской школы, и мог это сделать по разным основаниям: более свежее образование помогло развиться в нем здравому смыслу

и внушило ему недоверие к апокрифической таинственности, масонско-алхимическим костюмам и обрядам; сравнительно короткое пребывание в этом обществе могло не дать ему настолько сродниться с его учреждениями, чтобы сделать такое удаление особенно трудным; быть может, другие посторонние влияния и соображения внушали ему и некоторую осторожность (в своих письмах и в самой книге он не один раз высказывает, в очень темных выражениях, какую-то тяжелую свою заботу, — быть может, она исходила из опасений за кружок и за самого себя). Но при всем том, несмотря на внешнее разъединение, несмотря на действительную неохоту к алхимическим волшебствам, влияния мистицизма остались в нем, одевшись в иную форму. В розенкрейцестве, как в мартинизме, было, среди всех странностей, известное идеалистическое воззрение на природу. Наши масоны, как известно, ушли не далеко в степенях своего ордена, в практической алхимии и магии, и как сами они, так в особенности их младшие друзья должны были ограничиваться только самыми общими представлениями о могуществе природы, об ее таинственных отношениях к человеку. В нравственных понятиях они были мистические пиетисты и филантропы; их возбужденное чувство переходило границы спокойных ощущений, оно легко становилось пафосом, аскетизмом, а также — меланхолией или сентиментальностью.

Следы этого хода понятий и настроения чувства мы найдем и в Карамзине. Панегристы вообще стараются приписать развитие Карамзина его личным силам, и то новое, что с ним входило в литературу, сделать его исключительной заслугой. Но, отдав его личному дарованию всю справедливость, не следует преувеличивать дела.

<...>

Карамзин действительно стоял выше массы своих современников по образованию, но его средства в этом отношении не были созданы только им самим, и не были так глубоки, как обыкновенно полагают. К сожалению, до сих пор мало разъяснен характер кружка, в котором жил Карамзин в первые годы молодости, но в нем очевидно умственные средства были несравненно выше, чем у старшего литературного поколения.

Сохранившиеся письма Петрова показывают, что у него эти средства были едва ли не значительнее, чем у его друга; мы ничего не знаем о Кутузове, но дружба его с Радищевым достаточно показывает, что это не мог быть только ограниченный мистик...

<...>

Карамзин до большей степени остается на том уровне идей, который давала масонская мистика. Новый слой образования видоизменил эту основу, удаливши ее крайности, в особенности ее алхимический костюм; поэтические элементы расширили, уяснили и облагородили это содержание, но затем на его взглядах остался отпечаток какой-то вялости общих воззрений, где сомнение никогда не дорастало до освежающего сильного скептицизма, а гуманные идеи останавливались на степени какой-то расслабленной чувствительности, которая доходила до приторности на словах, и могла, однако, совсем отсутствовать на деле.

«Письма русского путешественника», где в первый раз Карамзин выразился и приобрел популярность как писатель, были, конечно, важным явлением в русской литературе; но эта важность была очень относительная.

<...>Он был хорошо приготовлен к путешествию, — говорят о нем, — его начитанность открывала перед ним возможность воспринять все, что было сделано лучшего европейской мыслью. Действительно, он знает многое, он стремится видеть знаменитости немецкой литературы, знакомится и со многими второстепенными деятелями; слава Канта, Гердера, Виланда, Гете наполняет его великим почтением к ним; он очень любознателен; он спешит извлечь из счастливых встреч, что нужно ему для решения его недоумений, поверяет эти последние и Канту, и Виланду и т.д.; по-видимому, он наблюдательно и серьезно вникает в то, что слышит, — и что же в результате? В результате, к сожалению, очень немного, — например, в результате для Карамзина что Кант, что Лафатер — все равно, или нет, Лафатер несравненно интереснее. Вкусы бывают различны, и Карамзин имел полное право предпочитать Лафатера кому угодно, но когда он сам говорит, что он искал решения вопросов о натуре и че-

ловечестве, когда потом его последователи и поклонники превозносят его, как олицетворение мудрости, мы вправе также удивиться нетребовательности философа, который, на сказавши комплиментов Канту, пошел поучаться изречениями, записочками и манускриптами Лафатера.

<...>Надо прочесть «Письма», чтобы видеть, каким удивлением проникнут был Карамзин к Лафатеру. <...>Лафатер не был именно такой шарлатан, как Калиостро, но в нем были черты, по которым он вовсе не годился и в пророки, каким хотели его видеть поклонники. Его собственное самообольщение доходило до размеров, не внушавших уважения, например, тогда, когда он сам преклонялся перед Калиостро. Удивление Карамзина перед Лафатером дает нам чрезвычайно характеристичный образчик его собственного настроения. Этот хаос республиканства, мистцизма, сентиментальности увлекал Карамзина, потому что в нем самом бродили все эти элементы и подобная неурядица была в его собственных мыслях и ощущениях.

<...>Карамзин был в восторге от Парижа. «Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, приятное движение... Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете, чудного, единственного по разнообразию своих явлений». Это была, как мы знаем, общая мысль русских образованных людей тогдашнего времени, которые вообще видели в Париже «столицу ума и вкуса». Но Париж, восхитивший Карамзина, был именно Париж старого режима; он восхищается Версалем и Трианоном, дворцом графа д'Артура и французской аристократией; он сам познакомился с каким-то богатым домом, участвует в литературном чтении, рассказывает содержание «розовой тетрадки» аббата, заключавшей рассуждение о любви, пишет нежные стишки. Но он не мог постичь, что значила новая политическая жизнь, которая в это время уже охватила Париж и, по его собственным словам, занимала все умы. Он просто не разумел, чего хотят французы; ему очень прискорбно, что «французы думают ныне о революции, а не о памятниках любви и нежности»;

народ, проснувшийся теперь с сознанием своего права и восставший против феодального угнетения стольких веков, и представители этого народа, просто — «парижские варвары», дерзкие смельчаки, «поднявшие секиру на священное дерево», т.е. на старую монархию, «при которой, по мнению Карамзина, *всё благоденствовало!*»

<...>Все движение представляется ему общим бунтом; он не понимает, чем была «прекрасная Мария», чем были «кавалеры» для поселян, забывает, что «грозная туча», между прочим, пронеслась над башнями Бастилии, и наконец забывает, что идеи народного права, которые теперь так громко высказывались, были идеи его Руссо, что он уже требовал справедливости и свободы, отказ в которых вызвал наконец эту страшную бурю. Поклонник Руссо ничего не понял во французском движении: он оказался на стороне салонных франтов и аббатов с розовыми тетрадками о любви.

<...>

Всего скорее можно было бы (как некоторые и делали) сослаться на цензурные опасения, которые могли мешать ему говорить искренно свои мысли; но и тогда заметна была бы эта вынужденная сдержанность.

Но ее вовсе нет, и Карамзин вообще весьма определенно высказался о французском перевороте<...>

Мы не прибавили ни одной черты, которой нет у Карамзина, и нам кажется, что такая картина французского переворота достаточно ясно определяет взгляды наблюдателя. Не требуя вовсе от Карамзина, «чего он не может дать», кажется, следует требовать от человека, выражающегося так решительно, чтобы он ясно понимал, что говорит.

<...>

Он приехал в Париж, когда уже совершились первые бурные сцены революции. Никто не станет ни одну минуту требовать, чтобы Карамзин, воспитанный в повиновении властям и чувствительный, одобрял эти сцены, чтобы ему нравились народные волнения; но серьезный человек,

если уже начинает говорить о них, должен бы отдать себе отчет в том, *от чего* же наконец происходили эти сцены и эти волнения. Карамзин просто отвечает, что это «бунт» — хотя легко мог узнать в Париже, если не понимал сам, почему разрушена была Бастилия, почему поселяне изгоняли «кавалеров», почему солдаты переставали повиноваться офицерам, и почему наконец вся эта народная масса стала так легко поддаваться бурному потоку, конечно, не обещававшему ничего доброго для Версаля, Трианона и для «памятников нежности». Все эти вопросы как будто не существуют для Карамзина, — а ему, повторяем, не трудно было бы, хотя несколько, разъяснить себе эти вопросы, — без чего он и не мог собственно высказать благоразумно своего приговора о событиях. Он даже лицом к лицу видел некоторые события, он беседовал с «французским Планом», он был в Национальном собрании и слушал Мирабо...

В то же время, говорят нам, что отношение Карамзина к этому движению началось «сочувствием».

Мы не будем винить Карамзина за эти противоречия: он был еще молод, не умел понимать действительности, не мог согласить своих сентиментальных теорий с жизнью, ему трудно было осмотреться в событиях — все это было очень возможно для человека, впервые увидевшего Европу после патриархальных нравов и бедной умственной жизни русского общества<...>

«Столько ли Карамзин сделал, сколько мог, или меньше? — спрашивает Белинский. — Отвечаю утвердительно: *меньше*». И далее: «Он отправился путешествовать: какой прекрасный случай предстоял ему развернуть перед глазами своих соотечественников великую и обольстительную картину вековых плодов Просвещения, успехов цивилизации и общественного образования благородных представителей человеческого рода!.. Ему так легко было это сделать!.. И что же он сделал вместо всего этого? Чем наполнены его «Письма русского путешественника»... Карамзин виделся со многими знаменитыми людьми Германии, и что же он узнал из разговоров с ними? То, что все они люди добрые, наслаждающиеся спокойствием совести и ясностью духа. И как скром-

ны, как обыкновенны его разговоры с ними!..» При всем том Белинский справедливо замечал, что недостатки «Писем» происходили больше от его личного характера, чем от недостатка в сведениях.

Карамзин мало знал умственные нужды русского общества того самого общества, от которого Карамзин отделился, конечно, считая его отсталым, но, кроме того, он и сам не выработал себе прочного образа мыслей, который бы предохранил его от странных колебаний и противоречий между возвышенными сентиментальностями в теории и поверхностными, узкими взглядами на деле.

<...>

Но, при всей странности этих взглядов Карамзина, мы находим у него сочувствие тем идеям, которые хотела осуществлять французская революция, т. е. этим идеям, как они представлялись ему в книгах, а не в бурном историческом процессе, где он их не понял. В кругу отвлеченных понятий, Карамзин есть нежнейший друг человечества. (Несколько позднее, в 1793-м, в частном письме к Дмитриеву, он выражается так: «...ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою... Назови меня Дон-Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю человечество»)

Панегиристы Карамзина, указывая эти его мнения, спешат обыкновенно успокоить читателя, что позднейшее развитие мыслей Карамзина, в особенности глубокое изучение русской истории, совершенно излечили его от этой космополитической ереси, и привели его к другим, очень противоположным понятиям, которых он постоянно и держался впоследствии. Панегиристы вообще считают приведенные выше мысли Карамзина заблуждением молодости.<...>

Действительно, бросить ее нельзя было безнаказанно. Оставив ее, Карамзин очень последовательно пришел к консерватизму, вообще самому непривлекательному. Новейшие славяне радуются, что Карамзин впоследствии так изменил свои мнения, что сказал бы свои прежние фразы в обратном порядке, — он предпочел бы народное человеческому, и посоветовал бы соотечественникам сначала быть славянами, а потом людьми.

Но новейшие славяне забывают, что «человеческое» есть только тот запас нравственных и общественных идеалов и запас научного знания, который собран коллективным трудом целого человечества, и в этом смысле никаким образом не может представлять чего-либо несовместного с сущностью какой-либо отдельной национальной природы или противоположного ей...

<...>«человеческое» и «народное» — не противоположности, а только градация. Когда индивидуально-народное дело или идея становится общечеловеческим, это — высшая историческая заслуга и величие нации; но чтобы достигать этого, нация необходимо должна воспринять и разработать в себе интерес общечеловеческий. В этом взаимодействии совершается движение цивилизации, и от него зависит различие в относительном значении наций. Таким образом, «человеческое» является необходимым элементом в жизни народа, если он стремится к историческому значению.

Панегристы замечают, что в это время Карамзину было только 23 года и удивляются мудрости его изречений. Признаемся, находим изречения вполне соответственными его возрасту и видим в них не столько мудрость, сколько непоследовательность или необдуманность. Если Карамзин думает, что надо предаться Провидению и что оно, конечно, имеет свой план, в таком случае и рассуждать о событиях было бы бесполезно, а тем более было бы ошибочно осуждать их.

<...>

Чтобы закончить с рассуждениями Карамзина о европейских событиях, мы остановимся еще на последних его выводах о французской революции, высказанных уже в царствование Александра, в «Вестнике Европы». Прошло много времени, совершилось много потрясающих событий, общественное настроение в России вызвало интерес к политическим вопросам, автор был в полной силе своей литературной деятельности, — но в сущности его понимания вещей не произошло большой перемены.

Карамзин желает, чтоб началась новая эпоха не только для политики, но и для самого человечества. «По крайней мере истинная философия

ожидает хотя сего единственного счастливого действия ужасной революции, которая останется пятном восьмого-надесять века, слишком рано названного философским. Но девятый-надесять век должен быть счастливее, уверив народы в необходимости законного повиновения, а государей в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления. Сия мысль утешительна для сердца»...

<...>

<...>Литературная деятельность его, основавшая известную сентиментальную школу, имела большой успех, но Карамзин не был спокоен и жаловался в письмах к Дмитриеву, что теряет охоту «ходить под черными облаками». Биографы Карамзина объясняют, что эти черные облака, «помрачавшие все цвета жизни», могли означать только то, что Карамзина огорчало равнодушие и холодность императрицы Екатерины к его трудам. Во время Новиковского дела названо было имя Карамзина, хотя сам Прозоровский тотчас увидел, что Карамзин не имеет к делу никакого отношения. Биографы предполагают, что на Карамзине могли остаться темные подозрения, которые и беспокоили его».

<...>В тогдашних изданиях его попадались иногда вольнодумные мысли, которые могли иным давать повод считать его за вольнодумца, но рядом с ними шли самые благонамеренные рассуждения «Писем русского путешественника»; все литературные связи Карамзина были совершенно солидные, как, напр<имер>, Державин, Херасков, Дмитриев и т. п., — и вольнодумство не навлекло ему никаких действительных неприятностей.

При Павле I на него делали доносы, — вероятно, тот же Голенищев-Кутузов, кажется, исключительно доносивший на Карамзина, теперь и впоследствии, при Александре, — но эти доносы были так невежественны (хотя Голенищев-Кутузов все-таки мог быть при Александре попечителем Московского университета), так грубы и аляповаты, что не только при Александре, но и раньше, при Павле, не имели никакого влияния.

<...>Наступило наконец время Александра.

<...>Кроме двух од, которыми Карамзин приветствовал нового императора, он в первое же время написал похвальное слово Екатерине II. По словам новейших биографов, Карамзин, ободренный благосклонным принятием его од (он получил за них два перстня), «вознамерился выразить яснее свои мысли о желаемом правлении» посредством описания дел Екатерины. Цель была несколько дипломатическая. «Пример казался для Карамзина гораздо действительнее и полезнее всех умозрительных, отвлеченных рассуждений, тем более, что они могли подать еще повод к невыгодным предположениям о непрошенных наставлениях, а по мнению других, пожалуй, и дерзких<...>

Когда он издавал «Вестник Европы», в течение 1802 и 1803 года, он нередко обращался к общественным вопросам того времени. Царствование Александра уже заявило тогда свои тенденции, и Карамзин опять является в роли восторженно-панегириста либеральных мер.

По поводу нового плана народного просвещения Карамзин, называя указ об этом «бессмертным», смело говорит: «Многие государи имели славу быть покровителями наук и дарований; но едва ли кто-нибудь издавал такой основательный, всеобъемлющий план народного учения, каким ныне может гордиться Россия<...>

Относительно исполнения плана Карамзин говорит, что, конечно, только в будущем явятся плоды и венец дела, потому что просвещение идет обыкновенно медленными шагами; а пока — «довольно, что сей бессмертный устав для совершенного просвещения империи нашей требует только верного исполнения; а можно ли сомневаться в исполнении того, что монарх России повелевает россиянам?»

Вспомним мимоходом, что в новом министерстве был между прочим М.Н. Муравьев, покровитель Карамзина, доставивший ему звание историографа и состоявший тогда попечителем Московского университета. В 1803 г. Карамзин поместил в «Вестнике Европы» статью о публичных лекциях, которые были тогда устроены в этом университете; в этой статье, по словам г. Погодина, «он хотел в особенности доставить

удовольствие своему покровителю, М.Н. Муравьеву», и панегирик выходит из берегов.

«После всего, что великодушный Александр сделал и делает для укоренения наук в России, мы не исполним долга патриотов и даже поступим неблагоприятно, если будем еще отправлять молодых людей в чужие земли учиться тому, что преподается в наших университетах (!). Московский отличается уже в разных частях достойными учеными мужами; скоро новые профессора, вызванные из Германии и в целой Европе известные своими талантами, умножат число их, и первый университет российский, под руководством своего деятельного и ревностного к успеху наук попечителя, возвысится еще на степень славнейшую в ученом свете».

Указ о правах и должностях сената и манифест об учреждении министерств не только не вызывает возражений, но, напротив, новый поток панегирика<...>

Общее состояние России представлялось Карамзину в те годы в самом блистательном свете:

«Взор русского патриота, собрав приятные черты в нынешнем состоянии Европы (успокоение революции при Наполеоне), с удовольствием обращается на любезное отечество. Какой надежды не можем разделить с другими европейскими народами, мы, *осыпанные блеском славы* и благотворениями человеколюбивого монарха? Никогда Россия столько не уважалась в политике, никогда ее величие не было так живо чувствуемо во всех землях, как ныне. Итальянская война доказала миру, что колосс России ужасен не только для соседей, но что рука его вдали может достать и сокрушить неприятеля. Когда другие державы трепетали на своем основании, Россия возвышалась спокойно и величественно... Она судьбою избрана, кажется, быть истинною посредницею народов». Внутри он видит спокойствие сердец, «верное доказательство мудрости начальства в гражданском порядке».

<...>Перечитывая все эти тирады, наконец утомляешься этим тоном лести, преклонения и восторга. Карамзин, конечно, в значительной степени выражал действительную радость общества в первые недели и месяцы правления Алек-

сандра, и мы были готовы помириться с этим тоном; но он тянется годы, и тянется в такое время, когда было бы наконец возможно сказать и нечто более критически-хладнокровное, серьезное и нужное.

Карамзин уже в то время пользовался авторитетом; способ действий правительства открывал возможность более открытого изложения мыслей; сам Карамзин говорил о свободе, которая нужна и которая приходила к обществу, но, вместо того, чтобы пользоваться этой свободой<...>

{В одной статейке «Вестника» Евр<опы>», писанной, вероятно, самим Карамзиным, автор восстает против заезжих иностранцев, которым у нас поручали воспитание, и обличает неблагодарность тех из них, которые, оставив Россию, бранят ее. Он собирался сделать выписку из одной книги подобного рода, но не сделал этого; «мне совестно, — говорит он, — что я имел любопытство читать такую книгу и не хочу в нее снова заглядывать». <...>

Если мы опять спросим: столько ли он сделал в это время, сколько мог, или меньше? Надо снова ответить: меньше. В то время, когда перед серьезным писателем открывалась именно возможность говорить о действительных интересах общества и с пользой служить самому правительству, Карамзин довольствуется льстивыми восхвалениями, которыми литература и без того была издавна наполнена через меру, и возбуждением национального самодовольства и самолюбия.

<...>мы и не ставили бы Карамзину таких требований, если бы он сам не говорил с таким эмфазом, и в особенности, если бы он немного лет спустя не явился таким нетерпимым судьей современных людей и событий в своей записке «о древней и новой России»<...>

Эта записка вообще вызывает самые усердные восхваления нынешних почитателей Карамзина<...>

Новейшие почитатели Карамзина, как видим, дают «Записке» чрезвычайное значение: не только Карамзину отдается за нее великая похвала, не только обличается «самовластный» Сперанский, но из нее делается настоящая программа для предбудущих времен — «стоит политическо-

го завещания Ришелье», говорят они совершенно серьезно. Озлобленный консерватизм Карамзина нашел себе отголосок в новейших охранителях.

Из этого восхищения охранителей можно угадывать значение «Записки». Она действительно очень любопытна исторически, потому что Карамзин высказывал здесь не только свои личные взгляды, но во многих случаях излагал мнения целого консервативного большинства. Сам Карамзин высказывается наконец весь, потому что «Записка», без сомнения, была одним из наиболее искренних и наименее искусственных и натянутых его сочинений: для изучения его общественных понятий она представляет наиболее характеристических данных. Что касается внутреннего достоинства ее содержания, — глубины и справедливости ее основной мысли, доказательности аргументов, отличающего ее настроения, чувства — то, рассматриваемая без охранительного задора поклонников Карамзина, она представится далеко в ином свете.

Мы не станем оспаривать ее литературных достоинств, — со слов ее восхвалителей должно признать, что она прекрасно выражает охранительную точку зрения на русскую историю древнюю и новейшую, — но нельзя не видеть, что она крайне непоследовательна, что во многих случаях она обличает самого Карамзина и, наконец, что политическая мудрость, на которой она построена, подлежит большому сомнению, и чувство, ее проникающее, мало способно вызвать симпатию.

Записка «о древней и новой России» имеет задачей представить внутреннюю политическую историю России и ее современное состояние. Основная тема «Записки» — доказать, что все величие, вся судьба России заключается в развитии и могуществе самодержавия, что Россия процветала, когда оно было сильно, и падала, когда оно ослабевало. Урок, следовавший из этой темы для Александра, должен был быть тот, что и в настоящую минуту России ничего не нужно больше, что либеральные реформы только вредны, что нужна только «патриархальная власть» и «добродетель».

«Настоящее бывает следствием прошедшего» — этими словами Карамзин начал свою записку: это прошедшее должно было доставить ему основание для его выводов о настоящем, — вся сущность записки и цель ее заключается собственно в рассмотрении и критике царствования ими. Александра.

<...>Для доказательства основной темы «Записки» Карамзину нужно было показать, что в древней России единовластие основало ее величие, которое потом пало от разделения княжеской власти и от удельной системы, и он утверждает, что «в конце X века Европейская Россия была уже *не менее* нынешней, то есть, во столет она достигла от колыбели до величия редкого» — чего, заметим, на деле вовсе не было.<...>

В московском периоде все похвалы сосредотачиваются на мудрой политике московских князей, которые успели освободить Россию от монгольского ига и создать из нее могущественное государство. Восхваляя самодержавие, основанное московскими князьями, Карамзин всячески прикрашивает те времена, причем нередко делает насилие истории. Все получает благовидную внешность. Татарское иго не благоприятствовало наукам и искусствам, — и кажется, можно бы признать, что науки и искусства были плохи, — «однако ж Москва и Новгород пользовались важными открытиями тогдашних времен: бумага, порох, книгопечатание сделались у нас известны *весьма скоро* по их изобретении»; напр<имер>, книги стали печататься едва через сто лет по изобретении книгопечатания; управляться с порохом и пушками не умели хорошенько до самого Петра Великого. <...>Народ, по словам Карамзина, был доволен: «Народ, избавленный князьями от бедствий внутреннего междоусобия и внешнегo ига, *не жалел* о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах», — хотя уходил целыми толпами в казачество и грабил ту же Россию.

Приступая к временам Петра, Карамзин собирает всю силу своих аргументов, чтобы доказать ошибку реформы. Теперь он думал о ней совсем иначе, нежели в Париже. Мы упоминали выше об этой перемене его мнений. Эта перемена мнен-

ний у Карамзина не имела вообще значения тако-го строго последовательного развития взглядов, от космополитизма к национальности, от свободымыслия к покорной умеренности, как обыкновенно изображают; потому что, как мы видели, у него издавна, в пору самых свободолобивых увлечений, были все задатки консерватизма — в виде восхваления старой французской монархии, в виде проповеди повиновения, отвращения к новостям, приверженности к «магической силе древности». Теперь только сильнее стала выдвигаться эта последняя сторона его мнений. Ей все-го больше благоприятствовала русская жизнь.

<...>Реформа Петра была единственным фактом в русской истории, который нарушал эту теорию революционной резкостью преобразования, и Карамзину надо было доказывать, что реформа была вредна, что перемены даже не были и нужны, потому что и до Петра Россия уже принимала спокойно и умеренно плоды европейской образованности. В XVII-м столетии «еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком, в воинских уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении... Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно... Мы заимствовали, но как бы нехотя, применяя все к нашему и новое соединяя со старым». Нет спора, что Петр действовал круто, но историк мог бы поставить вопрос: не был ли именно нужен крутой переворот, не потому ли только дело Петра и удержалось впоследствии, что на него были потрачены эти страшные усилия и неукротимая энергия? <...>На многие жалобы против Петра отвечал очень удовлетворительно сам Карамзин в «Письмах русского путешественника».

Аргументы Карамзина против реформы, очень благовидные по наружности, нередко, однако, совершенно неудовлетворительны, иногда несколько рискованны.

Петр Великий унижал народный дух, пренебрегал старыми обычаями, представлял их смешными и глупыми; «государь России унижал россиян в собственном их сердце: презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к ве-

ликим делам?» Карамзин припоминает, что этот народный дух и вера спасли Россию при самозванцах. Этот дух «есть ни что иное, как привязанность к нашему особенному, ни что иное, как уважение к своему народному достоинству... Любовь к отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного. Просвещение достохвально, но в чем состоит оно? В знании нужного для благоденствия: художества, искусства, науки не имеют иной цели.

<...>Самая слабая доля просвещения способна вызвать в грубой массе подозрительность и вражду, и определяя дело исторически, трудно сказать, с которой стороны эта вражда высказалась раньше, которая сделала вызов и которая была более неправа. Карамзину могло быть известно, что народный разлад из-за старого и нового начался еще задолго до Петра, что даже то «медленное и тихое» движение, — которое обнаруживала Россия XVI–XVII века и которое выразилось и в Никоновской реформе книг, — взволновало народную массу до того, что она раскололась на две смертельно враждебные стороны.

<...>Россия ушла в раскол еще при Никоне, и следствия *этого* раздора, явившегося задолго до деятельности Петра и независимо от него, конечно, играли главнейшую роль в том разладе, вину которого сваливает Карамзин на одного Петра. Каковы могли быть отношения между двумя сторонами в то время, когда реформа еще только обдумывалась и начиналась и когда, однако, против нее уже готова была оппозиция настоящей, т.е. раскольничьей древней России, об этом дают понятие страшные факты истории стрелецкого бунта. Что мог думать Петр, об этом Карамзин мог судить по своим собственным мыслям, когда, в прежнее время, он сам думал, что Петр должен был «свернуть голову» старому русскому упорству и невежеству (см. «Письма русского путешественника»).

<...>В суждениях о реформе еще раз обнаружилось свойство сангументальных взглядов Карамзина. Он всегда рекомендовал «просвещение» и «добродетель» как панацею всех гражданских и государственных зол, но он как будто никогда

не думал о том, что в практической жизни «просвещение» не может оставаться одним приятным «украшением ума», а что оно может вести за собой такую перемену понятий, которая будет отражаться переменами и волнением в самой жизни, в ее нравах и устройстве. С этим туманным представлением Карамзин остался на век: если он, как справедливо заметил Белинский, дурно понимал умственные потребности русского общества, когда писал свои «Письма», то так же точно он не понимал их и после, через двадцать и тридцать лет; — он мало понимал их условия в прошедшем.

Карамзин считает вредной ошибкой уничтожение патриаршества и жалуется, что со временем Петра духовенство в России упало. По его мнению, патриаршество не было опасно для самодержавия, потому что «первосвятители имели у нас одно право — вещать истину государям, не действовать, не мятежничать». <...>Упадок влияния духовенства не подлежит сомнению, но он произошел не от того, что его хотели унижать, а от того, что оно само отстало от движения, которое шло в светской образованности.

<...>Свои выводы о реформе и ее следствиях Карамзин высказывает в сожалении о том, что мы, хотя во многом лучше наших предков, но с приобретением добродетелей человеческих утратили гражданские. «Имя *русского*, — говорит он, — имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его, присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а святая Русь — первое государство. Пусть назовут то *заблуждением*; но как оно *благоприятствовало любви к отечеству* и нравственной силе его! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; *спрашиваю* (!): кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям? Т. е. кому бы она, по вероятности, должна была более противиться? При царе Михаиле

или Феодоре вельможа российский, обязанный всем отечеству, мог ли бы с веселым сердцем на веки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы *стали* гражданами мира (!), но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною — Петр».

Здесь опять исторически ошибочно то преувеличение «многих выгод иноземных обычаев», будто бы приобретенных русскими до Петра, — на которое мы имели случай указывать, — и чрезвычайно странны рассуждения о гражданских добродетелях старины, утраченных потомками. <...> Смешно было говорить, что русские заразились космополитизмом, но у людей образованных действительно являлось новое понятие о национальном достоинстве и «совершеннейшем гражданине», понятие, при котором они не могли держаться патриархальных убеждений старины и вместе не могли восхищаться настоящим порядком вещей, где «совершеннейшее гражданство» было невозможно. Весь смысл новой истории общества и состоял именно в том, что оно приобретало с увеличением образования и новые нравственно-общественные понятия и стремилось дать им место в жизни. Только такой смысл и могло иметь «просвещение», если оно имело у нас какой-нибудь смысл, и этого опять совершенно не понимал тот же писатель, который так много и с таким жаром рассуждал о просвещении.

Свои жалобы на упадок старинных гражданских добродетелей Карамзин подтверждает ссылкой на вельмож, которые столь охладели к отечеству, что спокойно читают в европейских столицах о наших государственных опасностях.

<...> причины новейшего абсентеизма достаточно ясны: для одних это было тягостное чувство от отсутствия сколько-нибудь свободной умственной и гражданской жизни дома; для других, — и особенно для тех людей, которых разумел Карамзин, — полная гражданская испорченность, источник которой лежал в тех же домашних условиях. Эти последние были обыкновенно люди, которые, воспитавшись в аристократической сфере, никогда не имели никакого интереса к народу, избалованные крепостными

богатствами, видели в русском народе только мужиков, доставлявших деньги. Полагаем, что нет надобности подробно объяснять, что виной этого явления была вовсе не реформа Петра, вовсе не то, что эти люди вместо русского кафтана надели французский кафтан, — а именно тот порядок вещей, который осыпается похвалами Карамзина и который он советует еще укрепить и усилить.

<...> Карамзин соглашается, что самая деятельность Петра была возможна только при безграничности его власти: «в необыкновенных усилиях Петровых видим всю твердость его характера и власти самодержавной: ничто не казалось ему страшным».

<...> Итак, древняя Россия была создана и возвеличена единодержавием и самодержавием. Тем же самодержавием она была преобразована при Петре. Петр был великий муж, который самыми ошибками доказывает свое величие: «как хорошее, так и худое он делает на веки». Но дело его осталось неоконченным, и преемники его до самой Екатерины неспособны были быть его продолжателями.

<...> Мы указывали выше, какими неумеренными восхвалениями Карамзин прославлял Екатерину в своем «Похвальном Слове». Проходит несколько лет, и тот же Карамзин сам опровергает свой панегирик, потому что, хотя и здесь он преклоняется перед «истинной преемницей величия Петрова и второю образовательницей новой России», но видит и слабые стороны царствования, которых даже на его взгляд оказывается очень много.

<...>

Итак, Карамзин мог сам видеть, когда хотел видеть, потому что если приведенные слова и не заключают еще полного изображения тех внутренних неустройств и общественных тягостей, которых много представляло прославленное царствование, то все-таки здесь указано многое. Понятно, что все это стало ясно Карамзину не теперь только; он сам говорит, что «в последние годы ее жизни... мы более осуждали, нежели хвалили Екатерину». В описании царствования Павла Карамзин говорил всю правду, и относительно общественного настроения высказывает следую-

щее любопытное замечание: «В сие царствование ужаса, по мнению иноземцев, россияне боялись даже и мыслить: нет, говорили и смело, умолкали единственно от скуки частого повторения, верили друг другу и не обманывались. Какой-то дух искреннего братства господствовал в столицах; общее бедствие сближало сердца и великодушное остервенение против злоупотреблений власти заглушало голос личной осторожности»<...>

и после царствования Павла, описав «остервенение», неспособен был понять, что при таком ходе вещей в людях, истинно преданных отечеству, могло явиться глубокое сомнение в самой системе и искреннее желание найти какую-нибудь гарантию безопасности и спокойствия.

Карамзин говорит, что благоразумнейшие россияне сожалели, что зло вредного царствования было пресечено способом вредным. Сожаление было, конечно, справедливо. Он рассуждает далее, что подобные олигархии и поведут к безначалию, которое ужаснее самого злейшего властителя»<...>

Карамзин хочет отнять у общества самую мысль об усовершенствовании порядка вещей, под которым он живет. Это — воля Провидения! снесите ее как бурю, как землетрясение, и не помышляйте о том, чтобы мог наступить иной порядок вещей, в котором право и закон устраняли бы необходимость подвергаться землетрясениям. Мы уже видели эти ссылки на Провидение, которые обыкновенно употребляются в подобных случаях и так часто бывают или пустословием или лицемерием.

<...>

Далее, за недостатком других политических принципов, Карамзин хочет только пугать и государей и народ опасностью заговоров. «Заговоры суть бедствия, — говорит он там же, — колеблющие основу государств и служащие опасным примером для будущности. Если некоторые вельможи, генералы, телохранители присвоят себе власть тайно губить монархов, или сменять их, что будет самодержавие? Игралищем олигархии, и должно скоро обратиться в безначалие»<...>

Карамзин говорит в утешение, что «мы в течение 9-ти веков имели только двух тиранов», — утешение очень простодушное или лицемерное.

Он сам перед тем только называл тираническими многие меры самого Петра, которые были иногда действительно жестоки; он сам только что рассказывал об угнетении от разных властолюбивых олигархов при Екатерине I, при Анне, при Елизавете. Или, по его мнению, тиранство есть только прямое истребление людей, огнем и мечем, как бывало при Иване Грозном?..

С таким предисловием приступает он к царствованию Александра. Это часть его «Записки» есть самое решительное отрицание тех либеральных предприятий, которые наполняют первые годы царствования.

<...>Нравственно он не был прав потому, что винил Александра не только за его личные ошибки, но и за ошибки целой эпохи, целого общественного настроения, от которых не был во все свободен и сам критик, потому что он сам был в числе людей, которые прежде создавали кругом Александра фальшивые и вредные иллюзии.

Указав, что в начале царствования господствовали в умах два мнения: одно, желавшее ограничения самовластия, другое, хотевшее только восстановления Екатерининской системы, Карамзин присоединяется к последнему и смеется над теми, кто думал «закон поставить выше государя».

<...>Карамзин говорил то же самое, над чем теперь насмехался. Ему бы следовало, по крайней мере, быть умнее прежде, потому что, как теперь оказывалось по его словам, дело было совсем невероятное.

«Кому дадим право блюсти неприкосновенность этого закона? — спрашивает он. — Сенату ли? Совету ли? Кто будут члены их? Выбираемые государем и государством? В первом случае они угодники царя, во втором захотят спорить с ним о власти; вижу аристократию, а не монархию. Далее: что сделают сенаторы, когда монарх нарушит устав? Представят о том его величеству? А если он десять раз посмеется над ними, объявят ли его преступником? Возмутят ли народ? Всякое доброе русское сердце содрогается от сей ужасной мысли. Две власти государственные в одной державе суть два грозные льва в одной клетке, го-

товые терзать друг друга, а право без власти есть ничто...»

Карамзин грозит, что с переменю государственного устава Россия должна погибнуть, что самодержавие необходимо для единства громадной и состоящей из разнообразных частей империи, что, наконец, монарх не имеет права законно ограничить свою власть, потому что Россия вручила его предку самодержавие нераздельное; наконец, предположив даже, что Александр предпишет власти какой-нибудь устав, то будет ли его клятва уздою для его преемников, без иных способов, невозможных или опасных для России?

«Нет, — продолжает он, — оставим мудрствования ученические и скажем, что наш государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблениях власти: да царствует добродетельно! да приучит подданных ко благу! <...>

В этом отношении либералы видели дальше или предчувствовали вернее. Для общества, раньше или позже, должен был наступить период, когда оно поймет необходимость преобразований и когда их все-таки пришлось бы совершить. Либералы и не думали тогда о полной конституционной реформе; они думали только о некоторых освободительных мерах, о первом возбуждении общественной деятельности, без которой, наконец, немислимо было правильное развитие и внутреннее благосостояние страны.

<...>Средства, предложенные самим Карамзиным, были, конечно, ученическим мудрствованием: что значит — править добродетельно, приучать ко благу? Это были в данном случае ничего не значащие фразы, нравоучение, годное только для прописей: чтобы править по истине «добродетельно», надо было бы прежде всего сделать такие вещи, от которых Карамзин первый пришел бы в ужас — например, хоть освободить с хорошим наделом крестьян. И отчего монарх не мог бы быть добродетелен и при том порядке вещей, против которого Карамзин вооружался?

<...>Указав, как все «россияне» согласны были в добром мнении о качествах монарха, его ревности к общему благу и т. д., Карамзин собирает твердость духа, чтобы «сказать истину», что «Россия наполнена недовольными: жалуются

в палатах и в хижинах, не имеют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры...» Что Россия очень могла быть наполнена недовольными, это было совершенно возможно, — но, если исключить чиновнический мир, раздраженный тогда указом об экзаменах, и дворянство, большинство которого опасалось либеральных мер правительства по крестьянскому вопросу, — это недовольство едва ли не было преувеличено Карамзиным в смысле его тенденции. По крайней мере, мы видели, что люди той же тенденции говорили эти самые вещи уже на второй и третий год царствования Александра, когда, конечно, было гораздо меньше поводов к недовольству.

<...>В самом деле, воинственный азарт есть одна из самых антипатичных и пошлых вещей, какими могут страдать народы и правительства; но Карамзину могли бы возразить, что в делах с Наполеоном замешивалась наконец и национальная честь, которою правительства не могут не дорожить. Кроме того, на правительстве могли отражаться и взгляды тех «добрых россиян», на которых так часто ссылается Карамзин: что же они говорили тогда и какой образ действий могло бы извлечь правительство из их суждений, если бы к ним прислушивалось? Масса «добрых россиян» была уже издавна проникнута полнейшим убеждением в непобедимости «россов» и в их превосходстве над всеми другими народами и предавалась национальному самохвальству, которое с XVIII-го века в особенности распространяла рабски льстивая литература од, похвальных слов и т. д. и которое по мере сил поощрял и сам Карамзин в своем «Вестнике Европы».

В ответ на его обвинения граф Марков и «старый министр» (с такой же «тонкой улыбкой») могли бы сказать, что они в его же собственном журнале в то самое время вычитали, и имели неблагоразумие поверить, что «колосс России ужасен», что «рука его и вдали может достать и сокрушить неприятеля», что «никогда величие России не было так живо чувствуемо во всех землях», что «она может презирать обыкновенные хитрости дипломатики и т.д., и т.д.».

В разборе внутренних преобразований, Карамзин находит еще больше поводов к осуждению

ям. Изменять было нечего, по его словам, — стоило только восстановить Екатерининские порядки, и все было прекрасно. «Сия система правительства (Екатерининская) не уступала в благоустройстве никакой иной европейской, заключая в себе, кроме общего со всеми, некоторые особенности, сообразные с местными обстоятельствами империи». Этого и следовало держаться.

<...>Такова была основа мнения Карамзина. Но он только что перед тем, изображая правление Екатерины, описывал (и все еще очень неполно) то жалкую, то ужасную картину внутренней неурядицы, какую создавала «сия система».

<...>Переходя к частностям, Карамзин строго критикует новые учреждения Александра, напр<имер>, учреждение министерств, меры по Министерству народного просвещения, устройство милиции, предположения об освобождении крестьян, меры финансовые, проекты законодательные и т. д. Мы не будем подробно приводить его обличений, тем более, что многие из них, относящиеся к деятельности Сперанского, были уже указаны автором «Жизни Сперанского», который во многих случаях верно оценил их достоинство.

<...>Карамзин в одном месте претендует, что правительство, создавая учреждение, не объясняло своих оснований и побуждений: «Говорят россиянам: было так, отныне будет иначе; для чего? — не сказывают» и ссылается на Петра: «Петр Великий в важных переменах государственных давал отчет народу: взгляните на Регламент духовный, где император открывает вам всю душу свою, все побуждения, причины и цель сего устава». Но в другом месте Карамзин с такой же смелостью утверждает, что «в самодержавии не надобно никакого одобрения для законов, кроме подписи государевой». К чему же было ссылаться на Петра, который и раскрывал свою душу именно за тем, чтобы внушить одобрение к своим законам?

Немного далее Карамзин, отвергая мысль об ответственности министров, рассуждает так: «...кто их избирает? Государь. Пусть он награждает достойных своею милостию, а в противном случае удаляет недостойных *без шума, тихо и скромно*. Худой министр есть ошибка го-

сударева: должно исправлять подобные ошибки, но *скрытно*, чтоб народ имел *доверенность* (!) к личным выборам царским». Итак, опять рекомендация способа действовать «шитом и крытом», в котором Карамзин, очевидно, и считал государственную мудрость. Эта система действий «под рукой», «тихо и скромно», «без шума», — система, по которой практиковали старинные и позднейшие Архаровы, Еропкины, Эртели и т.п., — которую так усердно рекомендует Карамзин Александру, и для министров, и для духовенства, и для жестоких помещиков, — сама по себе достаточно характеризует его понятия о государственном управлении.

Меры по Министерству народного просвещения вызывают опять суровейшие осуждения Карамзина. <...>(Карамзин еще в «Вестнике Европы» думал, что у нас ученых людей и воспитателей юношества следовало бы готовить из «мещанских детей»; для дворянина, очевидно, это была бы вещь унижительная!)... «*Строить и покупать дома для университетов, заводить библиотеки, кабинеты, ученые общества, призывать знаменитых иноземных астрономов, филологов — есть пускать в глаза пыль. Чего не преподают ныне даже в Харькове и Казани?*» и проч. Карамзин сильно осуждает поручение университетского хозяйства совету, осмотр училищ профессорами, жалуется на недостаток русских учителей, и, наконец, решает, что «*вообще министерство так называемого (!) просвещения в России донныне дремало, не чувствуя своей важности, и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось от времени до времени единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя*». Вся тирада о Министерстве народного просвещения есть одно из самых жалких мест в Записке «о древней и новой России». В словах Карамзина слышится такое недоброежелательство, которое даже трудно объяснить себе и которое производит чрезвычайно тяжелое впечатление, если вспомнить, что эти слова говорились одним из первых людей тогдашней литературы и образованного общества. Основание университетов кажется ему только прискорбным убытком для казны!

У него нет и мысли о том, что если бы даже были серьезные ошибки в действиях министерства, то они были бы весьма понятны и извинительны при первых опытах и особенно, когда их надо было делать в стране, к сожалению, слишком невежественной. Вместо доброжелательного совета у Карамзина нашлись только раздражительные осуждения. Не говоря о том, что человеку, истинно любящему просвещение, не пришло бы в голову жаловаться на *такие* траты правительства<...>

Он жалуется, что правительство основало университеты, но не приготовило учеников; но, во-первых, рядом с университетами основаны были приготовительные школы и гимназии, которые могли открывать путь в университет; во-вторых, правительство могло рассчитывать на прежние учебные заведения и на те Екатерининские школы, которые уже существовали и о которых с таким красноречием говорил и Карамзин в своем похвальном слове Екатерине. Если правительство не принялось тотчас же само за отыскание учеников для университетов, то в этом винить его невозможно; оно весьма естественно могло ждать, что общество отзовется сколько-нибудь на его заботы, и не нужно будет «призывать» только одну бедность, чтобы «добрые россияне» стали чему-нибудь учиться. «Дворяне служат», возражает Карамзин; но правительство и могло ожидать, что с открытием университетов, с возможностью учиться, дворяне захотят «служить» уже не такими невеждами, какими они бывали... Карамзин странным образом полагает, что университеты основаны только для того, чтобы произвести какое-то особое «ученое состояние», как будто образование должно ограничиваться одним нарочно к тому предназначенным сословием; он думает, что решил дело, сказавши, что «дворяне служат», что «нашистряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав» и т. д., — что же, ни дворяне, ни судьи, ни священники не нуждаются в образовании, какое доставляли университеты?

И все это говорил тот же человек, который с чувствительностью и жаром толковал бывало о просвещении, которое должно привести людей к благополучию; и тот же человек, который

при первых мерах этого министерства осыпал их самыми преувеличенными восхвалениями.

<...>Далее, Карамзин говорит о крестьянском вопросе. Он был, как известно, решительный противник освобождения. Мы не стали бы оспаривать у него права быть человеком своего времени, делить предрассудки и заблуждения этого времени, — если бы Карамзин не давал нам права предъявлять к нему более высокие требования, чем к массе его современников, если бы сам он не говорил так много о натуре, о свободе, о просвещении, о человечестве: естественно требовать, чтобы он — в известных общественных отношениях — наконец сколько-нибудь исполнял те прекрасные отвлеченные правила, которыми его сочинения переполнены. К сожалению, из-за красивых фраз о натуре и человечестве беспрестанно выглядывает самое дюжинное крепостничество.

<...>

А вредным крепостного права Карамзин и не думал считать, — и напротив, рисует бедственное и опасное состояние крестьян, освобожденных *без земли*, — «которая, в чем не может быть спора, есть собственность дворянская». Крестьяне будут пьянствовать и злодействовать; помещики, которые прежде «щадил в крестьянах свою собственность» (!), не будут их щадить; крестьяне начнут ссориться между собой, и не имея прежнего «суда помещичьего, решительно безденежного», станут жертвой мздоимных исправников и «бессовестных судей» {Таковы, следовательно, оказывались судьи, которым не для чего было учиться в университетах.}; начнется затруднение в уплате податей и от буйства крестьян опасность для государства и т. д., и т. д. Напугав всем этим своего читателя, Карамзин кончает: «В заключение скажем доброму монарху: Государь! История не упрекнет тебя злом, которое *прежде тебя существовало* (положим, что неволя крестьян и есть решительное зло), — но ты будешь ответственность Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов».

<...>Крепостничество Карамзина тем удивительнее, что от «глубокого знатока» истории

можно было бы ждать некоторого понимания тех влияний, которые оказывало на жизнь крепостное право, как, с другой стороны, можно было бы ждать более человеческого, сочувственного взгляда на бедственное положение крепостного населения от человека, который все-таки размышлял, который хвалился нежностью сердца и страстной любовью к человечеству. К сожалению, здесь еще раз приходится убеждаться, что такая преувеличенная чувствительность слишком часто бывает одной фразой, и может граничить с совершенным бессердечием на деле. В словах Карамзина, при всем старании, нельзя уследить ни малейшей тени сочувствия к угнетенному классу; это только отношение барина, который считает, что дело иначе и быть не должно, который в книжке с нежностью описывает поселян, а на деле с пренебрежением говорит о «господских людях», требует от них только исполнения работы и негодует на их пьянство, буйство и т. п., и как будто не хочет верить, что действительно правительство хотело дать этим «господским людям» свободу.

<...> Впрочем, в *этих* мнениях Карамзина несколько не была виновата история, изучению которой его биографы приписывают консерватизм его мнений в эпоху «Записки». Отношение Карамзина к живому народу, в котором столько было «господских людей», всегда было очень барское. Когда он переносил к нам литературную сентиментальную школу и перелагал ее на русские нравы в «Бедной Лизе» или «Фроле Силине», он и тогда понимал все свои возвышенные чувства только в известных пределах. В своих литературных произведениях он представлял народную жизнь в виде той же старинной пасторали и идиллии, а на жизнь настоящую смотрел с брезгливостью помещика, считавшего, что крестьяне принадлежат к другой породе. Образчиков его мнений обоего рода можно было бы привести не мало из его сочинений, где он является в своем литературном костюме, и из его писем, где мы видим его в домашнем халате: как старательно, например, разбирает он, в письмах к Дмитриеву, все тонкости сентиментальной фразы, подбирает для нее чувствительные эффекты и удаляет все «низкое»; с какой простотой он по-

нимает, с другой стороны, практические отношения. В официальных, так сказать, сочинениях он не может говорить о поселянине без нежного чувства, он желает ему всяких благ, и, например, просвещения.

В указанной статье «Нечто о науках» он говорит: «Цветы граций украшают всякое состояние — просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой зелени, с нежною своею подругою, не позавидует счастью роскошнейшего сатрапа». Где видал Карамзин *такого* земледельца, неизвестно; но вот практический образчик того просвещения, какое устраивалось на деле для земледельца настоящего: «Мальчик форейтор, — пишет он брату в 1800 году, — кажется мне мало способным к поваренному искусству. Разве не отдать ли Вуколку к хорошему повару на год? Он уже несколько времени учился... Если вам угодно, то мы поменялись бы: я доставил бы вам чрез год очень хорошего повара, а вы мне лакея. Впрочем, как вам угодно. Если прикажете, то я отдам учиться и мальчика... Между тем буду искать нанять повара... И купить хорошего повара никак нельзя; продают одних несносных пьяниц и воров».

Как же было не исполниться негодованием на либерализм, который хотел истребить такую торговлю людьми, как собаками?

О том, как приобретались поселянами — на практике — нежные подруги, можно видеть из писем Карамзина к его бурмистру: парни женились и девки выходили замуж по барскому и бурмистрову приказанию, — хотя бывали примеры, что против этих мероприятий крестьяне восставали «миром», — вероятно, не без причины {Нечего говорить о том, чтобы *такое* отношение к крестьянам было у Карамзина только неперменной чертой времени. Не все помещики бывали таковы, как описанные С. Т. Аксаковым, и Карамзину можно было бы отличаться даже от большинства, если бы оно было таково. Невольно, в контраст Карамзину, вспоминается Шишков, человек еще более старого покроя, и, однако, относившийся к своим крестьянам с замечательной, даже трогательной мягкостью.}

<...>Далее, одно из самых раздражительных обвинений направлено против законодательных предприятий царствования и, в частности, против работ Сперанского В этом отделе «Записки» есть места, где Карамзин был всего больше прав; он очень едко и справедливо смеялся над первыми работами «Комиссии законов», когда главным дельцом ее был Розенкампф, указывал слабые стороны проекта «Уложения» Сперанского, — работы, слишком поспешно и слишком в сыром виде пущенной им в ход, -- но, как всегда, Карамзин не заботился о точности, когда нужно бросить лишнюю тень на вещь ему ненавистную, а то, что он выставляет взамен, далеко не серьезно, а иногда ребячески наивно.

«Какое изумление для россиян!» — восклицает он, назвав проект «Уложения» переводом Наполеонова кодекса. «Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя, у нас еще не Вестфалия», и пр., и вооружается против самого кодекса. «Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет, для того ли около ста лет трудятся над сочинением своего полного уложения (Карамзин разумел те различные комиссии, которые со временем Петра учреждались для составления законов), чтобы торжественно пред лицом Европы признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однако же не велел, без всяких дальнейших около личностей, взять, например, шведские законы и назвать их русскими, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств...»

Тысяча лет существования России, конечно, вставлена только для украшения, потому что и за тысячу лет у нас брались целиком византийские и варяжские законы, потом брались татарские обычаи, потом, именно при Петре, шведские законы, при Екатерине собирались подражать французским модным идеям и т. д. Карамзин не хотел знать, *каковы* были труды, над которыми сто лет работали старые комиссии: между прочим, эти труды, так долго бесплодные, и усиливали ту общественную потребность в целом

здоровом законодательстве, которая повела к торопливым трудам Сперанского.

Высокомерное отношение к Наполеонову кодексу объясняется, конечно, только незнанием, и указание на экс-якобинцев едва ли не было предназначено внушить Александру новое понятие о характере Сперанского. Ссылка на Петра Великого мало соответствовала собственным отзывам Карамзина, который в другом месте жаловался, что Петр хотел сделать Россию Голландию; о законодательстве Петра биограф Сперанского заметил уже, что Карамзин — заведомо или неведомо — сам делал здесь ошибку, потому что некоторые законы Петра были именно целиком переведены с шведского, голландского и немецкого, как, напр<имер>, часть воинского устава, генеральный регламент, военные артикулы и др.

Взгляды самого Карамзина на законодательные предметы иногда приводят в недоумение. «Кстати ли, — говорит он, — начинать, напр<имер>, Русское уложение главою о правах гражданских, коих в истинном смысле *не было и нет* в России? У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и проч., все они имеют свои особенные права, общего нет, кроме названия русских». Биограф Сперанского замечает, что «такое странное утверждение можно объяснить в критике только одним движением раздраженной страсти».

Но, осуждая проект, Карамзин, тем не менее, сам признавал необходимость «систематического» кодекса, только он желал строить его не на кодексе Наполеона, а на Юстиниановых законах и на Уложения царя Алексея Михайловича. В этом-то и был спор, и, конечно, задумывая план нового систематического кодекса не с археологическими целями, естественнее было подумать о новом европейском законодательстве, чем о византийском и том старом русском, где и Карамзин считал необходимым исправить некоторые, особенно уголовные законы, «жестокые, варварские», — да и одни ли уголовные? — которые, хотя и не исполнялись, но существовали «к стыду нашего законодательства». Этот-то стыд и чувствовали серьезно люди, которые предпочли искать образца в Наполеоновом кодексе<...>

<...>Поэтому главный совет Карамзина — «искать людей», и не только для министерств, но в особенности на губернаторские места. Он полагает, что все пойдет отлично, и министрам можно будет «отдыхать на лаврах», если найдут 50 хороших губернаторов: они обуздают корыстолюбие чиновников, укротят жестоких господ, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранять пользу казны и народа. Он желал, чтобы губернаторы были тем, что были при Екатерине — наместники, т. е. полные хозяева края, и жалеет, что губернаторам оставались не подчинены многие части и дела в губернии: школы, удельные имения, почта и проч.

<...>

<...>план Сперанского показывает, что новые учреждения были бы не одной внешней переменной. Он мог остаться неудачным, вызвав против себя массу приверженцев патриархальной старины но в тех формах, которые он хотел ввести, было все-таки больше смысла, чем в мнениях Карамзина.

В самом деле, эти мнения ровно ничего не говорили. Легко сказать — «выбрать людей», но их надо было выбрать из того же испорченного общества, и что сделает самый добродетельный человек там, где все условия жизни, создавшиеся целыми десятками и сотнями лет, делали невозможной желаемую добродетель в управляемых? Мог ли бы он, например, уничтожить хотя «мздоимных» чиновников, когда этим чиновникам с одним жалованьем, большею частью, пришлось бы нищенствовать, когда само общество совершенно понимало эту причину мздоимства, и иногда очень спокойно его выносило? Понятно, что этот общий ход дел должен был овладеть наконец и тем человеком, который предназначался исправить его. Да и он вышел из того же общества, и сам знал все это. То же самое произошло бы и в разных других случаях, где Карамзин возлагал на 50 добродетельных губернаторов свои фантастические надежды.

Правление должно быть «отеческое», «патриархальное», — точно в самом деле для управления

огромным государством годились средства, употреблявшиеся для помещичьих имений<...>

Далее, главнейшее средство, которое рекомендует Карамзин для достижения народного благополучия — страх, — есть, конечно, сильно обуздывающее патриархальное средство, но опять странно видеть в писателе, влюбленном в человечество, такое пристрастие к этому средству. Он забывает все общественные влечения человека, все средства, какие дает просвещение, и не заботится о воспитании в людях чувства человеческого достоинства и сознания права и справедливости: взамен всего этого он предпочитает страх, — для правителя — страх, что его возненавидят и составят против него заговор, для управляемых — что их «казнят», одним словом, предпочитает патриархальные бухарские средства.

<...>

Как план Сперанского представляет собой одну сторону тогдашних мнений, крайний вывод тогдашнего либерального движения, высказанный одним из лучших представителей молодого поколения, так «Записка» Карамзина представляет другой полюс этих мнений, оппозицию мнимо-исторического консерватизма старого общества, оппозицию, высказанную заметнейшим представителем старого поколения. Конечно, эти выражения несколько условны: собственно, Карамзин был старше Сперанского только на пять лет.. Это крайние пункты, которые дают мерку всего движения: здесь оно выразилось ярче и яснее, чем в каких-нибудь произведениях тогдашней печатной литературы и других явлениях общественной жизни».

<...>Нам кажется, напротив, что если в «Записке» и есть верные замечания о нескольких неудачных мерах тогдашнего правительства, то в целом раздражительная вражда Карамзина против каких-нибудь перемен вовсе не говорит о широте его государственных взглядов, — потому что взамен он не представил ничего лучшего, а разве еще худшее — и «вообще» он был совершенно неправ.

В Записке Карамзина и в планах Сперанского встретились два основных принципа русской внутренней жизни, один отживавший свое вре-

мя, другой — только что появившийся. Европейское влияние, постоянно возраставшее с Петра Великого, в это время подействовало на общественные понятия.

<...>.

Принципы, на которых утверждалось существовавшее устройство общественных отношений, были те же порядки XVI–XVII века, мало изменившиеся и от петровской реформы. Это был завещанный допетровской Россией, почти восточный абсолютизм, при котором и личность каждого и целое общество были совершенно бесправны. Европейские нравы смягчили внешность абсолютизма, но не уничтожали его сущности. Между тем в русскую жизнь с XVIII-го века проникли некоторые влияния европейской образованности; лучших людей начинало тяготить сознание личной и общественной бесправности; для успехов внутреннего развития уже чувствовалась потребность в большей доле общественной свободы. Европейское движение конца прошлого столетия отразилось в нашем образованном обществе несколькими отвлеченными понятиями, которые дали этой практически выраставшей потребности и свои теоретические основания. Правление Павла еще более разъяснило необходимость какого-нибудь преобразования существующего порядка, и в царствование Александра мы видим уже первое столкновение старых преданий и новых жизненных потребностей общества, первое столкновение между старыми порядками безграничного абсолютизма и стремлением к новым учреждениям в смысле европейской конституционной монархии. Новое направление было еще слабо; приверженцы его были немногочисленны; действия часто неудачны, но в основной мысли оно было право: будущее зависело от развития общественной самостоятельности; правительственная мудрость должна была заключаться в расширении народной образованности и в освободительных реформах.

Таков был исторический момент, который надо было понять человеку, желавшему стать судьей общества и его истории, и указывать его будущее. Для ясного, истинного государственного или философского ума это будущее и потребности общества в настоящую минуту едва

ли могут казаться сомнительными — для этого уже в то время могло быть достаточно указаний исторических и философско-политических, на которые должно было наводить наблюдение русской жизни, если и оставить в стороне внушения простого чувства справедливости, — и громадная разница между Сперанским и Карамзиным, или теми направлениями, какие они собою представляли, была в том, что Сперанский довольно понимал этот исторический момент, хотя не вполне удачно для него работал, а Карамзин совершенно не понял его.

Карамзин не совсем ошибался исторически, когда утверждал, что величие России было создано одним абсолютизмом, но (не говоря об исторических натяжках, какие он делает в защиту своего мнения) он ошибался тем, что слишком преувеличил свой исторический вывод, распространяя его не только на настоящее, но и на будущее. Настоящее уже самыми противоречиями своими указывало на необходимость видоизменить прежние порядки жизни, и это указание было понято совершенно справедливо Сперанским.

Карамзин не хотел понимать этого, и в самом прошедшем он не увидел того важного обстоятельства, что старый абсолютизм достигал «величия» России слишком тяжелыми жертвами, и что оттого «величие» это было слишком односторонне и неполно. Жертвы эти состояли, со времени возникновения Московского царства, в страшном истреблении людей, в насилиях, разогнавших целые массы населения, в уничтожении земской общественной самодеятельности, в порче национального характера и в подавлении национального ума; если тяжкие жертвы людей могли быть нужны в свое время для достижения политического единства, то нравственный вред продолжал свое действие во все течение новейшей русской истории и страшно замедлил развитие русского народа в смысле цивилизации.

<...>

Если даже признать, что исторически, для укрепления государства, нужно было это внешнее завоевательное величие, то, раз оно было приобретено, для государства являлась все-

таки другая внутренняя задача. Она оставалась нетронутой. Карамзин видел много недостатков русской жизни и не мог понять, что они все чаще были органически необходимым последствием системы, которую он защищал. Изучение истории не объяснило Карамзину, что патриархальный принцип, превозносимый им, отживал свое время, и как часто бывает с великими историческими принципами, из орудия успеха становился орудием застоя. «Величие», какого он достигал, становилось кажущимся; просвещеннейшие люди отделялись от национальной жизни, в которой чувствовали себя чужими, или боролись безуспешно для ее обновления.

<...>

Таков был существенный порок мнений Карамзина и его «Записки». Понятно, что его мнения приводили к совершенно иной программе, чем предполагавшаяся программа Александра. <...>

Карамзин винил нововводителей, что они только меняют формы, не меняя сущности, но вина того же абсолютизма была в том, что преобразование не могло осуществиться; вина давно созданных абсолютизмом нравов была в том, что новые формы еще не наполнялись новой сущностью.

<...>Свою точку зрения Карамзин защищает в «Записке» с тенденциозностью, какой не должен бы был позволять себе писатель, у которого было уже свое прошедшее.

<...>Скажут: Карамзин мог переменить свои мнения; но в таком случае должен был собственный пример научить его большей терпимости, потому что и в других возможно было заблуждение, совершенно искреннее и честное, — каково, надо предполагать, было его собственное.

<...>

И действительно, мудроно понять, каким образом могла действовать система правления, рекомендованная Карамзиным. По всему ее изображению это выходит та же система, по которой он управлял своими двумя Макателемами. Власть должна быть отеческая, патриархальная, монарх должен сам за всем присматривать, наказывать виновных, награждать достойных, правление должно утверждаться на добродетели и мудром

избрании людей, управляемые должны повиноваться и безмолвствовать — такова, собственно, программа Карамзина, которая слишком наивна, чтобы быть возможной.

<...>После всего этого можно себе представить, что надо думать, когда тот же Карамзин называет себя республиканцем <...>Таким же образом признавали себя республиканцами и другие исторические лица, представлявшие во всех своих действиях наименее республиканского. Так императрица Екатерина говорила о себе в письмах к Вольтеру. Если в те времена это была мода, то во времена Карамзина это была пустая фраза, новый образчик того самомнения и высокомерия, о котором мы говорили. Это слово, со времен классических трагедий, Телемака и Анахарсиса, совмещало тогда всякие свободные и возвышенные добродетели — слыть республиканцем, конечно, значило стоять выше «грубой толпы», которая неспособна к свободе и не может понимать возвышенности республиканского образа мыслей, и вместе с тем это было совершенно безопасно и невинно, потому что настоящего республиканства никто и не опасался, потому что никто в него серьезно не верил, — как император Павел не верил доносам на Карамзина.

Республиканство Карамзина именно была только форма сентиментального самохвальства, потому что на деле эта фраза ничем не подтверждалась. В идеале «величия», какое представлялось ему для его собственного отечества, нет ничего, что сколько-нибудь походило бы на народную и общественную свободу. Напротив, свобода была ему ненавистна, и величие, какого он хотел, заключается в громадности государства, в наружном порядке, в перепуге соседей: «колосс России ужасен», — говорит Карамзин с самодовольством...

В воззрениях Карамзина — которые в «Записке» выразились только яснее, чем в других сочинениях, и которые, конечно, он не менее ясно высказывал в своем кружке — было, таким образом, много вещей положительно фальшивых и в его отношениях к народу, и к истории, и к настоящему. Конечно, не все в этих ложных взглядах принадлежало исключительно ему, но Карамзин,

по своему литературному влиянию и общественному положению, в особенности способствовал их распространению.

В конце концов действие подобных воззрений было, конечно, вредное, деморализующее. Идеал, выставляемый Карамзиным, представлял такое отсутствие живого общественного содержания, что не мог иметь другого действия. Неумеренное восхваление патриархальной власти с отеческими мерами «под рукой», «без шума» и т. п., с пренебрежением ко всем желаниям привести ее в нормальные формы закона; грубое и фальшивое стремление к внешнему «величию»; смешное старание вздуть очень сомнительную роль аристократии и рядом требование безмолвного повиновения; помещичье пренебрежение к народу и т. д. — все это не могло быть полезно для внутреннего развития.

Толки о «величии» создавали тот род ложного патриотизма, который из-за внешнего шума и блеска не видит внутренних бедствий отечества, в котором так сильно развивается национальное самохвалство и воинственная задорность.

Карамзину принадлежит большая доля в развитии того грубого национального самообольщения, которое нанесло и еще наносит много величайшего вреда нашему общественному развитию, — и «Записка», где Карамзин всего больше высказался со стороны своих общественных взглядов, была трудом, потраченным на защиту отживавших нравов и преданий человеком, которого по другим его трудам и таланту печально видеть партизаном старого общественного рабства и застоя.

<...>Смерть императора Александра опечалила его, и ему пришлось, между прочим, увидеть, чем бывает общество, живущее в том порядке вещей, который он так рекомендовал. «Можно ли читать без умиления, — пишет он в декабре 1825 г. Дмитриеву, — что пишут об Александре

умнейшие французы и англичане? Нам лучше безмолвствовать красноречиво. От русской фабрикации *тошнит...*» Как жаль, что он не замечал этого прежде.

Есть немалые основания думать, что идеи Карамзина, воплотившиеся в «Записке», имели практическое влияние на высшие сферы нового наступавшего периода. Когда русская общественная мысль в начале нового царствования переживала трагический кризис, Карамзин со всей нетерпимостью и ожесточением, какие производила его система, внушал свои идеи людям нового периода и возбуждал в них вражду к либеральным идеям прошлого царствования и либеральным стремлениям общества<...>

Система, им рекомендованная, оказалась очень применимой на практике, — в самом деле для нее не требовалось никаких нововведений, никаких усилий мысли над преобразованиями, — и довольно известно, какими плодами обнаружилось ее действие: общественная жизнь была совершенно подавлена; русская мысль, имевшая в этом периоде многих блестящих представителей, едва могла существовать под суровой опекой; сухой формализм господствовал в управлении; в массе общества процветал тот невежественно-хвастливый патриотизм, который современники называли квасным, крайнее отсутствие и боязнь мысли; каковы были суды и внутреннее управление, это еще очень памятно: по наружности и на бумаге все обстояло благополучно, пока не наступило тяжелое разочарование крымской войны.

<...>Эти результаты, которые шестнадцать лет тому назад испугали всё, даже мало о чем думавшее общество и возбудили в нем — правда, ненадолго — порыв к общественным улучшениям, эти результаты, раскрытые восточной войной, и дают возможность определить практический смысл идей, которых представителем был Карамзин, и характер того общественного круга, от лица которого он хотел говорить.

«Вестник Европы». 1870 г. Том 9. (Сентябрь).

© Текст: А. Пытин

П. Я. Чаадаеву.

Частное письмо

Сударь! Однажды Вы написали письмо даме, которое, к сожалению, не было опубликовано.

Monsieur,

Jadis vous avez écrit une lettre à une dame que vous avez simplement oublié d'envoyer. La lettre, devenue célèbre de manière inattendue après sa publication sept ans plus tard, est restée sans réponse jusqu'à nos jours, car, comme on pouvait le soupçonner dès le début, votre vraie intention était de prêcher vos idées à tous, à commencer par vous-même, plutôt qu'à une femme quelconque. Et pourtant, le choix d'une lettre privée (ou au moins qui paraît l'être), n'était pas une pure formalité, mais une sorte d'invitation à la discussion ouverte non seulement à celle qui aurait pu devenir à l'époque votre interlocutrice, mais aussi à vos contemporains et à leurs descendants. Surtout à eux qui s'engageront avec flamme dans cette controverse passionnelle et inépuisable. Votre pensée, en fait, ne voulait s'exprimer qu'en échange d'idées ou en affrontements d'opinions. Permettez-moi donc, d'y participer de cette manière directe et personnelle que vous-mêmes avez choisie pour exposer vos pensées et les rendre publiques¹.

авить.
после
о так
начала
вались
самого
се же
айней
истой
спору,
могла
аших
бежде
эту
Ваша
наче
ните
ично
о Вы
ать

Однако позвольте все же перейти с чужого, хотя и обязательного в Вашем кругу средства общения и взаимопочтения, на наш туземный, но отнюдь не менее прекрасный язык, хотя европейский Вам, по Вашему признанию², и роднее. Но мысль, которая таится за Вашим французским, все же очень русская, и в ней, позвольте процитировать неизвестного Вам поэта: «кончается искусство, и дышит почва и судьба». Все же нельзя не подивиться судьбе той почвы, на которой философы, бившиеся над ее загадкой, включая того, кого в России теперь называют «наше всё», чувствовали себя более дома в европейском языковом платье, нежели в своем, природном, почвенном. Именно в таком одеянии, случайном ли, промыслительном, даре Французской революции с ее изгнанниками, Вы бросили Ваше послание в реку времен, и всякий, кто впредь захочет его выловить, вправе решить, что оно отправлено лично ему. Автор сих строк не решился бы прибегнуть к столь странной форме отклика, если бы однажды его не навела на эту мысль небольшая книжица католического патриарха Венеции Альбино Лучиани *Illustrissimi*³ (в вольном переводе «Досточтимейшие»), составленная из писем к известным покойникам, с которыми, будь они живы, будущий папа Иоанн Павел I хотел бы общаться. Простите за дерзость, досточтимейший Петр Яковлевич, но живи мы с Вами в одном времени, я почел бы за великую честь стать одним из многих Ваших корреспондентов.

Милостивый Государь!

Вы тоже оказались среди *Illustrissimi*, и парадокс колючей Вашей славы не перестает поражать меня. Весьма не чуждый честолюбия, Вы ничуть не добивались столь видной позиции в Пантеоне русской мысли, кроме писем и афоризмов для себя, почти ничего не писали и едва ли заботились об архиве. После первого травматического опыта Вы уже не пробивались в печать, сохранив себя для потомства лишь благодаря усилиям чьего-то самоотверженного гусяного пера, не познавшего чуда пишущей машинки. Но достаточно было Вам на совсем немногих страницах Первого Философического Письма вызвать на очную ставку Россию и Европу, чтобы оказаться на вершине пирамиды, у подножия которой осталось столько интересных умов, ныне известных лишь специалистам⁴. Помню, в Московском Университете на заре туманной нашей юности профессор В.Н.Турбин, из тех, кого назовут потом «шестидесятниками», читавший лекции по литературоведению, слегка ошарашил нас, первокурсников, дерзкой фразой о том, что нельзя, мол, называться образованным человеком в России, не прочтя письма Вашего, мало кому в то время доступно. Годы спустя, Иоанн Павел II с высоты своей кафедры поставил Вас в ряд первых наших мыслителей, наряду с Соловьевым, Флоренским и Лосским (не философом, а богословом) Владимиром⁵. Никакой путь русской мысли уже не миновал ни Вас, ни письмо Ваше.

Перечитал его вновь, не помню уж в какой раз. Признаться, нашел его чрезмерно страстным, хотя и прикрытым маской холодности, а для читателя *Истории Государства Российского*, Вашего старшего друга Карамзина, несколько даже провокационным. Это скорее увещание к миру, безусловно умное, жесткое, цельное, но отнюдь не беспристрастный подход рассудительного аналитика. Но дело было не столько в упреках Ваших, бывали они и погорше и поядовитей, дело в нашей ими раненности, непреходящей оскорбленности ими, в нашей возобновляющейся от тех ран лихорадке. Мы с нею как бы уже рождаемся и передаем по наследству. Разбираясь с Россией в себе, уничивив ее при сравнении со столь осмысленным, иконописным обликом Запада, Вы, сударь, невзначай проникли в ее коллективное бессознательное, сумев разбудить в современниках Ваших то, что и в потомках уже не заснет никогда. И потому читатели Вашего письма ощутили себя задетыми лично и сочли нужным публично о том заявить. Высочайшей волей Вы были объявлены сумасшедшим, что, несомненно, было мягкой репликой в споре: «что ж, мол, с юродивого взять?» — ибо царский гнев сорвался тогда на горемычном издателе Вашем⁶. Так Вы оказались в роли зачитывающего приговор России, причем тогда, когда уже переменили обличительное течение своих мыслей. Но главным итогом Вашего письма было появление первого поколения славянофилов. Оно еще годы, наверное, сидело бы по своим родовым усадьбам, ездило бы друг ко другу на охоты, на свадьбы, на хлебосольные тезоименитства, кабы Вы, не прицеливаясь, не попали в них разом своим, как скажет Герцен, «выстрелом, раздавшимся в темную ночь». С тех пор и до сего дня мыслящая часть России стала мучительно рефлексировать о самой себе, то влюбленно — над сиянием славы своей, то язвительно — над темной неизбывной бедой. Ваш выстрел отозвался горько-жалобным эхом у нее внутри, но всякому эху положено слабеть, а Ваше с тех пор все нарастает. Его бросились заглушать, тем самым только усиливая.

Вы не просто разбудили, Вы невзначай раскололи Россию на «наших» и «ненаших», часовых,

стоящих на страже незабываемых устоев, и радетелей о неслыханных вольностях, устои шатающихся, ревностных патриотов и национал-предателей во множестве их вариаций. В России, как говорит писатель Борис Акунин⁷, живут два разных народа, люто враждующих между собой, но разделение это пошло, можно сказать, от Вас. Отсюда и беспощадная известность Ваша; непечатаемый, целиком не очень и прочитанный, Вы разожгли смертный спор, ставший той самой «почвой и судьбой». Само имя «Чаадаев» вобрало в себя память о прицельном ударе, о ссадине, которая не зарубцевалась, о трещине, которая пошла вглубь и вызвала боль, которую все не унять.

«Окиньте взором все прожитые нами века, все занятые пространства — и вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы говорил о прошедшем с силою и рисовал его живо и картинно»⁸, проповедуете Вы, однако «ночь», которую Вы потревожили выстрелом, сомкнулась с русским рассветом, оповестившим о себе столь разными голосами: то петушиными рифмами Языкова про плешивого аббатика с набатиком, целующего туфлю пап, то теорией сердечно-восточного познания Ивана Киреевского вместе с первым собранием русских песен его брата Петра, потоком стихов, богословских этюдов и записок о русской истории Восточной Церкви рыцаря Хомякова, курсом русской словесности Шевырева, публицистикой Самарина, обоих Аксаковых, Тютчева, Дневником писателя Достоевского, вплоть до чудесной *Поэтики древнерусской литературы* академика Лихачева, яростной полемики Солженицына с западниками-плюралистами и плодом их — мартом 17-го, ими порожденным. Вплоть до статьи моего покойного друга Вадима Борисова⁹ о нации как личности, более 40 лет назад вышедшей в сборнике *Из-под глыб*¹⁰. Вплоть до «Изборского клуба», на весь честной Русский мир исповедующего «простую как мычание» антиевропейскую свою державность. Столь разные по уровню, стилю и запросам, которые вызвали их к жизни, они возражали и тем и другим, но держали в уме, в сущности, Вас, Петр Яковлевич, хотя имя Ваше и редко мелькало в их полемике.

Но в них занозой сидела мысль, Вами вынесенная как диагноз: «Мы живем в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя»¹¹. «Мы живем, под собою не чуя страны...», — откликнется через сто лет один из великих Ваших читателей. Жизнь была, конечно, не та, и страна несравнимо другая, но «русская боль» звучала в прежней непреходящей тональности. «Надежда и вера борются с отчаянием, — цитирую Вадима Борисова, — или глухим злорадством; в завязавшемся споре о России все явственно слышится подлинно апокалиптическая тревога. Кто мы — проклятое и развратное племя или великий народ?»¹² За этим вопросом — весь невыносимый, жуткий контекст XX века, но задается он в упор Вам, дорогой г-н Чаадаев, потому что от хлопка Вашего выстрела в частном письме некой сударыне обрушилась давно нависшая лавина слов и идей. И грохот от ее падения все еще катится по нашей земле.

И вот что примечательно: ледяная глыба известности Вашей, которую Вы сдвинули бесстрастным своим голосом, в первую очередь Вас и накрыла, утопив на целый век все прочие Ваши построения и прозрения. Не нашлись бы они вообще никогда, Вы бы остались тем же прославленным судьей и не востребуемым религиозным метафизиком. Но на процессе против России, как бы выпавшей из истории, который Вы затеяли, Вы не исключили и себя из числа анонимных обвиняемых. «Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? — кого, собственно, допрашиваете Вы столь пристрастно во Втором философическом письме? Одну лишь даму, которую уже успели забыть? «Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово “раб”!» Оно, это полное стыдоб и насилий слово, было постоянным вызовом и лично Вашему образу жизни, немым вопросом, нависшим над самой Вашей, как сегодня говорят, идентичностью. По мнению друга Вашего С.А.Соболевского, Вы не подали бы руки самому Пушкину, если бы он пожал руку Ивану Яковлеву, домашнему человеку¹³, и, разу-

меется, никакой проблемы для Вас не составляло бы раскланиваться, приятельски улыбаясь, с любезными друзьями из Английского клуба, платившими за свои ужины собственными людьми, продавая, нередко и в розницу, мужа одному, жену другому, а девчонку их пятилетнюю ценой в полтину — в подарок третьему. Той, «иглом рабства клейменной»¹⁴, России, кажется, и в помине нет, только клеймо ее вьелось и все никак не сотрется. «В один прекрасный день, — как пишете Вы¹⁵, — одна часть народа очутилась в рабстве у другой просто в силу вещей..., вследствие непреложного хода общественного развития...». И что особенно уязвляло Вас — и справедливо — то, что в России «рабство родилось на глазах христианского мира»¹⁶. С молчаливого его согласия, если не гласного одобрения. Рабовладельческий мир, как и христианский, был растоптан в XX веке, но внес ли этот урок радикальные перемены в тот «непреложный ход», проложенный когда-то в России? А едва начавшийся век XXI, с его возродившимся православием? Стал ли существенно иным наш быт, образ мыслей, стиль общения очень важных, высших персон с неважными, низшими? Повлияло ли как-то на наше отношение к ближнему — спросим от себя — святоотеческое богословие личности, столь замечательно описанное Лосским?

Украшив своим именем «обломки самовластия», Вы, однако, колко прошлись по бывшим армейским коллегам, тем, кто между трубкой и стаканом лафита вознамерился, с самовластьем покончив, перевернуть Россию. Как благословили Вы и удушение Польши, как восхитились растоптанием Венгрии, и то же время у себя во флигельке на Басманной, в том же французском, в том же венгерском 1848 году Вы сочинили буйно-забавное воззвание к братьям православным и горемычным: «Дошла ли до вас весточка, — взываете Вы к людям русским, — весточка громогласная, что народы вступили, народы крестьянские взволновались, всколебались, аки волны окяна-моря, моря синего!.. Не хотим, говорят, своих царей, государей. Долго они нас угнетали... не хотим царя другого, окромя Царя Небесного». Впрочем, попадись эта заложенная в книжку бумажка графу Бенкендорфу, он едва

ли принял бы ее за покушение на бунт, скорее — за упражнение в фольклоре.

Две любви оспаривали Ваше сердце; отсюда — одна, обращенная к Западу, упрекает Россию в неисторичности и немоте; другая, как бы противоположная, исповедует патриотизм крутого раствора имперского. Взывая к социальной мистике, коей открыты пути Промысла Божия, Вы овеяли каким-то холодком само слово «Бог», которое то и дело попадает в Ваших строках. Сухими слезами оплакав историческое небытие России, в *Апологии сумасшедшего* Вы обещали ей невиданное будущее, что возникнет из исторической пустоты; поклонник средневекового католичества, Вы никогда не порывали и с православием на Вашей улице и уж ни при каких обстоятельствах не ссорились с властью. Говорят, было два Чаадаева: один выдуманный, а другой настоящий¹⁷. Но, может быть, дело проще: скорее всего, чаадаевская любовь к Родине избегала на людях конфликтов с чаадаевской же любовью к свободе?

Весь облик Ваш отмечен резко очерченным нарциссизмом¹⁸ и гордым несением своего «Я», пафосом дистанции по отношению к другим, как людям, так и религиям: оттого, думаю, Вы и не перешли в католичество (что Гершензон считал Вашей непоследовательностью). При этом философия Ваша всегда настаивает на том, что мысль отдельного человека есть мысль всего рода человеческого, что «отдельное сознание лишь часть мирового, которое есть некий “океан идей”, вплоть до заявления, что идеология индивидуализма ложна и что цель человека — уничтожение личного бытия и замена его бытием вполне социальным или безличным»¹⁹. Не приблизились ли Вы здесь, идя по возвышенной Вашей тропе, к толпе пророков Ваала, тех строителей тоталитарных систем, от одного вида, запаха, языка которых у Вас развилась бы не только чудовищная хандра, но и желудочные колики? Нет, Вас не заключить в капсулу лишь одной идеи, но репутация не спрашивала Вас, куда Вы хотели быть заключенным, Петром Чаадаевым она распорядилась по-своему.

Но давайте все же вырвемся из того плена «Запад и мы», «мы и они», «Россия и Европа»,

куда невзначай Вы заманили нас гневно прогремевшим Вашим письмом и прочими отосланными вослед ему частными письмами²⁰; всё об этом уже было сказано и будет сказано еще всё. Оставим в покое пророчества, комплексы, приговоры; нечто подлинно философическое возникает в прожилках Первого и разрастается во Втором и всех последующих, на сто лет потерявшихся Философических письмах, опубликованных Дм.Шаховским в *Литературном Наследстве* 1935 года. (Но кто их тогда прочел и мог обсудить?) Согласен с о.Василием Зеньковским: «его (Чаадаева) взгляд на Россию *совсем не стоит в центре его учения*, а, наоборот, является логическим выводом из общих его идей в философии христианства»²¹. Но это подлинно философическое начало не просто вычленишь; еще Пушкин²² отметил у Вас отсутствие плана и системы в Вашем изложении, что, впрочем, вполне допускается эпистолярным жанром, не предполагающим системы и плана. «Мы являемся в мир “со смутным инстинктом нравственного блага”²³, утверждаете Вы, отсылая нас к отпечатку Высшего Разума или Слова. Слово Божие обращается к нам в говорящей ошеломительной прямоте Нагорной Проповеди, но перекликающейся, как Вы утверждаете, в данном случае, с мудростью *Ветхого Завета: поступайте с другими так, как вы хотите, чтобы поступали с вами*. «Божественный Разум, — гласит Четвертое письмо, — есть причина всему, разум человека есть лишь следствие, что же может быть общего между тем и другим? Разве что, — прибавляет Ваше письмо, — что между Созвездием Пса, сияющим на небе, и тем псом, который бежит по улице, — одно и то же имя»²⁴.

Эту аналогию от Спинозы изберет потом излюбленной своей мишенью Лев Шестов, ибо тема противостояния или гармонии Бога и разума как бы изначально заложены в русской философии. Установки Ваши и Шестова противоположны, но при этом находятся в общем поле, и если бы они и не договорились, то поняли бы главную мысль другого. Это мысль о безусловном первенстве и превосходстве Божественного начала над человеческим. «В человеческом духе нет никакой другой истины, кроме той, которую Своей рукой вложил в него Бог, когда извлек его из не-

бытия, и человек творит, исходя из этой истины, с которой взаимодействует наш разум». О, если бы Вы могли это доказать, философ с Басманной, развить, подтвердить живым, собственным опытом! Но достаточно и такого удивительного прозрения. Истина дана изначально; это одно из тех малых семян, которое потом принесет много плода в системах последующей русской философии. *Ибо Господь дает мудрость, и от уст Его — знание и разум, — сказано в Притчах (2, 6).* Мудрость заключена в истинах, усваиваемых человеком, в них-то и открывает себя Разум, который Вы называете Высшим. У Вас нет разрыва между разумом Божиим и человеческим, как у Шестова, напротив. «Истины Откровения доступны всякому разумному существу»²⁵, и этот тезис вполне католической теории познания протягивает руку к другому, настаивающему на единстве двух миров — материального и духовного. Вы верите в единый закон, который незримо управляет тем и другим, и Ваше черно-белое полотно под названием «Россия и Европа» родилось из созревшей в Вас, но так и не сложившейся теории познания. Познание единого закона, управляющего небом и землей, историей и природой, говорите Вы, требует «логического самоотречения», аналогичного с отречением нравственным²⁶. Здесь, если развивать эту мысль, она укажет дорогу напрямую к будущей чаадаевской этике, в сторону которой Вы делаете первые шаги, чтобы провозгласить нашу ответственность за всякую мысль или движение души, или для того, чтобы «с презрением и отвращением» осудить Гомера почти со всей цивилизацией греков²⁷.

Но отречение должно быть свободным, свобода неотъемлема от образа Божия²⁸, однако сама суть свободы для Вас — послушание тому же закону, внушенному Высшим Разумом. То есть Логосом или Словом, *в начале бывшим у Бога.* «В день создания человека Бог с ним беседовал и человек слушал и понимал», — эта удивительная интуиция словно вырастает из откровения 138-го Псалма, в котором Давид «вспоминает» о своем утробном предсуществовании и благодарит за то, что Бог создал его, — «таково истинное происхождение человеческого разума; психология не отыщет объяснения более глубокого»²⁹. «Даже

утратив этот дар восприятия голоса Божия, человек не потерял воспоминания о нем. Глагол Бога, обращенный к первому человеку, передаваемый от поколения к поколению, посещает человека в колыбели, он-то и вводит человека в мир сознаний и превращает его в мыслящее существо»³⁰. Таков закон воздействия Бога на человека, проявляющийся в творении. И потому Вы утверждаете, что в человеческом духе нет истины, помимо собственноручно вложенной в него Богом, «когда Он извлек человека из небытия»³¹.

«Ты от небытия в бытие приведен всяческая...», — гласит, исповедуя нашу веру, крещальная молитва. Ваша теория врожденных истин, идущая еще от Платона и часто оспариваемая, находит свои корни в Благой Вести. Она дарована нам в образе Божиим, который мы в себе носим, и сама истина живет в нас как отпечаток или отсвет этого образа, как икона, которой благословили нас при творении. Но на этой глубине изначальной связи человека с Творцом истина молчит; затем, когда наше сознание начинает осваивать ее на уровне рационального, она выражает себя определением, ограничением в знании, существующем только в языке.

Здесь я не излагаю всей Вашей философии, Петр Яковлевич, лишь пытаюсь идти по едва намеченным Вами следам: от внешнего, от конструкции Высшего Разума, который нисходит свыше, вкладывая в нас свои истины, к истине как таковой, заключенной в образе Божиим, изначально живущем в нас, и этот дар возобновляется в каждом человеческом существе. *Был свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир, —* вспоминаете Вы евангельские слова, и они, собственно, составляют неделимое ядро глубинной «философичности» Ваших мыслей. Роль Откровения подобна благословиению, проливающему свет разуму и той работе, которая совершается в нем. Вы вплотную подступаете к философии Откровения, оставшейся у Вас в загадочном наброске, великолепно развитой затем и в 1840-х годах в Берлинском университете прочитанной Вашим великим другом Шеллингом; у Вас же, кроме московских гостиных и друзей, коим Вы дарили свои письма, не было кафедр, где бы Вы могли уложить свои

интуиции в тот порядок, коего Вы же и были всегда поклонником. Вера и знание, Откровение и разум, Бог и человек — все это рассыпано удивительной россыпью в потерявшихся на сто лет Ваших письмах, из которых Вы так и не успели, не захотели, не смогли собрать законченную византийскую мозаику или сложить готический витраж. Кто знает, какой путь Вы могли бы еще пройти, если бы не оборвали его Вашим Первым диссидентским письмом; после Вас до Соловьева, кажется, никто не начинал философии с Откровения.

Итак, главные нравственные истины вложены в нас изнутри и извне, и они требуют повиновения себе; здесь философское ухо различает мотив учения о категорическом императиве, а богословское *Послание к Римлянам*, провозглашавшее действие закона в сердцах язычника независимо от веры. Но сама вера почему-то не привлекает Ваш пытливый ум, она воспринимается скорее как нечто само собой разумеющееся, Вы как бы полагаетесь на «естественное Откровение», которое дается извне как закон «из отдаленной и неведомой области»³². Отдаленной ли? *Весьма близко к тебе Слово Мое, оно в устах твоих и в сердце твоём*, — говорит Господь Моисею (Втор. 30,14). Внимание Слову Божию и есть исток веры. Но для Вас она — не столько то, что открывают в сердце и обретают в общине, сколько то, что находят в вольном полете философского ума. Впрочем, никто не осудил бы Вас за такое смещение сердца и разума, ведь вера может строить себе разные жилища: в пении хора или в молчании алтарей, в шелесте трав или незыблемом храме греческих терминов. Религия Чаадаева совсем не похожа на исповедание митрополита Филарета или служение доктора Гааза, Ваших святых современников, это не та вера, которая рождается на войне, где Вы побывали, или в каторжной больнице, которая Вас миновала, и не та, которая находит себя в храме, если только храмом не считать Вашу богатейшую библиотеку. Однако и философская вера, как ее назовет потом Ясперс, и по сей день не очень-то востребована обществом, которое в религиозных делах доверяет больше почве и крови, обряду и быту, приходскому

батюшке и умилению, чем попытке рефлексии над ними.

Много тугих мысленных волокон пронизывают Ваши письма, но нигде они не связываются в узлы, остаются разобщенными, пребывая в каком-то уникальном, беспорядочном и все же по-своему гармоничном переплетении. Причем не в идеях только, но и в мыслях, интуициях, в Ваших, только Вам ведомых, «беседах» с Богом. Этот и по сей день нераспутанный клубок, где Россия и Европа ведут свой спор не только в истории, но и в теории познания, где западное начало (познание Бога разумом) и восточное (внимание Слову, данному при творении) противостоят друг другу и сливаются в одно неделимое целое. Такова судьба всей мыслящей слепо-травской России, в которой Запад, как напишет О. Мандельштам, иногда становится «сгущеннее, конкретней самого исторического Запада»³³. Две любви сотворили два града, припомним слова Блаженного Августина, у Вас же тот град, который сотворила любовь к Родине, то и дело ссорится с градом любви к истине, и почти вся последующая русская мысль с той поры окажется вовлеченной в этот конфликт. Но для Вас оба эти града суть предместья Божьего Царства, мерцающего за их стенами.

Да придет Царствие Твое, — часто, даже в письмах к друзьям, Вы цитируете слова молитвы Господней. И останавливаетесь на их пороге. Но откуда оно придет? В каком облике явится? Станет ли оно завершением земной истории, которая пролагает путь в людях, повинующихся Промыслу и Божественному закону, как полагали Вы? А что, если люди вдруг возьмут и изобретут свой собственный промысел и в манифесте о том объявят, и массами овладеют, и погонят их штурмовать само Небо? Идея Царства Божия на земле всегда скользит по краю пропасти, а в России однажды — Бог сохранит Вас увидеть это — она сорвется в багровый мираж. «Есть великая славянская мечта о прекращении истории», — писал Мандельштам в той же статье *Чаадаев*, и, возможно, симулякр Царства Божия на земле со сливанием (принудительным) всех душ человеческих в одну³⁴ и явился у нас еще одной попыткой ее, истории, прекращения. Мечта воплотится в уто-

пию, подожжет полмира, но потом сдуется, осядет, рухнет, рассыплется, уступив место видению ушедшего на дно царства, откуда нас когда-то изгнали, но куда мы вернемся под расписными парусами кораблей, плывущих вспять истории.

«Мое пламеннейшее желание, — писали Вы Пушкину в 1831 году, — видеть вас посвященным в тайну времени». Откройте же нам Вы, тайнозритель, где спрятана эта тайна? В том, что «река времен в своем течении»³⁵ впадает в Божие Царство, и русло ее проложено не где-нибудь, а в России? Вы лишь едва коснулись ее, но, коснувшись, задели струну, которая надсадным пением своим зовет, молит, требует эту тайну разгадывать. Не умом, не статьями разгадывать, а Востоком и Западом, спорящими внутри нас. И уже два века почти как разгадывать, Петр Яковлевич, вместе с Вами, коль скоро, вольно иль неволью, Вы первый и начали тот разговор.

2016

Примечания

¹ Сударь! Однажды Вы написали письмо даме, которое попросту забыли отправить. Неожиданно ставшее знаменитым после публикации семью годами позднее, оно так и осталось без ответа, ибо, как с самого начала можно было подозревать, Вы намеревались проповедовать всему миру, начиная с самого себя, а не просто некой женщине. И все же форма частного письма (или, по крайней мере, частным казавшегося) не была чистой формальностью, но приглашением к спору, открытому не только для той, которая могла бы стать Вашей собеседницей, но и для Ваших современников, как и их потомков. Прежде всего для тех, кто горячо вяжется в эту бесконечную и неисчерпаемую дискуссию. Ваша мысль, по сути, не могла выразить себя

иначе как в обмене или столкновении идей. Разрешите же принять участие в этом разговоре лично и непосредственно, в той манере, которую Вы избрали, чтобы изложить Ваши идеи и сделать их общим достоянием.

² В письме А.Х. Бенкендорфу от 15 июля 1833 г.
³ *Illustrissimi. Lettere del Patriarca di Albino Luciani*, 1978.
⁴ Первым приходит на ум имя Николая Ивановича Тургенева (1789–1871), автора *Записок о крепостном праве* и многих других книг, одного из первых русских либералов.
⁵ Энциклика *Fides et Ratio* 1998 года.
⁶ Речь идет об издателе журнала *Телескоп* Н.И. Надеждине, отправленном в ссылку.
⁷ В беседе с писателем Мих. Шишкиным.
⁸ Первое философическое письмо
⁹ Вадим Михайлович Борисов (1945–1997) историк, публицист.
¹⁰ Париж, YMCA-PRESS, 1974.
¹¹ Первое философическое письмо.
¹² *Из-под глыб*. 1974. С.199.
¹³ См. Борис Тарасов, *Чаадаев*. М.1990. С. 277.
¹⁴ Из стихотворения А. Хомякова.
¹⁵ Письмо графу Сиркуру 1846 г.
¹⁶ Письмо А.И. Тургеневу 1843 г.
¹⁷ См.: П.Я. Чаадаев, *Proecontra*. СПб., 1998. С. 458 (статья Е.В.Спекторского).
¹⁸ Там же. Статья П. Кузнецова.
¹⁹ Там же. С. 485 (статья о.В Зеньковского).
²⁰ А.И. Тургеневу, И.Д. Якушкину, Сиркуру и др.
²¹ См. *Историю русской философии о. Василия Зеньковского*.
²² Письмо от 6 июля 1831 года.
²³ Второе письмо.
²⁴ Четвертое письмо.
²⁵ Второе письмо.
²⁶ Третье письмо.
²⁷ Седьмое письмо.
²⁸ Четвертое письмо.
²⁹ Пятое письмо.
³⁰ Пятое письмо.
³¹ Шестое письмо.
³² Пятое письмо.
³³ О.Мандельштам. *Петр Чаадаев*. — ПСС. Т.2. С. 32.
³⁴ Восьмое письмо.
³⁵ Из последнего стихотворения Г. Державина.

© Текст: Владимир Зелинский

Три консенсуса

Геннадий Бурбулис вспоминает

Ему не повезло с фамилией. Диву даюсь, как человек с такой ввинчивающейся в мозг фамилией мог добиться того, чего он добился (но большего — из-за этой самой фамилии и не смог). А добился многого — принимал активнейшее участие в создании той самой реальности, в которой мы сейчас живем, потому что в критический момент истории он оказался у самых истоков новой российской государственности, да не просто там постоял, а скалы-глыбы окочурившейся советской власти бурил, бурлил, раздвигал, взрывал, разрушал и скреплял...

• • •

Геннадий Эдуардович Бурбулис — уникальный человек. За всю историю российской государственности лишь два человека в ней зачинали высокую должность Государственного Секретаря. Первым был Михаил Михайлович Сперанский, Государственный секретарь и Начальник канцелярии Его императорского Величества Государственного совета при Императоре Александре I. Всего же с 1810 по декабрь 1917 года Российская империя знала семнадцать Государственных секретарей — от Михаила Михайловича Сперанского до Сергея Ефимовича Крыжановского.

В новой России был пока только один Государственный секретарь — Геннадий Эдуардович Бурбулис при президенте России Борисе Николаевиче Ельцине. Занимал он эту должность недолго. По его инициативе возник (и играл важную роль в консолидации сил, собравшихся вокруг Ельцина) Государственный совет РСФСР (с июля по ноябрь 1991 г.). Но в той роли, какую готовил ему Бурбулис, Госсовет, к сожалению, не прижился, он вскоре был поглощен другими структурами: Советом безопасности и Администрацией президента. Нынешний же Госсовет — это совсем другой орган.

• • •

Бурбулиса не раз сравнивали со Сперанским. И тот, и другой были вознесены ходом историей на вер-

шины российской государственности. И тот и другой надолго на них не удержались: интригами, изменчивым нравом суверена и обстоятельствами оба были отставлены от решающего участия во высшей политике.

Когда Бурбулис рассказывает, как Ельцин за полчаса до крайнего срока подачи документов в избирком сказал ему, что вице-президентом будет не он, как договаривались перед выборами, а Руцкой, ибо фамилия у того более подходящая для победы, он и ныне, через двадцать пять лет, не нейтрален.

Значение же того, что было тогда сделано Бурбулисом, будут еще долго обсуждать историки, политологи и философы. Потому что он, как и Сперанский, был одним из немногих в российской истории «практикующим философом», допущенным до большой политики.

• • •

Будучи другом Егора Гайдара и приятелем Алексея Головкина, я много лет имел возможность следить за деятельностью Г.Э. Бурбулиса (на некотором расстоянии), слушать фрагменты его интереснейших воспоминаний, участвовать в дискуссиях в его уникальной политософской школе «Достоинство».

Настоящий текст собран из записей моих бесед с Г.Э. Бурбулисом, а также из фрагментов документов, его выступлений и интервью разных лет.

Г. Бурбулис: (Б):

...Я вывожу три этапа консенсусного развития новой России.

Этап суверенитетского консенсуса. Интрига вся на виду: 29 мая 1990 года в третьем туре Бориса Ельцина избирают главой республики, председателем Верховного Совета, избирают всего четверьмя головами кворума. Жесточайшая борьба в трех турах, со сменой Полозкова и Власова, с давлением Горбачева на съезд. И в четыре голоса кворума Ельцин 29 мая избирается главой государства.

А 12 июня этот же съезд подавляющим большинством (больше 90 процентов) голосует за Декларацию о государственном суверенитете России.

И что же случилось? Как вы это объясните?

Консенсусные отношения — это самый сложный исторический процесс, это внешний и внутренний контекст, мало видимый снаружи. Более того, сами люди проделали этот путь. Каждый депутат видел в этом историческом решении свой интерес. Красные директора видели свой интерес, национальные республики — свои интересы, регионы — свои. Консенсус — это когда результирующая совпадает.

Второй этап консенсусности — с июня 1991 года — начинается с избрания Ельцина Президентом РСФСР, с подавляющим преимуществом над конкурентами, это победа над ГКЧП и принятие V съездом народных депутатов РСФСР вызывающего доклада Бориса Николаевича о программе неотложных экономических реформ и наделения его полномочиями Председателя правительства. Тот знаменитый V съезд 28-30 октября 91года.

Опять же: съезд консенсусно принимает такое решение, в котором РАЗНЫЕ социальные, национальные, политические и интеллектуальные группы видели (и желали) разные последствия. Одни считали реформы неотложными и жизненно необходимыми и соглашались, что нужно их проводить максимально энергично, опираясь на народную поддержку президента Ельцина. Другие голосовали в надежде: «пусть попробуют и свернут себе шею». Третьи видели в этом реальный шанс для свободной экономики, реального предпринимательства, четвертые — большие воз-

можности для республик и регионов; пятые — перспективы для себя лично, для предпринимательства; и для статусно-правового закрепления священного права частной собственности, которая у них уже появилась.

И наконец, финал этой консенсусной логики беспримерного 1991 года — декабрьский консенсус, *Беловежский консенсус*. Консенсус был одобрен парламентом, который имел безупречную юридическую легитимность (я ее называю идеальной субъективностью) потому что три республики, учредившие СССР в 1922 году, приняли решение о его прекращении.

Беловежский консенсус¹

«1 декабря 1991 года проводятся референдум и выборы на Украине, избрание президента в Казахстане, и мы стоим перед необходимостью осмыслить, в какой не то что исторической, а практической ситуации мы находимся. Потому что Кравчук получает полномочия, 90% голосов отдано за суверенную Украину. Назарбаев получает полномочия, мы их уже в той или иной мере закрепили. В Беларуси Шушкевич ищет ответ на вопрос, как решать хозяйственные проблемы? Прежде всего с топливом, горючим и так далее. Возникает идея встретиться.

<...>Принимая личное участие в выработке исторического документа такого масштаба и подписывая Беловежское соглашение за Россию вместе с президентом Ельциным как второе лицо в государстве, я и сегодня считаю, что мы нашли единственную форму, которая позволяла при создании нового объединения республик, ставших самостоятельными, избежать кровопролитного передела советского наследства. Югославский трагический опыт показал, что подобное развитие событий было вполне возможно. И очень хорошо, что мы, по аналогии с Британской империей, нашли это емкое понятие «Содружество». Именно оно помогло Леониду Макаровичу Кравчуку, всенародно избранному 1 декабря президенту Украины, смягчить свою непримиримую, закреплённую референдумом позицию: «Никаких новых договоров. Я не знаю, кто такой Горбачев. Я не знаю, где Кремль. Я уполномочен моим народом. Украина с 1 декабря свой выбор сделала». «Содружество? — спросил он. — А что это?» — «Ну, вот то-то и то-то». — «Ну

а что, давайте попробуем. Потому что я не вижу здесь для себя, скажем, каких-то опасных последствий». И начала наращиваться концепция этого текста — две страницы, 15 статей, и появилась формула: Беларусь, Российская Федерация и Украина как основатели Советского Союза в 1922 году констатируют, что Советский Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование. Кравчук сказал: «Ну, все правильно. Это то, что надо сказать всему миру и каждому гражданину Украины, Белоруссии и России». Мы сумели прописать там базовые ценности той самой демократической стратегии, на которую по разным причинам у Горбачева не хватило ни понимания, ни духа. В Соглашении о создании Содружества Независимых Государств мы развили нормы и принципы, которые выражали базовые статьи двусторонних договоров, уже заключенных между союзными республиками.

М.: — Но фактически из этого следует, что вы рассматриваете Беловежские соглашения не столько как правовое, сколько как политическое решение?

Б.: — Политико-правовое решение. И я думаю, что мой концептуальный термин «Беловежский консенсус» как обозначающий масштабное событие в мировой истории рано или поздно будет понят и приживется. ...Беловежский консенсус обеспечил максимальную правовую легитимность в опаснейшей ситуации неуправляемого распада страны, начиненной ядерным оружием. Четвертым пунктом мы приняли ключевое решение, которое в конечном счете было полностью осуществлено к 1996 году, — решение о том, что Россия становится правопреемником Советского Союза по всем обязательствам. А Украина и Беларусь, к которым затем присоединился Казахстан (президент Н.А.Назарбаев), добровольно отказываются от арсеналов ядерного оружия. Дальше начинается легитимация этого решения: в течение нескольких дней парламенты трех наших республик его ратифицируют. Через 12 дней, 21 декабря 1991 года, в Алма-Ате в качестве соучредителей к Беловежским соглашениям присоединяются еще восемь республик. Мы направляем эти документы в Организацию Объединенных Наций. Там их рассматривают, и 24 декабря, по регламенту Организации Объединенных Наций, мировое сообщество признало этот документ соответствующим нормам международного права и приняло в состав ООН государства, его под-

писавшие. 25-го числа Михаил Горбачев делает официальное заявление о том, что он покидает свой пост, хотя высказывает некую тревогу и опасения. И в довершение ко всему 26 декабря собираются последние остатки Съезда народных депутатов СССР в виде Совета Союза. И они принимают документ, признающий, что Содружество Независимых Государств — это правовая, политическая и историческая реальность. Последний орган окончательно распавшегося Советского Союза — даже такого декларативно-паллиативного характера — соглашается с этим историческим выбором.

<...> Когда нас упрекают, что был «беловежский сговор», то либо не понимают, либо забывают цену данного вопроса. Мы с вами хорошо знаем, что легитимность такого масштаба событий обеспечивается не только формально юридически, она проявляется не только ситуативно политически, но прежде всего она обеспечивается мировоззренчески, культурологически и, в конечном счете, субъектно-социально. В те исторические декабрьские дни 1991 года не было ни одной забастовки, ни одного публичного выступления. Более того, ни одно подразделение Вооруженных Сил, ни одна милицейская часть МВД, ни один регион, ни одна территория не объявили бойкота или несогласия с тем историческим решением.

<...> 12 декабря, в день, когда Верховный Совет России ратифицировал Беловежские соглашения, я был с визитом в Париже и в Брюсселе. Нами был составлен меморандум президента Ельцина, в котором объяснялось, что произошло, какова наша позиция и почему мы обращаемся к главам ведущих государств мира. Я тогда встречался с председателем Еврокомиссии господином Жаком Делором и с генсеком НАТО Манфредом Вёрнером. Но самое интересное — это моя встреча с президентом Франции Франсуа Миттераном. Я передал ему меморандум и пояснил его суть. Биография Миттерана уникальна: он был самым молодым в истории Франции министром, а в день нашей встречи — самым опытным политиком Западного мира. И он мне сказал: «Мы и представить себе не могли, что может быть принято такое решение». «Мы» — это значит главы ведущих государств мира. И вы правы, они с интересом и вниманием относились к Ельцину и к новой России и до последнего момента не допускали, что Горбачев может оказаться в такой ситуации и не справиться с ней.

<...>

Я убежден, это Беловежский консенсус был единственной на тот момент возможностью найти легитимный и бескровный выход из того исторического тупика, где оказалась страна в конце 1991 года. Сейчас об этом почти не вспоминают, а ведь мы тогда смогли договориться о судьбе ядерного оружия и убедить другие республики передать весь ядерный арсенал России. Конечно, были те или иные нюансы по существу реализации этого исторического для судьбы XX–XXI веков решения. Обидно, что сейчас фундаментальное значение этих договоренностей недооценивается. Представьте хотя бы на минуту, что было бы, если бы Украина, Белоруссия и Казахстан до сих пор оставались носителями ядерного оружия.

О Крыме. Ельцин спросил Кравчука: «Леонид Макарович, как насчет Крыма и Севастополя?» Тот вежливо, но твердо ответил: «Борис Николаевич, я не готов и не намерен это обсуждать. Мы исходим из классических норм международного права и ранее подписанных нашими республиками документов. Что касается Черноморского флота, то это, конечно, можно и нужно обсуждать». И в последующем мы с Украиной долго и мучительно договаривались о статусе Черноморского флота.

<...>Если вспомнить те дни, то никто и нигде не выступил против этих соглашений. 10 декабря их ратифицировали парламенты Украины и Белоруссии, а 12 декабря — российский Верховный Совет, включая фракцию коммунистов. Спустя две недели к Содружеству присоединились Казахстан, республики Закавказья и Средней Азии. Эти соглашения были одобрены международным сообществом. <...>

Я отчетливо помню и хорошо понимаю, что вместе с президентом Ельциным подписывал документ, который изменил судьбу моей Родины и ход мировой истории. В тот момент у меня не было никакого особого ликования. Скорее, я испытывал некое облегчение: ослабевали напряжение и усталость, связанные с ситуацией предельного выбора и опасной неопределенности, в которой мы все жили после августовского путча. Но еще и испытывал естественную человеческую грусть, что нашей Родины, Советского Союза, больше нет, и сознавал, что мы теперь должны начинать жить совершенно новой жизнью.

<...> Предтечей Беловежского консенсуса был Берлинский консенсус. Это солидарные отношения

по поводу падения Берлинской стены в ее фактическом и символическом проявлении. Берлинский консенсус заложил вектор к Беловежскому консенсусу. А Беловежский консенсус дал основание конституционному консенсусу 1993 года. Потому что «путч №2», выступивший осенью 1993 года, — та же самая платформа, отрицавшая реформы, обвинявшая руководство России в ограблении народа и т. д. Но конституционный консенсус 1993 года — это, даже при всем нашем с вами понимании, знании авторов и участников, все равно недоосмысленная вещь. Недоосмысленная не только с точки зрения академического историка и юриста, но прежде всего с точки зрения политика — как выход из трагической ситуации практического обвала.

Империя распадается в судорогах. «Имперский реактор» периодически начинает бурлить — выбрасывать новые порции радиации, ставя под угрозу всю окружающую экологическую систему, в данном случае социально-экологическую систему. Поэтому формула конституционного консенсуса и задача принуждения к конституционному консенсусу по вертикали и по горизонтали (горизонталь гражданского общества и вертикаль власти) остаются для нас еще на долгие годы трудной каждодневной работой. <...>

Наконец, через трагические испытания 93 года (когда по опустевшей Москве разъезжали на грузовиках вооруженные автоматчики, мятежники, штурмовавшие телецентр «Останкино» и государственные учреждения), и через это потрясение мы выходим к принятию 12 декабря новой Конституции. Я называю это конституционным консенсусом.

• • •

Г. Бурбулис в беседе с В. Ярошенко

(октябрь 2016 г.):

Почему и как выросла уникальная должность Государственного секретаря в Российской Социалистической Федеративной Республике?

Что такое Госсовет и его историческое значение в подготовке и формировании рыночных реформ? Мы ведь не просто экономические реформы собирались осуществлять. Нам пришлось заново создавать государственность России — в условиях неостановимого исчезновения государственности СССР.

Мы тогда обращались к историческому опыту, к достижениям реформаторов, к их недостаткам...

Вспомним о деятельности и судьбе Михаила Сперанского и судьбах русских реформаторов... Кстати, Сперанский был у декабристов одним из кандидатов в президенты; а затем оказался самым жестким членом судебной коллегии, рассматривающей дела декабристов. Как это могло быть?

Равно как и Столыпин, на рубеже, когда можно было не так жестко, избегая петли, не радикализируя общество, не создавая мощного противодействия...

Госсовет и Госсекретарь РСФСР

«Острая потребность в формировании четкой комплексной программы реформ вынудила нас создать принципиально новую структуру, в результате чего 19 июля Геннадий Бурбулис был назначен Госсекретарем РСФСР и начал свою работу Государственный совет. Уникальность этого нового образования обуславливалась тем, что обострилось противостояние между исполнительной и законодательной властью, сложилась абсолютная конституционно-правовая неопределенность, отсутствовали дееспособные структуры правопорядка, была реальная угроза неуправляемости, голода.

В этих условиях стала остро ощутима неэффективность Совета министров РСФСР под председательством Ивана Силаева. Именно по этой причине в состав Госсовета вошли девять министров действовавшего Совмина, включая министров обороны, финансов, иностранных дел, печати и средств массовой информации, образования, юстиции, а также Государственный секретарь и шесть государственных советников. Основной задачей Госсовета была разработка комплексной стратегии выживания-преобразования в единстве политических, политико-правовых, социальных и экономических реформ в России. Создание Госсовета позволило Борису Ельцину установить непосредственный контроль и над Советом министров, и над реальным положением дел в республике, но самое главное, что Госсовет стал реальным источником выработки фундаментальных стратегических идей и конкретных адресных программ и форм их практической реализации.

• • •

Б.: — Той осенью 1991 года я каждый день приезжал в Архангельское, и мы допоздна обсуждали все детали с Гайдаром и другими членами рабочей группы

о том, как идет работа над пакетом первоочередных реформ.

И когда стало понятно, что складывается концептуальная платформа, тогда мы договорились: под идеи и задачи тут же разрабатываются проекты указов, проекты постановлений правительства, проекты законов. Наступил ключевой момент — мне нужно ехать к Борису Николаевичу в Сочи с этими документами. И вот пришло время решать: кто же эту платформу, эту программу будет реализовывать? И в какой-то момент мы поняли: мы можем сделать это только сами. У нас нет времени объяснять и внедрять ее в чьи-то мозги, в мозолистые руки управленцев советского периода; у нас нет времени целых полгода или больше готовить профессионалов под эти идеи. **Мы будем делать это сами.**

В этом и был ключ к тому, что исторически необходимо было создать — и было создано — *правительство реформ*.

Ельцин согласился на Егора, после того как мы в Сочи три дня безвылазно обсуждали все подробности, человеческие характеристики будущего правительства, все «за» и «против». Я повез Ельцину документ Госсовета (Горбачеву потом подкинули термин «меморандум Бурбулиса») — и мы три дня обсуждали эту платформу. Б.Н. вникал в подробности...

• • •

У меня есть такая политософская матрица рассмотрения прошлого... Как говорил Эммерсон: истории нет, есть биография.

Но есть история идей, есть история людей, есть история событий. История судеб, складывающихся между людьми. Мы никогда не поймем более менее содержательно эпоху девяностых годов, если не будем понимать того, кем был Ельцин, кем был Бурбулис, кем были реформаторы, как персоны. И еще того, какие идеи, какие идеалы..., какие ценности могли эти люди нести.

И наконец, событие, которое документировано, фактологически описано, но оно — лишь жалкая проекция вот этой ценностной, смысловой, глубинной истории, когда идеи никогда не умирают и не погибают, а выживают в творческом диалоге и превращаются в генератор духовного будущего...

История *события* людей. И я перестаю скромничать интеллектуально...

• • •

Г. Бурбулис в беседе с В. Ярошенко*(2 ноября 2016 г.):*

«...Политическая мудрость, которая нашла свое воплощение в личности Бориса Николаевича, была в том, что профессионалы ВПЕРВЫЕ оказались востребованы не только как писатели программ, разработчики нормативно-правовой базы и в то же время сами — как исполнители их проектов.

Кульминация всей этой напряженной работы с конца августа по конец сентября была следующая.

Явлинский: — У меня в сейфе лежит еще одна программа, никому не покажу, пока не назначите меня...

— Куда тебя назначить?

— Я знаю, как спасти Советский Союз...

Не подходит. Человек по-старому смотрит на ситуацию. Он не понимает ее изнутри, он не видел исчерпанности сюжета. Более того, он не способен принять ответственности. Он смотрит на действительность как писатель-теоретик. Он ее не переживает. Его даже не потрясает трагедия ГКЧП, когда мы лишились возможности эволюционного пути Советской империи в новое качество.

Для него программа важнее действия. Он все время бумаги доставал, махал ими, делал три-четыре элегантных тезиса и потом убирал в сейф, дожидаясь, когда придет очередной несчастный управленец-руководитель и скажет: «Гриша, выручай!»

Кто-нибудь когда-нибудь отдавал себе отчет в том, что наше правительство осуществляло свою уникальную в истории (отечественной, но и не только, в истории Советской империи и даже в мировой истории) деятельность, когда сочетание политической воли национального лидера совпало с его редкой в тот момент мудростью и смелостью воспринять эту предельную ситуацию, и не надеяться ни на какие авось, запретив себе руководствоваться шаблонами советской мобилизационной системы... Когда появились молодые специалисты, хорошо понимающие содержание проблем и корни их происхождения и знающие мировой опыт по их преодолению... Когда я понял, что не получится одним писать программу, а другим — реализовывать ее.

И мы решили: едва появляется хорошая идея, в тот же день, сразу, другая группа на ее основе стро-

ит нормативную базу — проект закона, проект постановления правительства, проект указа (все должно быть сопровождено нормативно-правовой базой). Неважно, идея стратегического или ситуационного, кратковременного значения — но предложение входит в работу и превращается в документ, инструмент управления.

...Во все времена, когда идея сформулирована, а начальство ее приняло, она (идея) передается на оформление так в называемое среднее звено экспертов, специалистов функциональных проблем. Они ее приспособливают для решения тех или иных микрогрупповых или каких-то еще (без злого умысла) в силу ограниченности и стандартизованности, шаблонности своего мышления чиновников.

Мы категорически запретили плодить подзаконные акты, которыми-то и руководствовались все и вся. Это письма министерств. Это другой навык, другое мышление, другой язык, когда надо прописать документ которым можно было бы реально руководствоваться. В юридическом смысле!

Все то, что сейчас, уже целых двадцать лет, расцвело пышным цветом в системе исполнительной власти, отрицает то, что мы хотели и делали. Ведь никто не смотрит на законы: доминируют не законы и не кодексы. Все эти бесчисленные подзаконные акты. Распоряжения замминистра, начальника департамента, разъяснение начальника управления. Это глубокая архаика, возвращение в восемнадцатый век, в эпоху дорадикальных, по тем временам, реформ Сперанского... Это реальная смерть любой идеи.

Бурбулис*(8 ноября 2016 г.):*

Идет обсуждение предстоящего юбилейного заседания правительства реформ, которое Бурбулис неустанно собирает каждый ноябрь. Повестка. Сценарий. Бурбулис хочет, чтобы оно прошло интересно и содержательно. Предлагает повестку: «Ошибки. Мифы. Достижения». Импровизирует.

...Про зиму 91 года

— Впереди — бездна. Границы рухнули, таможня тоже. Полчища «челноков» ринулись за бугор. То было время, когда доценты и завлабы ездили по турциям и поляшам и кормили семью.

— *Доценты как раз дома сидели, а бабы ездили, — возражает Бурбулис советник той поры. Он не спит. И продолжает мысль:*

— *Каковы были ошибки? И каково было непреходящее значение того, что мы сделали? Ставшая штампом поговорка «заложили основы рыночной экономики» — это клише, этого мало... Рынок... Хотели рынок, получился базар...*

— *А вот не надо этого!*

— *Все-таки надо обязательно сказать про достижения, хоть и навязли в зубах.*

Про достижения всегда говорилось в очень узком кругу. Да, нам все это известно, но здесь говорится не только для себя...

По жанру: Программный доклад генсека ЦК КПСС должен быть...

«На фоне прошедших двадцати пяти лет»...

А Бурбулис продолжает свою мысль:

— Мы сами не вполне осознавали на протяжении прошедших двадцати пяти лет, — но мое сегодняшнее убеждение состоит в том, что наше правительство было меритократическим правительством: правительством, которое базировалось на ценностях профессионализма, ценностях добросовестности, деловитости, служения этому выбору...

Это он потом скажет и на заседании.

— *Всё-таки искали лучших профессионалов, обращая внимание и на человеческие качества. Никто не потерялся: Гайдар, Шохин, Чубайс, Авен, Васильев, Дмитриев, Мау, Улюкаев.*

Это экономисты.

А в других отраслях - Анисимов, Днепров. Виктор Иванович Данилов-Данилян, Андрей Иванович Воробьев, академик, ставший министром здравоохранения... Это были лучшие люди. Меритократы.

— *Не надо этого слова...*

Бурбулис:

— *А почему нет? С другой стороны, а кто сделал больше и лучше? Кто? Евгений Максимович с его семью месяцами, когда он стабилизировал экономику по законам восточной мудрости: поспешай медленно?*

— *В обществе глубокое уныние, все думают: а может, вообще все это было зря... Поэтому так важно сейчас ваше обобщение этого опыта...*

Бурбулис вскипает:

— *Когда 25 лет правительство реформ ассоциируется только с экономикой, — это историческая неправда! Потому что сделано было невероятно много и глубоко в сложнейшее время распада — в образовании, науке, культуре, в национальной политике, в федеративном устройстве, социальной политике, в международной политике, вообще принципиально новый курс.*

Все это по разным причинам недооценено. Причина этого очевидна. Есть экономический блок, команда Гайдара, сплоченная команда, единомышленники, тесно связанные между собой, исповедовавшие общие взгляды и программу. И другая часть правительства, укомплектованная разными людьми, такой команды не составлявшие... И все перекалдывают эти кубики. Поэтому до сих все говорят об экономических реформах а не о строительстве Новой России. Поэтому и пошел такой уклон в экономизм.

• • •

...Когда я начинаю осмысливать и объяснять, почему распалась Советская империя, понимаю, что действительно надо начинать издалека, с 1917 года, а может, и с 1914-го, с начала Первой мировой войны... Была родовая травма Российской империи, с которой она так и не справилась... Антропологическая катастрофа, которая была там заложена и которая периодически вспыхивала: революция, Гражданская война, коллективизация, массовые репрессии, голодомор и проч.

А вообще Первая мировая война — главная антропологическая катастрофа... Сейчас власть пытается найти зацепку, как подать революцию в виде позитивного момента истории... Не знают, стоит ли отмечать 100-летие Октябрьской революции, пытаются как-то позитивно ее подать: но нет, не получается, потому что именно там и была заложена гибель. Антропологическая катастрофа.

• • •

Важнейшая триада: человек — власть — свобода.

Вопрос о власти — он базовый. Только обладая реальными инструментами власти, можно ответственно и убежденно отстаивать идеалы свободы и либерализм, который базируется на устойчивой и последовательно формируемой системе власти и управления, консенсусно принимаемой обществом...

Вторая триада: достоинство — духовность — деловитость.

Любые утилитарные, прагматические установки, которые реализуются вопреки базовой этике человеческих отношений, вопреки самому высшему человеческому определению — человеческому достоинству — и не закреплены духовностью, нравственностью, совестью — не могут существовать...

И третья триада: свобода — собственность — законность.

Мы с этой триадой шли на выборы в 93-м году «Выбор России»... Но если не удастся сконцентрировать свое понимание (а для молодых — свое образование и ценности), очень трудно объяснить что мы там вытворяли, почему делали это, а другого не делали... Это сейчас невозможно объяснить.

Почему первый указ президента Ельцина был посвящен образованию? Почему? Было право тематически определить первый указ. 12 июля 91 года. 10-го была инаугурация, а 12-го был подписан первый указ — это был символический акт. А все отраслевые интересы хотели получить этот первый указ.

— *Вот была тема — объединение МВД и КГБ, и Ельцин подписал указ, который отменил Конституционный суд.*

Б.: — Мы были против этого.

— *А кто это затеял?*

— Баранников и затеял. Был запрос депутатов против этого указа. И решение Конституционного суда. Единственное позитивное решение этого суда.

— *А Зорькина вы тогда вытащили?*

— Ну, в какой-то мере, да...

— *Значит, вы несете и за это историческую ответственность?*

— Несу, несу. Он тогда был полковником МВД, в академии преподавал, вроде как последовательный демократ...

Суд над КПСС

Я руководитель президентской стороны. Каждый день в здании суда с 8 вечера до 12 ночи мы с Валерием Дмитриевичем Зорькиным обговаривали тактику и стратегию на следующий день. Я был убежден, что в результате этих многочасовых разбирательств мы готовим сильное постановление, которое должно

было бы осудить коммунизм, поставить точку на этой радиоактивной травме и... Мы документировали материалы со свидетелями. А.Н. Яковлев, потом председатель госкомитета по цензуре выступил на нашей стороне.

Мы шли к постановлению Конституционного суда, который должен был покончить с коммунизмом. А получили мякину, что это-де были недостатки отдельных лиц, сама партия не виновата, не было и намека запретить ее деятельность на тысячу лет вперед. Но постановление в результате было выхолощенное, ни к чему не обязывающее, ничего не дающее... Все пошло насмарку и привело к трагедии октября 1993 года...

• • •

Надо вспомнить то время. У нас Съезд народных депутатов мог с утра принять пятнадцать поправок к Конституции. Надо было что-то делать, чтобы остановить это изнашивание Конституции, и тогда возникла идея Конституционного суда. Они с утра принимали, потом отменяли после обеда и на следующий день снова принимали...

• • •

Распад СССР, огромной военной империи с ядерным оружием, вызвал огромное, небывалое напряжение в мире. Был момент страшней карибского кризиса, все стратегическое оружие США и НАТО было приведено в боевую готовность.

• • •

Геннадий Бурбулис в диалоге с проф. Андреем Медушевским (далее — Б.):

Б.: — В данном случае моя методологическая рефлексия базируется на двух очень важных основаниях. Первое — нет очевидной Истории как таковой, как совокупности фактов, как потока событий, случившихся где-то, когда-то, с кем-то, иногда с нами. Второе — подлинная история всегда выражается в трех взаимосвязанных формах ее проявления. Это история идей, а точнее, ценностей и смыслов; история конкретных людей, совершавших конкретные поступки или воздержавшихся от их свершения в определенной ситуации жизненного выбора; и, наконец, это история со-бытий, причем событие понимается здесь не как факт и их череда, взаимосвязь, а как «со-

бытие» одного человеческого проявления с другим. *Со-бытие* как событие — это всегда многомерное пространство конкретных волей, человеческих поступков, устремлений и свершений, это всегда система взаимоотношений, в которой методологически добросовестное историческое познание открывает все больше и больше обуславливающих ее параметров.

<...> История — это прежде всего продуцирование идей и идеалов, ценностей и смыслов, осуществляемое во всякий конкретный временной период представителями того или иного народа, государства или человечества в целом, как процесс предельного жизненного выбора в результате напряженного духовного производства. То есть в истории всегда есть *авторы* и *акторы* — генераторы и трансляторы этих идеалов, ценностей и смыслов. И я огорчен, что мы сейчас находимся в такой исторической ситуации, когда эта, казалось бы, очевидная методологическая установка по разным причинам чаще всего игнорируется, практически нивелируется. У нас есть традиция мыслить «измами» — либерализм, консерватизм, фашизм, фундаментализм; есть некоторые привычные типологии «национальной самобытности», региональной и социоэтнической идентичности, геополитических преимуществ и могуществ. И за этими большими «пятнами» на картине мирового процесса прячется, ими поглощается и часто искажается то, что можно назвать реальной Историей.

<...>Введенная в обиход метафора «распад Советского Союза — это геополитическая катастрофа конца XX века», при всей образной условности, имеет очевидный ограниченно-упрощенский потенциал. Действительно, определять такого уровня и масштаба исторические процессы в понятиях катастрофы иногда вполне допустимо. Но на самом деле мы имеем дело с эпохой глобальных трансформаций XX–XXI веков и только в этом концептуальном контексте обязаны осмысливать, какова была реальная история возникновения и закрепления советской тоталитарной империи, какова была в жизненном пространстве Советского Союза система норм, правил, традиций, ценностей и смыслов. Почему марксизм-ленинизм выступал как псевдорелигия XX века? Именно по законам тоталитарного и репрессивного механизма верования и культивирования этой веры мы пережили в действительности глобальную антропологическую катастрофу в истории не только нашей страны, но и всего

человечества. Она была трагической кульминацией того агрессивного-утопического замысла, каким был большевистский план построения новой системы мироустройства и создания нового человека. Именно эта антропологическая катастрофа содержит в себе все драмы, трагедии, все травмы и синдромы той самой советской «имперскости», суть которой требует систематического изучения.

• • •

<...>Для меня является безусловной общая неизбежность распада Советского Союза как уникальной империи идеократического типа, которая осуществляла свое историческое стремление в режиме антропологической катастрофы, пренебрегая всеми базовыми правилами и принципами отношения к человеку и гражданину.

Я считаю, что у нас в 1991 году была другая историческая возможность, и она реально существовала, в том числе и в условиях правовой легитимности. Это предполагавшееся 20 августа подписание Договора о Союзе суверенных государств, подготовленного в очень сложных условиях. Это была не абстрактная, но реальная возможность, результативно себя закрепившая. Однако 19 августа определенная группа руководителей Советского Союза, категорически несогласная с открывающимися новыми возможностями и перспективами, заблокировала данную альтернативу. Реализуя свои убеждения, свое понимание сущего, истории, ответственности, свою веру в то, что подписание договора ни в коем случае нельзя допускать, поскольку это разрушает наш реальный советский социум, она объявляет чрезвычайное положение и занимает конфронтационную позицию.

И уже 22–23 августа, после того как ГКЧП был отвергнут и его инициаторы пополнили камеры Матросской тишины, Советский Союз как империя оказался в ситуации стремительного необратимого распада. Вот конкретный пример из нашего с вами жизненного опыта, показывающий значение нравственно-интеллектуального и духовно-практического выбора.

Была возможность сохранить СССР в радикально измененной форме, но какая-то часть людей, ориентированных на свои ценности, выражающих свои смыслы, ставит этому преграду. Мне кажется, что определение, которое я в свое время дал, что августовский путч был «политическим Чернобылем со-

ветской тоталитарной империи», сохраняет свою эвристическую значимость. Империя распалась, произошел взрыв накопленной энергетики имперской власти с уже деформированным телом. Но детонатором этого взрыва были именно носители имперского сознания. И мы до сих пор имеем разные формы и темпы «политического Чернобыля»: «имперскость» не может быть смыта, подобно природной радиоактивности. Она имеет ментальные формы, социокультурные коды, так или иначе транслируется из глубин российской истории. Это можно и нужно глубоко изучать. Но мы не можем и не должны облегченно воспринимать сегодняшнюю российскую действительность, исходя из того, что имперский синдром окончательно преодолен.

• • •

<...>Михаил Горбачев в конечном счете оказался человеком, очень глубоко зараженным вирусом советской «имперскости». Его добродушная вера в возможность эволюционной трансформации Советской империи в подлинное социалистическое мироустройство была очень опасна для человека, который взял на себя столь выдающуюся роль — заложить основы нового мышления, нового миропонимания. В этом он оказался отношении искренним сторонником нового, но, как потом выяснилось, трагически остановившимся на старом. У меня даже есть такое определение, оно, может быть, более четко передает всю мою боль за случившееся: Михаил Горбачев был человеком партийного дискурса. Ему казалось, что когда мы начинаем говорить про реформы, то это и есть реальная перестройка. С 1985 года мы многократно были свидетелями того, как он увлеченно «заговаривал» не только ближайшую аудиторию, но и всю страну. И от этих «заговоров» мы подошли к заговору путчистов. Потому что человек, который прячется от необходимости жестко и конкретно оценить реальную действительность (Фергана, Тбилиси, Прибалтика, Карабах) и неспособен вникнуть в понимание той картины мира, которая к 1980-м годам уже была для человечества достаточно проясненной, теряет контроль над ситуацией. Люди, которые в Советском Союзе искренне поддержали перестройку, были способны к новому для Советской империи мышлению. Михаил Сергеевич Горбачев не выдержал этого испытания. Я вообще думаю, что мы приблизились сейчас

к такой ситуации, когда языковые дискурсы, социальная риторика становятся очень важным и одновременно опасным инструментом артикуляции реальной политической ситуации.

<...> Это тот случай, когда мало быть генеральным секретарем, всем своим жизненным опытом осознавшим гибельность системы, которую он вынужден был возглавить. Эта империя умирала на глазах всего мира и собственного народа, когда друг за другом умирали «клонированные» генеральные секретари, а Кремлевская стена стала символом кладбища советской тоталитарной империи. Михаил Горбачев был искренне увлеченным носителем идеи перестройки, виртуозным заговорщиком — «заговаривающим лидером», но все дальше и дальше уходил от желания и способности понимать реальную картину мира.

<...>но одновременно я не могу не отметить его выдающийся вклад в принципе, который формировался в треугольнике Рейган — Тэтчер — Гельмут Коль. Нельзя забывать Рейкьявик, 1986 год и выступление Горбачева, первое в Организации Объединенных Наций, с доктриной нового мышления, где он в деталях объяснял свою программу реального разоружения. И там же были озвучены идеи о выводе Группы советских войск из Германии, о снятии всех стратегических планов Варшавского Договора и т.д. По большому счету, Берлинская стена рухнула задолго до ноября 1989 года, она рухнула как стена отчуждения, недоверия, глубочайших разногласий по базовым ценностям и жизненным смыслам, в которых мы пребывали десятилетиями.<...>

<...>Совершенно несостоятельным в этом контексте является осуждающее клише «парад суверенитетов», а исторически адекватной представляется формула «суверенитетский консенсус». Безусловным доказательством такого консенсусного единодушия является поведение I съезда народных депутатов РСФСР: 29 мая 1990 года в третьем туре голосования в результате тяжелейшей конкурентной борьбы съезд избирает Бориса Ельцина главой республики (535 голосов), а через две недели этот же состав съезда практически единогласно (947 голосов «за») принимает Декларацию о государственном суверенитете РСФСР.

<...>Ельцин боролся не столько за власть, сколько за инструмент решения проблем Российской Федерации как реального локомотива перестройки во всей

Советской империи. Это я подтверждаю тремя нашими попытками: программа «500 дней», которая была «зажевана» и отторгнута; постановка вопроса на Верховном Совете Советского Союза о том, как же быть с ресурсами жизнеобеспечения, если все привычные формы сломаны — эффективность нулевая; третья — решение проблемы управляемости страной.<...>В столкновении двух, прежде всего мировоззренческих ценностно-смысловых, позиций состояла суть всей этой борьбы как исторического выбора.

<...> И вот в октябре 1991 года мы вынуждены обращаться к Съезду народных депутатов РСФСР за чрезвычайными полномочиями в экономике. Президент Ельцин получает на съезде полномочия возглавить правительство. Посмотрите, какая разница и поступков, и ценностей, и уровня ответственности. И опять перед нами яркий эпизод многоликой истории идей, людей и событий. Думаю, что немалая часть депутатов голосовала за резолюцию V съезда народных депутатов РСФСР только по одной причине: «Пусть Ельцин кладет свою голову на эту плаху и тем самым свернет себе шею, мы-то знаем, какая у нас сегодня реальная экономическая ситуация, так что дадим ему эти полномочия». Мы вынуждены были формировать правительство реформ в чрезвычайных хозяйственно-управленческих условиях» (Публикуется по журналу «Сравнительное конституционное обозрение», 2015, № 4).

• • •

В.Я.: — Летом 1991 года я работал редактором отдела публицистики популярнейшего тогда журнала «Новый мир». После публикации в «НМ» моей статьи «Партии интересов» Егор Тимурович Гайдар предложил мне съездить в Англию с группой экономистов на конференцию в Кембридже по социологии интересов (заглавным участником ее был знаменитый социолог Манкур Олсон. Конференция была очень интересная, но не об этом речь). После поездки в Англию в где-то в двадцатых числах июля я был в гостях у Алексея Головкова. Будучи человеком довольно скептическим, он с энтузиазмом рассказывал про планы российского руководства (на которое мы смотрели тогда еще без большого энтузиазма) и давал весьма позитивные характеристики только что назначенному на непривычную должность Государственного секретаря РСФСР Геннадия Бурбулиса, о котором

я по-настоящему впервые и услышал от него. По мнению Головкова, именно Бурбулис будет ключевым человеком ближайшего будущего. Я рассказал об этом Егору. В разговоре с Геннадием Эдуардовичем я недавно вспомнил о том давнем разговоре (увы, ни Егора, ни Алексея уже нет с нами. — *В.Я.*).

<...>

Б.: — Тут надо вспомнить Алексея Головкова, умершего в январе 2009-го, ровесника и друга Гайдара. С Алексеем Леонардовичем Головковым мы начали сотрудничать в Верховном Совете СССР и в рамках Съезда народных депутатов СССР, создавая Межрегиональную депутатскую группу. Затем он был моим самым активным помощником с мая 1990 года уже в системе Верховного Совета РСФСР, когда мы создавали Высший консультативно-координационный совет (ВККС) при Председателе ВС РСФСР Б. Н. Ельцине. <...> В то время Алексей Головков неоднократно говорил о группе Егора Гайдара, о котором у меня было определенное представление по его деятельности в газете «Правда» и журнале «Коммунист». Во время августовского путча в моем кабинете в Белом доме образовался гражданско-политический штаб, куда непрерывно приходили и приезжали разные люди, чтобы выразить нам поддержку. В какой-то момент, ближе к вечеру, Алексей Головков сказал мне, что в приемной находится Егор Гайдар. Между нами состоялся небольшой диалог. Егор Тимурович сказал, что, когда этот ужас и глупость закончатся, было бы важно обсудить ситуацию. Я подтвердил, что мы это обязательно сделаем, после того как справимся с путчистами<...> Поэтому сразу после путча мы договорились с Егором Тимуровичем о том, что он соберет специалистов и им нужно будет сформулировать свои предложения для практической работы.

<...>

15-я дача в Архангельском, где засела за работу гайдаровская команда, стала рабочим местом Госсовета, поскольку там все идеи, экономические и неотложные практические меры осмысливались и формулировались уже в виде конкретных проектов указов президента и законов... Гайдар готовил основные положения экономического раздела доклада президента для второй части V съезда — того доклада, с которым Ельцин выступил 28 октября

1991 года. В конце своей абсолютно революционной по содержанию речи президент Б.Н. Ельцин сказал: «События 19-21 августа потребовали предельного напряжения сил. Решался вопрос: быть или не быть российской демократии. Пусть это не покажется преувеличением, но сейчас мы фактически вступаем в такой же по степени своей ответственности и напряжению сил исторический период<...> ...На этот ответственный и тяжелый период я готов непосредственно возглавить правительство. Я обязуюсь перед своим народом сформировать кабинет реформ и рассчитываю на понимание и поддержку депутатов, каждого россиянина... Сегодня от всех нас требуется сделать решительный выбор. Для этого необходимы воля и разум народа, мужество политиков, знания профессионалов. Ваш президент такой выбор сделал. Это самое важное решение в моей жизни. Я никогда не искал легких путей, но ясно представляю: последующие месяцы станут для меня самыми трудными...»²

Съезд народных депутатов как высший законодательный орган РСФСР подавляющим большинством голосов (876 — за, 16 — против) предоставил Борису Ельцину чрезвычайные полномочия, в том числе совмещение должностей президента и главы правительства.

• • •

Недавно Бурбулис, завершая выступление на семинаре «Политософия надежды: как возможна мерито-

кратия в России XXI века, своей Высшей школе меритократии сказал:

— Вот Булат Окуджава однажды написал:

*В земные страсти вовлеченный
Я знаю, что из тьмы на свет
Сойдет однажды ангел черный
И крикнет, что спасенья нет...
Но простодушный и несмелый,
Прекрасный, как Благая весть,
Идущий следом ангел белый
Прошепчет, что надежда есть.*

Потрясающие слова! Каждый день по десятку раз мы испытываем на себе воздействие этого. Один ангел — черный — уверяет, что спасенья нет! Терпи! Ползай! Приспосабливайся! Кричи! Пресмыкайся!

А другой говорит: надежда есть. Жди Благой вести. Будь душевно и духовно независимым. Будь самим собой. И только из этого складывается нация свободных людей, складывается радостное наше будущее...

Текст подготовил В. Ярошенко

Примечания

- 1 Из беседы Г.Э.Бурбулиса и А.Н. Медушевского в журнале «Сравнительное конституционное обозрение», 2015 г., № 4.
- 2 Пятый (внеочередной) съезд народных депутатов РСФСР. 10-17 июля, 28 октября – 2 ноября 1991 г. Стенографический отчет. Т.2 М.: Республика, 1992. С. 29).

© Текст и фото: Виктор Ярошенко

Геннадий Эдуардович БУРБУЛИС — российский государственный и общественный деятель. Родился 4 августа 1945 года в г. Первоуральске Свердловской области. В 1964–1967 проходил службу в ракетных войсках стратегического назначения Вооруженных Сил СССР. В 1974 — окончил философский факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького... В 1983–1989 — работал заведующим кафедрой общественных наук и заместителем директора по научной работе во Всесоюзном институте повышения квалификации специалистов Министерства цветной металлургии СССР. В 1987-м был одним из инициаторов создания Свердловской городской дискуссионной трибуны, председателем ее Совета. Один из создателей движения «За демократический выбор» (1989). 1989–1991 — народный депутат СССР; один из инициаторов создания и член Координационного совета Межрегиональной депутатской группы. 1990–1991 — полномочный представитель председателя Верховного Совета РСФСР, заместитель председателя Высшего консультативно-координационного совета России. 1991 — руководитель избирательной кампании первого президента России Б.Н. Ельцина. Государственный секретарь РСФСР, инициатор создания и секретарь Государственного Совета РСФСР; руководитель и координатор разработки программы реформирования государственно-политической и социально-экономической системы России. С ноября 1991 по апрель 1992 — первый заместитель председателя правительства Российской Федерации. 8 декабря 1991 года совместно с президентом России Б.Н. Ельциным подписал за Российскую Федерацию в Беловежской Пуще «Соглашение о создании Содружества Независимых Государств».

(Источники: Лента Ру, сайт фонда Гайдара, сайт Forbs, сайт Института экономической политики, Интерфакс, ТАСС, фонд «Стратегия», материалы школы «Достоинство», журнал «Сравнительное конституционное обозрение, архив журнала «Вестник Европы».)

“Переворот”

Рассказывает Егор Гайдар

22 августа 1991 г.

Я обнаружил кассету с этой записью сравнительно недавно, роюсь в коробках с архивами. Запись была сделана мной 22 августа 1991 года (потому что мы понимали историческую значимость событий) в домашнем дружеском застолье и не предназначалась для печати. В разговоре участвовали моя жена Татьяна и дочь Катя.

В. Ярошенко

• • •

В.Я.: Ну давай, рассказывай.

Е.Г.: ...С какого времени? <...> (Пауза). 19-го, когда я приехал в Москву, вернулся с дачи, еще ничего не знал, разумеется, был абсолютно уверен, что все арестованы. Пришел в институт, меня ждут мои замы; с огромным нетерпением конечно, ну вот, приехал, сейчас все скажет, как жить... Полное ощущение, что все кончилось, что этот институт больше не существует, завтра все закроят, никому не будут платить зарплату. Просто автоматом без всяких внешних репрессий. Академия сама все это делает, как показывают первые признаки. Начальник международного отдела встречает моего сотрудника и говорит: «Ну что, ребята, отъездили?»

Что делать? Что делать? Давайте позвоним Стасу Он у нас второй начальник. Звоню Стасу¹ — Стас уехал в Президиум Академии наук. Звоню Петракову² — Петраков уехал в Моссовет. Звоню Ожерельеву, помощнику Горбачева.

Говорю: — Олег Иванович (звоню в основном проверить — работает ли телефон помощника). Что с Михал Сергеевичем?

— Ничего не могу сказать, кроме того, что сказали по радио.

— Можем ли мы чем-нибудь помочь?

— Пока не знаю, но попозже свяжусь. (*Голос испуганный.*)

— Ты звонишь ему на работу?

Е.Г.: На работу, по рабочему телефону. Начинаю пытаться связаться с Белым Домом. Наконец связываюсь с газетчиками: с «Московскими новостями», с «Независимой». Созваниваюсь с Ленинградом. Звоню в приемную своему другу, первому замести-

телю председателя Ленгорисполкома Толе Чубайсу, спрашиваю: как ситуация? Он говорит: У нас ситуация под контролем, мэр ...выехал из Москвы в Ленинград... Начальник ленинградского фонда госимущества депутат Миша Киселев, мой друг, говорит, что в Ленинграде все спокойно, обзвонили все службы, все службы выразили лояльность Ленсовету. Собака пока нет, но он вылетает; Щербаков дезавуировал слух, будто он входит в ГКЧП, милиция выразила свою лояльность Ленсовету... Так что у нас все под контролем.

В.Я.: Вот здесь они начали ломаться...

Е.Г.: Да, их не поддержали регионы!

Поздно вечером наконец удается связаться с Белым Домом. По телефону Госсекретаря³ нахожу своего друга Алексея Головкина⁴, начальника отдела политического анализа и планирования; говорю, что готов всячески сотрудничать с российскими властями... И в том числе принять некие предложения, которые они мне сделали за пять дней до переворота, войти в какой-то этот самый российский комплот.

(Комментарий 2011 г.: я тогда не обратил внимание на это его сообщение, а ведь это было самое начало процесса. — *В.Я.*)

Они рассказывают, что только что подошли танки, этого самого майора ...Евдокимова, а генерал Лебедь привел полк Рязанской дивизии. Но никто не знает, что они пришли делать.

Т.: Это те танки, которые вокруг стояли? Когда мы шли по Калининскому проспекту 19-го к Белому Дому, там танки стояли...

Е.Г.: — с российским флагом?

Т.Я.: — Когда мы шли... не было флагов, там были цветы в стволе... это они и были, да?

Е.Г.: — Якобы на защиту Белого Дома пришли десять танков, и генерал Лебедь привел полк десантной дивизии ВДВ.

В.Я.: — С полком какая-то темная история... Был, потом исчез куда-то.

Е.Г.: — С Лебедем? Сейчас я расскажу. Значит... с этим полком было так. Связались с Грачевым, если мне память не изменяет, командующим ВДВ; командующий ВДВ сказал, что его тут, кажется, смещают, но я вам сейчас пришлю полк Рязанской дивизии, и все будет хорошо. После этого прибывает генерал Лебедь с этим полком.

Генерал Лебедь известен тем, что выступал с какими-то дикими заявлениями в былые времена; кажется на XVIII съезде КПСС, поэтому все народные депутаты-военные сказали: это какой-то тихий ужас, но тем не менее он рвал на себе рубашку и говорил, что он теперь будет верно служить родной российской власти. Но им это до лампочки, им важен в некотором смысле сам факт перехода солдат на их сторону, ...даже если они пришли...

В.Я.: — Поубивать?

Е.Г.: — Но если можно сказать, что солдаты с ними, это все меняет, потому что на вопрос есть ли с вами солдаты, они отвечают: — есть! Даже если один танк перешел — это все меняет! ВДВ! Никто не знает, что из этого получится, но вроде как они за нас... Полк-то десантный небольшой, 600 человек.

В.Я.: — И они действительно вошли?

Е.Г.: — Да. Они были там.

Т.Я.: — А как их могли пропустить?

Е.Г.: — Были переговоры. Это было не двадцатого, а 19-го, когда еще был полный бардак. Народ начал потихонечку подтягиваться...19-го еще никакой организации не было; были какие-то переговоры между ними и ОМОНОм, <...>приходил<...> разговаривал с Ельциным, тот сказал, что он доверяет и можно их пропустить... Утром 20-го я пошел на митинг к Белому дому. Это все видели, по этому поводу ничего говорить не буду... Ощущение победное, очень много народу. Народ дружен, Народ не испуган, народ смел. Дрожащие руки произвели свое впечатление.

В.Я.: — Угу.

Е.Г.: — Есть ощущение что хунта не настоящая, хунта не страшная, хунта нерешительная.

В.Я.: — трусливая и жалкая!

Е.Г.: Что эта хунта слаба... Эти трясущиеся руки сделали для победы больше, чем 10 танков майора Евдокимова!

Т.: Приложили руки!

В.Я.: — Наушники просто прыгали в руках... Бедный Янаев.

Е.Г.: — Да, да... После митинга я прибыл на работу. В начале 4-го. Сказали, что звонили из «Объединенной газеты». (*Е. Гайдар так называет «Общую газету», которую в дни путча начал выпускать Егор Яковлев.*)

В.Я.: — уже возникла?

Е.Г.: — Да, уже возникла, мне звонит Миша Леонтьев, обмениваемся информацией, он мне рассказывает, что, по его слухам, делается в стране; звоню в Ленинград, все в полном порядке. Прошел слух, что на Ленинград движется Витебская дивизия; но меня успокаивают, что вроде она стоит... «Объединенная газета» просит дать оценку экономической программы хунты. У меня сидят несколько человек, трое моих замов (В.Мащиц, А.Нечаев, Н. Головин — *В.Я.*), и мы начинаем писать за двадцать минут до сдачи газеты...

Это самый беспомощный, с публицистической точки зрения, документ, который я писал в своей жизни, потому что там никаких слов, кроме матерных, не приходит на ум, тем не менее я его пишу, все мы его подписываем и передаем в «Объединенную газету», и нас просят передать его по «Интерфаксу» для мира. Мы передаем его для мира... Потом я издаю приказ о том, что институт присоединяется к всеобщей забастовке... прекращает какое бы то ни было сотрудничество с органами, которые сотрудничают с военной хунтой и оказывает всяческую поддержку российскому правительству... А от себя я всем говорю, что все продолжают работать, естественно, потому что наша работа нужна, но только никаких штук, никаких контактов с союзными структурами. Подписываю этот приказ и прошу срочно созвать партийное собрание... Собираем партийное собрание. Я говорю, что у нас один вопрос: нам надо определиться в отношении к военному перевороту. Я считаю, что дальше оставаться в этой преступной организации, которая за два дня не высказала своего отношения, невозможно, я хочу выйти, а дальше дело каждого... Все сотрудники института, кроме одной девочки, которая так вот

трясется, из партии выходят. После чего я говорю: в связи с выходом всех сотрудников из КПСС и указом Ельцина о департизации деятельность этой партии в институте прекращаю. <...>У меня была такая формулировка: приостановить на один день указ Ельцина о департизации... *(смеется)* не будем идти по этому пути, будем считать, что мы его выполняем. В это время мне звонят из «Независимой газеты» и говорят, что танковая дивизия, по их сведениям, входит в Москву по Ленинградскому шоссе — и, кажется, назначен штурм Белого Дома... По радио Белого Дома поступила просьба — всем женщинам и детям покинуть район, прилегающий к Белому Дому, а всем мужчинам постараться прийти на защиту. Я звоню Алеше Головкову... *(иным тоном, как отступление)*: Двадцатого дозвониться куда-либо было очень просто. 21-го дозвониться было невозможно. Главный телефон Белого Дома — телефон штаба — был почти все время свободен. А 21-го уже часами невозможно дозвониться. Подзываю Алексея, спрашиваю: «Ну, что там у вас?» Говорит: «Эти десантники Лебеда ушли. Он увел их всех». Я, честно говорю я, не спрашивал подробности... Но они это скрывали до последнего.

Е.Т.: — То есть они ушли? Или остались?

Е.Г.: — Они не говорили народу, что десантники ушли.

Т.Я.: — То есть десантники их оставили, может быть как бы предали... Понятно.

Е.Г.: — Десантники сбежали, и генерал сбежал. Что у нас есть? десять танков без боекомплекта и наш ОМОН. Такая ситуация. Ну, говорю, тогда мы с моими ребятами к вам присоединимся.

<...>

Е.Г.: — Действительно, очень тяжелый выбор для сотрудников, очень тяжелый. Потому что страшно. С другой стороны, трудно показать, что тебе страшно, но ведь страшно, у всех — семьи...

Т.Я.: — Всем было страшно, еще как страшно.

Е.Г.: — Как то все собираемся, договариваемся встретиться в 20.15 у метро «Баррикадная», идем по направлению к Белому дому. Уже у кинотеатра раздают железную арматуру, слишком длинную, махать неудобно. Подходим к зданию, много народу. Атмосфера такая... взаимной благожелательной организованности. Видно, что толпа очень организованная. В основном молодая, молодежь около 25-летнего возраста, за тридцать, тех, кому мень-

ше, немного. <...> Так как мы договаривались с Головковым, что я позвоню, когда подойдем, пытались пройти с большим трудом. Наконец дозваниваюсь. Он выходит, проводит, все пропуска отменены... Все очень напряженные; видно, что всерьез опасаются террористов, кагэбистов. Трое на входе с автоматами. С 10 вечера хождение было практически исключено. Поднимаемся на пятый этаж, в штаб, в кабинет Бурбулиса. Вхожу, в комнате человек двенадцать. Два кресла у телефонных аппаратов, в одном из них человек, как потом узнаю, генерал Иваненко, начальник российского КГБ, вокруг него министр юстиции, несколько человек из его аппарата, видимо. Шахрай, министр внутренних дел, Махарадзе, бывший председатель волгоградского облисполкома, председатель контрольной палаты, (или как она там называется в РСФСР) еще несколько человек... Девочки делают какие-то бутербродики, чай; в кабинете напротив на столе сумки с противогАЗами... Проходим в заднюю комнату, обсуждаем какие-то экономические вопросы, что, собственно, делать на следующий после победы день... И вообще, как можно ущучить заговорщиков, исходя из того, чем реально располагает Россия.

Сначала я спрашиваю: расскажите мне, ребята, что вы контролируете, какие области как себя повели? Ситуация очень неясная. Они не знают, какие регионы и как. Но в принципе ситуация такая: они твердо уверены в поддержке Тюмени, нефтяников.

В.Я.: — Это серьезно.

Е.Г.: — Да, нефтяники готовы перекрыть кран; но проблема в том, что они-то перекрывают кран всем нефтеперерабатывающим заводам — в первую очередь, а не заговорщикам только. Шахтеры российские забастуют, видимо, Кузбасс и Воркута, но что из этого можно получить — тоже непонятно. Железная дорога — организация там слабая, и надежда на то, что сами по себе стачечные комитеты что-то остановят, ненадежная. Свердловск, по всей видимости, поддержит, Томск поддержал, Москва и Московская область поддержали, что было неожиданно; Ленинград наш, надежен. Предельно ненадежен Юг России, Нечерноземье.

Т.Я.: — Передавали, что Воронеж поддержал.

Е.Г.: — Короче говоря, контроля в Краснодаре, Курске, Липецке нет. Есть российские структуры, которые лояльны России.

Т.Я.: — А автономии как?

Е.Г.: — Татарстан, автономии ни нашим, ни вашим; никак. Сахалинский Федоров поддержал путчистов.

В.Я.: — Вот как?

Е.Г.: — Я рассказываю, как это виделось из штаба обороны Белого Дома по ситуации на 11 часов вечера 20-го числа. Я не знаю, как на самом деле <...>себя вел <...>, проданся ли путчистам...

Значит, у России есть своя структура, легкая, местная промышленность и АПК. Союзные республики ведут себя очень неопределенно. Никто не говорит ни да, ни нет... На республики большой надежды нет. Республики выжидают. Они готовы договориться на любых условиях, никуда не лезть, ничего не предпринимать, только бы их оставили в покое. Все решается сегодня в Москве и Ленинграде, может, еще в нескольких крупных городах России. Что в этой ситуации делать? Забастовка всеобщая, крупная, судя по всему, не получится<...>

Е.Г.: — Ну, самое естественное; из того, что есть в руках: местные органы власти, лояльны. Там, где они лояльны, в том числе в важных местах: Ленинград, Москва, Московская область.

В.Я.: — А как Поволжье? Самара, Нижний?

Е.Г.: — Новгород Нижний хорошо, в Самаре непонятно...Вообще информация поставлена плохо и ненадежно. Три разных канала, по которым обзванивают области, но никто не знает, кто до кого дозволил; абсолютно не исключено, что все три группы дозваниваются до одних и тех же двадцати областей, а до других пятидесяти никто не дозванивается вообще. Никакой общей картины, карты ситуации в этот момент в Белом Доме нет. А общая картина, какая есть, я вам ее обрисовал. Ну, естественно, надо переходить ко всеобщей стачке, контролю над ресурсопотоками. И в первую очередь, над особо важными точками. Два режима: первый режим сегодняшнего и завтрашнего дня, и второй — если вдруг ситуация затянется, на 10-12 дней вперед. На один-два дня это в первую очередь психологический эффект, оттого, что ты можешь что-то сделать полезного для себя и вредное для противника. Совершенно естественные и простые меры, которые находятся под вашим контролем. И с завтрашнего дня можно их начинать реализовывать.

Почему до сих пор партийные типографии получают бумагу? Она в ваших руках, вы вполне можете парализовать поставки бумаги. Почему до сих пор Останкино получает электроэнергию? Почему до сих пор идет бензин в воинские части? Почему до сих пор нет контроля за воинскими перевозками? Это местные органы власти вполне могут организовать. На самом деле есть набор уязвимых точек противника, по которым легко можно ударить. Не надо ни в коем случае лишать солдат хлеба и воды, выключать электроэнергию в казармах. Очень непросто отключить электроэнергию в Кремле; но есть масса вещей, которые легко сделать. Можно поставить гаишников у ворот оборонного завода и никого оттуда не выпускать и т. д. Если в Москве сравнительно легко послать десантный взвод и гаишника убрать на московском нефтеперерабатывающем заводе, то в Ленинграде это сделать уже не получится. Такие вещи продемонстрируют, что ты владеешь ситуацией и, если возникает пат, он не только не в их пользу, а, наоборот, в твою. Подать взвод своего ОМОНа в типографию «Красный угольщик» и наладить там печатание своих газет и т.д.

В.Я.: — Я тоже думал — что же мы так быстро все отдали? Все газеты наши закрыли и мы закрылись...

Е.Г.: — Информация о том, что Балтийский флот заявил о своей лояльности Ленсовету — первая крупная победа, настоящая, в войсках. Якобы командующий Сибирским округом заявил о своей нелояльности ГКЧП, не знаю, насколько это точно. Примерно в 12 — начале первого информация о том, что штурм начался.

В.Я.: — Но штурма ведь никакого не было... Просто стреляли на Калининском проспекте...

Е.Г.: — Да нет, ты совершенно прав, я просто рассказываю, как это видится, как штаб воспринимает это.

Т.Я.: — Как это передается по радиостанциям. Мы с Катей здесь сидим, слушаем радио и говорят: через три минуты начинается штурм Белого Дома. Отрубают радиостанцию.

В.Я.: —Давайте запишем, как это виделось жителям Москвы.

Е.Г.: — Давайте. Очень здорово.

Таня: — Мы лежим на полу, почему-то вот на полу — от ужаса. Так вот здесь у нас приемник, вот здесь телефон, и мы ловили все что можно, пока работало «Эхо Москвы», мы «Эхо Москвы». <...> Поступали всякие тревожные сообщения, вот уже слышна

стрельба, уже горят танки на Калининском проспекте, говорят, что через три минуты начнется штурм Белого Дома. Потом отрубается «Эхо Москвы». У нас не умолкает телефон ни на одну секунду, потому что всю ночь идет перезвон...

Е.Г.: — Знакомые?

Т.Я.: — Знакомые, во-первых, кто поближе живет; во-вторых, кто-то кому-то издалека позвонил; в-третьих, на какой волне что можно поймать... Где-то вдруг «Радио России» прорезалось. Потом на час возникло «Эхо Москвы». Потом что-то передает радио «Свобода», у них прямая связь с Белым Домом... Кто-то ближе живет, на Ленинградском проспекте, говорят, прошла колонна БТРов и т.д. Мы вот так вот все дрожим, от ужаса, от страха, дождь... дверь балкона мы не закрываем, надо же слышать, что там происходит, Ленинградский проспект рядом. Мы должны слышать, когда начнется этот грохот, когда пойдут эти самые танки, эти колонны туда. Ну в общем это тоже было довольно... Но в принципе мы были в курсе дела.

<...>

В.Я.: — У нас, стоящих у Белого Дома, тоже прокатился слух о штурме.

Е.Г.: — Информация о штурме поступала в штаб регулярно, она просто, естественно, не транслировалась вовне. Она оставалась там. Заявлений о том, что штурм начался, не было. Какая была система информации? Первое: информация телефонная. Сидел подполковник с рацией, слушал переговоры частей, перехватывал их переговоры и рассказывал, какая часть идет туда, какая сюда. Колонна идет туда-то, время «Ч» такое-то...

В.Я.: — Ты думаешь, что была команда на штурм? А потом она вдруг как-то рассосалась, не была выполнена?

Е.Г.: — Я думаю, что команда была, да, конечно. Я уверен. Мы после узнаем. Такое ощущение, что была, конечно.

В.Я.: — Поездили, но даже чтобы повернуть с Садового кольца, им пришлось бы очень много пройти по трупам.

Е.Г.: — Да, да... Подполковник с рацией... Второе — звонит телефон. По телефону (у Алеши Головкова была какая-то своя информационная сеть по городу) ему звонят, дают информацию, такую, какую Таня могла бы давать: вот там-то такая-то ко-

лонна прошла. И еще сидят ребята, на двадцать седьмом этаже смотрят, что делается вокруг Белого Дома, и еще какая-то информация стекается. Похоже, что она не систематичная, это отрывочные сведения о том, что кто-то куда пошел.

Т.Я.: — Ну а там были какие-то военные спецы, которые из этого пытались построить какую-то картину?

Е.Г.: — Ну, там был еще отдельный военный штаб генерал-полковника Кобеца⁵.

Не знаю, была ли у них карта города. Но у Иваненко, начальника штаба обороны, на столе никакой карты не лежит. Не было никакой карты, думаю, что у Кобеца тоже. Все импульсы, которые поступают из штаба Кобеца они совсем какие-то дикие. Что где-то сто человек с сумками скопились и видимо будут штурмовать Белый Дом... Информация из штаба Кобеца мне как-то не нравится, мне кажется что там все делается очень несерьезно. Иваненко⁶ его кагэбешники дают какую-то другую информацию.

Ощущение информационного вакуума есть, и это очень страшно. Картиной ни по стране, ни по Москве они, конечно, не владеют. Они не понимают, что делать, в общем и целом ориентируются на то, что якобы будет штурм.

В.Я.: — Будет, значит поубивают.

Е.Г.: — Ну да, конечно. Общий настрой, общая тональность — это вот Альянде. Красиво, драматично, последний бой. Я тоже думал: будет не будет, но с другой стороны, если они все так делают через одно место, думаешь, что следующая глупость, которую они могут сделать, это пролить очень много крови... Ощущение, что мы имеем дело с истеричными, глупыми, загнанными в угол людьми. Ощущение, что вероятность штурма (больше 80 %) тут, конечно, витает в воздухе...

В.Я.: — А я больше думал насчет площади Тяньаньмэнь⁷.

Е.Г.: — Тяньаньмэнь... Оставят несколько тысяч трупов, которые скроют, скажут несколько десятков; а танки пройдут по людям, по трупам. Насчет стрельбы я тоже никаких иллюзий не питал; думал, вот сидят сейчас у окон в квартирах, светло, хорошо просматривается. Все цели можно присмотреть цели. Видно, кто с мегафонами, кто организаторы. Для снайперов работа.

Т.Я.: — Видимо, это была деза, под видом «Эха Москвы»: сказали, что в Белом Доме полностью отключена электроэнергия, там абсолютно темно. Мы этого не знали; Витя позвонил без двадцати три, нашел в сквере какой-то телефон-автомат, мы спрашиваем: там темно? Он говорит: ничего подобного.

Е.Г.: — Просто когда прошла информация, что скоро начнется штурм, была команда выключить свет.

В.Я.: — И было сиротливо, темный Белый Дом и ярко освещенная площадь. Он должен был весь сиять! Было сиротливо, они там в тепле, спят, а мы тут на плацу, под прожекторами.

Е.Г.: — Когда вышел твой Попцов (он заходил около часу ночи), говорил, что люди хотят знать, кто находится в Белом Доме, мы же не пустое здание охраняем. Там находились Ельцин, Руцкой, Силаев, в отдельном штабе, двести пятьдесят депутатов, весь аппарат, все структуры российские. Но извини, я тебя прервал<...>

В.Я.: — Кажется что это было так давно... Позавчера! я уже все перепутал. Это было вчера? Нет, это было позавчера, двадцать первого, после часа ночи. Вышел посмотреть что там было, где людей убили. «КАМАЗы» стояли возле американского посольства. На них еще сидели ребята, бывшие десантники. Я залез на КАМАЗ, спросил: вчера, когда тут убивали, говорят, ребята были крутые, работали по команде «козлы». Они гордо сказали: это мы! И в этот момент пошли в обратную сторону, и они дернулись: «люди, не уходите, что вы нас одних оставляете?» Даже 21-го днем напряжение еще не убавлялось. <...>

Е.Г. В начале первого ночи (я могу ошибаться) началась стрельба на «Баррикадной», сказали: бронетранспортеры преодолели первую баррикаду... Этот момент был самый напряженный, пожалуй, из всего, для тех, кто был в центре. У них ощущение в данный момент, что до сих пор все было ерунда, а теперь оно началось. Первая информация: два полка Витебской дивизии движутся по Минскому шоссе. Подходит подполковник, радиоперехват: идет Витебская дивизия КГБ... Ведутся переговоры... время «Ч». Время «Ч» — непонятно что, но все предполагают, что это — время штурма.

В это же время информация: до бригады танков продвигается по Ленинскому проспекту. Говорить или не говорить людям? Лучше не говорить, зачем

же сеять панику. Лучше сказать, будьте внимательны. И ждите указаний...

В.Я.: — «В случае приближения военной техники расступайтесь... будьте внимательны, на таких-то направлениях особенно».

Е.Г.: — Надо срочно возводить баррикады на Кутузовском проспекте. Пусть туда троллейбусы и поджечь. Нужно выиграть двадцать — тридцать минут — до рассвета. На свету все это делать будет труднее. При необходимости — поджечь что на мосту.

В.Я.: — На мосту — уже плохо.

Е.Г.: — Давайте позвоним Крючкову! Разговор идет на фоне шуток и прибауток. У депутатов уже такое нервическое настроение, конечно. (*Смеется сам.*) Вот ведь — переворот! Звонят ему, говорят: идет твоя техника, потише, что ли, нельзя, по-другому что ли, шоссе пустить! (*Смеется залиvisto.*) Там армада идет, а они по телефону переговариваются! (*Хочет.*) Звонит Крючкову. Дозванивается! ВЧ была выключена, а вертушка работала. Звонит: так, мол, и так, по нашим абсолютно точным сведениям два полка Витебской дивизии КГБ движутся по направлению к Белому Дому по Минскому шоссе. Что делать? Прикажите... Он кладет трубку... что сказал..? Передушат.

Е.Г.: — Через двадцать минут, в три сорок, когда решили, что людям ничего особенно говорить не надо, поступает информация что идет бригада по Ленинскому. Обзвон частей; такое ощущение, что армия вышла, сейчас придут четыре полка КГБ, которые собираются серьезно нами заняться. Давайте позвоним еще раз! Звонят. Нет, телефон молчит.

В.Я.: — Поразительно. Поразительно! Он идет тебя убивать, но с ним еще можно пока поговорить...

Е.Г.: — Да, да, да, он тебе будет что-то рассказывать... Ну, все ждут четырех часов. Информации нет. Потом становится ясно, что войска остановились. С начала пятого серьезное напряжение начинает потихонечку спадать. Ощущение, что если они не решились ничего сделать ночью, то днем не станут. На самом деле, рационального в этом нет ничего, но очень хочется в это верить.

Сейчас, при свете, очень хочется думать. В десять утра открывается сессия и здесь они всех возьмут. Но с другой стороны... с депутатами вроде не будут. Главное, продержаться до света, а потом до начала сессии.

Пять часов... Уже начало светать... транспорт начинает работать, люди поедут на работу... зачем же сейчас! В этот момент начинается обсуждаться вопрос: мы живы. Самое главное — эта ночь, до сессии.

Возникает вопрос: у нас сессия; а что мы будем делать на этой сессии? Ну, видимо, надо одобрить все указы Ельцина, естественно, а во-вторых, призвать всех к всеобщей забастовке. Непонятно, согласится ли с этим сессия, очень уж непопулярная мера. Во-вторых, вообще как-то непонятно все с этой всеобщей забастовкой, как же ее интерпретировать? Там пропущено ключевое слово — ПОЛИТИЧЕСКАЯ забастовка. Надо что-то продумать. Договариваемся, что дадим свои предложения и что делать, если они будут еще дальше держаться. Все свободны, все могут два-три часа поспать до сессии. Это уже шесть утра.

Спускаюсь вниз, там ребята у сквера Павлика Морозова меня ждут. Они всю ночь там стояли на траверзе Павлика Морозова. На меня набрасывается народ. Что там в Белом Доме?

В это время после утреннего совещания Ельцин обратился с официальными письмами к командирам соединений, расположенных вблизи Москвы — к каждому конкретно, по имени-отчеству, с просьбой встать на сторону закона и выразить свое отношение к происходящему. И отправил через российский КГБ.

В.Я.: — А был разве такой российский КГБ?

Е.Г.: — Практически нет, но, с другой стороны, может, что-то реально существовало. По ощущению, которое складывается к утру по крайней мере несколько соединений явно выразят свою лояльность российскому правительству. И у них надежда, что уже к завтрашнему дню они смогут поставить сюда, к Белому Дому, уже не народ, а какую-нибудь там бригаду. А народ уже можно не использовать. Ощущение, что к ночи они смогут заменить народ на армию. <...>Рассказываю своим, а теперь, говорю, надо идти работать, думать, как бить в самые болезненные места. Договариваемся встретиться в два часа и провести совещание, как будем устраивать экономический саботаж; и иду спать. В пол-одиннадцатого, звонит мой знакомый Сережа К-в и говорит, что по абсолютно точным данным на 11 часов назначен штурм Белого Дома. Я твердо решаю, что Сережа хочет отметить в лояльности к новым властям, что штурм Белого

Дома в 11 часов, не будет и я имею право поспать еще два часа. (*Хочочет.*)

• • •

Е.Г.: — Ну, сейчас опасно делать голословные обвинения, потому что могут начаться политические и уголовные последствия, поэтому я предпочел бы все проверить...

В.Я.: — В толпе прошел слух, что Язов подал в отставку...

Е.Г.: — Слух этот был воспринят в качестве достоверного в штабе. Штаб исходил из этого. Язов заявил, что он болен.

В.Я.: — И это было воспринято в качестве положительного фактора?

Е.Г.: — Да, положительного.

В.Я.: — А <...>мне казалось, что в этот момент неопределенности, когда непонятно, на ком лежит вся ответственность, может произойти самое страшное. Он уже не отвечает, а отвечает неизвестно кто: Варенников или не Варенников... Мне казалось это предвестием резни по-французски сигналом беспредела. И у тебя было такое чувство? Таня и Катя согласны со мной.

Е.Г.: — Ну, я рассказываю, как это воспринималось в штабе. Как позитивный момент. Очень хотелось позитивных моментов! Все время звонят люди и задают один вопрос, только один: сколько у вас войск? А они должны сказать, что у них сбежал генерал Лебедь и войск никаких нету...

В.Я.: — Это скучно говорить... Представляешь, если я бы этого лейтенанта уговорил, лейтенант бы вошел в историю! (В самый первый день, 19-го, я уговаривал танкистов возле здания ТАСС пойти со мной к Белому Дому; они колебались, но я был никто и мне не поверили; а потом меня чуть не убили какие-то люди в штатском, затолкав в подворотню, но я стал орать, и танкисты меня отбили, но со мной не пошли.)

Е.Г.: — На всю жизнь, как Гагарин, дальше можно было бы ничего не делать!.. Важно что: хунта шла от поражения к поражению. Десять бэтэров, неважно, какие они там были, — это было поражение хунты. Болезнь Павлова—поражение хунты. Болезнь Язова — поражение хунты, кто бы там ни пришел на его место. Это признание их слабости и трусости...

В.Я.: — Какие там еще слухи ходили?..

Е.Г.: — Что они назначили исполнять обязанности какого-то Моисеева. Назначение Моисеева было воспринято позитивно, почему-то все знали, что Варенников отдавал непосредственно приказы войскам, а Моисеев вроде сам ни в чем не замазан, и теперь ему начинать замазываться... У него есть свобода маневра, ему не обязательно проливать сразу много крови... Были слухи, что Крючков ушел в отставку, но мы знали, что это не так, и даже с ним общались. Павлов никого не интересовал по большому счету, ... хотя, видимо, он понял, что дело гиблое.

В.Я.: — Он ведь даже не пошел на пресс-конференцию.

Е.Г.: — Крючков, Язов и Павлов не пошли... Говорили, что он запил горькую, что он с вечера понедельника ушел в запой и вышел только когда у него начался гипертонический криз...

• • •

Е.Г.: — Накануне штурма возвращается Бурбулис от Ельцина; идет в сопровождении пары своих телохранителей, мы с ним здороваемся. Он говорит: «Мы так давно хотели с вами повидаться, хорошо, что вы выбрали время!..»

• • •

Е.Г.: — Я продолжаю мемуары... Где-то в начале первого штурм все-таки начался, бронетранспортеры преодолели первые баррикады на Краснопресненской.

В.Я.: — Это так сообщают.

Е.Г.: — Ну да, так в кабинете Бурбулиса докладывают. Люди подбираются... Большая часть людей в кабинете толпится без толку, как и я. Люди, которым нечего делать, Шахрай, все эти депутаты, министры республиканские, без дела — а что делать-то? Информация не поступает...

Такое ощущение, что штурм начался, что будет как все, как в Чили... Потом какая-то пауза. Что-то не пошло, не пошло, не пошло. Указание выключить свет.

Поступает информация от Кобеца: где-то скопились люди в одинаковой одежде и одинаковыми сумками, будто бы будут прорубать взрывом окно... Всем указание — отступить на пятьдесят метров... Приказ Руцкого — стрелять по всякому, кто приблизит-

ся. Начальник КГБ посылает своих смотреть, что там. Они бегают по этажам, но ничего не видно. Срочное указание — всем войти в кабинеты, прошла информация, что десять неизвестных попали в здание.

В.Я.: — Психоз был тот еще!

Е.Г.: — Все время какие-то слухи. Нервно. Через минуту выясняется: ложная тревога, просто десятерых омоновцев приняли за чужих. Подлинная информация шла от CNN. В приемной Силаева стоит телевизор, идет CNN, они все показывают, как и что происходит. Поразительно! Как они работали? После этого я снимаю шляпу!.. Просто класс! Была информация, что у американского посольства один то ли ранен, то ли убит. Около двух звонков, что сейчас подъедет Шеварднадзе, просит его принять. Подъезжает Шеварднадзе, я вхожу, он сидит там, усталый, старый человек... посидел несколько минут.

В.Я.: — Тоже поступок — приехать в это время туда. Я от него не ожидал такого поступка человеческого. <...>

В.Я.: — А есть ощущение — что это уже гражданская война, или еще все свои ребята?

Е.Г.: — Там другое; создается ощущение, что это гражданская война, но все они перезваниваются для истории. Главная мысль — чтобы потом этот бы не сказал: я не знал, я был не в курсе...

В.Я.: — А разговоры записывались?

Е.Г.: — На самом деле, конечно, ничего не записывалось. Но все равно... Людей-то много. Разговоры идут для истории. Прокуроры — вот военные не пускают... В тот момент, когда прокуратура, споры, ощущение какого-то покоя... что, может, они не поедут всех убивать. Приходит информация: Свердловск весь бастует. Вечером еще не бастовал, а ночью уже бастует, положение напряженное. Толпы на улицах, там Макашов, войска куда-то входят... Макашов бузит. Газ встал. Производство встало. После того как стало известно про убитых в Москве, пошли какие-то разговоры о снайперах на крышах, но все-таки напряжение начинает чуть-чуть спадать.

Т.Я.: — Витя, ты позвонил в три и сказал, что вроде все спокойно.

Е.Г.: — В это время какая-то дура подходит по реке. Выясняется, что это речники, народ ликует. Три баржи с оборудованием для пожаротушения выстраиваются, перегораживают Москву-реку. Потом приходит информация, что толпа пытается забросать

бронетранспортеры. Посылают депутатов с ОМОНОм. Вначале четвертого ощущение, что штурм не будет.

В.Я.: — У меня в это время тоже было ощущение, что всё, проехали.

Е.Г.: — Сейчас, секундочку, я подхожу... Информацию, что самолеты летают, никто всерьез не воспринимает... Переговариваются с военными. Обзванивают. «Я звоню вам, чтобы передать личную просьбу Бориса Николаевича. Не ввязывайтесь в эту авантюру. Да, да-да, вы говорили... но сейчас нам нужны более четкие и определенные обязательства...». По тону разговора я понимаю, что там пытаются не пролететь... Они ничего такого делать не торопятся...

В три часа проходит информация, что армейские войска выводятся из города, а вводятся войска КГБ. В 3.20 кто-то говорит, что звонили специалисты-психологи, и просили предупредить, что с четырех до пяти самое опасное время, у всех глаза слипаются...

<...>

В.Я.: — Я считаю, что никакой атаки, как таковой не было. Я думаю, что имело место передвижение войск по Садовому кольцу, вполне разумное. Почему бы им не передвигаться по Садовому кольцу, обозначая свое присутствие. Их задерживали-то где? Если бы их задержали на повороте на Калининский проспект с Садового кольца, или на Калининском, на Кутузовском, но трагические эксцессы произошли на выезде из тоннеля уже за Кутузовским — может, они хотели развернуться, выезжая из тоннеля, но зачем было заезжать туда, в ловушку? На выезде были баррикады... Факт состоит в том, что все происходило на Садовом кольце. Никаких других случаев соприкосновения я не знаю.

Е.Г.: — А на Баррикадной?

В.Я.: — Я ничего об этом не слышал. Более того, я там сам много ходил вокруг Баррикадной, я не видел там никаких следов столкновений и не слышал, что какие-то баррикады штурмовали. Может, что и было, но я об этом не знаю. Я видел свою роль не как защитника, я не был никаким защитником и не претендую на это, но я считал, что журналист тоже должен там находиться в этой ситуации и по возможности больше видеть. Интересно, конечно про людей порассуждать... Ну, в начале ночи, в полдвенадцатого, я был в это время на мосту. <...>Тут слух: где-то по Кутузовскому идут танки. Меня удивило предложение этого человека с мегафоном: «пусть женщины

пройдут за баррикады навстречу танкам и встретят танки». И человек сорок женщин — молоденьких, всяких, попёрлись через эти баррикады. Я запомнил одну молодую девчонку, которая смеясь сказала: «женщины — на баррикады!» И пошла на баррикады. Меня прошибли слезы, но не от восторга, а от ужаса! Эйфории у меня лично не было никакой, никаких высоких эмоций. Я представил себе, что может быть, всех перемесят! Все зависело от тех, кто в сидел в БТРе, там ведь есть люди, даже Руцкой говорил про подразделение «Альфа» у которых не существует моральных проблем.

<...>

В.Я.: — Было две Москвы. И вторая Москва была несоизмеримо больше, той, что стояла у Белого Дома. Эта была маленькая Москва, университетский кампус...

Е.Г.: — Всего было, я думаю, тысяч сто человек за три дня. Будем относить к нашим и тех, кто днем приходил. Могли ведь атаковать и днем... Какие-то люди просто не догадались, что надо идти.

Таня: — Даже вчера было две Москвы! Когда вышли сотни тысяч... это был потрясающий день, когда мы прошли до площади Дзержинского. Ты не был там вчера?

Е.Г.: — Я подумал, что это будет излишеством. Наверное, я был неправ.

В.Я.: — Вчера был необыкновенный день! Мы с Таней с 9 утра до 6-ти вечера. Пир победителей. Шествие — это уже толпа необозримая, которая шла с Калининского. Одни люди свергают памятник Феликсу, а другие спиной к ним, продают колготки... а если отойти два квартала, там уже вообще обычная жизнь.

<...>

В.Я.: — У меня и в первый, и во второй день было странное ощущение: люди голыми руками что-то таскают. И думаешь: а что, в Москве нет тысяч «КРАЗзов», асфальтоукладчиков, катков, снегоборщников? Что, разве нельзя их по одному приказу поставить поперек дороги? Ни одной нормальной баррикады не было! Где бетонные плиты, краны, погрузчики, которые могут построить серьезную баррикаду?

Е.Г.:Г — Где этот Мосгорисполком? Да, где все они были? Говорят, Москва была наша. Да в чем это выражалось-то? Просим Моссовет: ожидаем штурма, выделите нам тяжелые грузовики! Нет. Ничего.

<...>

Е.Г.: — Маша разбудила меня диким криком. Я думал, что это всерьез, если они будут разумны и эффективны, это на пять-семь лет. Всерьез эмбарго практически неизбежно. В этом году со жратвой будет очень плохо. Перспектив, в общем-то, никаких. Долгосрочная стагнация жизненного уровня, постепенное нарастание Ощущение собственного бес-силія. Всеобщее общественное раздражение на все, что происходит. Это не может быть на десятилетия. Реакция Запада... изоляция.

В.Я.: — Нет, я все-таки не могу понять их, рационализировать их не могу. Предположить, что они просто идиоты?

Е.Г.: — Почему? Смотря в чем. Я, пожалуй, не могу рационализировать предельную неэффективность их действий. Во всем же остальном... Я прекрасно рисую тебе и себе картину сознания людей, которые все это делают. Это скучно... Долгосрочно все проблемы остаются: проблема продовольственная; урожай хреновый, практически никто ничего не сдал; заставить сейчас сдать что бы то ни было, — невозможно. Как будет складываться ситуация со снабжением городов на этом фоне — ума не приложу. Сделать здесь что бы то ни было — очень сложно.

В.Я.: — Ну, видимо, хунта имела в виду что-то вроде прототрядов.

Е.Г.: — Нет, просто отнять.

В.Я.: — Прости, что я тебя перебил. единственная рационализация их действий, что они очень боялись зимы. Голода. Они хотели под чрезвычайное положение мобилизовать народ на уборку, что ли?

Е.Г.: — Нет, ну какая уборка! Под это можно было забрать зерно у хозяйств, это да, каким-то образом решало проблему; но я честно говоря думаю, когда они все это затевали, последнее о чем они думали — это ее проблемы. Но сейчас ситуация сложная, потому что новой власти сейчас забрать хлеб у хозяйств очень трудно; они пришли...

В.Я. На другой тональности.

Е.Г.: — Да-да... Сложно. Как вот сейчас... когда, кстати, можно получить продовольственную помощь. Легче всего в мире получить техническую и продовольственную помощь. ЕС не знает, что им делать с мясом... Короче, под это дело мы сейчас какую-то помощь получим... Сбрасывать поголовье все равно придется круто; на корма у нас не хватит зерна...

В.Я.: — Но как сбрасывать? У нас нет таких мощностей переработки, хранения...

Е.Г.: — Что не пропадет, съедим. Мы не прокорим столько скота. Это реальность. В конце концов, хрен с ним. С этим скотом мы ничего хорошего не сла-дим, никуда не придем. Это тупиковый путь, он никуда не ведет. Потребление мяса в нынешних объемах все равно экономике не по силам. Ну, надо посмотреть в лицо реальности. Мы избежим угроза голода...

В.Я.: — Голода в физиологическом смысле?

Е.Г.: — В физиологическом смысле этого слова. По существу, остаются все технологические пробле-мы: проблемы крутого падения производства нефти, финансовой задолженности, импорта, резко упавше-го, проблемы, связанные с легкой промышленностью, с химией и нефтехимией из-за недостатка валюты недостатка полуфабрикатов, недостатка добавок хи-мических. Много валюты сейчас не будет; необходи-мо добиться, чтобы появилась возможность маневра, и было бы глупо пытаться маневрировать, использо-вать валюту таким образом на редкость глупо. По-этому ближайшая перспектива трех-четырёх месяцев в экономике не обнадеживает.

<...> В два часа я приезжаю на работу, собираю ребят и постепенно понимаю, что, скорее всего, нам не придется решать сложную жизненную задачу по организацию саботажа: что хунта исчезла...

Вот что я могу рассказать в качестве мемуаров.

<Дальше запись обрывается>

22 августа 1991 г.

Комментарий:

Егор тогда уехал от меня ранним утром, когда рассвело, поймав поливальную машину... Я нашел эту запись уже много позже, когда Егора давно уже не было в живых. И даже сейчас, готовя расшифровку записи к печати, я не уверен, что поставлю ее в но-мер. Текст какой-то слишком, что ли, приватный, он много значит лично для меня. Нужно ли его об-народовать теперь?.. Я не уверен. Если вы читаете этот текст, значит, я решил его поставить.

Как говорит здесь Гайдар «Я рассказываю, как это виделось из штаба обороны Белого Дома по си-туации на 11 часов вечера 20-го числа. Я не знаю, как на самом деле...»

Но, с другой стороны, я подумал, что подобные записи обладают ценностью непосредственного сви-

Е. Гайдар и В. Ярошенко. Круглый стол по энергетике. Январь 1992 г.

детельства — не исторического, не фактологического (факты не подтверждены, информация основана на слухах и субъективных оценках). Тогда что же в ней такого, чтобы опубликовать ее через четверть века?

Шум времени. Не больше и не меньше. Времени, которое неостановимо и не структурировано на важное и неважное. Мы не знали (во всяком случае, я точно не знал), что через пару недель Гайдар со своей командой засядет на 15-й даче в Архангельском за составление планов комплексных радикальных реформ, а через два месяца возглавит их реализацию.

Однажды, когда Гайдар, писал книгу «Гибель империи», он вспомнил об этой записи, но тогда я не нашел этих кассет. Плохо искал: кассеты оказались в коробочках с совсем другими названиями. Недавно они вдруг нашлись сами собою!

Виктор Ярошенко

15 ноября 2016 года в день 25-летия правительства реформ.

Публикуется впервые

Примечания

¹ Станислав Сергеевич Шаталин (1934–1997), советский и российский учёный-экономист и общественный деятель. Доктор экономических наук. Академик АН СССР (23.12.1987), был академиком-секретарем отделения экономики РАН (1990).

² Николай Яковлевич Петраков (1937–2014), советский и российский экономист политолог, доктор экономических наук (1972), профессор (1972), академик АН СССР (1990), академик РАН, директор Института проблем рынка РАН (с 1990), руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН.

³ Геннадий Эдуардович Бурбулис, советский, российский государственный деятель, в 1990–1992 годах ближайший соратник Б.Н. Ельцина. Первый и единственный Государственный секретарь РСФСР.

⁴ Алексей Леонардович Головков (1956–2009). Активнейший деятель демократического движения начала 90-х годов. Ближайший сотрудник Госсекретаря Г.Э. Бурбулиса. Был инициатором создания правительства Е. Гайдара, руководителем аппарата «правительства реформ. Одногодки с Егором Гайдаром. Алексей Головков скоропостижно умер 7 января 2009 года; Егор Гайдар — 16 декабря.

⁵ Константин Иванович Кобец (1939–2012). В 1990 г. избран народным депутатом РСФСР. Министр обороны РСФСР в дни августовского путча. 24 августа 1991 г. ему присвоено воинское звание «генерал армии». С сентября 1992 г. — Главный военный инспектор Вооружённых Сил РФ; одновременно с июня 1993 г. — заместитель, а с января 1995 г. — статс-секретарь, заместитель министра обороны Российской Федерации. 18 мая 1997 г. генерал армии Кобец был снят с должности, уволен из Вооружённых Сил и арестован по обвинению в получении взятки и незаконном хранении оружия. Перед арестом генерала часто называли одним из наиболее вероятных кандидатов на должность министра обороны РФ. В 1998 г. Кобец признал свою вину и был освобождён из-под стражи под подписку о невыезде. В 2000 г. его дело было прекращено по амнистии, после чего Кобец заявил о том, что сделанное им ранее признание своей вины сфальсифицировано. Умер на 74-м году жизни 30 декабря 2012 г. в Москве https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D1%86_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BD_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-cite_note-news.mail.ru-1. Похоронен 2 января 2013 года в Москве на Троекуровском кладбище.

⁶ Виктор Валентинович Иваненко — с мая 1991 г. — и.о. председателя, а с 5 августа по 26 ноября 1991 г. — председатель КГБ РСФСР.

⁷ События на площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 года, также известные как «события 4 июня» в Китае и «бойня на площади Тяньаньмэнь» (англ. *Tiananmen Massacre*) на Западе, — серия акций протеста, продолжавшихся с 15 апреля по 4 июня 1989, главными участниками которых были студенты. 4-го июня протестующие были разогнаны с применением танков, в результате чего погибли сотни людей.

© Текст подготовил к печати В. Ярошенко

Как случился распад Советского Союза. О России и Украине

Беседа
с Галиной Старовойтовой

Галина Васильевна Старовойтова, депутат Верховных советов СССР и РСФСР, выдающийся общественный деятель-демократ, ученый-этнограф, помощник президента России Б.Н. Ельцина по межнациональным отношениям, была злодейски убита наемными киллерами 20 ноября 1998 г. в Санкт-Петербурге. 17 мая 2016 г. друзья и соратники отметили семидесятилетие Г. Старовойтовой конференцией в ВШЭ, посвященной ее памяти. Сын Галины Васильевны — Платон Михайлович Борщевский, редактор дружественного «Вестнику Европы» лондонского журнала «Herald of Europe» прислал нам выловленную в интернете малоизвестную (во всяком случае, людям близкого круга Г.В.) видеозапись (и ее расшифровку) беседы Г.В. Старовойтовой с украинскими тележурналистами в 1997 г. Мы публикуем текст этого важного исторического документа в сокращении, обозначенными <...>.

Корреспондент: <...>Как Вы считаете, российская демократическая интеллигенция осознавала возможность именно такого развития событий, которые привели к провозглашению независимости Украины, других государств, в 1991-м году? Или у российской демократической интеллигенции, у тех, кто объединялся вокруг Межрегиональной депутатской группы, вокруг «Демократической России», были другие представления о том, что будет происходить?

Галина Старовойтова: У большинства, безусловно, были другие ожидания. Большинство либералов и реформаторов, безусловно, не ожидали и не поддерживали распада Советского Союза. Я помню, как на первом съезде Межрегиональной депутатской группы в конце июля 89-го года — то есть, вскоре после Первого съезда народных депутатов (в июле мы собрались здесь, неподалеку, в Киноцентре на улице Брестской) — я выступала как раз по национальному вопросу, с нашей национальной программой. Там были: Сахаров, Ельцин, Афанасьев, Попов, Бурбулис — в общем, все лидеры, 390 человек. Шушкевич, между прочим, был членом Межрегиональной группы.

И я сказала, что, может быть, нам в будущем не понадобится единая Конституция. Мы говорили, я и Сахаров, о принципах новой Конституции, которую МДГ должна была разработать. Я сказала: “Возможно, нам не понадобится единая Конституция, <...> единое законодательное поле, единое конституционное пространство. Возможно, каждая республика будет жить по своей конституции — и тем не менее они будут состоять в некоторой форме федерации, или конфедерации, или в какой-то форме союза между собой”.

Это встретило негативную реакцию, непонимание. Пожалуй, только Сахаров отнесся к этому со вниманием и, может быть, Афанасьев задумался. Больше никто этого не поддержал. А ведь это были самые либеральные политики<...>

Конечно, идею независимости всех республик, в том числе Украины, включал в свою программу Демократический союз Валерии Новодворской. Они об этом говорили начиная с 88-го года. Они были в тесном контакте с украинскими диссидентами — так называемыми “украинскими националистами”. <...> Но тем не менее Украина была для нас, конечно, большим знаком вопроса, если говорить специфически об Украине. Пожалуй, только партия Демсоюз, которую все рассматривали

как экстремистов и радикалов (в какой-то мере и я считала так, и Сахаров, потому что они допускали насильственные методы, революционные методы борьбы, в отличие от нас), только эта партия последовательно выступала за распад Советского Союза. Сегодня Валерия Ильинична даже с обидой говорит: “Почему это вас все, Галина Васильевна, ругают за распад Советского Союза и говорят, что вы развалили? Это мы развалили, это было в нашей программе, а не в вашей! И это выполнено”. И она права.

Корреспондент: Если говорить отдельно о позиции академика Сахарова в то время, можно говорить о том, что он тоже хотел бы сохранения какого-то государственного единства? По крайней мере, российского и украинского?

Г.С.: Да. Думаю, что да. На условиях, если можно было бы построить демократическое и правовое государство в этом многонациональном поле, в этой многонациональной общности, он допускал — и даже, наверное, желал сохранения Советского Союза. Мы не раз обсуждали с ним эту тему. Просто потому, что он был не сторонник революционных изменений, а хотел последовательной и мирной революции. И понимал также, что Запад может очень плохо к этому отнестись, и что неизвестно, прогнозируемо ли было поведение НАТО и наших силовых структур в этом случае. Теоретически ведь... давайте вообразим, забегая вперед.<...>

В декабре 91-го года, если бы не августовский путч и полное бессилие на тот момент силовых структур в Москве: междувластие, междущарствие, отсутствие единого центра власти между Ельциным и Горбачевым, мечутся силовики — если бы не это, то вполне реально было бы просто послать танки в Киев. Либо мобилизовать имеющиеся там достаточно мощные силовые структуры и силой приостановить сецессию Украины, тем более что она не предусмотрена нормами международного права. Я думаю, что даже самые радикальные украинские сепаратисты в начале своей деятельности не надеялись при своей жизни увидеть Украину независимым государством.<...>

Корреспондент: Лето 90-го года — это уже время, когда формируется окружение будущего Президента Ельцина<...> Вы были уже близки тогда к этому окружению Ельцина. Какие, по Вашему мнению, там были взгляды, на происходящее?

Г.С.: В окружение, близкое Ельцину, я входила с июля 89-го года по лето 92-го года, занимая разные должности, но иногда и не занимая никаких. Между прочим, наше сближение произошло на почве подготовки Пленума ЦК КПСС по национальному вопросу. Этот пленум много раз переносился. Основным институтом в рамках Академии наук, готовившим этот пленум и документы к нему в позиции принципиальной, был Институт этнографии Академии наук СССР, в котором я работала тогда. Директором был академик Юлиан Владимирович Бромлей. Он даже перевел меня работать в Москву, чтобы я помогала ему готовить материалы для этого пленума; таким образом, по долгу службы, я случайно была знакома с этими материалами задолго до других участников пленума. <...>И я принесла эти материалы Ельцину. Он, единственный среди нас, был членом ЦК и мог выступить со своих позиций. Я предложила ему эксклюзивные материалы о вмешательстве силовиков и КГБ, в частности, в «Закавказский узел» — та тема, с которой я ближе была знакома, — и спросила, готов ли он будет озвучить это. Сначала я согласовала свой поход к Ельцину с Сахаровым. Ельцин сказал: «Да. Давайте эти материалы. Я буду очень рад». И вот с тех пор... Мы говорили с ним шепотом в его кабинете на Арбате, он был тогда председателем Комитета по строительству в Верховном Совете СССР.

<...>Хотя я написала существенную, самую радикальную часть его доклада, он был готов озвучить ее, но ему на пленуме так и не дали слова. Ну, а затем между нами возникло доверие и сотрудничество, и постепенно я стала его официальным советником по вопросам межнациональных отношений. Сюда приехал Сахаров, и Ельцин, кстати, поинтересовался: «А ваш шеф Андрей Сахаров, знает о сегодняшнем Вашем визите? Он одобряет это?» Я сказала: «Да». И так они через меня общались. Прямых контактов у них было очень мало. Сахаров не доверял Ельцину.<...>

Когда 12 июня 90-го года Россия объявила Декларацию о суверенитете, за этой идеей и за этим документом еще совсем не стояло никакой идеологии взаимоотношений с новыми независимыми государствами, в частности, с Украиной. За этим стояло только стремление самой России освободиться от колониальной зависимости, от имперского центра, которым был Советский Союз. Потому что и до сих пор, я думаю, элиты республик, новых независимых государств, не осознают, что и Российская Федерация тоже была колонией

этого режима, эксплуатировалась не менее жестко, а местами, может быть, и более жестко, как республика-донор, ее сырьевые ресурсы.<...>

И смысл Декларации о суверенитете был в том, чтобы хотя бы выровнять свои права по отношению к другим республикам, вроде Грузии или Латвии, не говоря уж об Украине, большом европейском государстве. Это была скорее реакция даже некоторой обиды или, может быть, комплекса какого-то, который уже возникал — комплекса неполноценности России в ряду других республик. Потому что все они бросали упрек России как метрополии, вроде как колониальной империи, а метрополия жила гораздо беднее своих колоний. И метрополия решила заявить: «Мы тоже колония, того же режима, но и мы — демократическая часть общности, жителей России — тоже хотели бы свергнуть этот режим». Вот в чем был смысл Декларации о суверенитете.

Корреспондент: После российской Декларации о суверенитете были приняты Декларации о суверенитете многими другими парламентами союзных республик. Можно ли сказать, что после этого началось какое-то межреспубликанское общение?

Г.С.: По-моему, нет. По-моему, каждый стал строить какую-то внутреннюю государственность, и у каждого возникли проблемы со своими территориями, регионами, национальными меньшинствами. В частности, вскоре после этого стали провозглашать свои собственные суверенитеты и автономные республики внутри самой Российской Федерации, потому что она была федерация внутри союзной федерации. У нее был особый... особое такое устройство, ненормально усложненное. Было четыре уровня соподчиненности и четыре уровня прав, в зависимости от названия республики: союзная, автономная, или автономная область, национальный округ. Я не заметила, пожалуй, такого движения. Может быть, оно ускользнуло от моего внимания, но я не помню.

Корреспондент: Во всяком случае, следствием таких вот проблем союзных республик с их территориями стал, по сути, Новоогаревский процесс, так тоже можно было сказать <...>

Г.С.: Нет, Новоогаревский процесс все-таки начался позже. Тогда, безусловно, республики стали договариваться между собой. Главным врагом лидеров

этих республик был союзный Центр во главе с Горбачевым. Я знаю, что тогда Шушкевич, Назарбаев, Кравчук, Ельцин хорошо понимали друг друга. Они хорошо понимали, за что борются, у них были общие интересы. И Россия была в этом ряду равной среди равных. Те же проблемы были, еще более сложные в силу ущербности российской государственности, в силу того, что у нее не было этих фундаментальных структур: ни силовых, ни своих вооруженных сил, ни КГБ, ни разведки, ни даже компартии — всего того, что и составляло суть советской государственности других республик. Шушкевич мне не так давно говорил (мы с ним еще раз виделись в Америке на днях), что Назарбаеву уже надоело слушать монологи Горбачева и он вполне готов пойти с нами гораздо дальше в деле суверенитета. Но все это началось несколько позже. <...>

Кстати, я забыла упомянуть, что Сахаров (я была его соавтором в этой работе) подготовил проект нового Союзного договора — канву, основную идеологию Союзного договора — в июне-июле 89-го года. Мы дали этот текст Горбачеву, но наши предложения были гневно отвергнуты.

<...>Мы предлагали создать 53 равных субъекта федерации, независимо от численности населения. Выровнять тем самым народы и подписать между ними новый договор с возможностью делегирования разного объема полномочий федеральному Центру. Повторяю, Горбачев гневно отверг эту инициативу. Сказал, что «хорош договор 22-го года, и нечего мутить воду и вообще провоцировать события, которые не намечаются».

Мы знали, что эти события на самом деле давно назрели. После событий — в сущности, после переворота в Вильнюсе 13-го января — Горбачев понял. До этого были консультации, весьма вялые, неопределенные, а тут он понял, что действительно не обойтись без нового Союзного договора. Сахарова, однако, уже два года не было в живых. Горбачев взял сахаровскую идею на вооружение и пошел на Новоогаревский процесс, на котором в самом деле был подготовлен хороший проект нового Союзного договора, но было уже слишком поздно. Силовые структуры отвергли его, не подписали и организовали августовский путч, чтобы предотвратить принятие этого договора. Если бы Горбачев сделал это на год раньше, историческое развитие Советского Союза могло бы пойти по совершенно другому пути.<...>

Достаточно сказать, что в союзной Конституции существовала статья 72-я, которая была уникальной в мировой практике и допускала право самоопределения, вплоть до отделения республик, — сецессию. Нигде в мире больше такая статья не прописана. Вообще принцип самоопределения был выдвинут в начале XX века такими разными политиками, как Ульянов-Ленин, который таким образом хотел купить национальные меньшинства, с тем чтобы привлечь их на сторону большевиков, и Вудро Вильсон, Президент США тоже сформулировал этот принцип, исходя из своих политических целей в ходе Первой мировой войны. <...>

В легитимных, легальных документах, конституционных документах нигде в мире, пожалуй, этот принцип больше не нашел отражения. Ни в документах Лиги Наций, ни впоследствии ООН, это было в советской Конституции. И вот именно в тот период, в 90-м или в 91-м годах (можно уточнить дату),<...> Рафик Нишанович Нишанов и Верховный Совет приготовили закон, описывающий саму процедуру сецессии. Сделали такой «подконституционный» акт, который описывает, как это все должно будет происходить. И это тоже беспрецедентно в мировой практике. Тем не менее, несмотря на вот эту либерализацию, процесс легитимный и официальный отставал от реальных жизненных процессов. Повторяю, если бы Горбачев начал это делать на год раньше, республики просто бы не успели со своими требованиями, и ход мировой истории мог бы быть другим.<...>

Корреспондент: Август 91-го года...Провозглашается независимость украинская, белорусская, независимость центральноазиатских стран. Госсовет СССР принимает решение о признании независимости стран Балтии 6 сентября 91-го года. Какова реакция Ельцина и его окружения на все происходящее? <...>

Г.С.: Боюсь, что это все появилось с опозданием, несколько позже, потому что в России была специфическая ситуация. В отличие от других республик, уже объявивших о своем суверенитете и замкнувшихся внутри, на своих внутренних интересах, Россия все еще имела двоевластие, у нее все еще был союзный КГБ, а российский КГБ только начали создавать в июле, за месяц до августовского путча, как и Вооруженные Силы. Все еще Горбачев находился в Кремле, а Ельцин — в Белом доме. И судьба российской демократии, российского суверенитета, российских реформ находилась в гораздо более неопределенной ситуации, неопределенном положении, нежели судьба новых независимых госу-

дарств, которые на всех парах сразу понеслись куда-то к реформам (хотя их план тоже был еще не ясен).

А здесь, в России, все было еще очень зыбко, и было не до обсуждения планов сотрудничества. Эти планы впервые всерьез стали обсуждаться лишь в ноябре 91-го года, непосредственно перед референдумом о сецессии. Об окончательной сецессии и независимости Украины.

Корреспондент: То есть Вы хотите сказать, что это референдуму все-таки придавалось довольно большое значение?

Г.С.: Да, безусловно. Всем было ясно, что это будет уже настоящее народное волеизъявление. Правда, Борис Николаевич Ельцин не предвидел, каким будет это волеизъявление, что меня удивило, когда у нас был разговор. Дней за десять до референдума он вызвал меня как своего советника и спросил, каков мой прогноз. Прогноз мой был таков: не менее чем три четверти (т.е. 75 процентов) граждан Украины проголосуют за независимость. Он всплеснул руками, не мог в это поверить. Он просто кричал: «Да как? Не может быть! Да ведь это наша братская славянская республика! Да ведь там столько русского населения — процентов тридцать! Да там ведь еще Крым русский! Да там, на левом берегу Днепра, живет столько русского или ориентированного на Россию русскоязычного населения! Не может быть!» Я же доказывала ему с цифрами в руках, опираясь на результаты опросов, на данные моих коллег-этнографов с Украины, что это будет именно так.

И между прочим, я даже ошиблась: проголосовало почти 90%, а не 75. Правда, за те десять дней, которые прошли между прогнозами и самим голосованием, Горбачев главным образом, а чуть-чуть и Ельцин, с телеэкрана чуть ли не фактически пригрозили украинцам, что этого никто не допустит, что этого не допустит мировое общественное мнение, международные структуры, что Украина сама не выживет и т. д. Горбачев попытался припугнуть украинцев и надавить на них, что, безусловно, возымело обратный эффект и только подняло активность голосующих за сецессию.

Корреспондент: Надо сказать, что цифра 75 процентов была тогда общепринятым прогнозом. Мы все так думали...

Г.С.: Но не президент России.<...>

Корреспондент: Получается, что даже накануне референдума у российского руководства не было четких представлений, как дальше сотрудничать с Киевом?

Г.С.: Нет, но за десять дней, когда я Ельцина в этом убедила и он поверил... У нас был примерно двухчасовой разговор. Он отключил все телефоны и никого не принимал...

Корреспондент: Именно на эту тему?

Г.С.: Да. Специально только на эту тему. Когда я убедила его (на что ушло минут сорок, вероятно), что мой прогноз верен, тогда он сказал: “Ну ладно. Если так, мы признаём. Мы признаём эту новую политическую реальность”. Приблизительно в таких словах он сказал. “Я сделаю тогда вот что: я подожду недельку. Пускай там все поутихнет, успокоится. И созову трех лидеров славянских государств. Созову их не здесь, в Москве — это для них империалистический центр, не в Киеве, где будет энтузиазм в это время и радость по поводу независимости, а в скромной белорусской столице, в Минске”.

Это была идея Ельцина, кто бы ее впоследствии себе ни приписывал. Она была сформулирована приблизительно 21-22 ноября. Я могу потом по своим дневникам уточнить, когда у нас был этот разговор. Думаю, что дней за десять до референдума. Он планировал именно на 8 декабря сразу же. Таким образом, разговор происходил дней за 19-20 до встречи в Беловежской Пуще, которую он сознательно спланировал.

Кстати, я попыталась его сначала спросить, а потом и убедить. Я спросила: “А Назарбаева вы позовете?” Он решительно ответил: “Нет!” Что бы он ни говорил сейчас, он решительно ответил: “Нет!” — как отрубил. Потом, вы помните, были долгие истории о том, что якобы в самолете Назарбаева не работал телефон, не было связи. Они его как бы вызвали, но с опозданием, и встретились с ним потом уже, в Москве. Он четвертым присоединился к этому соглашению о создании СНГ, но был чрезвычайно обижен, да так и остался обиженным.

Таким образом, Казахстан, оттолкнули с самого начала. Я пыталась убедить Ельцина, сказала, что пять с половиной, почти шесть миллионов этнических русских живут в северных областях Казахстана, что это большая проблема, что Казахстан вообще сложная республика. На тот момент там было всего 43-44 процента коренного казахского населения. <...> Титульная на-

ция не составляла большинства. Нужно было работать с Казахстаном особыми методами и подумать о его особом статусе в этом Содружестве.

Может быть, Ельцин в лице Назарбаева чувствовал сильного соперника — более сильного, чем в лице славянских лидеров. В какой-то мере он был под впечатлением статьи Солженицына, опубликованной за несколько месяцев... за год почти до этого, — “Как нам обустроить Россию”, где Солженицын призывал начать строительство нового Союза или новой России с трех славянских республик. И Ельцин, может быть, мечтал увидеть себя воплощением этой идеи Солженицына. Во всяком случае, он решительно отказал Назарбаеву в том, чтобы быть подписантом первого ранга, первопризванным, так сказать, апостолом создания Содружества Независимых Государств.

• • •

Вторая тема, которой я коснулась тогда же, был Крым. Я сказала: “Как вы думаете, на что пойдет Кравчук?” У нас обоих, возможно было обманчивое, ложное впечатление, что Кравчук в тот момент, понимая, что он делает очень серьезный исторический шаг, не предусмотренный нормами международного права (для Кравчука очень важно было согласие России, признание Россией легитимности этого шага), мог пойти на многие уступки за признание со стороны России результатов этого референдума и вытекающих из референдума последствий. Ельцин тогда еще не знал, что ему придется уехать в Пущу. Он думал, что они будут заседать в Минске. Просто там они были окружены окруженными всякими ищейками КГБ, которые подслушивали их, следили за ними. И они были вынуждены удалиться в Вискули, туда, где в лесу было труднее за ними следить. Я спросила: “Что вы думаете, о том, чтобы наложить мораторий на изменения границ сейчас? Временный мораторий, скажем, на 3-5 лет. Мы же знаем, как условны границы между республиками бывшего СССР”.

Тогда я имела в виду непростую ситуацию с Нагорным Карабахом. Ситуацию отложенного статуса, которая уже была известна из мировой практики и которую впоследствии не очень успешно использовал генерал Лебедь, подписывая Хасавюртовские соглашения с Чечней. И, может быть, через три-пять лет дать возможность населению Крыма на референдуме самоопределиваться тоже. Ельцин сказал, что это неплохая мысль, но потом он ее не реализовал. Когда я спраши-

вала у Гайдара, почему так получилось, Гайдар уверял, что Кравчук на это бы не пошел. У других моих собеседников было другое мнение. Они считали, это была ошибка российской делегации: почему они не поставили этот вопрос. Если бы я была в делегации, честно говоря, я бы этот вопрос поставила. Потому что мы сегодня получаем очень много писем и заявлений из Крыма, апелляций. Я была в Крыму пару лет назад, и народ просто подходил ко мне на улице и упрекал нас, российских демократов, за то, что мы не защищаем права русского населения Крыма. Народ задает весьма наивные вопросы. Они говорят: “Почему Ельцин нас не хочет?” Я удивилась: “В каком смысле, “не хочет?”” “Ну, мы же россияне. Мы хотим быть с Россией, мы хотим быть в России!” На улицах Ялты, Севастополя и Симферополя ко мне подходили незнакомые люди; узнавая меня в лицо, они задавали этот вопрос. Я терпеливо объясняла им, что есть международное право, что Украина в нынешних границах признана Организацией Объединенных Наций.

Я всегда умиротворяюще выступала и с экрана телевизора — тому есть масса свидетельств — в первой программе, в программе “Время” с заявлениями типа: “География — это главный итог политической истории. Видимо, такой плохой была наша история, что сегодня мы имеем вот такую географию. Может быть, не очень справедливую географию, но мы должны ее признать ради мира между нашими народами, ради стабильности на постсоветском пространстве” — и так далее. Все это я пыталась объяснить своим собеседникам в Крыму, но без большого успеха. Наконец, когда мне задали этот вопрос, вероятно, в десятый раз, я ответила тоже вопросом: “А почему же вы голосовали за независимость Украины 1 декабря?” На это люди недоуменно разводили руками.

Во-первых, многие все-таки в Крыму на самом деле не голосовали... пришло голосовать чуть более 50 процентов жителей Крыма, как известно, из них — 54% голосовали за независимость. Конечно, от абсолютного количества населения это примерно одна треть. Поэтому многие отвечали мне, что не голосовали за это, и были возмущены, что решение вроде было принято вообще за их спиной. Таково субъективное ощущение этих людей, хотя все было сделано по закону о референдуме. Затем они стали отвечать мне еще и таким образом: “Тогда голосовать за суверенитет — это же было модно. Суверенитет же был очень в моде. Кто

за суверенитет, тот за демократию. А мы разве знали, что это будет означать, что мы уже не будем жить с Россией?” Тоже очень типичный вариант ответа был. Я отвечала: “Вы же должны были подумать”.

“А почему вы, русские демократы из Москвы, не приехали и нам не объяснили, что это значит?” — упрекали меня люди, как упрекают и в России наши национал-патриоты сегодня. Будто это мы не защитили людей, не объяснили им, чем это для них чревато. Я говорила: “Мы не считали возможным для себя — русские демократы — вмешиваться в дела суверенной Украины и влиять на ваше мнение. Мы считали, что вы сами достаточно политически грамотны, чтобы понять, к чему это приведет и как нужно проголосовать”. И тут люди уже накидывались на меня чуть ли не с кулаками и возмущением. Много таких случаев было. Они говорили: “Да что, вы разве не знаете нашего народа? Нам же всё надо было разъяснить, всё разложить по полочкам. Вы виноваты, что мы теперь так живем!” Вот такие рассуждения...

Как впоследствии мне сообщили из разных источников, переговоры лидера тогдашнего Крыма, Николая Николаевича Багрова, коммунистического лидера Крымской области Украины, и господина Кравчука, президента Украины, сводились к следующему: Кравчук просил Багрова обеспечить голосование в Крыму, обеспечить большинство голосов за независимость Украины, в обмен на это обещая вернуть Крыму отобранный у него в послевоенные годы статус автономной республики (после депортации крымских татар Крым был лишен этого статуса).

Корреспондент: Что и было сделано?

Г.С.: Да. Оба выполнили свои обещания. Кроме того, Кравчук говорил Багрову: всем известно, что он коммунист, человек ортодоксальных взглядов, а Ельцин демократ. И если он войдет в состав России со своим Крымом, если им как-то удастся договориться с Ельциным и решить эту проблему, то, безусловно, Ельцин после этого снимет Багрова и заменит каким-нибудь своим демократом, что тоже было очень правдоподобно. А Кравчук обещал сохранить Багрова на его позиции и тоже выполнил это обещание — до следующих выборов, когда Багров естественным путем уже просто проиграл выборы в Крыму. И я полагаю, что имела место недостаточная активность избирателей, недостаточное понимание того, какие последствия ожидают жителей

Крыма. Возможно, что результаты референдума были сфальсифицированы, и об этом мне тоже много говорили крымские жители в 93–94-м годах, когда я там была. Так или иначе, дело было сделано.

• • •

В Беловежской же Пуще меня не было по ряду причин. В частности, потому, что я была единственная женщина-политик в близком окружении Ельцина. Ехала мужская компания. Как известно, в русской политике многие вопросы решаются в бане, с выпивкой, может быть, с употреблением вольных выражений, и тут женщина была бы просто чисто технической помехой. Поэтому меня оставили за кадром, не взяли в Пущу, и я не могла отстаивать ни Назарбаева, ни отложенный статус Крыма, ни другие идеи. В итоге это, может быть, и к лучшему для моей политической судьбы, потому что всех, кто принимал участие в подготовке и подписании Беловежских соглашений, сегодня здесь шельмуют как предателей интересов России, российской безопасности и брошенного на произвол судьбы крымского населения.

Корреспондент: Мы знаем, какие решения были приняты. А какие решения планировались?

Г.С.: Планировалось создать (слово СНГ — Содружество Независимых Государств — тогда еще не было изобретено) какую-то новую форму союзнических отношений независимых славянских государств и, безусловно, увести эти государства из-под власти и влияния прежнего союзного Центра, Горбачева, Советской Армии, советского КГБ, КПСС и так далее.

Корреспондент: То есть Горбачев исключался из этой ситуации абсолютно однозначно?

Г.С.: Да, абсолютно. Безусловно.

Корреспондент: Вы полагаете, что он не знал об этом до самого момента той встречи в Беловежской Пуще?

Г.С.: Возможно, ему стало известно, но было уже поздно... но было уже поздно. Я встречалась с Горбачевым числа 19-го, наверное, декабря того же года, перед алма-атинской — следующей — встречей, где уже среднеазиатские республики подписали документ о создании СНГ. Горбачев сидел в Кремле, абсолютно всеми забытый и покинутый. Это было дней за пять-шесть до того, как он заявил о своей отставке. Тогда

над зданием бывшего Верховного Совета СССР был спущен красный советский флаг, и поднят российский триколор. Телефоны его не звонили. Его секретарь Ревенко сказал, что я могу говорить с ним, “у него есть примерно полчаса”. Но мы говорили три часа, и никто ни разу не прервал нашу беседу. Горбачев пребывал в полном забвении. Он сидел и ждал, позовут его в Алма-Ату или нет. Я уже знала, что его не позовут, но он этого не знал. У него уже была отключена часть правительственной связи — в частности, те кнопки, которые управляли ракетными войсками стратегического назначения. Этого он тоже еще не знал. И многие другие вещи меня поразили. Что как советник Ельцина я была осведомлена больше, чем Горбачев, который наивно сидел и ждал, что его не могут забыть и не могут не пригласить в Алма-Ату. И это был не единственный случай, когда его оставляли в неведении, а он наивно надеялся на что-то.

Корреспондент: В таком случае, это свидетельствует и об отсутствии воли к самостоятельным действиям. Например, он мог сам прилететь в Алма-Ату, вероятно... остановить его тоже никто не мог, как и позвать.

Г.С.: Это вопрос амбиций и самолюбия. Конечно, не могли остановить, хотя кто знает? До ГКЧП Михаил Сергеевич целиком доверял КГБ — прежде всего Крючкову, его бредовым запискам. А потом их посадили в тюрьму, в Лефортово и Горбачев оказался лишен информации, всех своих секретных источников, которым он привык доверять. Поэтому он находился в полной растерянности. Кстати, я думаю, что его политическая судьба могла сложиться совсем иначе, и ход истории мог пойти по другому руслу, если бы, прилетев с Фороса 21-го вечером президент СССР предстал бы перед огромной толпой — примерно 200 тысяч человек находились у Белого дома в это время — и сказал людям простое “спасибо”. «Спасибо, что вы спасли демократию» — так же как это сделали Яковлев и Шеварднадзе. Отнюдь не популярные лидеры, члены Политбюро, но их тогда чуть ли не на руках пронесли студенты, пришедшие, может быть, в первый и последний раз в жизни на такой митинг, чтоб поучаствовать в политике и решить судьбу государства. Студенты тогда были очень активны. Горбачев же, как никогда за всю свою карьеру, в те три дня «форосского заточения» был очень популярен, ему сочувствовал очень. Если

бы он просто сказал это “спасибо”, уверена, что ревущая толпа пронесла бы его на руках — а это так ведь могло быть, и тогда Ельцин не стал бы Горбачеву указывать пальцем на Верховном Совете России 23-го и говорить: “Читайте вот это. Вот как Вас предали Ваши министры”. Тогда это обошло все западные газеты — то, что и как говорил Ельцин. И Горбачева невозможно было бы так легко свергнуть, между прочим. Ельцину пришлось бы с ним сосуществовать, потому что власть Горбачева была бы легитимизирована эмоциональной поддержкой толпы. Но Горбачев толпы боялся. Ему всегда кэгебисты и Раиса Максимовна говорили, что к толпе выходить опасно. Кстати, в ходе того нашего разговора 19 декабря я задала ему вопрос: “Михаил Сергеевич, почему Вы не опирались на нас?” Я-то знала, что на нем уже поставили крест, но мне просто было его жаль по-человечески. Я пришла из сочувствия к нему. Он был всеми брошен, и я пришла без ведома Ельцина. Через три дня я уже сидела за этим же столом в этом же кабинете с Ельциным, и поскольку я знала, что кэгебисты уже, вероятно, донесли ему об этой встрече, я сказала: “Борис Николаевич, чтобы Вы знали это от меня, а не от кого-то, я три дня назад вот здесь, за этим круглым вишневым (такой стол у него есть для переговоров) столом сидела с Горбачевым, и мы обсуждали с ним кое-что”. Борис Николаевич был недоволен, но принял мое сообщение к сведению.

Тогда, 19-го числа, я говорила Горбачеву: “Михаил Сергеевич, почему Вы не опирались на нас, на Межрегиональную группу? Ведь у нас была огромная поддержка народа, а у Вас была власть. У Вас был силовой аппарат и все государство в Ваших руках. На Вашей стороне были и Тэтчер, и Буш, и НАТО, и кто угодно пришел бы к Вам на помощь из-за рубежа, стоило лишь позвать. А внутри страны мы могли бы быть Вашей опорой. Мы вместе очень быстро провели бы реформы, менее болезненно, а Вы нас шесть лет пугали каким-то дедушкой Лигачевым. Кто теперь помнит этого Лигачева? А Вы говорили: “Если я не так постепенно буду это все делать, то ярые ортодоксы придут, все тут сметут”. Жаль, конечно, что Вы не опирались на нас, — повторила я. Он задумался и сказал: “Галина Васильевна, Вы думаете, мне легко было за эти годы два раза полностью сменить состав ЦК КПСС?” То есть он мыслил лишь в этих узких аппаратных рамках борьбы и никогда не мыслил терминами улицы, толпы, не опирался на широкую народную поддержку. А мы эту поддержку, без-

условно, использовали как политическое орудие нашей борьбы. И вот если бы, повторяю, он использовал это орудие тогда, 21-го, и вышел к этой толпе — его политическая судьба сложилась бы по-другому, сколько бы ошибок он потом ни сделал.

Корреспондент: Кстати, говорили ли Вы с Горбачевым о том, что произошло с Советским Союзом? Сказали ли ему о том злополучном украинском референдуме, в итоге которого он, кажется, тоже не верил абсолютно? Обсуждали ли Вы с ним это?

Г.С.: Да, в самом деле. Михаил Сергеевич тоже не признавал результатов того референдума, хотя приводил довольно наивные аргументы. Он говорил: “Это же невозможно! Они сумасшедшие! Что они делают там? Что они хотят сделать? А пенсии как же будут люди получать? А те, кто работал в Воркуте на шахтах, а теперь переедут в Украину? Кто будет платить им пенсии?” Ему казалось это совершенно непреодолимым препятствием. Или: “Вот, если муж русский, а жена украинка? Как они могут жить дальше, эта семья? Как это, дети тут — родственники там? У меня на Черниговщине были родственники, я тоже имею украинские корни. Как это можно разделить?”

Вот такие риторические вопросы он ставил мне и искренне верил в то, что это препятствия непреодолимые, которые не позволят мировой общественности признать референдум о суверенитете Украины. Я пыталась ему объяснить, что такие проблемы в мире есть и они решаются, но он просто не слушал меня. То есть он все еще не верил, что уже через четыре-пять дней ему придется уйти в отставку. Я, собственно, до сих пор не совсем понимаю, почему он не обратился к общественному мнению Запада и почему не апеллировал к результатам Всесоюзного референдума 17 марта 91-го года? <...> Результаты, конечно, тогда тоже были сфальсифицированы, но их до сих пор используют в своей пропаганде сторонники восстановления Союза.

Корреспондент: Когда Ельцин уже вернулся из Беловежской Пуши, Вы встречались с ним и говорили о том, как будет развиваться ситуация в новом СНГ? Какова должна быть роль России? Потому что сейчас ведь существует точка зрения, что Ельциным двигала идея воссоздать Союз в новой форме, в то время как для Кравчука или Шушкевича это было нечто иное...

Г.С.: Нет, я думаю, что Ельцин всерьез относился к этой новой политической реальности. Он тогда был либеральнее, пожалуй, чем позже стал, он находился под влиянием либералов, и время тогда было более либеральное в целом. Думаю, он всерьез и с уважением отнесся к суверенитету и Украины, и Белоруссии. Другое дело, что довольно скоро между ними возникло какое-то соперничество с Кравчуком. За пять лет своего президентства Ельцин только однажды посетил Киев. <...> Он постоянно повторял, будто бы Кравчук над ним издевается. Постоянные препоны: когда делили Черноморский флот, когда говорили о задолженности Украины по нефти, газу, по лесу и еще по ряду экономических проблем. Кравчук действительно вел себя вызывающе. По крайней мере, менее деликатно, чем мог бы вести себя лидер столь экономически зависимой от России страны, каковой являлась, да и пока еще является Украина. Ему очень важно было продемонстрировать свой политический суверенитет. Может быть, это была демонстрация отчасти перед Западом, отчасти перед своими радикалами. Да и сам он хотел бы, конечно, чувствовать себя лидером подлинно независимого государства, хотя, безусловно, он не мог контролировать экономику своей страны. Ельцин очень болезненно это воспринимал, и там было много личных мотивов в их взаимоотношениях. Гораздо лучше складывались его отношения с Шушкевичем.

Корреспондент: То есть, какой-то реальной стратегии, которая бы тогда разрабатывалась, которая облекалась бы в какие-то письменные формулировки российско-украинских взаимоотношений, тогда не существовало?

Г.С.: Как известно, еще в 90-м году был подписан договор между Россией и Украиной (это тоже было сделано как бы вопреки воле союзного Центра), что две республики внутри СССР считают себя достаточно самостоятельными и суверенными, чтобы подписать особый договор об отношениях, о разграничении полномочий. И долго взаимоотношения шли в рамках формулы этого договора. А вот полномасштабный, серьезный договор впервые был подписан двумя премьер-министрами — экономический, политический — только в 97-м году, потому что оставалось много неясностей, к тому же Украина, к сожалению, недооценивает политической роли ситуации в Крыму для судьбы реформ в России. Это очень болезненная тема. И вовсе

не потому, что Крым является красивым куском земли и хорошим курортом. У России есть и другие курорты, даже и на Черном море. Дело не в этом. Просто культурное и духовное наследие Крыма тесно вошло в наше сознание как часть российской истории, и не только как часть военно-морской славы России. Прежде всего это часть культурного наследия. В Крыму жили все великие русские писатели, композиторы. Вряд ли так же смело могут утверждать деятели украинской культуры. Поэтому потеря Крыма остается довольно чувствительным и болезненным местом, которое, безусловно, используется политическими оппонентами реформ внутри России. К сожалению, украинские коллеги, повторяю, недооценивают и не понимают этого.

Корреспондент: Классик украинской культуры Марко Вовчок похоронена в Нальчике на Кавказе,azole лучших российских курортов. Я это к тому, что Вы так много говорили о Крымской Республике, но, в общем-то, очевидно, что российское демократическое движение по крымскому вопросу уступило инициативу так называемым национал-патриотическим силам России, и никогда после распада СССР не было слышно голосов российского демократического движения в поддержку крымчан <...>

Г.С.: Потому что наша позиция была такой, какой я ее изложила. Либо использовать формулу отложенного статуса. Но поскольку этого сделано вовремя не было... Тогда мне это казалось политически реальным. Гайдар со мной спорит и говорит (он был в Бело-вежской Пуще, в отличие от меня), что Кравчук и тогда бы на это не пошел и могло развалиться все соглашение о создании СНГ. Мне трудно судить, поскольку я там не была. Но раз уж этого не случилась, то наша общая позиция — оставить те границы, которые сегодня существуют, и России не вмешиваться в крымские дела. Нашу позицию, естественно, не разделяют русские националисты — от мэра Москвы Лужкова до левой части Госдумы. Но мы потому и молчим, что не хотим повторить югославскую трагедию.<...>

Корреспондент: Скажите, Галина Васильевна, а были ли какие-то беседы с Ельциным, еще с кем-то из российских руководителей, которые касались бы будущей стратегии России в отношении СНГ, российско-украинских отношений? <...>Уже после 91-го года?

Г.С.: Да. Были некоторые обсуждения на “круглых столах” советников с Ельциным, либо в ходе моих индивидуальных с ним обсуждений. Часто в повестке дня появлялся такой вопрос: использовать ли экономическое давление, как это делают, между прочим, США и Британия (по отношению к менее лояльным к России странам СНГ) и режим наибольшего благоприятствования по отношению к более лояльным странам? Мы всегда отказывались от этого подхода. В сущности, даже странам Балтии очень долго шла поставки природных ресурсов по ценам существенно ниже мировых. По отношению к Украине это продолжалось очень долго. Я не знаю, сейчас, кажется, цены уже приравнивали к мировым. Но Украина все равно не платит России своих огромных долгов<...>

Корреспондент: Зато это продолжается по отношению к Белоруссии.

Г.С.: Да. С Белоруссией подписаны особые союзнические отношения. И есть некоторые особые отношения с Арменией, в силу стратегических интересов России в этом регионе и традиционного противостояния ближайшему нашему соседу по НАТО — Турции. Потому что объективно интересы России и Армении в Закавказье совпадают. Армения дала возможность бесплатно разместить российские военные базы на своей территории. Грузия, видимо, будет брать арендную плату, а Азербайджан вообще не позволит разместить у себя военные базы. Естественно, что экономическая политика по отношению к этим странам тоже дифференцируется.

<...>

Корреспондент: Если говорить о Ваших контактах с западными политическими и интеллектуальными кругами<...>. Какова была реакция на Западе на все происходящее, с Вашей точки зрения?

Г.С.: Тогда очень мало кто понимал, допускал или хотел распада СССР, хотя наши оппозиционеры внутри страны считают, что это результат заговора ЦРУ, израильско-американского заговора, сознательный развал СССР с опорой на «пятую колонну» внутри страны — либералов и демократов...

Корреспондент: А вот господин Крючков, когда мы встречались с ним, сказал, что это скорее была недоработка КГБ, чем работа ЦРУ.

Г.С.: И что, по его мнению, КГБ мог бы удержать страну? Это удивительно.

Корреспондент: Да, он так считает.

Г.С.: Ну, что ж... Это тоже наивная позиция, но это некоторая эволюция во взглядах господина Крючкова. Знаете, я была невыездной до 89-го года. Я уже была депутатом Съезда народных депутатов СССР, когда впервые выехала в капиталистическую страну. В это время Крючков написал письмо Горбачеву с просьбой разрешить установить за мной постоянную слежку, в особенности за рубежом, а также прослушивание моего телефона. Дело в том, что комитет госбезопасности имел такую инструкцию. Союзные министры, депутаты Верховного Совета СССР и члены ЦК КПСС не могли быть взяты под наблюдение КГБ без согласия Генерального секретаря ЦК КПСС. Горбачев дал такое разрешение, после чего в Италии мне устроили странную автомобильную катастрофу, в которой я чудом осталась жива. У меня было сломано пять ребер, и я долго лежала в госпитале там. Тем не менее я продолжила свою поездку. <...> После этого я поехала в Америку. Это была первая моя поездка в Америку. Я выступила в Центре Вудро Вильсона, в Кеннановском Центре российских исследований — скорее как этносоциолог и этнограф, чем как политик — с лекцией на тему о будущем СССР, в которой и предсказала распад СССР.

Я была одним из немногих русских политиков, которые говорили об этом, и достаточно профессионально, с цифрами в руках. И в 89-м, и в 90-м году я говорила, что Горбачеву остаюсь не более двух лет пребывать у власти. Кстати, это было воспринято крайне негативно всеми слушателями. Никто мне не поверил. Все считали меня сумасшедшей, радикалкой какой-то — и в Америке, и в Англии. Потом, когда я общалась с Тэтчер во время путча, в 91-м году, она тоже в это не верила, что ее любимец Горбачев может так легко потерять власть. В это не верил Буш, он не хотел этого. Я встречалась с ним позже, не в это время, но у меня был шанс с ним обсудить, была возможность с ним поговорить на эту тему пару лет назад.

И 1 августа 91-го года, как известно, Буш в Киеве, обращаясь к украинскому народу, менее чем за три недели до ГКЧП объяснял, что свобода не тождественна независимости. В сущности, он призывал уже тогда не выходить из состава СССР и не голосовать за суве-

ренитет Украины. Через восемнадцать дней случился путч, которого Буш не предвидел...

Корреспондент: Как раз перед этим выступлением Буша, когда он был здесь, в Москве, я беседовал с Романом Попадюком, будущим первым США Америки на Украине, а тогда он был заместителем Марвина Фицуотера, пресс-секретаря Буша. Он говорил о том, что Соединенные Штаты никогда не согласятся с такого рода решением Украины, что он включит этот абзац в речь Буша.<...>

Г.С.: Да, да! И Буш озвучил этот тезис<...>. Кстати, это малоизвестные факты. И у нас, и на Западе очень мало кто сейчас вспомнит, кто на самом деле предсказывал распад СССР, кто этого хотел на Западе, а кто не хотел. Мы знаем из мемуаров Маргарет Тэтчер, из мемуаров Джорджа Буша, уже теперь опубликованных, из мемуаров Метлока, только что вышедших, что Запад вовсе не приветствовал, не хотел и даже не ожидал распада СССР. Им всем было гораздо проще иметь дело с одной ядерной державой, с одним предсказуемым и любимым Горбачевым во главе, нежели с четырьмя: с Россией, Украиной, Белоруссией, и Казахстаном — четырьмя новыми членами ядерного клуба. Неясно было, что делать с членством в Организации Объединенных Наций. Российская Федерация не была членом ООН, не была членом Совета Европы — ОБСЕ — в отличие от СССР, Белорусской и Украинской республик, которые всегда имели там послушные голоса. СССР, Белоруссия, Украина, но не Российская Федерация. То есть это была слишком большая перестановка на всем шахматном поле международной политики. Плюс это было то самое воплощение на деле принципов Вудро Вильсона и Ленина о самоопределении, которые могли цепную реакцию в мире и, безусловно, вызовут: в Китае (в Югославии это уже произошло), на Африканском континенте, в Индии <...> Поэтому никто не хотел такой нестабильности, что бы они ни говорили сейчас.

Дальше, я помню реакцию послов, которые были аккредитованы в Москве. Примерно за неделю до референдума, во время разговора, который был у нас с Ельциным, встречи со мной стали вдруг добиваться Родерик Бредвейт, посол Великобритании в СССР, и Майкл Белл, посол Канады в СССР.

Как известно, в Канаде и Великобритании очень большие украинские диаспоры, большие группы этнических украинцев, сильно лоббирующие украин-

ские интересы в правительствах этих стран. Оба посла спрашивали меня, что будет дальше. Я говорила, что Украина проголосует за независимость. Они спрашивали, какова будет реакция Москвы (они ожидали, что мы, может быть, пошлем танки). Я отвечала, что демократическая Россия и ее лидеры...” Я не отвечаю за Горбачева, но демократические лидеры России признают новые политические реалии. “Что же нам делать?” — если вкратце сформулировать их вопрос, растерянность, которую они адресовали от имени своих правительств. Я отвечала: “Мы думаем, что будет нормально, если Вы последуете нашему примеру. Но нам хотелось бы (я настаивала на этом), чтобы приоритет в признании независимости Украины вы оставили России и со своей стороны сделали заявления только после того, как это сформулирует Россия”. 2-го декабря, когда первые результаты референдума были объявлены, я взяла большой букет роз и поехала к Петру Крыжановскому, тогдашнему постоянному представителю Украины в России, но еще не в статусе полномочного и чрезвычайного посла. Я приехала первый раз в это здание, хотя мы были с ним знакомы, вручила ему розы и поздравила его с первым днем независимости Украины, будучи официально дважды депутатом российского и союзного парламента и советником Президента России по межнациональным вопросам. Он был просто поражен этим. В моем присутствии звонил в офис Кравчука. Заговорил по-украински сбивчиво и сказал, что впервые в его жизни “жинка преподнесла ему цветы”, что еще никогда такого не было. Скорее, они ожидали танков, чем роз (смеется) в этот момент. Да, кстати, я следила за поведением канадского и британского правительства. Британское, насколько я помню, последовало моей просьбе, моему совету, а вот канадское правительство заявило о признании Украины минут на 50 раньше, чем это официально сделала Россия. Значит, сказалось давление украинской диаспоры...

Г.С.: Когда, кстати, Соединенные Штаты признали?

Корреспондент: Сразу после Беловежской Пуши <...>

Г.С.: То есть, только когда они увидели, что переворота не будет. Бушу позвонил Шушкевич и сказал: “Все в порядке, у нас переворота никакого нет. У нас все идет мирно. Мы признали этот референдум”, — и так далее. <...> Впрочем, очень быстро Соединенные Шта-

ты переориентировались в своей политике, признав новое «де факто» — то, что случилось с Советским Союзом, и отставку Горбачева. Тут же Соединенные Штаты стали смотреть, где же зоны их новых жизненных интересов на этом новом постсоветском пространстве, и быстро нашли эти зоны в Прибалтике и на Украине. Я думаю, что определяющую роль там сыграл тогда не Строб Талботт и не другие советники: не Джеймс Бейкер, не Уоррен Кристофер, не другие лидеры — а Збигнев Бжезинский. Он сформулировал очень четко, ясно и резко позицию политики США по отношению к Украине. Он сказал, что воспрепятствовать восстановлению Советского Союза и Советской империи можно только одним: удержав в сфере своего влияния крупнейшее постсоветское славянское государство, каким является Украина.

Корреспондент: Кстати, вы ведь беседовали с Бжезинским по этому поводу?

Г.С.: Да, и с Киссинджером тоже.

Корреспондент: Вы пытались его переубедить?

Г.С.: Нет, переубедить его трудно. Однажды он пришел на мое выступление в Бруклинском университете. В один из мозговых центров в Нью-Йорке. Я уже говорила к тому времени по-английски. Он пришел, послушал меня, задал мне несколько вопросов. Мы поговорили, затем виделись еще кратко несколько раз. Киссинджер тоже удивлялся мягкости и либеральности позиции советского руководства, в частности Горбачева. И по украинскому вопросу, и даже по вопросу избрания президента России 12 июня 91-го года. Перед этим мы в мае виделись с Киссинджером, и он говорил: “Как же Горбачев все это позволяет? Как он допускает? Ведь он же после этого потеряет власть!” — “Да, — спокойно отвечала я ему. — Конечно, Горбачев потеряет власть. Я об этом уже два года говорю”. — “Но зачем же он позволяет это?” — “Он уже не может этого не позволить. Это объективный исторический процесс. Он уже не может этого остановить, это как снежный ком. Да, президентом будет избран Ельцин. Да, Советский Союз потом распадется, — не знаю, в какие сроки, я давала не более двух-трех лет. — Да, Горбачев уйдет в отставку. Он будет первым и последним Президентом СССР”. Киссинджер предвидел это... ну, то есть, он с удивлением вопрошал: “Это настолько очевидно и ясно, почему же никто не прини-

мает никаких мер ни со стороны Запада, ни со стороны советского руководства?"<...>

Итак, Запад не хотел этого, не предвидел и, в сущности, не готов был признать легитимность, за исключением Канады. Ну, Польша, понятно. Польша сама была в очень зыбком тогда, неопределенном положении. У нее не очень легитимные и восточные, и западные границы, поэтому Польша вынуждена довольно послушно вести себя во многих аспектах международной политики, понимая, что в случае конфликта оба эти вопроса конечно, могут быть включены в повестку дня Германией, Россией, Чехией и кем-то еще...

Я бы хотела зафиксировать этот факт лидерства демократических сил России. Это была сознательная политика, а не какая-то стихийная реакция на происходящие процессы в деле признания суверенитета новых независимых государств (бывших республик Советского Союза).

Тогдашняя российская элита добровольно признала равноправие наших народов, добровольно отказалась от роли так называемого "старшего брата". И Ельцин, как лидер тогдашней российской демократии, озвучил эти наши идеалы, идеалы Сахарова. Хотя Сахарова уже не было в живых.

Россия была первой страной, которая пошла на создание этого международного прецедента и на признание суверенитета независимых государств, за что они, впрочем, не были ей благодарны и быстро забыли об этом.

<...> К сожалению, на данном историческом этапе полное утверждение суверенитета Украины было невозможно без создания новой украинской этничности — этнической самоидентификации. Это также большая проблема и для русского народа. Всегда идентификация идет на социально-психологическом противо-

поставлении какому-то другому народу, по принципу "мы — они", и сегодня Украина, также стимулируемая своими западными "доброжелателями" <...>, такими как Бжезинский, к сожалению, очень часто этнически строит свою новую идентичность на основе противопоставления. Противопоставления себя России, русскому народу, русскому языку, русской культуре. Иногда это доходит до парадоксальных и смешных вещей.

<...>Я как социальный психолог и этнограф понимаю, что это неизбежный болезненный этап, который Украина, вероятно, должна пройти в становлении своей этничности, а значит, и государственности. И, конечно, такой путь самоутверждения отнюдь не способствует становлению нормальных дружеских отношений между Украиной и Россией, вызывает много недоумений, и, безусловно, российские политики в скором будущем не только поймут, но и официально заявят, что Украина для нас является не менее важной страной, нежели для господина Бжезинского и вообще для многих западных стран: Великобритании, Канады или США. Думаю, что это понимает и значительная часть украинского народа.

<...> Мне не хотелось бы заниматься в данном проекте и в данном интервью какой-то пропагандой. Я просто констатирую сегодняшнее состояние умонастроений в России и в Украине, связанное со становлением украинского государства. Думаю, что нам, в качестве, если угодно, контрпропаганды и исходя из внутривнутриполитических задач, придется не раз напоминать народам Содружества Независимых Государств, прежде всего украинскому народу, что Россия была первой страной, действительно искренне признавшей независимость и суверенитет новых государств, прежде всего Украины, создавши, таким образом, прецедент для международного права и для международной политики.

С Г.В. Старовойтовой беседовал В. Портников

Цивилизация сложно пробивает себе дорогу

Андрей КОЗЫРЕВ

20 лет назад, когда распадался Советский Союз, как это было? Я вам такую байку расскажу. Собрались президенты трёх республик — Российской Федерации, которая тогда РСФСР называлась, Украины и Белоруссии (а начиналось всё это дело в Минске) — мы приехали туда с визитом. Последние 1,5–2 года Советского Союза союзные республики стали вести себя не то чтобы вызывающе по отношению к Центру, но пытались наладить какие-то двусторонние отношения. Это как если бы Ростовская область дружила бы с какой-то соседней областью и подписывала документы. Они и сейчас так делают, но эти документы носят сугубо экономический характер. А наши документы носили и политический характер, потому что у всех, кроме союзного Центра, росло ощущение, что в один прекрасный момент этот Центр может рухнуть, и был страх, что если это произойдёт неорганизованно, то мы можем оказаться в чудовищной ситуации, примерно в той, в которой оказалась Югославия.

Павел Лобков:

Добрый день, господа. Меня зовут Павел Лобков. Я рад приветствовать здесь, на заключительной лекции из цикла «Гибель империи», организованной Фондом Гайдара и лекторием Политехнического музея, Андрея Владимировича Козырева, которого, я надеюсь, многие знают как первого министра иностранных дел независимой России. Можно сказать, архитектора отношений России с Западом.

<...>

Козырев: <...>

Я расскажу вам, чтобы немного разогреться, пару исторических баек. Здесь очень много молодёжи, которой будет не вполне понятно, о чём идёт речь.

20 лет назад, когда распадался Советский Союз, как это было? Я вам такую байку расскажу. Собрались президенты трёх республик — Российской Федерации, которая тогда РСФСР называлась, Украины

и Белоруссии (а начиналось всё это дело в Минске) — мы приехали туда с визитом. Последние 1,5–2 года Советского Союза союзные республики стали вести себя не то чтобы вызывающе по отношению к Центру, но пытались наладить какие-то двусторонние отношения. Это как если бы Ростовская область дружила бы с какой-то соседней областью и подписывала документы. Они и сейчас так делают, но эти документы носят сугубо экономический характер. А наши документы носили и политический характер, потому что у всех, кроме союзного Центра, росло ощущение, что в один прекрасный момент этот Центр может рухнуть, и был страх, что если это произойдёт неорганизованно, то мы можем оказаться в чудовищной ситуации, примерно в той, в которой оказалась Югославия.

Югославия сразу попала в войну. По сути, это гражданская война, межэтническая, между республиками, которые образовывали Югославию. Всё это

происходило на наших глазах — Югославия (СФРЮ) развалилась на год раньше, чем Советский Союз. И это был чудовищный пример, потому что там еще лет десять лилась кровь без остановки. Все смотрели на этот ужасный пример и думали о том, что в какой-то момент Центр рухнет, и что же нам делать?

К этому стали готовиться: заключать между республиками (а республики по Конституции СССР и по Договору: Советский Союз не зря назывался Союзом; я рос в Советском Союзе, был дипломатом и даже не думал об этом, мы думали, что это унитарное государство, оно и управлялось как унитарное государство), так вот республики, оказывается, являлись, суверенными государствами. Это даже гораздо более сильное определение, чем у Соединённых Штатов Америки — в Конституции у них не записано, что их штаты — это суверенные государства.

Короче говоря, мы поехали подписывать туда очередной двусторонний договор между Российской Федерацией и Белоруссией. Это было 4 декабря 1991 года. И самое парадоксальное, что Белоруссия была последней республикой, с которой мы подписывали такой договор, хотя Белоруссия — наиболее близкая к России республика. Я стоял у истоков этой идеи: если с одними республиками было понятно, что они должны отделиться, то про Белоруссию тогда было не очень понятно. Начнём с того, что там не меньше 60–70% населения — приехавшие люди из России, из того, что сейчас называется Россия, этнические русские, которые приехали в Беларусь уже в зрелом возрасте. Почему они должны жить в ином государстве, было не очень понятно с самого начала

Но так был устроен Советский Союз: Белоруссия тоже была суверенной республикой, а когда развалился СССР, она превратилась в суверенное государство. Понять это достаточно сложно, но сейчас это уже в какой-то мере другая общность людей. С одной стороны, они самые близкие были к нам, казалось, что с ними легче всего было заключить договоры (так оно и было). Но с ними заключали последними в силу тех же причин — мы были уверены, что с Белоруссией у нас никогда никаких проблем не будет, и договор носил формальный характер.

А вот с Украиной у нас были бесконечные споры: прежде всего о том, «матерью каких городов» является Киев? Там споры были страшные, и с ними поэтому и начинали всю эту работу. И это очень хорошо, по-

тому что первыми в конфликт при развале СССР могли вступить именно Россия и Украина. Этим занимались всё время, долго, упорно и терпеливо вели переговоры. А с белорусами никто не вёл. Вот у вас есть жена, Вы с ней с последней начинаете что-то урегулировать, потому что думаете: всегда договоримся, успеем. А потом оказывается, что это совершенно не обязательно.

Примерно так вышло и с Белоруссией. Приехали мы в Белоруссию, и стал Борис Николаевич Ельцин выступать перед белорусским парламентом с красивой тронной речью: мы братья навеки, вот есть договор, сейчас мы его подпишем, и всё будет хорошо. Все были так благостно настроены, но парламент белорусский был вовсе непросто: это было место для дискуссий, как в польском сейме или в силу какой-то исторической причуды. Да и наш российский парламент тогда был очень непростой: там были такие, сякие, левые, правые... В Белоруссии было немало националистов, сторонники отделения. Они слушали всё это с благоственными лицами, непрерывно аплодировали, а мы сидели с Геннадием Бурбулисом (который внёс огромный вклад в другие демократические преобразования в России), просто отдыхали, потому что всё было хорошо и никаких туч на горизонте не предвиделось. И вдруг Борис Николаевич — есть тут люди взрослые, которые его помнят, это надо представлять: монументальная фигура, седая голова, здоровый мужчина, сибирский мужик, умел красиво выступать, не то что я. Он читает свою речь, потом делает остановку и говорит: «Но я вам привёз специальный секретный подарок». Вам — это имеется в виду белорусским депутатам. Тут мы с Бурбулисом друг в друга просто впились глазами и руками. Он мне говорит: «Это ты подарок готовил?» Я говорю: «Первый раз вообще слышу, это ты, наверное?» Он говорит: «И я первый раз слышу». Вот тут уже нам обоим поплохело, потому что единственные разумные люди, с нашей точки зрения, были мы с ним. Мы понимали правила игры, и я уверен, что он какую-то полную лажу не подсунет, а он так же считал про меня, потому что я был всё-таки профессиональный дипломат. И очень правильно мы напряглись.

Достаёт Борис Николаевич Ельцин очень красивую бумагу и говорит: «Вот мы теперь (это разговор 4 декабря 1991 года, после путча, но ещё существует Советский Союз — по крайней мере, формально), российские власти взяли Кремль. И в Кремле в архиве

обнаружили интереснейший документ. Я хочу вам подарить этот документ».

Понимаете, да? Сама постановка вопроса — СССР ещё не распался, в тот момент ещё было не вполне ясно, распадётся он или нет. У нас, наоборот, была задача не то чтобы Советский Союз сохранить, но какую-то общность или даже единую федеративную страну сохранить. С точки зрения россиян, Москва — это наш город. Но это же столица общего государства, в котором тринадцать (если не считать прибалтийские) суверенных республик. Мы приехали подписывать договор с суверенной республикой, а мы уже управляем Кремлём. В нашем понимании Кремль — это исторический памятник, а в их представлении это как раз тот самый Центр, с которым надо что-то решать: демократизировать его, чтобы сохранить какое-то единое государство. Тогда Кремлём как Центром, из которого управляется страна, должны распоряжаться эти 13 республик. Надо договориться, как это будет, не может одна республика просто взять Кремль, управлять им, управлять архивами. Получается, вместо союзного коммунистического центра, который всем надоел и от которого все хотели избавиться (даже Горбачёв говорил, что это не будет тот Советский Союз), появляется имперская Россия, которая уже захватила центральные органы управления и уже всем этим распоряжается как своим. Поэтому подарок от одного из тринадцати одному из тринадцати равных, но взятый из государственного архива, не очень ложится в эту ситуацию.

Но это ещё полбеда, хотя зал очень сильно напрягся — тогда народ был борзой, все уже поднаторе-ли в политических дебатах. Но следующий эпизод был ещё более интересный. Это была грамота Екатерины II. После того как Россия после войны поглотила, *прирезала к себе значительную часть Польши, того, что тогда называлось Речь Посполитая, нынешняя территория Белоруссии почти целиком входила в то государство, это было что-то вроде польско-литовского союза. Там всё время, вы помните, менялись названия и конфигурации, но смысл был такой. Это был, конечно, исторический соперник, если не противник, Российской империи, и в нашей истории считается величайшим достижением, что Россия смогла взять восточные земли польско-литовской уни.*

Если смотреть оттуда, из тех веков, и с той стороны, то это чистойшей воды имперское завоевание: пришла более мощная в военном отношении Российская Импе-

рия, захватила часть территорий, подписала договор, и теперь императрица (не царь просто, а император!) пишет в свойственной красивой женщине манере: вы теперь возрадуетесь, вы теперь под моей дланью, и это будет продолжаться веками. С её точки зрения, это хорошая новость; с точки зрения российских историков это тоже хорошая новость — читаешь Карамзина, так просто слёзы душат.

Но тех, кто смотрит на это с другой стороны, тоже, скорее всего, слёзы душат. А этот документ был написан целиком на старославянском языке, понять который нет никаких сил, он очень сильно отличается.

Вы знаете, что Пушкин — создатель современного языка, это Павел лучше меня расскажет, я ему оставляю эту часть. Но факт, что тот язык очень сильно отличается от нынешнего, а документ ещё написан очень красивой вязью. Борис Николаевич достаёт этот документ и говорит: «Сейчас я вам зачитаю, что тут пишут». Вы понимаете, да? Это всё равно что по-китайски написано. Но надо знать Бориса Николаевича — потому он и был лидером России в тот исторический революционный момент, что у него были воля и напор. Как же он мог не прочесть текст — даже если бы он на китайском был написан, он всё равно начал бы его читать. И вот он начинает бороться с этим текстом, пытается что-то произнести, при том что слова сильно тоже изменились с тех пор — это как пойти в церковь и послушать службу. Я только когда познакомился с современным переводом этого текста, стал понимать, что поют в церкви.

<...>Пока Борис Николаевич боролся с этим текстом и был увлечён расшифровкой того, что там написано, он совершенно не обратил внимания на содержание и прочёл всё вот это — про длань, забудьте про суверенитет и прочие глупости. Неплохой подарок из Центра, да? В зале сначала началось шушуканье, мы с Бурбулисом побежали прямо на трибуну, чтобы сказать, что это фальшивка, что это не тот документ. Начался свист, потому что Верховные Советы тогда были суровые, можно было и схлопотать. Дело пошло очень серьёзное. *Шушкевич*, который тогда был председателем Верховного Совета Белоруссии, объявил перерыв.

<...>Кончилось это всё тем, что вместо того, чтобы подписать тихо-спокойно этот проходной договор... А у нас с Бурбулисом тоже был подарок заготовлен: у нас в портфеле лежал проект заявления или даже договора о том, что Белоруссия и Российская Федерация как самые близкие государства, между которыми нет

и не может быть никаких проблем, выступают за сохранение единого государства в форме федерации. У нас было несколько вариантов, но это было очень сильное заявление, и это была бы первая республика, с которой РФ выступила бы инициатором. А дальше у нас был ещё более хитрый план.

Никогда не делайте хитрых планов: чем хитрее план, тем скорее он грохнется на какой-то грамоте средневековой — до сих пор видеть её не могу и слышать об этом. Второй наш шаг заключался в том, что Шушкевич как бы невзначай пригласил туда *Кравчука*, который был тогда президентом Украины. Ельцин его пригласил, чтобы заманить в ловушку: тот приезжает в Минск как бы с визитом, а тут уже Ельцин и россияне, и они уже подписали договор о новом союзе или федерации, и Украина оказывается перед фактом: две братские республики уже выступили за сохранение единого государства, а мы что же? Мы понимали, что он всё равно может нас послать, но сложнее.

Кравчук приехал, он был президентом; наш Борис Николаевич тоже был президент, всенародно избранный. А [Шушкевич] был председателем Верховного Совета, у них тогда английская система была, он полностью зависел от Верховного Совета — просто один из депутатов, которого выбрали председателем. Поэтому там Верховный Совет имел гораздо больше влияния, чем в России и на Украине. И Шушкевич ничего не мог сделать, видя настроение депутатов, понимая, что его просто снимут. Он находился в очень деликатной ситуации. Всё это замяли, но уже с той бумажкой, которая у нас с Бурбулисом была в кармане, не получалось, уже это было исключено.

В Минске делать было нечего, там уже всё было сделано, и мы поехали как бы на отдых, туда привезли Леонида Кравчука и там подписали договор про СНГ. Но уже российско-белорусская инициатива не получилась. Но кто вообще подsunул Ельцину этот подарок, кто нашёл его в архиве — верьте или не верьте, я до сих пор не знаю. Понятно, что сам Борис Николаевич тогда, когда все были заняты и не знали, за что хвататься, когда сыпался Советский Союз (это хорошо у Гайдара описано), вряд ли сам Борис Николаевич сидел в архиве и копался в документах XVIII века. В тот момент даже я не мог бы себе этого позволить, хотя у меня такая болезнь есть, я могу пойти в архив покопаться — это интеллигентские привычки, которые трудно изживаются. Вот так иногда делается история...

Лобков: Я воспользуюсь правом первого вопроса. Поскольку речь зашла о тайнах, о том, как образовалось наше государство. В то время, в 91-м году, *Госсекретарь США Бейкер* предпринял беспрецедентную поездку по всем республикам с целью обеспечить правопреимство России по ядерному оружию (что американцев больше всего волновало). И вот буквально полгода назад он давал интервью и сказал, что всё-таки одна боеголовка пропала, была не учтена. Передавали ракеты под российскую юрисдикцию, как я понимаю, Белоруссия — легко, Казахстан — с большими проблемами, Украина — с ещё большими проблемами. Насколько это был тайный и сложный процесс, как вы заставляли республики отказываться от ядерного оружия и были ли у них амбиции сохранить его на своей территории?

Козырев: Есть такой миф, бредовая теория, что американцы были инициаторами и участвовали в развале Советского Союза. На самом деле американцы до последней секунды цеплялись за Советский Союз, делали всё, чтобы он не распался, по той причине, о которой сейчас сказал Павел. Советский Союз обладал тысячами ракет, способных достигать территории Америки и нести ещё большее количество ядерных зарядов. Вы понимаете, что достаточно одного ядерного заряда, чтобы от такого города, как Нью-Йорк, ничего не осталось, и это была бы всемирная катастрофа. 11 сентября 2001-го рухнули две башни, и весь мир содрогнулся, и Америка содрогнулась, ядерная сверхдержава, а ядерный заряд — это вообще катастрофа. Так же и применительно к нам.

Я хочу сказать, что они страшно боялись распада Советского Союза, поскольку ядерное оружие было размещено на территории практически всех республик. Но это было тактическое ядерное оружие, а стратегическое ядерное оружие было размещено на территории четырех республик: Российской Федерации, Казахстана, Украины и Белоруссии. Там находились ракеты с ядерными боеголовками, способные достигать территории США. Американцы очень боялись этого арсенала в руках Советского Союза, но еще больше они боялись бесхозности этого арсенала. После распада получится четыре ядерных державы, а тут бы понять, что происходит с одной, есть ли там квалифицированный персонал, чтобы этим управлять, и так далее. Они были категорически против распада СССР.

6 декабря в этих самых пресловутых Вискулях было подписано соглашение о создании СНГ и ро-

спуске Советского Союза — по сути, он перестал существовать 6 декабря. А Бейкер приехал сюда 15 или 16 декабря и всё равно настаивал на том, чтобы его в Кремле встречал Горбачёв, первую встречу демонстративно проводил с Горбачёвым, хотя я встречал его на аэродроме, был страшный мороз, я подарил ему шапку, а то бы он до Кремля не доехал. Я его встречал, и было понятно, что Кремль уже достался российским властям. Но Бейкер демонстративно проводил переговоры с Горбачёвым, потому что американцы надеялись, что Советский Союз можно будет как-нибудь сохранить.

Как проходили эти переговоры? Белоруссия, которая сильно пострадала от Чернобыля (эта катастрофа случилась на атомной станции под Киевом, но радиоактивное облако было смещено в значительной степени в сторону Белоруссии, и несколько районов Белоруссии сильно пострадали), когда принимала Декларацию о независимости (а это все республики делали в течение 90-91 годов), когда принимала свою собственную Конституцию ещё внутри Советского Союза, прописала в ней отказ от использования ядерного оружия — примерно как японцы и немцы. На их территории не может быть ядерного оружия, хотя советское тогда стояло, и они стали, кстати, требовать у советских властей уже тогда убрать ракеты из Белоруссии. На это никто не обращал внимания, но этот вопрос был. Белорусы отказались от ядерного оружия по своей собственной воле, чего никак нельзя сказать об Украине и Казахстане.

Когда все стали думать, что делать, если Советский Союз развалится, то был вопрос: как делить? Есть активы, какие-то деньги в Центральном банке, есть ядерное оружие, есть армия довольно мощная, есть космические корабли — это всё кому будет принадлежать. Была такая идея, и она в конце концов восторжествовала, что всё, что находится на территории, наше. В том числе Кремль — как символ управления страной он мог делиться, но как здание и всё внутри остаётся тому, на чьей территории он находится. Этот принцип единственно правильный, потому что как иначе — будет коммунальная квартира в худшем виде. Но тогда и ядерные ракеты остаются на тех территориях, где они находятся. Если Кремль не делится, то почему должны делиться ядерные ракеты? Ведь их создавал Советский Союз, все участвовали в этом деле. С Казахстаном было несколько легче, у них было представление такое: туда вложен труд казахских людей, кроме того, они страдали от выбросов ядовитых отходов.

Они пытались посчитать экологический ущерб, а к самому ядерному оружию относились спокойно, хотя считали, что им положена за это компенсация.

А с Украиной было совсем туго по той простой причине, что у нас был *вице-президент Руцкой*, генерал, бравый, в Афганистане служил. Он мыслил несколько прямолинейно, по-военному, и когда он в августе 1991 года — обратите внимание, сразу после путча, — поехал на Украину, в Крым (тогда уже началась истерия вокруг Крыма), его окружили люди — партия, которая хочет, чтобы Крым был российским, это не большинство сейчас и тогда было не большинство, но очень энергичная часть людей. Они его окружили и стали говорить, что Крым должен стать российским. В этом много справедливого, но много и вопросов. Это спорный вопрос с длинной бородой. Но когда Руцкой сказал, что Крым должен отойти России, а мы два года спорили об этом с украинцами, когда заключали двусторонний разговор, было понятно, что этот вопрос решить нельзя иначе, как кровью и войной. А Руцкой сделал такой интересный ход — он сказал: «Когда вы будете думать о том, чтобы не отдавать России Крым при распаде Советского Союза (причём он в августе говорил так, словно Советского Союза уже не было), то не забудьте, что у нас есть ядерное оружие».

Когда я впервые это услышал, у меня появились первые седые волосы. Братьям нашим украинцам угрожать ядерным оружием — для меня это было полным откровением. Если мы Украине начнём угрожать ядерным оружием, то вообще непонятно, что мы все тут делаем. Я был в шоке от самой мысли, но последствия были колоссальными. Кстати, *второй президент Украины Леонид Кучма* был генеральным директором того самого завода, который делал тяжёлые ракеты, он это знал как свои пять пальцев, он был профессионал. Это были совершенно нормальные вещи, они сами во всём этом участвовали. И когда им стали угрожать ядерным оружием, а Руцкой был не сторонний политический деятель, а вице-президент Российской Федерации, украинцы сказали: а вы не забудьте, что у нас тоже есть ядерное оружие. И тут разговор уже пошёл в такой плоскости, что у меня вторая половина головы поседела.

Я не буду рассказывать, потому что это страшно, у меня на это ушло полжизни. Самый главный вопрос — вывезти ядерное оружие на территорию Российской Федерации. Надо было убедить казахов — казахов мы убедили, белорусы сказали, что ядерное оружие им

не нужно, но компенсацию тоже запросили, но главное — Украина упёрлась и сказала: нет, если нам угрожают ядерным оружием, чтобы захватить территории, которые к нам отошли, то мы, естественно, ядерное оружие на нашей территории не отдадим. Тут нам пришлось — ну не воевать же с Украиной, тем более ядерным оружием мериться (кстати, у них были ракеты потяжелее, а самые тяжёлые, которые американцы называют «Сатана», были в Казахстане), — как-то договариваться. Вот договориться удалось только при помощи американцев. Украинцы стали говорить: а кто нам обеспечит безопасность? Мы вывезем ракеты, в России сейчас хороший Ельцин, хороший прозападный министр Козырев, а если завтра президентом станет Руцкой, то что? Кто-то должен гарантировать безопасность в обмен на ядерное оружие. Мы готовы отдать ядерное оружие за компенсацию — они знали, сколько всё это стоит, а стоило это всё чудовищно дорого, — и за гарантии безопасности. Пришлось нам идти к американцам, второй ядерной сверхдержаве, и договариваться с ними. Последний документ об окончательном отказе Украины от ядерного оружия и вывозе его на территорию Российской Федерации был подписан аж в январе 1993 года тремя президентами: уже тогда был Кучма, Ельцин и Клинтон, документ этот был подписан в Кремле ими тремя.

<...>

Никсон, действительно, вспоминал, как мы с ним встретились сразу после путча, но до развала Советского Союза. У нас был откровенный разговор. Мы тогда занимались вот этими переговорами с республиками внутри государства, это была не дипломатическая работа. По сути, это была демократическая оппозиция в виде правительства Российской Федерации. Никакой внешней политики Российская Федерация не проводила самостоятельно, и я, будучи министром иностранных дел РФ, был категорически против этого. <...>

Если бы я начал проводить свою внешнюю политику, то это была бы катастрофа для всей страны и для Российской Федерации, которая только по Конституции была суверенным государством. Это был бы шаг к окончательному хаотичному развалу Советского Союза.

<...>

Да. Я сказал Никсону: представь себе, в какой мы сейчас ситуации. Мы должны сейчас reinvent country, то есть представить новую страну и новую политику в этой стране. <...> Я пытался объяснить, что перед нами стоит действительно сложная задача.

И я продолжаю так считать. Если Россия хочет стать (я думаю, что хочет всё-таки) самостоятельным новым государством, не просто пародией, тенью, клоном бывшего Советского Союза (потому что тогда надо было оставаться в Советском Союзе, он был больше, страшнее, Крым был наш и т.д.), если мы постепенно становимся новой страной, то у нас должно быть новое представление о том, какая у нас должна быть международная политика.

<...>

Это только у оппозиции и у крикунов, национал-патриотов, бывает всё просто <...> а у нас есть ядерное оружие. Это просто, но последствия этого катастрофические. Дипломат не может себе этого позволить, он должен это просчитывать. Он должен это просчитывать, когда говорит с соседями, но он должен ещё и уметь объяснить это внутри.

<...>

Мне посчастливилось (или не посчастливилось) участвовать непосредственно в роспуске Советского Союза — и в Вискулях, и потом, при заключении всех этих соглашений, ратификации. *Шахрай* выступал по правовому вопросу, я — по международному. Опять забыли, что не просто там, в Вискулях, подписали три президента, но это потом ратифицировалось, и российский Верховный Совет практически единогласно ратифицировал эти соглашения. <...>

И мы в Беловежской Пуще ещё, а потом в Алма-Ате, где другие республики присоединились, чёрным по белому написали: открытые границы — любой гражданин бывшего Советского Союза может жить в любой точке бывшего Союза и стать там гражданином.

Есть такие примеры: есть русские люди, которые уехали во время оккупации работать в тыл, на военные заводы, повыходили там замуж, у них дети — русские, узбекские, какая разница! Это было моё убеждение и остаётся моим убеждением: любой узбек имеет право приехать в Москву и жить здесь, потому что это столица его Родины, он всегда считал Москву столицей своей Родины, он говорит по-русски. Я убеждён, что так и надо, и только благодаря этому у нас не было того, что было в Югославии. Границы были открыты, можно было приехать с советским паспортом и жить с ним, потом поменять на русский или узбекский...

<...>

Я вам скажу такую простую вещь: в моём представлении вся эта проблема носит либо извращённый ха-

раक्टर, либо, прямо скажем, нацистским душком сильно отдаёт. Плохому танцору пуанты мешают. Если в Москве, в Российской Федерации, в великой державе великому народу с великой культурой Пушкина, Толстого, Достоевского, Булгакова, «Доктора Живаго», нам мешают люди, которые хотят жить здесь, в России, говорить на русском языке и жить в Москве, что с нами случилось в таком случае? Это бред. Эти люди обогащают нас.

Посмотрите на Америку, я сейчас довольно часто езжу в Америку, у меня там сын учится. Чёрные, жёлтые, азиаты, Бог знает кто. Надо соблюдать, конечно, законы, и за этим надо следить, в Америку не так легко въехать. Но никто не ставит вопрос: «а чё так чёрных много?» или жёлтых?» Это хорошо! Сколько у нас талантливых людей неславянской внешности. Они обогащают нас!

Если мы боимся своих же братьев — узбеков, с которыми жили веками рядом, — надо было сохранить единую страну, если бы ума было больше у советского руководства, я вообще не понимаю этой постановки вопроса. А национализм всегда был. В царской России кто был главные враги? Евреи, студенты. А в Советском Союзе? Я ещё застал это: интеллигент в очках наш с вами враг.

<...> Это очень тяжёлая тема, сложная. Мы участвовали в этом, но совершенно не собирались... Это вообще неправильно. Есть определённая легитимность бывших советских республик: так разделилось, и иного способа нет, кроме крови и войны.

<...>

Происходит, на мой взгляд, процесс гуманизации жизни вообще. Нам с вами страшно повезло: мы живём в XXI веке, пользуемся такими вещами, которых раньше не было. Раньше в пояс кланялись кому-то, теперь не кланяются. По мере цивилизации стран утверждаются права человека, достоинство человека. Некоторые вещи, которые нами воспринимаются как само собой разумеющееся, что тебя не бьют кнутом, когда ты мешаешь проехать экипажу; ещё 100 лет назад даже в цивилизованных странах это считалось такой нормой. Происходит гуманизация человеческих отношений, и тот же твиттер этому способствует.

<...> Есть и антигуманизация. Когда начинается военный конфликт, тем более гражданская война (а я это

видел не только в Югославии, я это видел и в Нагорном Карабахе), то люди теряют человечность — все стороны. Там бывают чудовищные преступления. И сейчас есть бандитизм, но я говорю в целом — в целом происходит явная гуманизация, если взять уровень жизни людей. Те условия, в которых мы живём с вами в мирное время и считаем их само собой разумеющимся, ещё сто лет не были сами собой разумеющимися, хотя эксцессы и сейчас бывают чудовищными. И то же самое происходит сейчас в международном праве: медленно происходит понимание, что резать народ свой нехорошо. Есть принцип невмешательства во внутренние дела: там другая страна, пусть что хотят, то и делают. Но это как в личной жизни: раньше считалось, что если сосед бьёт жену и детей, то это не твоё дело, а сейчас по всему миру полицию вызывают.

<...> Но не надо представлять себе, что есть ТОЛЬКО чёрное и белое. Как Иисус Христос говорил: кто без греха, пусть первый бросит камень. Кто без греха? Смешно утверждение, что Америка, или НАТО <...> всегда исходят из категорического императива — только права человека, и наплевать на экономику, политику. Да нет, конечно, это часто сложный компромисс, часто — двойные стандарты, всё это есть. Вы говорили про корпорации: и наши корпорации стремятся заработать, и их корпорации стремятся заработать, и нефть качают, и нефть, как и деньги, не пахнет. Это всё так. Но тенденция есть такая: если раньше считалось, что раз в соседней квартире мучают ребёнка, то это не твоё дело. А теперь во всём мире и у нас есть телефон доверия, надо звонить и вызывать милицию, и милиция входит в частный дом (хотя мой дом — моя крепость, а в Америке это доведено вообще до абсолюта), потому что ребёнка мучить нельзя.

Цивилизация вообще сложно пробивает себе дорогу, нет однозначных ответов.

<...>

<...>

Стенограмма заключительной лекции «РОССИЯ И МИР» из цикла Фонда Егора Гайдара «Гибель империи». Публикуется с сокращениями.

27 апреля 2012.

Источник сайт Фонда Егора Гайдара.

*На с. 151: Президент РФ Борис Ельцин и консультант президента РФ по вопросам экономической политики Егор Гайдар на митинге в Москве, 28.03.1993 г.
© Фото: Игорь Михалев / РИА Новости 1992 г.*

Начало

Вечером 7 ноября пришел к нам мой друг Николай Головнин, близкий сотрудник Гайдара, с которым мы и отметили этот день двадцатипятилетия правительства реформ... Продолжаю ночью. Сегодня юбилей — 25 лет назад, день в день, 7 ноября, в красный тогда еще день календаря, Егор Гайдар и я с ним, как самозванный историограф, явились в Белый дом. Мы оба были тут в недавние дни августовского путча. У Егора был от руки написанный Ельциным мандат: дескать он, Егор Тимурович Гайдар, назначен вице-премьером правительства РСФР.

Н.Н. Воронцов. Фото с сайта: <http://idbras.comcon.ru/lab/gen/history.htm>

Подъезд со стороны СЭВа был закрыт (забора тогда еще не было, он появился после событий 1993 года). Егор постучал, вышел недовольный милиционер, Гайдар через стекло показал ему свой мандат. Тот открыл двери, и мы вошли в Белый дом. Страна праздновала 74-ю годовщину Великой Октябрьской революции — вокруг ни души. Поднялись на пятый, кажется, этаж, нашли кабинет, на двери которого висела табличка «Иван Степанович Силаев, председатель Совета министров РСФСР». (Вечером наши ее отвинтили.) Кто-то уже отпер приемную и кабинет Силаева, мы вошли. Приехали Николай Головнин, который должен был быстро создать и возглавить секретариат вице-преьера Гайдара, и Алексей Головков, уже назначенный руководителем аппарата правительства.

Гайдар зашел в кабинет, где на столах располагались около двух десятков белых телефонов с гербами, опасливо посмотрел на них, поднял трубку. Телефон ответил гудком...

Через несколько минут появились секретарши: Головнин выписал своих знакомых из комсомола (они не прижились, через несколько дней их заменили профессионалки из Совмина). Начали подтягиваться новые министры, среди них ребята, сотрудники Егора по институту (некоторых я знал): Андрей Нечаев, Володя Машиц... Пришел Госсекретарь Геннадий Бурбулис, строгий, подтянутый, напряженный.

Он, так же как тренер набирает футбольную команду, набрал это правительство из новичков, которое своим авторитетом прикрыл Ельцин, встав во главе его и поставив Бурбулиса первым вице-премьером, вроде связного между собою и командой Гайдара. Коротко выступил Егор. Через час правительство, призванное чуть ли не с улицы, начало работу. Я тихо вышел, чтобы не мешать. В коридоре встретил припозднившегося Петра Авена с чемоданом; Авен примчался прямо из аэропорта к новой должности министра.

* * *

Академик Н.Н. Воронцов

...В здании Министерства экологии СССР на улице Неждановой было тихо. Сотрудники растерянно слонялись без дела, потому что никакого дела уже давно у них не было.

Я зашел к министру, академику Николаю Николаевичу Воронцову, замечательному ученому, интеллигенту, ученику Тимофеева-Ресовского, про которого Гранин написал знаменитую когда-то повесть «Зубр».

В 1971–1977 гг. Воронцов работал во Владивостоке, был директором Биологического института (БПИ) Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР. «Из периферийного института прикладного профиля при нём БПИ превратился в полновесное академическое учреждение, проводящее фундамен-

тальные исследования по основным проблемам биологического разнообразия суши Дальнего Востока, с сохранением прикладной тематики. «Отказался вступить в КПСС, после чего был снят с поста директора института», — коротко сообщает биографическая справка. Пришлось возвращаться в Москву. Почти к началу....

Новые времена «перестройки» и «гласности» выдвинули Воронцова в политику. От Академии наук СССР его избрали в Верховный Совет СССР, где он вошел в комитет по науке. Сразу стал членом Межрегиональной депутатской группы и поддержал академика А.Д. Сахарова. Что не помешало в либеральные горбачевские времена предложить Воронцову пост министра природопользования и охраны окружающей среды СССР. В 1989–1991 – председатель Государственного комитета СССР по охране природы (единственный министр союзного правительства, не являвшийся членом КПСС). В 1990–1993 гг. Воронцов был избран народным депутатом РСФСР (от Кунцевского округа Москвы). Министр Воронцов санкционировал публикацию официальных ежегодных докладов о состоянии окружающей среды СССР, в которых впервые были приведены засекреченные прежде материалы. (А я их издавал. — В.Я.) После него таких ежегодных докладов уже не было. Умер он от рака в 2000 году. Большой ученый, достойный, смелый человек.

* * *

У Воронцова в кабинете на стене, выходящей в сквер, висела большая фотография: Ельцин на танке перед Белым домом. И рядом с ним — Воронцов. Единственный из союзных министров, поддержавший Ельцина. На заседании правительства СССР от 20 августа он один открыто выступил против ГКЧП.

Телефоны Николая Николаевича не звонили, и никто его не тревожил. Я сказал, что после такой фотографии от него откажутся и одни, и другие. Одни — потому что он их якобы «предал», поддержав Ельцина, а другие — потому что рядом с Ельциным на танке было очень мало места.

Так и случилось — для Николая Николаевича места в новой исполнительной власти не нашлось... Правда, потом он был депутатом Госдумы от «Выбора России», заместителем председателя Комитета Государственной думы по образованию, культуре и науке, председателем подкомитета по науке. В те трудные

для науки и культуры времена новая власть еще уважала компетентных людей.

Так случилось, что Воронцова скоро «слили», как и всё союзное министерство. Люди куда-то растворились: кто в брокеры, кто — в управдомы... Лишь немногие оказались в российском министерстве, которое возглавил Владимир Иванович Данилов-Данилян. И так было повсюду в те неверные месяцы, когда Союз как бы еще и был, но его уже совсем даже не было. Гайдаровские министры приходили в министерство и просто объявляли себя главными. Им никто не возражал.

...Через месяц, к началу декабря, когда Ельцин с Бурбулисом, Гайдаром и Козыревым полетели в Минск, а потом в дебри лесные (в Вискули), скрываясь от еще зрячего всевидящего ока КГБ с Кравчуком и Шушкевичем, где и подписали Беловежские соглашения. Словом, констатировали то, что уже случилось и стало непоправимым фактом распада Советского Союза.

«Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный Договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование...»

Союз даже не рухнул, он растворился, как марено под натиском амбиций, взаимных претензий, неплатежей, интересов и обид.

* * *

Каждый год в середине ноября Госсекретарь РСФСР Г.Э. Бурбулис собирает членов того «правительства реформ» на заседание Нет уже Бориса Николаевича Ельцина, нет Егора Гайдара, нет Алексея Головкова... Многих уже нет. Юбилейное открытое заседание того правительства прошло в ВШЭ 15 ноября 2016 года. Велось оно в форме круглого стола: «Правительство реформ: мифы, ошибки, достижения. Значение для настоящего и будущего России».

За основу обсуждения Бурбулис предложил взять реальную повестку (и разослал стенограмму) исторического первого заседания правительства РСФСР под председательством Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, которое состоялось 15 ноября 1991 года.

Уже много лет к каждому такому ежегодному заседанию Бурбулис с коллегами готовит сборник статей и документов, указов и законов, принятых в то время.

В этот раз — протокол и стенограмму первого заседания правительства 15 ноября, которое вел Б.Н. Ельцин. Вот часть той исторической стенограммы.

Драматизм ситуации доносится до нас сквозь сухие строки стенограммы и протокола.

ГАРФ. Ф. А — 259. Оп. 1. Д. 5383 Для служебного пользования Экз. № 1 СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

15 ноября 1991 года

Председательствует — Б.Н. ЕЛЬЦИН

Б.Н. Ельцин

Здравствуйте. Мучительно знакомо... Пять лет не был...

Прежде всего я поздравляю членов Правительства Российской Федерации, правительства реформ, так будем называть с назначением. Строилось сейчас формирование правительства на несколько новых принципах, учитывая некоторый печальный опыт прошлого состава, что внутри правительства начались политические столкновения, интриги. И это в тот период, когда Россия рушится. Это просто нравственно преступно. А потому надо было сформировать самое главное — единую команду... У нас есть еще несколько кандидатур, вакантных должностей. Но в целом это удалось. Действительно, люди все нравственно чистые и не позволят втянуть себя в дразги друг с другом, вместо того чтобы заниматься очень плотно и очень много нашими российскими делами. Я убежден и верю лично в назначение каждого члена правительства. Тем более мы, и я, конечно, в том числе, представляем, в какое время мы руководим Россией.

Такого кризисного состояния не было, может быть, за всю историю России: экономического, финансового, материального обеспечения людей, социальной сферы, культурной, духовной, в развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта, экология. Что ни возьми, то не просто проблема, а либо кризисная ситуация, либо близкая к катастрофе.

Действительно, мы оказались сейчас на узкой тропинке, которая идет по краю пропасти, и одна нога уже практически в пропасти. И вот надо успеть пройти по этой тропе, и надо все-таки за достаточно

короткий срок столько, сколько выдержит народ, чтобы не выйти на улицу и не смести нас всех. Кстати, вместе с другими республиками, и это все понимают. Вчера был Госсовет союзный, очень долго, очень напряженно и мучительно. Но все-таки все понимают... что все сейчас зависит от России. Пойдет ли Россия действительно тем курсом, теми радикальными реформами, решительно, быстро, конечно, разумно и обдуманно...

Раскрепостим мы людей — то есть найдем возможность работать, перестанем мешать — это вот главная задача. Сделаем из людей не рабов, а свободных тружеников — тогда работа пойдет. Когда человек знает, что он работает на своей земле, что все зависит от него, он, конечно, будет работать по-другому.

Человек работает на заводе, знает, что там часть его собственности — он будет работать по-другому. Освободить от десятков, а иногда и сотен различных инструкций, пут, запретов — и внутренних, и внешних. Дать самостоятельность, максимальную самостоятельность возможную нашим регионам, республикам, городам, Советам, предприятиям, организациям.

Найти мужество пройти этот путь в очень болезненном состоянии общества. Да, многие из нас прошли путь оппозиционеров. Когда было достаточно (тоже нелегко, но, по крайней мере, легче) критиковать руководство за всё и вся.

Сейчас нашим... не скажу соперникам, но стороной, с которой придется очень тяжело общаться, — это, конечно, россияне. Потому что жить будет какое-то время (и это правда, которая была высказана на съезде), жить будет какое-то время хуже, жизнь будет ухудшаться. Цены будут расти, соответственно материальное обеспечение, жизненный уровень будут падать.

Наша задача — сократить это время... это падение. Ну, мировой опыт говорит, что можно.

Страны поменьше укладываются в два-три месяца.

Но если бы мы уложились в полгода, именно с падением, пусть потом будет на верхней планке... горизонталь какое-то еще время... но это уже когда мы выйдем... тогда уже можно проводить денежную реформу именно в то время... когда не будет расти инфляция, именно на этой высокой горизонтали.

А потом какое-то уже снижение цен и соответственно начало повышения жизненного уровня народа.

Анатолий Чубайс, Петр Авен и др.

Александр Шохин, Егор Гайдар, Сергей Шахрай

Заседания правительства будут проводиться каждый (или не каждый, мы определимся) четверг, в 10 часов утра. Сегодня исключение, потому что вчера был неплановый день, занят был Госсоветом Союза... Я бы хотел предупредить всех, что заседания должны идти четко, это не дискуссионный клуб, программ мы уже столько наслушались, и их было столько, что сейчас еще какие-то программы обсуждать, еще дополнительные альтернативные программы появятся, нам уже надо с этим заканчивать... мы выбор сейчас сделали, и нам нужно только очень энергично идти по этому пути.

Я буду требовать строжайшей дисциплины как председательствующий... Не убеждать, не агитировать друг друга, а вносить предложения, замечания, какие-то поправки и так далее. Заранее готовить документы, чтобы все члены правительства с ними были ознакомлены за несколько дней и были бы готовы высказать свое мнение. Принимать решение сразу: сутки, не больше, на дооформление этого документа и подписывать. Все это должно строго выполняться всеми членами правительства, и советниками, и госсоветниками, и членами президентской группы, и секретариатом, и соответствующим аппаратом.

Конечно, главное — это реализация тех решений, которые мы будем принимать, и контроль за их реализацией.

К сожалению, надо отметить (я старался не критиковать все это время прежнее правительство), но сейчас, наверное, это можно сказать, что не было системы контроля, отлаженной, четкой...

Думаю, что даже с точки зрения документооборота нам нужно провести реформу, и поручить это специальной группе, очень квалифицированной группе. Провести весь анализ документооборота и соответственно внести предложения по его резкому сокращению. Россия, да и вообще страна бумаг, — каждый пишет друг другу. Даже внутри правительства у нас идет писанина друг другу. Один министр пишет другому министру. Ты просто зайди на одну минуту и выясни вопрос, и все. Нет, обязательно надо написать, зарегистрировать, потом ответ через три месяца получить, а может быть, не получить.

...Или, скажем, оформить земельный участок. Человек неграмотный, допустим, или малограмотный крестьянин — это для него просто высшая математика. Он не может в этом разобраться. Но нельзя ставить его в такие условия, ведь он не знает, что он подписывает. И вот это длится месяц, два, три. В американской практике, если больше 40 минут длится оформление земельного участка, значит, государство не живет, это все: человек впустую тратит время.

Для себя я отвел 15 минут, но имейте в виду — это в первый раз. Ради первого заседания. Больше

© Фото: Григорий Ярошечко

25 ЛЕТ. «ЗАПИСКИ О НОВОЙ РОССИИ»

никаких вступительных слов не будет. Все-таки сегодня действительно необычный день.

...ответственность на нас большая, потому что каждый из нас понимает, что мы идем все-таки в рискованную зону и идем с риском для дела, для политической карьеры своей и авторитета, чего угодно.

Но я, например, лично на это пошел открыто, прямо и не сомневаясь, потому что все-таки у России огромные возможности и огромный потенциал, и я верю в Россию.

И вот эту веру мы должны передать как-то и людям. И на этой вере мы выиграем несколько месяцев, может быть, самые важные месяцы, которые нам понадобятся.

Повестка дня у вас на руках. Первый вопрос — о системе неотложных мер по реализации экономической реформы. Егор Тимурович Гайдар, пожалуйста.

Е.Т. Гайдар.

Уважаемые товарищи! Сложность нашего положения, с точки зрения осуществления стратегии реформы, связана с тем, что Россия не имеет всего набора атрибутов государственности и механизмов государственного управления экономикой, необходимых для четкого проведения осмысленной самостоятельной экономической политики.

Именно поэтому нам придется параллельно решать две задачи. Первая — это радикализация ре-

формы. Вторая — обретение экономического суверенитета. Именно поэтому нам сначала придется пойти на высокую открытую инфляцию, не надеясь сдерживать цены, и потом стабилизировать экономику на основе реконструкции банковской системы и проведения денежной реформы.

Сегодня есть несколько принципиальных вопросов, по которым мы должны определиться. Главная из них — это стратегия реформы цен. Здесь опять же две проблемы.

Первая. Круг товаров, на которые мы хотим и надеемся сохранить регулируемые цены. Принципиальная альтернатива следующая. Либо мы пытаемся использовать регулируемые цены для того, чтобы сдерживать рост цен на сельскохозяйственную продукцию и обеспечить паритет цен между сельским хозяйством и промышленностью, либо мы отказываемся от этих попыток и предельно ограничиваем круг регулируемых цен.

На основе тщательного анализа последствий выбора этих альтернатив мы пришли к твердому убеждению в том, что попытка сегодня централизованно регулировать цены на сельхозмашины, минеральные удобрения, средства защиты растений, а следовательно, и на металл, который необходим для их производства, химические компоненты, — полностью развалила бы программу либерализации цен, что сделало бы невозможной задачу финансовой стабилизации.

Это значит, что мы вынуждены будем предельно ограничить круг регулируемых цен, по существу свести их к топливу, энергии и драгоценным металлам, перевозкам грузов и основным услугам связи.

Предполагается, что регулируемые цены на нефть вырастут ориентировочно в пять раз. Общий индекс оптовых цен и цен на услуги составит примерно три раза.

По розничным ценам. Здесь также придется предельно ограничить перечень товаров, по которому мы будем использовать регулируемые цены, сведя его только к товарам самой первой необходимости, не обремененных высокими дотациями.

Нам придется отказаться от дотирования, от регулирования цен на мясомолочную продукцию, практически на все промышленные товары народного потребления. Мы предлагаем сохранить в кругу регулируемых только такие товары, как основные виды хлеба, молоко, молочнокислые продукты, соль, сахар, растительное масло, детское питание, водка, топливо, бензин, медикаменты и спички

А так как квартплату предполагается решать вместе с приватизацией жилья, транспорт и важнейшие виды коммунальных услуг также остаются государственным регулированием.

Второй вопрос, связанный с реформой цен, — это ее последовательность, шаги по либерализации цен. Здесь две альтернативы.

Первая. Попытаться сделать все в одном пакете, одновременно разморозить розничные и оптовые цены, параллельно произведя реформу налоговой системы, перейдя к налогу на добавленную стоимость. Это более последовательный, более спокойный вариант. Но, к сожалению, ситуация, анализ ситуации показывает, что у нас нет возможности дожидаться сроков, необходимых для такой упорядоченной ценовой реформы. В этой связи мы предлагаем осуществлять ценовую реформу в два этапа. Первый этап — это размораживание цен на товары, которых давно уже нет в открытой продаже. Это товары социально-культурного назначения, в первую очередь, также часть товаров легкой промышленности. Параллельно ввести небольшие корректировки в механизм изъятия налога с оборота и повысить налоговые ставки. Недостаток этого варианта состоит в том, что мы будем иметь два ценовых всплеска. Первый ценовой всплеск — сейчас, немедленно, как только мы смо-

жем подготовить это технически. Я не буду называть даты все-таки, даже здесь. Второй ценовой всплеск будет связан с отпуском оптовых цен и всей совокупности розничных цен.

Однако если мы будем достаточно жестко проводить политику по отношению к налогу с оборота, то, по расчетам, общий индекс цен по совокупности двух всплесков будет ниже при выборе второго варианта. Недостаток его очевиден: мы наносим удар по народному благосостоянию два раза, а не один раз. Но, к сожалению, видимо, этот выбор придется сделать.

Меры эти сочетаются и сопровождают реформу цен в собственно экономической области, а о социальных будет говорить Александр Николаевич Шохин.

Первое. Это либерализация внешнеэкономической деятельности. Мы должны параллельно с либерализацией цен хотя бы создавать минимальные условия для конкуренции на внутреннем рынке. Что мы можем сделать здесь? Это первое. Действительно, снять импортные ограничения — по импорту товаров народного потребления. Открыть широкие возможности для иностранных инвестиций. Сделать ряд шагов, направленных на переход к конвертируемости рубля в тех масштабах, которые это возможно сделать при высокой ответной инфляции. На это направлен подготовленный и представленный на ваше рассмотрение указ о либерализации внешнеэкономической деятельности.

Следующий момент — коммерциализация торговли. Конечно, сломать за месяц государственную монополию в торговле мы не сможем, но мы должны сделать так много, как можем, для того чтобы продвинуться в этом направлении. Главное здесь — это открытие счетов низовым предприятиям розничной торговли, предоставление им права юридического лица, позволяющее надеяться на формирование условий конкуренции между предприятиями низового звена. Пока все сосредоточено на опте, никакой конкуренции внизу не будет. Предложенный вам проект также предполагает политический выбор. Мы вносим серьезные изменения в систему организации торговли в условиях острейшего дефицита и накануне суровой зимы.

Здесь есть некоторые разногласия, они еще окончательно не урегулированы между Министерством торговли и материальных ресурсов и Министерством экономики и финансов по конкретному механиз-

му коммерциализации торговли. Эти разногласия мы снимем в течение двух дней.

Я думаю, что мы все-таки не можем пойти сегодня на административную ликвидацию предприятий, главных управлений торговли в городах, потому что вне зависимости от практических последствий нас все обвинят, что мы накануне либерализации цен развалили систему управления торговли. И они просто будут саботировать нашу работу. Поэтому пойдем в этом же направлении, но чуть более осторожно.

В области приватизации... предлагаем вести две оперативных корректировки, которые позволят резко ускорить процесс приватизации. Первое из них связано с приватизационными счетами. Выход на систему приватизационных счетов, предусмотренных в законе, потребовал бы от нас полтора миллиарда рублей денег и огромных организационных усилий, по существу удвоения мощности сберегательного банка по переработке информации. Сделать это сегодня физической возможности мы не имеем.

Поэтому, сохраняя направленность закона на обеспечение социальной справедливости в процессе приватизации, мы предлагаем другой механизм, а именно: направление в 1992 году вырученных от приватизации денег на социальные программы и социальную поддержку, что не потребует таких расходов и такой огромной организационной работы, с тем, чтобы вернуться к вопросу о приватизационных счетах в 1993 году, когда к этому будут финансовые основания.

...Мы предлагаем не связываться с обсуждением программы приватизации на Верховном Совете, иначе мы потеряем всю зиму. Мы предлагаем ее оперативно доработать и принять Указом Президента, с тем чтобы потом вынести на Верховный Совет. Следующий блок вопросов связан с обеспечением экономического суверенитета РСФСР и созданием минимально необходимых предпосылок для проведения осмысленной экономической политики.

Первый из них — это вопрос о Государственном банке, о Министерстве финансов СССР и о Гознаке. Невозможно проводить стабилизационную политику, не имея контроля над собственным денежным обращением и думая, что союзный бюджет и российский бюджет это разные бюджеты, один из которых не имеет к другому отношения. Инфляцию питают сегодня оба бюджета — и российский, и союзный. Союзный в первую очередь.

В этой связи нам предстоит организационно объединить Министерства финансов СССР и РСФСР, четко определиться с набором затрат, которые берет на себя Россия.

Наше предложение состоит в том, чтобы немедленно взять на себя значительную часть союзных расходов, которые так или иначе придется финансировать. Не обманывать себя тем, что кто-то это будет делать за нас и затем уже бюджет на 1992 год строить, исходя из возможностей финансового покрытия совокупных расходов России, и того, что мы готовы взять из Союза.

С этим же связан, естественно, вопрос о передаче фондов, имущество Гознака, принадлежащих Минфину СССР, Минфину РСФСР. Соответствующее постановление вам представлено на утверждение. Вопрос о Государственном банке. Вопрос максимально деликатный, сложный, но решать его, тем не менее, придется. Мы предложили представленный вам проект Указа Президента по вопросу о Государственном банке. Нам кажется, что Указ этот предельно сдержан по своему содержанию, он ни в чем не задевает республику. Мы не предлагаем конфисковать золотой запас, мы не предполагаем конфисковать активы и пассивы Государственного банка, мы предполагаем только установить контроль Государственного банка России на денежное обращение на территории России, с тем, чтобы потом урегулировать все споры и разногласия с республиками.

Только на этой основе мы сможем получить реальные рычаги в контроле над денежным обращением и сдерживать рост цен, денежные и финансовые меры. Соответствующий проект указа представлен на ваше рассмотрение.

Следующий вопрос. Это регулирование экспорта вывоза нефти и нефтепродуктов с территории России. Проект соответствующего постановления вам роздан. Сегодня сложилась критическая ситуация, связанная с тем, что российские органы, союзные органы выдали примерно 129 млн. тонн лицензий на экспорт нефти и нефтепродуктов. Работа ведется нескоординированно. Лицензии выдают без квот. По существу, если они будут выполнены, то страна просто на эту зиму останется без топлива.

Даже беглое ознакомление со списком представленных лицензий заставляет предположить широкое распространение коррупции в этой сфере.

Мы передали соответствующие материалы в Министерство внутренних дел и предлагаем принять срочно оперативное постановление, отменяющее выданные лицензии и предполагающее срочный пересмотр всей системы лицензий с тем, чтобы ограничить тем, что действительно нужно для интересов России. Параллельно немедленно перейти к формированию системы контроля за вывозом нефти и нефтепродуктов в другие республики с тем, чтобы исключить реэкспорт российской нефти через территории других республик за валюту за рубеж. Торговать будем по мировым ценам, на основе бартера, учитывая взаимные интересы республик.

Следующий вопрос. Организация промышленности драгоценных металлов, алмазов на территории РСФСР. Золотой запас и контроль за производством золота — важнейшее средство финансового маневра. Сегодня у нас очень остро стоит проблема с обеспечением импорта в первом квартале 1992 года. Острый дефицит валютных ресурсов, в том числе и в связи с перераспределением российских ресурсов на союзные нужды. Нам нужно, даже если мы не пойдем сейчас на крупномасштабную авансовую продажу золота, нам нужно иметь этот вариант для того, чтобы иметь развязанные руки свободного маневра. Для этого четкая юридическая фиксация нашего контроля за добычей золота должна быть обеспечена. Именно это закрепляется в этом постановлении.

...Еще по одному принципиальному вопросу, который я хотел бы обсудить. Дело в том, что до сих пор союзные органы продолжают брать кредиты и распределять кредиты, предоставляемые иностранным банкам. Были проведены переговоры об ответственности за выплату долга. Украина категорически отказалась от принципов солидарной ответственности за выплату задолженности. В этой ситуации, мне кажется, что

Правительство РСФСР должно было бы выступить с заявлением примерно следующего характера. «Мы признаем и уважаем обязательства Советского Союза финансовые, заключенные до настоящего времени, мы готовы вести переговоры с другими республиками о солидарной ответственности по обязательствам. Вместе с тем, учитывая, что источником погашения всех этих обязательств в настоящее время является исключительно позитивное сальдо торгового баланса России, мы просим иностранных кредиторов не вести никакие переговоры о предоставлении новых займов без участия России. С настоящего времени за любые займы, заключенные без участия России начиная с сегодняшнего дня Россия не отвечает». Вот примерно текст нашего заявления, если мы согласимся с этим, то, мне кажется, его стоило бы сделать.

Следующий вопрос. Министры «семерки» должны в ближайшие дни прилететь в Москву, вести переговоры по поводу задолженности. После того как сейчас весь механизм после отказа Украины развалился, мне кажется, что этот визит сегодня был бы своевременным, и время для него не оптимально. Может быть, нам следовало бы вступить в переговоры с послами семи ведущих стран, попросив их на неделю отсрочить визит руководителей стран «семерки» для того, чтобы мы могли определить свою позицию, договориться с республиками, и четко ее формулировать на переговорах с «семеркой», опять же учитывая, что у России 10 млрд. позитивного сальдо торгового баланса, а у всех остальных республик 6 млрд. отрицательного сальдо торгового баланса. Это вот реальность, из которой надо исходить...

http://prohistory.ru/system/documents/documents/000/000/444/original/Стенограмма_15111991_ред.pdf?462905803

© Текст подготовил Виктор Ярошенко

25 лет Мифы, ошибки, достижения

Мифы бывают разные. Есть мифы, которые целенаправленно создаются, чтобы исказить суть дела, а есть такие, что вдохновляют, помогают жить и на этой основе глубже осознать, что на самом деле мы сделали 25 лет назад. Давайте разделим эти две группы мифов и, может быть, обогатим друг друга глубиной осознания.

Юбилейное заседание правительства реформ в Высшей Школе Экономики 15 ноября 2016 года

Ведущие: Г.Э. Бурбулис, А.Н. Шохин, Е.Г. Ясин

.....
Г.Э. БУРБУЛИС,

государственный секретарь РСФСР, Первый заместитель
председателя правительства РСФСР

(с 6 ноября 1991 г.):

.....
В мировой истории до сих пор не было такого явления, чтобы члены правительства 25 лет сохраняли друг к другу интерес, уважение и ответственность — это то, что их объединило четверть века назад, в 1991 году.

Это уникально, неповторимо и очень-очень важно. Давайте поприветствуем друг друга...

Вот уже многие годы в каждом ноябре мы празднуем день рождения нашего правительства, но только сейчас, 25 лет спустя, догадались, что нужно более точно и содержательно сформулировать повестку дня нашего очередного заседания.

Предлагаем повестку: 25 лет правительству реформ. Мифы, ошибки, достижения.

А также значение для настоящего и будущего страны. Я думаю, настало время нам самим посмотреть на себя с точки зрения объективности, системности, истории и попробовать сегодня осмыслить нашу деятельность в этой нерасторжимой триаде.

Прежде всего нам между собой, друг перед другом необходимо понять, какие же ошибки были совершены, последствия которых сказываются по сей день...

Второе. Мифы о реформах правительства Ельцина-Гайдара.

Мы уже понимаем с вами, что миф — это не всегда плохо. Миф — это естественная жизненная необходимость, помогающая человеку объяснять мир,

связывать поколения, тем более в условиях чрезвычайных испытаний, кризиса...

Мифы бывают разные. Есть мифы, которые целенаправленно создаются, чтобы исказить суть дела, а есть такие, что вдохновляют, помогают жить и на этой основе глубже осознать, что на самом деле мы сделали 25 лет назад. Давайте разделим эти две группы мифов и, может быть, обогатим друг друга глубиной осознания.

Ну и, конечно, достижения. Я очень признателен уважаемым коллегам, которые откликнулись на наши вопросы... Мы с Александром Шохиным их обсуждали и редактировали ... Эта работа будет продолжаться...

И вообще наше заседание — вовсе не юбилейный праздник, а юбилейные будни, за которыми следует работа...

И наконец — два признания от меня лично в связи сегодняшним нашим «круглым столом».

Я хочу попросить всех коллег изучить эту книжку, которую нам удалось издать: сборник документов и стенограмм самого первого момента нашего правительства, показывающий всю драматичность, даже порою трагичность той или иной ситуации в то непростое время. Здесь впервые представлены на обозрение протоколы заседания правительства от 15 ноября 1991 года, а также заседания Госсовета от 25 октября, на котором окончательно обсуждалась концепция доклада Бориса Николаевича V Съезду народных депутатов России... После этого доклада 28 октября Б.Н. Ельцин был избран председателем правительства Российской Федерации, и тогда правительство получило возможность в благоприятном

правовом режиме проводить комплекс реформ, призванных радикально преобразить Россию (РФ) как государство и общество. Здесь, под одной обложкой много такого, чего еще никто не видел, и много такого, что нам нужно будет еще осмысливать для самих себя.

* * *

Давайте задумаемся и попробуем ответить себе сейчас: что же мы на самом деле сделали 25 лет назад? И в этом — и только в этом — глубоком осознании собственных недостатков и достоинств мы можем оказать какое-то существенное влияние на день сегодняшний и день грядущий. Я попробую сформулировать свою позицию.

Наше правительство было единственным в истории России правительством, которое было сформировано на принципах меритократии — достоинства, духовности, деловитости.

По разным причинам в этом мы друг другу не признавались. Но совершенно очевидно, что никакие кризисы, никакие конфликты, никакие чрезмерные обещания и ожидания не могут сравниться с тем нравственно-духовным и культурно-интеллектуальным потенциалом, которое содержало в себе наше правительство... И только на этой основе мы состоялись в истории как правительство реформ.

Была редчайшая возможность соединить политическую волю Ельцина к тому времени по большому счету обладавшего уникальным жизненным опытом: и махровой партократии, и дерзкого демократа-народника, и всенародно избранного президента страны.

При этом у него хватило мужества доверить свою судьбу, свое имя, свою уникальную биографию молодым и тоже дерзким людям (в сочетании с профессионалами других поколений). И вот этот сплав профессионализма, воли председателя правительства России и добросовестного отношения к судьбе, которая нам выпала, и есть в сути своей феномен правительства России 1991 года. Есть зов истины и правды, есть зов разума и совести... Когда в нашей политической традиции эти ценности будут сопряжены постоянно, тогда (и я в этом уверен) Россия обретет достойное будущее, и наши дети и внуки будут жить в уважаемой всеми стране.

Пожалуйста, друзья, давайте начнем диалог...

.....
Е.Г. ЯСИН,

министр экономики Российской Федерации

(с 1994 по 1997 года)

.....
С самого утра я чувствую... (Сегодня утром, был не очень приятный сюрприз в виде задержания Алексея Улюкаева... Я бы предпочел видеть его здесь...)

Это большой праздник. Тот праздник, который «всегда с тобой». Хотя наши достижения сейчас кажутся не столь уж существенными: многие ожидали, что немедленно будет расцвет и рост, но случилось не так. Почему так случилось — это вопрос. Вчера у меня был семинар со студентами, и я им сказал: просто это недоделанная работа. И важнейшую ее часть предстоит доделать вам. Это будет отнюдь не легкая работа. Но вполне выполнимая. Я вижу ваши лица... И у меня на душе становится легче. Я всем желаю бессмертия. Чтобы дети наши продолжили. Россия наша заслуживает, чтобы мы выбрались, наконец, на такой уровень, где народ будет жить не хуже, чем в других цивилизованных странах.

.....
А.Н. ШОХИН,

заместитель председателя правительства РСФСР

(с 6 ноября 1991 г.)

.....
...Историю того правительства можно отсчитывать с 6 ноября, когда Борис Николаевич решил назначить вице-преьерами Бурбулиса, Гайдара и меня...

Но на самом деле судьбоносные события произошли раньше — 25 октября на V съезде народных депутатов РСФСР, а затем, на заседании Госсовета, где, по сути, основные положения экономической программы будущего кабинета были обозначены Ельциным. Помню, с каким трепетом мы слушали выступление Бориса Николаевича, когда он пообещал освободить цены со 2 января, хотя мы считали, что дату раньше времени не следовало бы объявлять, чтобы окончательно не исчезли товары с полок магазинов... Два месяца хотя бы дотянуть до Нового года. Но получилось так, что выступление Бориса Николаевича произвело сокрушительный эффект как раз прежде всего на ситуацию в магазинах, а уже потом — на формирование нового правительства...

Я хотел бы напомнить, что к концу октября 1991 года у Бориса Николаевича был выбор, какое правительство формировать. Как ни странно, он уже определил, какую программу следует реализовывать: рыночные реформы, либерализация цен, приватизация и т.д. В основном он использовал наработки команды Гайдара на 15-й даче в Архангельском, но тем не менее он еще не принял решение, кто эту программу будет реализовывать. И в этой связи я хотел бы упомянуть Геннадия Эдуардовича, который убедил Ельцина, что программу должны воплощать в жизнь именно те, кто ее писал. Потому что была велика вероятность, что на пост председателя правительства будет назначен кто-то из партийной номенклатуры: Олег Скоков, Юрий Лобов, кто-то из свердловских друзей Ельцина (но не Бурбулис, у него фамилия была неподходящая).

И тогда было принято еще одно нестандартное решение. Стало понятно, что Б.Н. не может решиться назначить кого-то премьером. Старые его друзья не проходили по критерию несоответствия программе, новые реформаторы были ему, мягко говоря, не очень известны, он согласился с мнением временно совместить обязанности президента и председателя правительства, благо тогдашняя Конституция РСФСР позволяла это... И я считаю, что это был серьезный шаг поддержки команды реформаторов со стороны Бориса Николаевича — он своим авторитетом создавал политическое прикрытие... Предполагалось, что у нас больше года на реформы было отведено чуть больше года, что год — это максимум жизни для этого правительства и нам нужно идти по польскому варианту.

Я хотел бы предоставить слово Петру Олеговичу Авену, который вместе с Альфредом Кохом написал книгу про реформы и опросил многих из членов правительства...

.....
П.О. АВЕН,
 министр внешних экономических связей РСФСР
 (с 22 февраля 1992 г.)

Опыт нашей совместно с Альфредом Кохом книги «Революция Гайдара» показывает, что история нашего правительства до сих пор не прояснена, она не рассказана. Те дискуссии, которые ведутся до сих пор,

идут либо с хвalebно-мемориальным уклоном, либо, что гораздо более часто, с чернительным...

Прошло 25 лет, все мы еще вполне в работоспособном возрасте... Это было лучшее время нашей жизни... Надо отметить, что у нас в правительстве была феноменальная атмосфера, мы все друг друга поддерживали. Была атмосфера полного доверия, сотрудничества, взаимовыручки... И несмотря на то, что наши взгляды менялись (ну, не считая двух-трех отщепенцев), у нас сохранились такие же отношения до сих пор. И мне кажется, что этот благожелательный тон, но при этом честный, сохранялся при обсуждении того, что мы делали, почему мы делали...

Мне сейчас действительно кажется, что мы тогда очень многого не понимали. Что касается узкопрофессиональной части, мы, безусловно, занимались только экономикой, и этот экономический детерминизм, который у нас был, мне кажется, безусловно фатально повлиял, на будущее. Многими вещами мы просто не занимались, к сожалению. И многих вещей не понимали. Когда на днях была презентация книги Сергея Васильева, Чубайс называл экономические вещи, факты, которых мы не предвидели и не понимали, они очевидны... Кризис неплатежей, который массово возник, или тот же фантастический расцвет коррупции... Очень многих вещей мы не понимали тогда, но об этом надо говорить спокойно и трезво; никто тогда многого не знал и не предвидел, и многое невозможно было предвидеть... Мне кажется, что хорошо было бы, если бы мы могли поговорить о содержательном, о наших ошибках... мы хотели как лучше, а получилось не как всегда, а по-другому... Мы поменяли страну, на мой взгляд, необратимо, это так и есть — навсегда, кто бы что ни говорил, она стала совершенно другой. В этом и заслуга, и беда нашего правительства. Но все равно я хочу сказать, спасибо всем, с кем мы тогда работали, для меня это большая часть жизни...

Г.Э. Бурбулис:

Часто говорят о «молодых реформаторах»... Но речь не всегда идет о возрасте, речь идет о целеполагании. Для нас было очень важно участие в кабинете Станислава Васильевича Анисимова. Когда Егор Гайдар предложил пригласить его в правительство, были некоторые вопросы: «Как? Он же член союзного правительства! А что он делал в этой системе? Насколько он может быть адекватным новым задачам?»

Однако никто лучше вас не знал, каковы эти самые «закрома Родины», и никто лучше вас не понимал, как ими следует распорядиться.

.....
С.В. АНИСИМОВ,

министр торговли и материальных ресурсов РСФСР

(с 10 ноября 1991 г.)

.....
 Для меня была большая неожиданность, когда 7 ноября Егор Тимурович предложил мне встретиться. Он и Нечаева пригласили на беседу. Так сложилась судьба, что я участвовал во многих работах и в «Соснах», и в Барвихе, а в Архангельском... Был этап, когда меня приглашал Силаев... Но потом ситуация изменилась. В тот момент, когда я получил приглашение Егора Тимуровича, управления в стране не было. Как ни обидно, как ни жаль, Советский Союз разваливался на кусочки, правительство полностью оказалось не у дел. Те быстрые шаги, которые принимал Борис Николаевич, заставляли врасплох. Например, от должности министра материальных ресурсов Союза ССР меня освободил Борис Николаевич, хотя назначал Михаил Сергеевич. На два месяца раньше освободили. Я сидел на даче, отставник, коллегия тоже сразу же отстранили. Министерство потеряло управление. Такая ситуация была и в других министерствах. Переворот, как его называют, который произошел по вине ГКЧП, — я-то его в несколько другом смысле понимаю. Учитывая, что я участвовал в заседаниях Советского правительства и в президиуме правительства 17 августа, когда Павлов собирал и обсуждал... Казалось так, что содержание, которое согласовано с республиками по Союзному договору, не учитывает никаких объединяющих факторов: ни движения ресурсов, ни финансовых, ни материальных вопросов, ни тех, что связаны с обороной, — все союзное игнорировалось... Тогда, 17 августа, собрали президиум и начали рассматривать все эти вопросы, выработали протокол, где было семь важнейших пунктов, которые считали необходимым добавить в то соглашение. 18-го этот протокол был у Горбачева, он сказал, что не может принять решение президиума, ему необходимо собрать все правительство. И 19-го было заседание правительства под руководством Павлова, обсуждался вопрос об этом протоколе. На самом же деле всех интересовал вопрос: а как же ГКЧП? А Павлов

говорил: мы этот вопрос не обсуждаем, мы обсуждаем протокол.

Поэтому неверно говорить, что было противостояние СССР — Россия. Было противостояние Ельцин—Горбачев. А что касается Союза — было неприятие президента СССР, который не желает решать вопрос. И вот в этом и была главная причина, почему был создан ГКЧП. Это объясняет еще и то, почему не трогали Белый дом... Цель была иная: убрать человека, который не желает решать вопрос, когда страна находится на пороге ужасного кризиса, и политического, и экономического.

Вечером 15 августа я собрал министров ресурсов в Киеве, мы проводили совещание, договорились обо всем, как будем работать в условиях, когда наша «верхушка» не работает. Ну а дальше последовали известные события. 17 и 19-го.

Поэтому когда 7 ноября 1991 года я получил приглашение от Егора Тимуровича, меня это крайне удивило. Во-первых, потому что последние месяцы у нас были непрерывные противоречия с Олегом Лобовым... Казалось, что меня уж никак не могли туда пригласить, это исключено.

Я несколько иначе понимал стоящие перед Россией проблемы. Но у меня никогда не было сомнений в том, что меня пригласили на конкретную работу, под определенную программу, которая была одобрена на съезде...

Эту программу разрабатывала команда компетентных людей, и было принято, чтобы она эту программу и выполняла. Поэтому я не мог не согласиться. Сложность была только в том, что Верховный Совет РСФСР стал активно противостоять моей кандидатуре. Бурбулис сказал, что этот вопрос он берет на себя. «Идите и работайте...»

Ну и так получилось, что я 15-го уже принимал участие в заседании кабинета, которое проводил Ельцин. Первое, что меня удивило: обстоятельность обсуждения и подготовки, полное владение вопросом. Полный контраст по сравнению с тем, что я видел прежде.

Вопросов для обсуждения было выдвинуто много, можно почитать стенограмму этого заседания.

Темп обсуждения задан, на каждое выступление отводилось 10–15 минут, никаких лозунгов, никаких общих слов, агитации. Сказал принимавшим. Не принимаем — отошел. Все. Такой был темп. Когда я начал

принимать участие в работе над указами, меня тоже удивила и восхитила сама техника организационной работы. Каждый вторник в половине дня идет «репетиционное», или «бутербродное» заседание правительства до глубокой ночи, где обсуждаются те указы, которые подготовлены для обсуждения в четверг под председательством Ельцина. Абсолютно свободная атмосфера обсуждения. Кто что считает, тот про то и говорит. Если министр вносит предложения по указу проекта документа, и начинает его отстаивать, — участвуют все. Идёт полемика, спор, наконец приходят к решению: либо принимается с изменениями, либо отправляется на доработку. Идёт другой документ.

А.Н. Шохин:

Мы решили, что Борис Николаевич как председатель правительства не должен сталкиваться с полемикой, ее надо провести до того и выносить на суд председателя правительства только согласованные и обсужденные вопросы. Поэтому до глубокой ночи во вторник все это обсуждалось; под утро, если не согласовывали, обсуждали на следующем заседании, через неделю. Поэтому официальные заседания правительства, четверговые, проходили уже как одобрение согласованных решений. Более того, живое присутствие министров на этих «бутербродных» заседаниях и было межведомственным согласованием. Нельзя было пустить документ на месяц в бюрократическую ведомственную «карусель», что сейчас, к сожалению, стало уже традицией. Если что-то не нравится, пишет замечания; если вице-премьер не согласовал — еще на месяц, и так далее...

А.А. НЕЧАЕВ,

министр экономики РФ
(с 19 февраля 1991 г.)

...Это был, конечно, странноватый такой монстр — министерство экономики и финансов. Реально, конечно, они работали независимо друг от друга. Но это была непростая задача. Людей, которые всю жизнь занимались планированием, которые знали доподлинно, у какого директора завода в каком цехе сколько болтов делается, теперь нужно было заставить мыслить в терминах экономических реформ и использовать все практические знания для достаточно серьезных эконо-

номических преобразований. Но это было очень нелегко...

Я там пытался осуществлять какие-то политические интриги, предложив, например, место своего первого заместителя тогдашнему исполняющему обязанности союзного министра Александру Николаевичу Трошину, и он даже согласился, но в этот момент пришел Татарстан с объявлением независимости, и Борис Николаевич зачем-то мне поручил вести эти переговоры. И, конечно, было немного странно: две недели назад академический ученый, а против него такие политические зубы — Шаймиев, его председатель правительства... настоящие партаппаратные советские монстры. Так вот Трошин, даже не будучи назначенным, подал в отставку, сказав: я не хочу присутствовать при распаде России...

Я перехожу к анонсированным мифам. Сейчас от этого отмахиваются — какая там могла быть гражданская война, какой распад России, — но вот в конце 91-го и начале 92-го все казалось совершенно иначе. Когда на полном серьезе многие руководители автономных республик и областей стали один за другим объявлять о независимости, например, уважаемый Эдуард Аркадиевич Россель отметил своей идеей Уральской Республики, затем Сибирь, Приморье... Все это было на устах и в головах... Совершенно серьезно, с той или иной мерой радикальности, руководители регионов заявляли о своем выходе из России — тогда угроза казалась совершенно реальной, и факт ее преодоления я считаю большим достижением нашего правительства, и конкретно нашего министерства, потому что на нем в значительной степени лежала эта работа. Вообще я бы сказал, что есть две категории мифов. Одна категория — это мифы, к сожалению, более распространённые, в том числе в обывательской среде, которые сводятся, утрируя, к тому, что всё развалили и всё украли... Я их развенчивать не буду, кому интересно, могут почитать «Гибель империи» Гайдара и даже мою книжку, или книгу Авена и Коха, где много фактов и видно, что, собственно, тогда происходило; так вот, что коллапс в экономике, коллапс потребительского рынка и, главное, коллапс бюджета наступил задолго до появления нашего правительства...

Но есть и вторая категория мифов, которая до сих пор транслируется, в том числе из потенциально дружественного нам идеологического лагеря: что на-

до было идти постепенно, или по китайскому пути, использовать программы «400 дней», «500 дней» и т.д. Что надо было сначала создать рыночные институты, развить конкуренцию... В этом году я вел много политических дискуссий с Григорием Алексеевичем Явлинским и всякий раз слышал от него нечто подобное — что надо было сначала развить институты, а уж потом либерализовать цены.

В абстрактной академической дискуссии я, может быть с этим и согласился бы. Но когда вспоминаешь конкретную ситуацию конца 91 года, когда в день из регионов приходят десятки телеграмм, что завтра в крупных городах начинается голод и централизованная система снабжения рухнула полностью (Станислав Анисимов это лучше знает), когда не обеспечен элементарный уровень потребления в крупных городах (которые все на этом снабжении сидели, прежде всего на импорте) — рассуждать в этот момент о развитии рыночных институтов и создании конкурентной среды было несколько затруднительно...

Я подозреваю, что Россия действительно не пережила бы зиму 92 года, как ей и предрекали многие журналисты и эксперты, без серьезных катаклизмов, если бы не эти, безусловно, очень болезненные, но решительные меры не были бы предприняты... Еще один маленький пример: я надеялся, что мы сможем сделать анализ с перекидкой в наш сегодняшний день. Но пока это не очень получается, мы больше в мемориальный тон ударяемся, возраст сказывается, видимо...

Приведу один случай, когда на каком-то юбилее Минэкономики, куда меня уже Греф пригласил, подходит сотрудник и говорит: Андрей Алексеевич, у меня с вами связано самое яркое воспоминание за всю мою двадцатилетнюю чиновничью жизнь. Я думаю: что же я такого натворил?

«Вы, наверное, не помните, — говорит, — к вам пришло все руководство Дагестана, с тем чтоб по закону о возвращении репрессированных народов должны были возвращать чеченцев-акинцев, а на их местах уже поселили лакцев — и это значит, что начнется резня, которую потом не остановишь. Если вы эту проблему сейчас не решите, вы эту резню не остановите никогда». И они меня, в общем, убедили; я позвонил Егору в два часа ночи: так, мол, и так. Ты меня поставил стеречь бюджет, но тут, похоже, надо выделить деньги на строительство поселков для возвращающихся акинцев...

Он говорит: «Ну, если ты так считаешь...»

А этот чиновник продолжает: вы меня вызвали, сказали — готовьте постановление правительства, всего полчаса времени. Через полчаса он его принес, мы ручкой поправили, отправили меня к Гайдару, он еще раз ручкой поправил, подписал. И знаете, что самое смешное? На следующий день началось финансирование.

Он говорит: если бы сейчас мне было прямое поручение президента, контроль всей системы делопроизводства — это заняло бы два месяца... Разговор был лет десять назад. Сейчас это заняло бы месяца четыре... Вот в чем отличие нынешнего правительства от той команды: потому что это была команда, где люди доверяли друг другу. Если кто-то брал на себя ответственность, остальные были готовы ее разделить в меру своей компетенции.

Теперь об ошибках... Не в том дело, что надо было сделать НДС 28 %, а не 26 с половиной, и почему просмотрели проблему неплатежей. Нет, главная ошибка была в другом... Это, конечно, ошибка Бориса Николаевича, а наша беда, когда он нам сказал (а Геннадий Эдуардович его горячо поддержал): вы политикой не занимаетесь. Вы технократы, вы занимаетесь экономическими реформами, каждый в своей сфере, а политикой будем заниматься мы. В результате политика пришла за нами, и вы помните первую коллективную отставку правительства, когда мы вслед за Бурбулисом все вышли из зала. В апреле 92-го года на съезде, демарш, который кардинально поменял ситуацию. Этот первый политический акт правительства дал нам возможность еще месяца два-три более-менее спокойно работать.

Мне кажется, что тогда Борис Николаевич не сделал ставку на создание сильной пропрезидентской партии — именно пропрезидентской, а не только проправительственной. В том противостоянии элит, противостоянии исполнительной и законодательной власти, которое страшно мешало тогда реформам, этого, увы, тогда сделано не было. Вот это-то и было самой серьезной ошибкой, за которую мы расплачиваемся тем, что имеем сейчас.

Г. Бурбулис:

В этой брошюре, коллеги, ответы на наши вопросы. Там типичная позиция, Андрей об этом говорит уже не первый год. А позиция такая (Пётр Филиппов

будет нас разносить на эту тему): что самым большим недостатком, ошибкой и даже, может быть, и преступлением, было то, что у нас не было профессиональной, многоуровневой разноформатной системы, разъясняющей суть реформ в их текущем и последующих проявлениях, что у нас не было министерства пропаганды.

Что я могу на этот серьёзный упрёк сказать?

Первое. Мы на самом деле в своей республике создали обстановку реальной свободы слова. Николай Карлович здесь, он это подтвердит. Реальной свободы слова. И когда нам приходит в голову этот образ — министерство пропаганды, в сознании, стереотипах наших видится нечто, что отсекает иную точку зрения, что отличает один канал от другого...

Второе. Не будем забывать никогда, что абсолютное большинство населения, так называемый советский социум, для того чтобы проникнуться, заинтересоваться и осмысленно поддержать *содержательные реформы*, — не прекрасный лозунг свободы, не отмену партийного гнета, защиту от диктатуры начальника, от грубости жэковской дамы, а содержательно, осмысленно *поддержать реформы*, — никаким министерством пропаганды этого было невозможно добиться, это переломить.

Более того, методы и способы так называемой агитации за радикальные реформы не столь примитивны и однозначны, как мы это до сих пор воспринимаем.

Сегодняшняя действительность показывает, в чем состояла и наша непоправимая ошибка...

И наконец, партия: быть или не быть партии нового типа, которая могла бы сформироваться, опираясь на безусловный личный авторитет Бориса Николаевича, избранного президентом подавляющим большинством. Или нужна была какая-то другая методология, более тонкая и более тактически изящная...

Ельцин, действительно, считал, несмотря на все настойчивые предложения о том, что работа предстоит и уже осуществляется настолько сложная и важная для каждого конкретного гражданина России, что уповать на президентскую харизму, уповать на большинство, поддерживающее Бориса Николаевича, — нельзя. Пусть это выглядело и наивно, и примитивно, и в высшей степени безответственно. Здесь Андрей прав...

Он говорил: второй КПСС не будет, не будет этой президентской партии, давайте искать другие способы мобилизации. Я себя считаю персонально ответственным до сего дня за то, что не сумел переубедить Бориса Николаевича и вместе с коллегами не нашел иные слова, иные термины, иные подходы... И не «народный фронт», что тоже является предметом манипуляции, и не президентскую партию, от чего Ельцин категорично отказывался. Нужна была (и мы ее не нашли) более тонкая, иная настройка. И, наконец сегодня, смотрите, что происходит: во всем мире системный кризис партийных институтов. Современная демократия, базирующаяся на партийных институтах, трещит по швам. И не надо тут даже про Трампа вспоминать, в современной Европе то же самое... Когда мы мысленно возвращаемся в те годы и думаем, что можно было построить новое общество по лекалам классической демократической системы конца XX века, это выглядит немного наивно.

Е.Г. Ясин

Я не согласен с тезисом, что вы стремились устранить дефицит, а надо было строить институты. Либерализация цен — это тоже институт. И вообще пакет первых реформ, которые тогда проводило правительство, — это и были первые шаги в создании институтов. Что такое либерализация цен? Это основа рыночной экономики. Следом за этим обязательно стабилизация финансов. Все это делалось. А что такое институты? С моей точки зрения, пакет реформ и был основой новой институциональной системы. Мы сегодня живем потому, что она существует.

А. А. Нечаев

У нас до сих пор корпоративные налоги преобладают над личными. Единственно, что этот упрек никак нельзя адресовать нашему правительству — известно, что в условиях высокой инфляции работают только косвенные налоги, а прямые не работают. Поэтому и был введен НДС, который гораздо легче администрировать, в том варианте, как он был введен, чем налог с продаж, с которым пытался играть Горбачёв. Но никто не утверждал, что та налоговая система, которую мы тогда сделали в экстремальной ситуации, на вечные времена. Мне как одному из авторов этой реформы льстит, что она засиделась на 25 лет, но мы этого совершенно не предполагали. И в гораздо более спо-

койные времена, особенно когда влили «золотой дождь» нефтедолларов, — конечно, налоговую систему надо было кардинально менять.

.....
А.Б. ЧУБАЙС,

председатель Государственного комитета по управлению государственным имуществом, министр РСФСР (с 10 ноября 1991 г.), заместитель председателя правительства Российской Федерации по вопросам экономической и финансовой политики (с 1 июня 1992 г.)

Я не про экономику, а совсем про другое: чем мы тогда занимались. С годами для меня это становится все более и более важным. В моем понимании важнейшая задача, которую начало решать правительство Бурбулиса–Гайдара в ноябре 91-го года, — это, как ни странно, задача государственного строительства. Мы же помним, как выглядела конструкция управления государством к моменту, когда нас угораздило попасть в правительство. Я бы сейчас ушел от идеологии, а говорил о системе государственного управления. И понятно, что сердцевинной всей системы власти в Советском Союзе была Коммунистическая партия. Можно разделять ее идеалы, можно не разделять, но я не про идеологию, а про механизм управления. Здесь сидят люди старше меня, которые прекрасно знают, что роль коммунистической партии как органа государственной власти была абсолютно фундаментальной. На союзном уровне все базовые вопросы решали отделы ЦК или Политбюро ЦК, на региональном уровне — обкомы КПСС, на уровне районном — райкомы КПСС, и даже в принятии наиболее важных решениях в министерствах роль парткомов была весьма значима.

Какие бы решения министерства ни готовили, даже отдел машиностроения ЦК КПСС, возглавляемый Аркадием Ивановичем Вольским, или другие отраслевые отделы — все они были высшей инстанцией.

Исторический факт состоит в том, что к моменту, когда мы оказались в правительстве, несущий каркас всей системы государственной власти в гигантской стране обрушился до основания. Его не существовало вообще. И в этом смысле важно понять, что прежде чем решать вопросы об экономических реформах, первое, что мы должны были сделать, — это построить основы государственной власти в России.

Собственно, как мы хорошо знаем, министерства РСФСР практически не несли содержательной управленческой нагрузки; и в этом смысле первое, что мы сделали — мы из союзных министерств сделали российские. А многих на нашем российском уровне просто не было, да и в Союзе они просто создавались заново. Например, Госкомитет по управлению государственным имуществом: его просто не могло быть ранее... Организационная задача создания Госкомитета по управлению государственным имуществом, который включал в себя 93 региональных комитета по управлению имуществом, с соответствующими полномочиями, кадрами, обучением, мотивацией, нормативной базой и т.д. Это то, что в России на федеральном уровне создавалось заново. На региональном уровне происходили не менее значимые процессы, на уровне муниципальном — то же самое. Не только исполнительная, но и законодательная ветвь власти несла чисто декоративную функцию: советы народных депутатов всех уровней не принимали содержательных решений. Мы оказались в ситуации, когда надо было заново создавать эту систему и на федеральном, и на региональном, и на местном уровнях... Это была абсолютная революция.

В этом смысле мне кажется, что задача *строительства государственной власти*, что мало кто понимает из наших оппонентов была самой важной, абсолютно важнейшей.

Когда нам говорят, что мы все делали неправильно, что надо было пойти по китайскому пути: постепенно, медленно внедрять экономические реформы, — это бессодержательный разговор.

Потенциально такая возможность существует, когда есть государственная власть. Но когда ее нет... Это можно было обсуждать в 1965-м, в 1970-м, даже в 1985-м годах.

Факт рухнувшей власти в решающей степени определил даже не вектор, а степень радикальности реформ.

Одно из главных обвинений, которые мы постоянно слышим: зачем было так радикально? Надо было постепенно, надо было плавно, надо было учесть... Ну, надо было! Иди учти, когда у тебя власти не существует. Я уж не говорю, что все законодательство практически создавалось заново. И я даже не говорю, что Конституция перекраивалась практически ежедневно.

Неправильно говорить, что этот процесс мы героически завершили в 1992-м, но основа была заложена

на. Следующим шагом было принятие Конституции в декабре 93-го года и начало выстраивания власти на какой-то легитимной основе... Но начало — это, конечно, 92-й, и мне все больше кажется, что значимость этой компоненты не меньше, чем все наши «героические свершения» по экономической реформе.

А если говорить о наших ошибках и недостатках... Так сложилось, что мы об этом постоянно спорим с нашими разными оппонентами. Но это не очень конструктивные споры, скорее — просто какие-то политические перепалки. Не хватает содержательного анализа того, чего мы не понимали. Того, что мы сделали неправильно.

В экономической части вижу целый ряд масштабнейших, глубинных процессов, которые начались на наших глазах в 91-92 годах и которые мы не предвидели, не анализировали, не изучали. Несмотря на то что по-прежнему считаю: так сложилось, что команда Гайдара на тот момент была единственная в стране экономическая команда, которая потратила десять лет на то, чтобы ответить на один-единственный вопрос: как реформировать советскую экономику? Мы этим занимались, мы к этому готовились, многое из того, что задумали, мы потом реализовали, — но вместе с тем были важнейшие процессы, которых мы вообще не предвидели. А увидев их, мы не смогли найти адекватного ответа, что имело тяжелейшие последствия для экономики, для уровня жизни миллионов людей и т.д. и т.п. Приведу два-три примера. Пример номер один. Мы очень много занимались инфляцией, макроэкономикой. А вот проблема под названием «неплатежи», которая вертикальным взлетом возникла в 92-м и дальше лет на десять, аж до двухтысячных, экономику просто выворачивала... Неплатежи между хозяйствующими субъектами — тяжелейшее испытание. А неплатежи в бюджетной сфере — это просто катастрофа. Ну что это за государство, которое не может содержать армию, платить зарплату военнослужащим? Хуже себе представить невозможно. Такой мощи фактор вообще разрушал доверие к государству, вызывал у народа законную ненависть по отношению к нему. По степени разрушительности — просто жуткий фактор, занявший десять лет. А не так давно я понял, что мы на всех наших семинарах эту историю не предвидели, мы ее не понимали и реагировали на нее с большим запозданием. Говорю как председатель комиссии по неплатежам — это круп-

нейший социально-экономический процесс, которого мы вообще не предвидели.

Это один пример наших неудач. Другой пример более очевиден, хотя, может быть, мы о нем мало говорим и понимаем... Это — криминализация. Масштабы ее, глубина — ситуация, когда криминал косвенно срстался с правоохранительной системой, в ряде случаев просто приходил во власть, когда целые города, целые регионы оказывались реально под властью бандитов. Масштабы этого процесса в малых городах, особенно в моногородах, оказались гигантскими... От моего родного «бандитского Петербурга» до моего «друга» Наздратенко, губернатора Приморья. Мы недооценили этот масштаб, в должной степени не предвидели опасности этого.

Или менее масштабная вещь, но тоже значимая. Например, мы много анализировали отраслевые последствия реформ. Мы понимали, что в целом ряде секторов экономики эти последствия будут разрушительными и очень тяжёлыми. Военно-промышленный комплекс. Было понятно, что будет, ведь более 60 процентов экономики — это оборонка. И когда бюджет рухнул, вся экономика встала соответственно. Научно-техническая интеллигенция, которая исторически являлась нашей политической опорой, получила страшной силы удар... Это тяжело, но это мы понимали хотя бы. Не очень могли противостоять, но понимали хотя бы. Но есть целые сектора, события в которых оказались для нас неожиданными. Например, легкая промышленность. Что такое эта промышленность в начале 90-х? Спрос есть... Уровень жизни чудовищно упал, но штаны и рубашку человек себе все-таки иногда покупал... Может, не очень хорошего качества и не так часто, но все же покупал. Но легкая промышленность тоже рухнула вся до основания, просто вся.

Почему? Таможня. Вернее — отсутствие таможни. И «челноки». Из Польши, из Китая... В России не было таможни по определению. И взяться ей было неоткуда, а значит — самые либеральные механизмы, при которых оказались нулевые таможенные пошлины на все потребительские товары... Сейчас средний таможенный тариф 8 или 9 процентов, а тогда в экономике с зарплатой в десять долларов на человека в месяц, мы полностью открываем все границы. Супермега-либеральный режим, и не потому, что мы так хотим сделать, а потому, что так происходит... Это я привожу примеры процессов, которые мы не видели вообще. Честно

говоря, мы не очень многое могли бы сделать, чтобы их не предотвратить, но ослабить... А так это пошло в копилку наших оппонентов...

.....
В.М. ЛОПУХИН¹,

министр топлива и энергетики РСФСР

(с 10 ноября 1991 г.)

Какие ошибки были совершены правительством реформ? К сожалению, их было не просто много, а очень много. Но, наверное, нас интересуют главные. Таких я назвал бы две.

Первая главная ошибка заключалась в том, что мы взялись создавать учебно-рыночную, а не корпоративную экономику, хотя уровень развития промышленности и технологий соответствовал именно корпоративной структуре. Чем эти виды экономик отличаются от других, так это иным соотношением и конфигурацией административных и рыночных решений. Учебно-рыночный подход определил формат приватизации и последовавший за ним обвал экономики. Плюс к этому наши советские директора не были (хотя нам казалось, что были) бизнесменами. За них всегда решали, что производить, где покупать сырье, как, куда и зачем продавать, как модернизировать производство, где и какие брать ключевые кадры. Эти важнейшие функции лежали на Госнабе, Госплане, Совете Министров, обкомах и ЦК КПСС, которые на практике реализовывали принцип «разделяй и властвуй».

Если бы были созданы крупные корпорации, в том числе с привлечением наиболее опытных управленцев, сконцентрированных в названных организациях, а также в отраслевых институтах и внешнеторговых объединениях, то спад, по различным оценкам, был бы меньше в разы. Пятьсот крупных корпораций, охватывающих не всю, но основную часть экономики, держали бы и политическую структуру, поддерживали бы «своих» людей в исполнительных и представительных органах власти. Выше было бы и качество государственного управления, корпорациями могли бы быть предложены более профессиональные, но не менее качественно отработанные, чем государственные, стратегические ключевые решения.

Вторая ключевая ошибка — отказ от активного воздействия на культуру. В своей великой книге

«Французская революция» Томас Карлейль написал, что фактически революция совершается с изменением морали. Понятно, что к августу 91-го года советская система идеологического воспитания себя изжила. Новую единую идеологию нельзя было создать ни тогда, ни потом, как показали многочисленные попытки. Но оставить все на волю стихии, особенно после семидесяти лет выжигания морального капитала из народа, было тоже неправильно. Неправильно не потому, что та или иная мораль плоха, а потому, что свалившаяся на нас «масс-культура» с ее изощренными методами рекрутирования и отсутствием иммунитета к этому воздействию привела к доминированию этики потребления, к эротической по своей природе культуре, требующей, чтобы жизнь складывалась из нескончаемой цепи удовольствий, каждое из которых не влечет за собой никаких последствий, кроме самих удовольствий.

Приверженцы этой культуры неспособны решать стратегические задачи. А страна стояла и стоит перед необходимостью стратегических преобразований.

Решение, как мне видится, здесь все-таки есть, но оно сложное и долгое. Суть его заключается в том, чтобы формировать мораль снизу, через культурное программирование ключевых социальных групп, что, в свою очередь, требует расшифровки отечественных культурных кодов. Через формирование системы, т.е. релятивистских ценностей, где различаются алчность и бережливость, авантюризм и принятие обоснованных рисков и т.д. Все это сложные многоходовые задачи, и простых решений, по-видимому, здесь просто нет. Эти задачи для культурологов и институциональных экономистов, которые, скорее всего, из периферических областей экономической науки должны переместиться на центральные позиции.

Главный миф, выстроенный высоким частотом вокруг правительства реформ, — это миф о том, что оно, будучи проводником либеральной политики, загнало народ в нищету, страну — в хаос, а государство — в позицию последней надежды. В то же время, если обратиться к основным социально-экономическим рейтингам, то есть месту России в мире по уровню инвестиционной привлекательности, коррупции, свободы прессы, конкурентоспособности (где одной из основных компонент является удовлетворенность судебной системой), то легко увидеть, что проблемы

нашей страны лежат в иной плоскости, чем последствия либерализма.

Главное здесь даже не в том, что из 25 лет новой России правительство реформ было доминирующей силой максимум полтора года, да и это время по большей части ушло на выгребание из-под завала, созданного крахом советской системы. Этот миф загоняет страну в тупик, поскольку ставит блоки — как минимум, ментальные запреты на ключевые преобразования, которые придали бы стране устойчивое развитие.

Более того, этот миф запускает инерционные социальные процессы, формируя электоральные предпочтения неконкурентоспособной социально-экономической системы для страны.

Вся история нашей России говорит о том, что она богоспасаема. Это значит, что она выворачивается из любой самой безнадежной ситуации, это значит, что повороты судьбы, перефразируя песню Сургановой, ведут нас к родному порогу, т.е. возвращают к той политике, которая проводилась правительством реформ.

Вся история нашей России говорит о том, что она богоспасаема. Это значит, что она выворачивается из любой самой безнадежной ситуации, это значит, что повороты судьбы, перефразируя песню Сургановой, ведут нас к родному порогу, т.е. возвращают к той политике, которая проводилась правительством реформ.

Глупо отрицать, что плановая сталинская система дала ряд ощутимых результатов. Однако если присмотреться к тем результатам повнимательнее, то на проверку возникнет много вопросов. Например, в первые месяцы Великой Отечественной войны мы потеряли больше половины индустриального потенциала — и все равно выиграли войну. Это значит, что никак не меньше половины жертв, принесенных на алтарь создания этого потенциала, оказались не нужными. Если сопоставить потери русской и германской армий в Первой и Второй мировых войнах, то очевидно, что советский режим привел к деградации управления

в стране. Уровень жизни в СССР неуклонно снижался, начиная с 1969 года. Уровень жизни в СССР начиная с 1969 года неуклонно снижался. И уже к началу 80-х годов разрыв между уровнем жизни 10% самых высокодоходных и низкодоходных граждан СССР был больше, чем в США. По вполне понятным причинам все это было секретной информацией. К чему я это пишу? Каждая система имеет предел количества и качества решаемых задач. Такой предел обнаружился и у советской системы, и она оказалась неспособной ответить на вызов усложняющегося мира. В этом смысле надо понимать, что Октябрьская революция была, по сути, контрреволюционным переворотом. Она отменила назревавший переход к более высокой по разрешающей способности системе управления. Провал восстания декабристов, Февральской революции и в какой-то мере правительства реформ стали результатом недостаточной готовности к решению такой сложной задачи, как полная трансформация социально-экономической системы страны. В то же время, подхватив брошенную власть, правительство реформ дало новый старт этому переходу, отмененному в 1917 году.

А.И. Солженицын со свойственным ему неустанным поиском смысла происходящего написал, что ему кажется, что книга «Вехи» глядит на нас из будущего. Готов под этим подписаться.

* * *

Публикуется по расшифровке магнитной записи «Вестника Европы».

Мы не можем, к сожалению, за недостатком места, поместить здесь интересные выступления и тексты всех участников заседания. Они будут опубликованы на наших сайтах.

Примечание

- 1 Публикуется по брошюре, изданной к юбилейному заседанию правительства реформ 15 ноября 2016 г.

Эволюции государства и режима

Попытка объяснения

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ

Одна из основных проблем XX века — конфликт двух принципов международного права: единства государства и права народов на самоопределение. Способ решения проблемы — федерализм, а также различные формы культурной, национальной и административной автономии. В СССР тема федерализма оказалась исторически связана с поиском идентичности в форме национализма и сепаратизма. Конструирование нового политического пространства требовало перехода от номинального советского федерализма к реальному, но закончилось не договором, а разрывом. Было ли это неизбежным?

1.

ТИХАЯ СМЕРТЬ СССР

Одна из основных проблем XX века — конфликт двух принципов международного права: единства государства и права народов на самоопределение. Способ решения проблемы — федерализм, а также различные формы культурной, национальной и административной автономии. В СССР тема федерализма оказалась исторически связана с поиском идентичности в форме национализма и сепаратизма. Конструирование нового политического пространства требовало перехода от номинального советского федерализма к реальному, но закончилось не договором, а разрывом. Было ли это неизбежным?

Номинальный советский федерализм, по существу, таковым не являлся: с юридической точки зрения, СССР был не федерацией, а *конфедерацией* (так как допускал право сепарации национальных республик), с фактической — представлял собой унитарное государство, иногда определявшееся политологами как «империя». Последнему автоматически противопоставлялось разделенное государство. Опасность дезинтеграции единого государства включала как внутренние, так и внешние факторы — нарушение геостратегического, политико-правового и гуманитарно-экономического параметров в мире;

крушение международного договорного права; распространение национальных и этнических конфликтов; борьба за ядерный потенциал СССР и угроза его передела; демографическая и экологическая катастрофы. Между тем констатация ситуации де-факто унитарного государства теоретически открывала различные пути его реформирования, вытекающие из международного опыта децентрализации. Модели *регионализации*, основанной на рационально-административном делении территории государства (Франция); модели *автономизации* — наделения регионов правами широкой автономии в рамках унитарного государства (Испания); *девалютичной* модели, когда соответствующие полномочия делегируются из Центра в регионы с возможностью последующего пересмотра или ограничения этих полномочий Центром (Великобритания), и модели *федерализации*, исключающей или минимизирующей национальный критерий проведения границ субъектов федерации в ее симметричной или асимметричной формах (ФРГ, США), в том числе в странах с чрезвычайно сложной национальной или этнической структурой (Индия, Бразилия, Мексика).

Принятие любой из этих моделей, как показали классики русской юриспруденции еще в начале XX в., когда встал вопрос о дезинтеграции Российской им-

перии (Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский и др.), означало отказ от увязывания децентрализации с решением так называемого национального вопроса.

Однако в ходе «перестройки» этого не произошло, поскольку с самого начала реформ доминировала советская логика легитимности в решении этих вопросов. Повсеместно возобладала идея обязательного перехода к федерализму — даже в тех регионах, которые к этому были не готовы ни экономически, ни социально. В сознании местных элит накрепко связалось само существование субъектов федерации с национальными границами титульной нации через выдвигание общепонятного популистского лозунга национального самоопределения.

Эта установка, заложенная в структуру советского конституционализма, гипнотизировала сознание как реформаторов, так и их радикальных противников, и с самого начала исключала постановку вопроса об альтернативных моделях. Критика советской конструкции парадоксальным образом вела не к радикальному отказу от нее (что было бы вполне логично), но, напротив, к усилению ее деструктивного потенциала. *«Почему мы за федерацию? — спрашивал Горбачев. — Другого пути мы не можем предложить».*

Альтернатива неэффективной советской конструкции усматривалась в *«отказе от сталинской модели федерации, в которой декларировалась федеративность, а насаждалась унитарность: такова она, сталинская модель федерации».* Исходя из этого, для преодоления угрозы распада, считалось необходимым вернуться к аутентичной (так называемой ленинской) модели федерализма, которая, собственно, и подготовила этот распад. Такое ошибочное решение привело к общей неопределенности представлений о целях реформы, выразившихся в амбивалентной формулировке о *«сохранении обновленной федерации».*

Отсюда сомнения многих участников дебатов: *«Можно сохранить то, что есть, а то, чего нет, уважаемые коллеги, никак нельзя сохранить. Федерацию сначала надо обновить, и только после того, когда мы это сделаем, ее можно сохранить».* По мере дезинтеграции государства остался без ответа вопрос, каковы же принципы сохранения Союза и его государственного устройства: должна ли это быть федерация, конфедерация или экономический союз типа СЭВ?

Эти вопросы обсуждались в связи с формулировками вопросов референдума об отношении к сохранению СССР, но не привели к какому-либо консенсусу. Решение принципиальной проблемы суверенитета как Союза, так и республик шло по той же линии советской легитимности, четко отразив ее основное внутреннее противоречие — между суверенитетом единого союзного государства и квазисуверенитетом его частей — национальных республик.

Вопрос о сохранении союзного государства, ставший центральным на IV съезде народных депутатов (17–27 декабря 1990 г.), обсуждался в связи с сохранением самого названия СССР, целесообразности проведения референдума о его сохранении и возможности конструирования *«обновленной федерации равноправных суверенных республик».* Но еще ранее выявилась диаметрально противоположность трактовки основных понятий. Для одних (идеологов Центра, Союза) суверенитет республик интерпретировался скорее как ограниченный, атрибуты которого исключают «автаркию» и *«не противоречат принципам их объединения в единое федеративное государство»;* для других же данное решение означало стремление правительства сохранить унитарное государство, основанное на «бесправии» республик.

Правительству приходилось разъяснять существование реального выбора: речь идет о Союзе либо как федеративном государстве, либо *«об экономическом союзе государств или (как некоторые уже говорят) стран по принципу Европейского сообщества».* Принятие Декларации о суверенитете РСФСР (12 июня 1990 г.) союзные республики восприняли так, *«что теперь они могут не выполнять принятых на себя обязательств».* Возник и закономерный вопрос: что первично — эти декларации суверенитета или Союзный договор? И насколько первые предрешают содержание второго, насколько правомерны предложения *«об изменении роли и функций высших органов государственной власти с учетом принятых республиками деклараций о суверенитете»;* как обеспечить «реальный суверенитет республик» и прекратить *«бесконечную бумажную войну с ними указов Президента СССР»?* А также насколько правомерен тезис о том, что *«за союзными республиками должно быть признано право приостанавливать исполнение актов органов государственного управления СССР на их территории в случае их несоответствия Кон-*

ституции и законам республики?» Об этом заявили российские депутаты.

Если Горбачев предлагал чисто психологическое решение «*формировать общесоюзное сознание, общее согласие, доказывать и доказывать, что разъединение чревато очень серьезными вещами*», то его оппоненты настаивали на конкретном юридическом: «*нам нужен полнокровный суверенитет*».

Детонатором дезинтеграции стало «*право наций на самоопределение вплоть до отделения*» — идея, положенная в основу конструирования СССР в рамках идеологии ленинизма и вызывавшая критику уже в момент ее провозглашения (в том числе со стороны леворадикальных оппонентов). Она служила в тот ранний период становления достижению следующих политических целей:

1) решению внешнеполитических задач по созданию глобальной коммунистической федерации (или конфедерации), которая должна была возникнуть в результате «мировой революции», направляемой из России (предполагалось, что новые ее члены будут постепенно входить в состав Союза);

2) легитимации номинального федерализма как решения «национального вопроса» в рамках однопартийной диктатуры;

3) интеграции многочисленных национальных автономий в более крупные подразделения — союзные республики во главе с титульными нациями (для унификации и удобства централизованного управления).

Однако к началу перестройки все эти цели давно утратили свое значение. Идея всемирной федерации была отброшена вместе с коммунистической утопией; номинальный федерализм прекратил существование вместе с юридической отменой однопартийной диктатуры и фактической утратой партийными структурами прежних рычагов влияния. Интеграционный потенциал потерявшей влияние идеи был поставлен под сомнение, особенно в условиях роста конфликта борющихся за расширение объема прав и ресурсов союзных республик и опасавшихся утраты своих прав входивших в них автономий. Соотношение Центра, республик, автономий и права сепарации определило конфликтность законов СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» и «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Само обсуждение этих законов на Съездах народных депута-

тов СССР уже означало стремление решить вопросы выхода республик до принятия полноценных законов о федерации.

Логика распада

Анализ соотношения интеграционных и дезинтеграционных процессов раскрывает логику цепной реакции распада государства. Интеграционные тенденции выражались в так называемом Ново-Огаревском процессе — переговорах республиканских лидеров под председательством Президента СССР по проекту нового Союзного договора и определения порядка его заключения (май–июль 1991 г.). Они начались с Заявления «9+1» в рамках Подготовительного комитета, созданного в соответствии с решением IV съезда народных депутатов СССР и были призваны, по словам Горбачева, «*ввести политический процесс в рамки законности функционирования созданных в результате перестройки легальных институтов демократии*». В качестве легитимирующей основы этих переговоров выступал референдум 17 марта 1991 г., в ходе которого большинство граждан СССР высказались «за сохранение обновленного единого союзного государства». На встрече руководителей делегаций республик в Ново-Огареве 23 июля констатировалось завершение работы над проектом Союзного договора, который был опубликован 15 августа 1991 года. Его противники, однако, исходили из того, что данный договор противоречит конституции, означает юридическое признание конфедерации, фактическую дезинтеграцию страны и образование вакуума центральной власти. «Августовский путч» 1991 г. стал выражением данной позиции. Если сторонники ГКЧП интерпретировали путч как защиту конституции и единства страны, то их оппоненты определяли его как государственный переворот. Пятый (и последний) съезд народных депутатов СССР, собравшийся после путча, в сентябре 1991 г., уже никак не мог повлиять на центростремительную ситуацию и фактически объявил о самороспуске. Дезинтеграционные процессы, ускоренные личной борьбой амбиций Горбачева и Ельцина, завершились, как известно, распадом СССР и подписанием Беловежских соглашений, практическая неизбежность которых вытекала из логики развития событий, но их юридическая правомерность неоднократно ставилась под сомнение.

Теоретические альтернативы распаду в виде интеграции союзных структур под руководством российского президента либо восстановления союзного Центра силовым путем расценивались как «призрачные», а основным условием достигнутого компромисса стал отказ союзных республик от ядерного арсенала в пользу России. 8 декабря 1991 г. руководители России, Украины, Белоруссии как государств-учредителей СССР (подписавших Союзный договор 1922 г.) констатировали, что «*Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование*», а «высокие договаривающиеся стороны образуют Содружество независимых государств».

Соперничество доктрины договорной федерации (представленной в проектах Союзного договора, а затем в Федеративном договоре РФ 1992 г.) и конституционной федерации принципиально завершилось с принятием Конституции России 1993 г., «носителем суверенитета и единственным источником власти» в которой были признаны уже не республики, а «многонациональный народ» Российской Федерации, что окончательно исключало риторику о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения». Политический процесс развивался уже не по линии национальной дезинтеграции, но скорее в рамках этнополитического маятника.

Решение, возможное для России, но невозможное для СССР

Демагогические декларации советских конституций, предоставлявшие «права народам» (причем и тем, которые в них не нуждались и исторически даже не были подготовлены к самоопределению в форме субъектов федерации), блокировали принятие рациональной концепции «обновленной федерации». Теоретически она могла бы включать введение новых принципов федерализма: пересмотр искусственных границ регионов в соответствии с экономическим вкладом каждого; наделение их различным статусом и выстраивание их иерархии по степени объема предоставляемых прав; понижение статуса соответствующих регионов до уровня культурных или языковых автономий; наконец, правовое решение проблемы выхода автономий из соответствующих республик. Проблематичность практического решения дилеммы определялась психологическим фактором: трудно

(если вообще возможно) отобрать однажды предоставленные национальным регионам права. Следовательно, повернуть ситуацию дезинтеграции вспять можно было, лишь приняв совершенно иную концепцию гражданской (а не национально ориентированной) федерации и выстроив всю политику по общегосударственным приоритетам. Это не удалось сделать в масштабах СССР, но отчасти получилось в масштабах России.

Ключевым фактором этого тренда стал распад союзной элиты по национальному признаку и ослабление, а вскоре и полное исчезновение политической роли институтов центральной государственной власти.

Борьба за власть и введение поста президента

Ключевой вопрос переходного периода — прерогатива старых и новых институтов власти — был связан с определением соотношения постов Генерального секретаря КПСС, председателя Верховного Совета и Президента СССР. Предложения Горбачеву по этому вопросу были диаметрально противоположными: сложить с себя пост Генерального секретаря, поскольку «*совмещение постов*», т.е. концентрация двойной власти в одних руках, в лице одного человека «*противоречит принципам правового государства и демократии*», или, наоборот, он должен оставаться на этом посту для сохранения контроля над партаппаратом, даже прямому требованию к нему остаться на двух должностях. Третья позиция в этом споре — совмещение постов как временная мера — до проведения демократических выборов в советы или завершения «перехода власти» от КПСС к Советам, поскольку в переходный период «*нельзя отделить Горбачева от партии, а партию от народа*». Данная позиция получила поддержку иностранных экспертов, усматривавших в сохранении Горбачевым власти гарантию от возврата назад.

В данном споре «партийные фундаменталисты» и «межрегиональщики» выступили единым фронтом за конституционную поправку о запрещении президенту СССР возглавлять политические партии, но эта поправка не собрала квалифицированного большинства и была отвергнута. «*В какой-то момент, — констатировал Горбачев, — стало очевидно, что подавляющее большинство депутатов поддерживает*

учреждение президентского поста и избрание первого президента на съезде».

Итогом дискуссии стало соответствующее постановление Верховного Совета СССР и последующее принятие закона «Об учреждении поста Президента СССР и внесении соответствующих изменений и дополнений в Конституцию (Основной закон) СССР» (14 марта 1990 г.). Данное решение предполагало определение соотношения между союзной властью и республиками, необходимость обеспечения «противовесов законодательной, исполнительной, президентской и правительственной власти и других институтов», переход к всенародным выборам президента и внесение изменений в Конституцию. Проведение политической реформы в обстановке нарастающего экономического кризиса и острой борьбы за власть имело негативные последствия, способствовавшие дезинтеграционным процессам. Первым из них стало распространение модели президентской власти на союзные республики: *«Не буду скрывать, — отмечал Горбачев, — в мои расчеты, конечно же, не входило создание президентских постов в союзных республиках. Это наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти».* Однако он подчеркивал вынужденность этого шага: *«Попытка оспаривать разумность такого подхода могла лишь возбудить страсти и привести к тому, что изменения в Конституции не получили бы требуемого квалифицируемого большинства. Поистине тогда (в который раз!) я убедился, что политика есть “искусство возможного”».*

Другим негативным (а по мнению некоторых, решающим для дезинтеграции страны) следствием стало сужение объема легитимности союзного Президента, избранного на Съезде, а не на всенародных выборах (в отличие от избрания президентов республик, прежде всего России). Вопрос о выборах главы государства всеобщим голосованием или на Съезде, на альтернативной или безальтернативной основе, постоянно был предметом острых споров. В ходе них крайние группы (партийные консерваторы и радикалы) выступали, хотя и по противоположным причинам, за прямые выборы на альтернативной основе. Окончательное решение в пользу непрямых выборов было принято Горбачевым из-за риска утраты власти при иной схеме: *«Ибо это трусость была бы в та-*

кое время уходить. Это хотят выбить из колеи нынешнее руководство. Это не пройдет, это расчет на слабонервных».

Эрозия власти Горбачева

Важным негативным следствием как раз и стала эрозия власти союзного Президента, поскольку для одних политических сил он пошел на слишком большие уступки в сторону децентрализации, для других — добился сверхконцентрации полномочий. Противоположное отношение к усилению персоналистских черт режима проявилось в дебатах по законопроекту «О защите чести и достоинства Президента СССР», в ходе которых одни подчеркивали необходимость охраны его символического статуса, говорили об ответственности СМИ за «клевету» и «оскорбления», в то время как другие указывали на возможность «очень серьезного ущемления гласности». В этом контексте некоторые полагали, что нужно вести речь не о защите главы государства, а защищать государство от него, *«если ему вдруг начнут сниться сны Сталина»*, и предлагали введение американской процедуры импичмента. Другие считали требование импичмента преждевременным, «из области мечты», ибо в его традиционной российской формуле это «монархия, ограниченная удавкой», причем реализоваться оно способно наподобие переворота 14 октября 1964 года.

Обращает на себя внимание сходство причин введения поста Президента в СССР и России при различии результатов. *«Президент и президентская система, — говорил Ельцин, фактически повторяя аргументы Горбачева, — нужны России для того, чтобы законы и программы воплотились в жизнь».* Вопрос был решен постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об утверждении Закона РСФСР “О Президенте РСФСР”». Последующее укрепление президентской системы в России стало возможно в результате перенесения в Россию модели организации власти, созданной Горбачевым (вместе с теми спорами, которые велись в ходе ее разработки), но с учетом его ошибок.

Упущенные возможности

Общая причина крушения СССР состояла в неадекватности принятой концепции преобразований господствующим когнитивно-информационным уста-

новкам общества, с одной стороны, и порожденным реформами завышенным социальным ожиданиям — с другой.

Отказ от ценностей старого порядка, безусловно, определялся новой ситуацией в мире, позднее названной «глобализацией», связанной с доминирующей ролью транснационального информационного феномена, невозможностью продолжающегося сохранения закрытости системы от внешнего мира. Следствием стало крушение старой картины мира, коммунистической идеологии в ее советской версии и осознание невозможности модернизации системы в прежних формах закрытого (автаркического) государства, с широким применением манипулирования социальной психологией и принудительных мобилизационных технологий. Мощный рывок к свободе, сделанный Горбачевым, был одновременно необходимым, разумным и гуманным шагом, позволявшим выйти из тупика однопартийной диктатуры мирным путем.

Однако необходимое и единовременное открытие страны мировым информационным процессам (в рамках «нового мышления») оказалось деструктивным фактором в силу неподготовленности общественного сознания, руководствовавшегося архаичными традиционалистскими установками, усиленными стереотипами коммунистической идеологии. Поэтому результатами информационной открытости, на который не рассчитывали реформаторы, явились культурный шок, напоминавший тот, который приводил к крушению традиционных восточных деспотий после их открытия европейцами, и когнитивный диссонанс — жесткий раскол общества в отношении принятия новых (западных) ценностей, легитимности режима (в связи с разоблачением его преступлений) и выбора стратегии преобразований.

В ситуации неустойчивого равновесия важным проявлением когнитивного сбоя в системе стало отсутствие у реформаторов полноценной концепции преобразований, включающей не только их общую идею (которая в известной мере присутствовала), но понимание масштаба и границ необходимых преобразований (они расширялись по мере выдвижения новых целей). Отсутствовал план проведения реформ, определяющий цели, этапы, сроки их проведения, калькуляцию социальных издержек и ожидаемых результатов, а также продуманных техно-

логий реализации, в том числе с учетом трудностей и соответствующей оппозиции. Приоритет идеологического конструирования над прагматическим; ретроактивная направленность преобразований — их обращенность не в будущее, а в прошлое, Наивная вера в возможность реанимировать идеологию путем обращения к ее истокам и ориентация на прошлый опыт вместо современного — все это породило химерический компромиссный набор основных установок, противоречиво сочетавших несочетаемое старые когнитивные стереотипы и новые идеи. И главное — преобладание импровизации над планомерным осуществлением реформ. Это обусловило потерю времени, критически важного в условиях радикальных изменений, ибо длительность переходного периода выступает самостоятельным фактором успешной демократической консолидации.

Экономическая дезинтеграция и переход к рынку в условиях отсутствия адекватной инфраструктуры и утраты государственного контроля вели к хозяйственной разобщенности регионов, а не к формированию конкурентной экономики и новой мотивации труда. Нарастала институциональная дисфункция — прежние институты утратили контроль, а новые не начали полноценно функционировать и давали сбои по всем значимым направлениям. Все это и привело к утрате первоначального идейного (когнитивного) доминирования реформаторов в обществе. Результатом стал запуск спонтанного механизма саморегуляции системы в условиях разворачивающегося кризиса — конфликта позитивного права и справедливости, порождающего циклическую динамику реформ.

Первая их фаза в ходе перестройки (1985–1988 гг.) характеризуется выраженным феноменом «завышенных ожиданий», представлением о возможности быстрого и радикального преобразования общества с минимальными социальными издержками. Этой фазе были свойственны относительная гомогенность элиты и стабильность установленных правил игры.

Основой второй фазы преобразований (1989 г.) стало осознание «относительной депривации», возникновение ситуации психологического ощущения дискомфорта (социального разочарования) в условиях относительного (а не абсолютного) ухудшения социально-экономического положения населения по сравнению с предшествующим периодом разви-

тия государства и другими странами. В этих условиях люди не отрицали реформы, но требовали изменить формат их проведения (принятия «новой концепции» перестройки) в направлении большей радикализации. Экспансия социальных ожиданий очень быстро привела к неудовлетворенности общественности достигнутыми уступками власти и расширению ее требований.

В результате началась чехарда: от корректировок идеологии — к отказу от нее; от идеи многоукладной экономики — к единовременному переходу к рыночной; от совершенствования федеративной модели — к ее отрицанию во имя национального суверенитета; от умеренных конституционных реформ в рамках советской легитимности — к требованиям «парламентской республики» (чрезвычайно спорной в условиях несформировавшихся федерализма и реальной многопартийности). Наконец, со стороны оппозиции усилилась критика самих институтов власти как с точки зрения их формирования, так и направлений деятельности. Эта фаза характеризовалась выразительным расколом элиты на реформаторов, консерваторов и умеренных, ожесточением их столкновения по вопросу о перспективах преобразований.

Радикализация

Третья фаза такого цикла (1990–1991 гг.), обычно связанная с победой одного из крайних направлений и отстранением других групп от власти, в условиях перестройки была деформирована децентрализацией и трансформировалась в распад страны (с сохранением у власти действующих правящих кланов). Запуск этого механизма означает потерю инициаторами преобразования, контроля над ситуацией, ведет к радикальному социальному перевороту и воспроизводству новой стабильности ценой значительных социальных издержек.

Возможность остановить эти процессы на начальной стадии или в ходе разворачивания кризиса ограничивалась когнитивным редукционизмом элиты — стремлением свести объяснение изменившейся реальности к привычной аналитической схеме, ответить на новые вызовы в рамках старой системы аргументов. При отсутствии адекватных схем когнитивной и социальной адаптации в условиях глобализации, а также системы обратных связей между обществом и политической властью, способных вве-

сти их в действие, поиск идентичности социальными группами и их радикальными идеологами мог идти только по линии ретрадиционализации. Отрабатывались лишь те традиционные информационные модели мобилизации и стереотипов сознания, которые действовали ранее, причем именно по тем направлениям, которые в предшествующий период давали импульс массовой социальной и когнитивной адаптации. *Имитационные когнитивно-информационные конструкции из прошлого оказались основой реальной политической социализации настоящего.*

Практическим выражением этого противоречия стало, во-первых, использование для достижения реальных целей конституционной реформы — формирования институтов представительной власти, многопартийности и модернизации государственного управления старых декларативных конструкций советского номинального конституционализма (вроде «передачи власти» от партии к Советам). Это отражалось в неизбежном использовании эвфемизмов («социалистическая демократия», возвращение к «ленинским нормам», «многоукладной экономике», общественному «плюрализму», «гласности» и т.п.). «Старые мехи» использовали для объяснения подлинных целей реформы — переходу к демократии, деидеологизированному правовому государству, гарантиям частной собственности, многопартийности, отмене цензуры и другим «нормальным» конституционным принципам, которые к тому же сами находились в процессе обсуждения.

Принципиальным деструктивным фактором стало сохранение и актуализация архаичной установки о связи федерализма с решением национального вопроса. Система советского квазифедерализма начала пересматриваться не в рамках современных концепций гражданской нации и форм государственного устройства (полноценного федерализма, деволюции или автономизации), но как торжество советского фетиша «права наций на самоопределение вплоть до отделения».

Пять (!) проектов Союзного договора завершились тупиком «конфедеративного государства»; распад интеграционных механизмов Союза осуществлялся под флагом национализма и сформировавшейся стойкой негативной информационной идентичности элит (в первую очередь российской) по отношению к союзному Центру.

В результате поиск идентичности оказался возможен исключительно в регрессивной форме раскола элиты по национальному признаку и изначально был ориентирован на дезинтеграцию по линиям, маркированным границами и представлениями советского квазифедерализма.

О том, что эти процессы не были так уж фатальны, свидетельствует не только опыт других многонациональных государств, но и постсоветской России, где удалось (хотя и с большими издержками) остановить сценарий распада. Вероятно, мог бы быть и другой результат — если не сохранение федерации, то хотя бы ее ядра, вокруг которого могли группироваться другие союзные республики в качестве своеобразных протекторатов. Но предотвратить кумулятивное соединение всех противоречий воедино оказалось невозможно. Конечно, гипотетически можно себе представить их решение, отложенное на время, и перенести наиболее конфликтные вопросы в повестку будущего, как это было продемонстрировано некоторыми реформаторами в других странах. Но все происходило столь быстро, в такой напряженной эмоциональной реальности, что было трудно согласовывать субъективности.

Неразрешимость ключевых вопросов в рамках традиционной когнитивно-информационной картины мира (идеологии, рыночной экономики и национальных отношений) вызвала глубокий раскол правящих элит и всего общества. Выдвинутые концепции их решения не предлагали убедительных моделей быстрого решения. Это порождало нетерпение, разочарование, с одной стороны, популизм и радикализацию требований — с другой. Соединение векторов раскола привело к выдвижению на первый план идеологии национализма. Она предлагала наиболее простую формулу решения, опиралась на официальную доктрину и советскую Конституцию, легитимировала претензии на власть и собственность со стороны региональных элит, позволяя им в то же время поддерживать контроль над автономными областями в республиках. Противостоя союзному Центру, республики вступали в противоречия как с Центром, так и друг с другом — прежде всего с набиравшей силу Российской Федерацией.

Но сокрушающий удар всей системе стал возможен в результате острого конфликта внутри элиты — Августовского путча, приведшего к фак-

тической утрате легитимности и власти союзного правительства.

Чем была «Перестройка»

«Перестройка» не была социальной «революцией» в собственном смысле слова, поскольку не выдвинула принципиально новой картины мира, мессианской идеологии, годной на экспорт (в отличие от других великих революций), не привела к качественной смене элиты (что является признаком настоящей революции), а завершилась не консолидацией на новых принципах, но дезинтеграцией. Это не было и «реформой» или «революцией сверху» (в отличие от Великих реформ 1860-х гг.), поскольку произошел срыв постепенных и управляемых преобразований и возобладали спонтанные процессы саморегуляции и распада системы. Не была она и «реставрацией» (или «Термидором») в классическом смысле слова, поскольку не привела к возрождению дореволюционных порядков, да и не ставила себе такой цели. Наиболее адекватным историческим аналогом подобных процессов следует считать Реформацию — широкое общественное движение, иногда именуемое «религиозной революцией», которое началось с выступлений религиозных диссидентов против индульгенций, привилегий и коррупции. Радикальные преобразования сознания в ходе «перестройки» сходным образом осуществлялись в направлении его рационализации, при сохранении, однако, старых институтов и правящей элиты, что открывало путь последующей ретрадиционализации и реставрации авторитаризма в модернизированных формах.

Тихая смерть

Советский Союз, возникший после гибели Российской империи, в отличие от нее, умер естественной и тихой смертью. Чудом является не распад СССР, а столь длительное его сохранение, противоречащее не только законам экономики, но и природе человеческого разума. Основная причина его долголетия Советского Союза, скорее всего, — в сдерживающем факторе ядерного оружия. СССР не был «развален» злонамеренными людьми, но распался в результате осознания (и официального признания) противоречивости и неэффективности тех когнитивно-конструктивистских моделей, которые изначально

были положены в его основу. Они не выдержали испытания временем, подобно грубо и наспех сколоченному дому, механическое поддержание целостности которого со временем теряет всякий смысл.

Основным доказательством данного положения стало то, что никто не встал на защиту этого дома в момент его обрушения. Возможности консолидации политической системы в качественно новых формах были утрачены в результате отсутствия адекватного понимания элитой подлинных механизмов ее устройства, институциональных параметров и последовательного планомерного реформирования с учетом глобальных информационных процессов.

Распад социалистической системы в результате преобладания центробежных тенденций над центростремительными в условиях глобализации конца XX века стал неизбежен, что не исключает, конечно, появления новых более успешных интеграционных проектов на Евразийском пространстве в будущем.

Россия стала свободной страной ценою распада исторически созданного ею единого государства. Это была очень высокая цена. Но кто знает, сколько стоит свобода?

2.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦИКЛЫ

Интересно рассмотреть эволюцию политической системы с позиций теории конституционных циклов, как выражения меняющегося соотношения правосознания общества и позитивного права. Выделим три основных фазы.

Первая фаза деконституционализации (1985/9–1991) — попытка частичного реформирования Конституции СССР и политической системы с целью их демократизации. Основными результатами стали провозглашение ценностей правового государства («новое мышление»), перестройка политической системы в направлении разделения властей: отмена однопартийной диктатуры (6-й статьи действовавшей Конституции) и введение поста Президента СССР (поправки, отраженные в новой редакции Основного закона СССР, изданной в 1991 г.). Эта фаза, однако, вскоре была прервана распадом СССР в конце 1991 года.

Вторая фаза конституционализации — это, собственно конституционная революция в России (1991–1993), включавшая поиск национального самоопределения в ситуации распада СССР (Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г.), конфликтную разработку новых принципов правового и политического устройства, их продвижение в ходе политического переворота в октябре 1993 года. Эта фаза завершилась принятием действующей Конституции РФ всенародным голосованием 1993 г., зафиксировавшей новые правовые ценности и принципы, и доверившей функции гаранта Конституции главе государства — Президенту РФ. Последующая легитимация Конституции РФ осуществлялись путем выборов в Государственную Думу.

Третья фаза (незавершенная) — реконституционализация — содержит процесс постреволюционной стабилизации конституционного строя. Ее результатом с 2000-х гг. до наших дней стал авторитарный вектор прочтения Конституции и соответствующая трансформация (как юридически фиксируемая, так и подразумеваемая) ее основных принципов и норм. В результате большой конституционный цикл в конце постсоветского политического развития подвел к ситуации, схожей с той, которая существовала в его начале, т.е. созданию сверхцентрализованной модели власти.

Обращает на себя внимание сходство данного конституционного цикла конца XX — начала XXI века с тем, который осуществлялся в начале века двадцатого — он охватывает столь же значительный период, проходит сходные фазы развития (в начале века это переход от формально дуалистической монархии с режимом мнимого конституционализма к парламентской республике, а от нее к партийному абсолютизму), однако делает это в обратной последовательности — от однопартийного абсолютизма к конституционной системе и от него к авторитарной президентской модели власти (во многом соответствующей формуле мнимого конституционализма). Общий итог обоих циклов оказывается сходным — авторитарная политическая система со сверхпредставительным статусом и функциями главы государства, важнейшей из которых является функция гаранта Основного закона.

Современная фаза социально-политического развития России

Она может быть рассмотрена как посткоммунистическая реставрация, но одновременно представляет ответ на вызовы глобализации и многообразия мира. Реставрация, если понимать ее как типологическое явление (а не как конкретно-историческое, давшее название данному социальному феномену), — логическая фаза всякой радикальной социальной революции. В настоящее время в российском обществе конкурируют два типа реставрации — по отношению к советскому и досоветскому прошлому. Первый тип связывает перспективы общества с возвращением к ценностям и институтам советской системы, второй — говорит о важности восстановления досоветских (дореволюционных) традиций, включая традиции русского имперского наследия. Социальными носителями реставрационной идеологии выступают две социальные силы — левые (реставрация в коммунистическом понимании) и правые (почвенники различных направлений — от умеренных консерваторов до сторонников полного возврата к исходным цивилизационным «архетипам»). Они, конечно, выражают несовместимые идеологические постулаты и выдвигают различные концепции политических реформ: первые выступают за возвращение к институтам «советского парламентаризма» — квазидемократической системы, прикрывавшей однопартийную диктатуру; вторые апеллируют к «соборности», а некоторые даже — и к восстановлению монархии. Однако их объединяет то общее, что присутствует в обоих типах реставрационного сознания, — концепция государства неоимперского типа. Поиск «духовных скреп» приводит к отказу от доминирующих ценностей эпохи Ельцина и либеральных преобразований 90-х годов XX века идеологическому культурному и политическому плюрализму (в рамках поиска новой «национальной идеологии»), к секуляризации (усилению религиозного влияния, вплоть до идей закрепления приоритетной роли РПЦ в конституции); к отказу от прав личности (в пользу соборности и коллективистских ценностей); к отказу от либеральной демократии (поскольку безопасность в этой трактовке — выше прав и свобод); от разделения властей — к их соединению (апология некоей особой миссии российской государственной власти

и ее лидера в российской и мировой перспективе). Все эти теоретические конструкции консервативной политической романтики, транслируемые СМИ, становятся основой многочисленных предложений по ревизии действующей Конституции 1993 г. «ельцинской конституции», которая рассматривается как уступка ценностям, навязанным Западом, разрыв с «историческими традициями» российской (советской) государственности, источник трудностей современного политического режима.

Этот консервативно-реставрационный тренд в российской политике оказался успешен в тактическом отношении: опираясь на устойчивые стереотипы прошлого, он способствует консолидации общества вокруг власти, формированию устойчивого «образа врага», мобилизационному типу развития и легитимации власти (что подтверждается высокими рейтингами). Однако эффективность данной политической технологии для текущей легитимации власти непригодна для решения ее стратегических задач. Конструируемое «единодушие» способно обеспечить, скорее, негативную консолидацию общества (по отношению к внешним угрозам), но плохо поддается управлению для решения внутренних задач, создавая угрозу утраты системой гибкости и динамики в условиях глобальных вызовов. Идеологический инструментарий реставрационных технологий берется из прошлого, не предлагает новых содержательных решений, наконец, способен действовать лишь ограниченное время. Поэтому современный политический режим имеет выраженную реставрационную функцию. Проявлением этой тенденции в культурной сфере стала консервативная политическая романтика как основа когнитивной картины мира; в правовой сфере — ограниченная трактовка и сворачивание основных конституционных принципов; в политической сфере — режим ограниченного плюрализма и «направляемой демократии» в обмен на стабильность: «дефектная демократия на грани авторитаризма».

Внешними признаками, напоминающими о классической французской Реставрации становятся радикальный критический пересмотр революционного наследия, изменения государственной идеологии и символики (возрождение «имперского стиля»); сотрудничество государства и церкви (заставляющая вспомнить о конкордате или «Латеранских соглашениях»); направленная корректировка стандартов

преподавания истории, возвращение эмигрантов, наконец, общее официально поощряемое оживление интереса к монархии и монархическим доктринам. Однако реставрация никогда не приводила в истории к полному возврату назад. Стабилизирующая роль реставрационных процессов может быть обеспечена при условии, что они сопровождаются изменениями или, во всяком случае, не закрывают полностью их осуществления, выражением чего становится ожидания «новой перестройки».

«Демократический цезаризм» — новинка для России

Природа современного российского политического режима — определяется постреволюционной стабилизацией. Эта система может быть определена как плебисцитарная демократия или, точнее, демократический цезаризм. Он отнюдь не является изобретением современной российской власти и неоднократно воспроизводился в истории стран, переживших революции, гражданские войны или крупные социальные потрясения — от принципата Августа в Риме к режиму Первого консула после Французской революции и к современной форме «республиканской монархии» де Голля, сопровождавшей становление Пятой республики во Франции (конституция 1958 г. и дуалистическая форма правления которой стали прообразом действующей российской Конституции 1993 г.). Данный режим (при всем различии его исторических модификаций) имеет существенный общий признак — сочетает новую демократическую легитимность с сохранением старой системы сверхпредставительной власти главы государства, позволяя преодолевать раскол в обществе переходного типа при осуществлении неизбежных, но непопулярных социальных преобразований. Именно поэтому он получил столь широкое распространение в постреволюционных обществах, став во многих из них формой воспроизводства режима личной власти.

Российский вариант «республиканской монархии» имеет сходные исторические задачи. Эта система предлагает эффективное решение проблем переходного общества с позиций центризма: идеологическому утопизму она противопоставляла — прагматизм; традиционализму — рационализацию (технологическую модернизацию); коммунизму — национализм (в форме гражданского «патриотизма»); революции —

эволюцию (реформы сверху); коллективизму — укрепление частной собственности; социальному (классовому) расколу — единство общества; распаду государства — сохранение незабываемости его исторических границ; социальной анархии — правовую стабильность, определяемую как «сильное государство» (с экспериментами во внешней политике).

Данная модель политической власти является исторически новой для России — она не могла быть реализована в полной мере ни в эпоху абсолютизма, ни в эпоху сменившей ее однопартийной диктатуры.

Попытки ее реализации на разных этапах российской истории (к числу которых могут быть отнесены столыпинские реформы, попытки установления диктатуры бонапартистского типа в период революции и гражданской войны, идеи термидорианского переворота в 20-е гг. XX в.) до последнего времени не приводили к стабильному результату. Такой результат стал возможен лишь с крушением однопартийной системы и в этом смысле представлял вполне естественный и закономерный выход из нее.

Основы и важнейшие структурные компоненты системы были заложены уже в реформах периода перестройки и связаны с переходом от советского принципа организации государственной власти к принципу разделения властей в форме дуалистической смешанной (или президентско-парламентской) республики, в которой глава государства — президент получал исключительно большие полномочия (сопоставимые с властью конституционного монарха или генсека предшествующего времени). Историческая закономерность данного типа политического режима и его структуры (воспроизводившейся в ходе всех трех фаз постсоветского конституционного цикла) не позволяет согласиться с теми, кто связывает установление данного режима со случайными обстоятельствами переходного периода или даже с личными качествами отдельных лидеров. Конституционное закрепление президентского режима определяется масштабом задач и функциями власти в переходный период, но одновременно — и границами этого периода.

Как долгие «переходный период» и к чему ведет переход?

Если «переходный период», по официальному признанию, завершен, то оправдан вопрос: в какой мере должен остаться неизменным политический

режим, созданный для его обеспечения? И почему вместо его ограничения конституционными рамками мы напротив, наблюдаем, последовательную экстраполяцию президентских полномочий — их формальное и фактическое расширение на новые области правового, судебного и административного регулирования?

Сама постановка этих вопросов симптоматична: будучи вполне разумной в переходный период, данная конструкция власти становится тормозом политической модернизации. В этой системе пропадают: гражданское общество, правовое государство, социальный контроль и общественная инициатива. Режимы ограниченного плюрализма могут быть эффективны на короткой дистанции (в рамках осуществления мобилизационной стратегии), но неспособны обеспечить длительную демократическую стабильность. Их слабость состоит в тотальном государственном контроле, прикрывающем институциональную анархию, слабости правовых механизмов разрешения конфликтов, отсутствии полноценной политической конкуренции, общей тенденции к бюрократической асфиксии, обвальной коррупции, утрате гибкости в критических ситуациях (как это было в условиях крушения монархии в 1917 году и однопартийного режима в 1991-м). Соотношение внутренних и внешних факторов, определяющих развитие постсоветской политической системы, не остается неизменным. Во внутренней политике основным трендом следует признать нарастание инерционной стабильности системы. На исходе XX века в ходе либеральных рыночных преобразований удалось добиться «решительного, но мирного, эволюционного по сути, хотя и революционного по форме, изменения». Эволюционность реформ вела к сохранению ключевых элементов старой системы («номенклатурная приватизация»). Конституционная революция не сопровождалась полноценными институциональными реформами, проведение которых тормозилось как мощным сопротивлением оппозиции, так и ошибками реформаторов. Каков же результат?

Характерно признание современных реформаторов: «мы не решили тех фундаментальных задач, которые стояли перед Россией сто лет назад», — «ни экономических, ни политических, ни социальных».

Это, конечно, преувеличение, но оно отражает настроения сторонников преобразований. После

всех четвертьвековых экспериментов постсоветского периода перспективной задачей по-прежнему выступает «модернизация страны путем реформ на основе универсальных ценностей гуманизма, прав и достоинств человека, доверия, сотрудничества и солидарности граждан», а несогласия охватывают концепцию реформ, их приоритеты и информационную повестку.

Внешние обстоятельства и внутренние проблемы

Стремление решить внутренние проблемы (утрата динамизма, прекращение реформ, бюрократизация) за счет активной внешней политики — характерный поворот Новейшего времени. Внешние обстоятельства (геополитическая ситуация) благоприятствуют этому: крушение международного права, рост национализма, утрата смысла происходящего («постмодернизм»), повсеместный подъем консервативных ценностей как реакция на глобализацию — создают благоприятный внешний фон для разворота российской внешней политики. Возникает труднопреодолимый соблазн решить накопившиеся проблемы одним точно рассчитанным внешним действием.

В 2015 году внешняя политика впервые в постсоветской России начинает целиком определять внутреннюю, укрепляя консервативно-стабилизационный вектор ее трансформации. Важнейшие внешнеполитические действия и инициативы (на Ближнем Востоке, на Украине, вообще на постсоветском пространстве) определяются естественным стремлением вернуть стране утраченный потенциал в мировой политике, закрепить ее роль полноценного международного арбитра в разрешении вопросов мировой геополитической повестки дня, определенно заявить о своих интересах в мире и на постсоветском пространстве. От успеха этих инициатив зависит легитимность режима и его внутренняя стабильность. Успех позволяет укрепить рейтинг действующей власти и вытеснить из общественного сознания ряд «неудобных» тем (в соответствии с римской формулой — «победителей не судят»). Неудача ведет к возрастанию трудностей легитимации режима. Однако, вне зависимости от результатов внешнеполитических проектов и военных кампаний, их неизбежным следствием становится торможение реформ внутри страны. Было бы ошибкой откладывать их разрешение на будущее под внешне убедительным предлогом

международной нестабильности. В условиях ограниченности ресурсов для маневрирования достижение прочной стабильности системы возможно только поддержанием преемственности реформационного курса во внутренней политике.

Тенденции

Современное состояние российского правового строя, несмотря на новые задачи, не исключает ретрадиционного тренда, воспроизводит преемственность стилистики советского периода и характеризуется некоторыми сходными признаками.

Россия в XX веке решила большинство проблем, связанных с выходом из исторической ситуации традиционного общества, но не преодолела в полной мере элементов ретрадиционализации советского периода при реализации основных параметров постсоветского доминирующего проекта реформ. После принятия Конституции 1993 г. не последовали необходимые реформы институтов — экономических, политических, административных, местного самоуправления, что стало основой их сворачивания в последующий период (например, «судебная контрреформа»). Главное же — результатом постсоветских преобразований не стала глубокая трансформация общественного сознания.

Базисные ценности российской культуры остались практически неизменны, отторгая идеи либеральной демократии, правового государства и приоритеты свободы личности (что подтверждается опросами общественного мнения).

Жесткость российской Конституции не стала препятствием для проведения существенных корректировок политической системы последнего десятилетия, вводимых как конституционными либо законодательными поправками, так и интерпретацией норм или изменением режима правоприменения. Они включали ряд значимых направлений конституционного регулирования: федерализм (формирование федеральных округов и введение института полномочных представителей); парламентаризм (изменения системы выборов в Государственную Думу и порядка формирования Совета Федерации); создание новых экстраконституционных политических институтов (Общественная палата и Государственный совет); принятие нового законодательства о политических партиях (в целях доминирования правящей

партии); неоднозначные преобразования судебной системы, ограничившие, по мнению критиков, степень независимости судей; введение нового порядка регистрации и отчетности НПО, приведшее к их значительному сокращению; регулирование режима СМИ. В целом — эволюция политического режима шла в сторону от провозглашенных ценностей и принципов Конституции, сопровождаясь экспансией прерогатив президентской власти на все области правового регулирования.

Трансформация политического режима возможна и в будущем путем внесения поправок в Конституцию, принятия нового законодательства, развития указного права, судебного толкования, а главное — выведения из сферы конституционного регулирования значительных областей социального регулирования и практики образования внеконституционных институтов (что является ключевым признаком «многого конституционализма»).

Политический режим остается сверхцентрализованным, характеризуется отсутствием полноценных институтов социального контроля. Несмотря на все изменения формы правления в XX веке, фактическая власть главы государства остается практически неизменной в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме.

Начало и конец революционного цикла XX века, практически совпадают в одном отношении: в обоих случаях представлена фактически неограниченная власть главы государства. Единственное реальное достижение революции в этой области состоит в том, что по сравнению с поздним монархическим режимом в настоящее время власть — не наследственная, но теоретически избираемая. Данная конструкция и структура власти определяют параметры информационного контроля и централизованный характер всех реформационных инициатив. Это — общая предпосылка когнитивного редукционизма — замены подлинной модернизации ее имитационными формами.

Проводники реформ

Элитареформоказалась недостаточно однородной и стабильной. Основная проблема российской элиты реформ в сравнительной перспективе состоит в недостаточной институционализации, отсутствии стабильных процедур рекрутирования и, как следствие,

непрочности позиций в системе государственного управления. В отличие от ряда других авторитарных режимов XX в. (где элита реформ постепенно готовилась к демократической трансформации), в России ее приход к власти был возможен, как правило, только в результате непредвиденного кризиса власти, а стабильность положения была связана едва ли не исключительно с поддержкой главы государства (как в период абсолютизма, так и реформ Горбачева или Ельцина). Эта элита была плохо подготовлена к решению проблем постсоветского периода, включавших не только демократизацию, но и решение уникальных задач перехода от плановой экономики к рыночной, причем в многонациональной стране. Соответственно, утрата ею когнитивного доминирования (в ситуации контрреформ) и уход от власти определялся не столько достижением программных целей реформ, сколько элементарной сменой лидера. *Лидерство* определяется конституционными прерогативами главы государства, его неформальными (метаконституционными) полномочиями и личными качествами. Фигура главы государства — сверхпредставлена: он — гарант Конституции, интерпретатор ее норм, законодатель, поставленный над системой разделения властей, руководитель внутренней и внешней политики государства, верховный главнокомандующий. На практике глава государства — главный и единственный идеолог системы, он определяет информационную повестку, от него зависит интерпретация смысла исторического прошлого, настоящего и будущего, а социальная ответственность определяется не столько правовыми рамками, сколько чувством «исторической миссии».

Характерно использование имперского стиля в атрибутике российского политического режима и более или менее осознанное обращение к монархической символике. Когда известный юморист на кремлевском приеме преподносит президенту в подарок копию царской короны, а тот демонстративно отвергает ее и надевает на голову гостя — остается неясно, делает он это потому, что отвергает саму аналогию, или потому, что это — *не настоящая* корона, а ее муляж (что, впрочем, не мешает сатирику получить затем орден от президента). В подобной системе, которую некоторые определяют как «латентную монархию», ее функционирование целиком зависит от лидера, во многом от его персональных качеств,

заставляя вспомнить оценку Э. Берком фигуры Кромвеля: «значительные недостатки этого политического деятеля уравниваются столь же большими его достоинствами».

Проблема этой системы в другом: нельзя институционализировать персону, ибо система, которая хорошо работает при создавшем ее лидере, может плохо работать при другом лидере (или давать сбои на разных этапах этого лидерства, ориентированных на реформы либо контрреформы). Это наблюдение подтверждается обращением к ряду государств, возникших с распадом СССР. Следовательно, воспроизводство данной системы власти, системный тренд, а не особенность сознания того или иного политического лидера. Отсюда — вопрос о том, как работают институты, именно — насколько предсказуема и находится под социальным контролем процедура смены лидерства, которая оказывается едва ли не самым опасным моментом для поддержания стабильности и легитимности власти. В истории России вплоть до последнего времени смена лидерства остается непредсказуема... Трудно определить, как эта квазимонархическая практика делегирования власти преемнику может быть реализована в дальнейшем (неизбежно порождая внутриэлитные конфликты), но остается фактом, что сама неопределенность в решении этого принципиального вопроса чрезвычайно опасна для государства и перспектив модернизации.

Перспективы

Перспективы российского политического режима на будущее (в среднесрочной перспективе) представляются в виде трех возможных сценариев:

Воспроизводство существующей модели ограниченного плюрализма (мнимого конституционализма) в новых формах — вероятность данного сценария наиболее велика, но не бесспорна.

Крушение системы под влиянием внутренних или внешних факторов — самый нежелательный вариант, поскольку ведет к неправомерному разрешению проблемы.

Внутреннее реформирование системы под угрозой утери контроля действующей элитой — при кажущейся маловероятности данного сценария в краткосрочной перспективе теоретически возможно в среднесрочной. Этот последний вариант предполагает трудную работу сознания элиты, выработку государ-

ственного мышления и прагматичность установок. Данный вектор означает становление новой политической культуры «мыслящей демократии», приоритетом которой должен стать переход от популистских деклараций к реализации этических ценностей и принципов правового государства, основанных на интеллектуальной и политической свободе личности.

Приоритеты демократических конституционных реформ вполне очевидны. На этом пути необходимы: отказ от культурной замкнутости и — преодоление стереотипов номинального и мнимого конституционализма в пользу реального; отказ от имитационной многопартийности и замена ее функционирующей системой политической конкуренции; отказ от партийных амбиций и замена их национальными приоритетами; движение от предельно централизованной коррупционно-бюрократической системы управления к системе ответственного правительства; переход от режима неограниченной власти главы государства к институту подконтрольного обществу национально-го лидерства с понятной правовой процедурой сменяемости власти, в целом — трансформация режима имперского президента в режим аутентично функционирующей смешанной формы правления. Решение усматривается по линии создания новой публично-правовой этики, расширении социального контроля за стабильностью стратегии реформ в длительной перспективе, профессионализации реформаторов, организации независимого прогнозирования и мониторинга реализации важнейших конституционных принципов.

* * *

В истории неоднократно возникали ситуации, когда неожиданно открывшаяся возможность реформ не реализовалась из-за неготовности элиты и общества к ним — отсутствия согласованного проекта и схемы его осуществления. Классический пример — ситуация Временного правительства после Февральской революции 1917 года, а также преобразования постсоветского периода (в период перестройки, а затем реформ Ельцина). План реформ разрабатывался по мере их осуществления, было упущено время, а сами реформы неизбежно приобретали противоречивый и конвульсивный характер, их практической реализации не хватало общественной поддержки, а ресурс легитимности элиты реформ оказался чрезвычайно ограничен. Исправить эту ситуацию в будущем — задача тех общественных и интеллектуальных кругов, которые могли бы суммировать и критически переосмыслить имеющиеся предложения и выступить с подобным проектом.

Общий вывод состоит в том, что развитие страны — вопреки различным теориям консервативной политической романтики — отнюдь не фатально: оно не может быть сведено к схемам некоей неизменной «цивилизационной матрицы», колеи, особой «русской системы», будто бы предопределяющей неизменность возврата к авторитарному вектору. Я утверждаю обратное: адекватная и научно обоснованная картина мира, направленное применение стратегий и технологий преобразований способны трансформировать политическую и правовую систему России в направлении устойчивого демократического развития.

© Текст: Андрей Медушевский

Андрей Николаевич МЕДУШЕВСКИЙ — профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ. Статья подготовлена на основе ряда публикаций, докладов и выступлений автора.

МЫ ВСТУПИЛИ В ПОСТ- ДЕМОКРА- ТИЧЕСКУЮ ЭРУ

Вацлав КЛАУС

«Вацлав Клаус (Václav Klaus) привык говорить вещи, которые прочие избегают высказывать, но его популярности это, судя по всему, никогда не вредило. Напротив, этот ярый евроскептик и поборник свободного рынка вправе считаться самым успешным «истинно консервативным» политиком в Европе за последние 25 лет»¹.

Почетная лекция по экономической политике имени Егора Гайдара

ЕГОР ГАЙДАР И ЭКОНОМИКА СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Для меня было большой честью присутствовать сегодня на этом мероприятии в связи с выпуском Российской школы экономики. Я рад присутствовать здесь особенно сейчас, когда ситуация вокруг России столь напряженная, и, на мой взгляд, поведение России не совсем верно интерпретируется другими странами. Мое выступление связано с именем Егора Гайдара. Конечно, с моей точки зрения, он был одним из главных экономистов и одним из ведущих либеральных политиков посткоммунистической России. Я несколько раз встречался с ним, и всегда очень большое впечатление на меня производили его дружелюбие, открытость, искренность, прекрасные навыки ана-

литического мышления. Но чаще всего я вспоминаю о двух наших встречах.

Первая состоялась в Праге, в моем кабинете в Министерстве финансов Чехословакии в начале 1990-х годов. Егор хотел выслушать мое мнение и узнать о моем опыте участия в политике. Я тогда сказал, что поначалу, когда коммунизм пал, у меня не было серьезных политических амбиций, но потом для того, чтобы добиться признания в качестве экономического эксперта, мне пришлось предпринять некоторые действия. После событий 1968 года я был выброшен из Академии наук Чехословакии, не мог преподавать, но я хотел вернуться. Вот, собственно, в чем состояла моя мечта. Однако после того, как я стал первым министром финансов посткоммунистической Чехословакии, я очень быстро осознал, что в демократическом обществе эта роль бессмысленна, если ты не обладаешь мощным политическим мандатом или, по крайней мере, если у тебя нет серьезной политической поддержки. В моем случае такая поддержка отсутствовала.

Я решил создать собственную политическую партию и вместе с этой партией сумел победить на парламентских выборах, заняв пост премьер-министра. Я помню, что Егор внимательно слушал, и мне казалось, что концептуально он со мной соглашался, но все же до конца не уверен, сработает ли подобный

механизм в России. Это была наша первая важная и запомнившаяся мне встреча.

Вторая встреча, которой я тоже никогда не забуду, состоялась на конференции в Варшаве, и тогда Гайдар довольно мудро отвечал на агрессивные вопросы, которые ему задавала аудитория. Конференция была организована в честь десятилетия падения Берлинской стены. На Гайдара нападали не только с чисто научных позиций — его критиковали за непоследовательность российских реформ и за другие ошибки. Он не искал оправдания, он не стал заново читать свой доклад, который только что закончил и который как раз и был посвящен этому вопросу.

Он просто сказал: «Я тогда был всего лишь премьер-министром России, я не был русским царем». И это было прекрасным и очень мудрым ответом, по крайней мере, для тех, кто хотел разобраться в ситуации.

Все истинные реформаторы прекрасно сознают все те ограничения, с которыми приходится иметь дело. Они прекрасно понимают, насколько ограничена их власть. Я подчеркиваю, речь идет не о тоталитарном обществе.

Всем нам не хватает Егора. Он был прекрасным экономистом, который принадлежал к старой, но несправедливо забытой школе политической экономики. Он приобрел свои знания в период коммунизма и стал примером того, как сегодняшняя, излишне упрощенная интерпретация коммунистического наследия фактически недоступна для понимания. Он доказал, что можно было изучать экономику даже тогда и что нет никаких оправданий для тех, кто этого не делал и заявлял, что делать это было невозможно.

Кто-то из нас, в том числе и Егор Гайдар, был убежден в том, что даже в трагические годы коммунистического правления можно было работать продуктивно и плодотворно. Мы старались максимизировать нашу личную функцию полезности, если угодно, даже в рамках существующих ограничений — внешних, связанных с подавляющим режимом коммунизма, и внутренних, связанных с нашими собственными убеждениями, предпочтениями и системой ценностей. Я пытался все эти вопросы проанализировать в своей книге, которую написал пять лет назад, приурочив ее к 20-летию падения коммунизма в моей стране. Книга была издана на чешском языке под названием «Где начинается завтра» и переведена на русский под на-

званием «Где начинается будущее» (она вышла в издательстве «Художественная литература»).

Я полагаю, что нам еще предстоит в наших странах очень многое сделать, и мы еще должны дать нашим гражданами и особенно следующим поколениям четкий и неупрощенный анализ всех тех аспектов неэффективности и иррациональности, которые были характерны для коммунистического режима. Без этого мы не сможем должным образом уяснить ситуацию в посткоммунистическом периоде.

Годы коммунизма были годами потерянными, но не пустыми и не бессмысленными. Кто-то из нас пытался выращивать собственный «человеческий капитал», и я надеюсь, об этом понятии вам рассказывали во время вашего обучения. Этот термин широко использовался моим хорошим другом, недавно ушедшим от нас, профессором Гэрри Беккером, которого нам тоже очень не хватает.

Егор Гайдар был готов тогда сыграть ту роль, которую ему пришлось играть в начале 90-х годов в России. Его жизнь также подтвердила важность экономической теории, подтвердила возможность практического применения ее положений в реальных условиях. И я позитивно воспринимаю этот факт, я уверен, что сейчас среди нас в этой самой аудитории сидят будущие Егоры Гайдары. Я хочу воспользоваться уникальной возможностью, чтобы рассказать о нескольких моментах, касающихся наследия Егора Гайдара.

Хочу поделить свои замечания на три группы. Прежде всего экономисты, ставшие политиками в период падения коммунизма в Центральной и Восточной Европе, знали, что им придется сменить всю политическую, социальную, экономическую систему. Они хотели добиться фундаментальных, кардинальных, глубоких системных изменений. Кто-то из них очень хорошо понимал, что частичные, незавершенные реформы не смогут дать должного эффекта. Они понимали, что необходимо сформировать некоторую критическую массу шагов и действий, и тому есть две причины. Зная, что изменения будут сопряжены с определенными издержками, они понимали, что изменения необходимы, и реформаторам нужно было убедить людей в том, что их намерения серьезны, что их конечная цель состоит в том, чтобы добиться существенного, значимого результата, а это можно сделать только благодаря проведению

очень масштабных изменений. Изменения должны быть реальными, и тут пришлось бороться и с очень мощной инерцией институтов, и с противодействием, и даже с определенными поведенческими установками. Не всем удалось успешно решить эту задачу. Исходя из ограниченного знания ситуации в России, тем не менее я хочу сказать, что Егору Гайдару удалось добиться фундаментальных изменений. Конечно, есть еще несколько имен его коллег, которые необходимо упомянуть здесь, но он, пожалуй, сыграл самую важную роль.

Второе условие успеха связано со способностью соединить все необходимые составные части, все ингредиенты. Возможно, из-за дефицита политических знаний или политической власти каких-то компонентов будет не хватать. Но я говорю об очень масштабной работе, связанной с подготовкой реформ. Несмотря на определенное нетерпение, требовалось очень серьезно подойти к этому вопросу. Я не имею в виду Джозефа Стиглица и его постепенный подход. Собственно, постепенный подход — это завуалированное ничегонеделание. Я имею в виду практический, гибкий, адаптируемый к изменяющейся обстановке проект. На практике очень сложно соединить все составные части, все ингредиенты, потому что мы имеем дело с многомерной системой, с реальными живыми людьми, с их реакцией на наши действия. И, конечно, все теоретическое на практике гораздо сложнее.

До падения коммунизма такие люди, как я и Егор Гайдар, изучали массу теорий, касающихся так называемой оптимальной последовательности проведения реформ. Однако мой реальный опыт показывает (и я очень быстро это понял), что любая оптимизация последовательности шагов возможна лишь в учебниках, но не в реальной жизни. Практически невозможно отлаживать систему по ходу, однако есть некоторые основополагающие правила, которым необходимо следовать. Среди них я хотел бы упомянуть следующие.

Во-первых, я уже говорил о важности формирования критической массы мер, направленных на реформы, которое должно осуществиться на самом раннем этапе. Во-вторых, не менее важно обеспечить элементарное макроэкономическое равновесие, чтобы избежать разрушительных последствий высокой инфляции. И в моей стране темпы инфляции были, вероятно, самыми низкими, несравнимыми

с теми, что наблюдались в других посткоммунистических странах. Пожалуй, мы были единственной страной, где сбережения населения не были уничтожены и съедены инфляцией.

Далее. Либерализация цен, связанная с этими мерами, должна была проводиться только при наличии достаточной степени макроэкономической стабильности во избежание порочного цикла ценовых войн. Как я уже говорил, процесс преобразований бессмыслен, если на раннем этапе не провести приватизацию. Она должна быть широкомасштабной, должна проводиться быстро, для того чтобы активизировать действие экономики, должна сопровождаться реструктуризацией предприятий, и при этом нельзя ждать формирования отечественного капитала. Мы говорили о ваучерной приватизации, о стандартных подходах. В этой связи как раз такие механизмы оказались неизбежными.

Институциональная база рыночной экономики — это важный фактор, который способствует успеху реформ. Однако формирование институтов — бесконечный процесс; невозможно ждать, пока появятся совершенные институты. Было бы неверно останавливать дерегулирование, приватизацию, отмену субсидий и другие реформы, ожидая, пока возникнет полностью развитая система институтов.

Еще одна предпосылка успеха преобразований — это способность объяснить эти преобразования (в том числе неизбежные издержки, связанные с ними) населению, народу. Люди должны верить в процесс преобразований. Они должны стать вашими союзниками. Они должны обеспечить элементарную политическую поддержку этим действиям, и, пожалуй, именно это и стало наиболее непростой задачей — наверняка, Егор Гайдар согласился бы с такой моей оценкой.

Это было уже 20 или 25 лет тому назад. У нас были разные задачи, нам приходилось решать разные проблемы; отдельные посткоммунистические страны по многим объективным и субъективным причинам демонстрировали разную степень развития своей экономики и политической системы, и я отнюдь не собираюсь называть эти страны. Одни из этих стран превратились в нормальные рыночные экономики и демократии — (нормальные в европейском смысле), они могут быть достаточно далеки от свободного рынка и истинных парламентских демокра-

тий. Тем не менее эти страны уже решили задачу преобразований. Другие страны по-прежнему решают эти задачи, они еще не достигли этого статуса. Исходя из того, как я вижу ситуацию, Россия находится именно в этой группе стран.

Что делать? У меня рекомендаций нет. Да я и не собираюсь давать рекомендации, поскольку это совершенно иной вопрос. Помимо всего прочего, я довольно осторожно, если не враждебно, отношусь к советам — пусть даже доброжелательным, но советам из-за границы. Я знаю, что существует такая доходная структура бизнеса, как консалтинговые компании. Но результат этих консалтинговых услуг практически равен нулю. Вы учитесь в экономической школе, некоторые из вас будут консультантами, поэтому не рассматривайте мое заявление как идущее вразрез с вашими частными интересами, я не пытаюсь минимизировать ваш доход. Но тем не менее, как я уже сказал, одни страны все еще следуют курсом перемен. Другие страны пока не завершили этот процесс до конца. Есть третьи страны, которые проводят конституционные реформы, но рыночные реформы, равно как и политические, у них довольно неглубоки и неэффективны. Институты остаются слабыми и функционируют плохо. Права на частную собственность все еще оспариваются. Это изменяется только эволюционным путем. Нет рецепта быстрого выздоровления. Все это зависит от времени. И конечно же, обсуждение этих вопросов выйдет за рамки нынешней повестки дня.

Я приехал в Россию из Центральной Европы, из Праги, из страны, которая на ранних этапах решила эту трансформационную задачу. С точки зрения наших последователей, мы, конечно же, не построили рай на Земле, хотя многие заявляют об этом. Я рассматриваю сложившуюся систему как достаточно неэффективную, патерналистскую, где экологические аспекты осложняют экономику и делают невозможным здоровый экономический рост.

Для меня речь идет о долгом кризисе государственных задолженностей, и это мы видим и в политически мотивированной валюте, такой как евро. Делаются революционные попытки просто повернуть историю вспять. В прошлом коммунисты тоже хотели перечеркнуть экономические законы, хотели политически управлять экономикой, но это не сработало. И в Европейском Союзе я также вижу постдемокра-

тические политические договоренности, которые основываются на подавлении роли государства — а это единственная структура, которая делает демократию возможной. Но на континентальном уровне сохранить ее невозможно.

То есть суть моей полемики с нынешними европейскими структурами основывается на критике как негативных последствий, амбиций экономически централизовать и унифицировать Европейский континент, так и на недооценке негативных последствий недемократических попыток подавить государства в интересах паневропейского правительства.

Экономическая стагнация в Европе не является чем-то исторически неизбежным, эта проблема была создана человеком, это результат преднамеренно выбранной и в течение ряда лет развивающейся европейской экономическо-социальной системы, все более и более централизованного недемократического союза, политического и экономического по своему характеру, что создает непреодолимые препятствия на пути дальнейшего развития. То, что мы столкнулись с кризисом, не случайно. Это проблема, которая была вызвана нами же. Это рана, которую мы сами себе нанесли. Сотни незначительных деталей, которые, в общем-то, казались неважными, трансформировались в серьезный результат. Не менее важно и то, что неестественная, чрезмерная централизация, бюрократизация, гармонизация, стандартизация и унификация Европейского континента — все это привело ко все более и более заметным демократическим травмам. Не просто к демократическому дефициту. И конечным результатом всего этого является то, что мы больше не можем говорить о демократии в Европе.

Мы вступили в постдемократическую эру, которая, безусловно, всегда являлась мечтой социалистов любых мастей. И в перспективе это может привести к еще более сложным проблемам, нежели те, с которыми мы сталкиваемся сегодня: я имею в виду единую валюту в Европе. Европейский валютный союз — это не что иное, как экстремальная версия такой экстремальной структуры. Как экономист я знаю из истории, что все режимы, основанные на фиксированном обменном курсе, рано или поздно требуют вносить валютные коррективы. Это элементарные правила, прописанные в учебнике. В течение веков системы и механизмы корректировки стремились к тому, что-

бы повернуть историю вспять. И конструктивисты, сторонники центрального планирования, манипуляторы и диктаторы, к сожалению, всегда стремились именно к этому. Поэтому мой опыт, накопленный в Европе, — это еще одна причина, по которой я довольно сдержанно отношусь к тем рекомендациям, которых, может быть, так ждут от меня здесь сегодня. Я убежден в том, что рекомендации необходимо давать только там, где ты живешь.

Спасибо за ваше внимание и спасибо вам за то, что предоставили мне честь быть сегодня здесь с вами.

**Из интервью журналу
(«The Spectator», Великобритания).**

(в сокращении)

...Если послушать, как Клаус горячо рассказывает о нелепостях Евросоюза, трудно поверить, что хоть один человек в здравом уме — левый или правый — может захотеть, чтобы его страна оставалась в этом объединении.

«Несколько дней назад я смотрел список членов Еврокомиссии Юнкера. У нас в стране считают, что 16 министров — это слишком много, и полноценных портфелей на всех не может хватить. У ЕС сейчас их 28 — это больше, чем у любой страны в нашей части мира. Посмотрите, как называются их портфели — я просто глазам своим не поверил! Бывший премьер-министр Эстонии — европейский комиссар по цифровым рынкам. Как экономист не могу сказать, что это должно значить. Плюс есть еще немецкий политик Гюнтер Эттингер (Günther Oettinger) — европейский комиссар по «цифровой экономике и обществу». Если бы даже в коммунистические времена у нас в правительстве появились такие должности, оно бы стало посмешищем. Я не могу себе представить, чем занимаются эти люди... «В Европе мы получили не просто немецкую Soziale Marktwirtschaft (социальную рыночную экономику), а немецкую модель, испорченную еще одним прилагательным — “экологическая”». «После падения коммунизма я начал свою политическую карьеру со знаменитого лозунга: «За рынки без прилагательных».

Эта фраза вызвала у нас в стране скандал. Многие говорили: «Клаус выступает за рынок без социальной политики». «Нет, — отвечал я, — Пускай будет социальная политика, но я за рыночную экономику

и социальную политику вдобавок к ней, а не за социальный рынок». Порядок слов очень важен. А сейчас мы все глубже погружаемся в экологическую и социальную рыночную экономику». Впрочем, как ни называй нынешнюю систему, говорит Клаус, она явно не работает.

«Политики из верхушки ЕС и лидеры европейских стран, делающие вид, что все в порядке, — это смешное и нелепое зрелище. Меня оно поражает», — говорит Клаус.

Клаус считает, что Европейский Союз реформировать бесполезно, и призывает заменить ЕС «Организацией европейских государств» — ассоциацией свободной торговли без политической интеграции.

«Когда мы начали менять нашу страну, мы осознанно избегали слова “реформа” и использовали слово “преобразование”, потому что мы добивались именно системных перемен. Подобные системные перемены нужны сейчас и Европе».

Европа, по мнению Клауса, ошибается не только в экономических вопросах. Он также недоволен враждебностью западной элиты к России.

«Я помню, как один политик из некоей страны, одно время даже бывший ее министром иностранных дел, говорил мне, что его ненависть к коммунизму не позволяет ему читать Достоевского. Эти слова я запомнил надолго, и боюсь, что нынешняя антироссийская пропаганда основана на аналогичной логике и способе мышления. Большую часть жизни я провел в коммунистической Чехословакии, под советским господством. Однако я не путаю Советский Союз с Россией. Те, кто не видят между ними разницы, просто предпочитают закрывать на нее глаза. Я всегда говорю моим американским и британским друзьям, что хотя политическая система в России отличается от наших и нам бы жить при ней не понравилось, сравнивать нынешнюю Россию с Советским Союзом Леонида Брежнева просто глупо».

«Антироссийская пропаганда США и ЕС абсолютно нелепа, и я не могу с ней смириться», — уверенно отмечает Клаус. Он хочет вернуть полномочия по демократическому принятию решений обратно — на уровень национальных государств.

«Я критикую не только ЕС — я также весьма критически отношусь к глобальному управлению и к транснационализму в принципе. Неделию назад в Гонконге я говорил, что крайне наивно открывать

свою страну, не озаботившись сохранением основ государственности. Такие вещи ведут либо к анархии, либо к мировому правительству. Я определенно за Европу суверенных национальных государств. Однако мы уже давно вышли за пределы простой экономической интеграции. Евросоюз — система постдемократическая и постполитическая».

В политике Клаус с самого начала отстаивал принципы суверенитета и отрицал господствующие точки зрения. В отличие от прочих лидеров из стран бывшего советского блока, он после падения Берлинской стены не колеблясь критиковал западную политику. Он был одним из немногих, кто выступал против «гуманитарных бомбардировок» Югославии, организованных Клинтон и Блэром в 1999 году. Он также резко критиковал войну в Ираке... При этом он чувствует, что свобода придерживаться «немодных» мнений и выражать их оказалась сейчас на Западе под нарастающей угрозой. «Если вы спросите меня, идет ли сейчас в Европе наступление на свободу, я скажу “да”. Я чувствую, что на меня давят, не позволяя мне высказывать мои взгляды. У меня теперь с этим постоянно возникают проблемы. Внезапно, впервые за 20 лет, я начал сталкиваться со следующей ситуацией: меня приглашают основным выступающим на конференцию, затем организа-

торы узнают, что у меня есть серьезные сомнения по поводу Евросоюза, однополых браков или украинского кризиса, и говорят: “Извините, большое Вам спасибо, но мы уже нашли другого выступающего...” Политически корректным признается лишь узкий спектр мнений»...

«...Еще недавно у Европы были лидеры с четким и ясным мировоззрением — такие «левые», как премьер-министр Швеции Улоф Пальме и канцлер Австрии Бруно Крайский, и такие «правые», как Де Голль и Маргарет Тэтчер. С ними можно было соглашаться или не соглашаться, но нельзя было упрекнуть их в непоследовательности или неискренности. Однако на смену им пришло поколение вкрадчивых, бесцветных политиков, колеблющихся вместе с партийной линией. Вацлав Клаус — не такой. Он — реликт тех времен, когда наши лидеры имели убеждения и не боялись их высказывать. Остается надеяться, что он не станет последним в Европе политиком такого рода...»

inosmi.ru

Оригинал публикации: *Vaclav Klaus: the West's lies about Russia are monstrous.*

Примечания

- ¹ Нил Кларк (Neil Clark) («The Spectator», Великобритания).

© Текст: Вацлав Клаус

Вацлав Клаус (чеш. *Václav Klaus*) (род. 19 июня 1941 года, Прага) — второй президент Чехии (2003—2013 годы), министр финансов Чехословакии, премьер-министр Чехии (2002–2008 гг.). Почётный профессор МГУ. Лауреат международной премии имени Егора Гайдара (2014 г.).

ЕГОР ГАЙДАР

и уроки экономической истории

<...>Когда меня иногда спрашивают о Гайдаре, я отвечаю, что Егору Гайдару были свойственны два качества — мужество и интеллект. Причем мужество я ставлю на первое место, потому что это гораздо труднее. Человеку с интеллектом, всё понимающему, гораздо труднее быть мужественным, чем мужественному человеку быть интеллектуальным — некоторый такой, может быть, парадокс. Конечно, то, как Гайдар видел историю, как видел он место страны в истории (недаром его лучшая, на мой взгляд, книга называется «Долгое время»), как решительно и в то же время мягко он принимал те меры, которые переворачивали и, я бы сказал, спасали страну, было исключительно важно. Это выступление для меня особенное еще и потому, что сегодня у меня брал интервью английский тележурналист, снимавший фильм для иранского телевидения об истории реформ в России. Журналисту 33 года, довольно интеллектуальный англичанин. Но он в своих вопросах повторял все пошлости квазиреформаторского или антиреформаторского «кича», которые уже набили оскомину за последние 20 лет. Я сейчас не буду с этим англичанином полемизировать, но это сегодняшнее мое выступление как раз наложилось на полуторачасовую дискуссию в том интервью.

* * *

Прежде всего, я бы начал с тезиса, что я недаром выбрал тему экономической истории. Для Гайдара она была исключительно важна. Он был очень тонким исследователем длинных исторических процессов и видел историческое развитие сквозь призму бесконечных трансформаций экономической жизни. В этом смысле он, на мой взгляд, был марксистом. То есть не на мой взгляд — мы с ним часто это обсуждали — да, он был марксистом, если под марксизмом понимать не микроэкономику, устаревшую уже к тому моменту, когда вышел первый том «Капитала» Маркса, поскольку были более продвинутые микроэкономические теории, но видим в этом теорию экономической истории, которая действительно сохранилась как некий фундамент историко-экономических исследований для отдаленного будущего.

Выступая здесь, я хочу начать с пожелания.

Я хочу пожелать нам всем и выпускникам РЭШ — экономистам — быть всегда востребованными. Быть востребованными внутри себя и вовне. Быть востребованными своими коллегами, своими детьми, своими близкими. Но прежде всего, конечно, речь идет о профессиональной востребованности. И если говорить об этом, то я бы пожелал всем нам хороших кризисов.

Потому что, как известно, кризис — время плохое для простых людей, но хорошее для экономистов. Как сказал один мой коллега 25 лет назад: «Слава Богу, мы не искусствоведы». Экономисты, конечно, не искусствоведы, но все-таки востребованность экономистов зависит от сложностей социально-экономической ситуации в той или иной стране. И хороший, здоровый кризис, (но без политической революции!) — это то, что всем нам нужно, и то, что я всячески пожелаю во всей вашей творческой экономической жизни.

В этом смысле Елизавета II, которая в августе 2008 года сказала: «Почему никто из экономистов не смог предсказать финансовый кризис?», конечно, сделала антиэкономическое заявление. Потому что если бы кризисы можно было предсказывать, их бы вовсе не было. Если вы можете предсказать что-то, вы можете противодействовать этому.

Говоря об истории подробнее, я хочу сказать, что в моем понимании экономическая история играет

для экономической науки двоякую роль. Во-первых, это источник информации для моделирования, для анализа того, что происходит. И, во-вторых, это источник опыта для экономико-политических рекомендаций. Недаром роль истории в экономических исследованиях всегда была значительна. И мы понимаем, что «Богатство народов» — в большой степени исследование экономической истории, как и «Капитал», (не говоря уже о его четвертой части), — это в большой степени экономическая история. И Шумпетер, и Кейнс, и практически все крупнейшие экономические исследования основаны на исследовании опыта экономической истории и истории экономических учений.

Как же использовать знание экономической истории в практической и аналитической деятельности? Мне представляется, что здесь есть несколько подходов, которые надо принимать во внимание. Прежде всего, это поиск прецедента. Вообще в экономике было почти все. Это не значит, что все можно повторить, но почти все, так или иначе, в длинной экономической истории было.

Правда, на долю нашего поколения пришлось, как мне кажется, два довольно важных трансформационных поворота, два интересных вызова, которых никогда в глобальной экономической истории не случилось.

Первый поворот — это, конечно, трансформация тотально-централизованной экономики в рыночную. Никогда не было такого уровня огосударствления и централизации. И, соответственно, никогда не было такой попытки превратить, как, по-моему, говорил Лех Валенса, «рыбный суп обратно в аквариум с рыбками». Знаете эту фразу, что распространение коммунистической системы — это приготовление рыбного супа из аквариума, а построение рыночной экономики — это трансформация рыбного супа обратно в аквариум. Это, конечно, большой вызов, с которым мы все столкнулись и который не имел прецедентов в истории.

Второй элемент, о котором, как мне кажется, мы должны сейчас говорить, выходит за рамки посткоммунистической трансформации. Это то, что некоторыми экономистами принято называть *secular stagnation*.

Когда мы обсуждаем проблему *new normal* — это ведь не цены на нефть и не их колебания, (ко-

торые, в общем-то, последние полвека менялись регулярно).

Вообще опыт Японии... На самом деле, один из важнейших вызовов, с которыми мы сталкиваемся, это вопрос, является ли 25-летняя стагнация Японии картинкой светлого будущего или это случайное явление? Являются ли низкие или стагнирующие темпы роста долгосрочным вызовом или новой нормальностью функционирования разных экономик?

Мне кажется, оба эти сюжета не имели прецедента в экономической истории, в том числе проблема кризисов — все-таки с тех пор, как появились экономические кризисы, (а появились они примерно с 1825 года; обычно достижение дна означало начало роста. Именно поэтому мы до сих пор любим обсуждать, оттолкнулась ли экономика от дна.) Опыт Японии показывает, что достижение дна не обязательно будет означать начало роста. И это совершенно новая реальность, требующая совершенно нового осмысления.

В то же время, еще раз хочу подчеркнуть, экономическая история, история экономической мысли не столь проста, как кажется. Она не является набором исторических анекдотов и ситуаций, это и не выбор однозначных и правильных рекомендаций. Все-таки недаром первые экономисты были врачами. По крайней мере, Пети и Кене. Мне всегда казалось, что это очень справедливо, поскольку принципы функционирования экономики и медицины в чем-то похожи. Есть общие принципы функционирования организма, есть некоторые канонические или неканонические методы лечения, а дальше — умрет пациент или выживет — зависит от высших сил, и никогда лечение не может быть однозначным. В этом смысле мне представляется, что весь исторический опыт — если угодно, набор медицинских книг — очень важен, но не дает окончательного ответа. Окончательный ответ дает патологоанатом или экономический историк, который и объяснит, почему вот эти кошмары экономической политики привели к успеху, а это следование канонам — к катастрофе.

Следующий пункт, на который я хотел обратить внимание, это некоторые особенности и ограничения историко-экономического знания. Первый тезис — самый простой. Опыт важен, но повторение опыта очень часто является повторением ошибок. Не так

много в экономической истории, в экономическом опыте достаточно очевидных истин — что можно, а что нельзя. Очень часто и как правило — я приведу далее несколько примеров на эту тему — ситуация гораздо сложнее, чем это выглядит на поверхности. Хотя в качестве достаточно очевидных вещей я бы привел пример нынешней дискуссии о том, что у нас низкая монетизация экономики, что проблема монетизации решается не повышением спроса на деньги, а простым методом денежной эмиссии. Но все, что об этом можно было сказать, изложено, скажем, в дискуссии Базарова, Громана, Струмилина, Кондратьева и Макарова в 1925–1927 годах. На тот момент блестящие экономисты Госплана совершили вот эту классическую ошибку: у нас низкая монетизация ВВП, у нас есть шанс напечатать очень много денег. Повторять эту ошибку с тех пор кажется достаточно странным. Между тем, именно на эти грабли наступают с удивительной регулярностью.

Есть другой пример, когда, наоборот, опыт прошлого окажется ошибочным. По состоянию на конец 20-х годов прошлого века золотой стандарт считался абсолютным благом, к которому все стремились. Почти никто не верил Кейнсу с его словами о золотом стандарте как рудименте варварства. (Тоже очень важный поворот — существенное ограничение роли экономической истории в экономической политике). Правда, из этого не следует, что этот вывод навсегда и что в будущем не сложатся обстоятельства, при которых золотой стандарт может возникнуть. Я это говорю умозрительно. Я не говорю, что потребность в золотом стандарте возникнет. Но мне всегда вспоминается сюжет из политической истории XVIII века, когда отцы-основатели американской демократии обсуждали свой будущий конституционный режим. Ведь тогда республика отнюдь не была передовой политической формой. Напротив, это была одна из самых отсталых форм, берущая начало в Риме и давно преодоленная всеми передовыми нациями. Тогда не республика, а конституционная монархия была эффективным политическим институтом, обеспечивала мощную армию, мощную экономику. Тем не менее, отцы-основатели рискнули, возродили архаичный механизм — и он почему-то начал работать. Это тоже всегда надо помнить и учитывать ограниченность наших знаний, в том числе экономических.

Третий пункт, на который я хотел обратить внимание, — это релятивность историко-экономического опыта и вообще опыта истории. Я уверен, что новое поколение всегда должно переписывать историю с точки зрения накопленного опыта и накопленных знаний. Опыт каждого поколения видит в экономической истории нечто новое. И в этом смысле некая релятивность экономической истории — повторяю, если это не набор анекдотов, а совокупность опыта — должна переписываться каждым поколением экономистов.

Еще один пункт — это важность историзма, важность принятия во внимание обстоятельств, при которых происходят те или иные события. Это важно как в оценке современных рекомендаций, так и в оценке рекомендаций прошлого и вообще накопленного опыта. Есть классический пример, который я не могу не привести. Меня всегда удивляет критика либеральных экономических доктрин эпохи развитого индустриализма. Ну как же так, вот Адам Смит, Рикардо, некоторые другие экономисты, вплоть до Бастиа рекомендовали всем странам осуществлять свободную внешнюю торговлю, пользоваться преимуществами сравнительных издержек, обмениваться товарами, не понимая (или понимая), что они заставляют отсталые аграрные страны оставаться отсталыми, а передовые промышленные — быть передовыми.

И все эти критики не знали, по-моему, искренне не понимали, что, когда Адам Смит написал «Богатство народов», когда Рикардо формулировал принципы политической экономии, промышленность и сельское хозяйство не были антагонистами. Самыми мощными в военном отношении были аграрные монархии, а во все не редкие промышленные республики, и само понятие отсталости является временным и историчным. Кстати, как и сейчас. Если мы посмотрим на современные тренды, мы пришли к обществу — (я имею в виду развитый мир) — когда отсталых и передовых отраслей больше нет, есть отсталые и передовые технологии. Но мы не можем сказать заведомо, что сельское хозяйство — это плохо, а промышленность — это хорошо. Промышленность может быть со старыми технологиями, а сельское хозяйство — с новыми... Релятивность знаний в этом смысле очень-очень важный вопрос.

И еще одно мое личное наблюдение, которое может быть полезно. Это имеет косвенное отношение к экономической истории, но точно имеет отношение

к выпускникам... Наблюдая и по книгам, и воочию дискуссии в нашей (и не только нашей) экономической науке, в какой-то момент я понял, что наука развивается поколениями, что дискуссия идет для того, чтобы убедить следующее поколение, а не друг друга.

Когда спорят экономисты, они никогда не убедят друг друга. Ну, или убедят (в очень редких случаях), когда есть четкие количественные верификации. И то всегда можно найти другую интерпретацию. Дискуссия преодолевается поколением. Следующее поколение перестает обсуждать то, что обсуждало поколение их родителей в экономической науке, и принимает как данность те выводы, которые становятся очевидными.

Следующее, о чем я хотел бы коротко сказать, это, как мне кажется, загадки экономической истории. Те, кто будет заниматься экономической историей и не только ею, непременно столкнутся с теми загадками и фундаментальными вопросами, с которыми сейчас, на мой взгляд, сталкивается любой исследователь и любой думающий практик. Прежде всего, и это я уже упомянул, это современный экономический рост, его природа и перспективы. Вечная дискуссия. Мы не знаем, почему 250 лет назад экономический рост начался. И бог с ним.

Но мы не знаем еще более интересного: раз он когда-то начался, значит ли это, что он когда-то закончится? Прав ли Боб Гордон, который пишет, что экономический рост исчерпывается?

Свидетельствует ли японская ситуация о том, что это завершение современного экономического роста, а не просто набор ошибок экономической политики, переплетение наводнений и цунами? В общем, перспективы современного экономического роста — одна из самых загадочных и, может быть, никогда теоретически не решаемых проблем.

Второй вопрос тоже очень понятный, но ответа на него тоже нет — это особенности догоняющего развития. Почему одним странам рыбки удаются, а другим нет?

Вечная дискуссия, очень интересная, во многом спекулятивная. Но это то, с чем вам, где бы вы ни работали, все равно придется сталкиваться. Почему Россия не Америка, почему Палестина не Израиль, почему Эстония не Финляндия, хотя стремится приблизиться к ней? Также такой вечный вопрос, сочетающий некое объективное знание с набором субъ-

ективных и, может быть, даже культурных — (хотя я не люблю в экономике слово «культура») — интерпретаций.

Ну и третий, более простой вопрос: Китая и Россия — две модели догоняющего развития. Тоже, пока существуют эти две страны и существует догоняющее развитие, дискуссия будет вестись.

Из более локальных — вопрос, который я бы отнес к историко-экономическим, хотя он не имеет исторических прецедентов. Относится к перспективам нынешней макроэкономической политики развитых стран. Никогда в истории макроэкономической политики не было такого мощного, отчасти бюджетного денежного стимулирования. И никогда то, что когда-то было названо ловушкой ликвидности, не проявлялось так наглядно, так жестко и так беспросветно, как это выглядит в настоящее время.

Пожалуй, я буду завершать, хотя у меня есть набор очень интересных цитат, ассоциаций и аллюзий.

Но все-таки я хочу подойти к выводам — я поделил их семь.

Первое: понимать ограниченность своего знания, почерпнутого из опыта или из модели. Еще раз: только экономический историк скажет, почему одна страна успешна, а другая — нет, и то не окончательно.

Вывод второй: для преодоления ограниченности наших знаний — их нельзя преодолеть, но надо преодолевать — надо много работать, в том числе над осмыслением исторического опыта и сегодняшних специфических обстоятельств.

Пункт третий: понимать, что нет никакого сокровенного знания, которое позволит вам решать все проблемы страны, региона, локального пространства или всего мира.

Помните слова Фридриха фон Хайека об «опасной самонадеянности» экономистов — так называлась его последняя книга.

Пятое: видеть риски в знании истории, которое может предотвращать от действий. Недавно один из очень видных наших экономико-политических деятелей сказал мне: «Все-таки тяжело знать экономическую историю — блокирует действия. Понимаешь, что все было и почти всегда плохо кончилось». Тем не менее, из этой ловушки тоже надо себя вытаскивать за волосы.

Ну, и еще один пункт выпускникам, предпоследний: никогда не переставайте учиться — у самих себя, у коллег, у партнеров и у своих учеников. Последнее самое трудное, но самое важное — на уровне здравого смысла надо учиться у своих учеников.

И помните, что история не учительница, а классная дама — она не учит, она наказывает за невыученный урок.

И каждый урок можно передавать бесконечно, в отличие от школы. «История длинная», — любил повторять Егор Гайдар.

Примечания

- ¹ Почетная лекция имени Егора Гайдара по экономической политике на Церемонии вручения дипломов выпускникам Российской экономической школы 2016 года.

© Текст: Владимир Мау

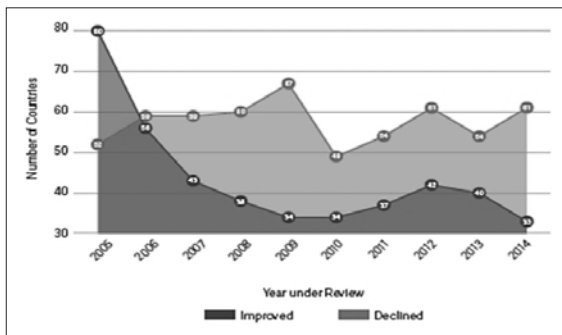
ПОЧЕМУ НАРОДЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ СВОБОДЫ

В этой лекции я решила поговорить об особом свойстве современных автократий, которое связано с их популистской природой, благодаря которой они во многом зависят от своих избирателей — и в этом смысле они действительно как бы подкупают своих избирателей. Давайте поговорим о них более подробно.

В январе этого года «Freedom House» — организация, которая занимается измерением уровня свобод в мире, — опубликовала очередной доклад. Оказывается, что последние десять лет (с 2005 года) в мире наблюдается устойчивый тренд на снижение числа различных гражданских и политических свобод. 2014 год оказался особенно печальным: уровень свобод снизился в 61 стране, а более свободными стали и продвинулись на пути к демократии гораздо меньше стран, чем обычно, — минимум с 2005 года. В России тоже были зафиксированы свои проблемы.

То есть — редкий случай — мы не были уникальны, вполне в тренде.

В политической науке эта тема связана с теорией Э. Хантингтона о Третьей волне демократизации. Предполагается, что страны либерализуются не случайно и что либерализация — это процесс, который носит некий не строго линейный характер, а происходит, по мысли Хантингтона, волнами. Редки случаи, когда демократизируется только одна страна. Как правило, демократиями становится сразу некоторое ко-

Мировые тренды

Freedom House: устойчивый негативный тренд в мире с 2005 г.

- ▷ 2014-й особенно мрачный: уровни свобод снизились в 61 стране, а выросли всего в 33.
- ▷ Число стран, ставших свободнее — сократилось до минимума с 2005 г.
- ▷ Негативная динамика в странах: Россия, Венесуэла, Египет, Турция, Таиланд, Нигерия, Кения, Азербайджан, Венгрия

* М. Снеговая — докторант Колумбийского университета.

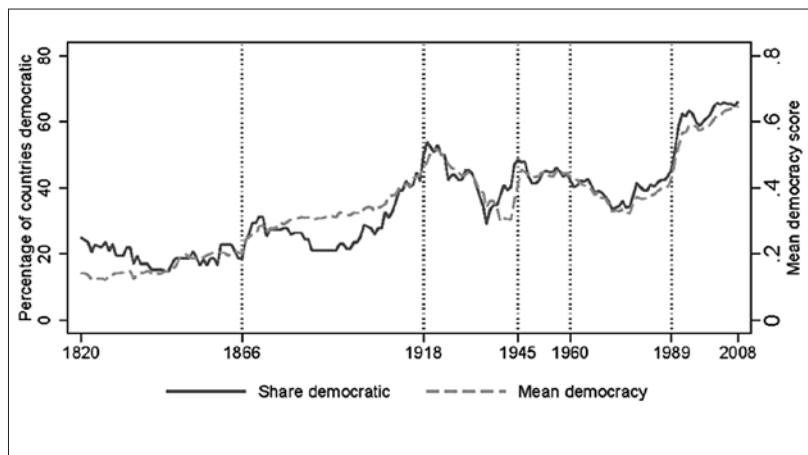
личество стран. Следом за этим, как правило, идет откат. То есть страны, которые, скажем так, стали демократиями преждевременно, возвращаются назад, в нелиберальные режимы. Затем опять идет волна демократизации.

Хантингтон выделил три такие волны. Первая последовала за революциями в США и Франции во второй половине XIX века — основной период либерализации европейских стран. Вторая волна случилась после окончания Второй мировой войны и была связана с тем, что активно либерализовались бывшие европейские колонии. Но дело в том, что эти колонии не имели достаточных предпосылок для устойчивой демократии, и вслед за тем произошел откат назад. И Третья волна, по Хантингтону, началась в 70-х годах и была связана с либерализацией стран Южной Европы и Латинской Америки. К 1994 году число демократий в мире достигло исторического максимума и было равно 72.

К 2008 году мы уже видим на графике небольшой спад. По этому поводу многие организации, которые занимаются изучением демократизации, бьют тревогу: что такое, почему мы не видим так называемого конца истории? А автор термина «конец истории» Фрэнсис Фукуяма утверждал — по крайней мере, вульгарное понимание его концепции связано с тем, что все страны движутся в направлении либерализации и демократизации. Мы видим, что этот процесс отнюдь не происходит гладко и на текущий момент наблюдается откат. Но все не так однозначно. «Freedom House» использует очень сложный и чувствительный

индекс демократии. Чтобы стать демократией, нужно соответствовать большому количеству критериев: свобода СМИ, качество проведения открытых выборов и т.д. В этом смысле трудно полностью соответствовать всем многочисленным критериям, и этот индекс более чувствителен к малым изменениям в либеральности режима. Но если вы возьмете более грубый индекс, просто условно делящий страны на демократии и диктатуры только по критерию наличия в стране конкурентных выборов, по этому индексу ситуация выглядит лучше. До 2008 года (последний доступный по этому индексу год) число демократий даже росло. Политолог Джей Уилфелдер провел более тонкий анализ, выясняя, что же это, собственно, за страны, которые отказываются от демократии и составляют современный нелиберальный тренд? И он показывает, что настоящие демократии в основном как были, так демократиями и остались. Что по-настоящему случилось, так это то, что страны, которые находились где-то в промежутке (например, Россия 90-х, про которую до сих пор идут споры, что же было в 1996 году: были ли это честные выборы?), где вроде бы было движение к демократизации, но были проблемы, вот они не удержались.

Говорят о том, что существенную роль в этом нелиберальном тренде сыграла Россия, которая своим примером и деньгами показывает другим странам, что демократический строй, скажем так, возможно, и не соответствует нашим традиционным ценностям. В январе 2015 года, когда вышел доклад, Россия впервые по уровню гражданских свобод опустилась с 5 до 6 (индекс работает «наоборот»: чем выше циф-

*Мировые тренды
Три волны демократизации*

ра, тем хуже ситуация со свободами в стране). То есть если у вас 5, то это на самом деле «два», а если у вас по индексу «единица», то это по уровню демократии означает, что все «отлично». Так вот как раз в 2014 году впервые по уровню гражданских свобод Россия скатилась с 5 до 6, то есть к уровню гражданских свобод, аналогичному Китаю. Такой откат по гражданским свободам был достигнут прежде всего из-за ситуации с масс-медиа и НКО, что, конечно, существенно ограничивает наши возможности, с точки зрения выражения своей гражданской позиции. В целом, согласно индексам «Freedom House», Россия уже давно не свободна, и ситуация с гражданскими свободами у нас, к сожалению, ухудшается.

Когда политолог Джей Уилфелдер говорит о том, что сам по себе тренд на демократизацию не изменился, а изменилась ситуация с этими промежуточными, не совсем либеральными режимами, какие режимы он имеет в виду?

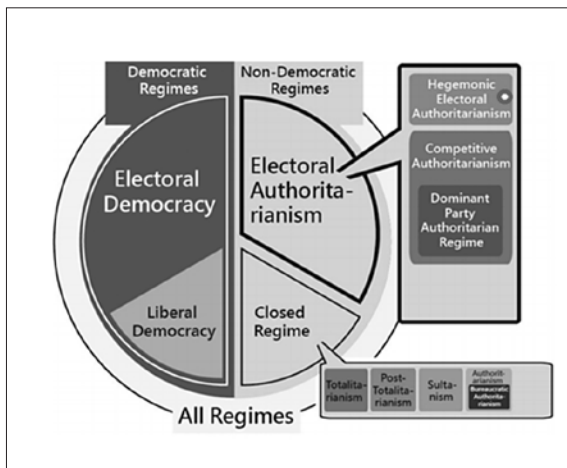
Здесь мы как политологи подступаем к самому главному. Вообще политологи — это люди, которые очень любят плодить новые определения. У меня основной профиль изначально экономический, поэтому для меня было открытием, что каждый политолог обычно придумывает свое собственное новое название и новое определение какого-то типа режима. Тем не менее нижеследующая концепция — одна из самых распространенных.

Начнем с собственно очень простого деления стран на демократии и недемократии — черное

и серое полушария диаграммы. Если мы демократия, то следует соответствовать большому количеству критериев: проводить свободные выборы, обеспечивать равный доступ участников к избирателям во время всего избирательного процесса. При этом дело выборами не ограничивается, должна быть высокая степень информационной свободы, независимости масс-медиа и множество других критериев, которые составляют необходимую основу для либеральной демократии. По сути, здесь все довольно просто.

ОТЛИЧИЯ НЕДЕМОКРАТИЙ

Интересная история начинается, если страна — недемократия. Допустим, мы прошли по какому-то одному критерию, но у нас есть некоторые ограничения доступа оппозиции к выборам. То есть мы кому-то из оппозиции позволяем участвовать в выборах, кому-то — нет. Кто мы в этом случае? Надо сказать, что вообще про автократии в 90-х годах довольно сильно позабыли, и никто ими не занимался. Само изучение вариантов автократий, несвободных режимов начинается где-то с начала 2000-х годов, когда стало понятно, что, к сожалению, у нас еще не конец истории и что многие страны хотят продолжать свою «недемократическую» историю. Чем же отличаются друг от друга авторитарные системы? Прежде всего некоторые из них просто не допускают фактически никаких выборов — например, какие-нибудь варианты султаната. Ну, или не позволяют в них участвовать никому, даже фиктивным партиям. Ска-

Мировые тренды

РФ — типичный «гегемонический электоральный авторитаризм»

жем, сталинская система, где в выборах участвовала только одна партия, которая всегда набирала свои 100% или 99,9%. Этот вариант расположен в нижнем секторе серого полушария — закрытый режим. Тут все понятно, просто никому ничего не надо: один монарх/диктатор правит пожизненно, всё замечательно.

Но большинство современных режимов, особенно после конца «холодной войны», не относятся к этому типу. Это так называемый тип *электорального авторитаризма*. Это режим, который проводит выборы и даже иногда позволяет кому-то в этих выборах участвовать. Как правило, с не очень хорошим результатом для тех, кто участвует, но тем не менее все-таки какой-то элемент конкурентности в системе присутствует. В зависимости от степени конкурентности эти режимы могут быть либо гегемоническими электоральными автократиями, либо конкурентными автократиями. Есть еще подвид доминантной системы с доминантной партией — здесь прежде всего на ум приходит режим Институционно-революционной партии (PRI) в Мексике.

Поскольку в России выборы проводятся (даже иногда в порядке исключения на них допускается и кто-то из оппозиции), Россия относится к виду или подвиду электоральных автократий. Здесь у политологов есть небольшой диспут на тему того, какие авторы и когда ввели термин «электоральный авторитаризм». Как я уже говорила фактически он появился в начале 2000-х годов. Конкурентным авторитаризмом Россию уже назвать нельзя, потому что *конкурентный авторитаризм* — это такая авторитарная система, которая все-таки какой-то части оппозиции иногда позволяет выигрывать и у которой пусть нет сильной конкурентности, но та, которая есть, присутствует не только в выборном процессе, а иногда, скажем, и в судебной системе. По этой классификации Россия в 1990-х годах (особенно в условном 1996 году) была конкурентным авторитаризмом. Хотя опять же это спорная, дебатруемая тема.

Гегемоническая электоральная автократия — самый распространенный тип авторитарных режимов

Россия сегодня — это довольно типичная *гегемоническая электоральная автократия*, потому что выборы проводятся регулярно, даже иногда, при большом желании, оппозиция может поучаствовать в выборах где-нибудь, в каком-то богом забытом регионе. (Конечно, оппозиция вряд ли выиграет,

но тем не менее иногда может в них поучаствовать.) Это так называемый демократический фасад, который режимы надевают на себя по разным причинам, и эти причины можно обсуждать. Но то, что ничего уникального в современной российской демократии нет, это тоже факт. Более того, Россия как типичная гегемоническая электоральная автократия представляет собой самый распространенный тип авторитарных режимов. Конечно, есть особая специфика России, тем не менее она довольно хорошо вписывается вообще в тренд нелиберальных режимов. Это тоже важно понимать.

ПОЧЕМУ НЕ ТОТАЛИТАРИЗМ?

У нас некоторые авторы часто начинают упоминать термин «тоталитаризм». Всё, 37-й год, ужас-ужас-ужас. Ну, насколько ужас? Если вы знаете анекдот: не ужас-ужас-ужас, а всего лишь ужас, пусть это кого-то утешит. Потому что все-таки не тоталитаризм. Почему? Потому что тоталитаризм в политической науке — это режим с очень характерными чертами. Прежде всего с ресурсом тоталитарной мобилизации. Это означает, что все под знамена, маршируем активно, весело: если надо, то на Гитлера, если надо, то на Америку, если надо, то в ГУЛАГ. Но чтобы ГУЛАГ организовать, надо же не только людей посадить, надо еще мобилизовать тех, кто их будет охранять. Это, между прочим, не такая уж простая задача. Попробуйте кого-нибудь отправить работать охранником в ГУЛАГ. Нужен некоторый подъем общества, который позволяет это сделать. Ну и хорошая, надеюсь, очень хорошая новость состоит в том, что в России сегодня ситуация не та.

Вот социолог Лев Гудков говорит, что хотя Россия активно пытается мобилизовать население с помощью идеологии (что является характеристикой тоталитарного режима), все-таки мобилизация эта неуспешна, потому что общество наше пассивно: «Имперский миф присутствует, но он не экспансионистский, а миф милитаристского героического прошлого... Потому что российское общество всё-таки очень усталое общество и боится сильных потрясений. В отличие от действительно нацизма или ранних форм тоталитаризма, здесь нет планов на такую экспансию... То есть фактически режим больше всего заинтере-

сован в самосохранении, в обеспечении поддержки и возможности сохраниться как можно дольше у власти без изменения» (Лев Гудков. Шоу против революции).

По многим опросам, если вы посмотрите, даже люди, которые считают, что надо Америке ответить или пойти защищать братьев-украинцев от страшного Запада, при этом сами, как правило, не готовы идти воевать за это. И своих детей тоже не очень часто готовы туда посылать. Вот этим и отличается авторитарная система от тоталитарной. К тому же тоталитарная система очень репрессивна. Но репрессии — это издержки. Для этого нужны деньги, для этого нужны ресурсы и, опять же, желание людей, как минимум их энтузиазм, такой, который позволял бы это обеспечить. Опять же, в современной России этого нет. Важно упомянуть, что электоральные автократии не обладают ресурсами мобилизации и менее репрессивны, потому что у них просто нет такой возможности. Есть статья Кирилла Рогова (Ресурсный национализм. Политэкономия реакции // Ведомости), в которой говорилось о том, что хотя рейтинг Владимира Владимировича высок и чуть ли не выше предыдущих пиков, надо понимать, что издержки, которые потрачены на то, чтобы достичь такого уровня в этот раз, совершенно беспрецедентны. Они во много раз выше, чем издержки, которые требовались прежде. Это ограничитель. Невозможно постоянно иметь такое количество затрат для поддержания этого рейтинга. Поэтому и репрессии в массовом масштабе также осуществлять невозможно.

СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ

Как же тогда режимы такого типа добиваются лояльности и поддержки народа? Как они выживают? Выживают они путем популизма, путем подкупа или обещания ресурсов, обмена ресурсов между группами интересов, которые обеспечивают основную поддержку этого режима. (В частности, недавняя новость о том, что «Шереметьево», кажется, отходит Ротенбергу, показывает типичную схему такого обмена ресурсов на лояльность.) В данном случае — лояльность элиты. Но одну элиту подкупать недостаточно, нужно еще подкупать достаточно существенную

часть населения, чтобы обеспечить поддержку. О том, как это делается, я и хотела сегодня рассказать.

Популистские автократии

Для простоты и чтобы не повторять страшные названия, я называю эти гегемонические электоральные и прочие режимы популистскими автократиями. Где же они возникают и как они все-таки обеспечивают поддержку населения? Здесь я в качестве иллюстрации вспомню Виктора Орбана из Венгрии, где все-таки более-менее пока еще свободный режим, но он явно движется в обсуждаемом нами недемократическом направлении. Орбан нам важен еще и потому, что он сказал фразу, с которой согласны большинство героев сегодняшней презентации: «Демократия не обязательно должна быть либеральной». Курт Вейланд, один из известных политологов, который занимался Латинской Америкой, выделяет характерные черты, которые отличают режимы в Эквадоре, Боливии и Венесуэле. Если мы прочитаем его статью, мы увидим очень много общего с более близкими нам странами.

Прежде всего *персоналистский неопатримониальный характер систем*. Персоналистский — понятно, институтов очень мало, основные решения завязаны на личность, а не на институт. О том, что такое неопатримониальный, мы поговорим немножечко позднее. Персоналистский характер систем часто, как фасадом, прикрывается президентским типом системы. Много делалось работ о том, какой тип системы склонны выбирать автократии. Как правило, исследования показывают, что эти режимы предпочитают именно президентский тип. Потому что он как раз позволяет им сконцентрировать всю власть в руках одного человека, минуя ненужные институты и ненужные разделения властей по каким-то более низким уровням.

Интересно, что эти режимы Латинской Америки также отличает большой скептицизм относительно либеральной рыночной модели. Часто говорится о том, что вот нас грабят западные страны, что мы не отдадим наши ресурсы, нашу нефть Америке. Соответственно, на этом фоне возникает национализм. Зачем нужна такая идеология? Затем, что этим режимам необходимы ресурсы для подкупа лояльности. А чтобы эти ресурсы обеспечить, нужны деньги. А чтобы были деньги, нужно централизовать источники ренты, ис-

точники дохода. В этом смысле идеология национализма — это, собственно, прикрытие для политики популизма, которую проводят многие из этих режимов. Понятно, что опять же с этим связана более активная политика госсмешательства, которая необходима, чтобы это перераспределение обеспечить.

Когда я говорю о неопатримониальном характере этих систем, зачем я ввожу эти дополнительные термины? Термин «неопатримониализм» здесь просто необходим, потому что он объясняет, про что, собственно, эта система. Это слово обозначает то, с чем мы с вами имеем дело на постоянной основе. Патримониальная логика взаимоотношений в этой системе связана с тем, что все схемы взаимобмена в ней персонализированы. То есть нет институтов. Когда вы идете общаться с каким-то государственным чиновником, нет никакого института, не существует четких правил, которые скажут вам, что делать... Для достижения политических целей эти режимы очень активно используют практику клиентелизма, то есть подкупа целевых групп населения и получения госресурсов для достижения той же цели.

Опыт Африки

Персонализированные схемы обмена — в основе характера взаимоотношений между начальником и подчиненными, между властью и целевыми группами. При этом, естественно, ни о каких правах собственности речи быть не может. Эта логика персонализированных взаимоотношений вообще уничтожает все институты. Это важно понимать. Потому что все зависит исключительно от того, что в данный момент решит лидер или стоящий под ним человек, а не от фиксированных правил игры. Вот что означает неопатримониализм. И самая знаменитая статья о нем написана Майклом Браттоном и Николасом де Валле, которые основывались на опыте стран Африки. Почему я все-таки в данном случае говорю о популистских автократиях, а не о неопатримониализме? Потому что схемы неопатримониального обмена могут существовать и в относительно свободных странах. То есть вы можете быть демократией, но просто безумно коррумпированной. В мире таких стран очень много. Или можете быть несвободным режимом, конкурентной автократией. Почему я использую термин «популистские автократии»? Потому что речь идет о политике массового подкупа населения, ко-

торая необязательно присутствует в маленьком неопатримониальном государстве где-то там в Африке, где лидер заботится о том, чтобы ему доверяли вожди клана, а что основное население вымирает — это не его проблема.

Все вышеперечисленное касается опыта Латинской Америки и Африки. У постсоветского пространства есть своя специфика. Есть любопытное исследование Казахстана и Азербайджана (Anja Franke, Andrea Gawrich, Gurban Alakbarovh, Gurban Alakbarov); где к уже перечисленным чертам популистских автократий добавляется наш некий специфический советский опыт. А именно — наследие советского периода плановых перераспределительных экономик, которые, во-первых, сформировали у населения пассивность, и это в каком-то смысле легитимизирует все, что происходит в обществе. Наш народ, как известно, запрягает долго. И, во-вторых, «эффект колеи», о котором так прекрасно рассказывает, например, Александр Аузан.

Эффект колеи

В данном случае «эффект колеи» — зависимость от траектории предшествующего развития — состоит в том, что население привыкло, что государство ему все время что-то приплачивает. Оно заботится о населении, такой большой отец. А потом приходят какие-то либералы, демократы и говорят, что вы должны сами зарабатывать. Это вообще что такое? Нет, у нас есть батюшка-царь, батюшка-президент, он нам обещает, он нам должен давать. Есть некое такое имплицитное ожидание. Эта картина характерна для стран Латинской Америки тоже. Наверное, этого будет меньше, допустим, в Китае, потому что там государство пока не брало на себя таких больших соцобязательств. Естественно, для популистского автократа это перспективная сфера применения своих возможностей, потому что есть запрос на такого лидера.

Какие выводы мы можем из этого сделать? Популистские автократии, о которых в данном случае идет речь, видимо, возникают в странах, где существуют для этого возможности, где большая часть населения готова и ждет этих бюджетных перераспределений. Где довольно существенный размер бюрократического сектора. При этом там, где на либеральные реформы особого спроса нет, опять же по причине наличия этих больших бюрократических секторов (кто

же хочет лишиться своего рабочего места в результате какой-нибудь жуткой либеральной реформы?) Ну и где экономика недореформирована и недостаточно интегрирована в рынок.

Таким образом, если вы не в рынке, если вы зависимы от государства, то, естественно, вы поддерживаете его перераспределительную политику. Вы поддерживаете лидера, который вам это обещает. Вне зависимости от того, какими методами он обещает этого достичь. Если он говорит: «Я сейчас отберу у проклятых американцев нашу традиционную нефтяную индустрию и отдам вам», естественно, вы его поддержите.

Часто про такой «левый» поворот в странах Латинской Америки, связанный с такими лидерами, как Чавес, говорят: мол, это произошло потому, что либералы провели эти неолиберальные реформы в конце 80-х — начале 90-х годов. Но на практике зависимость несколько другая, потому что в странах, где такие режимы возникли, особых либеральных реформ как раз и не было. Там у населения было такое нежелание их проводить, что как только они начались, скажем, в Венесуэле и Эквадоре, начинались и протесты — там-то население не пассивное, оно довольно активное. Правительству приходилось ослаблять эти реформы. Сам по себе неолиберализм и рыночные реформы не провоцируют такую динамику. А вот незаконченные рыночные реформы — возможно, да.

Недореформированность экономики как основа режима

Почему недореформированность экономики важна для элиты? Что она дает именно элите? Во-первых, понятно: контроль над основными ресурсами. Если вы почитаете Егора Тимуровича Гайдара, его книгу «Гибель империи», он как раз объясняет, почему мы там, где мы есть сегодня. Он объясняет, что на самом деле номенклатура, которая владела всеми этими огромными предприятиями, все эти «красные директора» никуда не уходили. Наоборот, приходилось идти с ними на сговор по тем реформам, которые им были выгодны, для того чтобы хоть какие-то реформы они не заблокировали, а дали провести. Поэтому, естественно, они там продолжали контролировать основные ресурсы и сектора экономики. Может быть, не все, может быть, понемножечку, какой-

то процесс либерализации все-таки идет, но они там оставались и блокировали реформы. Во-вторых, недореформированность удобнее в ситуации, когда вы контролируете рентные доходы. Независимый предпринимательский сектор развит слабо, он ничего не может. Соответственно, никакой опасности он для вас не представляет. В-третьих, поддержка населения, которое привыкло к социальным трансфертам, естественно, обеспечивается за счет контроля над рентой. Кроме того, недореформированность экономики создает непрозрачность экономических отношений. Здесь уместна некоторая статистика. Например, «Transparency International» говорит, что в 2013 году из 11 стран СНГ 10 находились по индексу восприятия коррупции во второй сотне, то есть в самом низу. Одна-единственная выскочила — это, видимо, была Грузия. Ну и понятно, эта непрозрачность экономических отношений позволяет не сменять элиту. Если вы посмотрите на 11 стран СНГ, то более-менее мирная смена элит, то есть какие-то новые люди, новые лидеры за все время с момента «геополитической катастрофы» (а именно — краха Советского Союза) пришли только в двух странах: в Молдове и в какой-то степени в Грузии. Представьте себе, насколько это масштабный процесс. Ни одна другая страна в нашем регионе не смогла обновить свою элиту. Если суммировать, понятно, что такая недореформированность экономики очень выгодна для старых элит. Им это выгодно, потому что это дает им доступ к ресурсам, которые, соответственно, позволяют подкупать лояльность населения в их странах.

Нефть не есть абсолютное зло

Тут хотелось бы опровергнуть распространенное утверждение о том, что во всех наших бедах виновата нефть. (Сразу скажу, все, о чем я говорю в этом докладе, это не абсолютная «притча во языцах», это мое прочтение, может быть, не очень хорошее прочтение неких наработок авторов и попытка выстроить из них некое логическое повествование, которое вам интересно слушать.) Что касается вопроса о нефти и о том, как она влияет на динамику режимов, этот вопрос в политической науке дебатировался постоянно. Но четкого подтверждения, что нефть — это абсолютная гарантия того, что вы никогда не станете развитой страной, нет. На самом деле, как всегда, все упирается в институты, что бы мы под этими институ-

тами ни подразумевали. Если вы Норвегия, у вас отличная демократия, стабильная ситуация и вы открываете нефтяные залежи, у вас все замечательно, вы остаетесь Норвегией с хорошей демократией, только при этом еще более богатой. Но вот если вы Венгрия или Зимбабве и открываете нефтяные залежи, то, скорее всего, вам до этого было плохо, а будет еще хуже. Будет ужас-ужас-ужас, потому что фактически нефть позволит элитам вообще не иметь никакой подотчетности перед населением. Потому что в случае необходимости они военным заплатят, недовольных подкупят и будут править вечно. Сама по себе нефть не является абсолютным злом. Она нейтральна. Все зависит от того, *как* ее использовать. Это не означает, что страны, где нефти нет, живут замечательно.

Элиты — довольно предприимчивые люди. Поэтому в случае необходимости в качестве такой ренты они используют другие ресурсы. В частности, болгарин Венелин Ганев в книге «Наживаясь на государстве» показывает, что после распада СССР во многих республиках элиты использовали в качестве такой ренты государственные ресурсы. То есть существует некое богатство, которое сконцентрировано более-менее в одном источнике, и есть ограниченная группа людей, которая имеет доступ к этому богатству. По характеристикам это фактически та же нефть. Поэтому само по себе наличие или отсутствие нефти ничего не решает. Венгрия, о которой мы уже упоминали, сегодня проходит те же самые процессы, которые проходят многие популистские автократии. Хотя пока она свободнее, чем другие страны. Венгрия — очень бедная страна, там практически никаких ресурсов (в том числе нефтяных) нет, а процессы все те же самые.

Как удержать власть

Как же наши популисты-автократы приходят к власти, как они ее удерживают? Во-первых, они, как правило, выигрывают какие-нибудь выборы, используя риторику этого ресурсного национализма, популизма. Вот нас обворовали проклятые капиталисты, сейчас мы у кого надо отберем, кому надо перераспределим, будем жить долго и счастливо. Они выигрывают выборы, как правило, довольно большим количеством голосов. Дальше, соответственно, получают мандат на изменения правил игры. Люди же проголосовали, в конце концов. Соответственно, на-

ционализируются основные ресурсы, скажем, добывающие компании. Где их нет, то национализируются финансовые компании, банки, как, например, делает Орбан в Венгрии. Создаются госкорпорации, вводятся «кризисные» налоги для богатых слоев населения. Автократы любыми способами обеспечивают себе доступ к этой ренте, что бы под ней ни понималось. Далее часть этих денег перераспределяется. Основная часть, понятно, идет элитам, но часть перераспределяется населению, которое получает все-таки хотя бы частично то, за что оно голосовало. Это надо понимать. Элемент подотчетности тут присутствует. Население действительно получает часть от этого дохода. В Венесуэле, например, уровень жизни за несколько лет правления Чавеса вырос. Поэтому Чавес был успешен. Точно так же, как и в России. Перераспределение идет, а насколько оно продуктивно и эффективно — другой вопрос.

Такая стратегия решает две проблемы. С одной стороны, население довольно, им большой царь какую-то копейку дает. Но очень важный момент: как правило, создавая новые государственные должности или иными способами перераспределяя, повышая зарплату бюджетникам, государство создает себе базу для долгосрочной лояльности избирателей. Потому что бюджетники — это очень лояльные избиратели. Они всегда за статус-кво, они всегда за текущего правителя, который только своим присутствием гарантирует им рабочие места и деньги. Таким образом, это очень удобная стратегия, которая позволяет им долго и устойчиво существовать. Понятно, что националистическая и антизападная риторика — это прикрытие интервенционистской политики.

Лояльность в обмен на рост

Естественно, нам интереснее про Россию. Ни для кого не будет секретом, что за эти 15 лет у нас существенно повысилась численность служащих в госсекторе. Возросла в 1,4 раза только до 2010 года. Сейчас, наверное, еще больше, хотя надо смотреть статистику. В Венесуэле в течение десяти лет правления Чавеса происходили те же процессы. С 1998-го по 2007 год госзанятость выросла в те же 1,4 раза. (В случае Орбана в Венгрии все поскромнее, потому что у него нет такого источника дохода, как нефть.) Соответственно, принимались сходные решения: создание новых бюджетных мест, заполне-

ние их лояльными людьми, запуск дополнительных государственных программ, например, снижение безработицы, национализация пенсионной системы, национализация финансовой системы... так или иначе, применялись сходные инструменты.

В России динамика этого популистского перераспределения особенно проявилась во время кризиса 2008 года. Тогда Россия была единственной страной мира, которая повысила пенсии. То есть было много стран, которые повышали пенсии. Но единственной страной, которая повысила так сильно — на 45% за 2009-2010 год, была Россия. В последние годы эта активная политика перераспределения очень ускорила (Кирилл Рогов, «Ведомости»). В 2013 году, по сравнению с 2009-м, рост доходов повысился на 15%, рост реальной заработной платы — на 23%. Соответственно, доля соцвыплат в структуре доходов выросла с прежних 12,1% до 18,4% в 2011–2013 годах. Напротив, доля доходов от предпринимательской деятельности упала с 20,6% до 14,1%. Понятно, где был государственный приоритет.

В каком-то смысле можно сказать, что экономическим ростом было пожертвовано для того, чтобы обеспечить лояльность бюджетного сектора. Власть прежде всего заботится о выживании системы. Узав реальный масштаб перераспределения, стоит ли удивляться, что протест 2011-2012 годов и оппозиции не были столь активно поддержаны остальным населением?

Устойчивость системы

Люди рациональны, они лояльны к действующей власти, пока все нормально, пока им кучу денег перераспределяют. Сколько это будет продолжаться и как закончится — это основной вопрос. Главное, что всех интересует: насколько устойчивы эти режимы? В начале презентации я говорила о том, что этот тип режимов довольно новый. Электоральные авторитарии в довольно современном виде, конечно, были и до того, но на сегодня у нас пока нет опорной репрезентативной выборки, чтобы делать какие-то определенные прогнозы относительно специфики их судьбы и падения. Поэтому здесь я основываюсь на работах Браттона и де Валле, которые рассказывали об Африке и неопатримониальных режимах. Печальная или хорошая — новость состоит в том, что прямой зависимости между экономическим кри-

зисом и падением таких режимов нет. Несмотря на то, что автократ, безусловно, покупает лояльность избирателей, а экономический кризис подрывает важные для него источники доходов. Случившийся экономический кризис и временное сокращение доходов сами по себе ничего еще не определяют. Но если ухудшение экономической ситуации продолжается довольно длительный период, тогда действительно возникает угроза режиму. Угроза состоит в том, что снизу растет долгосрочный экономический протест, который потом неизбежно превращается в политический. Этот экономический протест связан с желанием людей получить доступ к монополизированным источникам государственной ренты. То есть у нас все было хорошо, был договор — вы нам деньги, мы вам лояльность; а нет денег — значит, и лояльности не будет. Но проходит довольно длительный период, когда массы начинают понимать, что «что-то пошло не так». Плюс к тому, конечно, дополнительно разбивает и ослабляет саму элитную коалицию борьба за патронаж и ресурсы. Опять же, на динамику этого распада влияет то, насколько сами элиты считают этот экономический протест, который растет, долгосрочным. Если они не считают протестную активность долгосрочной, тогда они и не будут волноваться по ее поводу.

Уроки современной истории

Уроки современной истории у всех на памяти. Важный момент состоит в том, что, в отличие, скажем, от режимов типа бюрократического авторитаризма, в режимах, близких к неопатримониальным, к протесту, как правило, присоединяются бизнес и средний класс. Потому что им нужны условия для защиты прав собственности. Потому что эти на самом деле один из основных классов, страдающих от такой политики (вспомним, власть в 2010–13 годах фактически пожертвовала экономическим ростом ради сохранения положительной динамики ряда бюджетных выплат). В этом смысле у протеста больше шансов победить, потому что к нему присоединяются более широкие слои населения. Однако в подобных режимах правитель редко уходит от власти добровольно, потому что, я напому, основная суть этих неопатримониальных режимов заключается в том, что они не институционализированные — они абсолютно персоналистские. То есть сам режим уничтожает все институты. И по-

рочный круг состоит в том, что, уничтожив институты в обществе, диктатор не может уйти, потому что он сам уничтожил все возможные гарантии своего существования после ухода от власти. Это вообще вечная беда многих автократов, но особенно таких. Он не может никуда уйти, потому что где те суды, где та система защиты, где тот парламент, которые обеспечили бы ему иммунитет после того, как он уйдет от власти? Он отлично понимает, что он сам же их уничтожил. В этом смысле, конечно, у него все стимулы удержаться у власти до последнего. Успешность протеста, успешность более-менее мирной смены режима состоит в том, насколько оппозиция может объединиться и насколько она может убедить правителя и его ближний круг в том, что она гарантирует ему иммунитет после ухода от власти. Понятно, что сделать это трудно.

Разобщенная общность жаждет стабильности

И, конечно, дополнительную проблему представляют вообще характеристики обществ, в которых эти неопатримониальные системы возникают. Если мы говорим о постсоветском пространстве, то это разобщенные и поляризованные люди, у которых проблемы с чувством общности как нации и большое количество внутриобщественных конфликтов. Например, бюджетники против предпринимателей. Их трудно объединить, потому что у них совершенно разные интересы, они хотят разных решений. Также влияет отсутствие демократического опыта и приверженности демократическим принципам. В этом смысле им труднее объединиться, труднее выработать общие правила игры и договориться о чем-то. К сожалению, мы часто наблюдаем это и в случае оппозиции в России. Ну и конечно, есть момент неопределенности, который характерен для этих режимов. Почему они всегда так хотят стабильности? Потому что нет институтов — значит, нет определенности будущего. Значит, есть постоянная неопределенность, а эта неопределенность мешает добиться позитивных изменений.

К сожалению, это вновь порочный круг, из которого надо выбираться. В этом смысле Браттон и де Валле не очень оптимистичны насчет африканских систем, насчет того, что у них получится. Но пытаться надо. Вот, пожалуй, все, что я хотела вам сегодня рассказать про популистские автократии.

Евгений Ясин: Хочу сказать, дорогие друзья, что Маша — моя ученица, и я горжусь, потому что мне не к чему придаться. Я считаю, что тут еще много поводов для размышлений. Честно сказать, если бы мне сегодня пришлось делать аналогичный доклад, я бы не смог лучше. Некоторые вещи она изложила доходчивее, чем я.

ВОПРОСЫ:

Есть ли какая-то граница, перейдя которую, автократам становится очень тяжело уйти?

Трудный вопрос, потому что здесь мы имеем не так уж много успешных опытов. Даже Пиночета, который как раз представляет собою образ другого автократа и который пытался уходить, в итоге потом преследовали. Тем не менее есть опыт взаимодействия с некоторыми африканскими режимами. Здесь очень большая ответственность лежит на международном сообществе. Об этом тоже надо не забывать говорить. Мировое сообщество играет в этом процессе большую роль. Я имею в виду то давление, которое оно может оказать на этого лидера — заставить его задуматься об уходе, и те гарантии, которые оно может ему предоставить. Но беда в том, что чем дольше автократ остается у власти, тем больше негативного опыта накапливается, тем меньше у него самого уверенности в том, что он сможет уйти безболезненно. Здесь, конечно, трудно провести грань, но чем дольше, тем хуже. То есть лучше, чтобы он уходил пораньше. Тогда есть шанс, что он сам будет верить в то, что его преступления не столь уж велики. Понятно, что в том-то вся и беда. Пораньше никто не хочет, а потом...

Вы рассказали о том, как падают гегемонические электоральные автократии. А что может привести к перерождению такой системы в тоталитаризм? Есть ли какие-то исследования, какие-то наработки? Чего опасаться? Что можно увидеть вокруг себя, какие есть звоночки?

Вообще надо сказать, что тема тоталитаризма разработана очень слабо. Мы имеем не так много тоталитарных режимов самих по себе. Это краткие эпизоды в истории некоторых стран, некие периоды. И в какой-то момент это стало менее актуально.

Но еще раз говорю: одна из основных черт, отличающих тоталитаризм от авторитаризма, — это мобилизация общества. Для этого нужна активная мобилизующая идеология. Если, допустим, авторитарному лидеру удастся найти такую идеологию, которая действительно подняла бы и мобилизовала население, — вот это действительно по-настоящему большая угроза. Плюс массовые репрессии — тоже есть угроза, что режим перед своим концом может к ним перейти. Но это очень затратная процедура, поэтому современные правители к ним не так часто обращаются. Плюс есть фактор изменяющейся среды. Кстати, поэтому трудно сравнивать Древний Рим с современной ситуацией, когда все-таки более-менее открытые общества, другие процессы.

Если же говорить о современной открытости, глобализации, интегрированности экономик и стран в глобальную экономику... В этом контексте трудно представить, что режим вдруг закрывается и начинаются массовые репрессии, но это менее вероятно. Наоборот, современные режимы (есть хорошая работа об этом Ивана Крастева) делают ставку на другое. Они хотят, чтобы люди, которых не устраивает то, как есть, скорее уехали, чтобы они просто здесь не задерживались. То есть они уничтожают протест, но другим способом. Не путем физического уничтожения, а путем выталкивания из страны. Или другая их задача — это объяснить людям: что бы они ни делали, им будет только хуже. Вот если вы пытаетесь что-то организовать, вы, как правило, попадете в тюрьму. Это уменьшает стимулы к участию в протестах. То есть у режимов, в связи с меняющимся окружающим миром, окружающей средой, меняется и стратегия. Чтобы ответить на ваш вопрос: думаю, для перерождения в тоталитаризм потребовалась бы вот эта мобилизующая идеология, которая объединила бы более-менее все население. В расколотом и усталом обществе, которое сегодня представляет Россия, такую идеологию, мне кажется, найти трудно.

В продолжение этого вопроса. Интернет, соцсети и так далее — сложнее или проще в таких условиях поддерживать манипулирование в рамках авторитарного режима?

Все дело в том, что, еще раз повторю, вот эта текущая современная среда существует 25 лет, с тех пор как рухнул Советский Союз. Интернет — это вообще

новая вещь. У нас не так много наблюдений, чтобы четко понять характер его влияния. Я могу вам сказать, что был период, когда исследователи были охвачены новыми технологиями, интернетом, соцсетями — их мобилизующим потенциалом, который действительно помогал организовывать протестные акции. Есть исследования, которые показывают, как мобильные телефоны и социальные сети помогали организовывать протесты в период «Арабской весны». Но дело в том, что сейчас наступает разочарование. Понятно, что хотя у этих технических вещей есть организационный потенциал, сами по себе они ситуацию не меняют, потому что для изменения режима нужны некоторые структурные составляющие. Должны быть некоторые изменения внутри общества, а не просто на техническом уровне.

Если вы посмотрите, например, на опыт арабских революций — они же, на самом деле, принципиально не привели к демократизации тех обществ. То есть теперь понятно, что интернет как минимум увеличил дестабилизацию в обществе. Потому что организационный потенциал недовольных растет. Вы теперь можете, грубо говоря, одним кликом оповестить тысячи людей о том, что надо выйти на улицы. Но это не меняет структурных факторов в обществе. Если вы живете, условно, в Сирии и люди там не готовы к демократии, у них нет демократических норм, нет опыта выработки демократических институтов, но у них есть идеология, которая опять же препятствует принятию некоторых демократических норм, то интернет вам принципиально не поможет.

Плюс второй момент. Опять же мы все надеялись, что интернет решит основную проблему с доступом к информации. Теперь любой человек одним кликом мышки заходит на свой компьютер и находит нужную ему информацию. Но при этом есть же психологические факторы. Люди, как правило, ленивы, они не склонны делать большое количество затрат для поиска информации. Есть так называемые моментальные — shortcut по-английски — ускоренные пути получения информации. То есть вам сказал ваш любимый телеведущий, что надо читать такую-то газету в интернете, вы ее и читаете. Остальное вы не читаете. Есть некоторые ваши идеологические предпочтения, которые заставляют вас читать что-то, что ближе вашему мировоззрению, чему вы верите, — и есть такие работы, которые показывают, что люди более склон-

ны верить тому, что лучше вписывается в их систему мира. В этом смысле никакой интернет вам не поможет. Интернет не меняет вашего видения мира. Во-первых, потому что вы ленивы, у вас ограниченная рациональность, вы вряд ли будете тратить время, чтобы посетить все возможные источники информации. Это просто невозможно. Во-вторых, даже если условно предположить, если вы имеете доступ ко всем источникам информации, все равно вы больше верите тем из них, которые лучше вписываются в вашу картину мира. Чтобы не заканчивать на такой депрессивной ноте — хорошо, что есть интернет, это, безусловно, позволяет обществу лучше самоорганизовываться и в ситуациях, когда к тому есть структурные предпосылки, быстрее либерализоваться. Но если структурных предпосылок нет, максимум, чего вы добьетесь, — это большей дестабилизации общества. То, что мы наблюдаем сейчас на Ближнем Востоке.

Хотел бы приблизиться к заявленной теме: «Почему народы отказываются от свободы». И взглянуть с другой стороны: а какие свободы потеряли люди, выбрав в 90-м году Ельцина и реформы?.. Сейчас это свобода информации и дезинформации для всех... А что касается тех свобод, которые люди приобрели, например, свободу выезда, — 80% населения России никогда не обращались за загранпаспортом. То есть это как Кореико, который украл миллион, но купить машину на него так и не мог. Теперь же он купил машину и поставил ее в моем дворе. Так что те свободы, которых лишилось большинство населения, это свободы, которые действительно были. А те, которые они приобрели, — они только в приложении... И может быть, видя реваншистские настроения, нам надо задать себе вопрос: а может быть, люди хотят вернуть себе те свободы, которыми они действительно могли пользоваться, отказавшись от тех свобод, которые актуальны только для избранного узкого круга?

Знаете, я человек несколько другого поколения, я не так долго прожила в Советском Союзе. Мне трудно судить о тех свободах, которые там были. Но, исходя из того, что я читала в книжках, если бы я имела возможность выбирать, я бы, безусловно, выбрала

жизнь в современном мире. Если те свободы, о которых вы говорите, многие граждане покупали ценой жизни сотен, тысяч, если не миллионов людей, сидящих в какой-то момент либо в тюрьмах, либо в психиатрических больницах, то эти свободы мне, знаете, не нужны. Я бы очень хотела, чтобы граждане, когда они рассуждают о тех преимуществах, которые дает система, также думали о цене, которыми эти преимущества обеспечены как минимум. Кроме того, если говорить об уровне достатка, о качестве жизни людей, то многочисленные работы показывают, что советская экономика, Советский Союз безнадежно уступали по этому критерию развивающимся европейским странам. И большая ответственность за это лежит именно на системе, которая просто не была той системой, где вам не обеспечен достаточный уровень доходов. Мне кажется, это такой ценностный спор. Если человеку хочется назад, в советское время, мне будет трудно его переубедить в этом.

Насколько реальна военная угроза от таких популистских авторитарных режимов? Или это просто популистский ход военных угроз, или действительно миру грозят военные действия от этих авторитарных режимов?

Хороший вопрос, спасибо. Вы знаете, систематического ответа на этот вопрос нет. Но, прожив прошлый год, мы точно можем дать ответ на этот вопрос: угроза реальна.

Когда я говорю об экономике перераспределения, это начальная стадия существования таких режимов, когда они еще уверены, что ренты достаточно, чтобы обеспечить перераспределение и обеспечить поддержку. Понятно, что все, что мы наблюдали в 2014 году, связано с тем, что ресурсы на перераспределение заканчиваются и власти нужно — это уже почти тривиальный аргумент — находить другие способы мобилизации народной поддержки. Ну и здесь уже можно много говорить о том, почему, каким образом постимперский синдром россиян так или иначе связан тем, что именно увеличивает поддержку режима. Но маленькая победоносная война — это всегда отличный способ поднять рейтинг. Важно понимать, что это уже некое средство из конца списка возможных методов. Это значит, что режим не очень хорошо себя чувствует, это значит, мирные средства обе-

спечения лояльности закончились. Значит, мы где-то там, во второй половине пути, не в конце, но уже некая трансформация режима происходит. И понятно, что если вы планируете маленькую победоносную войну, как, например, Аргентинский пример показывает, это совершенно не означает, что она окажется маленькой и что она окажется победоносной.

Андрей Заякин: Мария, у меня следующий вопрос... В России довольно высокий уровень формальной образованности. Тем не менее в самых разных обстоятельствах, допустим, периодически путешествуя по диссертационным советам по всей России, я постоянно сталкиваюсь с тем, как люди, формально высокообразованные, начинают нести какую-то параноидальную оклевету, начиная от агентов госдепа и заканчивая марсианскими пришельцами. Понятно, что низкий уровень демократии очевидным образом коррелирует с общим низким уровнем и формальной образованности в том числе. С другой стороны, очевидно, мракобесие — это тоже некая характеристика низких демократических режимов. Но его можно встретить в какой-нибудь стране, где нет ни одного профессора, где-нибудь в Центральной Африке. И вот вопрос про то, изучал ли кто-нибудь эту зависимость?

Очень хороший вопрос, на самом деле. Вы знаете, точно не отвечу. Меня волновал вопрос о том, как вообще измеряется образование в этих рамках. То, что положительная связь между уровнем образования и демократизацией существует и устойчива, это вообще теория модернизации Липсета, она давно уже установлена. Проблема в том, что переменная образования в них определяется очень формально. Представляете, у вас статистика из ста стран, и вы же не будете по каждой смотреть уровни образования. Есть попытки использовать в качестве измерения результаты стандартизированных тестов (ЕГЭ, SAT). Это уже ближе к стандартизации. Но собственно по мракобесию, я боюсь, я вам не отвечу. Я не встречалась с такими работами. Но это хороший вопрос, этим, безусловно, стоит заняться. Понятно, что если в стране 99% людей имеют высшее образование, это, конечно, отлично, но все-таки, наверное, что-то не так с этим общедоступным высшим образованием.

Я хотел бы прояснить одну неточность. Вы упомянули Китай как пример системы с доминантной партией. Но, насколько я знаю, это страна, где выборы вообще не проходят; таким образом, это однопартийная диктатура, а не система с доминантной партией. А у меня вопрос как раз про электоральный тоталитаризм с однопартийным доминированием. Есть разные группы стран, в которых наблюдалось это однопартийное доминирование и удержание власти одной и той же политической силой в условиях конкурентных выборов на протяжении длительного времени. Есть ли среди исследователей более-менее четкое разделение между демократическими системами и авторитарными? К демократическим относят Швецию, Японию, Италию и другие страны. Говорят, что их механизм близится к совершенно демократическому. При этом на протяжении десятилетий власть там контролируется одной и той же политической силой. А в других странах — Мексике, Малайзии и так далее — власть таким же образом в условиях конкурентных выборов контролируется одной и той же политической силой на протяжении длительного времени, но исследователи считают, что это страны авторитарные. Так вот является ли само по себе удержание власти одной и той же политической силой, с вашей точки зрения, признаком авторитаризма или надо говорить о некоем отходе от демократии?

Прежде всего спасибо за поправку насчет доминирующей партии Китая, это моя ошибка. Действительно, Китай относится к низкому уровню закрытых автократий, а не доминантных. Что касается вопроса, я всегда привожу студентам типичный пример Ботсваны. Там все довольно свободно, и медиа более-менее независимы, и т. д. А вот одна партия — Демократическая партия Ботсваны — почти бессменно правит страной со времен независимости и вообще не проигрывает выборы. Это демократия или недемократический режим? Я бы сказала, что это типичный пример таких дефиниционных ловушек, которые присутствуют в политических науках. Здесь постоянно все зависит от того подхода, от того определения де-

мократии, которое вы используете. Но в любом случае, какое бы определение демократии ни использовали, как минимум необходимое условие — должны быть обеспечены свободные независимые выборы с равным доступом для всех кандидатов. Это есть в Ботсване, есть в Японии — условие соблюдается. А вот, опять же, в ситуации какого-нибудь режима Институционно-революционной партии Мексики эти условия не соблюдаются. Поэтому, собственно, в Ботсване или Японии пусть сами народы решают, считать ли такие режимы демократическими, а вот что касается других режимов, где лидеры бессменно остаются у власти, но при этом выборы не являются свободными, — там все довольно однозначно.

У меня вопрос. Мы терпеливые, уставшие, пассивные, мы долго запрягаем. Есть ли какая-то связь режима с какими-то национальными особенностями?

Есть подотделы социальных наук, которые конкретно фокусируются на культурных факторах. Александр Аузан прекрасно рассказывает о том, как могут влиять различные культурные факты, даже религии. Другое дело, что в социальных науках исследователи, так сказать, часто критически относятся к некоторым исследованиям, потому что там очень трудно определить, что вы понимаете под культурой. Я отношусь к сторонникам этих культурных разработок. Но тут надо очень аккуратно говорить о каузальных связях. Потому что культура — это не что-то, что вы можете для эксперимента кому-то дать, а у кого-то отнять. Но если мы говорим о странах Балтики, о странах Восточной Европы, почему у них, например, демократизация происходила более активно и успешно, чем в нашей стране? Есть хорошая работа Тима Фрая из Колумбийского университета, которая показывает, что огромную роль играла расколотовость/поляризация общества относительно направления развития страны в начале 1990-х годов. То есть в странах, где, допустим, президент был демократом, а правящая партия в парламенте была больше настроена на предыдущую эпоху, процессы либерализации шли менее успешно, чем в тех странах, где было единение по этому поводу — и президент, и парламент хотели демократии, либерализации и интеграции с Западом.

Но и это само по себе, опять же, зависит, например, от того, на каком уровне развития страна была еще давным-давно, до того, как она стала частью коммунистической системы. Если страна была довольно развитой и имела собственную государственность к моменту, когда она стала частью коммунистической системы в XX веке, то там, как правило, было очень сильное нежелание принимать коммунистические ценности. То есть, грубо говоря, на тот момент в обществе уже сформировалась некая нация. Было сильное сопротивление навязываемой коммунистической системе, и эти страны очень хотели на Запад. Поэтому, когда произошел крах системы, все общество объединилось вокруг этих ценностей.

А была вторая группа стран, к которым относятся в основном среднеазиатские страны, где государственности вообще не было, когда туда пришла советская власть. И в этих странах было спокойное, пассивное отношение к такому советскому опыту. У них не было существенной либерализации после распада СССР, но и раскола общества не было. Были страны, расколотовые по этому вопросу, грубо говоря, где одна половина страны поддержала демократизацию, а другая не поддержала. Опять же это зависело от того, какие части этих стран к моменту вхождения в Советский Союз были более развиты, более образованны. Если мы возьмем Украину — это типичный пример. Часть страны к моменту вхождения в состав Советского Союза имела опыт независимого самоуправления (например, Западная Украина входила поначалу в Великое княжество Литовское, затем в Польшу; там был опыт местного самоуправления), поэтому в этих областях довольно сильно были развиты национальные ценности. Другая же часть страны (бывшая Малороссия) была пассивна, она исторически входила в состав Российской империи, где, по определению, опыта самоуправления не было. Поэтому при либерализации Украина оказалась расколотовой на две части, и этот процесс, как мы видим, сегодня приводит к таким трагическим последствиям. Но вообще о влиянии культуры можно говорить много. В нашем случае интересно поговорить о постимперском синдроме и о том, как опыт начала 90-х определяет поддержку сегодняшней системы. Конечно же, в этих вопросах нельзя не учитывать краткосрочные и долгосрочные факторы, как в примере с Украиной и восточноевропейскими странами. То есть трудно все это охватить,

но, безусловно, такие исследования идут очень активно, и как раз нынешнее развитие нелиберальных демократий дает большой стимул для такой беседы.

Я смотрела ваши работы: похоже, и наш режим движется уже даже наравне не с Латинской Америкой, а с Центральной Африкой. И вот без шутки, может быть, следующий шаг — действительно переход к этологии, к изумительным работам по поведению животных, в частности, обезьян. Ведь происходит даже не деградация, а подмена очень сложного искусства управления социальными процессами окукиванием личной власти, даже не отдельно элиты, но всего общества. Возможно, действительно не Макиавелли, не Древний Рим, а именно этология? Глубинные процессы, глубинные властные инстинкты, как они у нас функционируют?

Спасибо, но, к сожалению, я могу только сказать, что есть область политической психологии, которая занимается именно психологией голосования, в частности, поддержкой автократии и нелиберальных систем. И вопрос убегания от свободы связан со сложными психологическими процессами. Боюсь, что лучше я на этот вопрос не смогу ответить. Но не думаю, что сугубо психологические трактовки серьезно помогут ответить на вопрос, за счет чего этот режим устойчив, а другой — нет. Другое дело, почему я говорила о сравнении с Африкой... Речь об институтах. Просто наш режим, особенно в середине 2000-х, часто сравнивали с режимами латиноамериканских хунт. Там были, опять же, разные варианты, но один часто встречающийся тип режима — это бюрократический авторитаризм. Я писала о том, что это сравнение не совсем корректно, потому что как раз латиноамериканские военные хунты часто были одними из наиболее прогрессивных институ-

тов в обществе, они пытались развивать свои страны. Другое дело, что спорными методами. А их задача была как раз в проведении рыночных реформ, борьбе против популизма. Наш режим не особо «замораживается» рыночными реформами, о чем и шла речь. Здесь немножко другие механизмы. И с этой точки зрения, он ближе неопатримониальным системам, которые существуют не только в Африке. Их очень много и в Средней Азии.

У меня вопрос больше к заявленной теме: есть ли исследования и, точнее даже, описания в исследованиях наиболее типичных вариантов выхода из этих режимов?.. Можно ли посмотреть в межстрановом сравнении, скажем так, последних пятидесяти лет наиболее типичные 3-5-7 стратегий, как пытались успешно или неуспешно приходиться к власти и передать власть?

Отличный вопрос, спасибо. Есть прекрасная работа Барбары Геддес «Что мы знаем о демократизации двадцать лет спустя?», и она продолжает публиковать новые статьи по теме. Барбара Геддес — сегодня одна из самых известных исследователей, если вас интересует эта тема. В частности, она рассматривает три типа автократии — военные хунты, однопартийные диктатуры и персоналистские системы. Она как раз, собственно, и пытается ответить на вопрос, каким образом происходит транзит. И в персоналистских системах решающую роль играет уменьшение вот этой экономической ренты (в результате упадка экономики). Но проблема в том, что персоналистские режимы очень часто сменяются такими же персоналистскими режимами. То есть, хотя есть транзит, но не туда, куда нам хотелось бы, именно за счет того, о чем мы сегодня говорили: нет институтов, которые могли бы этот транзит обеспечить.

*Конспект лекции в Гайдар-клубе
10 сентября 2015 г.*

© Текст: Мария Снеговая

внутренняя колонизация

Критическая теория паразитического государства

Эта лекция основана на книге «Внутренняя колонизация», но по большей части выходит за ее рамки. Так что надеюсь когда-нибудь написать книгу, в которой эта моя лекция будет главным содержанием.

Лекция будет состоять из двух частей. В первой части я познакомлю вас с идеей внутренней колонизации и расскажу с помощью очень простых схем и определений, что это значит. Во второй части я свяжу эти исторические размышления с политическим и полит-экономическим анализом современных российских проблем, как я их вижу. Речь, действительно, идет о междисциплинарном исследовании. Но я бы хотел также познакомить вас с концепцией критической теории, потому что это очень важная и совсем не новая идея. Когда мы говорим о политической науке, о философии, о социологии, об исследованиях современной культуры, все это применительно к современным обществам оказывается связано воедино. Оно перетекает одно в другое, и смысл рассуждений разных академических ученых состоит в том, чтобы предоставлять обществу, публике, государству критику современного состояния дел.

Эта идея критической теории как долга или обязанности интеллектуала, особой области, куда сходятся разные идеи, методы, теории, была высказана немецкими эмигрантами в послевоенной Америке. В основном, это были философы, но также социологи. И, в основном, это были марксисты, хотя они искали новые творческие пути марксизма. На какое-то время они приобрели значительное влияние в 60-е годы, особенно во время незаконченных революций 68-го года. Эти деятели критической теории, такие как Адорно, Маркузе и несколько других имен, были очень влиятельны. Мы и сейчас с вами живем не в лучшем из миров, и кто в конце XX века праздновал конец истории, сейчас пишет о ее возвращении. Но одновременно возвращается интерес к критической теории. Такой теории, которая помогла бы понять мир, если уж не удалось его переделать.

Классики марксизма когда-то говорили, что настоящая задача не в том, чтобы понять мир, а в том, чтобы его переделать. Но коли не удалось переделать, давайте попытаемся понять. И это трудный момент — где-то стреляют пушки, где-то считают убытки, которые связаны с этой стрельбой. Но ученые работают понятиями, и эти понятия имеют политическое значение. В критической ситуации современного мира мы много раз видели, что от того, что как называется, зависит движение тысяч людей и миллиардов долларов. Например, во время российско-украинского конфликта мы видели, как военные люди занимали большие территории, демонстрировали дисциплину и лояльность — и одновременно отрицали свою принадлежность к какой-либо армии или нации. Западные наблюдатели этого процесса долго подбирали слова. Американский президент сначала назвал то, что там происходило, *incursion* (набег), потом говорил об *invasion* (вторжение), потом стали говорить о *civil war* (гражданская война), потом о *foreign control* (иностраннный контроль). Все это слова, которые обозначают совершенно разные реальности, и от того, какое слово употребляет человек у власти, зависят решения большого масштаба.

Однако это слова военных и политиков, которые обозначают краткосрочные операции. Историкам нужны понятия долгосрочного применения. Таковы, например, понятия «аннексия», «оккупация», «колониализация». За каждым из них стоит огромное историческое наследие. В российской истории эти поня-

тия всегда путались — такова природа российской имперской политики, такова природа российской географии и истории: в Российской империи не было морских границ между метрополией и колониями, между центром и периферией. А значит, не было границ между внутренней и внешней колонизацией. Давайте обратимся к этим понятиям.

Внутренняя колонизация — есть применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. Это особый тип отношений между государственными подданными, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории — как к захваченной и загадочной, как к не своей. Такой тип господства использовался многими империями, но особенно характерен для России в силу ее территориального характера.

В российской, советской и постсоветской истории размывается еще одна удобная оппозиция, еще одно удобное противопоставление между колониальным и постколониальным состоянием. Когда колония, например, такая как Индия или многие африканские колонии, Австралия даже, освобождаются, достигают независимости — это состояние называется постколониальным. И на эту тему есть особый тип исследований, которые называются постколониальными исследованиями. Вот этот момент, этот разрыв, это противопоставление в российской и постсоветской истории тоже размывается. Довольно трудно сказать, что именно является колониальным, а что — постколониальным. И у России, и у ее соседей суверенитет то и дело оказывается неполным, революция — незавершенной, свобода — мнимой, а колонизация — длящейся. Значит, мы говорим о колониях, колониализме применительно к самой территории России.

Колонии бывали и бывают не только в Азии, Африке и Австралии. Думать так — это значит ориентализировать колониализм, то есть предполагать, что колонии всегда бывают только на Востоке, что колония — это экзотика. Это не так. Думать так, ориентализировать так колониализм — сам по себе признак превращенного или может быть, возвращенного империалистического сознания, которое выдает себя не за то, что оно есть и что оно делает. Исторически колонизация началась в Европе — греческая колонизация, римская колонизация, внутренняя колони-

зация в средневековых европейских государствах. Я думаю, что в Европе колонизация как длительное, но все-таки конечное состояние мира, и заканчивается. Для политически вовлеченного интеллектуала жизнь в колонии — это мучительное, но и очень продуктивное состояние. На самом деле, великие литературные произведения о национальной освободительной борьбе, которые я, например, как советский школьник, и мои ровесники, и, может быть, те, кто помладше, читали в детстве, в школе, были связаны именно с европейской борьбой за освобождение. Например, Тиль Уленшпигель Костера, «Овод» Войнич, «Процесс» Кафки или «Улисс» Джойса — во всех этих великих произведениях речь идет именно о колониях внутри Европы, об империализме одной европейской страны в отношении другой, тоже европейской страны. В своей книге «Внутренняя колонизация» я специально показываю, что «Мертвые души» Гоголя тоже принадлежат к этому длинному ряду текстов, продуктивно исследовавших опыт жизни в колонии. В литературе, особенно философии XX века высшие свершения связаны именно с теми, кто рос и формировался в колониях. Какое-то там есть удобрение особого рода, которое способствует росту и продуктивности. Среди писателей с колониями связана длинная череда имен — от Кафки до Камю, от Конрада до Найпола. Все они росли в колониях, писали о колониях, и читали их в колониях. Но и в метрополиях тоже. Среди философов это, наверное, известный здесь Мераб Мамардашвили, а также Жак Деррида, который рос в Алжире.

В метрополиях всегда изучали колонии с особой интенсивностью — и так росли многие направления гуманитарной и социальной науки. Так от Малиновского до Леви-Стросса и современных этнологов развивалась европейская антропология как наука о колониях. Именно так, к примеру, нужно понимать знаменитую критику Леви-Стросса «О грамматологии» Жака Деррида. Это один из классических учебников философии, которые сегодня преподаются в западных университетах. Деррида был колониальным философом, философом, который рос в колонии. Леви-Стросс был антропологом, ездившим по колониям мира, но человеком метрополии. И Деррида, колониальный философ, давал ответ этнографу из Парижа. Почему-то каждый раз оказывалось, что именно в колониях анализировать земную власть оказыва-

лось лучше и продуктивнее, чем в метрополиях. Почему это так?

Власть всегда чужда. Даже в демократической стране, и уж тем более в империи или в авторитарном государстве. Но в метрополии это менее заметно, чем в колонии. Жизнь в колонии дает ключ, дает опыт, метафоры и гиперболы, которые применимы к жизни метрополии. Просто они более прозрачны, более зрелы, более выношены. В колонии эта чуждость власти обретает дополнительные измерения — этнические, географические, лингвистические. То есть власть где-то за морем, например, или в колониях живут люди другого цвета, допустим, черные или красные, по сравнению с людьми в метрополии. Для читателей из колоний, из метрополий внешние аспекты политического насилия в колониях предоставляют богатый запас метафор, которые помогают понять внутренние, домашние аспекты политики, экономики и так далее. Колониальная ситуация создает привилегированную позицию для критического анализа власти. У такого понимания критической мысли как исходно колониального, глубоко антиимперского мировоззрения есть великая, хотя и не вполне осознанная традиция.

Вспомните об Иисусе Христе. Он был колониальным мыслителем, пророком и учителем борьбы против чуждой власти, против империи. Все раннее христианство было религией антиимперского сопротивления. Потом оно превратилось в религию примирения с империей. Во «Внутренней колонизации» есть довольно большая глава об Иммануиле Канте, который начинал свою профессиональную жизнь философа, преподавая в Кенигсбергском университете во время российской колонизации Кенигсберга. Это был короткий, но очень важный период, когда Кенигсберг был официально и навеки аннексирован Российской империей. На деле войска там стояли всего несколько лет. Как раз в это время Кант начинал свою работу. Он преподавал, писал. И вот этот опыт жизни в колонии — потому что это была именно колония — оказался для него ключевым. Потом войска ушли, кстати, аннексия не состоялась, но никто — так работает история — никто об этом не знал, пока эти события не произошли.

Чем внутренняя колонизация отличается от классической внешней колонизации? Британская империя владела огромными колониями на всех конти-

нентах, Французская империя тоже владела многими колониями, и вся мировая политика XIX века, включая Первую мировую войну, была борьбой за эти внешние колонии. Внутренняя колонизация происходит внутри признанных границ государства. Есть границы, они признаны внутри государства, часто они получают международное признание, но внутри государства, особенно территориально большого, такого как Российская империя, возникают неведомые территории, целые острова и континенты экзотической, глубинной, непознанной жизни, которые подвергаются внутренней колонизации, часто неоднократно. Внутренняя колонизация имеет циклический характер.

Это определение, в общем, довольно трудно бывает применить в жизни, потому что границы меняются. Например, Российская империя на протяжении трех или четырех столетий производила почти что непрерывную экспансию, увеличивала свои территории. Соответственно, ее границы менялись. Признание этих границ бывает запоздалым и вообще всегда бывает проблемой. Особенно если эти границы меняются. Так что есть некоторые случаи, когда внутренняя колонизация мало отличается от внешних. Это какие-то гибридные ситуации, серые, промежуточные зоны. Но наличие таких больших серых гибридных зон составляет важную часть моей концепции.

Все это особенно важно для сухопутных империй. Российская империя не единственная такая империя. Австро-Венгерская тоже была сухопутной империей. В классических империях граница между метрополией, например, между Британскими островами и британскими колониями, Индией, была разделена гигантскими пространствами океана. Никакой серой зоны или промежуточных состояний здесь быть не могло.

У колониального правления всегда есть три элемента, три вектора, три составляющих: политическое доминирование, экономическая эксплуатация и культурная дистанция — манипулирование, отлаживание, переделка, преобразование культурных дистанций. Меня часто спрашивают — это очень важный момент — чем мой постколониальный подход отличается от марксизма, который, в общем-то, я думаю, более известен. Мы — мое поколение — изучали марксизм, мы сдавали экзамены по научному коммунизму. Мы его очень не любили и отвергли категори-

чески. Сейчас, я думаю, очень многие так или иначе возвращаются к этим представлениям, но пытаются как-то иначе понять и совместить их с другими. Марксистская наука — например, социальная история — представляла историю и политику как борьбу классов, то есть социальных групп внутри одного и того же культурно-гомогенного общества. Марксизм учил, что экономическая эксплуатация — одна из этих трех составляющих — была важнейшей или вообще единственным, что было важно. В постколониальном подходе никто не отрицает, что экономическая эксплуатация важна и, действительно, существовала, иногда была успешной, продуктивной, а иногда нет — то есть многие колонии забирали больше ресурсов или жизней или капиталов, чем давали. Но наряду с экономической эксплуатацией столь же важными являются политические и культурные отношения между колонизаторами и колонизируемыми.

Вместо того чтобы выбирать одно из трех или противопоставлять все это друг другу, надо учиться совмещать эти элементы. Марксистский подход освещал экономические отношения, но игнорировал культурные различия, отказывался признавать рационализм особой силой истории, объяснял империализм экономическими интересами метрополии. На деле, однако, эти объяснения всегда были недостаточны по множеству важных причин. Постколониальная наука делает противоположные допущения. Богатые и бедные осмысляются как два разных племени, потому что, действительно, они всегда говорят на разных языках, даже если формально, с лингвистической точки зрения, их язык один — допустим, английский или русский. Все равно их культура, их символы, их интересы, механизмы их мышления оказываются разными. Как правило, они не любят друг друга. Они борются друг с другом, сопротивляются друг другу — и формируют разные культуры, которые конституируют их, метафорически говоря, как два разных племени. Постколониальный анализ власти подчеркивает не ее экономический интерес в эксплуатации своего и чужого народа, но ее — этой власти — культурную чуждость всем подавляемым народам вместе. Точно так, как это видно на этой картине. Власть культурно чужда всем — и узбекам, и чеченцам, и русским одинаково. И сама принимает это бремя, «бремя белого человека», как говорили в других странах. Марксизм осмысляет культурные

различия как социальные, постколониализм осмысляет социальные дистанции как культурные. Конечно, оба подхода предлагают систему метафор, благодаря которой мы только и можем понять сложность человеческой природы. Поэтому эти подходы дополняют друг друга.

Думая о современной России, разные авторы используют разные понятия. Григорий Голосов, например, говорит об авторитарном государстве, Екатерина Шульман — о гибридном, Владимир Гельман — о непатримониальном государстве. Маша Гессен в недавней статье и вовсе говорит о мафиозном государстве. В общем, у всех этих понятий свои достоинства и, наверное, свои слабые стороны. Я пытаюсь ввести то понятие, которое сейчас вам предложу — оно тоже не очень приятное, но немного в другом контексте. Здесь я исхожу в основном из трех книг. Одна из них — книга Егора Гайдара «Гибель империи», в которой он очень интересно и, я бы даже сказал, пророчески рассказал о политических проблемах ресурсной зависимости. И есть еще две важные, более современные книги, обе переведены на русский язык. Одна называется «Почему нации проваливаются. Происхождение власти, благополучия и бедности». Авторы — Дарен Асеомглу и Джеймс Робинсон. Это два чрезвычайно продуктивных экономиста. Мои коллеги во Флоренции даже заключают пари, когда эта пара получит Нобелевскую премию, но пока что человек, который на них ставил, проиграл, посмотрим, что будет в следующем году. И есть замечательный политолог и специалист по Ближнему Востоку Тимоти Митчелл, который написал книжку «Карбоновая демократия. Политическая власть в век нефти».

В этих книгах — особенно тут важна структурообразующая идея Асеомглу и Робинсона — противопоставляются два типа государства — инклюзивное и экстрактивное. В экстрактивном государстве военная-административная элита и трудовое население разделены культурными барьерами. В нем нет мобильности. Люди не могут подняться или перейти, условно говоря, из низшего класса в высший. Элита собирает свои доходы с трудового населения, рутинно применяя насилие и с помощью насилия охраняя себя от смещения собственным населением. Примером является российская экономика середины XIX века, основанная на крепостном праве. Элита и крестьяне разделены сословными границами,

и сама разница между сословиями была предметом закона — все было прописано в законе. Но при этом, конечно, элита и крестьяне зависели друг от друга, потому что без крестьян не было бы таких частных благ, как еда и доход, а без элиты не было бы таких общественных благ, как безопасность. Эта элита была хищнической, часто неэффективной, но все же такой тип экономики обеспечивал полную занятость населения. Все пахали, значит, кому-то доставалось руководить этим процессом.

В инклюзивном государстве подобных расовых или сословных границ нет. Элиты формируются на основе меритократии — это ключевое понятие. Элита включает в себя лучших, а те обеспечивают сильный труд всех остальных. Но, конечно, это идеал. Ни в одном обществе пока не удалось достичь этого идеала, меритократии. Вместе с тем разные общества приближаются к нему разными способами. Социологи отлично знают, как воспроизводятся элиты, даже в странах политической демократии, например, в англо-саксонских странах или во Франции. Преподавая в Кембридже, я совсем не видел инклюзивности — больше половины студентов поступает из частных школ, в которых учится только 8% английских детей. То есть этот механизм не меритократичен. Тем не менее, каждый год я слышал разговоры о том, что надо ввести новые правила. И, действительно, каждый год вводятся все более сложные правила для того, чтобы сделать Кембридж более инклюзивным, то есть увеличить долю выпускников государственных школ.

И теория, и практика показывают, что только инклюзивное государство обеспечивает долговременный экономический рост. Проблема современного мира, его кризисы, проклятия, такие как нефтяное проклятие, связаны с реальностями экстракции, когда вверх по социальной лестнице поднимаются товары, сырье, ценности, а люди остаются на своих местах. На мой взгляд, Асеомглу и Робинсон дополнительно усложняют дело, смешивая два типа экстрактивного государства. Аграрное, обеспечивающее полную занятость, и противоположное ему — сырьевое. Это такой тип государства, в котором элита зависит не от труда населения, а от промысла природного ресурса. Его можно назвать ресурсозависимым и противопоставить трудозависимому государству.

Можно придумывать разные другие термины. История идет вперед, и я остановился на понятии

«паразитического государства». Вот определение паразитизма из «Википедии», я сейчас его прочту вам. «Паразитизм — от греческого слова, которое значит «нахлебник». Нахлебник — это что-то вроде экономического понятия, то есть биологическое слово «паразитизм» происходит от древнего политэкономического понятия, а теперь мы возвращаем его обратно от биологии в политэкономю. «Один из типов сосуществования организмов, явление, при котором два и более организмов, не связанных между собой генетически, сосуществуют в течение продолжительного времени и при этом находятся в антагонистических отношениях». Это вид взаимосвязи между различными видами, при котором один из них, то есть паразит, определенное время использует другого, который называется хозяином, в качестве источника питания или среды обитания. Физиология паразита подчинена физиологии хозяина, его жизненный цикл невозможен без получения от того необходимых биологических ресурсов. Такие ресурсы паразит может получить только от ограниченного числа хозяев — не от кого угодно. Чем дольше в эволюционном смысле продолжается сосуществование, тем лучше этот вид паразитов приспосабливается к своему хозяину и тем меньше вреда наносит ему. В общем, в этом определении звучит нота оптимизма: чем дольше продолжается, тем меньше вреда.

Все, что я буду говорить дальше, связано с попыткой разработать критическую теорию такого политэкономического паразитизма, решительно противопоставляя его другому типу государства, который, конечно, нам более понятен, известен. Условно назовем его либеральным государством или, в современных условиях, неолиберальным государством. На самом деле, реальность всегда состоит из гибридов, серых зон. Но чтобы понять ее, нам нужны идеальные типы. И, конечно, всегда сохраняется очень важный вопрос, очень сложный: всякая ли ресурсная зависимость ведет к паразитическому государству? В чем отличия ресурсозависимых государств, которые основываются на промысле разных природных благ?

«Стационарный бандит» — это понятие, введенное очень уважаемым политологом и политэкономистом Мансуром Олсоном. В общем, ничего обидного в этом нет, как и в понятии паразитизма тоже не должно быть ничего обидного — мы же за-

нимаемся наукой. Идея в том, что есть население, оно большое или маленькое, допустим, представим его как большое. И есть государство. Население платит налоги — каждый взрослый человек платит налоги — кто много работает, много платит. Сначала мы имеем меритократию, затем мы имеем налоги. Все состояние государства складывается из труда населения. У государства нет ничего другого, кроме налогов, которые люди платят ему со своего производительного продуктивного труда. Из этих средств, ресурсов, денег государство оказывает разные виды услуг, включая социальную помощь, производство публичных благ, заботу о безопасности и так далее. В идеальном случае сколько государство получает, столько оно и тратит. Оно получает часть личных доходов населения — оно создает публичные блага, заботясь о том, о чем каждый человек в отдельности заботиться не может. Ну, например, о чистом воздухе или об обороне и безопасности.

Моя модель, тоже упрощенная донельзя, описывает такой идеальный тип государства, которое, в отличие от стационарного бандита, является сырьевым паразитом. Еще раз подчеркиваю — это крайнее упрощение. Государство черпает, получает свои доходы из недр, которыми оно само непосредственно обладает и которые само непосредственно обрабатывает, возделывает, бурит и т.д. Это все независимая от населения область государственной деятельности. И есть население, которое стоит, или лежит, или двигается, активно работает далеко от этого сырья. В современной России (это данные российского правительства) только 1% населения профессионально занят в топливно-энергетическом комплексе. Сюда входит и непосредственно экстракция, то есть скважины, нефтяные поля, и транспортировка нефти, которая, естественно, требует большого труда. И этот 1% населения создает огромное национальное богатство. В недавнее время речь шла о 2/3 государственного бюджета, сейчас пропорции стремительно меняются. Тем не менее что, действительно, мне важно: государство гораздо больше зависит от натурального ресурса, чем от производительного труда населения.

При этом люди работают — кто-то парикмахером, кто-то врачом, кто-то офицером, кто-то банкиром. Они создают свою экономику, обмениваясь товарами и услугами между собой. И, конечно, в том, что они делают, очень большую, если не определяющую роль

играют те услуги и блага, которые создаются государством. Часть тех ресурсов и капиталов, которые государство получает от своего сырьевого промысла, оно перераспределяет в пользу населения. Пропорции эти меняются, но мне важна грубая схема. Эта грубая схема состоит в том, что в таком государстве производительный труд, в общем-то, 99% населения (хотя это тоже, конечно, большое упрощение и гипербола) оказывается независим от источника благосостояния государства. То есть вместо того, чтобы полностью зависеть от налогов и от труда населения, государство оказывается в непосредственной натуральной связи с ресурсами. В такой ситуации некоторые очень базовые темы, понятия, модели классической политической экономики от Адама Смита до Томаса Пикетти перестают работать.

Забудем про нефть. Представим себе, что какой-нибудь очень ценный ресурс, например, редкий металл можно добывать только в одном месте на Земле. Может быть, даже вообще не на Земле. Как в фильме «Аватар». Может ли в этом случае работать трудовая теория стоимости? Конечно, нет. Цена на этот металл не будет зависеть от труда, потраченного на его добычу. В этом случае у тех, кто добывает этот металл, существует абсолютная монополия. Они могут продавать этот металл за ту цену, за которую захотят. Однако у государства, торгующего этим ресурсом, будет множество врагов. Потому что другие тоже хотят такой уникальный ресурс. Значит, у такого государства возникнут серьезные издержки, связанные с безопасностью. Монопольная цена на этот редкий ресурс будет зависеть не от труда тех людей (а труд всегда вовлечен — добывают непосредственно или перерабатывают ресурс), а от издержек, связанных с безопасностью и транспортировкой. У государства, торгующего этим ресурсом, нет причин развивать механизмы конкуренции, власть закона, независимое судопроизводство, которое обеспечивает справедливость. Такое государство не зависит от налогообложения, а значит, оно не зависит и от населения. Наоборот, население такого государства зависит от перераспределения доходов, полученных с одного далекого месторождения. Для роста экономики здесь не требуется труда и знаний. Вместо них складывается аппарат безопасности, необходимой для защиты транспортных путей и финансовых потоков, и появляется бюрократическая система, кото-

рая перераспределяет материальные блага, оставляя себе нужную долю.

В паразитическом государстве элита эксплуатирует ресурс — например, меха, как это было в средневековой России, или нефть, как в современной России, — почти без участия населения. Возникает два класса или сословия граждан — небольшая элита, которая добывает, защищает и торгует ценным ресурсом, и все прочие, чье существование зависит от перераспределенной ренты с этой торговли. Такая ситуация создает жесткую структуру, похожую на кастовую или, точнее, сословную. Смотрите, в этом государстве есть население, 99%, условно говоря, которые работают, обмениваются, создают свою экономику. В этой части тоже должны быть люди, которые работают, подписывают бумаги, что-то переделывают, преобразуют и перераспределяют. Но эти люди оказываются столь разными, как будто они принадлежат к двум разным кастам, или сословиям, или расам. Как будто одни живут, условно говоря, в Лондоне, а другие, условно говоря, в Индии XVIII века. На счету государства в такой ситуации есть две ключевые функции. Во-первых, это сам по себе сырьевой промысел, то есть добыча, транспортировка, продажа и так далее ресурса. И, во-вторых, защита, оборона и безопасность. В нашем конкретном случае это гигантские газопроводы, которые идут через всю Евразию. В случае Англии, условно говоря, XVIII века это хлопок, сахар, чай или специи. Все это перевозилось через океаны. Там были непрерывные угрозы безопасности. Тогда они назывались пиратами. Для защиты коммерческого флота от пиратов создавался британский военный флот. Кроме того, всегда, конечно, были враги. Например, французы.

Добыча является капиталоемкой и не требует большого труда. Зато защита, оборона являются трудоемкими и не требуют много капитала. Но политические философы, в частности, британские, немецкие — я могу тут дать большую библиографию — всегда знали, что те, кто обеспечивают безопасность собственников, склонны захватывать контроль над самой собственностью. Помимо классической монополии на легитимное насилие в таком государстве складывается монополия на легитимные ресурсы. Такая двойная монополия сырьевого государства имеет очень интересную структуру. Не всегда поймешь, чем занимается тот или иной орган, институт или чело-

век — сырьем или обороной? Является ли он силовиком или сырьевиком? Образом такой двойной монополии является лента Мебиуса. Вот она так скручена, что два вида управления — ресурсами и безопасностью — незаметно переходят друг в друга.

А, допустим, в соседней стороне, которую я называю трудозависимой (это еще один идеальный тип), богатство нации создается трудом граждан. Там нет другого источника благосостояния, кроме как работа населения. В этой экономике действует старая аксиома: стоимость создается трудом. В этой экономике и в этой политике нет налогообложения, если нет представительства. В сырьевой или паразитической экономике этот главный принцип демократии не работает, потому что государство не зависит от налогов — оно зависит от пошлины, и оно не зависит от представительства. Если население в трудозависимом государстве является основой национального богатства, то в ресурсозависимом государстве население становится избыточным. В этом кардинальное отличие паразитического государства от экстрактивного государства старого стиля, такого, например, как крепостная Россия имперского периода, где худобно (как правило, худо) все же национальное богатство создавалось трудом населения. Здесь можно говорить об очень многом. Например, о том, что разные ресурсы, такие, например, как уголь и нефть в современном мире, создают разные типы ресурсной зависимости, разные политические типы государства.

Это довольно интересная тема, о которой рассказал Тимоти Митчелл в своей замечательной книге «Карбоновая демократия». Уголь есть в очень многих точках мира. Например, на Британский островах исторически его находили в самых разных местах. Также он есть в России, Украине, Германии и так дальше. На самом деле, после первой промышленной революции города стали расти именно рядом с месторождениями угля и железной руды. Там, где есть сырье, есть и население. Шахтеры — это особый род рабочего класса, они отличаются особого рода солидарностью, сплоченностью, а также послушностью, потому что они спускаются в шахты, работают там в страшной опасности, в темноте. Шахтер в шахте видит еще меньше, чем солдат в окопе. Все зависит от его подчинения субординации. Шахтеры полностью зависят друг от друга. И исторически именно шахтерские забастовки имели способность перерастать в нацио-

нальные стачки. Так, например, было в России 1905 года. Митчелл говорит о шахтерах и связанных с ними профессиях, например, портовых рабочих, которые переваливали уголь, или железнодорожных рабочих, которые транспортировали уголь.

Экономика, основанная на угле, оказалась классической базой для социал-демократии, для идеи забастовки, которая имеет силу изменить отношение между трудом и капиталом. Нефть, напротив, обычно страшно далека от городов и вообще от тех мест, где живут люди. Нефть может быть где-то в болотах или в пустынях. Нефть вообще может быть посередине океана. Все равно ее будут добывать. Если работникам нефтяной вышки не нравятся их условия труда, они могут бастовать сколько угодно — их никто не заметит. Либо их заменят. Они настолько далеко от всех остальных, что никакого механизма перетекания их недовольства в забастовку, стачку, не говоря уж о национальной забастовке или революции, быть не может. Уголь гораздо более трудоемок. Нефть и газ требуют очень мало людей. Еще раз: главная проблема с нефтью и газом — это безопасность их доставки.

Отсюда следуют важнейшие кадровые особенности. Поскольку расходы на безопасность играют важнейшую роль в цене на российские газ и нефть, менеджеры безопасности становятся руководителями этого бизнеса и страны. Вместе с тем, надо понимать и то, что в мире остается огромная часть углеводородной экономики, которая зависит от угля. Хотя Митчелл прав в том, что мир в целом перешел от угольной экономике к нефтяной и это определило переход от социал-демократической к неолиберальной политике, в разных частях мира этот процесс идет по-разному. Например, Польша и Украина остаются скорее углезависимыми, чем нефtezависимыми. И некоторые процессы, которые мы наблюдаем в этом восточноевропейском треугольнике между Польшей, Россией и Украиной, можно интерпретировать как отношения между принципиально разными политическими видами сырьевых зависимостей.

Вам всем, наверное, известно понятие «голландская болезнь», которое было введено в 1977 году в журнале *The Economist*. Под ним понимается падение производства и сферы услуг, которое произошло в Нидерландах после открытия там большого месторождения газа. Но что важно, именно голландская

болезнь — это серьезная болезнь экономики, которая, однако, поддается лечению. И сама Голландия, и многие другие страны — Норвегия, или Австралия, или Соединенные Штаты Америки, в которых сейчас огромная нефтегазовая экономика, — научились успешно лечить эту болезнь, собирая нефтедоллары в суверенных фондах и таким образом стерилизуя их. Об этом очень много писал Гайдар — и создал определенную практику государственного управления, которая выводила нефтедоллары из экономического оборота. Потом то же самое бюджетное правило следом за ним вводил и соблюдал следующий министр финансов. И, в общем-то, эта идея сработала. Эти стерилизованные нефтедоллары, выведенные из оборота, и стали основой тех стабилизационных и других фондов, которые сегодня тратятся в критической ситуации.

Экономисты, которым вообще-то свойственна большая строгость формулировок, определяют голландскую болезнь как сочетание сырьевой зависимости с хорошими институтами. Если в стране еще до голландской болезни существовали хорошие институты — независимый суд, демократические механизмы, парламент и так далее, голландская болезнь все равно возникает со всеми ее экономическими проявлениями — инфляцией, безработицей и так далее. Но она поддается эффективному лечению. А мы знаем, что есть ведь и немалая часть мира, которая существует в другой ситуации — сырьевой зависимости с плохими институтами. Это другой тип зависимости, это другая политэкономическая болезнь, для нее нужно другое название. Это русская болезнь. Хотя этой русской болезнью болеют и как-то от нее лечатся, успешно или нет, и в других частях мира, как и голландской болезнью болели не только в Голландии. Однако российская ситуация для этого типа проблем является, я бы сказал, образцово-показательной.

Итак, мы имеем нелиберальное государство, идеальную модель. Этому государству свойственна конкуренция, которая обеспечивает эффективность, останавливает рост цен и так далее. Чтобы была конкуренция, нужны защищенные права собственности. Чтобы были защищенные права собственности, нужен независимый суд. Государство должно собирать единые налоги со всех секторов, иначе деньги и люди будут перетекать из одного сектора в другой. Должно

быть разделение властей. Должна быть ответственность государства за публичные блага. Ну и должна быть как итог и суть всего меритократия. Еще раз: это не образ какого-то конкретного государства, это идеал, которого очень трудно достичь. И вот мы имеем паразитическое государство — тоже как некий идеальный тип. В нем существуют монополии. В России они даже называются правильно естественными монополиями. Они как бы принадлежат природе, потому что они ее возделывают. Основным источником благосостояния являются не налоги, а пошлины. Государство принимает на себя функцию арбитра, что, естественно, отменяет функцию разделения властей. Население из источника благосостояния становится объектом помощи и заботы. Публичные блага оказываются достоянием элиты. А элита вполне способна найти их и в другом месте, не обязательно в границах данного государства. Самая для меня важная и трудная тема — отсутствие меритократии ведет к порче того, что я называю оценочными шкалами за неимением другого понятия.

Если вы откроете сегодняшнюю российскую газету, то вы прочтете, например, о скандалах, связанных с допингом или плагиатом, о скандалах, связанных, условно говоря, с расстановкой кадров — коррупция, некомпетентность. Историки хорошо знают, как становилось современное государство... Вот были средневековые рынки — торговля на рыночной площади. А потом появилось современное государство, и это всегда было связано с как бы незаметным процессом, со стабилизацией, формализацией мер и весов. Вот тогда, когда, действительно, фунт стал фунтом, килограмм килограммом, миля мильей, появились стандарты. За этими стандартами стало следить государство. То есть государство приняло на себя такую новую функцию — ответственности за меры и веса, за оценочные шкалы. Потом это развилось, например, в ответственность государства за качество диссертаций. Ну и так далее. Это все связано с оценочными шкалами. В конечном итоге, на мой взгляд, это сводится к проблеме меритократии. А еще дальше это сводится к проблеме конкурентоспособности национальной экономики и самого государства. Если меры, веса и шкалы подвержены порче, то в государстве рушится, перестает работать все. Если каждый торговец может выставлять свою собственную гирию, значит наверняка он будет обвешивать, обсчитывать и так

далее — в своих собственных интересах или в интересах того царька или чиновника, которому он платит пошлину.

Представим себе отношения между разными государствами на современной мировой арене как игру двух участников, один из которых ресурсозависимый, а другой — трудозависимый. Вот одна сторона ресурсозависимая — паразитическое государство, как мы его назвали. Другая — неолиберальная, или трудозависимая. И эти две страны, конечно, находятся в обмене между собой. Трудозависимое государство покупает ресурс, платя за него продуктами труда своего народа. Условно говоря, это обмен нефти на айфоны, автомобили и так далее. Мой тезис в том, что классическая политэкономия относится только к одному из этих участников — трудозависимому государству — и не описывает проблемы другого — ресурсозависимого государства. Только трудозависимое государство способствует развитию внутренней конкуренции, прав собственности, общественных благ, обеспечивает технический прогресс и социальную инклюзию. В ресурсозависимом государстве всего этого не происходит, хотя, в принципе, может происходить, потому что умный правитель такого государства, поскольку обладает большими ресурсами, которые он спускает сверху, может имитировать разные институты того государства в той мере, в какой он понимает их необходимость. Ну или перестает это делать, когда разуверится. Я думаю, всегда и происходит подражание, имитация. Но скорее всего правители ресурсозависимого государства угнетают свое население по образцу колониальных держав до тех пор, пока это население терпит такое угнетение. Они продают свой ценный ресурс трудозависимому государству и получают от соседа большие, потенциально не ограниченные капиталы.

Однако и у этих людей, у этой узкой элиты, условно говоря, у одного процента есть свои проблемы. Так как им не обеспечиваются в их стране права собственности, эти люди не могут полагаться на свои капиталы, не могут держать их в стране и передать детям. Вместе со своими подданными правители страдают от недостатка публичных благ, например честного суда, чистого воздуха или хорошего здравоохранения. Женам этих лидеров нужны частные блага, такие как образование для детей и так далее, которое в состоянии изготовить только трудозависимое

государство с конкуренцией, судом и т.д. Вот так происходит следующий шаг в нашей игре. Элита ресурсозависимого государства держит свои накопления в трудозависимом государстве. Вместо того чтобы создавать институты у себя, она пользуется институтами, которые органически существуют в другом месте. Там же она решает свои конфликты. Своему суду не доверяет — тому доверяет. Там же держит семьи, там же дети получают образование. Парадоксально, но теперь, мне кажется, понятным способом за рубежом эта элита инвестирует все ценные институты, которые она разрушает у себя дома: справедливые суды, хорошие университеты, чистый воздух, парки и так далее. Это, конечно, ситуация, которую мы наблюдаем эмпирически в отношении между Россией и другими частями цивилизованного мира. И понятно, что я пришел к этому выводу не с помощью чистого разума, а с помощью эмпирических наблюдений.

На самом деле, в этой игре можно ожидать равновесия. Потому что, в общем-то, она всем выгодна. Такое равновесие сохраняется, стабилизируется и достигает все большего совершенства, пока продолжается мир и торговля между этими двумя условными государствами. Конечно, цены на сырье растут, но трудозависимые государства получают свой капитал обратно — в форме вкладов, инвестиций, платы за услуги, в форме пузыря недвижимости, как в Лондоне, и так далее. Это хорошая стабильная ситуация, от которой вроде бы — вроде бы! — все, кроме населения ресурсозависимой страны, выигрывают. На самом деле, это очень важно. Мы знаем, что так было и было довольно устойчиво, то есть существенный промежуток исторического времени обеспечивался именно этими механизмами. Механизмами, условно говоря, симбиоза — здесь мы тоже можем искать какие-то биологические параллели. Но эмпирически мы знаем, что это равновесие оказалось нарушенным, возможно, навсегда.

Мне бы хотелось найти такой теоретический аргумент — то есть мы знаем множество частных причин, но, оставаясь на уровне высоких абстракций, идеальных ситуаций, мне бы хотелось найти такой теоретический аргумент, внутренний механизм, который делает этот сбалансированный симбиоз не вечным. Исторически крушения ресурсозависимых государств происходили в результате истощения природного ресурса. Например, в какой-то момент

кончилось серебро в мексиканских шахтах, и Испанская империя потерпела крах. Или кончились соболя, и Московское царство тоже пережило Смутное время. Слоновая кость в бельгийской Африке. Икра на Каспии. Есть такие ресурсы, которые, действительно, заканчиваются. Но это точно не произошло с нефтью и газом. И, скорее всего, никогда не произойдет. Значит, этот аргумент мы можем оставить без внимания. Что-то необыкновенное произошло с ценами на этот ресурс. Но мы также знаем, что политические проблемы внутри этого симбиотического механизма начались существенно раньше, чем стали падать цены. Так стоит ли нам уходить в какие-то более глубокие или высокие гипотезы, думая о том, что в элите паразитического государства непременно возникают такие внутренние напряжения, неудовлетворенности, тяготы, которые ведут эту элиту к чему-то вроде саморазрушения. В общем-то, это и есть моя гипотеза, хотя реальных механизмов и аргументов в ее пользу я пока не нашел. Спасибо за внимание!

ВОПРОСЫ:

Вопрос: Александр, спасибо большое. Вопрос такой: в чем принципиальное различие формирования бюрократии в этих двух типах государств?

Александр Эткинд: Если говорить об идеальных типах, а не об эмпирических реальностях, то бюрократия является привилегированным статусом, который дает блага. Значит, бюрократия по определению иерархична. У нее есть разные ранги, как в петровской Табели о рангах, права, обязанности. Соответственно, чем выше человек на этой пирамиде бюрократии, тем выше у него зарплата. Значит, в меритократическом, инклюзивном государстве он идет вверх по бюрократической лестнице, и его зарплата повышается пропорционально его растущей компетенции. Сами понимаете, как трудно это тестировать. В ресурсозависимом или паразитическом государстве ресурс также идет, понимаете, фонтан все равно бьет. Конечно, для этого нужен труд, нужны технические компетенции. Тем не менее, в этом идеальном образе все эти вещи — и труд, и компетенции, и оборудование, и экспертизу — можно приобрести в трудозависимом государстве за маленькие деньги, за маленькую долю того богатства, которое обеспечивает фонтан. Вот

именно этот механизм и портит шкалы. Именно этот механизм делает меритократию вообще не нужной. Говорим ли мы о тестах, или об экспертных оценках, или о субъективной воле высшего правителя в отношении повышения по службе своих подчиненных — в любом случае речь идет о каких-то выверенных шкалах, о каких-то механизмах, о какой-то палате мер и весов, понимаете? Меритократия необходимо нуждается в шкалах. Отсутствие меритократии ведет к порче всяческих шкал.

Вопрос: Спасибо большое за вашу лекцию. Много что объясняет. Хотела бы уточнить один тезис — он прозвучал как вывод, но, может быть, вы могли бы его развернуть. Вы сказали, что элита, испытывая дома дефицит, в том числе, например, публичных благ, ищет их у соседей, то есть инвестирует другие государства в те области, которые разрушает у себя дома. Вот мне интересно, откуда эта страсть к саморазрушению, неужели они не понимают, что не могут бесконечно рубить сук, на котором сидят? Спасибо.

Александр Эткинд: Знаете, отличный вопрос, конечно, но ответа у меня нет. Тот ответ, который у меня есть, уводит далеко в идею того, что есть зло. На эту тему рассуждали многие выдающиеся люди, которые лучше понимали в этом вопросе. Но вообще есть две концепции зла. Есть одна концепция, что зло происходит в результате его сознательного причинения. И есть другая концепция, что зло происходит в результате пренебрежения. То есть достаточно того, что хороший человек пренебрег своим делом, чтобы случилось зло. Не надо, чтобы плохой человек сознательно и целеустремленно причинял зло, хотя и такие вещи, как мы отлично знаем, бывают в истории или в семейной жизни. С каким из этих зол мы имеем дело в данном случае? По крайней мере, такие классификации, мне кажется, позволяют увидеть интересные различия.

Вопрос: Александр Маркович, спасибо большое. Вы много говорили о важности шкал, мер, единиц измерений. Может быть, вы могли бы чуть более подробно рассказать о том, какой методологией вы пользуетесь в своей работе, поскольку при сравнении двух государств по принципу построения экономических связей и распределения благ создается ощущение, что сравнивается условно синее и условно красное. Но из поля зрения исчезает, что синее при этом может быть квадратное, ребристое и кислое,

а красное — круглое, гладкое и сладкое. Во время Арабской революции в западных университетах было огромное количество курсов, посвященных причинам: социальные сети, развитие новых медиа, очень много говорилось про нефть, почему она убивает демократию. Но основной вывод, который, как мне казалось, сформировался после года-двух подробного изучения этой тематики: помимо нефти, помимо ресурсов существует огромный пул причин. Например, возрастной срез, те же самые новые медиа, культурные коды и прочее-прочее. Могли бы вы рассказать, каким инструментарием вы пользуетесь для того, чтобы прийти к верифицируемым заключениям?

Александр Эткинд: Это сложный для меня вопрос, потому что я как раз ищу или в каких-то моментах пытаюсь разработать инструментарий. Есть инструментарий, с которым работают политологи, то есть они берут ранкинги, оценки, которые дают мировые банки или другие организации подобного рода, в которых все страны распределены в условном порядке по свободе прессы или по, например, представленности женщин на высоких уровнях менеджмента. И с каждым годом в эти межстрановые рейтинги попадает все большее количество разных векторов, разных замеров, разных свойств человеческой природы. И это интересно. Этим, наверное, можно как-то воспользоваться. С другой стороны, поскольку я историк, мне как-то неинтересно сравнивать Россию с окружающим миром. То есть, конечно, надо понимать, где она стоит, но знание того, что по свободе прессы Россия где-то между Уругваем и Парагваем, в общем, дает только общую картину. На самом деле, надо понять исторически то, что произошло за определенные годы и десятилетия в России. Мне это дает гораздо больше понимания. Так же, как какому-нибудь уругвайскому интеллектуалу его страна в динамике дает больше понимания, чем сравнение его с Россией. Но есть другой подход к этим вещам — эмпирический. Действительно, как построить социологию оценочных шкал, как подойти к реальному пониманию механизма принятия решений на кадровом уровне? Как связать вот эти вещи с проблемами сырья и цен и государственной казны? Пока у меня нет быстрого ответа на ваш вопрос. У меня есть догадки и надежды, что такой ответ я получу. Кроме того, я думаю, что я мастер исторических аналогий. Хотя я сам в них не очень верю, но, между тем, испытывая затруднения, я непременно

к ним обращаюсь. Как к вот этой аналогии между становлением мер и весов, единиц измерения как абсолютно необходимого элемента в развитии капитализма и в развитии государства. Вот так. Так что давайте работать вместе.

Вопрос: Спасибо большое за лекцию. Очень интересно, заставляет шевелить мозгами. Если позволите, три вопроса, но они взаимосвязаны. Коль скоро ваша профессиональная область — это история, скажите, когда, по-вашему, мы, то есть Россия или СССР, заболели этой русской болезнью? Вопрос номер два: в какой фазе этой болезни мы сейчас находимся? Вопрос номер три: возможно ли исцеление, при каких условиях и с помощью каких медикаментов? Извините, и четвертый вопрос: ваш прогноз, когда мы все-таки эту русскую болезнь победим? Спасибо.

Александр Эткинд: Ну, мне легче ответить про прошлое, чем про будущее. Не только потому что я историк. Точно так же и вы скажете — мы же не знаем будущего, кто его знает. Но, тем не менее, мы ищем аналогии в прошлом, чтобы понять настоящее и, соответственно, предвидеть будущее. И ничего, кроме прошлого, у нас для этого нет. Так что у историка, соответственно, есть свои на эту тему сословные права и обязанности. Советский Союз тоже был ресурсозависимым. В гораздо меньше степени, чем постсоветская Россия. То есть то, что мы называли сегодня «русская болезнь» (я рад, что вы со мной согласились в этом диагнозе), несомненно усилилось и статистически, и содержательно в постсоветский период. Тем не менее, эти глубокие связи с нефтью были характерны для всего советского периода.

Например, где начинал свою карьеру Сталин? На нефтяных приисках в Баку. И некоторые другие ключевые фигуры были оттуда же. Советский Союз в самые страшные свои моменты очень сильно зависел от экспорта сырья. Не столько от нефти, сколько от экспорта золота, древесины, всяких других лесных товаров, иногда металлов, зерна — в том числе зерно экспортировалось, когда в стране был голод. Дополнительный интерес той форме сырьевой зависимости дает то, что почти все виды этого сырья, именно как сырья, в 30-е годы производились в ГУЛАГе. И вообще-то их экспорт, их международная торговля была затруднена этим фактом. Хотя, конечно, покупатели, например, древесины или золота в Германии или Америке, игнорировали тот факт, что в со-

здании этого сырья участвовал принудительный труд, что вообще-то было запрещено в международной торговле даже по законам того времени.

Что же касается будущего, я вообще оптимист. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь все изменится. Я только не знаю, когда. И я не знаю, что должно произойти вот в этот период от сегодняшнего дня до той точки X, когда все изменится. Но мне кажется, что такого рода представления, очень грубые, очень схематичные, все же помогают понять, что же все-таки должно измениться, чтобы, действительно, все изменилось. Если вы меня спрашиваете более о количественных оценках, то я думаю, что все изменится не так уж медленно. Хотя эти изменения, как говорили большевики, не за горами. Я так думаю, но аргументов не спрашивайте, пожалуйста.

Вопрос: Спасибо за очень интересную лекцию. Спасибо за то, что есть возможность задать вам вопрос. Критическая теория паразитического государства была представлена под шапкой внутренней колонизации. И вопрос к первой части. Может быть, метрополия внутренней колонизации — это Москва, но, на самом деле, и в Москве существуют практики колонизации: снос ларьков, отсутствие разделения властей, проблемы с судами и так далее. И в связи с этим не понятно, где у внутренней колонизации метрополия? И второй вопрос тоже касается этого. Пообщавшись с большим количеством различных чиновников, я узнал, что Россия в опасности, потому что западные страны хотят ее уничтожить. И мне непонятно, это такой дискурс, который носит терапевтический эффект, успокаивает чиновников и дает им основания вести себя так, как они ведут? Или же это инсайдерская информация, то есть они правда что-то знают, чего другие не замечают? Вот это вопрос к вам как культурному теоретику.

Александр Эткинд: Вопрос отличный, конечно. Ключевский в свое время говорил (он имел в виду Петербург), что в России центр на периферии. Москва не так на периферии, как Петербург. Но Ключевской также говорил, что Россия — страна, которая колонизируется. Колонизует себя. Вот эта обратная форма глагола и есть загадка, логический парадокс внутренней колонизации. Вот когда парламент в одном месте, англичане голосуют и там уже демократия в XVII веке, а в Индии рабы в поте лица... это я называю колониальный градиент — очевидная разница

в правах человека и благах в метрополии и в колонии. А в ситуации внутренней колонизации этот парадокс воспроизводится на каждом уровне. То, что вы совершенно верно сказали про Москву, что в Москве есть свои внутренние колонии, свои темные зоны, проходные и не проходные дворы, где вообще еще цивилизация не наступила. Или ларьки сносятся — значит, нет ни закона, ни прав собственности, ни порядка, ничего такого. А вместе с тем разница есть, наверное, и между уровнем благосостояния и между правами и властью закона в Москве, ну и в деревне, может быть, в ста километрах от Москвы. Второй вопрос про чиновников. Здесь, конечно, можно думать о разном. Прежде всего нынешний способ самолегитимации власти состоит в обвинении врага в попытке уничтожить и власть, и народ — всех вместе. Но я думаю, что здесь есть что-то еще. Это довольно очевидно, об этом многие говорят, многие пишут. И, в общем-то, это не имеет прямого отношения к моей схеме. А прямое отношение к моей схеме имеет вот что. Что, действительно, тем депозитам, семьям, домам и другим замечательным благам, которыми пользуются чиновники за границей, их личным интересам грозит очень многое. Именно в этой ситуации. Они, действительно, очень боятся. И они правы в этом.

Вопрос: Спасибо вам большое за интересную лекцию. Я хотел бы уточнить. У вас в начале лекции прозвучал тезис, что Россия сейчас находится в стадии демодернизации. Может быть, вы объясняли, а я не понял, но не могли бы вы развить этот тезис? В какой стадии демодернизации мы находимся? Спасибо.

Александр Эткинд: Демодернизация — сложное понятие, кто знает, какие там у него стадии. Вот какие стадии у модернизации, вам все расскажут. А если вы погуглите, как я это делал, «демодернизацию» хоть по-русски, хоть по-английски, знаете, какое слово выскочит первым? Демонизация. То есть, на самом деле, демодернизация — редкое слово, хотя не я его придумал, например, его употреблял тот же Григорий Явлинский в своих пропагандистских брошюрах. Многие об этом думают, и правильно делают. На какой стадии мы сейчас находимся? Страшно сложный вопрос, потому что советская модернизация, от которой мы отмеряем, которую мы делаем точкой отсчета в отношении нынешней модернизации, тоже была очень своеобразной и очень сложной для понимания версией современности, версией модерна. Я-то во-

обще большой поклонник 90-х годов. Я думаю, что самая большая современность была достигнута именно в конце 90-х годов. А демодернизацию, соответственно, надо начинать оттуда. Но мне больше понятны причины этой демодернизации — об этом я говорил, — чем стадии, механизмы сопротивления. Потому что все мы по-своему как-то сопротивляемся этой демодернизации. Вот это очень важный механизм. Есть сопротивление институтов, есть сопротивление людей. Как это описать в понятных терминах — дело будущего.

Вопрос: Большое спасибо за лекцию. У меня вопрос по отношениям между трудозависимым и ресурсозависимым государствами. Думаете ли вы, что именно эти отношения — как колонизация, то есть ресурсозависимое государство сейчас является почти колонией трудозависимого государства? Может быть, еще второй вопрос. Вы сказали, что элита ресурсозависимого государства использует те институты, которых нет дома, за рубежом. А что, по вашему мнению, происходит, если ресурсозависимое государство прекращает возможность использовать эти институты за рубежом? Деофшоризация, запрет выезда за рубеж и так далее. Спасибо.

Александр Эткин: На первый вопрос я отвечаю, что нет, я совершенно не вижу здесь колониальных отношений. У ресурсозависимого государства остаются все виды суверенитета. И, наоборот, в политической истории сформировалось понятие сырьевого национализма как особой степени или рода национализма — это не мое понятие. Сырьевой национализм. Или ресурсный национализм. И мы это видели в России, слышали в высказываниях многих очень высоких чиновников на тему сырьевой империи, богатства недр и т.д. Когда предметом гордости становятся не национальные традиции и не культура, тогда речь идет о сырьевом национализме. Но до тех пор пока суверенитет не подвергается сомнению или изменению, а у нас нет оснований это видеть, можно говорить о внутренней колонизации. Если же с суверенитетом что-то происходит, тогда возникают важные моменты типа оккупации, колонизации, аннексии и так дальше. Мы этого всего совершенно не видим. Не только в России, но и во многих других ситуациях, связанных с ресурсами и с трудом.

Второй вопрос — что произойдет? Теоретического ответа у меня нет, а практически очевидно, что это

не выгодно тому государству. Именно поэтому, например, в Лондоне или вообще в Великобритании с таким сопротивлением встречают всякие попытки подвергнуть русские, или китайские, или иранские капиталы такой же стандартной проверке в отношении инвестиции в Лондон, каким подвергаются, допустим, американские или британские. Там сейчас говорят об обратной дискриминации, когда англичанин, покупая недвижимость в Лондоне, проходит более жесткую проверку — особенно когда речь идет о больших деньгах, но вообще-то не только — которую иностранец проходит необязательно. Кому это выгодно? Ну, допустим, мэру Лондона это выгодно. Потому что чем выше цены на недвижимость, тем больше налогов и других доходов поступает в городскую казну. Но на самом деле проблема не в этом. Резкое падение и взрыв этого лондонского пузыря недвижимости, действительно, будут проблемой для городской власти. А это, естественно, последует за прекращением движения вот этих капиталов из Ирана, или из Латинской Америки, или из России.

Вопрос: Александр Маркович, несомненно, внутренняя колонизация, вся ее история очень серьезно сказалась на развитии национального самосознания. У России явно был некий подавленный исторический путь по сравнению с теми буржуазными странами, где в XIX веке стремительно формировались национальные государства. По вашему мнению как историка, закончился ли этот процесс формирования национального самосознания в России сейчас, в XXI веке? Если да, то почему? Если нет, то когда он, по вашему мнению, закончится? И может ли полное формирование национального самосознания стать тем *pivot point*, на котором возможен переход от колеи к перевалу, некоторому повороту в историческом пути России? Спасибо.

Александр Эткин: Спасибо за ваш вопрос. Ответ мой: нет, не закончился. Потому что это вообще-то очень длинный, извилистый, болезненный путь. Необычно болезненный и необычно трудный. Потому что он был по-своему затруднен в ситуации Российской империи по механизмам имперским. Он был по-своему затруднен в советской ситуации, отчасти по сходным, но другим советским механизмам. И в постсоветской России, где, в общем, самое время бы этому процессу по-новому начаться и к чему-то привести. Ну, а к чему привести? К формированию

политической нации. Этот процесс по-новому затруднен той самой двойственной ситуацией ресурсной зависимости, о которой я говорил. Когда нация разделена на две крайне неравные, но по-разному очень активные части. И вот этим двум частям по очень глупо — не по их злой воле, хотя и злой воли тоже достаточно — политэкономическим механизмам не прийти ни к консенсусу, ни к пониманию и даже не начать диалога, который только и может привести к формированию нации. А чем это закончится, так сказать, насколько бурной будет та форма, в которой это закончится, и когда это закончится, я не могу сказать.

Вопрос: Как в рамках вашей теории вы оцениваете опыт Китая? Тоже интересная страна, которая в недавнем прошлом приобрела несколько внутренних колоний, в настоящее время является трудозависимой, в каком-то смысле у нее нет природных ресурсов, и она монополизировала финансовую систему в рамках рыночной экономики. То есть очень интересный вид монополии. Хотелось бы узнать, какие у вас есть мысли насчет Китая?

Александр Эткинд: Спасибо. Я совсем не специалист по этой части. Но, действительно, это очень интересная страна... Я согласен с каждым вашим словом. Действительно, это трудозависимая страна, но в количественном плане там очень много труда, большая часть продуктов труда, которая потребляется в современном мире, приходит оттуда. И тот обмен, который уже формировался какое-то время, но теперь заостряется и углубляется — между Соединенными Штатами и Китаем, — приобретает совсем другие формы обмена между трудозависимой и в большой степени, в нарастающей степени ресурсозависимой страной, какой становится Америка. И, в общем, это довольно интересное развитие. Ни о чем подобном никто не гадал десять лет, да и, думаю, пять лет назад. И какое отношение Россия займет в этом глобальном треугольнике — это, конечно, очень интересно, но не очень понятно.

Вопрос: Во-первых, спасибо за лекцию, а во-вторых, у меня вопрос, который задали вы себе сами. Вы не сформулировали причин, почему, допустим,

элита сырьевого государства может сделать подвиги в сторону либерального, в сторону придания реальности институтам. Ну, вот такая цифра. 95% крупного бизнеса задекларировано, то есть организационно оформлено в Швейцарии или Англии, ибо в России они не надеются на суд. И более 50% сделок крупные и средние фирмы тоже совершаются за рубежом. Если представить, что эта возможность использовать институты либеральных государств будет прикрыта, я уж не говорю про арест активов этих людей, то это станет катастрофой для значительной части элиты. Может быть, это плюс к тому, что невозможность развивать доходный бизнес в России в силу низкой производительности труда, отсутствия гарантий и прочего может привести к взрыву внутри российской элиты? Ваше мнение.

Александр Эткинд: Ну, представьте себе механизмы условно говоря, импортозамещения юрисдикции. Вот как это сделать? Если, как вы говорите со знанием дела, большая часть компаний регистрируется за рубежом просто для того, чтобы с ними справедливо обращались, они доверяют тому суду и не доверяют этому. Что произойдет? Если их там блокируют, не говоря уже, как вы сказали, о конфискации, значит, здесь надо по механизмам импортозамещения создавать справедливый суд, права собственности и все такое, что только и позволит решить эту проблему. Ну да, это хороший проект. Только надо понимать, что вот таким взрывным способом он приведет здесь к обнищанию и одичанию. В Швейцарии и Англии, которые вы упомянули, а также на Кипре и в других местах, где это крутится, это вообще приведет к обвалу рынка и депрессии, потому что рынки так устроены. Если они потеряют 10% разом, то это будет обвал, крушение. Они, конечно, этого не хотят, поэтому они этого и не делают. Но это все мелочи. Что, действительно, надо представить себе, возможно ли на фоне одичания и обнищания здесь каким-то способом из чего-то создать новые институты. В общем, это очень трудно, очень тяжело. То есть, на мой взгляд, это что-то сопоставимое с глобальной социальной катастрофой типа коллективизации — что-то такого масштаба. В общем, я не вижу такого развития.

*Фонд Егора Гайдара. Пятая лекция цикла
«Мировой класс» 30 марта 2016.*

© Текст: Александр Эткинд

Андрей ГРИЦМАН

хроника текущих событий

Мы ведь все уже проходили.
Газеты — плохо выученный урок.
Словно свет небес погасили,
стал не виден обитый нами порог.

Где не раз спотыкались, ломали
кости, надежды, и судьбы тех,
кто лежит в гробу, как в школьном пенале,
взяв на память свой первородный грех.

А ему не до нас. Ждать потопа, Гоморры?
Кто знает плату за идиотизм?
Молчит, задремав, Средиземное море,
закатным оком блеснув на миг.

Что делать? Ответ сгноили. Но все же:
детей не есть, барана разбить,
кровь не хлебать, и тогда забрезжит
на той стороне, где земля родная,
охранная линия береговая,
до которой нам
никогда не доплыть.

* * *

Нахмуришься, пересчитаешь в карманах
мелочь,
стараясь не думать: дел-то сколько.
Ну что, одному тебе стало легче?
Привычная жизнь с привычной болью.

Мир не спасти и не стать моложе.
Но меньше пить и закусывать можно.
Кому-то когда-то недодал по роже,
теперь дотянуться отсюда сложно.

Да имеет ли смысл; кто помер, кто где-то
свое допивает и смотрит в стену.
Туда порой наезжаю летом,
но девушки все уж давно не Лены.
Есть Вари, Оксаны, Глафиры, даже
есть Фиры с крестами, нет отъезжантов.
Впрочем, мотаться туда все реже
охота — на Плешку, да на звон курантов.

По тебе скучаю, сказать по правде.
Хорошо бы ночью без снов проснуться.
Особо тяжело лежать на правом
боку, но не повернуться.
Лежать клубком и глядеть в пространство.

Темно, как до сотворенья света.
Боже правый: ведь это данность
и счастье, что нет ответа, нету.

* * *

И молчание — тоже ответ.
Да и не о чем говорить,
когда словно в пивной галдят,
и когда сознание спит.

Да и некому разбудить.
Декабристов боле нема.
Всяк одет, обут, пьян и сыт,
и забыты простые слова.

Не осталось почти никого.
И дракон уже отпер ад.
А казалось нам, что легко,
возвратиться в цветущий сад.

Лечь в долине меж темных рек,
преломив вместо хлеба кварц.
Что там думает имярек,
отхлебнув после водки квас?

* * *

Там меня пиндосом не назовут.
Потому что это моя земля.
Там по аллеям вьюга гудит.
Там больше некому ждать меня.
Остальное, в основном, покрыто патиной,
Июньским пухом. Порой Салимон,
когда мы гуляем по нашей родине,
покажет родное место, где он
выпивал на бульваре. Там и я бывал.
Там до сих пор следы “Солнцедара”.
Родина — это Ярославский вокзал
и в овощном продавщица Тамара.
Но мне все равно полезен озон,
Сквозная судьба требует гона.
Молчит подо льдом застывший Гудзон.
Такая у нас бывает погода.
Я все это помню: и грязный снег,
Смолистый дух дорожного вара.
Бодегу в Квинсе, в дыму JFK,
родную мою продавщицу Тамару.
Моя земля — это вьюга, судьба,
и ночью, пока не принял таблетку —
бледное фото, где вся семья,
я в майке стою с пионерской меткой.

Матросская тишина

Тишина в больничных дворах.
Тополя и крапива, репейник,
древние вязы.
В эту пору летит сквозь эпохи таинственный
пух
на брусчатку, в окно и на лист,
покрывая отдельные фразы.
Уплывает как облако в бездну страна.
В гробовой тишине — клекот, гуд,
но и звон Новодевичий слышен.
И седой Чаадаев сидит за столом у окна
и грустит по друзьям,
и письмо позабытое пишет.

* * *

Гудериан потрогал усы.
Поправил бинокль на груди.
Заметил снежинку над выжженным полем.
Начало конца — подумал Гудериан.
Снаряд пролетел к невидимой цели.
Генерал развернул крупномасштабный план:
Александров, Вязьма, Химки, Звенигород.
Нависли дожди, и дохнула зима.
По небу плывут смертельные рыбы.
Замерзли в покое достигшие дна.
Застыли поля и леса и озера.
В безнадежном покое на фото Гудериан.
Свет посерел. Зима наступает скоро
в наших краях. На мертвое поле
снежинки летят — безмолвные вести,
слепые агенты ближних и дальних
переименованных стран.

Отчет о поездке

Побывал я недавно в стране ГРУ,
где алеет восток на пустом Москворецком.
Там хожу по проезжей, искушая судьбу.
Что ж в Москве не бывал я в мертвецких?
Были лучшие годы — серебряный спирт,
Жигули, то есть, пиво с прицепом.
Где в больничном листва прошлогодняя
спит,

Via Vitae – пустынным лицеем.
 Я там дома. Там Глеб меня в рюмочной ждет.
 Юлик тонко планирует ужин.
 Салимон на диване, мечтая, лежит.
 Ему только Бунин и нужен.
 Ну а мне-то что нужно? То девушкам знать.
 Украшают пленер тот унылый.
 Если честно – им нечего больше и ждать.
 На перроне судьба их застыла.
 А они все же верят в живую судьбу.
 Понимаю и тоже я верю.
 Помню светлых, им тесно в осинном гробу.
 Запах почвы, пропитанной серой.
 Как и раньше, шеренги на запад идут.
 Край наш скошен полковничьей бритвой.
 Каждый третий ступает по тонкому льду,
 и на свору шипит Лжедмитрий.
 Поучают детей в ожиданьи татар.
 И грозят нам светящейся палкой.
 По сосудам плывет маслянистый товар.
 Хорошо все. Людей только жалко.

* * *

Что мне еще сказать?
 О внешней жизни нечего.
 Куплю вот новую кровать.
 И есть на что.

Там кошке спать, урчать чего-то.
 Наверно недовольна что
 ложусь я пьяный по субботам
 Но я клянусь: теперь учтем.

Вот лифт починят, будет лучше
 наверх возить бутылки, снесь.
 А девушки меня все учат
 как жить, чтобы не умереть.

Но что касается утробной,
 глубинной жизни: там все тож,
 черт знает, что за костью лобной,
 обрывки тем, «в солонке нож».

Сейчас весна, и всё забыть бы.
 Жить аллергией, есть мацу,
 следить за той прозрачной нитью,
 которая ведет к концу.

* * *

«Слово и дело! Слово и дело!»
 Ключьями крик по замерзшей равнине.
 Снова ворота помечены мелом.
 Леший с корягой ждет и поныне.

Все еще звон от монгольского гона.
 Все еще свет от костров поминальных.
 Теплится кровь от тихого Дона.
 Гуд поездов товарных и дальних.

Выдох и вдох на широких равнинах.
 Слышится колокол по перелескам.
 Щерится чаща в дзотах и в минах.
 Но по прилавкам колбасных обрезков,

пива навалом, воблы и сала,
 наглых девиц и бездонного газа.
 А на Днепре им все еще мало!
 Словно гангрена, с Запада лезет
 чумная зараза!
 Мало им было с прошлого раза!

Еле заметен на небе едином
 облик звезды первоначальной.
 Дышим щемящим тающим дымом,
 тихо плывущим от Междуречья
 мимо бесцельно погибших печальных.

* * *

После римских чудовищных игрищ
 Азазель судьбоносный вздремнул.
 Съел на завтрак питательный овощ,
 на экран полнокровный взглянул

Просчитав в перерыве медали
 он холеные рыла собрал.
 Приказал нажимать на педали,
 закрутился смертельный аврал

Море, небо, земля все покрылось
 мокрым, слизистым слоем речей.
 И кивают холеные рыла
 обладателю страшных ключей.

Смертно смотрят из прошлого века
кто коснулся последнего дна.
Пахнет серой, и кровью, и мраком,
и идет небольшая война.

Псагот

Михаилу Моргенштерну

Мастерская на краю пустыни. Темнеет.
Взрывы и грохот арабской мускусной
свадьбы.
Нам здесь втроем хорошо, Мише и мне.
В воздухе запахи гари, судьбы и субботы.
Между Амманом, Рамаллой, мошавом,
каменным морем
Миша наносит полутона и оттенки.

В темных углах полотна мерещится горе.
В этих местах ты в полуметре от бездны.
К ночи за восемь минут остывает пустыня.
Пора бы домой, но удаляемся мимо.
В ветре гортанном послышалось дальше имя
в трех блокпостах по долине
от Иерусалима.

Яма

А. Головкину

Официант поставит кружку деликатно.
По высшему разряду, еле слышно.
А по утру похмелья клин нещадный,
и даже легкий звук — ударом страшным.

Но мрамор столика под кружкой стынет.
Официанта Сашу за фарцу и прочее
из Метрополя в Яму опустили.
Потом без Саши Яма обесточена.

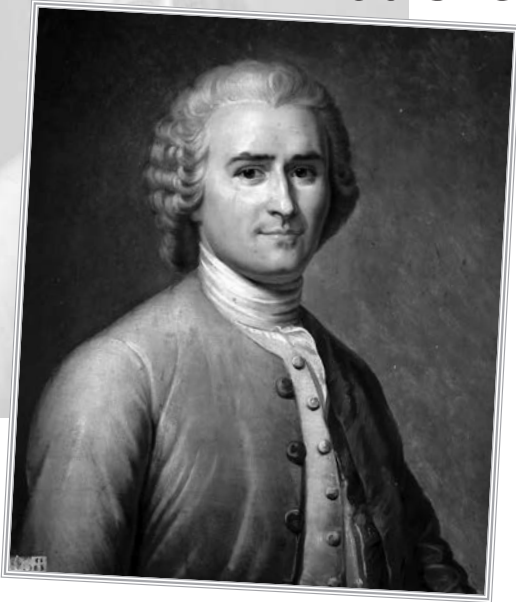
За 20 коп автопоилка пенисто,
затем еще жетон — и кружка полная.
За рубль гардеробщик — за «Московской»
и в наших душах кружка та бездонная.

Актеры роль зубрили, барды плакали,
художники сарделькой в долг обедали.
Из Ямы парни уходили в армию,
туда же возвращались после дембеля.

Прощай Москва пельменная, пивбарная,
и подворотная, подъездная, морозная.
Базарная, дворовая, бульварная,
вокзальная, зенитная, безьямная.
Безьямная, жетонно-телефонная,
родная, трехвокзальная, бездомная.

идеальная баба

Открытое письмо Жан-Жаку Руссо

Уважаемый Жан-Жак! Обычно не принято писать тем, кто пребывает в темноте необязательной памяти, в завалах истории, на дальней полке книжного шкафа — чаще пишут современникам: они могут ответить, от них что-то зависит...

Подождите, сейчас я достану почтовую марку из коллекции, которую собирал еще в школе. Нашел. Вот вы. Очень красивое лицо. У нас с такими правильными и строгими лицами бизнесмены, дипломаты, представители правящей партии. Вот рядом

с вами на одном альбомном листе Чарльз Диккенс, Виктор Гюго, О'Генри, Марк Твен. Эти имена вам ничего не говорят: вы умерли — они еще не родились. Но они тоже «мало знающие» великие люди, их еще двадцатый век не образовал. На этом листе вам могут быть известны лишь Данте, Сервантес, Карло Гольдони и Шекспир. Извините, так получилось, в школе я разложил советские марки — именно так. Вы легли, как на Новодевичьем кладбище, как попало, рядом — палач и жертва. Все на одной странице. Тут все «великие» были у меня, десяти-двенадцатилетнего мальчишки, под присмотром.

Скажу честно, пишу вам, может быть, по чистой случайности. Это письмо можно было бы адресовать Эйнштейну или Гуань Ханьцину, они тоже здесь рядом, хотя почему здесь Эйнштейн, непонятно, он же, как говорится у филателистов, из другой серии. Ну, неважно. Кстати, вчера прочитал в газете, и там

Григорий Владимирович КАКОВКИН — писатель, драматург, журналист, режиссер и сценарист документального кино.

Окончил философский факультет МГУ. Как журналист и публицист работал в ведущих изданиях России: в «Известиях», в «Литературной газете», в журналах «Сельская молодежь», «Открытая политика» и др., на телевидении был ведущим и автором ряда телевизионных программ («Провинция», «Русские горки»). Автор более двадцати документальных фильмов. Публицистические работы и рассказы печатались в России и за рубежом: в Германии, Канаде, Индии. В 2011 году его роман «Мужчины и женщины существуют» был опубликован в журнале «Дружба народов, отдельной книгой вышел в издательстве АСТ. Вошел в лонг-лист литературной премии «Большая книга». Пьеса «Ветер нужен парусам» упомянута в коротком списке Международной премии драматургии для детей и подростков «Маленькая премьера 2011». Живет в Москве. В 2016 г. Напечатал новый роман — «Знак скрепки. Теория и практика расставаний».

написано, что вы, Жан-Жак, оказывается, придумали референдум. Видите, вас вспоминают. Про референдум — я не знал, но подумал: кто нас, русских, о чем и когда спрашивал? Мы, современные люди, ничего не знаем, не читали, чего-то слышали, и всё... Идеи растут сами, они как трава, и мы не знаем — откуда.

Мне тут подарили Большой Энциклопедический словарь, я его раскрыл, полистал — почти никого не знаю. Увидел: «Жан-Жак Руссо, 1712–1778». Вспомнил и подумал, что письма из нашего цивилизованного и одновременно невежественного мира надо писать не потомкам в будущее, они более невежественны будут, чем мы, и не глухим современникам, а в прошлое, то есть — вам, родителям нашего мира. И в голове закрутилось такое! Вот вы двести с лишним лет назад умерли, а мы должны понять, что же произошло за время вашего отсутствия. Только таким образом мы смогли бы понять, что же с нами случилось на самом деле.

Внукам, в их будущее, писать бессмысленно. В таких письмах выходит, что они будут жить лучше нас. И еще очень хочется пообещать и предостеречь. Часто мы, непонятно с чего взяв, начинаем бить себя в грудь: это мы, это мы обеспечили ваше счастье! Выиграли войну, освоили космос и так далее, и так далее, про Родину и государство. А в чем будет внучково счастье, сами не знаем! Бред! Дурачьё мы. Только амбиции лезут.

Думаю, вы были счастливее нас. Хотя мы владем тем, что и объяснить невозможно: интернет, сотовая связь, телевидение, самолеты, ракеты, пластик, но про счастье сказать нечего. Я, вообще, живу в стране, только недавно узнавшей, что она попросту бедная и несчастная. Вот такой секрет раскрылся! Вы были счастливее — точно! Как дважды два! Я тут почитал, что вас и вашего друга Вольтера потрясло, когда в 1755 году океанская волна высотой в десять метров обрушилась на Лиссабон и унесла 35 тысяч жизней. Ну что это за цифра?! Мелочь. Волна — пустяк. В XX веке счет пошел на десятки миллионов, и не волной унесенных, не ураганом, а человеческим разумом, воспаленным и хорошо образованным мозгом. Миллионы уничтожены. А материальное преимущество, техника всякая — это компенсация, побрякушки, которые дали нам, как детям, чтобы мы не заплакали.

И все же, дорогой Жан-Жак, пишу вам не случайно, ибо, как пришлось убедиться на примере собственной жизни, ничего случайного нет. Учителя, женщины, книги приходят совсем не так просто — ими или награждают, или они уводят нас в сторону от собственного пути, отдаляют от себя самого. Вам это известно, ведь вы работали лакеем, домашним учителем в семье Мабли — случай. Потом судьба подсунила вам встречу с Дидро — опять случай. Потом конкурс Академии — случай и скандал. Вы стали — вы. Скандал и сейчас самый верный способ добиться известности — раскрутка называется. И полезла вам в голову вся эта тарабарщина — «общественный договор», «равенство — неравенство», «естественное состояние». Естественное — противоестественное. Подхваченная людьми мысль зажила самостоятельной жизнью, сказанное вами «А» привело к «Б». Мы же ныне, уже в XXI веке, выдыхаем последние буквы этого алфавита. Делаем это заплетаясь языком, из последних сил. Пишу вам именно потому, что где-то там, у вас, в восемнадцатом веке, а может быть, чуть раньше, началось то, что сегодня, я уверен, заканчивается. С вас, французских «разночинцев», с талантливых детей часовщиков, кожевников, врачей, купцов, пошла идея насильственного освобождения человека от тьмы и бедности. Насильственный — значит быстрый. Вы заговорили о просвещении, воспитании, физическом, политическом, имущественном равенстве. Конечно, никакая идея не рождается с нуля — это я понимаю. Вы заговорили о просвещении монархов (Дидро вон целый год перевоспитывал в России, уже после вашей смерти, нашу Екатерину II), а закончили просвещением народа. С вашего разрушительного «плача», как сказал наш первый диссидент и беженец из России Герцен (это после вашей смерти было), как раз всё и началось. Вот вам и «плач Руссо» и «смех Вольтера».

Пишу вам не для того, чтобы что-то утверждать, а для того, чтобы усомниться. Усомниться и ощутить, наконец, твердую почву под ногами. Я чувствую, будто ныряю в холодную воду и пытаюсь достать дно. Почтовая марка в моем альбоме лежит давно. Я в детстве, наверное, предчувствовал в вас

адресата. Помню, заглядывал вам в глаза и по-детски наивно подсмеивался над вашим париком, думал: вот дураки-то — парики носили.

И потому пишу вам, Жан-Жак, а не Марксу или стоящему на голове Гегелю, не Фрейдю и Юнгу или Фукуяме, а именно вам, в конце концов, это же вы первый крикнули: «Начнем сначала!» Вы! Я не понимаю, дорогой Жан-Жак, и говорю без всякого осуждения и злобы: как вы могли прийти к этой мути, если сами набрались ума в аристократических гостиных и библиотеках! Какая гордыня, какое себялюбие, которые вы осуждали в людях, были у вас самого?! Вы сами начались как мыслитель недавно, ваш отец мог только крутить колесики часовых механизмов в Женеве, а вы всем рекомендовали свой укороченный путь. Боком нам вышла потом эта короткая, все перечеркивавшая тропинка! Так вы давили в себе чувства глубокого провинциала, переехавшего в Париж, так вы превращались из лакея в идеолога новой жизни, новых отношений, нового искусства и науки. Потом этот путь из «лакеев в идеологи» пройдут сотни маленьких и больших тиранов.

Неужели было непонятно, что ничего принципиально нового не существует и из «старых» людей новой жизни не получится? Да и к чему эти иллюзорные весы «старое — новое»? Почти двести тридцать лет, что мы прожили в ваше отсутствие, убедили, наверное, уже всех, что нового нет, что ничего бессмысленного и ненужного, подлежащего уничтожению, в природе и обществе нет, не существует. В Китае — этого вы не знаете — пытались уничтожить воробьев, решив тем самым накормить народ, ведь маленькая серая птичка съедала определенное количество зерен риса, которые предназначались китайцу. И что? Воробьев потом стали завозить из-за границы — оказалось, что и без них невозможно. Сейчас об этой истории знают все, но почему-то думают, что это касается только воробьев, а не людей.

А у нас в России? Разве есть в обществе что-то более бессмысленное? Вот вы горланили за религию без церкви и обрядов — одни только моральные обязанности и гражданское чувство, так сказать, религия для человека. Потом у нас будет писатель, тоже из самоучек, который скажет слова, позже расклеенные по заборам: «Человек — это звучит гордо». Он заговорил о Человеке с большой буквы. Маленькой уже не хватало. И мы поверили в человека, в его силы. Культ человека довели до абсолюта, разрушив все храмы, покончив с религией и таинствами так же, как китайцы расправились со своими китайскими воробьями. И что? А ничего, Жан-Жак! Человек звучит гордо, а живет серо. Убого. Сегодня у нас снова храмы, но в них мало проку. Ровным счетом ничего! Сегодня у нас есть теория человека, его права, его охраняемая частная жизнь, а самого человека, нормального, живого человека нет. Откуда его теперь завезешь, он не воробей.

Мы поступили, как вы хотели, начали сначала. Закрыли глаза на всю предыдущую жизнь и поставили там, где стоял «1917», — ноль, чтобы лучше ощущать «наше неумолимое движение вперед», «историю» и «предысторию». Из предшествующего мы оставили только то, что напоминало наши же лозунги, а от всей практической истории — ощущение «мерзостей свинцовой действительности»: «эксплуатация и классовая борьба». Из истории мысли мы оставили только вас и таких, как вы, не забывая упомянуть, что где-то вы «реакционны», где-то оторваны от «широких народных масс». То, что нам не подходило, мы называли вульгарным или идеалистическим. Но сегодня я хватаюсь за голову и беззвучно кричу: разве «начнем сначала» — это не есть самый-самый отвратительный идеализм, и в старом значении слова — совершенно умозрительная идея, и в новом, ибо реальности за этим не стоит никакой. Мы в результате оказались, как ваш любимый герой Робинзон Крузо, одни. Нам самим все надо было придумывать, и мы напрягали свой худосочный, истерзаный бытом мозг, искали слова, потели, но придуманное оказывалось хуже существующего. Сознаться в этом — значит усомниться в вашей теории «начнем сначала». Да и небезопасно было. И мы молчали, изобретая свою справедливость, свои законы, свою правду, своего человека, свои ракеты, свои машины. Сначала так сначала! Нам почему-то тогда казалось зазорным жить как все. Эх, Жак-Жак, теперь у нас новая метла, но как похожа на старую!

Какая тяжесть у этого ужасного невесомого ноля! Мы жонглировали словами и радовались, как дети, иезуитским придумкам власти, и вдруг, сначала через народное роптание, через анекдоты, за которые вдруг перестали сажать, мы стали понимать, что все наоборот. У нас все, в действительности, старое, серое, беспомощное, а у них все старое выглядит как новое, блестит, работает, приносит деньги. Вот так, Жан-Жак, все и получилось. У них храм работает, а у нашего, сломанного и восстановленного, только двери открыты...

Не материальный мир меня беспокоит, черт с ними, с их деньгами и машинами, со всем тем, что мы «сначала делаем» и никак сделать не можем. Наивный, себялюбивый, настырный Жан-Жак, несчастье не в этом: гражданская религия по вашему образцу привела к такому человеку, что первая буква, не то что большая, маленькую не поставишь — «еловек» и только. Воруют, врут все! И работу выбирают так: если есть что тащить — устраиваются, а если нет, тогда ищут, где украсть после работы. Оборотни в погонах и без погон! Строили будущее, мечтали о светлом завтра, а людей, уже не народ, — интересует только сытое сегодня.

И я думаю, дорогой Жан-Жак, не тот ли это человек, воспитанный по вашей методе, в изоляции от «дурного общества», где книги не дают до четырнадцати лет и держат, как вы писали, «вдали от микроскопа и телескопа», не тот ли человек стал у нас господином? Не это ли есть «естественное состояние», о котором вы говорили, не есть ли это обратная сторона такого необходимого вам равенства?

Понятно, у вас все было из лучших побуждений. Но где та грань, которую переходит философствующий, грань — от живого мышления к мертвому, выстилающему дорогу в ад? Где от изящества стиля и некоторой замечательной необязательности он переходит к всезнайству, к жестким безапелляционным формулам, а затем к жесткой руке и даже обязательности «отстрела» не только воробьев.

Расскажу вам про моего деда.

История короткая. Он, мой замечательный дед, простой, слезливый человек. Простой. Но пять раз женился! Пять раз все начинал сначала, с нуля. Все искал ее — идеальную бабу. Первая жена, фотографии ее не сохранилось, была из соседней деревни, как вы уже догадались, Жан-Жак, я не из аристократов, даже настоящая моя фамилия Простаков. Кому понравится такая фамилия? Мой дед с этой фамилией лежит под могильной плитой, а отец переделал ее уже в восемнадцать лет, когда паспорт получал. И теперь я, догадайтесь — Просвещенов Андрей Иванович. Несколько букв: «...таков» на «...вещенов», а совсем другое дело. Иногда только за мою фамилию меня на работу брали. Когда я дорос до начальника и кабинета, сам видел, как люди шли по коридору и у моей двери притормаживали — табличку читали. А я знал, что дед мой — Простаков. Сравните: Просвещенов и Простаков. Что звонче?

Даже моя жена только через двадцать лет узнала правду. Но я с возрастом стал понимать дедову фамилию иначе. Ведь что она означает? Просто таков, просто такой, какой есть.

Но я отвлекся — про деда моего «ходока». Так про него говорили в семье. Пять жен. Всех пережил. Может, и не надо было мысли, рассуждения мои мешать с рассказами про родственников, коротко не получается. Но в чем суть: он верил в идеальную женщину. Когда мне было лет шестнадцать, он уже старенький совсем был и жил на даче. Там широкая скамья перед домом была, из толстого некрашеного дерева, и он часто на ней сидел: повозится недолго в саду и сядет, смотрит, как птицы порхают, как листва шумит и опадает, как я с друзьями веселюсь по молодости. И вот, помню, иду я по тропинке к скамейке, на которой он сидит, а он вдруг как заплачет. Да чуть ли не навзрыд. Я — «что»? «как»? А дед мой Простаков: «Хороший ты у меня, внучок, любимый, но найдешь ли ты, Андрюшка, идеальную бабу, вот почему плачу. Без нее — нету счастья тебе и не будет». Я говорю — какая еще баба идеальная, мне про баб думать рано, мне учиться надо. «Не понимаешь сейчас — поймешь потом» — и слезы у него еще больше наворачиваются, и дальше он говорить уже не может. Я его, конечно, успокаивал, говорил, что найду, а он мне говорит, что так и не нашел. Всех пятерых любил и каждый раз верил, что вот «она», но прожил не так, не с теми. Правда, была одна встреча на зоне, в 1937 или 1938 году. Он сказал про нее — «царица».

Вам, Жан-Жак, про тридцать седьмой рассказывать не буду, там вышло, как вы и хотели. Цитирую вас, Жан-Жак, ибо лучше не скажешь. Может, здесь еще нет той чеканной жесткости, которой мы достигли, все-таки на дворе, когда вы это писали, был восемнадцатый век:

«Не имея возможности принуждать кого-нибудь верить в установленные им догматы, государство может изгнать из своих пределов всякого, кто в них не верит; оно может его изгнать не как нечестивца, а как человека необщественного, как гражданина, неспособного любить откровенно законы и справедливость и неспособного также принести в жертву, в случае надобности, свою жизнь своему долгу. Если же кто-нибудь, признав публично эти догматы, ведет себя как неверующий в них, то он должен быть наказан смертью, он совершил величайшее преступление: он солгал перед законами».

Перед законами, которые вы придумали, товарищ Руссо, ведь так? Но чтобы не оправдываться и не растолковывать, вы добавляете: «Догматы гражданской религии должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без объяснений и комментариев». Коротко, сжато, звучит, как выстрел. За мягким словом «договор», а вы его еще смягчали словом «общественный», возникало другое словосочетание, пришедшее у нас в стране по вкусу, — «враг народа». Вот дедова «царица» была именно им — врагом.

Дело было на Колыме, вам тоже объяснять про нее нет смысла — во Франции ни тогда, ни теперь, я думаю, таких примечательных мест нет. Она была балерина из Большого театра — вы могли о нем слышать как об Императорском. Как звали «царицу», он мне сказал, но я не запомнил, дед говорил, что она была очень сильная и физически, и характером. Я представляю так: жилистая, худая, стройная, глаза огромные. Уверен, она была очень красивая, но не в этом дело.

У них в лагере для врагов народа чуть ли не весь Большой театр сидел, и на праздники во славу нашего общественного договора, в дни установления ваших справедливых законов, заключенным приказывали праздновать — концерты устраивали. И какой-нибудь певец, на которого раньше очередь с километр стояла, чтобы купить билет в Большой и послушать, хоть с пятого яруса, теперь пел бесплатно для таких же, как он, и для тюремного начальства. Мой дед, Григорий Простаков, был в лагере, слава Богу, вольнонаемный, то есть по хозяйственной части, он был автомехаником, первоклассно в машинах разбирался. Уже когда я родился и мой отец купил машину — он по звуку все определял, говорил: «отверни там, смотри туда, там то и то-то».

Коротко не получается рассказать, а ведь просто хотел для примера. Но у вас, Жан-Жак, время есть, делать нечего, читайте, да и я на пенсии.

После таких концертов надзиратели ели слезы сдерживали — плакать-то или хлопать было нельзя, только заключенные могли, а им, если они врагам заплодируют — тут же в строй — лес валить для великого народа и всеобщего счастья. В таком никто не нуждался — счастье-то коллективным не бывает. Это очень просто, но вы этого не поняли, Жан-Жак. Так вот, концерт всегда заканчивался ярким и дерзким выступлением «царицы». Певцам волей-неволей приходилось согласовывать с лагерным начальством тексты, что они будут петь, а балет — искусство тонкое, цензуре не поддающееся.

Скрипач-виртуоз, тоже из лагерных сидельцев, играл на баяне, потому что других инструментов не было, а «царица» выходила на сцену. Она, рассказывал дед, из мешковины делала костюм, украшала его чем придется — ветками, полевыми цветами, рябиной, багульником — и танцевала. Эти выступления он запомнил на всю жизнь. Танцевала она всегда по-разному, но одно и то же: будто она плененная птица и рвется на свободу из клетки. Дед не умел рассказывать, но мне легко это представлялось.

Темный, барачный клуб, грязные люди в телогрейках с номерами, седой еврей баянист достает всю душу из инструмента — и плененная солистка балета Большого театра на пространстве небольшой скрипучей сцены, под плакатом «Слава великому Октябрю», напряженная, прямая и стройная. Он говорил, что после ее танца наступала жуткая, мертвая тишина, прерываемая только лаем собак за окнами. Никто не мог руки поднять — в неволе не заплодируешь. Зэки и лагерное начальство уравнива-

лись. Она по-балетному раскланивалась, а в клубе ни звука, ни шороха, видимо, потому, что границы клетки были разные, но всё — клетка, Колыма, мороз. Часто от слов зависела жизнь, но никто не смел сказать, посягнуть доносом на смысл танца. Горько было всем — многие конвоиры и вольнонаемные понимали, что они взаперти, за кусок хлеба, а про арестантов и говорить нечего. Вечером, после праздника, лагерное начальство запивало. Дед говорил: много пили. Пили и не хмелели. И однажды, в начале мая, после такого концерта дед подошел к «царице», отдал ей кусок хлеба, соленый огурец, немного масла и сказал:

— Что для тебя, царица, можно сделать?

Она задумалась, посмотрела на деда как на поклонника, как на мужчину и сказала:

— Когда будет тепло, покатайте меня на машине.

— Это же нескоро, — сказал мой дед.

— Ничего, я подожду.

И они стали ждать. Каждый день ему хотелось, чтобы быстрее пришло тепло, снег растаял, он уже придумал, как вывести «царицу» из лагеря и проехаться по колымской трассе. Он встречал ее на зоне, и она какой-то легкой балетной пластикой напоминала ему про автомобиль, на котором они скоро будут кататься. Обоюдное ожидание сухой дороги, солнца, теплого дня уже можно было называть любовью. Мужчина и женщина. Ему снилась она, как они едут. Дед рассказывал, что подкрасил машину, и внутри все подготовил, чехлы из половиков придумал, скопил и спрятал горючее, грузовичок был готов хоть к параду на Красной площади, но лето никак не наступало.

Вам хочется подробностей, Жан-Жак, но зачем? Мне известно ваше отношение к искусству и науке. Вы, конечно, помните, что за шум поднялся, когда вы предложили на конкурс в Академии свою работу «Рассуждения о науках и искусствах». Все, наверное, думали, переворачивая титульный лист, что вы будете доказывать благотворность влияния искусства и науки на людей, как они способствуют развитию государств и народов, а вы ошарашили: искусство — развращает, наука — уводит от естества. Театр — вообще зло. Мне приходит на ум, что среди вашего брата «начинателей сначала» очень много было неудачных литераторов или людей, вообще в чем-либо ущербных. И еще, если бы вас больше любили женщины — история, я думаю, не была бы столь кровавой.

Но я отвлекаюсь и от истории про деда, и от того, что хотел вам написать.

Какие же вы нашли тогда доказательства? «Наши души развращались по мере того, как совершенствовались науки и искусства, — писали вы. — Взгляните на Египет. В этой стране родилась философия и изящные искусства, и вскоре после этого она была завоевана. Посмотрите на Грецию. Нарождающаяся письменность еще не внесла порчи в сердца обитателей этой страны, но вскоре за нею последовали успехи искусств, разложение нравов, македонское иго, и Греция — всегда ученая, всегда изнеженная и всегда поработанная — отныне стала только менять своих повелителей. Все красноречие Демосфена не в состоянии было вдохнуть свежие силы в общество, расслабленное роскошью и искусством».

Крепкое доказательство, ничего не скажешь. Могу только добавить: еще до обнуления нашей российской истории у нас тоже такой был расцвет искусства, литературы. Нынче, могу заметить, наши науки в страшном состоянии — одно название; искусства чахнут, но и страна в тяжелейшем состоянии, будущее ее неизвестно.

Они дождались. Дед мой выехал из лагеря ранним утром, сердце его пело. Машина была отлажена и сияла, как и он сам. Он все продумал и обо всем договорился, ведь у любых догматов есть небольшие исключения. В кабину посадил «царицу» и конвоира. Отъехав от лагеря пару километров, высадил конвоира, молодого парня, показав, в какой избе его напоят и приласкают. А они с «царицей» поехали кататься.

Пустая грунтовая дорога, чуть подсохшая. Машин тогда не было, и это путешествие почти как «camel-traffic». Колыма, 37-й или 38-й год. Нетеплое, но яркое солнце, сопки, валуны, устремленные к небу ели. Они остановились. Это была свобода, но бежать отсюда просто невозможно, некуда.

Я не знаю, может, было между ними что-то и до этого, не знаю, думаю, не могло не быть, но мой дед был так воспитан, что не мог бы об этом рассказать. Он только говорил, что она для него танцевала, и танец этот он запомнил на всю жизнь. Царица сорвала несколько желтых цветков, это были одуванчики, или иван-чай, дед говорил желтые, и все, воткнула себе в волосы, сбросила телогрейку и стала летать. Это был новый, свободный танец. Не было музыки, но дед ее слышал. Как может человек наслаждаться свободой, чувствовать ее каждой клеткой — тут и слов не надо, это понятно. Она танцевала свободу, то, чего ни у нее, да и у деда, хотя он был вольный вроде человек, не было. Как она выглядит, эта свобода? Потеряешь — узнаешь.

Под вечернюю переключку мой дед привез ее к лагерю, забрав пьяного и довольного конвоира по дороге, который тут же и заснул в кабине. Ворота зоны были закрыты, и как он ни сигнализировал из грузовика — никто не открывал. Тогда дед велел «царице» ждать возле машины, а сам пошел искать часового с ключами. Он говорит, что минут десять — пятнадцать его не было, а когда уже шел с ключами к воротам, то услышал выстрел. Оказывается, вертухай на вышке очнулся, увидел внизу одинокого зэка, который садится в машину, и недолго думая выстрелил. И все.

Дед, говоря о своих женах, думал, что только с ней он мог бы быть счастлив, она была идеальная женщина — умная, красивая, с душой. И мне он говорил, чтоб я отыскал в своей жизни такую же.

Не могу, Жан-Жак, сказать, что у меня это получилось.

Мои скромные две попытки скорее расфокусировали эту тему в моей личной жизни. Теперь, кажется, такой идеальной бабы даже на один день, и то не было. Но я, по-детски, думаю о счастье, из чего оно получается, как приходит, сводится ли оно к «идеальной бабе», «идеальному мужику», к детям, работе, к стране проживания? Обо всем не скажешь, Жан-Жак. Но вы нам так навредили, черт вас подери, и в этом вопросе тоже. Вы придумали, чтобы «каждый из нас отдал свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли». Но могу вам сказать, Жан-Жак, что общая воля — это миф. Просто миф. Моего счастья из этого не вышло. Умер дед, умру и я. Счастье, как дикую утку, будто подстреливают на взлете. Какой-то пьяный обалдуй — бах, и всё.

Часто и не поймешь, откуда стреляли! А всеобщее счастье — это вообще лицемерие. Мы это узнали на себе. Да, слишком поздно.

Теперь я, да и многие знаем негативную сторону социальных изобретений, знаем гигантские размеры преступлений, совершенных под флагом счастливого переустройства, борьбы с неравенством и бедностью. Но мне, дорогой Жан-Жак, иногда кажутся нелепыми все без исключения слова, произнесенные человечеством. Свобода существует только как глоток, как исчезающий вкус женщины, которую вы любили, а теперь она ушла от вас навсегда, и ты остался один, мечтающий об идеальной бабе. Вообще, всё нам дается только так, чтоб пригубить. И никогда не дают наесться досыта счастьем, наесться любовью, и все конструкции на эту тему — пустое. Естественное или противоестественное? Кому жаловаться, дорогой Жан-Жак, кому?! Мелькнула в жизни идеальная баба, послала воздушный поцелуй, махнула платком, повела взглядом, обняла, на мгновение стала твоей и исчезла. Все — живи! Отпил, отглотнул, почувствовал — и хватит. Куда со всей этой очевидностью деться?

Мне вдруг пришел в голову образ, способный вам, Жан-Жак, объяснить то состояние, в котором мы оказались. Представьте, что в одно прекрасное утро священник вышел к литургии, а Библии на положенном месте нет. Стали искать — ее нет и во всем приходе. Спросили у прихожан, а у них тоже нет — исчезла, напрочь исчезла. Стали нести службу по памяти, но каждый помнит свое. Хотели написать снова, но возможно ли? Вот и мы сейчас в таком состоянии. Шли в одну сторону — развернулись, пошли в другую. Любви больше не стало.

И все-таки, почему пишу именно вам? Здесь отчасти разгадка: сегодня вы становитесь историей, только сегодня, а не тогда, в 1778 году, когда в нищете и непонимании умерли. Только сегодня вы становитесь историей, такой же далекой, как Рим и Греция или Египет с фараонами. Почему? С какой стати? Я чувствую, как ваши останки, которые из Пантеона снова после Великой французской рево-

люции вернулись в Женеву, пришли в движение: да, сегодня время ваших исторических похорон, ибо ваше любимое слово «революция» из торжественных перешло в бранное. Теперь, когда мне предлагают ваш «замечательный товар», я спрашиваю: а сколько это будет стоить, сколько положим «идеальных баб» на это дело? Спрашиваю только из любопытства и по привычке, так как не хочу отдать ни одной жизни за ваш залежалый и всегда дорогой товар. Я теперь — Просвещенный! Что менять, если «штатное расписание» любой страны утверждено свыше. Какая разница, кто присваивает, «хозяин» или «слуга народа». Присваивает или ворует? Я думаю о «зачинателях сначала» с болью и страхом, ведь мы люди, самые обыкновенные, принуждены отвечать совсем не на свои вопросы...

Я не просто переворачиваю страницу альбома с марками, где вы теперь. На полку надо положить целый том исторических поисков и начать, упаси Боже, не сначала, а с любви. Вы оперировали пустотой с удивительным звоном. А нам надо заткнуть уши покрепче и думать только про своих баб, а бабам про мужиков. Привязать себя, наподобие того, как это делал известный вам Одиссей, но не дать обворовать себя словами, смысл которых не ясен.

Вы писали о воспитании народа, но с какой стати взяли на себя эту ношу? Логически рассуждая, вы и есть часть народа и не можете быть умнее, честнее, совестливее, да просто хоть в чем-то лучше его самого. Да, в этом убийственное противоречие между мыслителем и безликой массой, личная драма, если хотите, каждого, кто составляет слова. Он как бы думает о судьбе народа, за народ, он пограмотнее, помудрее, но как только начинает воспитывать народ, определять, как ему жить, он из мыслителя превращается в кусок мыла, которое прикладывают ко всем местам. Вы проклинали тиранию, основанную на имущественном неравенстве, но породили другой вид тирании, более страшный, как показала наша жизнь, — тиранию духовную. А народ, на самом деле, означает обыкновенную совокупность, как слова «мебель» или «одежда»; народ для вас, как это ни обидно, Жан-Жак, стал большой пустой стеклянной банкой, в которой можно законсервировать собственные комплексы. Как только вы взяли на себя право определять, что «народ развращает», а что «способствует его развитию», вы просто украли у меня право решать, какой посильный груз мне самому надо нести, как и где искать свое счастье.

И пишу вам потому, Жан-Жак, сегодня я не за Город Солнца, а просто — за солнце, его тепло, за обычную нормальную жизнь, где «теории» не дают обильных всходов. Согласитесь, Жан-Жак, ваши жизненные скитания, бездомность — совсем не рецепт. Я пришел к мысли, что народы живут и делаются лучше по мере того, как им лучше живется. Когда вдруг возникают вопросы, как жить дальше, какие определить для себя законы, надо поступать очень просто — по-соседски смотреть, как живут те, у кого всё более или менее благополучно, и делать так, как делают они. Других социальных теорий нет.

Вот так, дорогой Жан-Жак, я прощаюсь с вами — я тут библиотеку разбираю, честно сказать, и извлекаюсь от некоторых книг — проще говоря, ставить некуда, так что извините: на выброс. Не вижу того дня, когда мне вы понадобятся. Ей-богу, так надоело жить в ощущении начала, и так хочется нормального, простого, добротного — танца для одного тебя на колымской дороге.

Но не поймите меня так, Жан-Жак, что я вычеркиваю вас из истории — это означало бы на другой манер «начать сначала». Я — может быть, вы это уловили — исповедую одно: всякий нужен и необходим, «по штату полагается» — лицедей, пьяница, вор, философ, блаженный, подвижник, хозяин, гэбэшник и такой, как вы. Изведешь одного — и все порушится. Еще раз прощаюсь, не обижайтесь — в помойку, на выброс, не для личного пользования. Я понимаю: не вы расстреляли «царицу», но место в библиотеке надо освобождать. Нельзя же все хранить.

Ответа не жду. Жду, что с нами со всеми теперь будет.

С уважением и без, Андрей Просвещенный, по паспорту. Точнее и правильнее — Простаков.

Может быть, и написал вам это письмо потому только, что на самом деле не Просвещенный, а Простаков — просто таков. Таков, какой есть. Вот разберу стеллаж и пойду к своей неидеальной бабе в спальню. А что делать?

Николай КЛИМОНТОВИЧ

“та сторона”

Короткий роман

Николай Климонтович, замечательный писатель, близкий друг и автор нашего журнала прислал эту рукопись в редакцию незадолго до своей смерти. Вот подошла и ее очередь...

В. Ярошенко

...постой, нам не туда, нам в ту сторону...

из разговора на прогулке

На судьбу не найти укорота, она вертит нами, застилает глаза, кружит, путает, коловратит. И мы вынуждены считаться с ее причудами, будто она наша одинокая больная тетка. То в милых гостях встречаешь неприятного тебе человека, с которым заклился видеться. То замечаешь вдруг на эскалаторе парижского метро знакомую девицу, соученицу по театральному училищу, которую в Москве не встречал уж десяток лет: она вниз, ты вверх, и как ни в чем не бывало, без оттенка удивления, машешь ей рукой. Или вдруг случайная соседка по пансиону в Черногории, в морском ресторанчике *Перун и Ужица* за столом с креветками, мидиями или кальмарами, все местного утреннего улова, оказывается сотрудницей твоего приятеля школьных лет, сделавшегося профессором-психоневрологом, Гриши Варенца.

Нечто подобное в тот раз случилось и с Антипом.

Однажды в июне он из-под палки приехал на дедову дачу, — (кооператив РАНИТ работников науки и техники, так расшифровывается). Это была древняя дача с множеством бесполезных помещений, коридоров, чуланчиков, каморок, балкончиков, чердачков. В закутах этих сохранились лишь самые долговечные вещи: чей-то ножной протез с ампутированной деревянной стопой, детская ванночка

из авиационного алюминия, две скалки, ворох кастрюль и старых сковород, китайский термос, раненный в бок как раз на месте пагоды, дамские ботинки с полым резиновым каблучком (надевать поверх театральных туфель) и три валенка с одной калошей, на этой даче Антипа передержали в детстве. И теперь даже десятилетия не сменяемые *веселенькие* занавески на веранде внушали ему чувство тоскливого отвращения.

Посидев за столом для приличия, нежели высматривать в саду *прячущиеся малиновые сливы* и слушать вызывающий душевное изнеможение лепет соседских пенсионерок, дачных материнских товаров, Антип сбежал в ближний лесок, по детской памяти — *по грибы*. Хотя никаких грибов здесь, конечно, давным-давно не было, одни бутылки из-под дешевой водки и пепси-колы да использованные презервативы. Но, как это ни невероятно, прямо на опушке он встретил *ее*.

Она была в голубеньком *веселеньком* сарафане в мелкий белый горох, улыбка не изменилась, с маленькой плетеной корзиночкой и в красной панамке, пастушка с трофейного немецкого гобелена, тоже, верно, шла на поиск давно повыведшихся здесь грибов. И фигура почти та же. И те же смуглые плечи. Вот только раздалась икры. Встретил *ее*, тоже давно не виданную, свою первую детскую любовь Таню Скокову. Да, безо всякого сомнения то была она. И встреча, вернее — ее неожиданность, ее мистическая невозможность, потрясла Антипа, хотя он уж давно утратил былую впечатлительность.

Она тоже его узнала. И громко сказала: *братюшки!* И добавила: *вот те на!* И всплеснула руками: *ну надо же!* И еще нелепее: *а ты-то здесь откуда?* Этими замечаниями исчерпался запас *ее* красноречия. *Хорошенький сарафанчик*, — только и нашелся промямлить Антип в полной растерянности.

— Правда, ведь? На станции купила по дешевке, — сообщила она простодушно-будничным тоном — словно виделись в последний раз только вчера. Что ж, она никогда не была модницей, интеллигентское воспитание...

Тогда во дворе у мальчишек *это* называлось — девочку *тискать*, или *зажимать*, или *щупать*. Или грубее, что, как правило, и звучит точнее: *лапать*. Антип свою ненаглядную, рано созревшую Танюшу никак не лапал и не щупал, но — ласкал. И переписывал для нее есенинские строки:

*Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня...
Им было тогда по двенадцати лет.*

Чудесная эта встреча в бывшем некогда грибном леске состоялась летом того красного года, когда олимпийский факел, выполненный из легкого тугоплавкого материала на Сибирском горно-обогательном алюминиевом комбинате, затерялся где-то в пермских снегах. Почти тут же из продажи исчезли прибалтийские шпроты (исчезли, должно быть, уже безвозвратно), и на нашем веку нам больше не удастся выловить в солнечном масле податливую ломкую, лакомую черепахового цвета рыбку, с которой того и гляди упадет на скатерть или прямо на штаны жирная капля. В России стал бестселлером последний роман о Гарри Поттере, который подрос и поменял пол. Империя гибла на наших глазах, и даже те, кто еще недавно торопили ее крушение, украдкой смахивали набежавшие слезы ностальгии. Всё перепуталось на родине, и поздно стало читать Ключевского.

В Америке об эту пору изобрели машину, за три дня перегоняющую обычную воду в калифорнийское красное — фокус, конечно, не новый, но все равно мило, не правда ли? Тогда же отличился Мури시오, на первой же минуте перебросивший мяч через Митрюшкина. Вышли думские запреты на кружевное дамское белье и на конкурсы красоты в общеобразовательных школах. А также на пропаганду гомосексуализма среди малолетних, на минет и на возведение в Москве новых минаретов. Поступило также депутатское воззвание к мужской части населения отныне ссать только

стоя. Да, широк и непредсказуем круг интересов народных избранников, слаженно и дружно работает машина, у них там, должно быть, общественный совет из представителей разных слоев и сословий по выработке всё новых запретительных указов.

На вечно враждебном Западе провели смотр самых уродливых мировых монументов, победило изваяние, посвященное защитникам Брестской крепости, где центральное лицо корчится, будто тужась от запора. В России поднялся возмущенный вой, ибо в сознании примитивных народов свойства близких предметов переходят одно на другое, и в данном случае смысл памятника перепутался с его художественным исполнением, впрочем, здешней общественности было понятно — такое решение враждебных всяческой красоте зарубежных экспертов могло быть принято из одной зависти. В довершение всего к негодованию отечественной публики, не знающей термина *инбридинг*, в датском зоопарке прилюдно зарезали жирафа, не найдя ему подходящей пары, и скормили мясо тиграм. Или леопардам, это в новостях не уточнялось. Прогоревшие отечественные банки не давали больше семисот тысяч рублей в одни руки. В Думе вдобавок к дамским интимным кружевам запретили букву *И*. Нет, как ни выбирай Думу, хоть мажоритарно, хоть по партийным спискам, всё одно окажутся отобраны одни *думаки*...

Взаимные недовольства Запада и России закончились введением друг против друга всяческих санкций. Для Антипа, нынче близкого вегетарианству, самым чувствительным стал овощной удар. Ибо вышел запрет на ввоз и продажу плодов местных полей и иноземных огородов, и не увидеть больше на нашем кратком веку

ни капусты
отборных кочанов простой и цветной и брюссельской
ни капусты кольраби
ни ворохов шпината
ни пучков укропа или кудрявой петрушки
ни краснolistого кориандра
называемого еще по-грузински кинза
ни корня имбиря
ни икры кабачковой и баклажанной
ни стеблей и корней сельдерея
ни консервированных ананасов тайских
ни рангунских бобов
ни фасоли отечественной в импортном томате
ни помидоров круглых и продолговатых
ни персиков ни абрикосов
ни даже нектаринов
ни фиг и инжира
ни брюквы
ни винограда такого и сякого
ни дамских пальчиков
ни изабеллы
ни кишмиша, сказуемого изюм
ни ниток грибов белых и черных
ни маслят маринованных
ни груздей соленых
ни кабачков с патисонами
ни тыкв оранжевых хэллуинских
ни репы

ни вики с чечевикою
 ни ячменя
 ни овса
 ни ровных и отмытых клубней картошки польской
 ни с радужным отливом луковиц, с их перлов земли
 ни красных зеленых белых желтых смуглых розовых сладких кислых покрытых пушком яблук
 ни даже китайки
 ни рябины ни бузины в огороде
 ни киевского торта с вишневым повидлом
 ни сыров рокфора с пармезаном
 ни ванночек земляники садовой
 ни крыжовника сочного и мохнатого
 ни малины прямо с куста...
 ни смородины черной, желтой и красной бактерицидной,--
 ничего из этого — nevermore.

Антип вспомнил, столь же неожиданно, как произошла эта дивная лесная встреча, вдруг выскочившую цитату, удивляясь тому, сколько же книжных опилок скопилось у него в голове:

В тени деревьев над ручьем
 Свой мадригал нам птицы пели,
 Когда с тобою мы вдвоем
 У вавилонских рек сидели!

Откуда это взялось, он точно не смог бы сказать, что-то от англичан.

Впрочем, объяснилось чудо этой встречи на удивление просто: Танюша приехала в их дачный поселок навестить внука, так как теща ее сына имела здесь дачу с незапамятных времен, тоже с конца тридцатых, и наверняка была хорошо знакома с матерью Антипа.

Каждый нашел по своей сыроежке.

У Танюши, как выяснилось, было техническое образование, которое она получила, можно сказать, тайком от Антипа, пока он, забыв свою раннюю любовь, обучался в училище на актера. Она закончила какой-то, что ли, МИИТ, и в грибах не понимала. Антип же, мужавший на дедовой даче, старый фунговед и заядлый грибоед, доступно объяснил, что сыроежка — гриб пластинчатый. Тут же сказал, что не может скрыть от нее: есть еще грибы трубчатые, хороши в виде маринованном. Тогда как пластинчатые, грузди там или рыжики, лучше солить. Танюша внимала — Антип и в детстве в их паре по умолчанию считался умнее ее. Но особенно хороши, продолжал Антип, цари сковородных грибов шампиньоны, они растут подчас рядом с домами на навозных кучах — в лес ходить не надо. Определить их просто — по нежной пленочке...

— А белые? — робко спросила Танюша. — Белые ведь тоже считаются...

— Сушить, — отрезал Антип. И продолжил свои наставления: — Однако если уж пошел в лес, нужно хорошенько помнить и знать назубок, что есть и ядовитые грибы, представляющие для человека смертельную опасность. Особенно здесь надо выделить ложные опята, бледную поганку, мухоморы пантерные и красные, к неопытным грибникам они иногда забираются в корзины. И всё, как! семейка поела грибного мухоморного или поганого супчика и тут же на глазах погибла в ужасных мучениях во всех поколениях...

С удовлетворением заметил он испуг в Таниных по-старинному прекрасных темных глазах и сообщил успокоительно: *бывают еще и лапчатые грибы.*

— И где же они? — играя наивность, спросила Танюша.

— Они же лапчатые — убежали, — сказал он.

— Ну тебя! — она состроила милую гримаску и смешно наморщила носик — совсем как в их общем детстве.

Стал накрапывать дождик, встали под широкое лиственное дерево: осина не осина, ни один из них не знал ботаники. Тогда Антип продекламировал:

*Помнишь, мы не ждали ни дождя, ни грома,
Но застал нас ливень далеко от дома...*

— А дальше? — с напускной капризностью потребовала Танюша: ей было лестно, что он, известный актер, по телевизору показывают, в лесу читает стихи для нее одной.

— Хм, дальше... — Он постучал пальцем по собственной голове: — Опилки совсем отсырели.

Вряд ли она поняла, что он имел в виду.

Но Антип поднатужился и продолжил:

*Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал,
Капли дождевые скатывались с игл,
Падали, блистая, на твою головку
Или с плеч катились прямо под снуровку...*

Позднее, уже на берегу Бока Которска, он шел по набережной за двумя юными черногорками лет четырнадцати-пятнадцати, наверное, старшими школьницами на каникулах. Та, что справа, была выше подруги и прекрасно сложена: длинные загорелые ноги, возможно, даже неестественно прямые, и подвижная играющая маленькая попка, задорно оттопыренная. Неискренняя какая-то походка, подумал Антип, не чистосердечная.

Он обогнал девиц: у той, что ему приглянулась, была небрежно вздыбленная копна черных волос и маленькие ровные холмики под открытой, без плеч, майкой. *Живот удалось подобрать неуверительно*, по актерскому рефлексу оглядел себя со стороны Антип, а ведь *полноты ни в коем случае не простят герою...*

Танюша была точно такой же в их общие ранние годы. И Антип до последней мелочи, до стертых, в травяных подтеках, коленок вспомнил свое первое постыдное поражение.

По весне они с Танюшей укрывались на чердаке соседнего дома, и к ее демисезонному пальтишку назойливо лип голубиный помет. Когда потеплело, они занимали позицию на укромной лавочке в парке за университетским ботаническим садом. Он целовал и ласкал ее непрерывно. И вот однажды, оба одуревшие от возбуждения, они улеглись в укромном уголке за кустами на влажную, еще молодую траву. Он, пытаясь и ворочаясь, стягивал с нее трусы, она ему помогала. А потом покорно замерла, раскинув ноги. Он взгромоздился, но едва нащупал свой набухший отросток, как она инстинктивно ноги сжала, и, пока он пытался поправить дело, заставляя ее вернуться в нужную позицию, отросток увял и скукожился: ее сопротивление как бы отняло всю силу у его неопытного члена. Последующие попытки тоже закончились ничем... Что ж, им было всего по тринадцать, и оба были девственны.

Антип просыпался рано и выходил на балкон своего номера — *апартаменты*, так нужно было говорить. В солнечную погоду залив был как на ладони. В синем небе марлевыми клоками торчали неподвижные легкие облака. На другом берегу фьорда, прямо напротив, была церквушка, которая и будила его ровно в семь своим благовестом. Ей отвечала с этого берега невидимая ее товарка, стоявшая сбоку, в конце набережной.

В семь церквушка бывала еще в тени. Но солнце, споро поднимавшееся за спиной Антипа из-за ближних холмов, вдруг высвечивало ее всю, и она, ослепительно белая, вспыхивала и начинала будто светиться. Это был сигнал к купанию.

Пока Антип ёжился и нежился в утренней свежей воде, лежа на спине на спокойной в этот час поверхности, солнце поднималось выше и, наконец, показавшись над холмами, падало ему на лицо. Он смотрел на светило, столь редкого гостя на темной нашей родине, не отрываясь, как агама или геккон.

Но едва набегало облачко, Антип тоже понимал это как сигнал: к горячему душу, а потом к быстрому завтраку — бутерброд на скорую руку с невкусным, слишком пресным, здешним сыром и чашка растворимого кофе. Глотал таблетки. И только после этого позволял себе первую сигарету.

Лениво и с отвращением включал в спальне телевизор: все то же — на Украине гражданская война, в Ливии гражданская война, в Эритрее гражданская война, в Ираке гражданская война, в Палестине семитские племена прилежно истребляют друг друга. А в Грузии *сонные грузины* пытаются достать беглого президента за растрату скромных денег тамошних налогоплательщиков, потраченных на заезжую массажистку. И где-то неподалеку, в горах и джунглях, вспыхнула эпидемия лихорадки эбола, испанский миссионер, два английских медика и несколько тысяч аборигенов уже скончались. В Южно-Сахалинске ураган забросил крыши нескольких домов обывателей на территорию птицефабрики, среди домашних животных жертв нет... Слава Богу, здесь не транслировали канал *Культура*: Антип этот канал недолюбливал, его теперь там редко показывали.

Почему его старость прилась на столь беспокойные тревожные времена? Во всем виноват Чижевский. А ведь юность была безмятежна, возможно, в связи с низкой при советской власти солнечной активностью и почти полным отсутствием магнитных бурь.

Нет, и в детстве, и в отрочестве были, конечно, свои хлопоты и заботы: заставить отца подарить коньки *гаги* на шикарных кожаных темно-коричневых ботинках с витыми серыми шнурками. Гаги — самое необходимое приспособление *снимать* девчонок на замерзшем пруду. И так памятный чпок отскакивающей на девичьей ляжке резинки — еще не в заводе колготы. И раннее сближение полов, и презрение к презервативам свиной кожи изделия советской калошной фабрики; и неминуемые, с замиранием от страха сердца, хлопоты по чужой беременности, но это чуть позже... Эх, половая жизнь былых времен — наивная и страстная, с дрожью. Что ж, лет в пятнадцать-шестнадцать спаривание казалось ему истинным и единственным призванием и предназначением.

Иногда, если погода портилась и залив серел, Антип позволял себе уже после завтрака рюмку-другую коньяку. Тогда, как и положено стареющему господину, он, устроившись в кресле, припоминал милые привычки седой коммунистической старины. Ездили семьями в Юрмалу, играли в бадминтон, утяжеляя воланы маленькими сосновыми шишками — уж чего-чего, а шишек там была пропасть. Купались в холодном и мелком Рижском заливе, но не это была главная цель посещения западной окраины империи, где жили нелюбезные хмурые латыши. Непременно надо было добираться на электричке в город, чтобы послушать орган в Домском соборе. Конечно же, орган был *самый большой в Европе*: в маленьких зависимых странах всегда найдется что-нибудь *самое большое*. А в их языках, на которых и говорит-то тысяч сто человек, отчего-то очень много падежей. В эстонском языке, например, их четырнадцать. Это рижское предприятие было той же культурной сомнительности, что и литовский ритуал — из Паланги на автобусе тащиться в Каунас смотреть Чюрлениса и экспозицию игрушечных чертей...

В этом месте приходилось наливать третью рюмку, потому что теплые воспоминания о давних временах делались все неотступнее. И отсюда казались милыми самые докучные некогда мелочи. Скажем, весеннее мытье окон с помощью простого мыла и мокрых газет. Стенная газета в школьном вестибюле,

напротив гардероба за ушко да на солнышко. И азбучный жизнеутверждающий слоган *мама мыла раму*. Поиск листа подорожника, чтоб приложить, поплевав, к ссадине на коленке. Хоровое пение в пионерском автобусе, *мальчики направо, девочки налево*, песни про картошку и гимн испанских республиканцев, и повтор *мама, чао, чао, чао*, получался отчего-то задорнее, чем *картошка-тошка-тошка*. И страшные сказки в тихий час.

Ранним летом на даче переодевание и родителей, и соседей в отсыревшее за зиму *тренировочное* дачное рванье, хотя спортсменами никто из них не был. Хлопоты по уходу за огурцами под пленкой с последующим их консервированием в маринаде с непременным листом средиземноморского лавра и родным черносморозинным. А ведь отец прилично зарабатывал, и в те годы на любом рынке можно было купить по дешевке сколько душе угодно огурцов, хоть свежих, хоть в маринаде, но — *свои*, горделиво приговаривала мать, и эта страсть к домашним заготовкам, кажется, родилась еще у бабушки в эвакуации. Шинковали и квасили капусту на зиму, хоть и она была недорога в ближайшем магазине. В капусту не забывали насыпать кислой клюквы и попрыгать свежую антоновку, чтобы иметь к гостевому столу ядреные моченые яблоки. Зимой принимались заклеивать окна и прокладывать щели серой с опилками ватой, а где ее брали — уж и не припомнить. На лето зимнюю обувь было принято набивать старыми газетами и прятать в сундук. Ковры не сдавались в чистку, но домработница тащила их на улицу, расстилала по сугробу и колотила веником. Исподнее сушили на балконах. А вот принимать гостей на кухне тогда никому не пришло бы в голову: еще смутно помнилось, что трапезничать среди кастрюль и черных чугунных сковород, висящих на гвоздях вниз головами, приличествовало лишь прислуге.

И во дворе было много науки: скажем, хранить папиросу за ухом, а деньги под кепкой. Но был ведь и филармонический абонемент в Зал Чайковского. Мать боялась не успеть к кофточке в комиссионный или упустить путевку в братскую Чехословакию. Была по радио песня *посмотри, как хороши мир, в котором ты живешь* последнего накала детской хоровой унылости и педагогической угрюмости. Имелся временный ученический читательский билет в Ленинку. Ходили в турпоходы со «случками» в сырой палатке или за ближними кустами. А когда вождение бывало удовлетворено, шмотье собрано и распихано по сумкам, следовала команда *девочки отвернулись*, — мужским контингентом было принято дружно заливать мочой тлеющие останки костра. Моча очень славно воняла.

В те замечательные вольные годы вся страна смотрела в течение месяца один и тот же фильм, кто поинтеллигентней — читали одну и ту же книгу. Скажем, Дрюона, полученного взамен сданной макулатуры, или «оскопленного» Булгакова в журнале *Москва*. Некоторое время после новоселья в многоэтажном доме искренне считали соседей по площадке близкими родственниками: электродрель и стремянка практически общие. Припомнилась и поза орла в дачном сортире в отсутствие стульчака. Туалетная бумага — недоступный продукт внеземной цивилизации, о которой любили писать научно-популярные журналы и которую ругали местные журналисты-международники, — для подтирки подходил клоч газеты или лист лопуха. Необходимо было наличие среди друзей семьи хоть одного домашнего иностранца, пусть даже поляка или румына. Практиковался взаимный обмен связями: у одной дамы знакомый продавец в *сантехнике*, у ее подруги — в мебельном магазине. Совместные посещения полузнакомыми людьми одного пола общественных бань, не имевшие никакого сексуального подтекста, — единственно ради парной, где *поддавали* квасом и пивом, а после в предбаннике пили водку, закусывая краковской колбасой. И заблаговременная забота о березовых, еще лучше — дубовых или можжевеловых вениках и экстракте эвкалипта. Сон под звуки включенного транзистора *Спидола* — вдруг что-то судьбоносное скажут по *Свободе: вражеские голоса*, прорывавшиеся сквозь вой *глушилок*, было принято слушать, с головой накрывшись одеялом. Не забыть унести домой автомобильный аккумулятор, закутанный в старую вонючую телогрейку. Сбор металлолома на баллы, позже — антиквариата по окрестным помойкам. Подогретое дешевое красное вино, приплывшее из Алжира в нефтеналивных

танкерах, с добавлением корицы, гвоздики и капли кубинского рома *Blanco — глинтвейн*. Нежданные сигареты *НВ*, коими ФРГ одно время гасила долги за поставку карельской древесины, на худой конец ароматизированная *Пчелка* из Болгарии. Лепка пельменей до утра как триумф воли. И адова тоска по собственному углу в этой огромной, продуваемой, малонаселенной стране — хоть подрочить, хоть выспаться, хоть наконец почитать спокойно на ночь глядя *Пир* Платона...

Антип давно научился и пить, и не скучать в одиночестве. Стал даже не домосед — домолез. Да и друзей не осталось: обезлюдел.

Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь...

Разве что Гриша Варенец проявил инициативу и возобновил к старости юношескую дружбу — похоже, из диабетической солидарности. И давнюю бабу не позовешь: отговариваются, мол, муж, дети... Боже, ведь ужас сколько было баб, а вспомнить некого: *тир закрыт, а курьеры хотят стрелять*. И новую женщину заводите лень. Встретил здесь одного знакомого кинооператора: похоронил жену, живет с оценщицей ломбарда, она ему варит перловую кашу на постном масле по утрам — язвенник.

Нет-нет, даже искать не надо. Все одно, никто уж не оценит твои маленькие повседневные подвиги; как-то: чистка зубов, мытье гениталий детским щелочным мылом, вынос мусорного пакета. Никого не восхитят эти немудреные движения, никто не поймет, что это есть последние героические попытки противостоять надвигающемуся хаосу и небытию. И некому пересказывать свои сны. Давно у него *пропали охотничий пес, гнедой конь и голубка*. И нет у него ни *газели на цепи*, ни *черных охотничьих собак*, ни даже *негого мула*. Скоро, совсем скоро придет *Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний*, как витиевато сказано в дивных арабских сказках, адаптированных в России под *детское* чтение. *Не оступитья на лестнице — это такая же удача, как благополучно совершить опасный прыжок...* Конечно, *благородство кипариса и благородство мужа познаются осенью*, но это слабое утешение. Новое любовное приключение — уже слишком сложная душевная авантюра и почти непосильное телесное предприятие: недолог срок силы мужской.

Прощайте, дамы, девки и девицы,
Прощайте, горожанки и торговки,
На вашу прелесть я любил дивиться,
Как милы вы любезны, нежны, ловки.
А нынче нет ни крыльев, ни сноровки —
В темнице я безрадостной увяз.
Прощайте. Вот и пробил смертный час.
Или еще лучше то же самое, хоть и скабрее, выражено деревенским народом:
Как у нашего у Прона
На хую сидит ворона.
Как ворона запоем,
Так у Прона хуй встает...
Заветное, родное, мудрое...

Да, верно, мы устаем шагать в ногу с юностью. А тут еще молодые дуры-интервьюерши пристают с расспросами: мол, что вы думаете о современной молодежи? Да ну её в жопу эту самую современную молодежь, она *всегда даже стоя идет*.

Наступил тот возраст, когда всякий встреченный незнакомый человек кого-нибудь да напоминает. В ресторанах по роже не отличишь Карла от Клары, любой из них мог у другого украсть кораллы...

Истлевают тщеславие. Больше не испытываешь молодого ужаса от того, что ты всего лишь пылинка, один из четырех миллиардов, обсевших и засравших эту маленькую, зеленую и голубую некогда планету. И ведь каждый воображает себе своё независимое Я. Все пишут скверные стихи и прозу, играют в театре и на гитаре, сочиняют книги, снимают фильмы и слушают самодельные песни, отчего лица у многих женщин становятся именно лицами женщин, всю жизнь слушавших самодельное пение. На самом же деле все эти занятия их мало интересуют, они вседневно лелеют свои *чичирки и манюрки*, как говаривал на репетициях Виктук, гордятся ими так, будто эти драгоценные предметы есть только у них одних. И мечтают поскорее их куда-нибудь приспособить...

Да, стал мизантроп, признавался себе Антип. Нет больше сил для душевной боли. Удовлетворение теперь приходит, лишь когда довольно быстро вспомнишь какой-нибудь полузабытый монолог или давнюю цитату. Кажется, дожил до возраста отвращения к сырой вагине и неприязни к собственному пенису. Омерзение вызывает одна мысль: просыпаешься, а рядом лежит чье-то голое чужое тело. Вегетативное размножение все-таки было бы пристойнее, не так сильно оскорбляло бы человеческое достоинство. *А плотская любовь неблагородна, постыдна и горестна. И старость должна быть высочайшим, примерным одиночеством*, верно сказано, правда ведь? Нужно переписывать автобиографию набело. Что ж, жизнь была прожита амбулаторно — пора в стационар. Широка страна моя родная, и *земли Аллаха просторны*, а ведь не найдется, поди, лишнего клочка под могилку. *И где мои менады? И где моя Аспазия?* И кто будет гладить твои волосы по пути в печь... Качается верхний мост, мочевины в крови, давление опять же, сахар, поигрывает простата, обвисает лицо, что, впрочем, при добром отношении к самому себе можно признать за признак значительности... И блюз уж не радуется.

Душно с людьми...

То доносится слух, что ты спился с круга, то — что смертельно болен. А то — что и вовсе помер. Помнят!

И не надо обижать окружающих: они сердятся, когда коллективно решили, что ты уже износился и ни на что не годен, а ты им подсовываешь свинью, мельтешишь на ТВ в сериалах. И ведь еще совсем недавно вполне убедительно декламировал с подмостков: *Ну, что ты скажешь на это, старый Джон? Продолжай в том же роде. Твое старое тело послужит тебе лучше прежнего. Кажется, немало потрачено, а есть еще что пустить в оборот. Ну, спасибо тебе, мое доброе старое тело...*

Скольким людям ты подорвал веру в справедливость, поскольку оказался не таким тупым и порочным, как они рассчитывали. Люди не прощают их поруганную веру в крах ближнего. А надо бы быть человечнее. Верно: жил досрочно. С возрастом несколько обрюзг, но не вовсе выцвел — дамы еще обочиваются. Может, узнают...

Пугавшая некогда мысль о смерти теперь скорее даже приятна: что ж, скоро весь этот морок кончится. Вынесут под аплодисменты со служебного входа. *В тот же день потрясенный мир узнает о моей смерти.* И напишут идиотский некролог: *после долгой продолжительной болезни...* Будто продолжительная болезнь бывает недолгой, а долгая — непродолжительной. Черт с ними, там уж будет не важно, в какую яму сбросят. А вот вопрос о бессмертии души стоит все острее. И остаются некоторые неясности касательно загробной жизни.

Один русский мистик, сидя во Владимирском центре, получил откровение — такого рода сообщения ангелы, посланцы небесные, предпочитают разносить отчего-то именно по местам заключения, ими хранимым. Так вот, этому эзотерику открылось: мало того, что на том свете встретятся все прежде покинувшие нашу телесную оболочку родные души. Но в потустороннем мире мы повстречаем и по-

гибших наших собак, которых некогда так горько и безутешно оплакивали. И даже обнаружим наших старых кукол... Это утешает и бодрит.

Антип давно привык говорить сам с собой. Вот, к слову, о благотворности для вдохновения всяческого ущемления и одиночества. Нет числа примерам дивного подъема духа и оживления художественного таланта, едва автора чуть пристукнут и утеснят. Если вас не убеждает далекий пример опального Овидия, продолжал свой монолог Антип, то вспомните хоть ссыльные годы Кишинева и Михайловского, чумное Болдино, вполне себе плодотворное пребывание Герцена в Лондоне, когда злой тиран препятствовал немцу звонарю получить материнское наследство. Да что там, едва ли не самый благополучный в отечественной словесности Тургенев за единственные в его жизни три тюремных дня успел-таки наперчить своей благодетельнице-тетке, сочинив пасквиль *Муму* — вполне следавательное сочинение, оно неизменно включалось в школьную программу и *до* и *после*. Да и где ж мы встречали литературные таланты с пристойными характерами и сносным писательским поведением? Молодой Ницше, помнится, едва ступив на пагубную стезю и столкнувшись с литературными нравами, наивно отмечал, что *поэты чванливы, а драматурги, в общем, довольно дурные люди*. Поэты не только чванливы, но и глупы. Возможно, *поэзия и должна быть глуповата*, но надо ж меру знать...

Но особенно сидельцев и страдальцев вело на философию. Мы не имели бы последних двух томов *Капитала*, не пребывая автор в изгнании в том же Лондоне, а живи он на родине: неизвестно, был бы его шурин так щедр, как по отношению к эмигранту. Наш Ленин, ни до, ни после не интересовавшийся философией, кое-что умственное набросал как раз в сибирском Шушенском. Но это пустяки: Сенека и Спиноза были гонимы. И характерно название забытого нынче тюремного сочинения сенатора Бозэция — *Об утешении философией*.

Что ж, человек особенно болтлив, когда полагает, что его никто не слышит, решил Антип. Так вот: о бессмертии души. Нашел закладку в старой толстой недочитанной книге. *Один из важных еврейских элементов в христианстве — царство небесное; концепцию иного мира евреи и христиане в известном смысле разделяют с поздним платонизмом. Согласно грекам чувственный мир является иллюзией. У евреев же иной мир не метафизичен, он есть будущее — вечное блаженство для праведников. В вере же в то, что порочным уготованы вечные муки, воплотилась психология мстительности, понятная плебейм*. Возможно, перевод не слишком хорош, но смысл ясен: идею посмертного бессмертия как воздаяния и вознаграждения за пережитое на неудобной земле греки переняли в Египте. Более того, избранных, от Орфея до Одиссея, боги вознаграждали способностью мотаться туда-сюда, донося простым смертным весть об антиподном устройстве мира.

В другой раз они с Танюшей решили забраться подальше: сели на электричку и вышли на близкой дачной станции. В лесу они предприняли еще одну попытку соединения. Кажется, на сей раз могло бы и получиться. Но вдруг Танюша вскрикнула и оттолкнула распаленного Антипа. Он решил было, что она увидела лося. Или медведя. Потому что с искаженным лицом она смотрела куда-то за его спину. Антип обернулся. Маленький невзрачный мужичок стоял от них метрах в пяти и смотрел напряженно. Из его штанов торчал огромный для его роста пенис, который он усиленно массировал отчего-то рукой левой. Когда Антип вскочил на ноги, мужик с расстегнутыми штанами дал дёру. Танюша, прикрыв юбкой колени, плакала злыми слезами. А ведь она редко плакала. Они кое-как поправили одежду и поспешили на станцию. И Антип запомнил, какими ненавидящими глазами смотрела на них пожилая простонародная тетка, сидевшая напротив. Что ж, их растрепанность прозрачно говорила сама за себя. А ведь они были еще детьми.

Вечером в залив вплыл немецкий пятиярусный туристический лайнер, встал напротив балкона Антипа и издал такой истошный гудок, извещая о своем прибытии, что, казалось, его огромное белое тело натужилось и напыжилось. Шла гроза, уже слышались далекие раскаты грома. Вода в заливе пошла волдырями и запузырилась. И хлынул ливень. Умерла идея сопротивления, победила страсть к покою, вот что. И у Антипа на глаза вдруг навернулись слезы. Он смолodu мог прослезиться, скажем, в театре от восторга перед чужим вдохновением. Но теперь частенько по-старчески глаза оказывались в дождь *на мокром месте*, на сыром, на влажном месте, когда бывал один: так печально делалось. И волновались и плакали вместе с ним прибрежные кусты... Сентиментален сделался, как русский *синхрон* мексиканского сериала. И эта неравная и обреченная всеночная схватка с одеялом, перемирие ближе к рассвету. В этом предутреннем полусне мерещились полузабытые женщины, но отчего-то не те, с кем был близок, но те, с которыми не успел или не смог соединиться. И отчего-то особенно часто немолодая соседка по двору, ходившая без лифчика, в разрезе майки подчас мелькали две тощие несвежие серые груди, похожие на мышей с красными мордочками.

Гроза закончилась так же, как и началась, — вдруг. И опять брызнуло солнце. Но в горах облаков оставалось еще много темных ноздреватых прорех, облака казались из творога, того, что продают вразвес. На противоположных склонах застряли в расселинах гор клоки белого густого дыма, и тяжелая влажная пена лежала на вершинах. После грозы и дождя в заливе появились какие-то особенно нежные краски, будто черешневые. А воду всё пробирала мелкая дрожь.

Нет, дурацкая все-таки идея — жить долго. Здесь коротко-то едва тянешь.

Проплыла маленькая легкая яхта — паруса были спущены, яхта шла на моторе. Вот, можно пополнить список сожалений и недодач: такой яхты у него уже никогда не будет. И другой тоже. И еще на Антипа нагонял печаль вид соседского пустого старого дома, до крыши которого с балкона можно было достать рукой: кто здесь жил, отчего покинул, куда подался, ведь ровно положенная черепица хоть и потемнела, из оранжевой стала бордовой, но вся осталась цела... *Живем, как будто собираемся на другой день умереть, строим, как будто вечно будем жить в этом мире.*

Антип рано начал сниматься, на втором курсе училища. И вот однажды, вернувшись в Москву из командировки в небольшой, одуряюще скучный среднерусский городок, где группа вповалку жила в ободранной гостинице без горячей воды, Антип вдруг решил навестить Танюшу. Им было уж по двадцать лет, и бывшие конфузы нынче были бы, наверное, невозможны.

Она была одна, но никакой радости на ее лице не отразилось, когда Антип возник на пороге: хотел было ее поцеловать, но она отстранилась. Тогда он решительно прошел в комнату и без лишних разговоров повалил ее на диван. Она решительно сопротивлялась и даже заехала ему в рожу локтем. *Я замуж выхожу, — задорно крикнула она Антипу в лицо и стала застегивать кофточку. Резкая как нате.*

Однажды так неожиданно отыскавшийся дружок юности Гриша Варенец прислал по электронной почте Антипу отменно странное письмо. Да нет, что ж здесь странного: коли человек, достигший в студенчестве немалых успехов в математике, вдруг сделался психоневрологом, это никак не случайно, но из собственной нужды.

Письмо это содержало некий список, составленный в согласии с алфавитом и озаглавленный так: *ботанически-донжуанский*. Вот он:

амазонка многолетняя
анютины глазки стройные
атлетка начитанная
ветеранка опаленная
ветреница балетная

воровка улыбчатая
гадина подростковая
гостья вьющаяся
дама с превенансом
девчонка бедовая
дикарка живородящая
дикторша хамогласная
домработница круглолицая из семейства лютиковых
достоевская кроткая
дочь малолетне-беременная
дура самозабвенная
дюймовочка косоглазая
жена приятеля словоохотливая
знакомица филармоническая
иностранка кудрявая
Каренина коровья
красотка этническая
критикесса ползучая
летчица бескорыстная
лесбиянка сезонная
маркиза де Вильпаризи
медсестра плотоядная
мужененавистница чахоточная на одной ноге
недотрога полевая
неженка приبلудная
незабудка дачная
обормотка прошедшая
отличница примерная
певица мяучная
пэтэушница экзистенциальная
поэтесса дикорастущая
проститутка скучная
редакторша пенек-очкарик
собачница парковая
соседка размашистая
стюардесса двуликая
старушка заинтересованная
стоматолог залихватская
танцорка проходимистая
феминистка робкая
фиалка лупоглазая
хохотушка округленная
умница полуглупая
шизофреничка одутловатая
экскурсовод чисто выбритая
И ниже было приписано от руки, видно, для памяти: *вагоновожатая.*

Спасибо, Гриша!

Полакомил ты старого ловца.

Возможно, это был своего рода тест, составленный не без впечатлений от *Содома и Гоморры* с эпиграфом из де Виньи... Так или иначе, от этого списка разило женоненавистничеством. Впрочем, Гриша написал в приложенной записке, что список по его заданию составил один его пациент, ботаник-эротоман. Там же содержалась просьба отметить галочками те строчки, с которыми Антип согласен.

Подумав, Антип отметил вагоновожатую.

Антип давно, смолоду, жил один. На Павелецкой, в маленькой квартире о двух комнатах: дальняя — кабинет и он же спальная; передняя, что побольше, для приема гостей и просмотра телевизора.

В начальные годы своего самостоятельного житья у него постоянно кто-то ошивался: то школьный приятель попросится с дамой, то другой приведет прямо после спектакля поклонниц, гордясь, что вот так, запросто может зарулить к уже замеченному и публикой, и критикой Антипу. Но всего сложнее было после спектакля, заканчивавшегося непременно ужином в ресторане Дома актера, после чего два-три гостя напрашивались к нему *допивать*: утром непременно оказывалось, что кто-то спяну заполз под его письменный стол да там и прикорнул, подчас даже *заслуженный*. Что ж, не надо пригревать малых сил, они мстительны на доброту. Но было это давно: молодость прошла, иссяк раж к безоглядной гульбе, *где стол был яств — там гроб стоит*, и рестораны подорожали, да и само ВТО давно сторело... И надоел актерский дамский сброд с его привычками не отвечать на письма, не перезванивать, но являться в гости, предварительно не предупредив...

Тогда Антип ждал Олечку, подругу легкую и необременительную, безоглядно щедрую в любви (такими интеллигентные эгоистки не бывают) бывшую жену одного знакомого молодого актера. Олечка была командирована в магазин, и Антип, ожидая, читал газету. И счастливо наткнулся на дивную заметку: в одном поселке арестовали мужика, ему вменялось в вину сооружение флагштока и поднятие по праздникам российского триколора. Впрочем, прокурор не нашел в его действиях состава преступления, но при опросе соседей-свидетелей поинтересовался, какова причина того, что они сочинили этот коллективный донос? *Из зависти*, признались сельчане.

В дверь позвонили. Это было странно: Олечке временно был вручен ключ от квартиры. Антип открыл, на пороге стояла Танюша, которую он не видел десяток лет. Как она его разыскала?

Танюша, не снимая темно-синего плаща, который, к слову, ей весьма шел (ей всегда было к лицу синее), присела в прихожей на табурет и сообщила, что развелась с мужем. И спросила: почему он не заходит, ведь его маму она иногда встречает в их дворе...

Вошла Олечка. Неловкая сцена. Антип неуверенно объяснил, что Танюша есть его соседка. Бывшая. Олечка смотрела недоверчиво и с недоброй иронией. И молчала. Танюше ничего не оставалось, как помяться, распрощаться и уйти. Олечка было хоть и проста, из рабоче-крестьянской семьи, но не глупа и сообразительна. И успела узнать кое-что об этой нашей жалкой жизни весьма средненького класса.

Вскоре Олечка покинула Антипа и вернулась к мужу. Это принесло облегчение: ситуация стала затягиваться, запутываться и застаиваться, Олечка обещала познакомить с родителями, что жили под Подольском, и намекала на брак... Но *остался влажный след в морщине...*

Антип, оглядывая свою бедноватую приморскую келью, подчас воображал себя монашествующим. Об этом состоянии души и тела он знал немного. Как и о жизнеустройстве анахоретов. На память приходил святой Антоний, который был отшельником в пустыне Египетской и беспрестанно боролся с дьяволом, посылавшим ему похотливые видения: как раз в возрасте Антипа он взял

да и вернулся в мир, уставший от толп посетителей и любопытных. Кажется, соблазнительные образы одолевали в пещере и святого Бенедикта. В Сирии подвизался Симеон-столпник, а в Ирландии — святой Патрик. Святой Василий создал первые монастыри в Греции, а святой Мартин-Турский — соответственно в Галлии, и о дьявольских кознях и соблазнах, посылавшихся последним, Антипу ничего известно не было... Да что там, вон и наш неистовый протопоп писал: *закон духовен, я же из плоти и крови, ибо не понимаю что делаю: доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю.*

Зато только у нас были юродивые, своего рода скоморохи и комедианты, склонные кривляться, валять дурака, фиглярить и буффонить. Да и от рюмки никогда не отказывались. Точно как мы. Сидим в ресторации для своих, вокруг все знакомые морды, актерские и блядские. Засаленные пожилые официантки и единственный среди них мужчина, женатый педераст Алик, несут недоеденное кем-то и подогретое мясо *по-суворовски*. И зажуливают последние гроши у такого же потертого мелкого каботинского жулья второразрядных подмостков, выездных концертов, халтурных творческих вечеров и прочего *чёса*.

Но впрочем, впрочем...

Одинокую маму Антип навещал перед праздниками, ел суп, любимый грибной или украинский борщ, сваренные к его приходу, препирался по пустякам, раздражался — ее характер с возрастом сделался еще капризнее и подчас становился, как казалось сыну, просто тираническим. То ли отец-покойник так ее избаловал, то ли зыграли к старости барские гены, но скорее — верно было и то и другое. Кажется, они стали тяготить друг друга, и визиты Антипа постепенно сделались дежурными, без тепла, для проформы и по обязанности.

Она с высокомерным видом принимала подношения сына, светски приговаривая: *ну, это лишнее*. Актерской профессии Антипа она стала явно стыдиться и будто чуралась сына перед чужими: он подозревал, что, будучи его родной матерью, она парадоксальным образом почитает его плебеем. Это его-то, культурного героя и *пепельного мальчика*. А ведь некогда радовалась его первым успехам и не пропускала премьер с его участием. *Он ведь ничего не умеет*, сказала она как-то своим гостям — в его присутствии. И добавила: *ну, быть может, кроме как водить автомобиль*. Кажется, чтобы не выглядеть совсем уж жестокой, она припомнила справедливости ради, как он возит ее с дачи и на дачу. Антипа тогда это глубоко обидело. И тем больнее, что она была, в сущности, права: он опростился, театральная среда не оставляет места галантным манерам и не тренирует ум.

В жизни его жестокой матери его удивляло одно обстоятельство: она была окружена людьми. Это были и многочисленные приятельницы, тоже преимущественно пожилые переводчицы, подруги давних *прогрессовских* лет, и какие-то молодые графоманки, жаждущие снискать ее одобрения своим идиотским опусам. Был и давний поклонник-вдовец, друг сердца, к слову — человек тоже театраль-ный, постановщик, что ли, каких-то эстрадных действ, Юрий Васильевич, Юрвас, как он в несносно-фамильярной манере глупо представлялся: между ним и его матерью давно укрепились самые нежные отношения. Антип как-то отозвался о нем небрежно. И мать воскликнула саркастически: *ну, хорошо, ты — великий талант, а нам-то, простым смертным, что прикажешь делать!*

Антип всю эту публику терпеть не мог. Особенно одну старинную приятельницу матери с лицом цвета персидской сирени: в тех случаях, если Антип замешкается и вовремя не сбежит, она почитала долгом обволакивать его старорежимно-томными взглядами. Впрочем, эта была уж совсем зажившаяся, революция и впрямь застала ее в Смольном.

В тот день эта самая тетка что-то заверещала о театральной премьере, и Антипа вдруг понесло: — Люди берутся судить о том, в чем ни бельмеса не понимают. Таскаются на выставки живописи, никогда не стояв перед мольбертом, не отличая колонók от малярной кисти, любят *Девочкой с персиками*, не понимая, что персики тогда можно было купить только у Елисеева. Покупают билеты в кон-

серваторию, не будучи в состоянии отличить *соль* от *ля*, оценивают архитектуру, не отличая консоль от пилона, и выносят суждение о спектаклях, ни разу не удосужившись прочитать пьесу, о постановке которой...

— Это неверно, вы заблуждаетесь, — прошамкала сиреневая дама. — На ценителях держится искусство.

— Конечно, публику всячески заманивают, льстят ей, потому что она несет деньги. Иначе на что содержать театры и ремонтировать обветшалую Третьяковку...

— Хватит, друг мой, — прервала его мать, — что-то ты сегодня совсем разошелся... Это у него нервное, — объяснила она своей товарке. И махнула в сторону сына рукой.

Именно в ту ночь мать приснилась ему. Он вернулся домой и увидел, что мать разгромила его комнату. *А где же кресло*, спросил он. *Я его вынесла просушить на помойку...* И был этот сон отчего-то очень страшен — Антип очнулся и не мог в потемках понять, где он. И в ужасе пытался разглядеть, на местах ли знакомые привычные вещи...

Но случалось Антипу и жалеть ее. Как-то он встречал мать на их дачной станции. Электричка опаздывала, и он задремал в салоне своего автомобиля. И не заметил, что поезд уже пришел. Очнувшись, он увидел одинокую фигуру матери — она стояла на остановке такси. И со стороны выглядела отнюдь не благополучной и высокомерной дамой, но, изъятая из привычной обстановки, бедно одетой старухой: какая-то замшелая жалкая шляпка, ветхий плащ, мешком сидевший на осунувшейся ее фигурке, оплывшие ноги в туфлях со сбитыми каблуками. Она казалась потерянной и очень несчастной. Антип чуть не заплакал: ему было до муки жаль ее. Внутри ныло и поскуливало. И было больно оттого, что на секунду он ее, своей матери, застыдил.

И вот еще что вспомнил Антип, глядя на волнующийся залив. *После шестидесяти лет я перестал бы мечтать о женитьбе, но был бы гостеприимен, оставаясь по-прежнему бережливым. Я занялся бы формированием умов подающих надежды юношей, убеждая их на основании моих воспоминаний, опыта и наблюдений, подкрепленных бесчисленными примерами, сколь полезна добродетель в общественной и личной жизни. Но самыми лучшими и постоянными моими друзьями и собеседниками были бы мои братья по бессмертию, между которыми я избрал бы человек двенадцать, начиная от самых глубоких стариков, а кончил бы моими сверстниками...*

Окна Танюшиной квартиры, в которой она теперь осталась одна, были знакомы Антипу назубок. Вот они, на втором этаже.

Окна выходили на невысокую насыпь, за которой была физкультурная площадка студенческого общежития. С насыпи они отлично просматривались, и во времена их юности, томясь и изнывая, он поджидал, чтобы одна из занавесок оказалась по недосмотру не задернута. Тогда, если повезет, можно было подглядеть, как Танюша переодевается.

Он придумывал письма, что ей напишет. А заодно и ее ответы — так Абеляр писал письма и за себя, и за Элоизу.

И сейчас он не пошел сразу через двор к ее подъезду, а совершил привычный ритуальный обход ее дома. И привычно заглянул в ее окна. Она стояла в спальне перед зеркалом. И внимательно себя разглядывала, иногда прикрывая то один, то другой глаз, и поправляла кисточкой тени на веках. Шлифовала свою внешность как драгоценность, полировала...

На сей раз она была ему рада. Они уселись в столовой, по разные стороны стола, покрытого дешевой *веселенькой* скатертью. Он поставил перед собой бутылку коньяка и бутылку красного вина. Танюша достала бокал и рюмку. Возня со штопором. Антип разлил, чокнулись.

— Скажем, гунны, — вымолвил Антип, потому что молчание слишком затянулось.

— Что? — отозвалась Танюша. — А! ну да, гунны...

Она опять замолчали, оба чувствовали себя неловко. Сегодня, через полвека после первой попытки, после всех недоразумений, должно же было свершиться.

— И что же гунны?

— Что? — не понял Антип. — Гунны, гунны. Это ведь они открыли Крым!

— Я думала — Потемкин, — воспитанно поддержала разговор Танюша, изображая заинтересованность.

— Да нет, малоазийский бык! Это курьезное происшествие описано и у Созомена, и у Зосима, у Прииска и Иорадана. Да что там, куда ни сунься: хоть у Симеона Логотета, именуемого также Симеон Магистр или Симеон Метафраст, у византийских Льва Грамматика и Федосия из Митены, наконец, у Никифора Каллиста. Все в один голос твердят: в появлении на карте мира Тавриды, где тогда прозябали готы, виноват вовсе не Одиссей и не Овидий, а малоазийский бык, ужаленный оводом. В некоторых версиях этой истории, впрочем, фигурирует олень, преследуемый гуннскими охотниками.

— Вот это да! — восхитилась Танюша. — Как же ты все это помнишь?

— Это профессиональное. Натренированная память. Я запоминаю страницу после одного прочтения. Да что там, с одного взгляда! — похвастался он.

— Боже, как это, наверное, прекрасно — быть актером!

— Ну, знаешь ли, артист — это не только беспечный коллекционер причуд жизни и вредных привычек, — снизил пафос Антип, на самом деле польщенный. — Профессия актера — это ведь настоящая школа унижений. Жизнь как в народной сказке: герой-хвват взял у попадьи обманом триста рублей, якобы по поручению мужа, схватил ее за зад и наложил в попову шапку.

Танюша поморщилась и расширила свои темные прекрасные глаза.

— Вот недавно мне не дали роль, заявили, негодяи, что я — крупнее персонажа. Приходишь в театр с заднего хода и ищешь своё имя в перечне распределений перед очередной постановкой. Волнуешься, как в юности, когда искал себя в списке зачисленных в училище, а у тебя уж седые виски. А дома сидишь у телефона, ждешь: не позвонят ли со студии, а телефон молчит, как палач!

Танюша внимала.

— Боже, а сколько суеверий! Артист боится черного глаза, на сцену не выходит без заветного амулета. А ведь должен всегда оставаться загадкой. Вот у меня был верный зритель, который приходил чуть не на все спектакли, я уж знал его — сидел всегда во втором ряду. Но когда оказалось, что у нас есть общие знакомые, его и след простыл. Загадка исчезла, мое небожителство оказалось разоблачено. Обидно. А ведь актер должен высоко себя ставить — иначе он не будет убедителен.

— Я тут недавно читала в какой-то газете не вполне справедливую рецензию, ты там упоминался...

Антип хватанул коньяка из бокала для вина и продолжил вдохновенно:

— Легкая травля даже полезна — заставляет зверя быстрее двигаться... И эта мифология, непрменный культ отца-основателя. А привычка меряться цветами и вызовами на поклоны, подарками — у кого больше... Но успех летуч, кончается как коньяк: сегодня хвалили, завтра опять в шкаф поставили. Печальное ремесло! Иди в театр и сдохни там от голода, если сможешь. И на студиях теперь платят мало. Все деньги уходят на охрану. А что там охранять кроме коррумпированных редакторш? Причем берут даже не деньгами — вымогают внимание и по возможности любовь, такая моральная коррупция.

Танюша глядела потемневшим взором.

— И потом — неясно для кого работаешь. Если на свое будущее, так это иллюзия, посмертное честолюбие: артист живет только сегодня. Для Бога, чьи театральные вкусы неизвестны? Для публики? Нет, для себя, только для себя самого. Артист ведь ждет похвал и аплодисментов, это как бы актерский витамин. Конечно, поначалу игра — это сплошное удовольствие, а потом не успеешь оглянуться — тяжелая работа, от которой воротит. Но ты уже на крючке: ждешь выхода, как наркоман дозы.

Антип заметил, что его любимые, ее чудесные глаза уже на влажном месте. Цель была близка. И он помчал дальше.

— Вот что говорил о театральном актере великий Ницше.

Стала портиться и гнить память, поэтому не ручаюсь за точность опилок. То есть цитат. Фальшивость с чистой совестью, говорил божественный Фридрих, вожделеющее пристрастие к притворству, вырывающееся наружу как власть, сдвигающее в сторону так называемый характер, затопляющее его, временами погашающее внутреннее стремление войти в роль и маску, в видимый избыток всякого рода приспособляемостей...

— Нет, память у тебя удивительная!

Гони, гони, поощрял себя Архип, не останавливайся. И продолжал:

— Подобный инстинкт легче всего вырабатывается в семьях низших сословий, которые вынуждены были влачить свою жизнь под переменчивым гнетом и принуждением, в глубокой зависимости, все наново приспособляться к новым обстоятельствам, всякий раз притворяться и прикидываться, и становиться почти что мастером того органически усвоенного и заядлого искусства, вечной игры в прятки; так от поколения к поколению накапливается это состояние, пока наконец не становится барским, неразумным, необузданным, пока не приручается к тому, чтобы, будучи инстинктом, командовать другими инстинктами и не порождает актера, поначалу скомороха, вряля, фигляра, дурня, клоуна и классического лакея...

Слеза, окрашенная черной тушью, скатилась у Танюши по прекрасной смуглой щеке. И она, проникшись к нему жалостью, прошептала:

— Женись на мне.

— Отчего же... — Антип сбился, и горло у него сделалось сухим. — Конечно... Это бы хорошо... Отчего бы и нет... Семья — это... отличное средство социальной защиты...

Она улыбнулась печально, отогнав слезу. Встала и пошла в спальню. Возможно, переодеться, возможно... *Ответ на вопрос Желтого Императора Чистой Девы: Существует путь соединения мужчины и женщины, и если следуют ему в форме и содержании, то мужчина избавляется от дряхлости, а женщина излечивается от всех болезней... Скажу тебе, что сущность этого пути заключается в том, что необходимо делать устойчивым дыхание ци и успокаивать сердце, гармонизировать волю...*

Сердце, однако, билось. Дыхание ци не становилось устойчивым. Воля не гармонизировалась. Он смотрел на нее. Когда Танюша повернулась спиной, Антип вдруг заметил почти неприметную синюю вену, что выскочила у нее на левой ноге. Смешные, нелепые старик со старухой. И оглянулся. Окна были зарешечены, подвиг Подколесина казался сейчас неповторим. Танюша слегка прикрыла за собой дверь. Он на цыпочках прошел к выходу. Неслышно отпер легкий замок. Тихо пробрался по первому пролету лестницы до нижней площадки, а там дунул. Пробежал по диагонали мимо приземистых незаконных гаражей. И ушел дворами.

Полулежа в кресле, стоявшем прямо напротив открытой двери балкона, он смотрел на море, на это прекрасное чудовище. Кто сказал? Возможно, тот же Ницше. Клонило в сон. Кресло было на колесах, и его кто-то будто подталкивал сзади. Антип оглянулся и узнал с большим лицом лысого человека, детского драматурга: как все писатели для детей, исключая, возможно, Агнию Барто, и этот был запойным. Его лицо всегда было овощного цвета: утром цвета свежего редиса, к вечеру — вареной свеклы, окрас зависел от количества выпитого. Он улыбнулся Антипу и сказал:

Не дуй мне в жопу, Копенгаген.

Антип хотел возразить, что это его, Антипа, юношеское сочинение, и правильно читать *в душу*, но не смог ничего произнести. Здесь же стоял и Саша Черный, дружок детства, с вечно смущенной физиономией от сознания собственного еврейства и от близости грозной жены Кэт, Попенко по первому мужу и Шепот-Железняк по предыдущему, малороссийскому, несбывшейся актрисы, открывшей было пасть, чтобы что-то трубно гаркнуть, но оттуда не раздалось ни звука, как в немом кино. Саша Черный исподтишка, умильно и фальшиво улыбаясь, пытался дотянуться до кресла Антипа ногой — тоже подтолкнуть. Рядом была и маленькая, крашенная под брюнетку, чисто выбритая экскурсовод-

ша, она тоже налегала на его кресло по мере своих слабых сил. И Олечка мелькнула сзади, улыбаясь своей милой тридцатилетней улыбкой порочной и лукавой школьницы. Подпихивала кресло и знакомая редакторша, похожая на плохо отструганную очкастую доску. И давно знакомая по театру милая старушка, художница по костюмам, всегда похожая нарядом на девочку-попугая: торчавшими из-под кофты полами розовой в цветок рубахи, фиолетовыми брючками по щиколотку, желтыми мокасинами, — и эта тоже тужилась. Только Гриша Варенец не посетил церемонию. Зато была здесь сиренеликая старуха смолянка: она и мать стояли в стороне, лицо у мамы было величаво-скорбное. Антип понял, что его кресло катят по кафельному полу балкона, но парапета впереди нет. На ближайшей скале оказалась фигура Танюши, она махала ему рукой и кричала: *женись на мне, женись на мне*, — горное эхо повторяло призыв. Он хотел махнуть Танюше в ответ, но тут ось подломилась, колеса клюнули вниз, и кресло рухнуло...

Когда из стихии сна Антип вынырнул и оказался на суше яви, он поймал себя на том, что даже во сне все время разговаривал. И мысль о женитьбе сейчас не казалась такой уж дикой. Но — поздно: *пустая вышла прогулка, всего ничего на дне лукошка*. Были ли именно такими его последние слова, мы, впрочем, в точности не знаем. В тот момент нас не оказалось рядом.

суббота, 6 сентября 2014, Москва

© Текст: Николай Климентович

© Фото: Эмиль Гатауров. Из серии "В сторону горизонтов"

Алексей ЦВЕТКОВ

за ближним востоком есть дальний восток

* * *

все проходит ни шиша не остается
смысла в домыслах нисколько или в сплетнях
кто последним по наивности смеется
погрустнеет как любой из предпоследних
словно ветер в поле чистом
рожь волнует
мысль проносится со свистом
все минует
суслик в сумерки беда его дорога
но неясны судьба его потешна
кто работает предателем народа
тот врагу его спаситель и надежда
сколько нас в родном овраге
вырастало
даже время для отваги
не настало
ничего еще на свете не возникло
а уже по мановению исчезло
ни язык не успеваает ни глазица
различить где время соткано нечестно
слишком быстро и похоже
дни сменялись
предпоследние ведь тоже
не смеялись

БАЛЛАДА КАНАТЧИКОВОЙ ДАЧИ

внезапно он впал в непонятки
и был на лечение взят
в приют где круглые порядки
лет может быть сорок назад
сестра выдавала таблетки
для восстановления сил
хранил их в бумажной салфетке
и новых исправно просил
в палате лежали больные
от жутких видений крича
с уколами в жопах иные
и не было к двери ключа
психический с фиксой в оскале
сновал среди коек как рысь
а к будке во двор не пускали
друзьям позвонить и спастись
тогда он решил притвориться
нормальным как эти врачи
нащупав где вроде граница
рассудка светилась в ночи
и мир показался понятным
известным как меньшее зло
с жестоким режимом палатным
расстаться ему повезло
он вырвался заживо с дачи
где дух у иллюзий в плену
а может все было иначе
и только казалось ему
что прежняя жизнь продолжалась
что осени краски пестры
и лишь мимолетная жалость
мелькнула в глазах у сестры
когда в простыне выносили
впотьмах санитары труда
чтоб в бедную землю россии
зарыть и забыть навсегда
где так и лежит он ненужный
свою отстояв правоту
и лес польхает наружный
как фикса у психа во рту

САФАРИ

приспичило секретарю райкома
предначертать чинов начальства в честь
с мотыгами сафари на дракона
а что у нас еще в хозяйстве есть

драконы эти если не соврали
дают на экспорт уникальный мех
ну и пошли а кто такой сафари
не знал пожалуй ни один из всех
начальство чутко ехало на джипе
в пожарных касках с ханкой в багаже
которую глотками небольшими
успело и попробовать уже
бежим в строю штаны мокры от пота
трусцой поодаль мой напарник лю
у нас в селе случается охота
на крыс а на дракона не люблю
он состоял из пламени и эха
огромный как великая стена
хрен из такого понащиплешь меха
из тигра проще или из слона
запас любви к отечеству кончался
уже штаны от мужества черны
он покосился вдруг на джип начальства
и чуть дохнул на высшие чины
по счастью партбилеты уцелели
в музее под стеклом по одному
драконы да в своем искусны деле
а кто такой сафари не пойму
мы сеем сорго с лю и землю пашем
опять на крыс охотимся как встарь
лишь о секретаре всплакнули нашем
хороший был не жадный секретарь

* * *

когда-нибудь я вспомню все что знал
и все что вспомню расскажу по полкам
и даже тем чего не вспомню толком
набью до люстр библиотечный зал
пусть служит мне последняя своя
просторная хоть и на склоне века
александрийская библиотека
где все из бывшей памяти слова
не упущу в реестре ни одно
из прежних лиц что радовали око
но горько будет мне и одиноко
глядеть в библиотечное окно
под визги сверл и циркулярных пил
сквозь стеллажей ажурные границы
от неудачи в поисках страницы
где было про тебя но я забыл

УТРАТА СИММЕТРИИ

приснилось зеркало но сам я в нем не сплю
 мне даже невдомек что вот лежу и вижу
 себя во сне глаза распахнуты вовсю
 с той стороны стекла сквозь жир его и жижу
 добро бы зависть в нем мерещилась к тому
 кто глупым первенством предпочитал кичиться
 но отраженному не толковать уму
 чем подлинней в стекле ребро или ключица
 и что за фишка явь когда чугунным сном
 объят оригинал от копии отлично
 а зеркало во сне и призрак бдящий в нем
 к моей реальности не пригнан симметрично
 уже всерьез боюсь что встану и уйду
 не тот который сплю а тот который видит
 меня в стеклянный лес попавшего в бреду
 откуда из двоих один на волю выйдет
 открыл бы кажется уже глаза но свет
 скребет пустой зрачок и огибает тело
 а наяву нигде оригинала нет
 там смерклось зеркало и время опустело

* * *

за ближним востоком есть дальний восток
 там был в старину император жесток
 из жителей жег смоляные огни
 чтоб ночь со стены освещали они
 а днем подмываемый ленью
 был слаб к соловьиному пенью
 за ближним востоком есть дальний восток
 там новые сутки пускают росток
 давно император вмурован в скалу
 но в чанах начальники месят смолу
 вперяя чиновные очи
 в чертог наступающей ночи
 за ближним востоком есть дальний восток
 там птица садится на шаткий шесток
 там ходят у самой рассветной каймы
 примерно такие же люди как мы
 по каменным стенам и башням
 огнем польхая всегдашним

© Текст: Алексей Цветков

© Фото: Эмиль Гатауллин.
Из серии "В сторону горизонта"

* * *

Есть у Юрия Казакова рассказ с таким названием: «Плачу и рыдаю».

Но о чем речь?

Восемь лет я читал в «Знамени» (литературный журнал такой, если кто не знает) так называемый самотек по прозе. Начиная читать его, я думал, что это на год-другой, а то и меньше, но увяз. Приглашая меня, главный редактор Сергей Чупринин сказал, что чтения там немного, двадцать-тридцать рукописей в месяц, ну, в основном, рассказы небольшие, — очень грамотно поступил как администратор: оказалось тридцать-сорок, причем ближе к последней цифре, а в осенне-зимние месяцы доходило и до пятидесяти. А кроме того, рассказы рассказами, но каждый месяц еще и десяток повестей, и шесть-семь романов. О, как я начитался за эти восемь лет!

* * *

В молодости я много читал чужих рукописей — все так же для заработка. Читал — и писал рецензию с разбором произведения, так тогда было положено, во времена ЦК КПСС, куда можно было пожаловаться на недостаток внимания. Подавляющую часть прочитанного оказывалось невозможно рекомендовать для дальнейшего рассмотрения в редакции — по причине самой простой: неважно написано. То ли плох язык, то ли ослаблено сюжетное мышление, то ли невысокий уровень, как теперь принято говорить, высказывания.

И вот мое наблюдение из нынешних дней: как все переменялось за эти несколько десятков лет! Не говорю о том, что в те прежние годы то и дело случались рукописи, написанные от руки. Тетрадки и тетрадки, исписанные четким каллиграфическим (а иногда и не каллиграфическим) почерком. Теперь такого практически нет. Даже и машинопись редкость. Почти сплошь компьютерный набор, лазерный принтер — любо-дорого взять рукопись в руки, читай и наслаждайся. Бывало, что и в самом деле наслаждался и чувствовал счастливое удовлетворение, что вытащил из самотека и пустил в жизнь настоящего писателя (если не в самом «Знамени», так где-то в другом месте). Правда, особенно наслаждаться не приходилось. Как и в те, советские годы возможности отдать рукопись на всеобщее дальнейшее чтение случалось нечасто — бывало, что за три-четыре месяца не попадалось такой ни одной.

Свобода и литература в России

Писательские заметки уходящего года

Но что же тогда переменялось еще? А переменялось, и существенно. Если прежде большая часть рукописей были просто плохо написаны, корявым, жутким, вынимающим душу языком, то теперь чуть ли не каждый третий автор пишет — дай Бог. И грамотно, и выразительно, есть стиль, есть авторская личность, и треть вещи прочел — хорошо как будто, и половину — неплохо, и вдруг, иногда в последний момент, под занавес, все рушится, идет прахом: сюжетные линии разлетаются какая куда, выскакивает чертиком из табакерки непонятный герой, которого не наблюдалось на всех предыдущих страницах, и стягивает на себя злым троллем одеяло повествования, оставляя остальных героев на морозе, а то авторское высказывание, которое обещало сравняться по силе и мощи с толстовским или чеховским, сворачивается в такой неприметный клубочек — смотри под микроскопом, не найдешь.

Вот эта главная перемена: необычайно повысившийся уровень письма и писательская неумелость во всем прочем. Что тому причиной?

Мое ощущение (опирающееся еще и на опыт ведения мастер-классов на «липкинских» форумах молодых писателей): писателей просто-напросто много быть не может. Это как в спорте. Бегать могут все, но лишь единицы способны дойти до уровня мировых результатов. То же у пловцов, у конькобежцев, да у всех. И повысившийся уровень языкового мастерства ничего не решает.

Но почему же, почему люди, получая всю жизнь отказы в публикациях, пишут и пишут, им заворачивают рукопись сегодня, они появляются через год с новой, откажут с нею — через пять лет он, глядишь, стоит в дверях с очередной вещью. Графоман, что возьмешь с него, существует мнение. Но почему, простите, жизнь делает человека графоманом? Ответ лет десять назад мне дали одни соавторы, муж и жена из Омска, вполне, кстати, социально успешные люди, оба кандидаты наук, преподаватели. «Только когда мы пишем, мы чувствуем себя свободными», — отвечая на мой вопрос, что их заставляет заниматься сочинительством, сказали они.

НЕДОСТАТОК СВОБОДЫ

Недостаток свободы — вот что делает наше российское общество обществом графоманов. Творя свой мир на бумаге, писатель словно бы становится вровень с самим Создателем, это чувство, которое ни с чем не сравнить, и в миг творения своего мира ты действительно свободен, как Создатель.

Приобщиться этому чувству, задыхаясь от переизбытка углекислоты в жизни, хотят многие, полагая, что писательским даром не обойдены и они. Поверить в то, что этого дара у них нет, значит отказать себе в так необходимом чувстве свободы. А как, где ее найти более легким способом? Записаться в оппозиционную партию, пойти дежурить на избирательный участок — и получить результатом выбитые зубы с сотрясением мозга? Писательство представляется предпочтительнее.

При чем здесь, однако, казаковское «плачу и рыдаю», помянутое в начале? Плачу и рыдаю — глядя, как все более насыщается российский воздух углекислым газом, вытесняя из него кислород. Все больше будет задыхающихся, все больше будет число стучащихся в редакционные двери...

А там, за этими дверьми, своего углекислого газа столько, что хоть кислородную маску надевай.

* * *

Место литературы в жизни российского человека в сравнении с советской порой феноменально изменилось. Как переменялось и собственно положение литературы в той общей ценностной системе координат, без которой никакое общество не существует. Лучше всего, на мой взгляд, публично это изменение зафиксировал все тот же Сергей Чупринин в своей замечательно названной книге «Перемена участи».

Что бы мы ни говорили, а российское общество, «открывшись» четверть века назад, продолжает, несмотря на метаморфозы последних лет, сохранять в себе многие черты этой открытости. Может быть, не влияния Интернета, но, в общем, так или иначе, остается открытым обществом.

А лишь в закрытом, закупоренном для свободного высказывания обществе литература обретает ту высокую значительность и свойства едва не религиозного учительства, как оно и было в России царской, а после советской. Изменение состава общественной атмосферы меняет и смысл существования литературы.

Русская литература до сих пор не поняла и не восприняла тех перемен, что произошли в России — в смысле тех новых требований к ней, которые эта новая атмосфера рождает и к которым упорно разворачивает ее на протяжении уже четверти века.

Ясно, что «говорить правду» больше не является одной из высоких и первоначальных задач литературы. Просто потому, что «говорение» правды подразумевается в нынешней жизни как бы само собой, как закваска в хлебе. Ясно, что и писательское «самовыражение» — отнюдь не тот компонент, которым может быть оправдана занудливость повествования, его невнятность, непонятность, раздерганность. Писатель вступил с читателем в прямые партнерские отношения собеседничества, где монолирующий писатель должен быть во всех смыслах интересен внимающему его рассказу читателю — на уровне увлекательности рассказа, на уровне мысли, чисто словесной виртуозности, — а иначе читатель имеет право (и будет прав!) встать из-за разделяющего их невидимого столика, не допив своей чашки чая, и оставить это заведение, под крышей которого они встретились, — книгу, иначе говоря.

В советской литературе был некоторый «подотдел», который пытался играть роль такой, «интересной», литературы. Это, конечно, прежде всего детективы и фантастика, а также сатирико-юмористическая литература. Но был этот «подотдел» в общем потоке литературы довольно слаб, большей частью жидок качеством — никак не мог сравниться с собственно «большой» литературой, — да и рассматривался литературными кураторами как некое не вполне законорожденное дитя, которое уж только потому существует, что вовремя, пока было слепым, не утопили.

Надо сказать, что издатели довольно быстро почувствовали «перемену участи» литературы, почему и обрушили на читателя нескончаемый и бурный поток криминального чтива и разного рода фантастики. Делали они это, однако, исходя из сиюминутной выгоды и своих эстетических воззрений, которые, мягко говоря, желали (и продолжают желать) лучшего, оттого и жанр детектива, и жанры фантастики оказались у читателя в итоге дискредитированы.

Что до писательского рода, то мы этой перемены, почувствовав ее на своей шкуре, весьма долго признавать тем не менее не хотели. Да и до сих пор не очень-то признаем. Свидетельством тому приход новых имен (уже новых, советскую власть заставших в коротких штанишках!) с многопудовыми, не читаемыми романами, любующимися своим мастерством, не желающими знать читателя: я самовыражаюсь — а ты плати деньги за мое самовыражение. А и те, кто не многопудов, тоже не желают быть интересными, увлекательными собеседниками, стыдясь «потрафлять» читателю, «опуститься до него», свято блюдут традиции «великой русской», словно не замечая, что прошедший водораздел отделил *ту* жизнь и *эту* безвозвратно и жить следует на *этом* берегу, а о том, прежнему, просто помнить.

Конечно, лично я уже не смогу стать другим писателем, какой есть, такой есть. Хотя, надеюсь, в «Солнце сияло», «Цунами», «Чуде хождения по водам» сумел сделать навстречу новой реальности те необходимые шаги, о которых сейчас говорю. Не мне судить, насколько смелы и решительны были эти шаги, насколько они удались, — но я их сделал.

А вообще в нашей литературе должны появиться наши вудхаузы, бегбедеры, брауны, саган, мураками, форресты, макьюэны, жапризо, сэлленджеры, фицджеральды — прошу прощения за использование множественного числа этих уважаемых мной имен (некоторых даже и очень), как, равным образом, и за общую свалку в списке. Этот список — чтобы не писать объяснений, неизбежно отдававших бы литературоведением.

Обновления! Сама литература, а не только книгоиздательское дело требует обновления. Таковы вызовы времени, и не ответив на них, литература рискует стать в нашем обществе той ценностью, которая никому ни за чем не нужна.

* * *

25 лет, что прошли, как началась новая российская жизнь, — большой срок. Успело родиться, вырасти и войти во взрослую жизнь, приняв на свои плечи ее груз, новое поколение. Целое поколение, не жившее при советской власти, не знавшее ее! И за это время удалось только все поломать и не создать ничего путного нового.

Издатели винят писателей: пишете непонятно, темно и мудро, давайте попроще, предложения покороче, мысли победнее. Книгораспространители винят издателей: не то издаете. Чиновники винят всех и поощряющее кивают на тех, кому удастся попроще, покороче, победнее.

Однако от того, что попроще, покороче, победнее, ничего не меняется. Вложит издатель деньги в рекламу — пойдет книга, не вложит — не пойдет. Нет у оптовика льгот для доставки книги в глухие углы Отечества — он и не везет. И только писатель всё пишет, пишет... велика писательская страсть!

Но только еще новые 25 лет — и нормальной литературы не будет. Той, которая и эстетическая радость, и глубина мысли, и красота образов, и яркая индивидуальность автора. Все станет в конце концов вот так, как нынче мечтается: просто, коротко, небогато — что слогом, что мыслями.

А яркая, праздничная витрина, наверное, останется. Премии, конференции, ярмарки... Без витрины в любом деле нельзя. Реальная же, завитринная жизнь истлеет необратимо.

Где тот Архимедов рычаг, от приложения которого все может перевернуться, встать на место, заработать как должно, как нужно, как положено? Да и есть ли он, один такой, — что приложишь, и все станет, как надо? Скорее всего, вначале нужно осознание всеми участниками книгоиздательского процесса, что волочащая его лошадь уже захлестана до потери сил, сколько-то еще потянет, а там, гляди, и падет.

* * *

После 1991 года, уже полную четверть века, русская литература живет и развивается в другой ценностной парадигме, чем два столетия до того. «Эпоха закончилась», сказали мы друг другу согласно, разговаривая на эту тему с одним критиком.

Ощущение этого пришло, в принципе, уже давно. Лично мне — еще в конце 90-х, без малого двадцать лет назад. В «Литературной газете» я тогда написал, что на глазах формируется новый писатель. Один тип которого — писатель для своих, говорящий с избранными об избранном, демиург, но не жрец Аполлонова храма, для которого, иначе говоря, литература — не «жизнь и судьба», как было в русской литературе до того, с момента ее возникновения. Второй тип — писатель для толпы, для черни, сочинитель чтива, профессионал, может быть, даже искусный ремесленник, но никак не мастер. Писатель, для которого ни первый, ни второй путь неприемлемы, для которого литература не эстетическая игрушка или средство для медитации, не изготовление утилитарных поделок, оказывается в России не нужен.

Надо заметить, что когда я писал об этом в «Литературной газете», я и сам не очень-то верил в то, что говорил, это было ощущение, которое, предполагал, могло быть и ложным. Но прошедшие с той поры годы не укрепили прежнее мое ощущение, а превратили его в твердое убеждение.

Именно такой литература и стала: с одной стороны — свои для своих, и за пределами своего круга никакие другие имена и произведения не интересуют, как их и нет; с другой стороны — литература-ремесло, как тачание сапог, портновская работа, работа сантехника, айтишника... Разница между двумя этими типами литературы в том, что первая создается все же по вдохновению, материальная сторона вопроса ее не особо интересует, вторая же вся замешана на материальном вопросе, исчезни вдруг в одно мгновение гонорар за ее создание — и она исчезнет в одночасье. Общее между ними — их декоративность. Ни та, ни другая не занимается СМЫСЛАМИ. Жизнью в ее реальную величину. С ее болью. Страданиями. Радостью. С ее высотой и пошлостью. С ее человеческими взлетами и падениями. Всё вышитые, кружевные скатерочки и салфеточки на стол, а сам стол — без яств и даже простой каши, есть нечего. Цветы цветут — роскошь, чудо, глаз радуется, а плодов нет.

Но страна потому и была литературоцентрична, что литература для ее создателей была той самой «жизнью и судьбой». Не по какой другой причине. Радоваться тому, что мы перестали быть литературоцентричными, как то делают некоторые литераторы, совсем даже не пристало. Хорошо иметь богатую композиторами страну. Хорошо иметь великих художников в Отечестве. И режиссеров, и актеров, и даже, скажем, министров. Но те самые СМЫСЛЫ, которые потом организуют и направляют жизнь страны, сплывают народонаселение в народ, вдохновляют его и прославляют среди других народов, вырабатывает и рождает только литература.

* * *

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Утверждение, что религия и культура растут из одного корня, давно сделалось постулатом. Тем более что на чисто семантическом уровне это в высшей степени наглядно: «культ» как религиозное служение и «культура» — один корень.

Но если пытаться разобраться во внутренних связях, то дело становится не столь очевидным. Ощущение чего-то близко, рядом стоящего с человеческой жизнью и в то же время неухватываемого ни зрением, ни слухом, ни осязанием, невозможного для постижения сознанием — трансцендентного, дано большинству людей. У кого-то это проявляется в детстве, и довольно раннем, у кого-то с возрастом и даже в старости, у кого-то лишь в смертельной опасности.

Однако независимо от этого ощущения почти так же каждому человеку свойственно тянуться к чему-то ВЫСШЕМУ, что можно обозначить как цель жизни, ее смысл, некая ценность, что находится за пределами твоего понимания, но которая понимается именно как ценность. Так, свидетельствуют многие авторы, отпетые зеки ловили несравненный кайф от пересказов их интеллигентными собратями по несчастью различных сюжетов классической литературы. Подтверждается это и собствен-

ным опытом. В детстве сосед по подъезду, мой сверстник, уже и тогда со всею возможной яркостью обещавший себе «тюрьму и ссылку», не мог отлипнуть от меня, когда я начинал пересказывать какую-нибудь книгу, что читал в тот момент. Приходя истинно в священный восторг на каком-нибудь месте типа того, когда во «Власти Советов» у В. Катаева герой произносит «як из говна пуля». «Что, так и напечатано?» — весь трепеща, спрашивал он. «Ну да, — отвечал я. — Только вместо «о» и «в» три точки поставлены». «Но все равно!» — восхищался он. Восхищение его было связано не собственно с этим словом, ставшим ныне столь естественным без всяких точек в повседневной речи, он восхищался тем, что узнавал что-то понятное и близкое в том высшем, что сверкало для него фантастическим, недостижимым дворцом на недоступной вершине.

Без приобщения к некоему идеалу, к чему-то высшему, осознаваемому именно как ценность, человеческая личность просто не может. Нет этого высшего — и личность аннигилирует. Для верующего человека таким высшим естественным образом является Бог. Всякие попытки заменить это понятие другими (типа Абсолют, Информационное поле, Ноль-величина и т.п.) натужны и смешны. Зачем придумывать новые названия тому, что уже определено давно и равносильно нашей способности дышать? Ну, можно назвать «стул», «стол», «табурет» по-иному, — какой, однако, в том толк? Сущность вещи от того не изменится.

С человеком, придерживающимся материалистических воззрений, с определением высшего все оказывается много сложнее. Ортега-и-Гассет говорил, не помню, в каком из своих сочинений, что смысл человеческой жизни оказывается заключен в пределах самого человеческого общества. Иначе говоря, то чувство трансцендентного, что свойственно человеку изначально, упирается в пределы, выйти за которые нельзя ни при каком условии. В таких обстоятельствах роль искусства, литературы, в частности, возрастает необычайно. Получается, что искусство с литературой могут заменить собой Бога — как это и было для многих художников XX века. А и не только художников. Для большей, основной массы интеллигенции. Культура в XX-м веке, особенно в нашей стране, действительно стала превращаться в культ, вытесняя церковь, тем более что атеистическая власть всеми силами тому способствовала.

Изменение отношений власти и церкви (не только с православным христианством, но и с иудаизмом, и с исламом, и с буддизмом) в немалой степени поспособствовало тому, что в сознании многих искусство с литературой лишились ореола «культа». С чем, возможно, также связано падение тиражей и интереса к той же литературе.

Но что же тогда, культ (как служение Божественному) и культура имеют лишь семантическое совпадение, расходясь в своей сущностной основе?

Нет, и в сущностной основе они совпадают, произрастая из одного корня — ощущения трансцендентности мира. Просто у них разные, хотя и параллельные задачи. Религия примиряет с этой самой трансцендентностью мироздания, культура — с трансцендентностью человеческого бытия в материальном мире. Культура начинается с вопля, исторгающегося из человеческой груди: «не могу молчать!» Этот вопль может быть направлен в вырытую торопливо яму со свидетельством об ослиных ушах царя Мидаса, а может быть трехбуквенным словом, размашисто начертанным мелом на корявом строительном заборе. Вырвавшийся вопль, как и мат на заборе, позволяют обрести равновесие и плыть в вечно бушующем человеческом мире дальше. Иногда (да что там, чаще всего) мы не можем оформить наш вопль во всей полноте его смыслов и информации, и вот тогда на помощь нам приходят они, искусство с литературой. Глядя на «Троицу» Рублева, «Мону Лизу» Леонардо да Винчи, читая «Войну и мир» Толстого или пушкинского «Бориса Годунова», я преисполняюсь такой полноты бытия, какую — Господи, прости! — могу получить лишь по причащению. С той, разумеется, существенной разницей, повторюсь, что в случае принятия Святых даров примиряюсь с непознаваемостью мироздания, пока нахожусь в телесной оболочке, в случае же Рублева-даВинчи-Толстого-Пушкина примиряюсь с непознаваемостью целей этого нашего телесного существования.

Странно для кого-то, наверное, прозвучит утверждение, что Толстой и хлесткое слово на заборе принадлежат к одной «сущности», но это так. При этом, однако, являясь одной сущностью, они соотносятся друг с другом как две враждебные, стремящиеся к поглощению другой, не способные к взаимосуществованию силы. Потому-то в высшей степени важно, чтобы наша культура, с таким трудом, такими усилиями наработанная несколькими поколениями русских людей (и литература, литература, конечно же!) не стала тождественна этому намалеванному на заборе слову.

«ПИСАТЕЛЬ ПИШЕТ СМЫСЛАМИ»

Для того чтобы не сделаться тождественной намалеванному на заборе слову, современная литература должна вспомнить о формуле, выведенной одним замечательным писателем, Николаем Лесковым, в статье о другом замечательном писателе, авторе «Войны и мира», Льве Николаевиче Толстом. Формула эта звучит так: Говоря «литература должна вспомнить», я говорю не о писателе в том распространенном ныне смысле слова, когда писатель — всякий пишущий, тем более сочиняющий истории человек, будь то что-то подобное той же «Войне и миру» и «Котловану» или какому-нибудь, позвольте выдумать, «Убийству из-под полы», настуканному за неделю на ноутбуке в объеме, превышающем оба первые названные романа. Я говорю о писателе, который пишет именно СМЫСЛАМИ.

Современный читатель, похоже на то, совершенно не осознает, что такое литература, какова ее роль в обществе, то есть и в жизни каждого человека, чего он, читатель, вправе требовать от писателя, а писатель, в свою очередь, ждать от читателя, чем, наконец, писатель отличается от музыканта или актера (совпадая при этом в своих профессиональных константах с композитором и художником).

Сверхзадача, высказывание, месседж — то отличительное свойство всякого литературного произведения, которое создается писателем, отвечающим лесковской формуле. Он может быть великолепный стилист и не очень, мастер сюжетного письма и слабоват как сюжетчик, работать в изобразительной манере и чисто повествовательной — тут долго можно длить противопоставления, но неизменно у этого «лесковского» писательского типа одно: он стремится сказать своим произведением что-то глубокое, важное и для него самого, и для читателя, пытается, исходя из своего опыта, своего понимания мира, ответить на вопросы, что разлиты в атмосфере общества, в котором он живет вместе со своими читателями, разлиты — но не всеми, подчас даже далеко не всеми ощущаемы. Это не значит, что такой писатель не ставит перед собой задач быть интересным читателю, в том числе и «подразвлечь», но с подобных вещей для него все лишь начинается, а не заканчивается, как то свойственно 99 процентам авторов криминального или фэнтезийного чтения.

Утверждать, что время писателей классического, скажем так, склада прошло, что они не нужны, надоели и раздражают — это лишь признаваться в определенных особенностях своей личности. «Подражание» Чехову и Толстому — не блажь, а необходимость, требование, негласно высказываемое самим обществом. Потому что сахарная вата — это интересно, это вкусно, особенно если ты ребенок и гуляешь с родителями по отданному во власть праздника городскому парку. Но есть сахарную вату каждый день, да еще утром-днем-вечером — верный путь к неизлечимым заболеваниям; хлеба, мяса и овощей с фруктами — по-настоящему питательной еды — требует организм. То же и с литературой. Ешьте, ешьте детективы с фэнтези и ничего иного не берите в руки, но я сомневаюсь, что вы можете стать хорошим инженером, юристом, финансистом, врачом... Что-то в органике вашей личности не позволит вам взять те невидимые взглядом высоты, без подъема на которые не стать хорошим специалистом.

Что еще очень важно. Быть любителем, заниматься писательством как хобби писатель «лесковского» типа не может по определению. «Смысловое» писательство — это воловий труд, съедающий человека без остатка, не оставляющий сил ни на что другое. Такой писатель не может быть никем, кроме как писателем. Советовать ему заниматься чем-то еще — это не понимать самой сущности писательства. Он, впрочем, как правило, и занимается (вынужден!), но это или в молодости, когда еще много

сил и есть физическая возможность работать по 13-14 часов в день, или уж совсем от безысходности, когда писательство никак не кормит. Однако в любом случае хобби у него — не писательство, а работа, дающая кусок хлеба, и при самой ничтожной писательской удаче он от этого хобби откажется, пусть даже с белой булки придется перейти на черную, а то и солдатские сухари.

ГОСУДАРСТВО И ПИСАТЕЛЬ

И наконец о взаимоотношениях писателя и государства. Станным образом у нас эти взаимоотношения понимаются сугубо в советском толковании: писатель подобно теленку, припавши к материнским сосцам, сосет государство, а оно позволяет ему это делать, потому что за каждый миллиграмм отсосанного молочка возьмет с него сторицей.

Ну да, конечно, так с Советским государством дело и обстояло. Но разве лишь такая форма взаимоотношений и возможна? Отнюдь нет. Что, разве во Франции, Италии, Германии, Великобритании писатель и государство, как те самые мухи и котлеты, все по отдельности? Ничего подобного. В отличие от нашего российского, все более восстанавливающего в себе советское, эти другие государства (разумеется, в лице своих определенных институтов) прекрасно понимают роль и значение литературы в общественной жизни. И всячески существованию литературы способствуют.

Я не работник министерства культуры, не имел возможности специально изучать, *вопрос*, у меня лишь факты из личного опыта, из дружеского общения с коллегами. Вот та же Германия, как мне рассказывали. Начинается новый год. И ни один издатель не может издать ни одной книги без специального соглашения конфедерации издателей с конфедерацией писательских ассоциаций. Может быть, эти организации и не так называются — не конфедерацией и не ассоциацией, уж как помнится, — главное в том, что не могут. Почему? А потому что согласно общегерманскому закону издатель не может платить писателю меньше определенного минимума, этим соглашением между конфедерацией и ассоциацией этот минимум ежегодно и устанавливается. Это называется защита писательских прав, и этот закон о защите принят кем? Государством, разумеется.

В Нидерландах редактируемый моим другом Эдзардом Миком литературный журнал (простите, не помню названия) финансируется напрямую правительством — отдельной строкой в бюджете. В Англии один писатель, пишущий для подростков, когда мы говорили с ним о заработках, сказал мне: я неплохо заработал на этой вот книге, ее хорошо брали в библиотеках. Как это можно заработать на библиотеках? — удивлению моему не было предела, вот уж да. Оказалось, в Англии существует закон (принятый парламентом!), согласно которому по выходе книги в течение определенного времени автору платятся роялти с каждого запроса его книги в библиотеке.

В Италии с каждой книги классики издатель отчисляет в специальный фонд развития литературы (или как он называется?) один процент от стоимости каждого экземпляра книги. В Румынии подобный процент составляет, кажется, целых 4 процента. Как конкретно обстоят дела в этом царстве чистогана — Америке, не знаю, но знаю, что благодаря закону о благотворительности там существуют сотни литературных журналов (пусть и небольшим тиражом), а бюджет Американского ПЕН-центра не бывает меньше миллиона долларов в год.

Это роль государства в литературе? Да, несомненно. Но понимаемая и осуществляемая совсем не так, как у нас. Человек, брошенный один на один со стихией рынка — это не про писателя в зарубежье. Это про писателя у нас, это точно. Где он неизбежно оказывается в роли жертвы.

Уместно здесь еще раз зафиксировать уже высказанную выше мысль: писательство на самом деле никогда не было явлением массовым и не может быть таковым по своей природе. Это такая мелкая, необъемная ниша в гуманитарной составляющей общества, что одновременно находиться в ней может очень ограниченное число индивидов. Занять место в ней чрезвычайно сложно, как и удержаться,

и если кто полагает писательство своим хобби, то писателем никогда не станет. Плата за писательство неимоверно высока: вся ваша жизнь.

* * *

ПИШУТ ВСЕ, НО НЕ ВСЁ – ЛИТЕРАТУРА

Вот на что я обратил внимание, читая блоги в «Живом журнале» и «Фейсбуке»: сколько людей едва не до интимных подробностей рассказывают о своей жизни, о каждом проживаемом дне, о своих делах, мельчайших, незначительнейших — вроде того, кто как оделся нынче, выходя на улицу, кто что поел на завтрак-обед-ужин, какую деталь в машине поменял, чем занимался на работе, как заходил в магазин и что загрузил в тележку!.. И далее, далее можно длить перечисление этих подробностей — до бесконечности.

При этом в тех же дневниках, на общих площадках для обсуждения, в различных сообществах то и дело встречаешь рассуждения, подчас осторожные, с вопросом, но чаще горячие, категоричные, что вот такого рода дневники и есть подлинная литература. «Тебе интересно читать? — Мне ужасно! — А тебе? — И мне! — А я книги вообще больше не читаю! — И я на них забил, одна выдумка, на фиг мне надо!» На фиг писателей, то и дело нарываешься на такой вопль в Интернете, прямо или не слишком прямо выраженный, сами будем друг другу писателями, куда интересней!

Невольно уже и думается: действительно, не к тому ли идет дело? Эксперты по книжному рынку сообщают, что тиражи падают, электронная книга тоже никак не может по-настоящему встать на ноги, издатели убажуют рынок всяческими маркетинговыми экспериментами, а он не поддается ни на какие ухищрения. Да здравствует литература, представляющая, по сути, не что иное, как вечерний треп на завалинке перед заходом солнца: я сегодня десять раз по воду с коромыслом сходила! а я всю картошку в огороде окучила! ой, девоньки, а мой-то разошелся, так все дрова переколот!

Скажете, этот вечерний треп на завалинке — все же не литература? И будете правы. Скажете, что в Интернете — это все же совсем не то, это другой уровень интересов, другой уровень культуры? И будете правы лишь в том, что уровень иной, а суть все та же: треп без смысла, весь смысл — в психической разгрузке, и лишь поверхностная рябь жизни без движения к некоей цели, открытию, постижению. А без открытий, без постижения, без обретения неких истин, больших или не очень, — это уже никак не литература. Потому что литература, в какой бы форме она ни бытовала, устной, фольклорной, или письменной, тем и отличается от всякой иной человеческой деятельности, что ищет и стремится обрести *смыслы*. Цель работы сапожника — стачать сапоги. Цель работы портного — пошить платье. Цель работы автозавода — чтобы из его проходной выкатился автомобиль. Цель человека, водящего пером по бумаге (или стучащего по клавиатуре компьютера), — также произвести *продукт*. И подобно сапогам с костюмчиком от сапожника и портного (или автомобиля от автомобилестроителя), этот продукт должен иметь не просто форму, но и свое назначение, которое в литературоведении и вообще в искусстве называется *содержанием*.

Такого содержания у тех блогов, о которых речь, нет.

А его и не нужно, это теперь будет такая литература, просвещают нас пропагандисты «новой литературы».

Что, безусловно, полные враки. Со времен Гомера — жившего уж когда! — литература в своих основных константах не менялась. Не менялась, потому что остается неизменной человеческая природа. А под эту природу, наверное, путем проб и ошибок, нам ныне неизвестных, литература и «сшила» себя. Меняются содержательно времена — и меняются содержательно литературные произведения. Но в своей форме, в своем назначении литература не меняется. Уже несколько тысячелетий. Так не меняется тысячелетия форма обуви — потому как не меняется форма человеческой ноги. Сандалия ли, туфля ли, сапог ли — все они непременно образом имеют подошву и охватывающий ступню верх.

Это очень консервативный продукт развития человеческого духа — литература. И как всякое консервативное явление поддается лишь внешним, незначительным изменениям. Оставаясь внутренне все прежним. Ей крайне несподручно по нынешним временам быть на виду, литературе, вот она и ушла в тень. Незнающему человеку так просто увидеть ее там невозможно. Сколько она пробудет в тени? Бог весть. Но исчезнуть она не может.

* * *

Понятно, что, рассуждая о литературе, ее законах, задачах, смыслах, мы обычно имеем в виду литературу высокую, наследницу Пушкина, Толстого, Достоевского, Диккенса, Флобера, Хемингуэя, Т. Манна... Но всегда, во все времена параллельно с высокой литературой была литература развлекательного толка, лишенная больших идей, не слишком качественная в отношении языка, эксплуатирующая стилевые и технические приемы, разработанные собственно литературой. Раньше такая параллельная литература так и называлась: «паралитература». Теперь называется массовой.

Это небезболезненное переименование. Оно своим упором на семантическое значение «массовая» в результате принижает высокую литературу, наклеивает на нее невидимый, но въявь ощутимый ярлык некой второсортности: вот только для таких идиотов, которые простой хлеб не едят, а исключительно пирожные. В то время как все наоборот: литература сытного, полезного, качественного хлеба — и литература хлеба, испеченного едва ли не целиком из опилок, а для съедобности и калорийности обильно заправленного дешевым сахаром.

«Паралитература» — очень справедливое и точное название. То, что идет «парой», «в дополнение», «в довесок». Понятно, что издателям выгодно вместо точного определения «паралитература» использовать другой, более благозвучный и даже как бы возвышающий термин «массовая», однако же и сами писатели (а прежде всего это относится к критикам), стремятся, задрвав штаны, бежать за комсомолом, переводя паралитературу в разряд собственно литературы.

ЛИТЕРАТУРА И ФАНТАСТИКА

В разговоре о собственно литературе и той, что «массовая», не избежать темы взаимоотношений между этой собственно литературой и фантастикой (фэнтези как разновидности фантастики в том числе).

В принципе, если коротко, литература — это все, что сочинено авторской фантазией, выражено посредством слова (а не красок, например), имеет событийную составляющую — с героями или без (так называемая эссеистика, события которой — «приключения» мысли).

Эссеистику, однако, отставим в сторону — с ней в России все непросто, да ее, по сути, у нас просто нет, разве что вот сейчас только и закладывается ее фундамент, на котором неизвестно еще что за здание вырастет. Возьмем ту часть литературы, которая искони считалась в России собственно литературой — так называемую литературу художественную, где герои, их взаимоотношения, некая история, которая всех этих героев объединяет, и вот один ведет себя как подлинно герой, другой как последний подлец, третий жертва, четвертый ни то ни се.

Неужели и в самом деле мы сочтем литературой лишь то, что определяется словом «реализм»? Где, как говорится, конкретные жизненные характеры в конкретных жизненных обстоятельствах — все, как в жизни. Нет, разумеется. Что нам тогда делать с «Носом» Гоголя, да и с «Портретом», и со «Страшной мезьей»? С «Двойником» Достоевского? С его же «Бобком»? А и «Черную курицу» Антония Погорельского можно вспомнить, если уж пришел на память наш XIX-й век, и «Городок в табакерке» Владимира Одоевского.

Нет, все это литература, и сомневаться никому не придет в голову, что литература.

Но откуда же в сознании такое противопоставление «литературы» и фантастики?

Все дело в неразработанности вопроса отечественным литературоведением, которое никогда не уделяло внимания тому фундаментальному расхождению между «литературой» и фантастикой, которое и сформировало в литературном быту столь разное отношение к этим двум способам бытования искусства слова.

«Литература» пишет о человеке, фантастика — о событии. «Литература» использует сюжет как средство рассказа о человеке, видит в нем инструмент, для фантастики основное — коллизия, человек в ней лишь функция, способ осуществления этой коллизии. «Литература» может быть написана скверно, тусклым, корявым языком, фантастика же — блистательно, ярко и выразительно, но оттого они никогда не изменятся в своей сути, не поменяются местами: одна — «литература», другая — «фантастика».

Впрочем, в отечественной практике блистательно написанная фантастика практически не встречается. Более того: две трети ее, не меньше, написано просто скверно. Что легко объяснимо: читателю, для которого важны прежде всего (а даже и только!) перипетии фантастического сюжета, красоты стиля не имеют никакого значения.

В то же время читателю «литературы» язык, достоверность изображения и изящество воплощения авторской мысли в сюжете, как правило, чрезвычайно важны, он, не помня, в то же время прекрасно помнит родовое происхождение «литературы» — изящная словесность, и помнит о том писатель, стремясь этому родовому происхождению соответствовать.

Та же ситуация, по сути, и с детективом. Какие бы особенности автор ни придает своим героям, какими бы чертами характера и привычками ни наделяет, они все равно остаются всего лишь оживленными функциями, подвижными фигурками, должны оживлять загадочный, будоражащий сюжет. Главное — кто убил, зачем убил, восторжествует ли справедливость, а человек как человек, как мир, как космос — это несущественно, человек служебен.

Но возвращаясь к разговору о разграничительной черте между «литературой» и фантастикой (ну, и детективом, конечно). Приходилось неоднократно слышать: почему толстый литературный журнал полагает для себя возможным напечатать вот такую, скажем, вещь, где в основе фантастическое событие, а роман такого-то, тоже фантастику, отвергает? Ведь и там, и там фантастика!

Этот вопрос с восклицанием блистательно демонстрирует абсолютную неразработанность в отечественном литературоведении теории, назовем так, метафорической литературы. Которая, используя сходные с фантастикой приемы, к фантастике не имеет никакого отношения, являясь на самом деле все той же «литературой». В которой главное не фантастическая ситуация, а человек в ней. Это все та же линия «Носа» Гоголя, «Двойника» Достоевского, в XX-м веке у нас — «Собачьего сердца» Булгакова, «Приглашения на казнь» Набокова. Неразработанность этой теории смущает и критику, дезориентирует и читателя, который оказывается неспособным разобраться, что перед ним.

Однако хотелось бы особо подчеркнуть: нет, «литература» — это не только реализм. Это всякое художественное сочинение, в центре которого стоит человек. Жаль вот лишь, что термин «изящная словесность» вышел из употребления и приходится, чтобы как-то обозначать литературу, в центре которой стоит человек, брать это слово в кавычки, как бы вкладывая в термин некое ироническое отношение.

На самом деле никакого иронического значения я, конечно, не вкладываю, совсем даже наоборот. Фантастику (качественную, само собой) я люблю, а «литературе», что говорить, отдана жизнь.

СВЕРХЗАДАЧА И МЕССЕДЖ

Неожиданно для меня обнаружилось, что термин «сверхзадача», весьма популярный в 60–80-е годы ушедшего века в литературоведении и критике, как равным образом и в редакционном обиходе, совершенно незнаком и непонятен нынешним молодым (или относительно молодым) людям. При этом он их чрезвычайно заинтересовал, как если бы им послышался в нем некий намек на се-

крет, при овладении которым станут понятны критерии существования литературы высокой и низкой, критерии существования литературы вообще, наконец — законы создания литературного произведения.

Нет, однако: термин этот не «золотой ключик», никаких дверей в «волшебный театр» он не открывает, это всего лишь термин, который позволяет одним словом описать определенное качество литературного произведения, степень его приближения к тому идеалу, что замысливался материалом и исходными чувствами писателя. Это нечто вроде гаечного ключа, придуманного, чтобы закручивать-откручивать гайки, но никак не сам механизм, в котором, кроме других деталей, есть и эти самые гайки.

Термин «сверхзадача», как известно, придуман Станиславским для своих режиссерских целей и вошел как понятие составной частью в его систему. Не знаю, когда он пришел в литературоведение, но это было очень удачное заимствование: одно слово описывает разом весь комплекс задач, которые ставит перед собой автор, сочиняя свое произведение. С одной стороны, ставит, с другой — решает.

Я заглянул в несколько литературных словарей, которые у меня есть, «сверхзадача» в них не оказалась. Во всезнающей «Википедии» она нашлась, там «сверхзадача» определяется как «главная цель». Это так лишь в известной мере. Сверхзадача — это комплекс целей, поставленных перед собой и решаемых автором, это их разнообразие, сведенное в один пучок и направленное в единую точку. Объяснить более доступно и ясно, как бы того кому ни хотелось, я не могу. Это и мысль, которую хочет провести через повествование и донести до читателя автор (задача, решаемая через направленность событий, взаимодействие героев, их сцепление-отталкивание), и то эмоциональное воздействие, которое автор хочет оказать на читателя, и, наконец, пафосная составляющая, которую должно так пережить со струной мысли и струной эмоции, чтобы она нигде, ни в чем не прозвучала фальшиво.

Решение всех этих целей, сплетенных в одну составляющую — сверхзадачу, — естественным образом диктует те художественные средства, которые автор может позволить себе в данном конкретном повествовании (а какие-то не может ни в коем случае!), диктует определенный «набор» событий, которых непременно образом должно быть строго в меру: не больше, не меньше — что по количеству, что по размеру эпизодов. Неравновесие, перегруженность чисто словесная или событийная, как, равным образом, и недогруженность, тотчас влечет за собой разбалансировку всего внутреннего механизма произведения, повествование «проседает», «провисает» — терпит результатом крушение в своем следовании к намеченной смысловой, художественной, эмоциональной точке и авторская сверхзадача.

Глаз опытного литературоведа или критика сразу видит, насколько справился со своей сверхзадачей автор. Может ли при этом даже и опытный литературный эксперт ошибиться в своей оценке? Разумеется. Существенно, однако, то, что возникающая разноголосица мнений при критической оценке произведения, как правило, не связана с тем, насколько автору удалось решение поставленной перед собой сверхзадачи, а связана что называется со «вкусом», с приверженностью к определенному стилю, темам, героям...

Разговор о сверхзадаче при этом неизбежно оказывается связан с разговором о сюжетной конструкции, композиции, проработке характеров, взаимодействии героев и т. д. и т. п. — потому что решение этой самой сверхзадачи вне владения техническими средствами, при помощи которых выстраивается произведение, невозможно. У самой сверхзадачи нет составных элементов, кроме тех, о которых говорилось выше. Она вбирает в себя все эти экспозиции, завязки, кульминации, развязки — как растворяет в себе соли раствор.

Современная критика термин «сверхзадача» ныне не использует. Во всяком случае, я не встречал его. Он вытеснен «месседжем», «высказыванием». Но эти современные термины гораздо мельче по своему наполнению «сверхзадачи», никак они не могут заместить ее. Отсюда, не исключая, и те странные, а порой диковатые оценки нынешних конкурсно-премиальных работ, о которых много и часто говорят: сбита оптика, нет резкости наведения.

Если же говорить о конкретных произведениях, какова их сверхзадача — вот, например, в рассказах Зощенко, чего от меня потребовал один молодой автор, дабы, должно быть, понять через произведения любимого писателя, что же это за такая страшная вещь «сверхзадача»? — то ответ этот давно дан еще советским литературоведением: показать через смех, через надорванные в нем животы мусорность, какую-то изнаночность наступившей советской жизни, ее духовную убогость и ущербность. А лучше, по-моему, о Зощенко говорит большой знаток и любитель его, литературный критик Сергей Боровиков в своей книге «В русском жанре. Из жизни читателя» (М., изд-во «Время», 2015 г.).

* * *

ЧТО ОТЛИЧАЕТ НОВУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Думая об основном отличии современной русской литературы от литературы позднесоветской поры, поры «застоя», времени «штиля», я вспомнил, что лет двенадцать-пятнадцать назад уже писал на эту тему, отвечая на какой-то вопросник «Вопросов литературы». Нашел это свое эссе. Сейчас бы я, естественно, кое-что сказал не так. Но в главном те свои ощущения подтверждаю.

«...я отчаянно воевал с советским официозом за право писать о бытовой стороне жизни подданного того государства, которого ныне нет... Заключенный в железный кожух цитат классиков марксизма-ленинизма, этот гражданин жил под ним совсем иной жизнью, чем то можно было бы заключить, глядя на запечатавший его кожух. Быт и был той самой изнаночной подкожуховой жизнью. А уж в ней, как мед в сотах, хранилась вся правда о человеке, его сути, качестве исполнения им Божественных наставлений, способах осуществления Его воли. Несоответствие, несовпадение жизней внешней и внутренней, подкожуховой, было главным конфликтом эпохи, ее содержанием, — и о чем же еще должно было писать? Достаточно было рассказать, как человек варит кофе (предварительно купив его, помолв, а до того отстояв очередь за кофемолкой), — и из ненормальности, вывернутости этого простейшего и, в общем-то, долженствующего быть чисто формальным акта выростала «Одиссея». Женщине не везло с мужьями, а она вновь и вновь стремилась выйти замуж, вместо того чтобы строить светлое будущее для всего народа, — чем эта история была не «Илиадой»?

Теперь... я ни с кем и ни за что на свете не стану воевать за право писать о быте. Совсе не потому, что и воевать, слава Богу, не с кем и не к чему, так как у входа в посткоммунизм нас радостно встретила свобода и каждому, кто марает пером бумагу, — вольная воля, о чем марать и каким образом. Прежнего штиля нет и в помине — вот причина. Жизнь стала необыкновенно сюжетна. Даже, пожалуй, и непомерно. Она выдралась из усмирявшего ее кожуха на волю, и как же беззащитна оказалась она перед стихией воли, какие страшные драмы и трагедии породила...

Быт стал прост как мычание. Есть деньги — можно вообще забыть, что это такое: быт. Деньги — вот ось новой российской жизни, на которой вращаются человеческие судьбы. Где их взять, как заработать, срубить, отнять. И смерть вклёпана в эту ось ее неотъемлемой составной частью...

Можно ли описывать такую жизнь с тою же неторопливостью и подробной детализацией, с какой это делалось тобой в вещах периода «штиля»? В принципе можно...: Кое-кто пишет даже в чрезвычайно элегической манере. Но и от неторопливой подробности, и от элегической интонации исходит... невыносимый аромат фальши. Лубка — в лучшем случае. Это все напоминает мне тот анекдот про двух электриков, когда один что-то там паяет под потолком, а другой внизу, что держит лестницу, вежливо обращается к нему: «Милейший, не могли бы вы поосторожней? А то, простите, раскаленное олово капает мне прямо на голову». Сюжетная жизнь требует адекватного художественного ответа.

Завершая цитирование, добавлю из нынешнего дня: есть писатели, преимущественно новые молодые, которые очень хорошо почувствовали это требование. Теперь сложность — чтобы все дело не сводилось к сюжету. Чтобы он не становился основной и единственной целью повествования. Чтобы он был всего лишь инструментальным элементом решаемой автором сверхзадачи.

* * *

В ЛИТЕРАТУРУ ЧЕРЕЗ КРИТИКУ

В годы моей молодости считалось (было такое негласное мнение в «проклятую» советскую пору), что приходиться в прозу или поэзию через критику недостойно. Иначе говоря, сделав себе критическое имя — отхлестав по щекам десяток-другой поэтов-прозаиков, чаще всего так называемых «незащищенных», то есть не литературных начальников, не их детей, не иных каких балующихся пером высокопоставленных чиновников, почтительно отозвавшись о творчестве десятка-другого незабываемых авторитетов, — затем закрыть за собой дверь этого «подотдела» литературы и устремиться на альпийские луга собственно изящной словесности. А уж если с тобой так и такое произошло (как, например, с Георгием Владимовым), то не возвращаться к своей первой литературной специальности, не пересчитывать перья другим, ставя себя тем самым в некое положение избранничества, судьи, достижения которого на этих альпийских лугах столь высоки, что заикаться о них сколь-либо критически непроизвительно.

Сейчас приходиться в прозу-поэзию через критику — обычное дело. Заработать себе большую или меньшую известность то высокомерно-поощрительными, то снисходительно-пренебрежительными отзывами о других, сверстниках и не только, после чего словно соступить с этого пьедестала высокой эстетики и с тою же снисходительно-одаривающей миной на исполненном вдохновения лице явить литературному сообществу, а затем и широкой (ну, насколько это возможно по нынешним временам) публике свои собственные сочинения. Причем после явления миру с лирой Аполлона в руках Зоилковы писания не оставляются, человек продолжает расправляться с чужими вещами так, словно сам он выше критики, никакие ее критерии к его собственному художественному творчеству неприменимы — «имеет право», наделен им от природы и никому не уступит.

И такое поведение не считается предосудительным, наоборот: естественным. Литература (опять же разлито в воздухе такое негласное мнение) — это все, что создано словом, а словом, как из глины ночной горшок и чайную чашку, можно лепить все, что просится в настоящий момент из души. Того, что таким образом в литературе происходит нечто вроде объединения исполнительной и судебной власти, исповедниками этих норм поведения в литературе не признается. Общественная жизнь — это одно, литература — другое, так они считают, и искренни в своем убеждении.

Мое убеждение — нормы общественной жизни и нормы литературной одни и те же. И если мы стесняемся по поводу того, что у нас сейчас нет разделения ветвей власти, то как можем приветствовать то же в литературе?

На это мое восклицание знаю, что мне ответят (потому что уже отвечали): литература — это явление духа, ограничивать дух — род насилия, сродни тоталитарному.

Что ж, я, в свою очередь, отвечу (как уже и отвечал): мы живем в вещном мире, и литература, будучи созданием духа, также осуществляется в вещной форме. Даже если это не книга, а устное исполнение. Устное исполнение — звуковые волны, улавливаемые нашим ухом, суть та же материальность. А всему материальному — материальные законы. Которые непреложны, как законы физические.

* * *

БЫЛ ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

И возвращаясь к нынешним дням. Вспоминая объявленный Годом литературы год 2015-й.

Кто-нибудь заметил, что это был Год литературы? Книгоиздательство расцвело, налоги для доставщиков книг снизились, тиражи с гонорарами повысились, и заработала наконец система распространения книг — так что последняя горячая новинка дошла до каждого оленевода на дальнем якутском стойбище, да еще и с путным толкованием, разъяснением, хороводом толковых рецензий?

Шутишь, милейший, слышу я хор голосов.

В принципе, не шучу, просто перечислил ряд вещей, которых бы следовало ждать в такой год, а иначе зачем он так называется — «Год литературы»? Увы, однако! Ничего подобного в литературе и с литературой не произошло, а были только безразмерные траты (на фоне нищенствующей собственно словесности) на всякие грандиозные бессмысленные мероприятия, вроде ярмарок на Красной площади, и никому не нужные конференции, где писатели жались по углам, а красные кресла занимали важные чиновники от бог весть чего.

Бессмысленные, помпезные, дорогостоящие мероприятия — по сути, бурная симуляция усиленной работы государственной машины по развитию, поднятию на новую высоту, удобрению и мичуринской селекции отечественной словесности. У, каким издевательством, каким безмерным унижением было открытие этого самого Года литературы в МХТ им. Чехова в начале 2-15-го. Сначала часовое стояние на морозе всех приглашенных в толпе на улице, чтобы пройти через металлоискатели за дверьми. Потом сверка по спискам: ах, вас нет, «позвольте вам выйти вон». Потом долгое ожидание в зале на заранее определенном месте: чиновный люд, как я уже сказал, — первые ряды, писатели — задние. И вот наконец — солнце нации. Бурные продолжительные аплодисменты. Речь? Если бы кто запомнил — о чем. У меня лично в памяти только все та же, прекрасно знакомая по ТВ интонация напора и натиска да одна фраза — не по тексту на бумаге, а от себя, с поднятыми от листов глазами, устремленными в зал, с той же все так же прекрасно знакомой полуулыбкой покровительственной снисходительности: знаю, вас сейчас в связи с принятым Думой законом особо заботит вопрос о мате, но ничего не поделаешь, закон есть закон, придется приспособливаться.

«В яблочко», «в десятку» был выстрел: и в самом деле ничего писателей больше того не интересовало, как возможность похлеще выматериться на бумаге. До сих пор приходится язык себе прикусывать.

А потом, после солнечного сияния, — концерт мастеров культуры силами великолепного театра. Чтение всяких стихов и прозаических текстов — тут мне уже вспомнились пионерские утренники 50-х годов. По одной причине сидел до конца — было интересно: вот так вот все и будет? Так все до конца и было. Выходили из театра, пряча друг от друга глаза, с чувством, что тебя *употребили*. А собственно, так и было: употребили. Для своих симуляций, ради изображения дела, притворства ради.

И до чего же я рад, что не поехал в Питер на закрытие этого самого Года литературы. Прислали бы оплаченное приглашение — наверное, не удержался бы, поехал, съездить лишний раз в бывшую столицу всегда радость и счастье, как не использовать случай? Но, слава Богу, приглашение прислали вполне в духе всего Года литературы: видеть мы Вас хотим, но дорогу и пребывание Вы уж извольте оплатить сами. Мерси боку, как пели мушкетеры в известном советском фильме про д'Артаньяна и его друзей. Спасибо большое, что не дали еще раз пережить унижение начала года. А то ведь, если б оплатили дорогу, как некоторым другим (не в очень большом количестве, в строго ограниченном!), пришлось бы снова сидеть в этих залах, где писателей — раз-два и обчелся, на этих «столах», участвовать во всей это пустой, бессмысленной говорильне. Мое сочувствие тем, кто участвовал.

Великая наша Золотая Орда! Да уж отстала бы ты от нас, подданных твоих, дала бы нам пасть вольными гражданами. Пустила бы собранную с нас дань, называющуюся ныне налогами, на защиту границ и поддержку слабых, а мы бы уж как-нибудь сами, без твоей поддержки, раз ее все равно нет. Дай нам свободно пахать и строить, печь хлеб, шить платье и сапоги тачать, в том числе и на гусях играть — все это мы сами, без всяких твоих не слишком мудрых наставлений можем. Что молчишь? Скажи слово! Молчит сфинкс, не дает ответа.

В НЕПОДХОДЯЩУЮ ПОГОДУ ГРИБЫ НЕ РАСТУТ

При откровенном кризисе книгоиздательской системы, которая съела самое себя в погоне за быстрой выгодой под усмешливо-сочувственным надзирающим оком государственных институтов,

которым это самое надзирание вменено в обязанность, при полном обрушении общественного писательского статуса, когда писатель усилиями тех же «надзирателей» и массовых СМИ превращен то ли в циркового коверного, то ли в гончую в загоне, бегущую наперегонки с другими такими же за скачущим перед носом пластмассовым зайцем-премией. В общем, при всем при этом — расцвет всяческих писательских курсов, школ, мастерских, где из вас, сообщает реклама, сделают писателя за два месяца, за месяц, за две недели, за неделю. Профанация, конечно. А в иных случаях и откровенное шулерство. Но в неподходящую погоду грибы не растут. Только если и тепло, и солнце, и сырость, и световой день не короток. Значит, возникли некие условия в обществе, что привели к такому запросу: я б в писатели пошел, пусть меня научат! Что это за условия? Я уже писал об этом. Недостаток свободы. Как в обществе нехватка свободы, так для людей творческой складки — те самые тепло, сырость и солнце с долгим световым днем для грибницы. Творческому началу нет выхода, энергия не знает, куда себя деть, росток проламывает асфальт и рвет его: хочу быть прекрасным цветком, хочу расцвести, благоухать, заливая своим ароматом округу, хочу радовать глаз проходящих мимо данной мне красотой!

Но исполнить свое желание прорвавший асфальт росток может лишь в очень узких пределах; художественное словесное творчество — одно из тех направлений, на котором представляется возможным реализовать себя полнее всего, легче всего, скорее всего. При распирающей личности творческой энергии писательского таланта у человека может и не быть. Талант владения словом дается немногим, и тут так легко обмануться, оскользнуться, подвихнуть ногу...

А если вы в самом деле талант? Если вам и курсы никакие не нужны (кому-то бывают нужны, а кому-то нет)? Дальше ваш путь — бурно ревущий поток книгопроизводства, который на деле — книгоиздательский кризис. Бурный поток чаще всего бывает неполноводным. Волга или Енисей текут так, что и не заметишь движения воды. А ее в них — сотни и сотни таких бурных потоков.

В смерть литературы (в годы моей молодости были модны разговоры о «смерти романа») я, впрочем, не верю. Литература — это такой же хлеб, как пшеничное, ржаное, ячменное зерно. А без хлеба куда же, как же? Но вот голодно может быть. Вернее, голодно уже сейчас. А дальше может быть и по-настоящему голодно.

* * *

Когда находишься в своей собственной работе, то выключаешь мир вокруг себя. Он сужается до размеров твоей рукописи и, хотя ты ведешь обывденную жизнь — ходишь в магазин за едой, гуляешь по Сокольникам или Ракетному бульвару, даже выбираешься, предположим, на торжества по поводу вручения премии «Поэт», — на самом деле этот широкий окружающий мир перестает существовать, есть — и нет. Это все равно как ночью под световым пятном настольной лампы. Есть лишь то, что попадает в его круг, можно разглядеть до мельчайших подробностей, за пределами же его — темнота, слепящий мрак, пустота.

И, конечно, ничего не читаешь в такую пору.

Стопки ждущих прочтения книг увеличиваются в своей высоте, вызывая в тебе досаду на себя, но, взявшись за книгу, тут же откладываешь ее в сторону: это — тот самый внешний мир, и он не входит в тебя. Более того, просто мешает. Чужим стилем, чужой мыслью, чужой аурой, исходящей от него. Любому писателю известно это состояние.

Кризис у нас, кризис, кризис!.. Похоже, в том числе и кризис личностного начала. Люди литературы словно разлюбили ее, не умеют говорить о ней, не хотят, всё о себе: у меня издано, меня перевели, обо мне вот помянули! А о другом? Что поразило, задело, заинтересовало? Если не друг-подруга — ни в коем случае, ни за что. А и о друге-подруге — как сквозь стиснутые зубы: ну уж невозможно было не отозваться!

Ничто не делается без любви. Ничто без нее не растет и не цветет. Любовь — живая вода всякого творчества.

Любви в воздухе нынешней жизни нет.

КРИЗИС НЕ КОНЕЦ

Личный опыт свидетельствует: конечно, литература в кризисе. И как издательский бизнес, и как собственно надомное производство продукта, которое осуществляется лишь в одиночестве писательского кабинета (какого размера и обстановки он ни будь), и по-иному осуществляться не может.

Доказательством кризиса в издательском бизнесе — не только жалобы издателей, которые и всегда-то, всю уже почти четвертьвековую историю частного российского книгоиздания жаловались на «трудные времена», но и запуск на полном серьезе таких проектов, как «Ridero» и «Издательский холдинг Т8», где издатели собираются зарабатывать не столько на издании книг, сколько на эксплуатации свойственной русскому образованному человеку неудержимой страсти к писательству («Хочешь видеть книгу изданной — заплати издательству» — вот негласный лозунг этих проектов).

Доказательство кризиса в области собственно производства продукта — текста, иначе говоря, романа, повести, рассказа — массовое появление книг такого качественного уровня (в хорошей обложке, с чудным оформлением, с замечательной аттестацией автора на задней странице обложки), что об уровне, собственно, говорить уже и не приходится.

Далее лишь перечислительно: 1) критика сведена к аннотированию книг и стала вдруг — как в том анекдоте про недержание мочи — этим гордиться, 2) читатель в итоге знаком лишь с десятком писательских имен и начисто лишен возможности узнать и оценить новые, 3) литературные премии работают вхолостую, давая лишь некоторую материальную поддержку победителям и не обеспечивая их известности и поднятия тиражей, 4) изданные книги как не уходили двадцать, пятнадцать, десять лет назад за пределы региона, где изданы, так и не уходят. И дальше можно множить этот список, не до бесконечности, конечно, но длить и длить.

Но нет, это не конец русской литературы, как приходилось слышать.

Уже просто потому, что, наевшись-напившись, обеспечив свою безопасность и отдав дань инстинкту продолжения рода — удовлетворив основные инстинкты, — человек нуждается в том, чтобы удовлетворить еще одну свойственную ему потребность: осознать ценность жизни. Вот странное дело, почему-то об этом также основном инстинкте человеческого существования практически никогда не говорится, а между тем без удовлетворения его человек так же не может жить, как без воды и хлеба. Отсюда стремление к власти, к обладанию деньгами как одной из форм власти, к деланию карьеры. Но далеко не все испытывают потребность во власти, жаждут бешеных денег, готовы лезть по головам, делая карьеру. Литература, особенно если это хорошая литература (впрочем, вместе с музыкой, искусством), способна дать человеку то самое ощущение ценности жизни, в котором он так нуждается. Вы скажете, это непонятно как работает, этому нет научных доказательств, но тут доказательство — само появление литературы (как и музыки, живописи, скульптуры), само ее существование.

Так что ни о каком конце русской литературы нет и речи. Но кризис — да, кризис сильнейший, и причин тут бесчисленно, а способов выхода из него — ни одного универсального, ни одного скорого.

КОРОТКО О ПРИЧИНАХ.

Причина первая. Современный русский писатель разучился рассказывать *историю*. В том традиционном смысле слова, как рассказывали истории Дамы с собачкой, Наташи Ростовы, Раскольникова, леди Макбет Мценского уезда Чехов, Толстой, Достоевский, Лесков. Этому «разучиванию» немало поспособствовал позднесоветский период литературы, когда писатели стали воспринимать себя

как «боль», как средостение всех чувств, проблем, печалей народа — и в результате основополагающие характеристики писательского мастерства отошли для очень многих на второй план. Происшедшему есть очень простое объяснение: практически лишь у писателя и была возможность высказаться обо всем этом — такое было время, так оно было отформатировано.

Однако это время прошло, чувствовать себя «болью» могут теперь, слава Богу, и журналисты, и политики, и просто всякий человек, отправляясь голосовать и ставя галочку в списке не сообразно полученным на работе указаниям, а соотносительно со своей совестью. Между тем нынешний русский писатель очень плохо чувствует это изменение. В том числе, что странно, и молодой. Из-за чего, естественным образом, он не только не может установить связь с читателем на уровне текста, а еще и элементарно читателя раздражает.

Причина вторая. Тоже касающаяся писателя. И в данном случае прежде всего писателя молодого. Очень модным в литературных разговорах, преимущественно молодых, стало словечко «высказывание», а то и без всякого перевода — «месседж», как замена прежнему понятию «сверхзадача». Но как раз с высказыванием-месседжем-сверхзадачей в современной прозе (особенно, подчеркну снова, прозе молодых) в большинстве случаев очень плохо. Чисто стиливое мастерство, то, что называется «рука», может быть очень высоким, даже жгучего пафоса может быть исполнен текст, но к чему, ради чего все было написано-рассказано? — нет ответа. И читатель, закрывая такую книгу, чувствует себя, простите за тривиальность, обманутым. И в следующий раз, проходя мимо книжного магазина, в него не заходит.

Причина третья. Отсутствие критики. Вроде критики тут и не виноваты — все нелитературные СМИ изгнали со своих страниц любой разговор о литературе (о ТВ нет разговора), а если где еще что-то позволено говорить о литературе — только с информационным поводом, только, только!

Но ведь и вот какая странность. В литературных изданиях, где критикам еще остается место, год от году все расширяется и расширяется объем той самой аннотационной критики, а количество собственно критического высказывания уменьшается и уменьшается. И делают это сами критики. Боятся брать на себя ответственность за оценку? Не уверены в своих воззрениях? Не чувствуют за плечами достаточно сильной профессиональной школы? Эти вопросы я вынужден оставить в качестве риторических — ответов на них я просто не знаю.

Причина четвертая. Глухое непонимание нашим государством (которое с каждым годом все больше и больше подребает под себя того, что должно принадлежать обществу) фундаментальной роли литературы в жизни человека — о чем, кстати, прекрасно было известно государству советскому.

Агентство по печати как институт государства, призванный овеществлять интересы этого самого государства в интересующей нас области жизни, тратит, скажем, деньги на бессмысленное, как уже показал опыт, участие в международных книжных ярмарках, не приносящее стране ни моральных, ни тем более материальных дивидендов, вместо того чтобы выступить организатором (или катализатором) создания системы распространения книг, похожей на ту, что есть в других странах. Когда книгоиздатель и книгопродавец объединены в одну линию, книгопродавец не обирает издателей, а помогает им имеющимися у них деньгами издавать книги, становясь таким образом лицами, заинтересованными в успешной и быстрой продаже. Что, не хотят книгопродавцы вкладываться в издание, хотят только снимать сливки? Но на то вы и государство, такое сильное, такое могучее, продемонстрируйте наконец свою мощь в созидательном деле, а не в деле подавления: найдите стимулы, проработайте схемы, чтобы всем участникам «линии» было интересно и выгодно.

Министерство культуры... О министерстве культуры промолчу. Они, конечно, тоже государственный институт, имеющий отношение к литературе. Но этот институт столь успешно не замечает

литературу, отделяясь от нее несколькими десятками жалких стипендий, что справедливо будет также не заметить их.

И наконец, последнее, как говаривал на съездах народных депутатов в конце 80-х подзабытый Анатолий Собчак, папа знаменитой Ксении.

На самом-то деле литературе ждать помощи от государства не приходится. Вот так оно устроено, наше государство: если что-то есть доброе, складное и хорошее, оно незамедлительно придет и возглавит. А само это доброе, складное и хорошее делать не будет. Надо самим писателям городить огород, обтесывать дреколье, забивать в землю. Помните Максима Горького с его «Знанием»? И доходное оказалось предприятие, и книги расходились недурно, и гонорары у писателей выросли в несколько раз. А кооператив «Книгоиздательство писателей» (Бунин, Зайцев, Телешов, Шмелев, не последние имена в русской литературе) с их «Лавкой писателей», где они сами по очереди сидели и торговали своими книгами?

К молодым писателям прежде всего это обращение. Будь это лет двенадцать-пятнадцать назад и нынешняя ситуация, я бы непременно принял участие в такой «городьбе», а сейчас уже не возьмусь. Так что к молодым. Если хотите, чтобы была литература. Если хотите жить литературой. А нет...

Нет так нет. Ждите, когда придет новое поколение. Но едва ли оно возьмет вас в свою команду. Водораздел пройдет именно по линии отношения к литературе как области духа, дающей ощутить ценность жизни: не хотели поработать для нас вы, так не хотим знать вас и мы.

Post scriptum

России будет возвращено звание...

Готовлю сейчас на основе своих «литературных» записей в «ЖЖ» статью. Перечитал в связи с этим и первоапрельскую утечку «информации из высших властных сфер» касательно преобразований, что ждут российскую писательскую жизнь.

И вот так смыслы этой «утечки» наложились у меня на ту радость некоторых литературных деятелей от установки памятника Ивану Грозному, что чувствую потребность сделать ее републикацию.

(Молния. Чрезвычайное сообщение)

Из достоверных источников в Кремле стало известно, что готовится большая реорганизация литературного дела в России. Во-первых, России будет возвращено звание «самой читающей страны в мире». Во-вторых, будут существенно обновлены принципы книгоиздательского и книгораспространительского дела, в результате чего всякая изданная книга будет доходить до последнего чума на Чукотке, который еще сохранился. В-третьих, существенные и благотворные перемены произойдут наконец и в общественном положении самого писателя.

Для всех действующих и состоящих в профессиональных творческих объединениях писателей вводятся — подобно воинским — звания: от младшего лейтенанта до генералиссимуса. Рядового и сержантского состава в рядах писателей не предусматривается, так как со всей очевидностью ясно, что рядовых в писательском корпусе просто не может быть по определению.

Звание младшего лейтенанта литературы присваивается молодым (до 35 лет), а также не очень молодым писателям, опубликовавшим в широкой периодике свой первый рассказ или первую подборку стихотворений. Выпуск книги автоматически влечет за собой присвоение молодому (до 35 лет) или не очень молодому писателю звания лейтенанта литературы. В случае, если книга довольно толстая, то может быть сразу присвоено звание старшего лейтенанта литературы.

На звание капитана литературы могут претендовать писатели, на чьи книги появились многочисленные благожелательные отклики в различных литературных, общественных и государственных СМИ. В случае отсутствия таковых, а также при отрицательных отзывах писатель может быть понижен в звании, но не более чем на одно звание за одну вышедшую книгу (или публикацию).

Звание майора литературы присваивается писателю, активно участвующему в книжных ярмарках, особенно зарубежных, и собирающему на каждое свое зарубежное выступление не менее 5 (пяти) слушателей. Неучастие в книжных ярмарках (особенно зарубежных) является непреодолимым препятствием для получения майорского звания.

Подполковником литературы может стать писатель, к которому критикой могут применимы такие определения, как «видный», «значительный», «известный», «выдающийся» и т.д., вплоть до «великий» и «гениальный». Классификация писателя подтверждается специальным дипломом, переосвидетельствование осуществляется каждые 5 (пять) лет. Понижение в классификации влечет за собой уменьшение внимания критики и, соответствующим образом, тиражей данного писателя.

Полковником литературы становится писатель, чьи литературные достижения столь явны и неопровержимы, что их даже не нужно доказывать.

Генеральский корпус литературы формируется исключительно из лауреатов премий (список уточняется). Премия «Москва-Пенне» обеспечивает получение генерал-майорского звания. Буковская премия — звание генерал-лейтенанта. «Большая книга». — генерал-полковника. Премия «Поэт» позволяет претендовать на звание генерала армии литературы. В исключительных случаях в генералы литературы могут быть произведены писатели, чьи произведения входили в шорт-лист Буковской премии (однако не выше генерал-лейтенантского звания).

Звание маршала литературы присваивается исключительно лауреатам премии Правительства.

Звание генералиссимуса литературы автоматически присваивается лауреату Президентской премии. При этом двух генералиссимусов литературы одновременно быть не может. В случае, если в литературе наличествуют два (или три) живых лауреата Президентской премии, то получившие ее позднее выстраиваются в очередь на присвоение звания генералиссимуса литературы, которое по смерти предыдущего генералиссимуса тотчас переходит к последующему.

Введение званий офицеров и генералов литературы несомненно будет способствовать повышению уровня авторитета литературы в обществе. Лучшими отечественными модельерами для писателей уже создана необычайно мужественного вида форма с погонами, что одно делает их равными офицерам и генералам других ведомств, в том числе и ФСБ. Планируемые нововведения благотворно скажутся и на качественном уровне писательского мастерства: стыдно станет писать плохо, тем более откровенно халтурно, нося на плечах погоны полковника, а даже и майора, скажем. Кроме того, писатели наконец-то станут получать зарплату, каковую не платило даже и советское государство. Размер окладов в настоящее время уточняется, но понятно, что ниже прожиточного уровня они не будут, особенно у генералов и выше.

Да, и последнее. Количество писателей решено ограничить числом сто (100). Этого достаточно. Всякий другой, не входящий в сотню, называться и быть писателем не имеет права и будет преследоваться согласно Уголовному кодексу по статье «Мошенничество».

Post post scriptum (абсолютно всерьез)

Каждый писатель хочет продления своей писательской жизни после физической смерти. Чтобы книги его издавались, были бы интересны каждому новому поколению читателей, чтобы литературоведы открывали бы в его сочинениях новые глубины и смыслы. Хочет того писатель, пишущий сложно и тонко — «не для всех», хочет того и писатель, который сочиняет «на потребу дня», без заботы о слоге и изяществе изображения. Такова уж писательская природа. Такова, наверное, вообще природа художественного творчества.

99 из ста писателей не остаются даже в примечаниях к истории литературы того или иного периода.

Каждый писатель жаждет славы. Как живописец, скульптор, композитор, музыкант, актер, режиссер... Опять же потому, что эта жажда входит составной частью в художественное творчество. Одни в этой жажде признаются открыто и рвутся к ней через «трупы», совершая подчас самые бесчестные,

низкие поступки. Другие прячут эту жажду даже от самих себя, не говоря уже о том, чтобы признаться в ней публично, но в минуты откровенности с собой прекрасно осознают, что так же сжигаемы огнем этого чувства, как и другие.

Настоящая слава достается опять же немногим. Тут я не решусь называть какие-либо проценты, тем более что слава, как дама капризная и ветреная, случается, может посещать и на всю жизнь, и на какой-то ее отрезок, а бывает, всего на часок-другой.

Без славы, без известности жизнь писателя (также и музыканта, актера, художника, режиссера) скучна, жестка, неуютна, а часто ко всему тому бедна — родители, если ваш сын или дочь удумали заняться творчеством, прочтите им нравоучение о важности мягкой постели, хорошей пищи, здорового образа жизни: может быть, оно остановит их, они вразумятся и пойдут в финансисты, инженеры, чиновники, столяры-токари наконец?!

Странно, не вразумляются молодые люди, начинающие жизнь, не слушают ни родителей, ни опытных людей, выслушают все предупреждения — и как не слышали ничего.

Почему? В молодой глупости дело? Отсутствии трезвости, духе противоречия?

Чехов в одном из своих писем незадолго до смерти высказал предположение, что по смерти читать его будут еще лет пять, а потом забудут. Читаем мы его и сейчас, спустя более ста лет, как земная его жизнь прервалась.

Вот надеждой на такую чеховскую «ошибку» и кормится душа писателя (у музыканта, актера, театрального режиссера — тут уже по-другому). Что, говорит себе сочинитель бедный, грызя сухарь и запивая его стаканом кипятка, повезло Чехову, почему не должно мне?

Ведь каждый писатель меряет себя не по холмикам и горушкам, что рядом, а по горным пикам, что сияют снегами вершин вдалеке на горизонте. И когда меряешься с ними, то кажется, что ты ничуть не ниже. Ну, разве чуть-чуть.

Тем более когда тебе повезло и у тебя «настоящая писательская жена», верящая, что она замужем за гением. А писатель, скажу я по секрету, раскрыв еще одну великую тайну, если он писатель, неосознанно и неизбежно ищет себе такую жену, которая непременно будет считать его гением. То же касается и писательниц. С тем отличием, что найти такого «писательского мужа» много сложнее, чем жену. И многие женщины-писательницы остаются в конце концов одинокими.

Октябрь 2016 г.

© Текст: Анатолий Курчаткин

По маршруту
«Писем русского путешественника»
Н.М. Карамзина

РОССИЯ И ЕВРОПА

Берлинский форум

В конце ноября 2016 года в Берлине прошел очередной, уже третий, ежегодный Форум, организуемый совместно Фондом Егора Гайдара и Фондом Фридриха Науманна в партнерстве с Германо-Российским форумом.

От редакции

Мы публикуем здесь некоторые материалы предыдущего форума — «Новый вектор в отношениях России и Германии — экономическое сотрудничество в эпоху санкций и геополитических союзов», который состоялся 26 ноября 2015г. в Берлине. За год многое изменилось, но, перечитывая тексты выступлений, можно увидеть, что главная суть повестки по-прежнему актуальна. На открытии Форума с приветствием выступили вице-президент Совета директоров Фонда Фридриха Науманна Карл-Хайнц Паке, председатель правления Фонда Егора Гайдара Борис Минц и почетный председатель правления Германо-Российского форума, посол ФРГ в России (в отставке) Эрнст-Йорг фон Штудниц. В дискуссиях Форума приняли участие экономисты, политики и ученые из России и Германии: Анатолий Чубайс, Сергей Дубинин, Михаэль Хармс, Андреас Пинкварт, Евгений Гонтмахер, Петр Гайдар, Евгений Ясин, Иоахим Цвайнерт и другие.

*Модератор **Борис Минц:** <...>Тема, которую мы сейчас будем обсуждать, — это тема диалога между ЕС и ЕврАзЭС. С моей точки зрения, это очень сложная тема, по той простой причине, что ЕврАзЭС все время находится в эволюционном процессе, да и в ЕС — там тоже постоянно происходят какие-то изменения, реформы, понимание новых сущностей. Но, тем не менее после консультаций тема обозначена таким образом, и, я думаю, что сейчас мы сможем услышать какие-то интересные мнения по этому поводу, потому что, в общем-то, изначально, и Евросоюз и ЕврАзЭС имели очень много содержательных идей, которые идентичны в смысле создания единого экономического пространства, правового и т.д.. Результаты, правда, различны...*

Я бы хотел предоставить слово Анатолию Борисовичу Чубайсу. Для российской современной экономики это — совершенно уникальный человек, председатель попечительского совета Фонда Гайдара, его ближайший друг,

соавтор российских экономических реформ. Я думаю, что мнение его по этому поводу будет крайне интересно всем. Пожалуйста, Анатолий Борисович.

Анатолий Чубайс

РОССИЯ И ЕВРОПА.

Тезисы о глобальном переустройстве

1.

Мы сегодня собираемся, прямо скажем, в один из самых драматических этапов истории отношений России и Европы. Как мне представляется, по крайней мере, за последние 25 лет — это самая худшая точка в истории наших взаимоотношений. Мы видим и слышим, какой критике подвергаются в Европе в целом, в том числе и в Германии, действия России вообще, и на Украине в частности. И мне кажется, первое, что нужно сделать, — это поблагодарить и Фонд Науманна, и Германо-Российский форум, которые в этот поистине драматический момент сочли правильным провести разговор именно в этом составе. Я хотел бы поблагодарить всех, кто собрался здесь — полный зал, практически мест нет. Я думаю, что здесь присутствуют все те люди, для которых нынешняя ситуация в наших взаимоотношениях не может быть признана нормальной, а необходимость выработки новых подходов к ее изменению является личным приоритетом.

Я хорошо понимаю, что есть определенная часть, а может быть, даже и бóльшая часть европейской элиты, которая считает, что на этом этапе не надо пытаться находить компромиссы, напротив — нужно пытаться усилить давление. Уверяю вас, что и во внутрироссийском политическом спектре присутствующие здесь представители России <...> считают правильным искать компромиссы, выработать новую основу для диалога между Россией и Европой. Но при этом, как вы прекрасно понимаете, — мы в меньшинстве. Именно поэтому сегодняшняя тема мне кажется крайне значимой. И тема этой конкретной пленарной секции, действительно (тут я согласен с Борисом Минцем), весьма непроста для разговора. Дословно же она у нас звучит так: «Диалог между ЕС и ЕврАзЭС — стоит ли пытаться?»

Попробую в меру сил прокомментировать какие-то мысли по этому поводу. Разделю их на несколько

частей. Начну, если можно, с собственного понимания того, что такое ЕврАзЭС, что сделано в этом объединении по сей день и каковы его перспективы. Мне кажется, что сделано много. И ЕврАзЭС уже сегодня представляет собой достаточно серьезную международную экономическую структуру не в сфере PR, а в сфере действующего нормативного регулирования, сближающего собственные экономики. То, что сделано в ЕврАзЭС по унификации таможенно-тарифного пространства, довольно серьезно и уже реально на территории ЕврАзЭС начинает влиять на товарные потоки, бизнесы в ЕврАзЭС и вырабатываемые ими стратегии ЕврАзЭС делает сегодня значительные шаги в консолидации технической политики, в выработке технических стандартов. Все мы понимаем, что в эпоху инновационной экономики нетарифное регулирование и техническая политика в целом — важнейшие инструменты для регулирования межгосударственных экономических отношений. И именно в этом наборе инструментов ЕврАзЭС выполняет консолидирующую роль. Страны, включая Россию, на деле, а не на словах передали свои суверенные полномочия в этой сфере в наднациональный орган. Неожиданно для России оказалось, что в ряде случаев техническая политика скажем, в Казахстане или в Белоруссии выглядит более современной, чем наша российская техническая политика — есть чему поучиться у наших соседей. И все это примеры тех компонентов евроазиатского экономического сотрудничества, которые сегодня должны реально работать на евразийском экономическом пространстве. В то же время и проблемы, есть и серьезные трудности в этой кооперации. Я пока не готов представить какой-то фундаментальный анализ, просто стараюсь обозначить наиболее яркие позитивные и проблемные зоны. <...> Одной из важнейших проблемных зон является видимое отличие, если так можно выразиться, в «степени рыночности» экономик ЕврАзЭС. Российская экономика и, скажем, экономика Казахстана, безусловно, являются рыночными, соответствующими современным требованиям, а также, соответствующими формальным требованиям Евросоюза. Как известно, Евросоюз признал Россию страной рыночной экономики, это подтверждает вступление в ВТО. Ситуация с белорусской экономикой несколько иная.

Все аспекты, начиная от влияния государства на цены и заканчивая вообще влиянием государства

на экономику — в Казахстане и России, с одной стороны, в Белоруссии — с другой, сильно отличаются. Этот фактор не может не влиять на сдерживание формирования единого экономического пространства ЕврАзЭС.

Если же посмотреть дальше, если затронуть самый центральный, самый чувствительный, самый значимый компонент экономической интеграции — единую валюту, то пока — на ближайшее обозримое будущее — эта тема не стоит. Она находится вне реальных обсуждений. И в этом смысле ЕврАзЭС еще предстоит пройти очень большой путь, для того чтобы стать однородным образованием, сопоставимым с Евросоюзом. Тем не менее, если все же как-то кратко сформулировать итог того, чем представляется сегодня ЕврАзЭС и чем он станет в ближайшее время, мне кажется, что это <...> не чисто политическая и тем более не пиаровская, а реальная интеграция экономик, шаг за шагом, последовательно расширяющаяся от Киргизии и Армении до Вьетнама — вплоть до Ирана. Продолжающееся расширение ЕврАзЭС — это факт, который, конечно, следует воспринимать вместе с Транстихоокеанским, Трансатлантическим партнерствами, формирующимися в мире на наших глазах. В целом это факторы глобального переустройства мировой экономической системы, и ЕврАзЭС является одним из таких факторов, несмотря на те реальные проблемы, которые пока еще существуют.

2.

Вместе с тем мы прекрасно понимаем, что Россия была, есть и будет доминирующей экономикой в ЕврАзЭС. И в этом смысле анализировать ЕврАзЭС, ничего не говоря о России, было бы просто методически неправильно. <...> Попытаюсь обозначить три-четыре наиболее значимые характеристики того, что, собственно, происходит в российской экономике сегодня и что будет происходить завтра.

Сейчас (в 2015 году) российская экономика находится в кризисе, это факт. Ожидаемый уровень падения ВВП 3,6–3,8%, ожидаемый уровень инфляции 13-14%. Эти драматические цифры дополняются еще и тем, что у нас, впервые за долгие годы, в 2015-м произойдет снижение реального уровня жизни населения. Основные причины хорошо известны: это санкции и резкое падение цен на нефть. Отметим

сразу же: тот факт, что обе эти группы причин соединились вместе, вызвал дополнительный синергический удар по российской экономике. Кстати говоря, глубина воздействия нефтяных цен на российскую экономику в 2015 году существенно больше, нежели глубина воздействия санкций. Но оба этих фактора вместе, собственно, и привели к тем драматическим цифрам, которые я только что назвал. Чего же следует ожидать дальше?

Тем не менее, несмотря на драматизм ситуации в российской экономике, мы уже видим, что спад в российской экономике уже остановился. Собственно, в 2016 году консенсус-прогноз российских экономистов: будет расти. Рост будет небольшим. Называются разные цифры: от 0,5% до 1%. Тем не менее понятно, что российская экономика преодолела кризис 2015 года <...>

Если же смотреть в будущее, консенсус-прогноз говорит о том, что на ближайшие 2-3 года для России реалистичен экономический рост в том самом диапазоне 0,5–1,5% в год. Похоже, впереди у российской экономики серьезный вызов. Пока он связан с тем, что и в 2014-м, и в 2015-м, и в 2016 году финансирование дефицита бюджета происходит из накоплений стабилизационного фонда, созданного Алексеем Кудриным (хотя за это его неоднократно и беспощадно критиковали. Тем не менее российская экономика развивается на деньги стабфонда, и будет жить еще как минимум два года). Но вместе с тем в 2017 или 2018 году стабилизационный фонд будет исчерпан, и тогда России придется либо пойти на радикальное снижение расходов (речь идет как минимум о трех-пяти триллионах рублей), либо переходить к классическим способам долгового финансирования бюджета. Сокращение бюджета в этом размере приведет к отказу государства от социальных обязательств, и это означает, что России придется перейти к заимствованиям для финансирования дефицита бюджета. Заимствования внутренние или внешние связаны с понятным набором проблем, в том числе политических, а это достаточно сложный вызов.

Но, с другой стороны, у российской экономики соотношение долга к ВВП находится на уровне примерно 11–13%, так что Россия точно может позволить себе еще лет десять долгового финансирования бюджета без каких бы то ни было фатальных проблем.

Таким образом, если попытаться свести весь поверхностный анализ и прогноз будущего российской экономики, то он сводится, собственно, к двум точкам: 1) никаких катастроф в российской экономике при полном сохранении всей существующей парадигмы (санкции и цены на нефть), не предвидится; 2) рост в размере 0,5–1,5% категорически не может устроить Россию. Как мы с вами понимаем, мировая экономика растет в год с темпами 3–3,5%, а это означает, что в этой стратегии Россия будет последовательно отставать от мира, что само по себе стратегически абсолютно неприемлемо для России. Собственно говоря, это и есть главный вызов для российской экономики на предстоящие 5–10 лет. <...>

3.

Тема наша требует взгляда на Евросоюз, а я прекрасно понимаю, что здесь в зале точно есть специалисты более серьезные, чем ваш покорный слуга; но все-таки скажу два слова о том, как из России видится динамика Евросоюза последние годы. Первое, что меня лично, как человека, как экономиста, совершенно потрясло и восхитило — именно эти термины я хотел бы использовать — потрясло и восхитило. Это то, как Евросоюз фантастически удачно преодолел крайне тяжелый, драматический вызов, который назывался «кризисом еврозоны», хотя, по существу, то был не кризис еврозоны, а кризис суверенных долгов европейских стран.

Еще два-три года назад казалось, что еврозону удержать невозможно. Два-три года назад казалось, что экстравагантная политика Греции не может не привести к драматическим и трагическим последствиям для Евросоюза. На сегодня понятно, что хотя риски еще остались и еще не все они преодолены, но наиболее катастрофическая часть этого кризиса точно преодолена. И те действия, которые были осуществлены Европейским банком, осуществлены комиссией ЕС, а также европейскими лидерами (особо я бы отметил роль госпожи Меркель, абсолютно историческую роль в произошедшем), мне кажутся просто фантастически успешными. Тот кризис, который казался чуть ли не концом еврозоны, а возможно, и Евросоюза, сегодня вообще ушел из приоритетов общественного внимания. <...>просто каким-то важнейшим европейским успехом. Однако, как бывает в обычной политической жизни, за одним кризисом

приходит следующий... Нынешний миграционный кризис в Европе <...> кажется гораздо более опасным, гораздо более стратегическим, гораздо более фундаментальным, нежели преодоленный в Европе кризис суверенных долгов еврозоны. И рассматриваться он должен вообще не в тактическом ключе. Вопрос не в том, как европейские страны договорятся о размере квоты на прием беженцев, какие именно средства из бюджета для этого будут выделены — это все вопросы тактики. Если же говорить о стратегии, этот кризис затрагивает то, на чем выстроена Европа, затрагивает ее фундаментальные ценности, прежде всего такие, как плюрализм, права человека, свобода передвижения и, собственно, демократия.

<...>Если посмотреть на динамику европейской политической сцены за последние 25 лет, в ней произошли довольно глубинные изменения, главное из которых связано с темой национализма. Национализм, который 25 лет назад воспринимался в Европе как нечто совершенно экзотическое, маргинальное, нецивилизованное, ныне последовательно становится более цивилизованным, более приемлемым, более европейским, и, собственно, интегрируется в политическую жизнь европейских стран. Примеров тому десятки — от реальных финнов до УК IP, от Ле Пена старшего, который воспринимался совсем как экзотический политик (аналог российского Жириновского), до Мари Ле Пен, у которой, как вы понимаете, сейчас обсуждается вопрос, а что будет на ближайший президентских выборах у Мари Ле Пен в первом туре — 46%, или 48%, или все-таки 51%?

В моем понимании, 25-летний политический цикл в Европе институционализировал национализм как неотъемлемый элемент сегодняшней политической культуры. А если к этому итогу добавить долгосрочные последствия этого тектонического сдвига в виде миграционного потока, который обрушился на Европу, и попытаться понять: а что же стратегически из этого произрастет через 3-5-10-15 лет в Европе? — то именно здесь, как мне кажется, и лежат самые главные стратегические риски, поскольку речь идет о тех фундаментальных ценностях, на которых и построена Европа.

А если уж совсем доводить эту мысль до предела, то Европе, вероятно, придется ответить на вопрос: а что же делать с этими ценностями? Можно ли сохранить Европу, не изменяя этих ценностей? А если эти

ценности требуют обновления, значит нужно понять: идет ли речь об обновлении, уточнении или о переосмотре тех фундаментальных ценностей, на которых построена Европа. Поверьте, что для нас в России это отнюдь не праздные вопросы, они имеют важнейшее значение и для наших взаимоотношений, да и для судьбы самой России. Может быть, мы из России кое-что понимаем неправильно, но что касается темы национализма, то Россия эту тему изучила досконально изнутри. И то, что мы поняли после двух чеченских войн, то, что мы поняли сейчас, пройдя кровавый российско-украинский кризис, в общем, заставляет нас к этой теме относиться очень трепетно и очень серьезно. Именно поэтому я и сказал, что, на мой взгляд, экономическая динамика в Европе вызывает просто восхищение, переход в экономический рост в этом году в еврозоне это доказывает, но главные вызовы сегодня гораздо глубже, гораздо долгосрочнее и гораздо острее. В этом смысле, как мне кажется, на Европу ныне смотрит весь мир, потому что именно здесь за ближайшие 15–20 лет будет дан ответ: сумеет ли Европа обновить себя и сохраниться с учетом вот этого исторического вызова, который обрушился на Европу?

4.

Я ...перехожу к последней точке своего выступления. Как все это повлияет, собственно, на тему, обозначенную сегодня, а точнее, на будущее наших взаимоотношений?

Взаимоотношения России и Европы, ЕврАзЭС и Европы никогда не будут такими, какими они были в предшествующие 25 лет. Мы допустили ошибку в исходных основополагающих принципах, на которых происходило наше сближение. Россия исходила из того, что наше сближение выстроено на взаимоприемлемых основах. Европа, же, похоже, исходила из того, что Россия должна принять на себя те принципы, которые выработаны Европой. Это разные подходы. До какого-то времени эти разные подходы удавалось нивелировать. Когда речь шла о расширении европейского экономического пространства на Восточную Европу, это было приемлемо. Когда речь шла о расширении европейского политического пространства на Восточную Европу, это было сложно, но тоже приемлемо. Когда же речь зашла о расширении НАТО не только на Восточную Европу, но и непо-

средственно на соседей России, это для России оказалось неприемлемо.

Кстати говоря, я лично, если говорить о себе, при всем моем либерализме, при всем том, что я, собственно, по мнению многих в России, являюсь известным агентом ЦРУ, МИ-6, АНБ и так далее, тем не менее, считаю абсолютно неприемлемым вступление в НАТО Украины и Грузии. Категорически неприемлемым — ни при каких условиях. Делал все для того, чтобы этого не произошло, делаю и буду делать!

Итак, пункт первый — прежними наши отношения уже не будут никогда, нам надо пересматривать основу наших отношений, ибо в этой основе лежит не единое, а разное понимание. Их надо: а) выявить, внятно обозначить; б) понять, способны ли мы выработать ту основу, которая была бы действительно единой основой, или не способны?

Второе — экономическая компонента. Я глубоко убежден в том, что и сегодня, и через 10, и через 50 лет, природа выстроена так, что экономика России и экономика Европы всегда будут взаимодополняющими по фундаментальным принципам. И в этом смысле ситуация, когда Евросоюз — это более 50% российской торговли, не случайно, что она почти детерминирована. И любые действия против этого — это просто действия против наших национальных интересов: и как европейских, так и российских. В этом смысле у нас, конечно же, есть глобальный сближающий нас мотив — экономический.

Третье. Безусловно, если выйти с уровня экономики на уровень ценностей, то я глубоко убежден в том, что Россия, конечно же, европейская держава. Степень близости нашей истории: и в XI–XII веках, до татаро-монгольского нашествия, и в Средние века, и роль России в решении глобальных европейских проблем в XIX–XX веках, все формирование российской элиты — от Льва Толстого до Достоевского, вся ментальность российской элиты, безусловно, европейская и никак не китайская (при всем моем уважении к Китаю), не индийская, не японская, не иранская, не турецкая и т.д. и т.п. И эта близость ценностей, мне кажется, несмотря на все то, что я сказал перед этим, мне кажется, никуда не делась и никуда не денется. Она останется на века, и это второй глобальный фактор, который нас сближает.

Но есть и третий. Циничные политики говорят, что миром правят не ценности, а интересы. А если

исходить из интересов, то эти же циники утверждают, что ничто так не сближает, как общий враг. Если согласиться с этой отвратительной циничной позицией, тогда с общим врагом у нас все прекрасно. Масштабы рисков для России от исламского терроризма такие, которые несопоставимы ни с какими другими рисками. Опять же, пройдя через войну с исламом кавказским и совместную жизнь с российским исламом, укорененным на всей великой русской реке Волге, и нам не нужно объяснять масштабы тех рисков, которые здесь есть. Ну, а после последних драматических событий в Европе никому не надо объяснять масштабы этих рисков для Европы. Именно поэтому, собственно говоря, общие угрозы — это не на полгода и не на год, это на десятилетия, и то, чего мы не можем не видеть.

И последняя буквально фраза. Вообще, если посмотреть на весь кризис последних двух лет, на весь украинский кризис, драматический, кровавый, как правильно было сказано здесь, это все из той серии, где «генералы готовятся к уже давно прошедшей войне», пытаются доиграть ту войну, заняться переделом мира после «холодной войны». Вот на этой-то последней арбузной корке мы все-таки сумели поскользнуться и устроить драку. Уходящими проблемами закрыть глаза на те проблемы, которые для нас преходящие и масштаб вызова которых на порядок сильнее и опаснее. Именно поэтому, если хотите, есть русская поговорка «не было бы счастья, да несчастье помогло». Несчастье, случившееся в Париже, несчастье в виде угрозы исламского терроризма сегодня является не тактическим, а стратегическим фактором сближения России и Европы. Это, собственно, и означает, что сейчас задача еще даже не для политиков (политики всегда следуют за элитой, политики всегда следуют за интеллектуалами), а задача для интеллектуалов — попытаться выработать ту новую основу, на которой заново можно построить общее для России и Европы будущее. Спасибо за внимание.

Борис Минц: *А сейчас я бы хотел предоставить слово господину Гуннару Виганд, он является директором восточноевропейского Директората международных отношений Европейской комиссии. Пожалуйста, вам слово.*

.....

**Гуннар Виганд:
ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ПОЛИТИКИ
И УВАЖЕНИЕ ПРАВИЛ**

<...>Мы обращаемся к теме с огромным потенциалом, в особенно сложный период времени, который впечатляющим образом нам описал г-н Чубайс. Я хотел бы особенно поблагодарить господина Чубайса, потому что он этот вопрос поставил в гораздо более широкий контекст. И то, что он говорил о важности ценностей, таких как демократия, права человека, правовое государство, то, что он обратил наше внимание на эти базовые ценности Европейского союза. Он именно описал то, что нас всех свело вместе, то, что нас удерживает вместе. Вы говорили о кризисах, о которых многие думали, что они подорвут ЕС, вы говорили, эти кризисы сделали ЕС гораздо сильнее. В области финансов ЕС получил гораздо больше компетенции, чтобы обращаться и справляться с такими вызовами. И мы исходим из того, что у ЕС будет и должно быть гораздо больше возможностей, чтобы справляться с такими вызовами, как, например, этот внезапный поток беженцев, приезжающих из кризисных очагов. И это является также и желанием граждан ЕС. То есть я смотрю на это не так пессимистически, как вы, когда речь идет о национализме. Во всяком случае, все кризисы, которые до сего дня были в Европе, приводили к тому, что Европа становилась сильнее. И очень часто в «третьих» странах делались поспешные и неправильные анализы. В этих государствах, может быть, некоторые надеются, что когда-нибудь ЕС уже не станет такой успешной моделью. Однако, несмотря на это, ситуация серьезная, здесь появляются новые вызовы, которые делают необходимым новое мышление. И тут важно, чтобы наши политики, осознали: нет, вы не можете сказать, что политика в целях развития — это одно, политика внешняя и политика безопасности — это другое, а правовая, внутренняя политика — это третье и что по каждой из отраслей существуют специалисты. Нет, все эти области существуют и взаимодействуют вместе, и политики должны быть в состоянии вести эту общую широкую политику на внешнеполитическом и на внутреннем уровне. Это наши общие вызовы. Только подходя к такому обширному, комплексному подходу, мы сможем ответить на эти вызовы.

Вы упомянули важную формулировку, о которой я никогда не слышал: будто «украинский кризис был той самой «арбузной коркой, на которой вы поскользнулись». Это, действительно, очень классическое описание того, что действительно было огромной ошибкой и самым крупным кризисом на нашем континенте. И было ошибкой в военном плане туда вступить. Этот кризис стал важным вызовом для безопасности и стабильности на нашем континенте и нуждался в ответе со стороны ЕС. В ответе, который не мог принять те же меры, но в результате принял те меры, которые имеются в арсенале инструментов ЕС, — экономические санкции. Я не хочу подробно говорить на тему санкций, хотелось бы говорить больше на тему нашего заседания. Однако могу сказать, что путь от санкций — это полная имплементация «минских договоренностей», и это сейчас задача для России. Россия тоже несет ответственность и после неправового присоединения Крыма и за ситуацию на Донбассе. «Минские договоренности» вращаются вокруг ситуации дестабилизации на Донбассе. Шаги абсолютно конкретны, ясны. Наш федеральный канцлер инвестировала сюда свой огромный политический капитал. <...>Все это вопрос политической воли в очень обозримых временных рамках.

Об отношениях между ЕврАзЭС и ЕС. Очень часто их называют инструментом, который может улучшить наши отношения с Россией. В принципе это, конечно, правильно, но не полностью. Учитывая этот украинский кризис, нам нужно сначала урегулировать его, но не так, чтобы создать там новый замороженный конфликт. Я говорю это как человек, который долгие годы является чиновником в Европейском Союзе. Я был председателем в переговорах по интеграции с российским экономическим пространством, я являюсь представителем в ЕС по партнерству в военной модернизации. Конечно, мы фундаментально заинтересованы в этом, у нас очень важные экономические связи, мы зависим друг от друга, об этом говорили предыдущие ораторы. Если есть экономическая интеграция, основанная на добровольном желании, открывая рынки, а не изолируя их, если существует ясное применение правовых инструментов, то, основываясь на правилах ВТО, конечно же, мы сможем работать с этим.

«Минские соглашения», договоренности «нормандской четверки» также упоминают это в тех до-

кументах, которые были подписаны. Я хочу еще раз подчеркнуть, что ЕС всегда поддерживает региональные планы и проекты по интеграции, будь то Совет кооперации со странами Персидского залива. ЕС всегда участвует в таких проектах, если они создаются на добровольной основе и если учитываются нормы международного права. Более глубокая интеграция в смысле свободной торговли уже была зафиксирована в постсоветских соглашениях в 1994 году, потом, на год позже, с Украиной. И мы их реализовывали. Все это уже начиналось в 90-х годах. И мы всегда представляли себе так, что мы будем делать это вместе с Россией. Господин Чубайс знает об этом, он очень активно участвовал в промышленном «круглом столе». К сожалению, нам не удалось всё реализовать в той динамике, которая была необходима. <...>Создание и представление об общем экономическом пространстве не ново. Уже в 2003 году на саммите в Санкт-Петербурге мы договаривались об этом. У нас было четыре пространства... В 2005-м у нас была «дорожная карта», затем мы начали переговоры о новом соглашении в 2010 году между президентом Медведевым и господином Баррозу, тогда речь шла о свободном экономическом пространстве от Лиссабона до Владивостока. Они говорили о том, что это видение на будущее. И последний саммит между ЕС и Россией прошел в январе 2014 года. Это был последний саммит<...>

Господин Путин предложил до 2020 года возвести общее экономическое пространство. Мы проводили переговоры с теми партнерами, которые были готовы с нами это делать, на двусторонней основе. Этими партнерами были Молдова, Украина, Армения и Грузия. Затем Армения в конце переговоров передумала, потому что у нее были другие сильные размышления на эту тему, на них было оказано давление с российской стороны. Но с Грузией, Молдавией и Украиной мы об этом договорились. Мы были готовы параллельно вести переговоры и с Россией и дать возможность участвовать в переговорах и представителям ЕврАзЭС. В той мере, в которой шла бы речь о новых компетенциях этого союза.

<...>К сожалению, этого уже не получилось. Почему? Из-за кризиса вокруг Украины, который перерос в конфликт. Все это говорит о том, что кооперация с ЕврАзЭС нужна. Конечно, для нас всегда (и господин Хармс говорил об этом), особенно, для эко-

Берлин

Анатолий Чубайс

Борис Маня

Сергей Дубинин

Андреас Пинкварт и Евгений Гонтмахер

pinkwart

Gontmakher

номики, это является преимуществом, когда вы имеете общие правила, когда есть прозрачность, которая применяется в более крупном количестве стран, чем только в одной стране.

Конечно, я с вами согласен в том, что в комиссии ЕврАзЭС очень много сильных людей. <...>В этой комбинации пяти государств 85% оборота продукта осуществляется, производится в России, 80% населения — это россияне. Компетенции ЕврАзЭС важны. Однако не все так быстро и хорошо продвигается, как мы себе это представляли. Господин Шувалов в 2009 году, если я правильно помню, приехал в Брюссель, рассказал нам, что в следующем году у нас уже будет Таможенный союз, затем, еще через год, у нас будет общий рынок, через год у нас будет экономический и финансовый союз, а еще год спустя у нас будет шенгенская зона. Это было его представление. И тогда госпожа Эштон спросила: «То есть вы всего за 5 лет хотите сделать то, на что нам понадобилось 50 лет?» Шувалов ответил: «Ну да, мы же учимся на ваших ошибках».

Но зато в ЕврАзЭС делаются другие ошибки. И правда состоит в том, и господин Хармс знает, что, например, общетаможённые тарифы существуют на бумаге, но в реальности не существуют, потому что существуют большие транзитные периоды для Казахстана, который должен поднять свои пошлины, для Армении тоже существует большой переходный период. Существуют эти известные санкции, которые Россия объявила в отношении ЕС; в области товаров, в области сельского хозяйства, которые, слава Богу, ни Казахстан, ни Беларусь не пошли по политическим причинам. Существует также транзит из Беларуси в Казахстан через Россию. Также существует целый ряд вещей, в отношении которых мы не можем говорить, что этот Таможенный союз функционирует или функционирует внутренний рынок.

Однако компетенции существуют, умения существуют, но очень многие вещи на национальном уровне решить уже нельзя, и в принципе это положительное развитие. Самое важное — это, конечно, в области стандартов и норм, потому что ЕврАзЭС может внести свой вклад в то, чтобы стандарты полностью во всем регионе, включая Россию, были модернизированы. И на это уже обращалось внимание, что, в частности, в Казахстане во многих областях существуют

© Фото: Виктор Ярошенко

уже более современные стандарты, которые опираются на международные или на ЕС-стандарты.

Хотел бы напомнить вам о том, и российские коллеги знают об этом, о том, что ситуация не та, будто бы мы постоянно думаем в категориях геостратегических конфликтов. Однако мы вовсе не находимся в геополитическом конфликте, когда речь идет о стандартах. Россия сама на добровольной основе в экономическом секторе переняла европейские стандарты — в автомобильной и в химической промышленности, в области электроустановок, например. Это действительно важный путь, по которому мы можем идти дальше. И учитывая то, как у нас сейчас эта комбинация между ЕС и ЕврАзЭС развивается, именно это сделало бы наше общее экономическое пространство очень интересным для инвестиций, если у вас есть возможность там осуществлять производство. <...>Хочу обратить ваше внимание на то, что если будет сотрудничество между этими двумя интеграционными пространствами, то оно не может идти за счет «третьих» стран, а наоборот, должно подключать эти «третьи» страны, давать им возможность участвовать в этом, будь то страны восточного соседства, которые уже находятся в тесных отношениях с ЕС, у которых свободная торговля с ЕС, или это другие наши партнеры, как, например, Турция, или это страны в европейском экономическом пространстве, такие как Норвегия, Исландия или даже Швейцария. То есть это дальнейшая задача, на осуществление которой мы должны работать. Мы не можем здесь говорить только об общем пространстве между ЕврАзЭС и ЕС. Можно будет внести большой вклад в укрепление доверия, если будет решен конфликт вокруг Украины.

И я уже говорил о том, что лидеры процесса «нормандской четверки» уже внедрили этот пункт в свои политические шаги. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы такое движение не произошло при неуважении суверенных прав отдельных государств. И вы можете исходить из того, что в отношении Украины, Молдавии или Грузии ситуация будет такая, что они захотят продолжать осуществление договора о свободной торговле с ЕС. Мы считаем, что нужно уважать желание этих стран — как основное условие для того, чтобы сотрудничать с ЕврАзЭС.

Помимо этого, конечно же, не должно быть каких-то штрафных акций в отношении этих государств. А мы видим, что ситуация на сегодняшний

день не особенно положительна в отношениях между Россией в области экономических взаимоотношений. Должна быть учтена свобода суверенных решений.

Мы должны применять инструменты ВТО, нам нужна дальнейшая либерализация потоков товаров, и тогда все это будет иметь смысл, что всегда являлось позицией Европейского Союза. А это означает уважение свободного выбора в том, что касается оформления отдельных отношений, это означает уважение правил ВТО; это означает, что необходимо осуществлять не политику изоляции в отношении других экономических пространств, а либерализовать ее.

* * *

Борис Минц: ...Слово господину Сергею Дубину, члену наблюдательного совета группы ВТБ. Сергей Константинович в 90-е годы XX века был и министром финансов, и председателем Центрального банка. Теперь он заведующий кафедрой банковского бизнеса в Московском государственном университете, доктор, профессор. Пожалуйста, Сергей Константинович, будьте добры, вам слово.

.....

**Сергей Дубинин:
ТРЕХПОЛЯРНЫЙ МИР**

Сергей Дубинин: Уважаемые коллеги, во-первых, как и все, я благодарен организаторам. И спасибо за этот шанс — изложить мой личный подход, мое личное мнение к этим вопросам. Я хотел бы начать с того: нужно ли вести переговоры, контакты, координацию, если это возможно, ЕС с ЕврАзЭС? Хочу сразу ответить на этот вопрос; да это необходимо. И постараюсь это доказать, как мне кажется, в таком более широком, может быть, даже контексте. Потому что такие отношения Европейского Союза с ЕврАзЭС — это не просто сама по себе замена по политическим причинам заторможенного или прерванного разговора с Российской Федерацией. Дело в том, что сегодняшний мир развивается как глобальная экономическая система, причем он, очевидно, трехполюсен: это Соединенные Штаты, Европейский Союз и Китай. Если посмотреть на их долю в мировом продукте, то примерно 18% приходится на каждый из этих полюсов. Понятно, что Европейский Союз и Соединенные Штаты находятся в более тесных, в определенном смысле, от-

ношениях, нежели третий полюс. Но, как сказал один финский коллега на недавней конференции в Москве, в его контактах с Соединенными Штатами на первом месте обсуждались вопросы Китая, на втором месте — снова вопросы Китая, и потом вопросы Китая, затем проблемы Ближнего Востока (Middle East), и лишь в конце — вопросы о европейских и трансатлантических партнерствах. А где-то Россия, ну, вот, там, at the bottom of the list. Вот, исходя из этой, как мне кажется, реальной картины мира, нам следует подумать: а что же, собственно говоря, мы понимаем под разворотом на Восток, возможно ли это, что у нас получается и какие у нас есть альтернативы, с российской точки зрения. Это цифры, которые характеризуют современное состояние нашего торгового оборота. И это прежде всего, конечно же, наше основное торговое партнерство — с Европейским Союзом. Китай в этом плане сейчас не стоит в числе ведущих, если брать Европейский Союз в целом. Но уже его объемы вполне сопоставимы с тем, что происходит сейчас в торговле с Германией как с нашим ведущим партнером, а не с Европейским Союзом в целом. Но, в общем, это является положительным событием. Вместе с тем торможение экономического роста и в Китае, и в мире в целом, когда спрос на традиционные российские товары падает, приводит и к падению торговли с Китаем. То есть у нас не происходит такой автоматической замены, будто бы мы утратили партнерство, потеряли торговый оборот с Европой, но вместо этого у нас вдруг все выросло на Востоке. Нет, все это гораздо сложнее для нас. И на это надо смотреть реалистично. Страны ЕврАзЭС также не сосредоточены исключительно на Китае, как вы понимаете, хотя Казахстан — ближайший торговый партнер и сосед Китая, Киргизия — единственная страна, у которой 50% всей торговли (но это маленькая страна понятно) сосредоточено именно на Китае. То есть там тоже происходят сложные отношения. С одной стороны, с Россией и российским рынком, а с другой — с Китаем и китайским рынком, который становится все более значимым фактором и все более притягательным. И вот здесь возникает вопрос альтернатив. Конечно, нам было бы очень приятно, если бы Россия в союзе с ЕврАзЭС смогла бы составить такой четвертый полюс мирового развития. Я высказываю свое личное мнение, надеюсь, профессионально обоснованное. Мы сейчас не в состоянии претендовать на ту роль.

Это очень амбициозный проект, но он не реалистичный. Даже если бы мы, между прочим, добавили к объемам наших производств всего ЕврАзЭС еще и объем Украины — а это еще 1,5–1,7% мирового ВВП, — то мы все равно бы не вышли на потенциал, который можно было бы назвать отдельно стоящим полюсом. Я уже не говорю о том, что, безусловно, все развитие этих трех полюсов происходит не в направлении противостояния и замкнутости, о чем иногда ошибочно полагают и о чем говорят журналисты. Это происходит в условиях как раз все более и более тесного вовлечения в единые цепочки производства добавленной стоимости. Все три — и Соединенные Штаты, и Евросоюз, и Китай — задействованы в этих цепочках. И они вовсе не закрывают свою экономику. Китай, правда, полностью еще не открыл ее. Но это длинный разговор, если это кого-то интересует, можно об этом говорить. Просто надо понимать, что было бы ошибочно считать, что движение в сторону замкнутости. Было бы ошибкой такое представление. Другой альтернативой может быть присоединение ЕврАзЭС, такой дрейф в сторону Китая, превращение ЕврАзЭС, и России в том числе, в некоего младшего партнера. Но России вовсе не хочется быть младшим партнером Китая. Это мое личное мнение, я думаю, что оно широко распространено в российской элите. Это вовсе не то, к чему мы хотели бы стремиться. Другая альтернатива: все-таки возможно ли движение в сторону Европы, вплоть до участия в Европейском Союзе?

С моей точки зрения, в свое время было ошибкой такое понимание того, что является перспективой партнерства. Вот попытка просто включить Россию и целый ряд других стран евразийского пространства в один и тот же механизм так называемого восточного партнерства оказалась неудачной идеей. И даже там, где страны об этом заявили и вроде бы проводят политику (например Украина), это способствовало очень высокой политической напряженности. Не стоит закрывать глаза и полагать, что взрыв, который произошел на Украине, — прежде всего внутренний взрыв, а отнюдь не вмешательство той или иной стороны. У нас в России часто говорят, что все это подстроили европейские спецслужбы, американцы и т.д. Но я глубоко убежден, что это был внутриукраинский процесс. Вот и не следует сводить в обратную сторону, что все то сопротивление, которое мы сей-

час видим на востоке Украины, сводится к присоединению российских спецслужб, вооруженных сил и так далее. Нет, это вовсе не так. Это неудачное построение самой идеи партнерства как некоей школы, которую надо проходить и постоянно сдавать экзамены на свою зрелость, получать аттестат с возможностью куда-то присоединиться — вот это было явной ошибкой. И если посмотреть в ретроспективе, я убежден, что это не в интересах Европейского Союза. Более того, я позволю себе сказать, что поспешное присоединение целого ряда южноевропейских и восточноевропейских стран к Евросоюзу и включение их в еврозоны тоже были ошибочными решениями. У Греции, с моей точки зрения, сегодня не только нет оснований оставаться в еврозоне — ни экономических, ни политических. Для этого у нее нет и ресурса, да не было никогда. Понимаете, вступление в еврозону — это потеря национальной валюты и возможности девальвировать ее в условиях кризиса платежного баланса. Не зря же ни Чехия, ни Польша, где люди все-таки, с экономической точки зрения, подошли к этому разумнее, не пошли на вступление в еврозону. И это правильно. Ибо своя, национальная валюта — это тоже инструмент экономической политики, которым можно воспользоваться в случае неэффективности и низкой конкурентоспособности своей экономики. Терять же эту возможность для той страны, которая это принимает, сложно. Нельзя принимать подобные решения исходя из чисто политических соображений. Все-таки Роберт Манделл был прав: интеграция должна происходить между теми странами, которые близки по экономическому развитию. Тогда и свободный рынок труда возможен и т.д. А иначе все это меняется чисто политическими декларациями. Ну и другой пример. Нам бы тоже не хотелось, наверное, да и для Европы, как мы сейчас видим, не очень правильно повторять с Россией турецкий сценарий, когда страна стоит как бы на пороге Евросоюза и все время выслушивает какие-то обещания, но на протяжении десятилетий ей отказывают в этой обещанной возможности вступить. Я глубоко убежден, что это один из стимулов роста исламского экстремизма уже в самой Турции. Она просто обижена на Евросоюз. Давайте спросим, конечно, турецких специалистов, но я глубоко убежден, что это тоже ошибочная тактика и даже стратегия — подвесить страну вот так «при дверях» и постоянно решать: пустить или не пустить. В общем-то,

это оскорбительно для такой крупной нации, как турецкая. Для России это тоже будет не очень большой подарок — оказаться в сенях, «при дверях». Наиболее приемлемой и для России, и для евроинтеграции, для Европейского Союза, для Германии как ведущей силы Европейского Союза, является все-таки попытка выстроить такой мост между Европой и Юго-Восточной Азией еще один мост. Понятно, что такой мост не заменит, скажем, тот же морской путь для торговли. Но тем не менее выстроить его можно. И в этом смысле у нас довольно интересным является этот проект «Один пояс, один путь» (One Belt, One Road, как его по-английски называют). По-русски мы его называем «Шелковый путь», китайцы говорят: «Один пояс, один путь». Но перед тем как последний слайд показать про этот путь. И я хочу сказать, что это безусловная перспектива, она уже реализуется. Перспектива, с моей точки зрения, заслуживающая самой высокой оценки. Это перспектива *Trans-Pacific Partnership* и *Transatlantic Trade and Investment Partnership*. Вот у меня, как у специалиста-экономиста, и финансиста, и международника (я когда-то на кафедре экономики зарубежных стран, то есть мировой экономики, преподавал в свое время), так вот, мне кажется, это нормальное развитие, которое не раскалывает мир, а, напротив, находит стандарты и пути выхода на единые правила игры. Конечно, ВТО — это возможно. Но в ВТО, опять же, входят те страны, которые очень различны по своему уровню развития. А вот через такие партнерства происходит гораздо более глубокое объединение тех стран, которые достигли определенного уровня, и готовы на дальнейшее сближение. Думаю, что Россия не должна немедленно стремиться туда вступить. Но это не исключено и даже, может быть, очень полезно в дальнейшем. Так же точно, как Китай. Ведь Китай занял очень разумную позицию. Они сказали: «да, мы будем смотреть и будем сотрудничать с этим партнерством». Ну, есть тут, наверное, тоже свои политические вопросы и моменты. В частности, Вьетнам, например, входит и в Транстихоокеанское партнерство, и одновременно в ассоциацию с ЕвразЭС, и, насколько я помню, даже в ассоциацию с Европейским союзом. По-моему, Вьетнам — уникальная страна, которая уже ассоциировалась и пытается построить зону свободной торговли в таком вот очень широком кругу. Ну что же, это тоже попытка быть неким мостом с выгодой для себя, соответствующей

интересам данной страны. Я думаю, что и Трансатлантическое партнерство не за горами, хотя, конечно, это решать вам, но это мое личное мнение как эксперта. Ну а дальше — тот впечатляющий проект Китая: морской путь, путь по евразийскому, так сказать, сухопутному пространству. Базово там у них несколько позиций. Они готовы инвестировать большие деньги, если само строительство и разработка проектов будут находиться, если не под полным контролем Китая, то под очень пристальным совместным контролем. То, что они проделали в Казахстане со строительством дорожной сети, — это наглядный пример. Они вложили очень большие деньги, но четко контролировали все этапы строительства. В результате китайцы считают, что между западным Китаем, который получит дополнительные возможности развития, но и для восточного Китая открывается путь, а также и для южного — не только по морю, но и скоростным образом доставлять товары в Европу, чуть ли не до Амстердама (их задача — выйти туда). Может быть, через Петербург, через Украину. Сейчас уже между Украиной и Россией идет некое соперничество: через кого же пройдет этот путь? И еще есть у Китая циничная, но очень четкая позиция. Они не задают домашних заданий по правам человека — ни Туркмении, ни Казахстану, ни Узбекистану, ну, и не России, конечно. Эта проблема китайцев абсолютно не интересует. Если проекты будут экономически состоятельны, Китай будет вкладывать деньги в эти проекты; не будет очевидной экономической выгоды — они приостановят эти проекты. И мне кажется, что все-таки нам вместе с Европой гораздо легче найти правильное позиционирование в нашем сложном мире, в котором нам и нашим детям предстоит жить в XXI веке. Уверю, должен быть взаимный интерес и у ЕврАзЭС, и у Европейского Союза. Спасибо.

Борис Минц: *Спасибо огромное. Я разделяю позицию Сергея Константиновича, считаю, что проект «Шелковый путь» — совершенно уникальный шанс для Европы и для России: поднять интеграционные процессы совершенно на другой уровень и изменить абсолютно картину взаимоотношений между нашими странами, в том числе и в Юго-Восточной Азии. Спасибо огромное, Сергей Константинович за ваше выступление. А сейчас я хотел бы предоставить слово главе московского представительства объ-*

единения торгово-промышленных палат Германии Михаэлю Хармсу. Мы тут посоветовались и решили: одна сторона — другая сторона, чтобы разные точки зрения следовали одна за другой. Уважаемый господин Хармс, будьте добры, пожалуйста, вам слово.

.....

Михаэль Хармс:

ЕВРАЗЭС — ОСТОРОЖНЫЙ ОПТИМИЗМ

Михаэль Хармс: Уважаемые дамы и господа, я буквально вернусь к одному утверждению господина Паке. Конечно же, либералы и трезвые лидеры продолжают вести диалог. Однако, к сожалению, само понятие «либерал» в России стало ругательным, приобрело отрицательную коннотацию, стало символом антипатриотизма. Российские экономисты, российские политики, глава Центробанка — это либеральные политики. И в основном либеральная политика продолжается. И господин Глазьев, который провозгласил последние идеи, свои предложения, тоже идут вразрез официальной политике. Что же касается ЕврАзЭС и Евросоюза, то я абсолютно разделяю мнение господина Чубайса. ЕврАзЭС — это гораздо более серьезный проект, чем нам кажется на Западе. Я абсолютно поддерживаю именно по следующей причине. Естественно, я рассматриваю этот проект с точки зрения немецких предпринимателей. Но сначала внесу небольшую поправку. У нас 6 тысяч немецких компаний имеют свое представительство, СП или собственное производство в России. Что можно конкретно сказать о ЕврАзЭС? Там сейчас довольно серьезно работают над вопросами таможенного законодательства, над регламентирующими документами, и это отнюдь не идеологическая, а чисто прагматическая работа. Структурированный подход. Естественно, это приведет к тому, что будут созданы все необходимые регулирующие документы ЕврАзЭС. Создание открытых рынков позволит преодолеть барьеры, повысить благосостояние народа, будут унифицированы стандарты, нормы и регулирующие документы. Естественно, это мы можем только приветствовать. И немецкие предприниматели от этого только выиграют, ибо сейчас страдают от курса рубля. Немецкие компании, которые уже освоили производство в России, теперь успешно поставляют свою продукцию, хотя и в небольшом объеме, в Казахстан

и в Белоруссию — именно благодаря этим новым условиям, которые сейчас возникли. Сегодня ЕврАзЭС в германской прессе очень часто описывается как новый проект, подчеркивающий доминирующую роль России, которая управляет процессом интеграции. Конечно, с одной стороны, это так. Но с другой — это отнюдь не единственная причина для реализации этого проекта. Наоборот, эти страны вынуждены постоянно идти на компромиссы в переговорном процессе с Россией. Эти переговоры довольно сложны, достижение консенсуса тоже происходит непросто. Это очень важный психологический момент. То, что этим странам и России удастся достигать компромиссов и приходиться к консенсусу — что чрезвычайно важно на постсоветском пространстве. <...>Стороны учатся друг у друга определенным вещам. Допустим, таможня: белорусские таможенники были гораздо более продвинутые, чем российские. Совместными усилиями можно добиться и улучшения стандартов и норм: казахские стандарты, казахские нормы гораздо раньше российских были гармонизированы, адаптированы к европейскому законодательству. Это положительные моменты, которые нельзя не отметить. Что касается идеализма и оптимизма в отношении окончательной реализации этой идеи, здесь я более осторожен в своих оценках, ибо пока что не вижу абсолютно неограниченных шансов реализации этой идеи от Ванкувера до Владивостока. Естественно, господин Путин неоднократно подчеркивал свою уверенность в успехе этого проекта. Мы же относимся к числу скептиков. Почему? Поскольку мы знаем, как тяжело вести переговоры, как заключать соглашения, такие как соглашение о трансатлантической торговле. Естественно, европейская комиссия смотрит сначала на соблюдение соответствующих нормативов ВТО. Со стороны России пока что не все идет гладко. Если это не будет выполнено, то вряд ли эти переговоры продвинутся дальше. И еще один пункт. Мы считаем, что конкурентоспособность российской экономики пока еще не позволяет России, действительно, полностью открыться. Страна, которая не имеет достаточной конкурентоспособности, не может буквально в одночасье полностью снять таможенные пошлины. Я не вижу пока что никаких возможностей для этого. С другой стороны, я обеими руками поддерживаю движение к этой цели большими шагами. Конечно же, попытка не пытка.

Более того, действительно, цель выдвинута прекрасная, если нам действительно удастся добиться гармонизации нашего законодательства на технократическом уровне, мы сможем тем самым заложить основу для наших совместных дальнейших действий и добиться стабилизации ситуации на Украине. Большое спасибо.

Борис Минц: *Спасибо огромное, господин Хармс. Вообще, если почитать российскую прессу, то про господина Хармса обычно пишут: то он в Новосибирске, то в Новгороде, то он там, то здесь. Практически информация только такого толка. Надо позавидовать такой активности — страна у нас большая, и ездить по ней очень не просто.*

.....

Вторая панель

ПОСЛЕДСТВИЯ САНКЦИЙ НА РЫНОК ТРУДА И ЭКОНОМИКУ РОССИИ И ГЕРМАНИИ.

Модератор Флориан Виллерсхаузен:

Россия и Германия прекрасно чудесно торговали друг с другом, дошли до уровня 80 миллиардов евро в торговом обороте. Перспективы были прекрасные. Немецкие бизнесмены делали прекрасные гешефты, все были довольны. Это также можно отнести и к немецким политикам, которые время от времени отхватывали лакомый кусок, получали хорошие заказы из России. Из России тоже было слышно, что, как правило, российские суды никому палок в колеса не вставляли, все споры решались в обычном арбитражном суде. И тут грянул кризис на Украине. Давайте не будем сейчас вдаваться опять в политическую дискуссию... Рассмотрим конкретно вопросы последствий этих санкций. Естественно, с одной стороны, обвал цен на нефть привел к падению курса рубля. Но это был не единственный фактор. И, конечно же, возникли трудности с долгосрочным финансированием инвестиций.

...У нас по этой теме приглашены известнейшие специалисты.

Евгений Гонтмахер *...Сегодня он занимает должность директора Института современного*

развития — бастиона либеральной экономической политики, скажем так.

Второй профессор — **Андреас Пинкварт**. Преподает он в Высшей школе менеджмента Лейпцигского экономического университета, 9 лет (с 2005 по 2010 год) он являлся председателем фракции либеральных демократов.

Андреас Кнауль, он у нас не профессор, зато доктор, прекрасный эксперт и прекрасный знаток России. С 1993 года работал юристом в России, провел консультации для немецких компаний, начинавших свой бизнес в России. Специалист не только по России, но по Украине и Казахстану. И сейчас работает партнером компании “Roedl” в России...

И давайте сразу начнем с вопроса господину Пинкварту. Немецкий экспорт в Россию за 7 первых месяцев сократился на 39% — с 30 до 17 миллиардов евро, однако и российский рынок сократился. Может быть, зато наша доля в российском рынке выросла? Может, мы выигрываем от этих санкций?

Андреас Пинкварт: ...Я был министром по науке и инновациям, занимаюсь такими вопросами, как развитие экономики за счет инновационных подходов, за счет развития конкуренции. Это так, для начала. А теперь вернусь к вашему вопросу. Вопрос был с подвохом, как я понимаю. Что мы видим сейчас? У нас сокращается торговый оборот, экономические отношения, что имеет негативные экономические последствия. С другой стороны, мы видим, что падают цены на энергию. Так что одно другое несколько компенсирует. Но сама проблема компаний, которые непосредственно затронуты этим, не решается. Ведь, действительно, их поставки ограничились, ограничился их оборот. И в конечном итоге для них возникла опасность полностью потерять рынок. На их смену придут другие компании, которые займут их нишу. В Лейпциге я сейчас занимаюсь вопросом продвижения компаний из Восточной Германии на российский рынок. Для нас, конечно, с точки зрения экономической политики, санкции очень неприятны. Но, с другой стороны, у нас есть еще и другая мотивация. Конечно же, без политики здесь не обойтись, но все-таки у меня это развитие вызывает глубокую озабоченность. Мы теряем экономические контакты, что может привести к обострению политических отношений между Россией и Германией. А я отношусь

к тому поколению, которое именно на базе торговли пыталось сблизиться, преодолеть последствия войны, неприязнь друг другу. Это касается экономики. Но это сближало и наши политические позиции.

Вопрос к **Андреасу Кнаулю:**

Что касается немецких компаний, они, действительно, страдают от санкций. С другой стороны, мы знаем пример компании “Xenkel”, которая сейчас очень страдает от контрсанкций... Как вы считаете, насколько политическая ситуация откладывает отпечаток на торговлю?

Андреас Кнауль <...>Хотелось бы вернуться к словам г-на Чубайса. Он оценил ситуацию в России как кризис вследствие двух факторов — санкций Запада и падения цен на нефть. Но он не назвал, каково процентное соотношение и какова процентная доля этих факторов. Хотя у меня нет соответствующих статистических данных, это чистая эмпирика, но по опыту могу сказать, что падение цен на нефть и кризис в России и Германии — на него приходится 90% кризиса, а на экономические санкции — всего 10%. И за этим скрывается еще один момент, а именно: отсутствие модернизации. Не проведение модернизации в российской экономике в течение долгих лет — это структурный кризис. Именно он завел Россию в стагнацию. Государственные органы — всполошились ли они? Отнюдь! Они ведут себя спокойно. У них есть соответствующие директивы, соответствующие указания, как принято это в России, «сверху» или «с самого верха». И естественно, это все объясняется политическими мотивами. Тем не менее я бы не сказал, что Россия вдруг начала действовать конкретно против каких-то немецких фирм. Нет, этого не наблюдается. Ни “Xenkel”, ни “Siemens”, действительно, никакого конкретного давления на них не испытывают. Но вот какая-то французская компания пострадала: там опять что-то нашли, не соответствующее по качеству и по стандартам, и закрыли эту лавочку. Так что, мне кажется, здесь никакой «охоты на ведьм» не наблюдается. Что касается государственных компаний, то это совсем другая история. И эту историю можно, действительно, здесь обсудить более подробно. Конечно же, в этом деле основную роль играет политика. Западные санкции и падение цен на нефть привели к тому, что в России возник призыв и лозунг «покупай все российское». Вообще можно было бы сказать, что неверно необоснованно утверждать,

будто бы российские госорганы сознательно вытесняют, давят на зарубежные компании. Отнюдь нет, в некоторых регионах, наоборот, еще наблюдается стремление привлечь инвесторов из Германии. Немецкие бизнесмены уже потерпели немалые убытки. Кстати, чтобы не быть голословным, экспорт из Германии в Россию в прошлом году сократился на 40%. Таковы последствия кризиса, и с этим нужно жить, от этого никуда не уйдешь.

<...>Здесь, в Германии, и в Европе все склонны считать санкции более весомым фактором для влияния на российскую экономику. Но ведь санкции у нас есть трех различных форм. Первое — это санкции против конкретных лиц, против конкретных компаний; второе — это финансовые санкции; третье — так называемые санкции, которые имели место еще в период «холодной войны» и которые сейчас возобновились.

Что же касается немецкой экономики, то ее больше всего затрудняли постоянные процедуры контроля со стороны немецкого ведомства по экспорту, постоянные проверки. <...>Им постоянно нужно за все отчитываться, нужно подавать документы на любой вид оборудования. И после введения санкций вдруг начали поступать жалобы от российских покупателей, расторгаться торговые контракты. В этом и заключается парадокс? <...>Но в конечном итоге к этому времени уже сами российские клиенты отказались от этих контрактов, вышли из них и, в конце концов, сказали, что все-таки в Китае или в Корее, наверное, проще купить то же самое, поскольку немцы не соблюдают сроков поставки. То есть ограничением вывоза товаров двойного назначения мы сами себе наступили на хвост и в конечном итоге сами себе выстрелили в коленку...

Флориан Виллерсхаузен: *Господин Гонтмахер, можно ли считать, что отсутствие возможностей долгосрочного финансирования сейчас является наибольшим препятствием? Что это означает для возможности модернизации экономики?*

Евгений Гонтмахер: <...>В первой сессии много говорили про санкции, про цены на нефть. Вы знаете, сейчас в России идет спор между экспертами, какая доля кризиса приходится на эти два фактора. Вот господин Кнауль тоже начал об этом говорить. Я просто хочу напомнить, что по итогам 2013 года, когда еще не было санкций, а нефть еще стоила 100 дол-

ларов за баррель, даже больше, у России рост ВВП равнялся 1,3%. И это уже был кризис. Вот что важно. То есть главная проблема России — это не санкции, я считаю, и не цены на нефть. Это, действительно, та экономическая модель, которая у нас сложилась за последнее, может быть, даже десятилетие, которая вообще не восприимчива к экономическому росту даже при высоких ценах на нефть. Она предполагает крайне высокую неэффективность государственного управления и вообще связана с довольно крупным огосударствлением экономики и многими такими вот факторами. К вопросу о том, как из этого выходить. Есть как чисто политические вещи, они, кстати, очень важные. Как сказал один мой хороший коллега-макроэкономист, российская экономика сейчас находится в состоянии клинической смерти, потому что остановился инвестиционный процесс. Вот эти параметры по снижению уровня жизни (я занимаюсь социальными проблемами, поэтому для меня это важно), даже какие-то небольшие позитивные цифры роста в следующих годах, о которых говорил господин Чубайс (0,5–1,5%), — это не имеет никакого значения. Это статистическая погрешность, как говорят в социологии. Инвестиции падают — и российские, и иностранные. Но действительно проблема на долгие годы. Потому что, хорошо, завтра мы договоримся по Украине, завтра мы с Европой снова будем находиться в очень теплых, дружеских отношениях. Но вот Борис Минц правильно сказал: бизнес считает риски. Понимаете? Потому что здесь уже чистая политика. Была Грузия, теперь Украина, потом, кто его знает, может, еще что-то произойдет при такого типа внешней политике и отношениях к внешнему миру. К сожалению!

<...>Мы же прекрасно понимаем, что инвестиции в Россию должны приходиться не только от таких крупных компаний, как “Siemens”. И, кстати говоря, я не хочу забывать про российского инвестора. Потому что российский инвестор просто не знает, что ему делать, исходя как раз из этой крайне неэффективной, мягко говоря, экономической модели, даже если не брать политику. <...> Господин Чубайс сказал, что 1,5% роста для России — это ничего. Давно известно, что нам как стране догоняющего развития нужно иметь не меньше 5% роста ВВП. Но я думаю, в ближайшие несколько лет это недостижимая вещь. Даже если начнутся какие-то реформы.

Надеюсь, что они начнутся, причем реформы масштабные.

Сегодня вы будете смотреть фильм по книге Егора Гайдара «Гибель империи». Ну, кто читал вообще книжки — я читал, конечно, я хорошо был знаком с Егором. Он же всегда писал, что вообще-то реформы империи — это не только чисто экономические реформы. Мы их не сделали. По большому счету, мы их начали в 1992 году, но в силу разных причин не закончили. И нам предстоит, видимо, реформы колоссального масштаба. <...>Но инвестиции нам нужны. Прежде всего нам нужно создать атмосферу доверия, вернуть доверие Европы, наладить внутреннюю ситуацию, уменьшить роль государства. Но это классические либеральные рецепты, которые, я думаю, здесь не нужно объяснять.

И последнее. Россия никогда не будет самодостаточной экономической страной. Все вот эти импортозамещения — это XIX век. Это господин Лист, был такой немецкий известный экономист в начале XIX века, который очень много об этом писал, он был такой «певец изоляционизма». Но ведь у нас сейчас уже XXI век. Так вот, я хочу сказать, что Россия должна встраиваться в эти глобальные цепочки. Встраиваться в цепочки добавленной стоимости, ничего страшного в этом нет. Поэтому я бы хотел призвать всех вас понимать масштаб проблем, которые стоят перед нами... Спасибо.

Флориан Виллерсхаузен: *Большое спасибо за этот фейерверк мыслей. Давайте зададим вопрос бывшему политику господину Пинкварту. Где, в чем состоят риски для России? И насколько, действительно, это все рискованно?*

Андреас Пинкварт: Ну, конечно же, риски на данный момент существуют и с политической точки зрения, но и за счет того, что не проводятся реформы, которые и являются причиной этих структурных реформ. Поэтому все это влияет и на безопасность инвестиций в этой стране, это абсолютно очевидно.

<...>Мы все время воспеваем средние и малые предприятия. Я считаю, это здорово, но без крупных предприятий у нас не было бы среднего класса, который был бы конкурентоспособным. Все это взаимосвязано. Но, конечно, для России это тяжело, потому что крупные предприятия должны быть реформированы. Это чрезвычайно важно, чтобы малые и средние предприятия могли развиваться дальше.

И нам действительно, нужны не только экономические и политические реформы, но и культурный поворот. <...>Там, действительно, огромный потенциал, который мы должны пробудить. Только тогда эта экономика сможет измениться фундаментальным образом на всех трех уровнях. Мы это можем, мы должны внести вклад на политическом и на экономическом уровне, да и на культурном уровне тоже. Это поможет стране получить лучшее будущее, это же будет в интересах для Европы в нашем сосуществовании с Россией, если мы не хотим беспокоиться на тему военных конфликтов.

Флориан Виллерсхаузен: *Да, большое спасибо. Господин Кнауль хотел бы сказать слово в отношении рисков для среднего предпринимательства.*

Андреас Кнауль: Я представляю предпринимателей, и мы не благотворительная организация. Мы в России для того, чтобы зарабатывать деньги. Но это можно и объединить. То есть вы помогаете стране, вы помогаете России зарабатывать там деньги порядочным образом, если вы проводите анализ рисков. Каждый предприниматель, когда хочет начать работать в России, думает о том: «ага, если я туда вложу деньги, получу ли я их обратно? Плюс с прибылью». Риски абсолютно конкретные; к примеру, я поставляю машиностроительное оборудование. Мне платят 10% как предоплату, потом есть план оплаты, но в конце концов, я теряю свою кредитацию. Это конкретный вопрос: я ее потеряю, эти 10%, или я их получу обратно? Если я там инвестирую, я строю какую-то фабрику. Если я начинаю монтировать какие-то вещи, мне нужно туда переместить деньги, я потом заработаю эти деньги, а получу ли я их обратно? Смогу ли я отчитаться перед акционерами, перед шефом, перед своей семьей? Могу я пойти на этот риск перед всеми этими людьми? И затем самый главный вопрос, который всегда поднимается: а не заберет ли государство мою фабрику? Этот вопрос задается все время. Заберет ли оно мой бизнес? Это тоже вопрос, который все время поднимается в прессе, хотя тут нет абсолютно ничего, что бы подтверждало, что такой сценарий возможен.<...> Если, допустим, оборудование было поставлено, а последний транш размером в 20% не был оплачен, оказываемся ли мы правы перед судами? Да, мы оказываемся правы. Но получим ли мы обратно деньги? Увы, не всегда. Точно так же, как и в Германии. Если вы в Германии на кого-то подаете в суд,

а этот человек уже спрятал эти деньги, то вы тоже их не получите. Право будет за вами, а деньги — нет. Поэтому риски существуют, но в принципе они те же самые, что и в другом зарубежье. Может быть, даже ниже, чем во многих других странах, в которых работают германские предприятия. И тут надо сказать, что у нас достаточно правовой безопасности для того, чтобы на этот риск германские предприятия могли бы пойти без проблем. Тогда меня заинтересует вопрос: а кто туда поедет? Потому что рубль находится на очень низком уровне. Можно сказать, конечно, что Россия — это выгодная страна, там хотят быть более независимы от импорта. В принципе, это разумно, Китай тоже когда-то так делал, это обычное дело.

Флориан Виллерсхаузен: *Господин Гонтмахер, вопрос к вам. С одной стороны, инвестиции, как я надеюсь, будут усилены, учитывая низкий рубль, но это также приведет к тому, что российские предприятия будут более конкурентоспособными. С вашей точки зрения, какие последствия это будет иметь? Может Россия благодаря низкому курсу рубля сейчас активно действительно?*

Евгений Гонтмахер: Нет, я в это не верю, потому что у нас была подобная позиция после дефолта 1998 года, когда, действительно, рубль резко подешевел, но потом начался экономический рост. Правда, это было связано и с ростом цен на нефть в конце 1990-х годов. Но тогда еще оставались довольно большие неиспользованные мощности в нашей экономике, они были задействованы, выведены из резерва, и позволили увеличить некоторую экспортную продукцию. Сейчас ситуация другая. Сейчас у нас ведь получилось так, что инвестиционный процесс, даже до нынешнего кризиса, не шел интенсивно, так, как нам бы этого хотелось. Известны цифры сопоставления, какая доля ВВП идет в фонд потребления и в фонд накопления в России и, допустим, в Китае. Это разные вещи. Все-таки значительная часть того, что Россия зарабатывала в те «тучные» годы нефтяной и газовой конъюнктуры не было вложено в экономику с точки зрения даже технологической модернизации. Тут коллеги говорили, что Россия пропустила очень много технологических циклов. Мы их взяли, конечно, мы их купили на Западе, это правда.

<...>Крупный и средний европейский и российский бизнес выживет. У него большой административный ресурс, это известно. Я говорю о другом.

Вот тут было сказано совершенно правильно насчет каких-то культурных вещей, которые имеют непосредственное отношение к экономике. Какова, к примеру, доля занятых в малом и среднем бизнесе Германии? Это более 50%. Россия же, к сожалению, имеет другую структуру экономики, потому что сырьевая экономика предполагает строить больше крупных предприятий. Но в России средний и малый бизнес — это меньше 20%, более того, он в тени. У нас даже статистика этих людей не фиксирует. И мы реально не знаем, какова у нас безработица, каков у нас ВВП. У нас — при 75 миллионах экономически активного населения — взносы и налоги платят только 50 миллионов.

Понимаете, в этом смысле, конечно, нужно поддерживать крупный бизнес, я с этим совершенно согласен, в том числе и зарубежный. Но без сбалансированного развития нашей экономики и малого бизнеса у нас ничего не получится. Вот тут господин Пинкварт говорил насчет наших молодых, которые хотят себя попробовать. И где же ты себя попробуешь, молодой человек? Ты что, должен в Газпром идти работать? У нас многие об этом мечтают — в Газпром или на государственную службу. Но это же неправильно! Конечно, какая-то часть должна туда идти. Но надо идти в малый бизнес, надо пробовать себя там. Но это слишком рискованно. И здесь нет как раз нужных навыков, и нет надежды, что ты действительно можешь поставить этот бизнес на ноги, что у тебя его никто не отберет и прочее. Вот, что надо иметь в виду. Да, Россия абсолютно такая же страна, как и любая. Большая, конечно, страна, европейская. Это важно, потому что, как мне кажется, у европейцев сидит в голове, что Россия — очень большая территория, где добывается нефть и газ, где можно, конечно, этим воспользоваться. Можно купить дешевые активы, которые сейчас есть. Действительно, в России сейчас много дешевых активов. И все? Нет! С моей точки зрения, Россия — это страна потенциальная, учитывая наши трудовые ресурсы, все-таки пока еще неплохо образованные, Россия — это страна высоких технологий.

Вопрос лишь заключается: в чем? Да, наверное, компьютеры Россия вряд ли будет производить и собирать собственные. Но, допустим, нефтегазохимия, я считаю, это такой драйвер российской экономики, который может быть конкурентным в мире. Между

прочим, и сельское хозяйство может быть высокотехнологическое. Сейчас об этом начали у нас говорить. Это, между прочим, сфера не только крупных предприятий — как раз это сфера среднего и малого бизнеса. Вот что необходимо обсуждать в первую очередь.

Флориан Виллерсхаузен: *Я недавно встречался с представителями немецкой автомобильной промышленности в Москве, они все мне сказали: послушайте, у нас столько производственных мощностей в России, но мы не можем их использовать, потому что у нас нет рынка сбыта. Нам бы очень помогла свобода торговли в этой области. Из России тоже можно экспортировать высококачественную продукцию. Как вы считаете, каковы возможности того, что будет свободная торговля между Евросоюзом, например, и ЕвразЭС?*

Андреас Пинкварт: В принципе я всегда выступаю за свободную торговлю. <...>Наше благосостояние произошло не оттого, что мы сами для себя работали, а оттого, что мы можем и имеем возможность работать на глобальный Общий Рынок. И нас ценят там. А без свободной торговли это было бы невозможно. Поэтому сотрудничать тут было бы хорошо, это бы открыло для нас новые возможности, новые шансы. И на данный момент я наблюдаю, что это помогло бы нам избежать следующего, что было бы контрпродуктивно, в отношении того, что только что упомянул господин Гонтмахер, чтобы российская экономика должна быть открыта больше, она могла бы дать больше возможностей для инновационных методик<...> Конечно, те люди, которые работают в России, должны с помощью торговли найти свободный доступ к Общему Рынку, чтобы это было экономически выгодно. Во всяком случае, я надеюсь на то, что нам удастся убедить представителей политики в том, что не надо изолироваться.

Флориан Виллерсхаузен: *Как вы считаете, свободная торговля между Европой и Россией может привести к тому, чтобы в России опять был экономический рост в 4-5%, который необходим?*

Евгений Гонтмахер: Безусловно. Надо просто понимать, что такое свободная торговля. Потому что, с моей точки зрения, за те 20 лет, Россия не является коммунистической страной, Европа реально не включила Россию в очень многие проекты именно свободного обмена, не только экономического, но и культурного, и гуманитарного. И я как раз вот,

у меня реакция на первую сессию. Конечно, Россия — часть Европы, и мы этого очень хотим. Но, видимо, для Европы это проблема. Потому что если Россия реально станет частью Европы, она реально станет частью и экономического пространства. Россия — самая большая страна. Россия больше Германии, существенно больше Германии, больше Франции, больше Великобритании. И я так понимаю, что европейцы до сих пор не понимают, как можно вдруг получить такого соседа по квартире. Это вам не Греция, не Болгария. Поэтому здесь у меня вопрос, скорее, не к нам, мы-то, по крайней мере, я с моими коллегами, мы только двумя руками за. И у меня вопрос к европейцам: пожалуйста, вы все-таки определите, почему за 20 лет вы этого не сделали? Тогда мы, конечно, будем. Мы, может быть, даже возглавим Европу, в этом смысле.

Учитывая огромные территории России, граничащие с Тихим океаном. Говорят, от Лиссабона до Владивостока. Ну, Владивосток же российский. Мы выходим к Китаю. Ну, пожалуйста. Нет, это большой вызов прежде всего для Европы. Зона свободной торговли и вообще Россия как Европа. Подумайте об этом.

Флориан Виллерсхаузен: *Ну, давайте, поспокойнее, шаг за шагом, помедленнее. Россия не Греция. ..Кто, с практической, деловой точки зрения, противится этому? Это вообще возможно?*

Андреас Кнауль: Что касается законодательства, то в правовом отношении абсолютно все возможно. У нас нет законов, не позволяющих нам создать всемирную зону свободной торговли. И теоретики, начиная с Адама Смита. И господин Паке сегодня рассказывал, что, действительно, у нас границ для этого юридических нет. Однако Россия в экономическом плане, в тех секторах, которые сейчас более-менее конкурентоспособны, почувствует на себе и плачевные последствия этого. Наверняка эти зелененькие росточки, слабенькие росточки в конце концов загнутся. Давайте лучше обратимся к разделению труда, чтобы каждый занимался тем, что лучше всего умеет делать. И этот анализ, мне кажется, в России должным образом не проводится. <...>Здесь есть иллюзии какие-то, какие-то иллюзорные представления все-таки в России существуют.

<...>Россия — это огромное пространство. Естественно, в основном там нечерноземье. Территории, прилегающие к Украине, — в основном носят аграрный характер. Вы помните, как Советский Союз

в свое время закупал зерно в Канаде, в Соединенных Штатах. Сейчас Россия является экспортером зерновых. Что касается нефтехимии, естественно, Россия не остановится только на добыче, не ограничится только этим, будут появляться новые степени переработки и перерабатывающие предприятия. И, конечно же, создаваемая стоимость будет в стране увеличиваться<...>

Флориан Виллерсхаузен: *Если бы вы сейчас из своего стола достали свои планы модернизации России, что там было бы написано? Рост экономики 4-5% или еще что-нибудь? Какие были бы планы?*

Евгений Гонтмахер: Я давно над этим думаю, и не только я один. Вообще-то у нас, как говорил Анатолий Борисович Чубайс, есть узкая группа людей, которая думает над тем, как нам сделать Россию нормальной европейской страной. С моей точки зрения, первая реформа, которую надо делать, - это реформа государства или государственного управления. Об этом, кстати, у нас говорит господин Греф, я с ним согласен. Вопрос только, конечно, в деталях — как это нужно делать? Потому что слишком много государства в экономике, слишком централизованное государство. Естественно, тем более что Россия такая большая федеративная страна, нужна децентрализация. Должна быть, конечно, активизация всех других субъектов жизни, в том числе и объединений бизнеса, кстати говоря, которые у нас сейчас являются полузависимыми, скажем так. Это, конечно, дерегулирование гражданского общества, потому что у нас происходит его регулирование. Ну, и конечно, вещи, которые связаны с государственным управлением — это, конечно, судебная реформа. Об этом тоже здесь говорили коллеги. Те, кто ведет бизнес в России, прекрасно знают, что такое российская судебная система. И еще целый ряд вещей, но они, повторяю, сводятся к реформе государства как института, куда входит исполнительная и законодательная власть, и федеративные отношения. Местное самоуправление принципиально важно, ибо сейчас оно у нас, к сожалению, близко к нулю. Это, кстати, очень плохо для того же среднего и малого бизнеса. Вот с этого надо начинать, а потом все остальное на этом фоне может развиваться.

И экономические реформы, и реформы дерегулирования, и реформы социальные, которые у нас назрели, к сожалению, в очередной раз: пенсионная, здравоохранения и т.д. Как правильно говорят мои

коллеги, которых я уважаю: лучше не братья за реформы, если мы будем делать их вот этим государством, потому что будет обратный результат. Мы это в России видели.

Вопрос: Меня зовут Шридрих, я профессор по внешней экономике. Дорогой коллега, я могу сказать, господин Гонтмахер. Когда я был молодой, мы еще в Москве в международном экономическом институте все это записывали. Мы же между нами находимся. Скажите честно, может быть вам сложно ответить, но скажите честно: кто же заинтересован в том, чтобы все это было не сделано? Вот это все, о чем вы так прекрасно говорили. Ведь в этом же и есть проблема. Пожалуйста, объясните нам, какие экономические интересы в России выступают против диверсификации, против модернизации? Я слышу требования о том, что это необходимо, эти требования не новы. Скажите, кто же не заинтересован в этом? Ведь эти интересы должны существовать, такой слой должен существовать — кто же в этом не заинтересован? Мы, экономисты, говорим: Россия — один из самых сложных пациентов голландской болезни. Вы, будучи экономистом, знакомы с этим выражением. Как же победить, побороть эту болезнь? Не буду входить в детали, но мы все, находящиеся здесь, знаем, что такое голландская болезнь. Итак, скажите: понятие «импортозамещение» — это как бы лекарство против болезни? Но ведь это не имеет ничего общего со свободной торговлей. Как это влияет на наши предприятия, господин Кнауль? Если я не могу ничего поставлять, то для другой страны это означает приостановку импорта. Это же не имеет никакого отношения к санкциям, это национально-патриотический ответ, состоящий в том, что все мы должны здесь сами. В Греции это называется *автаркией*. Мне так грустно. Простите меня за эту эмоцию, я являюсь другом России, и для меня все это очень печально.

Вопрос: Господин Гонтмахер, когда некоторое время назад вы говорили о концепции экономического развития, вы имели в виду не только модернизацию. Если я правильно помню, существовало три варианта, которые там фигурировали: стагнация, модернизация или мобилизация. В какой стадии сейчас находится российская экономика? В стадии мобилизации?

Андреас Кнауль: <...>

С германской точки зрения, с точки зрения представителя германского среднего предприниматель-

ства, мы очень заинтересованы в модернизации. Мы могли бы продавать больше. Технологическое партнерство имело смысл, до сих пор имеет смысл, все постулаты эти не устарели. И, говоря от имени германского среднего предпринимательства, мы заинтересованы в диверсификации модернизации и сильной России.

Флориан Виллерсхаузен: *Господин Гонтмахер, скажите, кто против модернизации?*

Евгений Гонтмахер:

<...>Ну, мне кажется, вопрос понятен, потому что если у вас есть возможность получить деньги, принесенные ветром (в английском языке есть такое выражение). Когда у нас цены на нефть резко поднялись за эти годы, цены на газ. И тогда наши крупные компании, государство наше получили в свое распоряжение, в общем, по некоторым расчетам, триллионы долларов — триллионы! Говорить тут о каких-то структурных реформах, если даже не брать политические вещи, не брать коррупцию, просто вот такой вопрос, например: почему в России нет фармацевтической промышленности? Но, как говорил еще несколько лет назад Герман Оскарлович Греф, когда кончится нефть, начнутся реформы. И последнее. Стагнация, модернизация, мобилизация. У нас, конечно, реализуются сценарий стагнации и мобилизации, есть элементы и того и другого. Но, с моей точки зрения, никакой модернизации не происходит. Что будет дальше, трудно сказать, потому что вопрос политический, он связан, между прочим, и с внешней политикой. И потом, когда все решения в нашей стране принимает президент Российской Федерации, и, в общем, какие решения он дальше будет принимать, я не знаю, ибо не принимаю участия в этом процессе, я лишь наблюдаю и анализирую. Посмотрим.

P.S. 24 ноября 2016 г. в Берлине состоялся уже третий Форум Гайдара–Науманна 2016.

В этом году Форум приурочен к 25-летию реформ в Германии, Восточной Европе и России. Тема Форума: «Россия, Германия и Восточная Европа: отношения в эпоху перемен».

В этот раз география Форума расширилась: к участию были приглашены известные европейские реформаторы Лешек Бальцеревич (Польша), Армен Дарбинян (Армения), Крассен Станчев (Болгария), а также аналитики стран, занимающихся исследова-

Берлин

ниями социально-экономических проблем развития Восточной Европы, ее роли в Европейском Союзе и взаимодействию с Россией.

Среди участников Форума в этом году председатель правления Фонда Егора Гайдара Борис Минц, экс-министр экономики земли Саксония-анхальт Карл-Хайнц Паке, директор Восточного комитета немецкой экономики Михаэль Хармс, научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин, экс-министр экономики РФ Андрей Нечаев, Юлиус фон Фрайтаг—Лоригофен (фонд Науманна), профессор Кари Люхто, директор пан-Европейского института (Финляндия), профессор Дирк Линовски, Крис Пияк, проф. Дм. Травин (Санкт-Петербург) и многие другие. Доклады участников были посвящены осмыслению процессов, стремительно формирующих новую европейскую реальность, и вызвали оживленную дискуссию в зале и кулуарах Форума.

Соб. инф.

Материал подготовлен к печати Фондом Егора Гайдара и редакцией журнала «Вестник Европы». Публикуется по расшифровке магнитной записи с синхронным переводом, редакционными поправками и сокращениями.

ПОЛИТЭКОНОМИЯ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ И МАТРИЦЫ ТОТАЛИТАРНОГО СТРОЯ¹

...Я новым именем покрою
Боль поражений и обид!

Анна Ахматова

ЭКОНОМИКА И «ВОЙНА ИМПЕРИЙ»

Как известно, конечный смысл хозяйственной деятельности заключается в процессах приращения и оптимизации общественного и личного богатства. Военная же практика (в том числе и практика нападающих держав) такого приращения не гарантирует, ибо война — всегда риск, и последствия его непредсказуемы. Однако развязывание войн предполагает расчет не столько на производственное, сколько на *насильственное* приращение (в виде новых территорий, природных, сельскохозяйственных и людских ресурсов, контроля над торговыми путями, конфискации, дани, репараций и т.д.). И в основе такого рода насильственных приращений лежит не столько производство благ, сколько *производство смерти*, т.е. истребление или истощение как можно большего объема человеческого потенциала («живой силы»), техники и хозяйственного потенциала противника.

В этом плане «приращения» войны воистину жизнеубийственны: интенсивные военные действия ведут к истреблению людей, к разрушению природных и культурных ландшафтов (вместе с памятниками и сокровищами культуры), к разрушению необ-

ходимой для жизни инфраструктуры, к разрушению отработанных правил и необходимых условий в самих отношениях между людьми; к непомерному расходованию человеческих ресурсов и национальных достояний (включая и изматывающий труд населения тылов); к замещению устоявшихся, хотя и не всегда совершенных, правоотношений и отношений нравственных, системами чрезвычайных мероприятий, включая и мероприятия конфискационные и карательные.

Одной из стержневых проблем истории Первой мировой войны 1914–1919 гг. (от Сараевских выстрелов до Версальской конференции) оказался вопиющий перепад между реальной макроэкономической проблематикой начала XX столетия и устаревшими политическими институтами и складами сознания, перепад между убеждением в возможности силового (да притом и с помощью непривычного и беспрецедентно мощного оружия) разрешения новейших экономических проблем и скорого утоления новейших appetитов и амбиций. И стремительными следствиями этого перепада оказались:

- обвал складывавшейся мировой финансовой системы (прежде всего в лице «Латинского союза» —

валютного союза Франции, Швейцарии и Италии, на который в значительной мере опиралась вся финансовая система предвоенной Европы) и обесценивание национальных валют;

- разрыв многочисленных и к тому времени уже прочно отлаженных цепочек экономических взаимозависимостей (напр., России — от германских технологий и научно-технической мысли, Германии — от российского хлеба и сахарной свеклы, Европы — от американского хлопка и продовольственных поставок, а также и от американских капиталовложений).

Авторитарное государственно-политическое мышление, вырвавшееся из опыта полуфеодалного и бонапартистского прошлого и ориентированное по преимуществу именно на этот опыт, во многом несет ответственность за разжигание и ход Большой войны², за казенную узурпацию порывов человеческой жертвенности и воинского героизма.

Российский историк-балканист проф. А.А. Улунян отмечал, что принятое в прежней советской историографии наименование Первой мировой войны — «империалистическая война» — не так уж неправомерно. Дело, однако, в акцентах. Империалистической она была не столько вследствие того комплекса социально-хозяйственных явлений, которые В. И. Ленин обозначал понятием «империализм как высшая и последняя стадия капитализма»,

сколько, как полагает проф. Улунян, спровоцированной Сараевским убийством «войной империй» и — закономерно связанными с нею, вырвавшимися на свободу этническими и государственными антагонизмами и ностальгиями³.

Действительно, Большая война поставила на карту судьбы четырех великих и сакральных полуархаических сухопутных империй — Австро-Венгерской империи Габсбургов, Османской и Российской империй и самой молодой из них, но — с мощнейшими архаическими притязаниями и с соответствующим идейно-политическим background'ом — Германской империи⁴. Важными акторами Большой войны выступали также морские колониальные империи Нового времени — Великобритания и Франция, а также совсем юные, на переломе XIX и XX столетий заявившие о себе колониальные империи Нового Света и Тихоокеанского бассейна: Соединенные Штаты и Япония (последняя являла собой причудливую, но взрывчатую смесь восточного цезаропапизма и военно-технического авангарда)⁵.

Несомненно, этот «империалистический», а точнее — многоимперский элемент Большой войны явился одним из ее серьезных и отягчающих факторов, ложившийся тяжким бременем и на государства, и на армии, и на несчетные массы мирного населения фронтовых и прифронтовых полос, и на тылы. Некомпетентное вмешательство авторитарных пра-

*Мобилизованные на пути
в казармы. Петроград,
август 1914
Фото: Карл Булла.
Из собр. ЦГАКФФД, СПб*

вительств в работу штабов и армий усугубляло это время⁶.

У нас же в России внутреннюю политическую дезорганизацию воюющей страны усугублял длившийся долгими десятилетиями конфликт между самодержавной властью и гражданским обществом. Авторитарным подходом к проблемам власти и общественной жизни (в сочетании с первыми поражениями войны) самодержавию всё же пришлось отчасти поступиться. Однако вынужденные западалые попытки подключения гражданского общества к защите страны (Союз земств и городов, Военно-промышленные комитеты, широкая публичная благотворительность), хотя и имели положительные результаты в области чисто военной (с весны 1916 г.), однако в области внутривластных отношений они лишь накаляли застарелую, но нарастающую вражду между обществом и царской бюрократией⁷.

ЦЕНА ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Я уже говорил, как важно при анализе истории Большой («империалистической») войны принимать во внимание фактор отрыва властей предрержащих от миро-экономических и технологических реальностей тогдашней Европы. Этим отрывом во многом объясняется и та ставка на блицкриг, которая дела-

лась в первую очередь именно германским милитаризмом: оперативные планы мировой войны разрабатывались ее будущими участниками еще с 1890-х годов, однако, по словам Гюстава Ле Бона, именно кайзеровская Германия «бросила в переполненную до краев чашу ...последнюю каплю»⁸.

Причем установка на блицкриг знаменовала собой просчет за просчетом.

Проведенный М. П. Вельтманом-Павловичем анализ германской военно-стратегической мысли кануна Первой мировой войны показал, что мысль эта, во-первых, недооценивала военное могущество Британии⁹, а, во-вторых, в надежде на казавшиеся мощными прогерманские силы внутри Соединенных Штатов, совершенно упускала из виду возможность вступления этой страны в войну на стороне англо-франко-русского союза¹⁰. Но я позволил бы себе несколько расширить эту мысль Вельтмана. Германская военная верхушка, одержимая идеями пангерманизма и ненавистью к «западным плутократам», недооценила глубину экономических, культурных и идейных взаимосвязей англо-саксонских народов, а также и лояльность тех меньшинств, на которые предполагала опереться кайзеровская администрация: их приверженность новой родине — Соединенным Штатам — оказалась сильнее, нежели глубина прежних (прогерманских или анти-русских) чувств...

*Под Варшавой. 5-я рота
Лейб-Гвардии 3-го Стрелкового
Его Величества полка на походе.
Источник: <http://www.radnews.ru>*

Расчеты на блицкриг, опиравшиеся на военный опыт прошлого, недооценили также и изменившийся к тому времени технологический и организационный облик тогдашнего военного дела: механизацию, телефонное и радиообслуживание, авиаразведку, химизацию и массовизацию всего комплекса военных процессов. Сплошные и плотные, насыщенные современными технологиями и людскими массами фронты отодвинули в прошлое привычные методы стремительных маневров и внезапных фланговых ударов. Следствием уплотнения фронтов стали тяжелые, изматывающие людей позиционные, «окопные» войны с периодическими кровопролитными, но всё же малоэффективными вылазками воюющих сторон¹¹.

Итак, установка на блицкриг, господствовавшая в правящих верхах и генштабах воюющих сторон, обернулась реальностью первых поражений (провал наступлений российской армии генералов А.В. Самсонова и П.К. фон Ренненкампа в Восточной Пруссии¹², с германской стороны — провал «Плана Шлиффена», с австрийской стороны — провал планов одновременного уничтожения Сербии), обернулась той изнурительной позиционной войной, которая внесла немалый вклад в дезорганизацию народного хозяйства и в деморализацию армий и тылов воюющих стран континентальной Европы.

Цена Большой войны, начавшейся ура-патриотическими восторгами среди народов вступивших в нее стран, оказалась воистину ужасающей. Жертвами

прямых военных действий оказались свыше 22 млн. военнотружеников и мирных жителей, из них на Россию приходится от 2,3 до 2,7 млн. (как тут не припомнить опасения П.Н. Дурново!)¹³.

Однако было бы несомненной ошибкой свести потери Большой войны к потерям фронтовым и к потерям среди гражданского населения фронтовых и прифронтовых полос.

«Бумеранг» Большой войны продолжал действовать и во времени, и в пространстве. Действовать и в демографии, и в экономике, и в управлении, и в людских сознаниях.

ТЫЛЫ

Большая война во многом поставила под вопрос господствовавшую дотоле в неоромантическом — ницшеанском, вагнерианском, марксистском — сознании предвоенной Европы веру в «очистительную» миссию исторических насилий и войн. Хотя, разумеется, далеко не всегда и далеко не все способны были отдать себе отчет в этом обстоятельстве: инерции массового сознания определяются не опытом разума, но, скорее, силами эмоционального заражения¹⁴. Но, так или иначе, разрушительные труды Большой войны касались не только фронтов и прифронтовых зон, где, как правило, гибнут прежде всего самые отважные, бескорыстные и красивые (т.е. действуют силы отрицательного человеческого отбора), но и тылов. Само собой разумеется, что вследствие массовой мобилизации из социокультурного и хозяйственного оборота тылов выводилась самая активная и креативная часть мужского населения, а пресс войны с особой силой ложился на женщин, подростков, детей, пожилых людей, что не могло ни сказываться на состоянии последующих поколений.

Большая война в странах прежде всего континентальной Европы привела к подрыву внутренних хозяйственных связей. Обратной стороной ужесточения хозяйственной дисциплины и бюрократизации общей системы экономических и хозяйственных связей оказались: регламентация закупочных и отпускных цен на хлеб, централизация хлебоснабжения (что означало дополнительную нагрузку на железнодорожную сеть, и без того перенапряженную в условиях войны), дефицит товаров массового потребления

и особый размах спекуляции — от централизованной спекуляции сращенных с военно-бюрократическими структурами деловых кругов до массовой мелкой спекуляции на беспорядочных импровизированных базарных толкучках¹⁵. Весь этот комплекс явлений, когда людям в борьбе за выживание приходилось на каждом шагу изворачиваться и ловчить, не мог не провоцировать нравственную и культурную деградацию широчайших масс населения.

Оборотной стороной хлебного и сахарного дефицита оказался взрывной рост самогонварения и сопряженные с ним пьяные дебоши на фронте и в тылу, изнасилования, грабежи, расхищение жизненно необходимого для фронта и тыла запаса медицинских спиртов, погромы спиртовых и винных складов¹⁶.

И как следствие общей разрухи и деморализации на просторах тогдашней Европы — от Эгейского бассейна и Кавказа до Северного, Балтийского и Белого морей — непрерывные в течение военных и послевоенных лет этнические и социальные войны, этнические чистки, еврейские погромы, — эта воистину «генеральная репетиция» грядущего Холокоста, за которую уже тогда было заплачено сотнями тысяч жизней¹⁷.

А уж далее последовали многомиллионные голодовки и пандемии как следствие общей антисанитарии, дефицита продуктов и медикаментов, развала санитарных, медицинских и коммунальных служб. «Испанка», «сыпняк» (т.е. сыпной тиф), сифилис, не говоря уже о смертях от массовых голодовок, простуд, грабежей, расстрелов и сексуальных насилий, унесли несравненно больше жизней, нежели сами спровоцировавшие их военные действия и соответственные насилия. Так, напр., пандемия «испанского гриппа» 1918-1919 гг. унесла до 5 % тогдашнего населения Земного шара (около 50 млн. человек), из коих на территории РСФСР — порядка 3 млн. человек, т.е. примерно 3,4 % населения Республики¹⁸. А уж если прибавить к этим трем миллионам многие миллионы жертв сыпного тифа и Великого голода начала 1920-х годов, во многом спровоцированного политикой «военного коммунизма» и «продразверстки»... Здесь даже страшно братья за калькулятор. А ведь впереди еще были жертвы коллективизации, сталинских репрессий, Великой Отечественной войны...

Вызванный Большой войной разлад всей системы быта, общежития, хозяйственных и гражданских связей имел своим следствием беспрецедентный выплеск массового девиантного поведения. Концентрация огромных солдатских масс, нередко дурно содержавшихся, нередко вынужденно праздных, стала важнейшим источником деморализации и массового девиантного поведения эпохи Первой мировой войны и долгих последующих лет. Я согласен с мнением серьезного историка нашей Революции — В. П. Булдакова, — что не «пролетариат» и не левые оппозиционные движения (за исключением разве что малых экстремистских групп — большевиков, боевиков-анархистов, левых эсеров и др.), но именно деморализованные солдатские массы, насильно вырванные из привычных устоев и условностей жизни, оказались важнейшим фактором социального распада и тоталитарного перерождения континентально-европейских обществ первой половины прошлого века¹⁹. И это касается не только судеб России, но и Германии, Австро-Венгрии, Италии, балканских стран...

МАТРИЦЫ

Так вот, именно в этом пункте нашего разговора, связанного с проблемой массовой человеческой деградации в условиях Большой войны, — самое время перейти к вопросу о матрицах последующего тоталитарного переоформления многих европейских обществ.

— Первой среди этих матриц я выделил бы *опыт массовой технологической войны на больших пространствах* прежде всего тогдашней Европы и сопредельных ей земель. Унифицированные и униформированные массы вооруженных людей, сплошные фронты, беспрецедентно развившиеся технологии массового поражения (газы, шрапнель, разрывные пули, массированные артобстрелы, бомбежки с воздуха, минные поля, бронированные средства передвижения и нападения, волчьи ямы, колючая проволока), массовые депортации и расправы с гражданским населением прифронтовых зон — всё это оказалось предпосылками радикального обесценивания индивидуальной человеческой жизни именно в ходе Большой войны. Характерное для гу-

манитарного и романтического XIX столетия представление о достоинстве человека-индивида заменилось представлением об операциональной роли «человека-массы»²⁰.

— Этот техно-милитаристский поворот в общественном сознании легко переносился бывшими фронтовиками и свидетелями событий Большой войны на любую из форм гражданской жизни, тем паче, что от 7 до 10 % населения воюющих стран было поставлено под ружье. Милитаризация общественно-го сознания в сочетании с массовой «механизацией смерти» (выражение российского историка Л. Г. Новиковой) и с резким удешевлением жизни как солдата, так тылового работника, приводило к становлению того ожесточенного человеческого контингента, который стал основной ударной силой последующих тоталитарных движений в странах Европы, а также наполнил собою все уровни управленческих структур — прежде всего в России, Италии и Германии, но также и в Австрии, Венгрии, в балканских странах, Польше, на Украине²¹. Преднамеренное причинение страдания другому человеку перестало быть зазорным...

— Большая война способствовала разогреванию культа государства в сознании, а в повседневной практике — разветвленной и мелочной централизации и, соответственно, развитию бесконтрольного бюрократического произвола, а в дальнейшем — и самоуправления полевых командиров. Государство самочинно присвоило себе божественные атрибуты всемогущества, всеприсутствия, всеведения, права на усугубление или смягчение людских страданий. И уж если говорить о сверхцентрализации власти, то еще в начале 20-х гг. прошлого столетия Иван Михайлович Майский изучил и проанализировал столь умилявший тогдашнюю социалистическую мысль (об этом будем говорить чуть позже) опыт германского «синдицирования», или, по определению Майского, «военного капитализма»²².

Разумеется, условия Большой войны требовали от государства высокой степени концентрации и централизации производительных сил. Однако в агонизировавшей кайзеровской Германии, вольно или невольно развязавшей войну на два фронта, эта потребность в концентрации и централизации удовлетворялась с некоей свирепой последовательностью.

Что же нового внесло «синдицирование» в организационный облик военной германской государственности и хозяйствования?

Уже с первых недель войны в стране была выстроена тройственная централизованная система военно-экономического администрирования:

1. *Kriegsamt* (буквально: «военное ведомство») при Прусском военном министерстве, со множеством региональных²³ и отраслевых подразделений (*Abteilungen*), призванных распоряжаться снабжением фронта, людскими и технологическими ресурсами страны и захваченных территорий, системой заготовок. *Kriegsamt* имел полномочия принудительно вводить все эти стороны жизни и хозяйствования в компетенцию «военно-акционерных» обществ, комитетов и бюро (вплоть до специализированного бюро по заготовке кошачьих и кроличьих шкур); к каждому из таких объединений приставлялся особый правительственный комиссар с широкими полномочиями.

2. *Kriegsernährungsamt* («военно-продовольственное ведомство»), распоряжавшееся сельским хозяйством, продовольственным снабжением, соответствующим складским делом и регулированием продуктовой торговли. Это ведомство, имевшее собственный чиновный аппарат, распространяло свою власть и на деятельность муниципальных учреждений.

3. *Reichswirtschaftsamt* («имперское экономическое ведомство»), ассоциированное с имперским Министерством внутренних дел, ведало регулированием потребления через карточную систему²⁴, топливом, пошивом и продажей одежды, утилизацией промышленных, бытовых и пищевых отходов. И всё это — опять же — через дробную и разветвленную систему отраслевых бюро — вплоть до «Имперского бюро по заготовке бочек». Это же ведомство в значительной мере осуществляло и конфискационную экономическую политику на завоеванных территориях Российской империи.

Кроме того, военно-административным аппаратом Германии контролировалась и специально созданная для нужд войны система «трудовых сообществ» (*Arbeitsgemeinschaften*), созданная из представителей предпринимательских кругов и профсоюзов²⁵.

Непосредственно же Имперскому военному министерству и Генеральному штабу были подчине-

ны Генерал-губернаторство Варшавское и «Военное государство (Militärstaat) Обер Ост», распоряжавшееся тремя территориями: Курляндией²⁶, Литвой и Белостоком-Гродно. Германским оккупационным властям принадлежала вся полнота распоряжения хозяйственной, общественной, культурной и религиозной жизни этих завоеванных у Российской империи территорий. И в «Обер Осте» также отработывались методы военно-административной диктатуры и конфискационной экономики.

Так, без формального огосударствления, полуфеодалный военно-бюрократический аппарат подчинил себе и производство, и распределение, и область технологических разработок, и рабочее движение, и институты оккупационного режима. Воистину — описанный Марксом и Энгельсом на страницах «Манифеста» «феодалный социализм»...

Немного позднее этот метод дробной и разветвленной военно-хозяйственной институционализации (при почти полном, однако, огосударствлении всех систем производства и потребления) был заимствован нашими большевиками — вплоть до дробной системы «главков» в годы «военного коммунизма» (Главрыба²⁷, Главспирт, Главспичка, Главгвоздь, Главпиво...); а еще позднее эта система — *mutatis mutandis* — легла в основу советской «административно-командной системы» всей организации жизни: фактически подчиненные ЦК отраслевые наркоматы (с 1946 г. — министерства) — центральные «главки» — отраслевые структуры на местах, *de jure* подчиненные местным Советам, но по существу — централизованной партийно-государственной верхушке...

— Таким образом, «политэкономия» Большой войны прямо или косвенно вела к *уничтожению многовековых наработок народов Европы по части развития гражданской жизни — вплоть до уничтожения последней (вместе с миллионами не только поставленных под ружье, но и мирных людей)*. Предельный случай такого уничтожения в период Первой мировой — развязанный младотурецкой верхушкой и проработывавшийся в штабах армянский геноцид 1915-1918 гг. (порядка полутора миллионов убитых); некоторым соответствием этому явлению выступали взаимные греко-турецкие резни на землях Эгейского бассейна (Анатолия, Острова, Салоники и окрестности...); отдаленным соответствием это-

го явления выступали антиеврейские этнические чистки со стороны российского «христолюбивого воинства».

О чистках последнего порядка следует сказать особо: насильственные депортации евреев в глубинные губернии России (в сочетании с грабежами и погромами) коснулись примерно 350 тыс. человек (преимущественно российских, и в меньшей степени австрийских подданных). Особая личная ответственность за эти акции лежит на начальнике российского Генштаба Н. Н. Янушкевиче и на главнокомандующем — великом князе Николае Николаевиче²⁸.

Немалой предпосылкой разрушения гражданской жизни последующей Европы оказалась та ярость, с какой истребляли друг друга поставленные под ружье сражавшихся друг с другом армий представители одних и тех же религиозных, этнических и культурных сообществ: католики убивали католиков, православные — православных²⁹, поляки — поляков³⁰, евреи — евреев³¹, социалисты — социалистов, масоны — масонов... Во всяком случае, обесценивание нормальных и устоявшихся человеческих связей, вкуче с общим обесцениванием человеческой жизни как таковой, оказалась немалым вкладом в будущие процессы тоталитарной институционализации: лояльность скороспелой насильнической власти перечеркивала все иные лояльности.

— Одной из несомненных матриц будущего тоталитарного государственного строительства стал *конфискационный характер военной* (и в особенности — оккупационной) *экономики* той эпохи: экспроприации, реквизиции, массовые постой, «подводная повинность», выкупы за бесценку у населения оккупированных территорий продовольствия, дров, лошадей и фуража, прямые грабежи. Последние восполняли неповоротливость и корумпированность военно-снабженческого аппарата, а также оказывались следствием общей обстановки насилия и беззакония в отношении гражданского населения. Позднее принцип беззаконного отъятия материальных благ у представителей «чуждых классов» и/или «чуждых рас» (вкуче с их физическим уничтожением) стало одним из базовых принципов идеологизированной экономики «партийных государств» — этих верховных собственников и распорядителей всех материальных, жизненных и духовных ресурсов наций.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ:
ОТ «ВОЕННОГО КАПИТАЛИЗМА»
К «ВОЕННОМУ СОЦИАЛИЗМУ»**

В качестве примера влияния организационно-экономического опыта Большой войны на политическую мысль, а через нее — и на политические судьбы народов, я привел бы идеи трех мыслителей-государственников тогдашней Европы — В. И. Ленина (1870–1924), Карла Баллода (Карлис Балодис, 1864–1931), Освальда Шпенглера (1880–1936). При всей разнице их идейных позиций (первый — леворадикальных марксист-ортодокс, второй — государственный-левоцентрист, третий — откровенный праворадикал), — для всех троих характерно вольное или невольное восхищение военно-бюрократической системой хозяйствования Германской империи в ходе Большой войны; все трое усматривали в вынужденном германском военно-бюрократическом «синдицировании» (т.е. в централизованной, разветвленной по отраслям и потому дробной системе отраслевых «главков»)³² непосредственную предпосылку социалистических преобразований.

В. И. Ленин. Одна из доминантных его идей в канун Октябрьского переворота — требование учесть в будущем социалистическом государственном строительстве опыт германского военно-промышленного дирижизма: отраслевые «вертикали» (да простится мне обращение к нынешней российской казенной терминологии) мыслились Лениным как бесспорная предпосылка социалистического переустройства на основе огосударствления всех хозяйственных функций и процессов; государственный социализм представлялся Ленину желанным плодом Большой войны:

«...война за три года подтащила нас вперед на тридцать лет, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное синдицирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму»³³.

А в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917) Ленин призывал к социалистическому переустройству на путях преобразования «военно-государственно-монополистического капитализма» в социалистическую государственность

посредством революционного террора против «угнетателей»³⁴...

Карл Баллод. Уроженец Латвии, первоначально лютеранский пастор в уральском Златоусте, далее — представитель российского, а далее — германского катедер-социализма. Кстати сказать, это человек, немало сделавший для российской демографии в плане статистического изучения православного населения России; в 1898 г. он обосновался в Германии, а в 1914 г., сотрудничая с упоминавшимся выше Имперским экономическим ведомством, участвовал в разработке системы продовольственных карточек для тыла. С провозглашением Латвийской республики переехал в Ригу и стал одним из создателей университетского дела на своей родине. Фигура, как мы видим, многозначная.

В 1898 г. Баллод издал в Германии (под псевдонимом Атлантикус) книгу «Государство будущего. Производство и потребление в социальном государстве»; в этой книге он настаивал на необходимости огосударствления всего цикла производства / потребления как на основе социальной справедливости. Не случайно некоторые историки считают Баллода едва ли не первым теоретиком «построения социализма в одной, отдельно взятой стране». Второе, переработанное издание «Государства будущего» (1919) имело немалый успех среди большевистских интеллектуалов России. В 1920 г. Баллод посетил агонизировавшую в «военном коммунизме» Советскую Россию, а год спустя его «Государство будущего» (с соответствующими добавлениями) было выпущено московским Госиздатом³⁵.

Автор второго издания «Государства будущего», обобщая опыт германской военно-промышленной политики времен Большой войны, знает, по существу, всё на свете: что вся собственность подлежит огосударствлению; что в области фабрично-заводского производства, равно как и в системах образования, эффективны лишь крупные институции; знает, как надо реализовать корнеплоды и ботву сахарной свеклы; сколько работников должно быть занято на фортепианной фабрике... И всё это знание — по убеждению Баллода — есть следствие опыта Большой войны, подсказывающего, как организовать социализм в одной стране на базе милитаризованного хозяйства и экономической автаркии.

Молодой же Советской России Баллод рекомендует наращивание сырьевой составляющей народного хозяйства (в сочетании с колониально-хлопковой монокультурой в Средней Азии) и экспроприацию мелкокрестьянских хозяйств в целях укрупнения и укрепления аграрной базы российского социализма³⁶.

Но что интересно, — даже умеренный интеллект-большевик (и, кстати сказать, бывший народоволец) Николай Леонидович Мещеряков (1865-1942) в своем послесловии к русскому изданию книги Баллода возражает против идеи экспроприации русского крестьянина ради казенных латифундий³⁷.

Третий мыслитель социалистического направления — на сей раз с крайне правого фланга немецкого политического спектра — *Освальд Шпенглер*, чей «Закат Европы», точнее даже — «Закат Западного мира (Abendlandes)», с обоснованием «монадного» характера враждующих в мире цивилизаций до сих пор соблазняет десятки тысяч историков, публицистов, политиков, книжных эрудитов и культурфилософовствующих диалектиков...

Социалистический проект Шпенглера — сродни идеям германского так называемого «национал-большевизма» — течения, позиционировавшего себя как правое в области политики (национализм) и левое в области социально-экономических отношений (этатизм, антилиберализм, государственная политика перераспределения материальных благ)³⁸. Отсюда — и самоопределение этих течений как «консервативных революционеров».

Книга Шпенглера «Пруссачество (Preussentum) и социализм» была написана в оригинале в 1920 г., т.е. по горячим следам Большой войны, военного поражения Германии и германской революции 1918-1919 гг. Согласно Шпенглеру, социализм — здесь его отличие от Ленина и Баллода — означает не отъем собственности, но националистическую мобилизацию общества при безусловном экономическом дирижизме тотальной власти; путь к обобществлению производства и социальной справедливости пролегает не через мелочное огосударствление всех и всяческих предприятий и видов собственности, но через возрождение и развитие прусских традиций военно-административного правления³⁹: «...социализм означает власть, власть и снова власть⁴⁰. Планы и мысли — ничто без власти»⁴¹.

Конвергентный характер этого принципа *командных высот* по отношению к ленинско-сталинской версии социализма (с той же, по существу, идеей самоценности власти в социальном строительстве) была лапидарно описана в великом романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Есть в романе такой эпизод: интеллеktуал-эссеист Лисс безуспешно пытается обольстить попавшего в гитлеровский концлагерь старого большевика Михаила Мостовского, чтобы использовать его в нацистской пропаганде:

«В чем причина нашей вражды, я не могу понять ее... Мы форма единой сущности — партийного государства. Наши капиталисты не хозяева. Государство дает им план и программу. Государство забирает их продукцию и прибыль. Они имеют шесть процентов прибыли для себя — это их заработная плата. Ваше партийное государство тоже определяет план, программу, забирает продукцию, Те, кого вы называете хозяевами, рабочие, — тоже получают заработную плату от вашего партийного государства. /.../

И над нашим народным государством красное рабочее знамя, и мы зовем к национальному и трудовому подвигу и единству, и мы говорим: «Партия выражает мечту немецкого рабочего». И вы говорите: «Народность, труд». Вы, как и мы, знаете: национализм — главная сила двадцатого века. Национализм — душа эпохи! Социализм в одной стране — высшее выражение национализма!»⁴².

Однако, согласно роману Гроссмана, на стороне сражавшейся с гитлеризмом Советской России в конце концов оказались не социализм и не национальный вопрос, но врожденное человеческому существу безотчетное чаяние достоинства и свободы и подлинное чувство Родины как мерило достоинства и свободы. Это чувство было утрачено германскими националистическими «интеллектуалами». Однако, — худо-бедно, но его сохранили в себе лучшие люди России, включая интеллигенцию и «простых людей», которые на поверку оказались не так уж просты. Именно это интуитивное, но неуничтожимое в человечестве чаяние, согласно Гроссману, и оказалось повсеместным историческим противником тоталитарной власти⁴³: будь то в Сталинградской битве, будь то в кабинете ученого, будь то в семейной любви, будь то в полупринужденных разговорах на кухне или же в шепоте на тюремных нарах...

Но что важно для нашего исследования: эта статистическая конвергенция «левой» и «правой» социалистической мысли и практики — российской и германской — была не случайным и во многих отношениях закономерным следствием Большой войны, включая и экономические ее аспекты. Речь шла о тогдашнем общеевропейском кризисе конституционализма и либеральных институтов, о тогдашнем торжестве силы над законом⁴⁴, о торжестве силовой политики над экономикой.

• • •

Влияние Большой войны с ее культом жестокости, насилия и власти на художественный опыт Европы, а вслед за ней и остального мира — тема, отчасти выпадающая из рамок настоящего историко-теоретического исследования. Тема прежде всего искусствоведческая, однако имеющая всё же и политэкономические обертоны.

Связанные с обесцениванием человеческой жизни садомазохистские темы в последующем творчестве экспрессионистов⁴⁵, сюрреалистов и множества «соцреалистов»⁴⁶, развитие садических эффектов в кинематографе — вещь самоочевидная, хотя и в полном объеме искусствоведами не обобщенная...

Так или иначе, идеология сознательного причинения страдания и смерти подлинному или мнимому противнику стала одной из идеологических и эстетических доминант последующей жизни — и в Европе, и за ее пределами. И эта ситуация, позднее разрешившаяся Второй мировой и сменившей ее «холодной» войной, когда сама жизнь превратилась в сырье для «власти, власти и снова власти» (Шпенглер), оказалась в политике, мысли и культуре прошлого столетия, по существу, тупиковой. Если и удавалось в какой-то мере вырваться из этой ситуации, — то не только объективными стремлениями людей вырваться из этого тупика, но и сознательными усилиями таких исторических деятелей, как Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, «добрый папа» Иоанн XXIII, «славянский папа» Иоанн-Павел II, протоиерей Александр Мень, позднее — Нельсон Мандела. Но за личным подвигом этих людей прямо или косвенно стоял огромный всечеловеческий духовный и культурный опыт — опыт чтения Евангелия, медитации, молитвы, углубленных размышлений над наследием Иммануила Канта и Льва

Толстого⁴⁷... Этот духовный прорыв был тем более исторически важен, что идеологический и националистический абсолютизм, вольно или невольно оказавшийся предпосылкой, мотивацией и знаменем Большой войны, был способен, скорее, запутывать, нежели решать сложнейшие проблемы истории.

Разумеется, историческая наука, в конечном счете, не допускает сослагательного наклонения. И всё же, на мой взгляд, бесполезно было бы прислушаться к мнению нынешнего российского историка. Как полагает В. С. Авдеев, — не смешай все карты Большой войны Русская революция и доведи Антанта вкупе с царской Россией войну «до победного конца», — возникли бы (куда ни глянь) новые неразрешимые проблемы: судьбы и самоопределение народов Центральной Европы, Балкан и Ближнего Востока, Рейнской области и добитой союзниками Османской империи, не говоря уже о процессах внутреннего истощения, ожесточения и брожения в самой России, включая и этнические ее окраины⁴⁸...

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ: К ПОЛИТЭКОНОМИИ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Целью нашего историко-теоретического исследования было показать, как из жизнеистребляющих тенденций Большой войны зародилась *антижизнь*, *противожизнь* тоталитарных институционализаций.

«Производство» Большой войны было производством безусловно затратным, расточительно затратным. Большая война знаменовала собой массовое истребление людских, природных, материальных и ландшафтных ресурсов, равно как и ресурсов организационных (рынок, парламентаризм, добровольные ассоциации, вероисповедные и культурные контакты), разрушение культурных, из поколения в поколение передававшихся основ и кодов человеческой жизнедеятельности. Подчас с трудом дающиеся людям правила и условности культуры уступали место прямому, самого себя оправдывающему насилию.

А что производила война? — Прежде всего *власть и ненасытные властные и материальные притязания*⁴⁹ и связанные с ними новые формы принудительной социальной и политической организации.

Большая война знаменовала собой огрубение и упадок тех тонких и мирных производств, которыми славились дотоле Европа и Россия⁵⁰, знаменовала собой заполнение легальных и нелегальных европейских рынков некачественными пищевыми и промтоварными эрзацами.

Однако здесь не всё так просто. Военные потребности и заказы вызывали к жизни множество научных и технологических разработок, связанных прежде всего с новыми потребностями фронтов и тылов, с потребностями военно-медицинского, санитарного и гигиенического дела. В этом плане развитие военных, околовосенных, а также военно-медицинских технологий оказалось одним из факторов многозначного научно-технического прогресса⁵¹.

Однако даже и успехи военной медицины (хирургия, санитария, офтальмология...), как показывает статистика потерь Большой войны и прямых ее последствий (гражданских и национальных войн, злоупотреблений и некомпетентности властей, голодовок, эпидемий, погромов, государственного и повстанческого террора), не идут ни в какое сравнение с этими потерями. С потерями не только материальными, демографическими, ландшафтными, но и с потерями нравственными, когда *сила права* прямолинейно и цинично — и притом в течение нескольких поколений — замещалась *правом силы*, когда *достоинство человека* перечеркивалось *притязаниями коллектива*. Обращенные против внешних противников системы нелегитимного принуждения и военно-конфискационной экономики, в конечном счете, обращались и против собственных народов. Системы тоталитарной власти легитимировали и подпитывали себя практическим опытом, «философией» и «эстетикой» массивированного насилия, отравляя тем самым сознание и культуру поколений и создавая предпосылки и матрицы грядущих войн и разрух.

Тоталитарные способы организации жизни оказались историческими «душеприказчиками» Большой войны.

Двадцатое столетие накопило огромный источниковый (в частности, статистический, идейный и символический) материал на сей предмет. Этот материал далеко еще не востребован всерьез и не разработан. И освоение истории этой *антижизни* тем более трудно, что обыденному сознанию подчас даже не под силу представить себе ее размах. Большая во-

йна была «велика и страшна»⁵² сама по себе, не еще более «велики и страшны» были ее глобальные последствия.

28.02.2015 (Первая седмица Великого Поста)

Примечания

- 1 Эта статья представляет собой переработку того относительно краткого доклада, который был прочитан мною в ноябре 2014 г. на конференции «Насилие и не-насилие в истории», организованной Комплексным научно-исследовательским отделом Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.
- 2 Разумеется, в потенциально враждующих странах кануна Первой мировой войны находились опытные политики, предостерегавшие своих государей от скороспелых «силовых» акций в условиях обновившихся экономик и технологий. Так, кн. Отто фон Бисмарк, создатель Германской империи, отговаривавший молодого кайзера Вильгельма II от решительных силовых действий против России, понимал, что созданная им держава вошла в качественно новый этап своего существования: «Да, это другой мир, новый мир...» (Цит. по: *Ерусалимский А. С. Бисмарк как дипломат* (Вступительная статья) // *Бисмарк О. Мысли и воспоминания*. Т. 1. — М.: ОГИЗ / Соцэкгиз, 1940. С. XLVIII).
- 0 Можно вспомнить в этой связи и воистину апокалиптическую записку П. Н. Дурново Николаю II (февраль 1914), где ухודивший из жизни консервативный политик и администратор пытался убедить своего императора не ввязываться в войну с Германией (записка была опубликована в 1922 г. М. П. Вельтманом-Павловичем на страницах журнала «Красная новь»). — Перепечатку этой публикации см.: <http://www.on-island.net/History/Durnovo.htm> (доступ 09.02.2015). «Главная тяжесть войны, — предсказывал Дурново, — несомненно, выпадет на нашу долю...»
- 3 См.: *Улуян А. А. Греция в начале XX века: крах «Великой идеи»*. — <http://www.echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1488472-echo> (доступ: 09.02.2015)
- 4 Мне думается, историография еще не сказала своего слова по части роли оперной вагнерианской мифологии во возвращении и оформлении этих притязаний. Вообще, думается, героическая романтическая опера — при всей ее беспорной чисто музыкальной красоте — оказалась как бы псевдолитургией европейских национализмов позапрошлого века.
- 5 См.: *Мещеряков А. Н. Японский тэнно и русский царь: формирование модели управления*. М.: Гуманитарий, 2004.
- 6 См.: *Гринберг Л. И. Последний кайзер* // *Вопросы истории*. М. 2005. № 6. С. 159-160.

- 7 См.: *Воронцова Е. А.* Предпринимательские организации в России: историография, источники, история. М.: Этерна, 2013. С. 404-410.
- 8 Цит. по: *Вельтман-Павлович М. П.* Империализм и мировая война // *Четырехлетняя война 1914-1918 г. и ее эпоха.* Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат Т. 47. Переизд. 7: приложение. — М. 1925. Стлб. 20.
- 9 Как показал опыт обеих мировых войн, в относительно быстрой перестройке британской государственности на военный лад огромную роль сыграла не только мощь британского народного хозяйства, но и мощь гражданского общества, поддержавшего государство и армию.
- 10 См.: *Вельтман-Павлович М. П.* Указ. соч. Стлб. 1-42.
- 11 См.: *Верховский А. И.* Развитие техники в мировой войне // *Четырехлетняя война и ее эпоха.* Энциклопедический словарь Гранат. Т. 46. Вып. 1-2. — М., 1925. Стлб. 142-160. Тяготы, которые несли рядовые участники позиционных военных действий 1915-1918 гг., составляют важную часть европейской и русской военной мемуаристики, а также и художественной литературы, относящейся к той эпохе (романы Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка, А. Н. Толстого и др.).
- 12 Правда, неудачный восточно-прусский блицкриг армий Самсонова и фон Ренненкампа, будучи провальным для России (на роковом для страны характере этого провала настаивает и А. И. Солженицын в первом томе «Красного колеса») всё же обеспечил боеспособность и выживание Франции в первые месяцы войны (см: *Восточно-Прусская операция* ([17 августа — 15 сентября] 1914) // [ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Прусская_операция_\(1914\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Восточно-Прусская_операция_(1914)) (доступ: 07.11.2014).
- 13 См.: Петроград: Центр содействия бизнесу. Статистические данные о Первой мировой войне. — <https://www.petrograd.biz/worldwars/start1.php> (доступ 07.11.2014); Потери в Первой мировой войне. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Потери_в_Первой_мировой_войне (доступ 07.11.2014).
- 14 Не случайно исследования позднего Зигмунда Фрейда в области массовой психологии были подсказаны опытом осмысления Большой войны.
- 15 Если вспомнить рассказ Ивана Бунина «Несрочная весна» (1924), эти импровизированные толкучки именовались в пред- и пореволюционной России «пупками».
- 16 См. в этой связи: *Булдаков В. П.* Предисловие // *Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914-1918.* Сб. документов. Тверь: РЭД, 2009. С. 17-34.
- 17 См.: Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918-1922 гг.: Сб. документов / Отв. ред. Л. Б. Милякова. М.: РОССПЭН, 2007.
- 18 См.: *Испанский грипп* — https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп (доступ 11.02.2015). Среди знаменитых в Европе жертв «испанки» — Гийом Аполлинер, Макс Вебер, Эдмон Ростан, Яков Свердлов, Вера Холодная...
- 19 См.: *Булдаков В. П.* Указ. соч. С. 34-37.
- 20 Выражение «Человек-масса» было пущено в оборот благодаря одноименной драме (1921 г.) немецкого писателя-экспрессиониста Эрнста Толлера (1983-1939).
- 21 См.: *Новикова Л. Г.* Первая мировая война: как человечество упустило свой шанс. — http://www.bbc.co.uk/russia/2014/10/141010_wwi_novikova_interview (доступ 14.10.2014).
- 22 *Майский И. М.* Германия эпохи мировой войны // *Четырехлетняя война 1914-1918 г. и ее эпоха.* Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7. Т. 47. Вып. 2. М., 1925. Стлб. 209.
- 23 Формально объединенная Бисмарком кайзеровская Германия всё же подразделялась на множество зависимых от «императорско-королевской» Пруссии королевств, герцогств и т.д.
- 24 Для справки. Хлебные карточки (как и продотряды для реквизиции хлебных «излишков») — изобретение Великой французской революции.
- 25 Начало карточной системы в России относится к весне 1916 г.; она продержалась до перехода к НЭПу (1921) и, возобновившись в 1929 г., длилась с краткими перерывами до 1947 г. Рецидивы карточной системы (талоны на муку, водку, табачные изделия, мыло, чай, сахар, дамское белье...) относятся и к последующим периодам, куда указом Президента России Б. Н. Ельцина от 2 января 1992 г. не были «отпущены» цены.
- 26 См.: *Майский И. М.* Указ. соч. С. 209-214. Ослабленной российской репликой этой германской системы «трудовых сообществ» оказались российские «военно-промышленные комитеты».
- 27 Курляндия была аннексирована Германией в 1917 г., но затем перешла в состав Латвийской Республики.
- 28 Вспомним булгаковский «Абырвалг».
- 29 См.: *Миндлин А. Б.* Государственная Дума Российской империи и еврейский вопрос. СПб.: Алетейя, 2014. С. 382-383; *Шульман А.* Братья по вере: На фронтах Первой мировой войны в противоборствующих армиях сражалось полтора миллиона еврейских солдат. — <http://www.rusplt.ru/wv1/history/bratya-po-vere-velikkoy-voiny-14211.html> (доступ 18.11.2014).
- 30 Особенно — на балканских фронтах.
- 31 По данным польского историка Анджея Неуважного (Nieuważny), из трех млн. поляков, находившихся в составе армий враждующих государств, погибло полмиллиона. Эти данные были озвучены историком в его лекции «1914-1918 — забытая война?» (Посольство Республики Польша в Москве, 03.04.2014).
- 32 Из шестимиллионного еврейского населения Российской империи под ружьем Российской армии в 1914 г. находилось 400 тыс., а в 1916 — 600 тыс. человек. Казенная погудка о «предательстве» и скверных воинских качествах русских солдат-евреев опровергалась уж тем обстоятельством, что 40 воинов-евреев стали кавалерами «полного банта» (т.е. четырех Георгиевских крестов). А среди евреев и караимов, удостоенных Георгия, были такие прославившиеся в будущем люди, как вице-адмирал Александр Сапсай, певец Марк Рейзен, маршал Родион Малиновский, писатель Виктор Шкловский... (см.: *Еврейские корни.* Генеалогический портал. — <http://j-roots>

- .info/index.php?option=com_content&view=article&id=246&Itemid=246 (доступ — 06.10.2014)
- 32 Справка для любителей исторической конкретики. Одним из важнейших архитекторов этой системы «синдицирования» был промышленник и либеральный политик Вальтер Ратенау (1867-1922). Антропософ, сторонник синтеза идей государственно-экономического дирижизма и либеральных принципов общественного порядка, сторонник соблюдения условий Версальского мира и одновременного стратегического сближения с Советской Россией, он был убит фашистскими боевиками. Убийство имело также и антисемитскую подоплеку.
- 33 Ленин В. И. Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие. [Авг.-сент. 1917] // Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 113.
- 34 Там же. С. 190-191.
- 35 Баллод К. Государство будущего / Пер. с нем., со 2-го, совершенно переработанного изд. А. И. и И. И. Рубиных. М.: Гос. книгоиздательство, 1921.
- 36 Там же. С. 160-171.
- 37 Там же. С. 177-178. Увы, дальнейшая история советской деревни пошла по Баллоду (точнее, по Сталину), отчето постсоветские государства не в силах оправиться — ни социально, ни психологически — по сей день... А уж гибель миллионов людей в Казахстане на почве «обобществления» кочевого хозяйства — особая, и поныне кровотокающая тема...
- 38 Исторически национал-большевизм явился частью генезиса гитлеровского национал-социализма; его влияния в начале 1920-х гг. были затронуты Геринг и Гиммлер. После захвата Гитлером власти часть национал-большевиков была репрессирована, некоторая часть перешла в явную или неявную оппозицию (вплоть до перехода на позиции коммунизма), а некоторая — в стан победивших нацистов. Но сути проблемы эти исторические нюансы не меняют.
- 39 Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. С. 142-147.
- 40 Nota bene. Удивительное совпадение с ленинской суггестивной стилистикой: «Учиться, учиться и учиться!»
- 41 Шпенглер О. Указ. соч. С. 157.
- 42 Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: АСТ / Хранитель, 2008. С. 401-402.
- 43 См.: Рашковский Е. Б. Феноменология свободы, или разговор о структурах и смыслах человеческой свободы // Вера. Мысль. Выбор / По материалам Зёрновских конференций 2012-2013 гг. — М.: Рудомино, 2014.
- 44 Медушевский А. Н. [Рец.:] Шейнис В. Л. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М., 2014 // Pro et contra. М. 2014. Янв.-апр. Т. 18. № 1-2 (62). С. 141-142.
- 45 Было бы несправедливо огульно обвинять в садомазохизме весь комплекс экспрессионистского художественного наследия. Великий немецкий скульптор-экспрессионист Эрнст Барлах (1870-1938), пошедший из патриотических соображений на фронт, но разочаровавшийся в героике Большой войны, создал свою особую художественную доминанту — доминанту любви и сострадания. И не только к соплеменникам-немцам, но и к русским людям. И не случайно он преследовался гитлеровцами как представитель «чуждого», «дегенеративного» искусства: можно вспомнить его изгнание из Прусской академии искусств, официальный запрет на экспозиции, переплавку его скульптур, размещенных в музеях и лютеранских церквях.
- 46 Обсуждение обилия садических образов в политических стихотворениях Маяковского (от «Левого марша» до стихов парижского и американского циклов) хотя и не под запретом, но негласно включено в разряд «неприличных» тем: ведь сам поэт — жертва воспетого им режима.
- 47 См.: Рашковский Е. Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 85-132.
- 48 Авдеев В.С. Русская дипломатия, публичная и тайная. 1914-1917. — <http://echo.msk.ru/programs/cenapobedy/1338916-echo/> (доступ 10.11.2014).
- 49 Это же самое можно сказать и о послеверсальском репарационном ограблении Германии победившими державами Антанты.
- 50 Мне, конечно, могут возразить, что производства такого рода (скажем, ювелирные, кружевные, художественные) служили и продолжают служить утехам прежде всего «господствующих классов». Так-то оно так, но свойственный этим производствам высокий статус человеческой выдумки, изобретательности и прилежания, их трудоемкость и — если можно так выразиться — *мыслемкость* всегда были и остаются неотъемлемой частью развития художественного опыта, а через него — научных и технологических знаний и — шире — самой эвристики человеческого мышления. И, стало быть, общественного богатства.
- 51 См.: Майский И. М. Указ. соч. С. 214-216. См. также: Воронцова Е. А. Указ. соч. С. 409-432; Артемова М. Г. «Дом Пастернака» во Всеволодо-Вильеве // Пастернаковские чтения. Исследования и материалы. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН / Азбуковник, 2015. С. 352.
- 52 Вспомним первую фразу «Белой гвардии» Михаила Булгакова; эта же фраза всплывает и на заключительных страницах романа.

© Текст: Евгений Рашковский

И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль в Тегеране. 1943 г.

У. Черчилль, Ф. Рузвельт и И. Сталин в Ялте. 1945 г.

ТЕГЕРАН — ЯЛТА

Опыт боевого и политического сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы Второй мировой войны — тема, которой посвящены сотни сборников документов, воспоминаний и монографий, тысячи статей. Особое место в них занимают встречи лидеров США, Великобритании и СССР в Тегеране, Ялте, Потсдаме. Документы отражают специфику Антигитлеровской коалиции: с одной стороны — глубокое недоверие их участников друг к другу, с другой — готовность продолжать сотрудничество во имя разгрома нацистского «Третьего рейха»¹.

Первая совместная встреча Ф.Д. Рузвельта, У. Черчилля и И.В. Сталина — состоялась 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране². Она проходила в условиях, когда война вступила в решающую фазу. К концу 1943 г. было освобождено более половины захваченных гитлеровцами советских земель. Союзные войска

заняли Северную Африку, Сицилию, южную часть Апеннинского полуострова, что привело к падению режима Муссолини и выходу Италии из войны. Однако нацистский «Третий рейх» все еще представлял грозную силу, распоряжаясь ресурсами большей части Европы. Подготовка встречи в верхах была посвящена Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившая 19–30 октября 1943 г. На ней были подписаны Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности, декларации об Италии и Австрии, об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, принято решение о создании Европейской Консультативной комиссии (ЕКК), призванной рассматривать вопросы, связанные с окончанием военных действий в Европе. Участники этого саммита зафиксировали решимость союзников вести борьбу до безоговорочной капитуляции агрессоров³.

— ПОТСДАМ

Наталия ЛЕБЕДЕВА

Московская конференция подготовила проведение конференции «Большой тройки». Потребность в ней назрела давно, но долгое время не удавалось согласовать место встречи. Сталин, связанный каждодневными делами на фронте и боязнью авиаперелетов, предложил в качестве места встречи Тегеран. Рузвельт, связанный конституционными обязательствами подписывать решения Сената в строго определенное время, настаивал на Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. 21 октября он сообщил, что не сможет отправиться в Тегеран. В качестве компромисса Сталин предложил направить на конференцию Молотова. В конце концов Рузвельт нашел способ выполнять свои конституционные обязательства и в случае проведения конференции в Тегеране.

По пути в Тегеран была проведена и Каирская конференция Ф.Рузвельта, У.Черчилля и Чан-Кайши (22–26 ноября 1943 г.), на которой обсужда-

лась главным образом проблема противоборства с Японией. Проговаривались и вопросы, связанные с европейским театром военных действий. Черчилль и британские начальники штабов настаивали в Каире на отсрочке высадки в Нормандии до сентября или, по крайней мере, до середины июля 1944 г. «Черчилль хочет вонзить нож в спину “Оверлорда”», — записал в своем дневнике военный министр США Г. Стимсон⁴. В принятой в Каире декларации США, Великобритания и Китай заявили, что они будут совместно вести военные действия, чтобы обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии. В ней впервые были зафиксированы решения по конкретным территориальным вопросам. А ведь ранее Рузвельт и Черчилль неоднократно отвечали отказом на обращения Советского правительства об официальном признании США и Великобританией западных границ СССР, существовавших к началу Великой

Отечественной войны, ссылаясь на Атлантическую хартию. Однако Каирская декларация делала эти оговорки безосновательными.

После завершения переговоров в Каире Рузвельт и Черчилль направились в Тегеран⁵. Вместо государственного секретаря США К. Хэлла Рузвельт взял с собой в Тегеран Г. Гопкинса. В составе делегации был и американский посол в Москве А. Гарриман. Еще 19 ноября, во время совещания с американскими начальниками штабов, президент США указал, что советские войска находятся в 60 милях от польской и 40 милях от бессарабской границы; в случае форсирования Буга они в течение двух недель смогут оказаться на пороге Румынии. Президент указал на необходимость предпринять все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы и первыми вступить в Берлин. Под оккупацию британских войск он отводил территорию Франции, Бельгии, Люксембурга и южную часть Германии — Баден, Баварию и Вюртемберг. США, По расчетам Рузвельта, американцам следовало занять Северо-Западную Германию и Берлин. «Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»⁶, — добавил президент.

Ссылаясь на то, что немецкие диверсанты готовят покушение на руководителей США, Великобритании и СССР во время их проезда по узким улицам Тегерана, В.М. Молотов предложил делегации США разместиться не в американском посольстве, далеко отстоявшем от соседствовавших друг с другом посольств СССР и Великобритании, а в основном здании Советского полпредства (делегация СССР готова была разместиться во флигелях). Рузвельт принял это предложение, обеспечивавшее безопасность всех трех делегаций. В то же время советская сторона получила возможность установить в апартаментах Рузвельта подслушивающие устройства, записывавшие разговоры президента США со своими помощниками и с премьером Великобритании, о чем в своих воспоминаниях писал сын Л.Берии — Серго⁷ По его словам, он лично регулярно докладывал Сталину те сюжеты, которые наиболее интересовали «хозяина».

У конференции, продолжавшейся четыре дня, не было заранее согласованной повестки дня. Каждая из делегаций сохраняла за собой право поднимать любые интересующие ее вопросы. Обмен мне-

ниями проходил не только на пленарных заседаниях, но и на двусторонних завтраках и ужинах, на других встречах. Первый диалог Рузвельта со Сталиным состоялся 28 ноября, еще до официального открытия конференции. В течение часа собеседники обсуждали ход событий на советско-германском фронте, подготовку к открытию второго фронта в Европе, военные операции против Японии, перспективы советско-американских отношений, положение в Ливане, будущую роль Франции, распределение торгового флота, судьбу колониальных территорий, их режимы и др. «Прощупывая» таким образом друг друга, собеседники убедились, что многие их оценки совпадают. Черчилль был раздосадован самим фактом этой беседы, проведенной без его участия. Примечательно, что сам он просил Рузвельта встретиться с ним в тот же день утром, чтобы заранее обговорить военные вопросы, которые предстояло обсуждать на первом официальном заседании «Большой тройки». «Однако Рузвельт был непреклонен. В первую очередь он хотел встретиться со Сталиным и поговорить с ним наедине в присутствии лишь переводчика», — писал А. Гарриман⁸.

На конференции в Тегеране наибольшее внимание было уделено определению военной стратегии. 28 июня в 16 часов состоялось ее первое пленарное заседание, в ходе которого Рузвельт, Сталин и Черчилль обменялись мнениями по военным вопросам. Они дали оценку положению на фронтах и обсудили перспективы военных операций. При этом Сталин и Рузвельт выступали за нанесение главного удара по Германии с востока на советско-германском фронте и с запада из Нормандии (операция «Оверлорд») — с поддержкой ее высадкой войск союзников в южной Франции. Черчилль же, не высказываясь прямо против этих планов, настаивал на балканской стратегии⁹ и на вовлечении в войну Турции, хотя это, как он сам же и признавал, могло вызвать поддержку в проведении «Оверлорда». Впоследствии Рузвельт рассказывал своему сыну Элиоту: «Всякий раз, когда премьер-министр настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего на самом деле он хочет. Прежде всего он хочет врезаться клином в Центральную Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию, и даже, если возможно, и в Венгрию»¹⁰. В конце концов план военных операций в восточной

части Средиземноморья, отстаиваемый Черчиллем, был отклонен; принято решение об открытии второго фронта во Франции в мае 1944 года. Советский лидер подтвердил, что «русские обязуются к маю организовать большое наступление против немцев в нескольких местах, с тем чтобы приковать немецкие дивизии на восточном фронте»¹¹. Он также указал, что после разгрома Германии СССР выступит «общим фронтом против Японии»¹². В то же время Сталин проявил сдержанность в отношении планов использования американскими войсками советских дальневосточных военно-морских и авиабаз, прежде чем СССР вступит в войну с Японией¹³. В поставленном же делегацией США вопросе об использовании американцами советских аэродромов для сквозных бомбардировок Германии был достигнут прогресс. Вскоре после Тегеранской конференции Советское правительство дало на это свое согласие, о чем сообщало в ноте от 25 декабря 1943 года¹⁴.

В Тегеране обсуждались и проблемы послевоенного устройства мира — создания международной организации по поддержанию мира и безопасности, обращение с Германией, Финляндией, польский вопрос¹⁵. 1 декабря Рузвельт высказался за расчленение Германии на пять независимых государств. Рурскую же и Саарскую области, Гамбург и район Кильского канала планировалось поставить под международный контроль. Черчилль поддержал предложение президента США о расчленения Германии и высказался за максимальное ослабление и уменьшение в размерах Пруссии. При этом он предлагал включить южные германские провинции в Дунайскую конфедерацию¹⁶. В отечественной историографии часто присутствует тезис, будто Сталин выступил против расчленения Германии¹⁷. Однако это не так. Он лишь указал: «Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, на которые Рузвельт предлагает расчленить Германию, этот план Рузвельта может быть рассмотрен... Как бы мы ни подходили к вопросу о расчленении Германии, не нужно создавать нежизнеспособные объединения дунайских государств»¹⁸. Вопрос о будущем Германии решили передать в ЕКК.

В Тегеране Сталин заверил участников конференции, что Советское правительство не намерено превращать Финляндию в свою провинцию и со-

гласно на приезд финских представителей в Москву. Однако ответ Хельсинки, по его словам, свидетельствовал, что там еще не готовы к серьезным переговорам. Черчилль указал, что СССР должен иметь обеспеченные подходы к Ленинграду, а «позиции России как доминирующей морской и военной державы на Балтийском море» должны быть защищены»¹⁹. Советский лидер сообщил, что в Москве готовы на восстановление советско-финского договора 1940 г. и на отказ от Ханко взамен возвращения СССР района Петсамо. «Мне понравился наш сегодняшний разговор», — заметил в конце заседания Черчилль²⁰.

Большое внимание в Тегеране было уделено польскому вопросу. Уже в беседе со Сталиным 29 ноября Черчилль показал на спичках, какими должны быть границы между СССР, Польшей и Германией, обозначив каждую из них одной спичкой — все три спички следовало передвинуть на запад с целью обеспечения безопасности западных границ СССР. Об этом же сказал А. Иден 30 ноября, а Черчилль 1 декабря повторил на заседании во время обстоятельного обсуждения польского вопроса. Молотов заметил, что «это было бы лучшим выходом из положения»²¹.

1 декабря в ходе последнего заседания «Большой тройки» Рузвельт предложил «переговорить о Польше». Он выразил надежду, что Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским правительством» в Лондоне. Президента США поддержал и Черчилль. Однако Сталин и слышать об этом не хотел. Он утверждал, что агенты польского правительства связаны с немцами, убивают в Польше партизан. «Мы — за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому, что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его клевете на Советский Союз»²². При этом имелся в виду Катинский расстрел польских офицеров. Недавно мне удалось найти в сов. секретных материалах Политбюро ЦК ВКП(б) письмо Берии и Хрущева Сталину от 29 февраля 1940 г. № 793/6 с предложением о депортации семей тех 22 тысяч офицеров, полицейских и узников тюрем, которых намеревались расстрелять. Письмо

же Берии Сталину о расстреле этих категорий поляков имеет номер 794/6, но без фиксации числа. В результате теперь мы точно знаем, что именно 29 февраля 1940 г. были составлены первые варианты катынских документов²³.

Вопрос о правительстве Польши в Тегеране остался открытым; Черчилль же вновь перевел разговор на проблему границ этой страны. Он указал, что эту проблему следует решить за счет Германии. «Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению к России», — заявил Черчилль²⁴. Сталин уточнил, что между СССР и Польшей должна существовать граница 1939 г., установленная конституцией. Отвечая на вопрос Рузвельта, возможно ли переселение поляков с территорий, отходящих к СССР, он подтвердил, что «это можно будет сделать»²⁵. В конце последнего заседания «Большой тройки» Черчилль, подводя итог обсуждения по территориальному аспекту польской проблемы, предложил в решении конференции записать: «В принципе было принято, что очаг польского государства должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции». Сталин поспешил уточнить: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем»²⁶. Англичане, как и американцы, согласились с требованием советского лидера.

В последней беседе «один на один со Сталиным» Рузвельт вернулся к польскому вопросу, ссылаясь на наличие в США шести — семи миллионов граждан польского происхождения, голоса которых он не хотел бы потерять в ходе выборов. Президент уточнил, что не имеет ничего против передвижения границ Польши с востока на запад вплоть до Одера, но по политическим соображениям в данное время

он не может принять участие в решении этого вопроса. В Тегеране Сталин не стал настаивать на фиксации решения о западной границе Польши²⁷.

В подписанной по итогам Тегеранской конференции Декларации трех держав подчеркивалось, что СССР, США и Англия «будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время... Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели», — заявляли они²⁸. После возвращения в Вашингтон Рузвельт сообщил своим ближайшим соратникам, что Сталин — «человек, с которым можно договориться»²⁹.

6 июня 1944 г. английские и американские армии начали операцию «Оверлорд». Красная Армия, перейдя в наступление, 22 июля пересекла «линию Керзона»; на юге вступила на Балканы. 21 июля 1944 г. был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО). В обнародованном им манифесте оговаривались границы страны на севере и западе, в отношении же восточных границ указывалось, что они будут установлены «на пути взаимного согласия». Польские земли отходят Польше; украинские, белорусские, литовские — Украине, Белоруссии и Литве³⁰. 26 июля председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский и В.М. Молотов подписали соглашение об отношениях между СССР и созданной ПКНО администрацией, а также секретное соглашение о новой польско-германской границе, которую СССР обязывался поддерживать. СССР выполнил это условие в ходе Потсдамской конференции. ПКНО мог рассчитывать на поддержку лишь небольшой части польского населения, но за ним стояли Красная Армия и НКВД³¹.

Варшавское восстание, призванное помешать планам Сталина навязать Польше просоветское правительство и восстановить независимость страны, потерпело поражение³². Вступление Красной Армии в центральные районы Польши предопределило установление в ней просоветского режима. Это хорошо понимал Черчилль, прибывший в Москву в октябре 1944 г. Британский премьер предложил руководителю Советского правительства печально известное «процентное соглашение», разделившее Юго-Восточную Европу на соответствующие зоны влияния (РУМЫНИЯ: Россия — 90%, другие 10%;

ГРЕЦИЯ: Великобритания — 90%, другие 10%; ЮГОСЛАВИЯ и ВЕНГРИЯ 50 — 50% БОЛГАРИЯ. Россия — 75%, другие — 25%³³. Сталин поставил на листке большую галку и вручил ее британскому премьеру.

Для Черчилля и Рузвельта польское правительство в Лондоне, которое 1 декабря 1944 г. возглавил Т. Арцишевский, фактически перестало быть реальным партнером. 31 декабря коммунисты с согласия Сталина вместо ПКНО создали Временное правительство Польской Республики, в котором премьер-министром стал Осубка-Моравский.

Вопрос о новой встрече в верхах поднял Рузвельт в письме к Сталину от 19 июля 1944 г. В ноябре Рузвельт написал и Черчиллю, что он считает важным, чтобы они «втроем встретились в ближайшем будущем». 27 декабря посол США в Москве А. Гарриман сообщил о согласии Рузвельта прибыть в Крым к началу февраля. Таким образом, удалось согласовать место и время Ялтинской конференции (кодовое название «Аргонавт»). И хотя по мере приближения к разгрому Германии противоречия между союзниками нарастали, 1945 год Антигитлеровская коалиция встретила значительными успехами. Фашистский блок развалился. Из войны вышли Румыния, Финляндия, Болгария. Однако в результате успешного продвижения германских войск в Арденнах ситуация обострилась, и это побудило У.Черчилля 6 января 1945 г. обратиться к Сталину с просьбой ускорить наступление Красной Армии³⁴. Проведение советскими войсками Висло-Одерской операции (12 января — 3 февраля 1945 г.) позволило англо-американским войскам перейти в контрнаступление. В результате положение германских войск стало безнадежным³⁵. К февралю 1945 г. Советские вооруженные силы вышли к Одеру, заняли Силезский промышленный район, значительную часть Польши, обширные районы Чехословакии, вывели из войны последнего союзника Германии в Европе — Венгрию. От Берлина Красную Армию отделяло всего 60 км, англо-американские войска — 500 км.

Приближение краха нацистского «Третьего рейха» побуждало лидеров Антигитлеровской коалиции торопиться с решением проблем, вытекающих из окончания войны в Европе. В середине января 1945 г. посол США в СССР А.Гарриман сообщил

В.М. Молотову, что президент хотел бы обсудить вопросы, относящиеся к обращению с Германией, договориться по всем пунктам, которые остались не согласованными после конференции в Думбартон-Оксе, и, конечно же, «переговорить о Польше». Намечалось и обсуждение военных аспектов предстоящих действий на Тихом океане и в Европе. Молотов заверил посла, что Сталин готов обсуждать любые вопросы, которые Рузвельт сочтет нужным поставить³⁶.

Встреча «Большой тройки» проходила близ Ялты, в Ливадии, в бывшем царском дворце, с 4 по 11 февраля 1945 г. Глав трех держав сопровождали их министры иностранных дел, начальники штабов и советники. Только что переизбранный на следующий президентский срок Рузвельт 2 февраля прибыл на Мальту, где встретился с Черчиллем. Здесь же с 30 января по 2 февраля шли двусторонние совещания начальников штабов и министров иностранных дел США и Великобритании. В результате была выработана согласованная англо-американская позиция по большинству вопросов, которые предстояло обсуждать в Крыму³⁷. А. Иден накануне конференции указал: «У русских будут весьма большие требования, мы можем предложить им не очень много, но нам от них нужно очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы собрать во едино все, чего мы хотим, и все, что нам придется отдать»³⁸. Черчилль же, опасавшийся, что «конец войны может оказаться более разочаровывающим, чем конец прошлой», писал 8 января 1945 г. Рузвельту о необходимости проведения жесткой линии в отношении СССР на предстоящей встрече в верхах. Однако в Вашингтоне предпочитали проводить более взвешенный курс. В «Памятке» для Рузвельта, подготовленной Комитетом начальников штабов США к предстоящей конференции, указывалось: «Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы смягчить трения между Великобританией и Россией, поощряя трехстороннее сотрудничество, от которого зависит прочный мир»³⁹.

Повестка дня конференции заранее не оговаривалась. Как и в Тегеране, в Ялте рассматривались вопросы, связанные с военными действиями против вражеских армий. Уже на первом пленарном заседании Конференции, 4 февраля, обсуждались планы союзных держав в целях окончательного разгрома

вооруженных сил Германии. При этом речь шла о более тесной координации действий вооруженных сил трех держав. Зам. начальника Генштаба СССР генерал А.И. Антонов, доложив о результатах январского наступления, предложил ускорить переход союзных войск в наступление на западном фронте, по возможности начав его в первой половине февраля, а также силами авиации воспрепятствовать переброскам войск противника с Запада, а также из Италии и Норвегии на советско-германский фронт. Он сообщил, что только за последнее время перед советскими войсками появилось 16 новых дивизий и могут появиться еще 35–40⁴⁰.

Союзники выразили советскому правительству глубокую благодарность за организацию наступления в связи с прорывом гитлеровцев в Арденнах. Генерал Дж. Маршалл сообщил, что последствия данного наступления вермахта ликвидированы и их войска намерены 8 февраля перейти в наступление на северном участке фронта. В начале же марта они рассчитывают преодолеть Рейн. Сталин заинтересовался, нет ли у союзников каких-либо пожеланий. Одно из них высказал первый лорд Адмиралтейства Великобритании А. Каннингхэм, попросив по возможности скорее взять Данциг, в котором сосредоточено 30% производства немецких подводных лодок. Был поставлен и решен ряд других конкретных вопросов взаимодействия вооруженных сил трех держав⁴¹.

Наряду с согласованием военных планов разгром общего противника большое внимание уделялось рассмотрению вопросов, связанных с политикой в отношении Германии после ее безоговорочной капитуляции. Этот вопрос обсуждался уже на втором заседании Конференции. В ЕКК еще до начала конференции были выработаны проекты соглашений «О зонах оккупации Германии и об управлении Большим Берлином», а также «О контрольном механизме в Германии». Участники конференции зафиксировали в своем решении, что для обеспечения выполнения требований безоговорочной капитуляции вооруженные силы трех держав займут в Германии особые зоны. Предусматривалось также создание и функционирование союзнической администрации и контроля, которая должна состоять из главнокомандующих трех держав с местом пребывания в Берлине. После некоторых изменений эти

проекты легли в основу соответствующих документов о послевоенном статусе Германии.

На Ялтинской конференции во главу угла ставилась цель «уничтожения германского милитаризма и нацизма и создания гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира». На пленарном заседании конференции 5 февраля Рузвельт, указав, что «раздел Германии на пять государств и даже на семь государств — это хорошая мысль», высказался за расчленение Германии. Сталин и Молотов, в свою очередь, с особым упорством настаивали на фиксации и проведении в жизнь идеи расчленения Германии. Черчилль же развивал свой план отделения Пруссии от Германии и создания еще одного большого германского государства на юге, столицей которого была бы Вена. 7 февраля был создан Комитет по расчленению Германии в составе А. Идена (председатель) и послов СССР (Ф.Т. Гусев) и США (Дж.Вайнант) в Великобритании⁴². Впоследствии, когда раздел Германии фактически был осуществлен, советская сторона постаралась завульгаризировать свое участие в расчленении Германии. Когда Комиссия по расчленению начала свою работу в Лондоне, Иден направил Гусеву запрос: «Каким образом Германия должна быть расчленена, на какие части, в каких границах и каковы должны быть взаимоотношения между частями?» Гусев ответил: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Германии не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными»⁴³.

Большое внимание было уделено рассмотрению вопросов о репарациях. СССР предложил взыскать с Германии в течение десяти лет репарации на общую сумму в 20 млрд. долларов, из них для СССР — 10 млрд., что составляло лишь малую долю потерь Советского Союза в войне. Рузвельт поддержал в этом вопросе Сталина, но Черчилль был против фиксации каких-либо сумм репараций. В результате решили создать специальную комиссию по репарациям, которой поручалась разработка соответствующего плана⁴⁴.

Черчилль стремился обеспечить выделение зоны оккупации для Франции. Однако Рузвельт был против признания Франции победительницей и в част-

ном порядке сказал об этом Сталину. Советский лидер, в свою очередь, высказался против создания «Большой четверки» и выделения для Франции зоны оккупации в Германии. Однако вскоре он согласился на получение Францией своей зоны в Германии (за счет американской и британской) и предоставление ей места в Союзном Контрольном Совете. По мнению историка Д. Клеменс, то была плата Сталина Черчиллю за уступку в польском вопросе⁴⁵.

В Ялте продолжилось обсуждение проблем, связанных с международной организацией для поддержания мира и безопасности. Было решено созвать 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско Конференцию Объединенных Наций для окончательной подготовки Устава этой организации. После долгих дебатов делегация СССР признала приемлемым предложение Рузвельта о принципе единогласия постоянных членов Совета Безопасности при решении в нем всех вопросов, которые требовали применения военных, политических или экономических санкций, даже если они касались постоянного члена Совбеза. По вопросам, не требовавшим применения санкций, страна — участница конфликта должна была воздерживаться при голосовании⁴⁶. Советская сторона вновь поставила вопрос о включении в число учредителей ООН, по крайней мере, двух союзных республик — УССР и БССР. Англичане и американцы пытались отложить его обсуждение, но в конечном итоге вынуждены были согласиться с тем, что Украина и Белоруссия наряду с Советским Союзом должны были стать учредителями и членами ООН.

Одним из самых сложных на Крымской конференции был польский вопрос. Он обсуждался на шести из восьми пленарных заседаний конференции и, как и в Тегеране, включал в себя два аспекта — границы Польши и ее правительство. Обсуждение данной проблематики в Ялте проходило без участия представителей как лондонского правительства Польши, так и Временного правительства Польской Республики, хотя и признанного 5 января 1945 г. де юре Президиумом Верховного Совета СССР⁴⁷. С 1 февраля Временное Польское правительство уже функционировало в Варшаве. Его представители двигались вслед за войсками и действовали в тесном контакте и под контролем военных комендатур.

6 февраля Ф. Рузвельт предложил И.В. Сталину и У. Черчиллю изложить свои взгляды по польской

проблеме. Он полагал, что восточная граница Польши должна проходить «по линии Керзона», с поправками Польше, если возможно, Львова и отдельных нефтяных районов на южном участке советско-польской границы⁴⁸. (В советской записи это заявление президента США звучит несколько иначе: «Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона».) По мнению президента, это позволило бы полякам «сохранить свое лицо». Наиболее же существенным Рузвельт считал вопрос о создании постоянного правительства в Польше. Он заметил, что общественное мнение США настроено против того, чтобы признать люблинское правительство, полагая, что оно представляет лишь небольшую часть польского народа. «Американский народ хочет видеть в Польше правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских партий: рабочей или коммунистической партии, крестьянской партии, социалистической партии, национал-демократической партии и других». Рузвельт заявил, что лично он не знаком ни с одним членом люблинского правительства, ни с одним членом польского правительства в Лондоне, знает лишь Миколайчика, который во время пребывания в Вашингтоне произвел на него «впечатление приличного человека». Рузвельт предложил создать Президентский совет из небольшого количества выдающихся поляков, которому будет поручено сформировать Временное правительство⁴⁹.

Черчилль же сообщил о намерении английско-го правительства признать «линию Керзона» в том виде, как она толкуется советской стороной (то есть с оставлением Львова у Советского Союза). Он указал, что его за это много критиковали и в парламенте, и в консервативной партии, но что после той трагедии, которую перенесла Россия, защищавшая себя от агрессора, и тех усилий, которые она приложила для освобождения Польши, претензии русских на Львов и на «линию Керзона» базируются не на силе, а на международном праве. Британский премьер подчеркнул, что его больше интересуют вопросы польского суверенитета, свободы и независимости Польши. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить эту страну от германской агрессии, поэтому она никогда не сможет удовлетвориться решением, которое не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она не была бы хозяином

в своем доме. Однако Черчилль все же оговорился, что свобода Польши не должна допускать с ее стороны враждебных намерений или интриг против СССР. Британский премьер заметил, что сам он, так же как и Рузвельт, не имел контактов с польским правительством в Лондоне и, хотя британское правительство признает лондонский польский кабинет, оно не считает нужным встречаться с его членами. Черчилль отметил, что С. Миколайчик, Т. Ромер и Ст. Грабский — умные и честные люди и что с ними его правительство находится в дружеских отношениях. Он прозондировал возможность создать на данной конференции такое правительство Польши, которое было бы признано «Большой тройкой», а также другими Объединенными Нациями.

Сталин же ответил, что польская проблема для русских является не только вопросом чести, но и безопасности. «Вопросом чести, потому что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности, потому что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». Он напомнил, что за последние 30 лет немцы дважды легко проходили через Польшу, чтобы атаковать Россию. Поэтому вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти Советского государства. Далее Сталин остановился на конкретных вопросах, поднятых Рузвельтом и Черчиллем. Он напомнил, что авторами «линии Керзона» являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. «Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел оставить Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с «линией Керзона» должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, нежели Керзон и Клемансо?... С каким лицом он, Сталин, тогда вернулся бы в Москву? Нет. Пусть уж война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на Западе». Сталин также сообщил, что еще в августе 1944 года С. Миколайчик, будучи в Москве,

обрадовался, услышав от него, что западная граница Польши должна пройти по линии реки Нейсе. В Ялте Сталин уточнил: «По Одеру — западная Нейсе» и попросил Черчилля и Рузвельта поддержать это предложение. Однако лидеры США и Великобритании уклонились от этого предложения и не стали фиксировать конкретную границу Польши на Западе⁵⁰. Они лишь согласились включить в решение конференции указания, что «Польша должна получить существенное приращение территории на севере и западе»⁵¹. Вопрос же о польском правительстве обсуждался долго и напряженно.

Сталин подверг критике предложение Черчилля сформировать польское правительство прямо тут же, на Ялтинской конференции, без участия поляков. Он напомнил, что подходящий момент для создания польского правительства был осенью 1944 г., когда Черчилль приезжал в Москву и привез с собой С. Миколайчика, Ст. Грабского и Т. Ромера. Туда же были приглашены и представители люблинского комитета. Тогда даже наметились некоторые пункты соглашений. Миколайчик вернулся в Лондон, чтобы, получив полномочия от своего правительства, прибыть в Москву для завершения формирования правительства. Однако он не только не получил на это согласие, но и был изгнан из правительства. Лондонский кабинет Т. Арцишевского — В. Рачкевича, указал Сталин, враждебно относится к соглашению с люблинским правительством, называя его «сборищем преступников и бандитов». Люблинские же деятели не остались в долгу, квалифицировав «лондонских поляков» как предателей и изменников. Б. Берут и его единомышленники соглашались на включение в правительство лиц вроде Ст. Грабского и Л. Желиговского, но выступали против назначения Миколайчика премьер-министром. В заключение Сталин подчеркнул необходимость пресечь действия польской подпольной армии (т.е. Армии Крайовой) против Красной Армии; в результате этих действий было убито более двухсот советских офицеров, разграблены многие военные склады. «Силы внутреннего сопротивления» нарушают все законы войны, указал Сталин и предупредил, что те, кто нападает на советских воинов, будут расстреляны. Черчилль попытался выступить в защиту НСЗ, отметив, что люблинские поляки представляют интересы менее одной трети жителей Польши. По предложению

Рузвельта обсуждение польского вопроса было отложено. И.М. Майский в своем дневнике записал: «Чем дольше говорил Сталин, тем напряженнее становилась тишина за круглым столом. И тем мрачнее становились лица Рузвельта и Черчилля»⁵².

6 февраля Ф.Д. Рузвельт направил И.В. Сталину личное послание по вопросу о польском правительстве, предлагая срочно пригласить в Ялту некоторых деятелей из временного правительства Польши, находившегося в Лондоне, из люблинского правительства, а также деятелей, находившихся в стране, таких как епископ Сапега, В. Витос, Жулавский, Буяк, Кутшеба. Если бы совместно с этими деятелями можно было бы договориться о создании Временного правительства Польши, тогда США, Великобритания и СССР отмежевались бы от лондонского правительства и признали новое временное правительство⁵³. Новое правительство должно было провести в Польше свободные выборы в возможно кратчайший срок.

7 февраля В.М. Молотов сообщил о согласии с предложением Ф.Рузвельта по вопросу о голосовании в Совете Безопасности. Затем советский нарком представил предложения по польскому вопросу. В соответствии с ними граница на востоке должна была проходить по «линии Керзона», на западе по линии Одер — Нейсе. Он указал, что в переходное правительство необходимо включить некоторых демократических лидеров из польских эмигрантских кругов. После этого представители США и Великобритании встретились бы с ними в Москве, чтобы затем расширенное правительство как можно скорее получило дипломатическое признание и организовало бы всеобщие выборы «постоянных органов польского правительства». Рузвельт отметил, что предложения Молотова отражают определенный прогресс в дискуссии. В своем заявлении Черчилль предложил сослаться на этих демократических деятелей, с чем согласился Сталин⁵⁴.

9 февраля Э. Стеттиниус представил более конкретное предложение о процедуре создания Временного правительства Польши. В нем указывалось: «Могла бы быть рассмотрена следующая формула. Теперешнее Временное Правительство Польши должно быть реорганизовано на базе более широкого демократизма с включением демократических деятелей из самой Польши и из проживающих за границей, причем это правительство будет называться На-

циональным Временным Правительством Польши. Г-н Молотов, г-н Гарриман и сэр Арчибалд Кларк Керр должны быть уполномочены проконсультироваться в Москве в первую очередь с членами теперешнего Временного правительства и с другими демократическими лидерами, как изнутри Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего правительства на указанных выше основах. Это Правительство национального единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы, как только это будет возможно, на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все нефашистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять своих кандидатов. Когда Польское Правительство Национального Единства будет сформировано указанным выше способом, три правительства предоставят ему признание»⁵⁵. Данное предложение почти полностью было повторено в решении Крымской конференции⁵⁶. Примечательно, что Стеттиниус от имени Рузвельта сделал заявление, что под «новым правительством» подразумевается реорганизованное люблинское правительство⁵⁷.

10 февраля 1945-го в беседе со Сталиным Черчилль выразил беспокойство по поводу того, что они не знают, что происходит в Польше. Информация об этом поступает лишь через польское правительство в Лондоне, которое распространяет свою версию о событиях. Сам же он, Черчилль, не имеет возможности направить своих представителей или хотя бы журналистов в Польшу. В ответ советский лидер предложил британскому премьеру послать своего официального представителя в Люблин. Черчилль ответил, что это можно будет сделать при условии, если будет достигнуто соглашение об образовании нового польского правительства. В этом случае его кабинет откажется от признания польского правительства в Лондоне и признает единое польское правительство⁵⁸.

11 февраля была принята «Декларация об освобожденной Европе», в которой предусматривалось согласование политики трех держав и их совместные действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденных народов Европы и народов государств, бывших сателлитами фашистской «оси». Три великие державы выражали свою реше-

мость создать международный порядок, призванный обеспечить мир, безопасность, свободу и всеобщее благосостояние человечества⁵⁹. Этот документ, развивавший положения Атлантической хартии, был составлен по инициативе Рузвельта и согласован быстро, без излишних споров.

По предложению представителей Советского Союза конференция обсудила и вопрос о Югославии. В результате было принято компромиссное решение: рекомендовать Национальному комитету освобождения и югославскому правительству в Лондоне ускорить создание Временного объединенного правительства, а также включить в состав Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) не скомпрометировавших себя сотрудничеством с врагом членов довоенной Скупщины. Законодательные акты АВНОЮ подлежали утверждению Учредительным собранием⁶⁰.

В Ялте, в ходе бесед Сталина с Рузвельтом 8 и 10 февраля, также затрагивался вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Советский лидер подтвердил свое обещание вступить в войну с Японией через два-три месяца после окончания войны в Европе. При этом Советскому Союзу было обещано поддержать его требование о возвращении Курильских островов, а также о сохранении статус-кво Монгольской Народной Республики⁶¹. 10 февраля Черчилль в беседе со Сталиным, в свою очередь, заявил, что будет приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане. Он пообещал, что «потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, непременно будут восполнены». 11 февраля главы трех держав в третьей редакции подписали специальное соглашение. Оно оставалось секретным вплоть до 5 июля 1945-го, когда Черчилль проинформировал премьер-министров доминионов о предстоящем вступлении СССР в войну с Японией⁶².

Определенные противоречия на Ялтинской конференции возникали и между англичанами и американцами. Так, предложение США создать международный механизм, который занимался бы неподконтрольными и зависимыми территориями, буквально взорвало Черчилля. Он заявил, что не намерен присутствовать на «похоронах» Британской империи⁶³. В итоге участники конференции договорились создать в рамках ООН международную систему опеки, которая будет распространяться на бывшие подман-

данные территории Лиги Наций, на территории, отторгнутые у врага во время Второй мировой войны (имелись в виду колонии Италии и подмандатные территории Японии), и те, которые могут быть добровольно включены в систему опеки⁶⁴.

Можно констатировать, что Ялтинская конференция являлась высшей точкой сотрудничества ведущих держав Антигитлеровской коалиции. На ней были приняты решения как по военным вопросам, так и по проблемам послевоенного устройства мира. В совместном коммюнике, согласованном 11 февраля и опубликованном 13-го числа, констатировалось, что главы трех держав рассмотрели и определили свои военные планы в целях окончательного разгрома общего врага, согласовали сроки, размеры и координацию новых и еще более мощных ударов по Германии, договорились об общей политике и принципах обращения с Германией после ее полного поражения.. В Крыму был согласован «принцип единогласия пяти постоянных членов Совбеза», определено время и место проведения конференции по созданию Организации Объединенных Наций. В коммюнике подчеркивалось, что три лидера собрались на Крымскую конференцию, чтобы разрешить их разногласия по польскому вопросу. Они всесторонне обсудили все его аспекты и вновь подтвердили общее желание «видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу». Были зафиксированы условия создания нового Временного польского правительства, с тем чтобы оно получило признание со стороны трех великих держав. Предусматривалось, что после создания польского правительства СССР, США и Великобритания установят с ним дипломатические отношения и обменяются послами. Констатировалось, что «восточная граница Польши должна идти вдоль “линии Керзона” с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Указывалось, что Польша должна получить существенные приращения территории на севере и на западе. Окончательное определение западной границы Польши откладывалось до следующей «мирной конференции»⁶⁵. Таким образом, предложение Стеттиниуса о создании польского правительства было полностью повторено.

Покидая СССР, Рузвельт направил Сталину телеграмму, в которой среди прочего говорилось:

«Я уезжаю весьма ободренный результатом совещания между Вами, Премьер-министром и мною. Я уверен, что народы мира будут рассматривать достижение этого совещания не только с одобрением, но и как действительную гарантию того, что наши три великие нации могут сотрудничать в мире так же хорошо, как и в войне»⁶⁶.

Буквально через неделю после Крымской конференции — 20 февраля Государственный Комитет Оборона СССР принял постановление о создании на территории до реки Одер временных органов польской власти. Об этом было сообщено во время визита в Москву польской делегации в составе Б. Берута, Э. Осубка-Моравского и М. Роля-Жимерского. Ялтинские же решения о создании временного польского правительства национального единства пока «пробуксовывали». В то время как советская сторона трактовала его как кабинет, создаваемый на базе существовавшего Временного польского правительства, руководство США и Великобритании исходило из необходимости формирования совершенно нового правительства⁶⁷, в котором люблинские деятели составляли бы лишь одну треть.

Польский вопрос интенсивно обсуждался накануне и в период проведения конференции в Сан-Франциско по созданию Организации Объединенных Наций 22 апреля 1945 года. Этот вопрос поднял новый президент США Гарри Трумэн в беседе с В.М. Молотовым. Президент США подтвердил, что решения, принятые в Ялте по польскому вопросу, остаются в силе. И он «намерен осуществить эти решения, как если бы эти решения были подписаны им самим». Трумэн предложил Молотову обсудить польский вопрос со Стеттиниусом и Иденом⁶⁸. Встреча состоялась в тот же день, однако договориться не удалось. 23 апреля Молотов вновь говорил на эту тему со Стеттиниусом и Иденом. В том же составе разговор продолжился и 2 мая, в ходе которого советская сторона дала «добро» на кандидатуры С. Миколайчика и С. Грабского как возможных членов Польского правительства национального единства. Казалось бы, наметилось сближение. И здесь новый взрыв. Вечером 3 мая Молотов сообщил Стеттиниусу об аресте 16 польских деятелей во главе с командующим польской Армии Крайовой Леопольдом Окулицким⁶⁹. Некоторые из арестованных как раз и были

теми демократическими деятелями, которых английские и американские представители в Комиссии Молотова, Гарримана и Керра предложили в качестве лиц для консультации — в связи с формированием Временного польского правительства национального единства. Стеттиниус и Иден заявили советскому нарком, что не считают возможным продолжать с ним обсуждение польского вопроса. Молотов вылетел в Москву⁷⁰.

8 мая 1945 года в Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. 5 июня представители СССР, США, Великобритании и Франции подписали «Декларацию о поражении Германии», в основу которой был положен текст, разработанный в ЕКК и одобренный главами СССР, США и Великобритании. Тогда же были утверждены соглашения о зонах оккупации и о контрольном механизме в Германии. 26 июня в Сан-Франциско был единогласно утвержден Устав Организации Объединенных Наций.

Г. Трумэн направил в Москву Г. Гопкинса — ближайшего соратника Рузвельта в качестве своего личного представителя. В ходе беседы Гопкинса со Сталиным 6 июня был достигнут определенный компромисс в вопросе о создании Польского временного правительства национального единства. В соответствии с ним Московская комиссия (Молотов, Керр, Гарриман) должна была вызвать для консультаций четырех представителей просоветского Польского временного правительства, пятерых польских деятелей из Польши, включая Витоса, Жулавского, С.Кутцеба (из англо-американского списка), Колодезйского и Кржижановского (из списка Берута — Моравского) и трех польских деятелей из Лондона — Миколайчика, Станчика и Жарковского (последний из списка Берута — Моравского)⁷¹. 28 июня Крайова Рада Народова сформировала Временное правительство национального единства, которое 29 июня было признано Францией, 5 июля — США и Великобританией⁷².

Указанные выше соглашения, достигнутые по ряду вопросов, расчистили путь для проведения конференции глав правительств США, СССР и Великобритании в Потсдаме под кодовым названием «Терминал» (17 июля — 2 августа 1945 г.). Советскую делегацию возглавлял И.В. Сталин,

США — Г. Трумэн, Великобритании — У. Черчилль, с 28 июля (после поражения английских консерваторов на парламентских выборах и победы на них лейбористов) — К. Эттли. Обстановка, в которой проходила Потсдамская встреча, была более сложной, чем ситуация в период Крымской конференции. В своих воспоминаниях Черчилль писал: «Основа связи — общая опасность, объединяющая великих союзников, — исчезла мгновенно. В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага»⁷³. После кончины Ф.Д. Рузвельта усилилось и советско-американское противостояние. 16 июля Трумэн получил известие об успешном испытании атомной бомбы в пустыне Аламогордо. Это известие придало новому президенту еще большую уверенность в мощи США, и он записал в своем дневнике: «У меня тоже есть заряд динамита, но сейчас я не намерен его взрывать»⁷⁴. Однако от советских разведчиков Сталин уже знал о предстоящем испытании и о принципах устройства атомной бомбы.

Делегации США и Великобритании прибыли в Берлин 15 июля. В их состав наряду с Г. Трумэном и У. Черчиллем входили государственный секретарь США Д. Бирнс, министры иностранных дел Великобритании А. Иден (с 28 июля — Э. Бевин). 16 июля в Потсдам прибыли Сталин и Молотов. Группа советских экспертов, военачальников, советников находилась в Берлине с 14 июля.

По предложению И.В. Сталина на конференции председательствовал Г. Трумэн. Повестка дня заранее не оговаривалась. Президент США внес на рассмотрение конференции проект учреждения Совета министров иностранных дел для подготовки мирных договоров со странами — бывшими союзниками Германии, меморандум о политике в отношении Германии, документ о выполнении Крымской декларации «Об освобожденной Европе», ряд других актов. Черчилль предложил обсудить вопрос о Польше и о выполнении Крымского соглашения относительно Югославии. Советский список вопросов включал: «1. О разделе германского флота; 2. О репарациях; 3. О подопечных территориях; 4. О Польше; 5. Об отношении к сателлитам; 6. Об Испании; 7. О Танжере; 8. О Сирии и Ливане»⁷⁵. На встрече с Трумэном в первый день Берлинской конференции Сталин пояснил, что в вопросе «О подопечных территориях» речь идет не о режиме опеки, который был уже

установлен в Сан-Франциско, а о распределении колониальных территорий, принадлежавших Италии и другим странам⁷⁶. В ответ Трумэн заявил, что готов обсуждать все вопросы, которые поставит советская делегация.

Главным вопросом в Потсдаме, конечно же, был германский. Поверженная страна не имела ни правительства, ни каких-либо органов общегосударственной власти, не были определены ее границы, экономика находилась в состоянии полной разрухи. Предстояло обсудить вопросы о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии, о создании администрации в четырех зонах оккупации.

В ходе Потсдамской конференции были разработаны и утверждены «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»⁷⁷. В их основу легли Крымские соглашения, Декларация о поражении Германии, соглашения, разработанные в ЕКК о зонах оккупации, об управлении Большим Берлином, о контрольном механизме в Германии. Учитывалось и утвержденное 25 июля 1945 г. в ЕКК соглашение о некоторых дополнительных требованиях к Германии, которое предусматривало разоружение и демилитаризацию Германии, а также полную ликвидацию фашистского режима в этой стране. Проект во многом повторял положения, согласованные ранее тремя державами в Ялте, что облегчило достижение договоренностей. Уже на второй день конференции были в основном одобрены политические принципы трех великих держав в отношении Германии. Гораздо труднее шло обсуждение экономических аспектов обращения с Германией. Они касались ликвидации военно-экономического потенциала «Третьего рейха», децентрализации ее экономики «с целью уничтожения существующей концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений». Немцам запрещалось производство вооружения и военного снаряжения. Главное же внимание при организации экономики Германии должно было направляться на развитие мирной промышленности и сельского хозяйства. Оговаривались вопросы, связанные со взятием репараций, авансовыми поставками из Германии, снабжением ее продовольствием и топливом и др. Лишь на заседании 31 июля

и 1 августа окончательно удалось согласовать текст соглашения «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»⁷⁸.

В «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» подчеркивалось: «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире»⁷⁹. В то же время главы трех держав заявляли, что они не собираются уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ и стремятся дать ему возможность реконструировать свою жизнь на демократической и мирной основе, с тем чтобы со временем немцы могли занять место среди свободных и миролюбивых народов мира. В начальный период верховная власть в Германии должна была осуществляться главнокомандующими вооруженными силами СССР, США, Великобритании и Франции — соответственно в их зонах оккупации. По вопросам, общим для всей Германии, они должны были действовать сообща как члены Контрольного совета. В Потсдаме были приняты решения о полном разрушении и демилитаризации Германии, о роспуске всех сухопутных, морских и воздушных сил, включая Генштаб, СС, гестапо, других военных и полувоздушных организаций. Предусматривалось, что все оружие будет передано союзникам или уничтожено, а производство его будет запрещено.

С наибольшим напряжением проходило обсуждение вопроса о репарациях с Германии. Делегация США, отступив от позиции, которую она занимала в Крыму, высказалась против определения конкретных сумм репараций⁸⁰ и предложила принцип взимания их каждой державой из ресурсов той зоны, которая предназначалась ей для оккупации. Для СССР это было неприемлемо, поскольку Восточная Германия, где находились советские войска, являлась по преимуществу районом со слабо развитой промышленностью и ограниченными ресурсами⁸¹. После напряженных дебатов была достигнута договоренность о получении репараций из своих зон и выделении Советскому Союзу, который больше всех пострадал в ходе боев и германской оккупации, 25 процентов промышленного оборудования из трех

западных зон (10 процентов безвозмездно и 15% в обмен на продовольствие, уголь, нефтепродукты и др. товары из зон их оккупации)⁸². Советский Союз обязался удовлетворить из своей доли репараций соответствующие претензии Польши⁸³.

После настойчивых требований советской делегации и длительных споров в конце Потсдамской конференции было принято решение о том, чтобы весь германский надводный военно-морской и торговый флот Германии был поделен поровну между СССР, Англией и США⁸⁴.

Делегации США и Великобритании подтвердили свое согласие, данное еще на Тегеранской конференции 1943 года, о передаче СССР города Кенигсберга и прилегающего к нему района — части Восточной Пруссии. Трумэн и Черчилль заявили, что они поддержат это предложение СССР на будущей мирной конференции⁸⁵.

В Потсдаме был также обсужден и вопрос о наказании главных нацистских военных преступников и опубликовании первого списка лиц, подлежащих суду Международного трибунала до 1 сентября 1945 года⁸⁶.

Много времени и усилий потребовало обсуждение польского вопроса. Советская сторона трактовала решение Крымской конференции как определенную реорганизацию Польского временного правительства⁸⁷. Английские же и американские представители воспринимали его как санкционирующее ликвидацию Временного польского правительства и создание совершенно нового кабинета. Летом 1945 г. состоялось совещание между членами Временного польского правительства и демократическими деятелями из самой Польши и поляков из-за границы, в ходе которого было достигнуто соглашение. На его основе 28 июня и было сформировано Временное Правительство Национального Единства. Хотя 5 июля США и Великобритания признали его, правительство Т. Арцишевского, находящееся в Лондоне, не прекращало своей деятельности. В заявлении Потсдамской конференции по польскому вопросу выражалось удовлетворение в связи с образованием Польского Временного Правительства Национального Единства и отмечалось, что это привело к прекращению признания Великобританией и США «бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует»⁸⁸.

Еще в январе Черчилль поднимал вопрос о судьбе двухсот тысяч поляков, сражавшихся во Франции, а затем продолжавших сражаться в Италии. Британский премьер считал, что этих бойцов необходимо убедить вернуться в Польшу. Он отметил, что ситуация в Польше за последние два-три месяца улучшилась, в чем, по его мнению, положительную роль сыграл С. Миколайчик⁸⁹.

Весьма напряженно дебатировался вопрос о польско-германской границе. В соответствии с советским проектом она должна была проходить по линии, идущей от Балтийского моря, западнее Свинемюнде, до Одера, включая Штеттин, далее вверх по течению Одера до устья реки западная Нейсе и оттуда по западной Нейсе до границы с Чехословакией⁹⁰. Представители же США и Великобритании выступали против того, чтобы фиксировать эту линию до следующей мирной конференции. Руководители западных держав предъявляли СССР претензии по поводу передачи польским органам (без их согласия) функции администрации на территории до линии Одра — Ныса-Лужицка.

Ссылаясь на решение Крымской конференции о том, что в процессе установления западной границы Польши необходимо учитывать мнение польского правительства, советская делегация настояла на приглашении его в Потсдам. Совместные усилия представителей Временного правительства Польши и советской делегации побудили англичан и американцев одобрить следующую формулировку: «Главы трех правительств согласились, что впредь до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой западная Нейсе и вдоль реки западная Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая, в соответствии с решением Берлинской конференции, не поставлена под управление Союза Советских Социалистических Республик, и включая территорию бывшего свободного города Данцига, должны находиться под управлением Польского государства, и в этом отношении они не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии»⁹¹. Впоследствии решения Берлинской конференции о западной границе Польши были закреплены в договорах, заключенных

6 июля 1950 года Польской Народной Республикой с Германской Демократической республикой, а 21 декабря 1972 года — и с Федеративной Республикой Германии. Эта граница существует и поныне.

Установление западной границы Польши было связано и с решением Берлинской конференции о том, дабы упорядочить перемещение немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии. Было предложено временно воздержаться от дальнейшего выдворения немцев из этих стран впредь до рассмотрения докладов их представителей в Контрольном Совете по Германии⁹².

Много времени заняло в Потсдаме и обсуждение вопроса об осуществлении положений декларации Ялтинской конференции «Об освобожденной Европе», которые оставались не выполненными. Трумэн на первом же заседании огласил соответствующий меморандум, настаивая на необходимости немедленной реорганизации правительств Румынии и Болгарии. Для этого он предлагал провести необходимые консультации с представителями всех значительных демократических групп и оказать помощь временным правительствам в проведении свободных демократических выборов. 24 июля президент США, имея в виду Болгарию, Румынию и Венгрию, подчеркнул: «Мы не можем восстановить дипломатических отношений с этими правительствами до тех пор, пока они не будут организованы так, как мы считаем нужным»⁹³. Делегации США и Великобритании настаивали на том, чтобы предстоявшие в Италии, Греции, Болгарии, Румынии и Венгрии выборы были проведены под наблюдением трех держав. Подготовка мирных договоров с Италией, Болгарией, Финляндией, Венгрией и Румынией была возложена на новый международный орган — Совет министров иностранных дел (СМИД), предложение о создании которого внесла делегация США. Была пересмотрена и процедура союзных контрольных комиссий в этих странах (за основу были взяты предложения правительства СССР для Венгрии)⁹⁴.

В Потсдаме, как и на двух предшествующих встречах «Большой тройки», был затронут и вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Уже на первой встрече со Сталиным Трумэн заявил, что хотя им не требуется там активная английская помощь, «но США ожидают помощи от Советского Союза». Сталин сообщил, что СССР «будет готов вступить

в действие к середине августа и что он содержит свое слово»⁹⁵. 26 июля 1945 г. была опубликована декларация, которая призывала правительство Японии к безоговорочной капитуляции на предъявленных в этой декларации условиях. Несмотря на просьбу советской стороны отложить ее публикацию, это не было сделано под предлогом, что ее текст уже передан представителям печати. Советский Союз присоединился к этой декларации 8 августа 1945 года.

В начале августа основные соглашения, принятые в Потсдаме, были направлены Франции с предложением присоединиться к ним. Принципиальное согласие с ними Парижа было получено.

Судя по информационному письму Молотова советским послам и посланникам, сталинское руководство оценивало результаты Берлинской (Потсдамской) конференции как вполне удовлетворительные для СССР⁹⁶.

Фактически эта конференция подвела итог сотрудничеству «Большой тройки» в годы Второй мировой войны — непростому, противоречивому и тем не менее чрезвычайно важному в условиях противостояния с «Третьим рейхом» и с милитаристской Японией. И не случайно в 2015 году мир широко отметил семидесятилетие Победы над фашистским рейхом, семь десятилетий без глобальных мировых войн. Опыт тех непростых лет мир не должен игнорировать, как бы мы ни критиковали политику тех или иных государств и деятелей.

Примечания

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978; Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов М., 1978 (далее: Тегеранская конференция...); Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979 (далее: Крымская конференция...); Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.). Сборник документов. М., 1980; Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 17 июля–2 августа 1945 г. М., 1978. (далее: Берлинская конференция...); Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran 1943. Wash., 1961; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences of Malta and Jalta.

Wash., 1955; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin. (The Potsdam Conference). 1945. Wash., 1960; Stettinius E. Roosevelt and the Russians: the Jalta Conference. N.Y., 1949. См. также: «СССР и германский вопрос. 1941–1949». Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. Т.1. М., 1996.

² Вопрос о проведении встречи «Большой тройки» У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт неоднократно ставили перед И.В.Сталиным, начиная со 2 декабря 1942 г. Выразив согласие на участие в такой встрече, советский лидер предложил организовать ее позднее, мотивируя это невозможностью отвачаться от руководства военными действиями. В мае 1943 г. Рузвельт направил в Москву бывшего посла США в СССР Дж. Дэвиса, чтобы договориться о совместной встрече Сталина с Рузвельтом. 8 сентября Сталин сообщил Рузвельту и Черчиллю о целесообразности проведения встречи там, где имеются представительства всех трех держав (например Иран). 8 ноября 1943 г. Рузвельт, наконец, сообщил о том, что нашел способ осуществлять свои функции президента в случае необходимости наложить вето на какой-либо закон и в Тегеране. (Тегеранская конференция ... С. 55, 56, 69–70. Далее: Тегеранская конференция...)

³ На этой конференции была принята «Декларация о всеобщей безопасности». Участники конференции заявили о намерении создать всеобщую Международную организацию для поддержания мира и безопасности, впоследствии получившую название Организация Объединенных Наций (ООН). Были приняты «Декларация об Италии», «Декларация об Австрии», «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». В секретном порядке обсуждались и вопросы о планировании военных операций и о послевоенном устройстве. И.В. Сталин заверил государственного секретаря США К. Хэлла, что после завершения разгрома Японии СССР примет участие в войне против Японии. СССР выступил против англо-американского предложения об объединении стран Восточной и Юго-Восточной Европы в одну федерацию.

⁴ Stoler M. The Politics of the Second Front. L., 1977. P. 133.

⁵ Ibid. P. 133.

⁶ FRUS. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran 1943. Wash., 1961. P. 254.

⁷ Берия С. Мой отец Лаврентий Берия. М., 1994. С. 234–235.

⁸ Harriman W.A. & Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946. N.Y., 1975. P.65.

⁹ Имелось в виду наступление англо-американских войск из Италии через Любянский проход на Балканы, в «мягкое подбрюшье Европы».

¹⁰ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 232.

¹¹ Тегеранская конференция. С. 150.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Там же. С. 95, 118–120.

¹⁴ Исраэлян В.А. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985. С. 224.

¹⁵ Там же. С. 224–233.

¹⁶ Там же. С. 165–166.

- 17 В.Л. Исраэлян в разделе о Тегеранской конференции подчеркивал: «Подход Советского Союза к германской проблеме коренным образом отличался от американских и английских планов расчленения Германии... Что касается планов расчленения Германии, изложенных Рузвельтом и Черчиллем, то у Сталина возникли на этот счет серьезные сомнения... В итоге на конференции не было принято решение по германскому вопросу, он был передан на дальнейшее рассмотрение в Европейскую консультативную комиссию» (*Исраэлян В.Л.* Указ. соч. С. 228-229).
- 18 Там же. С. 166. О необходимости расчленения Германии Сталин говорил еще в ноябре 1941 г. После возвращения И.В. Сталина из Тегерана в Москву вопрос о расчленении Германии обсуждался в Комиссии М.М. Литвинова.
- 19 Там же. С. 158-159.
- 20 Там же. С. 160-161.
- 21 Там же. С. 149, 149, 186.
- 22 Тегеранская конференция.... С. 163-164.
- 23 *Лебедева Н.С.* Когда решили ликвидировать 22 тысячи поляков // Новая газета. № 75 от 11 июля 2014 г. С. 10-11
- 24 Тегеранская конференция... С. 163-165.
- 25 Там же. С. 165.
- 26 Там же. С. 167.
- 27 Там же. С. 165.
- 28 Тегеранская конференция... С. 174-175.
- 29 *Gardner L.C.* Spheres of Influence. The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. S. 202; *Дурачински Э.* Польские варианты политики по отношению к СССР (1943-1945) // Польша — СССР 1945–1989. Избранные политические проблемы. Наследие прошлого. М., 2005. С.79.
- 30 *Kersten K.* Miedzy wyzwoleniem a zniewolnieniem. Polska 1944-1956. L., 1944-1956. L., 1993. S. 71-79.
- 31 См. подробнее: *Дурачински Э.* Польские варианты политики по отношению к СССР (1943-1945). // Польша — СССР 1945 — 1989. Избранные политические проблемы, наследие прошлого / Отв. ред. Э. Дурачински, А.Н. Сахаров. М., 2005.
- 32 9 августа в ходе беседы Сталина с Миколайчиком был достигнут определенный компромисс. В беседе с послом США в СССР А.Гарриманом и Миколайчик, и встречавшийся с ним на следующий день Молотов выразили удовлетворение ходом бесед. Жуков и Рокоссовский разрабатывали план операции по освобождению Варшавы. Однако компромисс, достигнутый в Москве, не был поддержан польским правительством в Лондоне, о чем Миколайчик сообщил в своем письме. После этого ни о какой поддержке восставших со стороны Кремля речи быть не могло, вплоть до середины октября, когда восставших уже спасти было невозможно. Э. Дурачински признает, что и Черчилль и Рузвельт, так же как и Сталин, не сомневались в том, что Варшавское восстание, в военном отношении направленное против Германии, в политическом отношении должно было защитить вариант Лондонского правительства по отношению к СССР, т.е. с этой точки зрения имело антисоветский характер. «Иначе говоря, указывает Э. Дурачинский, - оно политически атаковало сталинские намерения в отношении Польши, а ведь Черчилль и Рузвельт уже раньше отдали ее под протекторат Москвы как составную часть советской сферы влияния» (*Дурачински Э.* Указ. соч. С. 87).
- 33 *Churchill W.* Triumph and Tragedy. Boston, 1953. P. 227-228. 15 декабря 1944 г. Черчилль, выступая в Палате общин сказал о своей поддержке предложений, направленных на укрепление сотрудничества между Россией и Великобританией, что он поддержит пересмотр польских границ на востоке в пользу России и на Западе — в пользу Польши за счет Германии. Он напомнил, что Россия несет главную ответственность за освобождение Польши. При этом он не переживал за предстоявшее перемещение нескольких миллионов человек. О том, что не следует возражать при рассмотрении вопроса о границах Польши и России, говорили Рузвельт и военный министр Г.Стимсон (*Гарднер Л.* «Между Сциллой и Харибдой»: польский вопрос в Ялте // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. С. 28, 29).
- 34 В этом письме У. Черчилль писал: «На Западе идут очень тяжелые бои и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно пожелаете упомянуть...Я считаю дело срочным» (Переписка... Т. 1. С. 348-349.)
- 35 16 декабря 1944 г. Арденнах фронт англо-американских войск был прорван, и немецкие танки устремились по территории Бельгии и Люксембурга, намереваясь устроить «второй Дюнкерк» и внести раскол в стане противостоящей им коалиции. Командующий 3-й американской армией Д. Патон 4 января записал в дневнике: «Мы еще можем проиграть войну» (*Patton G.* War as I knew it. Boston, 1947. P. 213.). Черчилль, обсудив с Б. Монтгомери и Д. Эйзенхауэром создавшееся положение, 6 января обратился к И.В. Сталину с просьбой начать крупное русское наступление в районе Вислы или где-либо в другом месте. В результате проведения Висло-Одерской операции советских войск (12 января — 3 февраля), основные силы германской группировки «А» были разгромлены и завершено освобождение Польши. Советские войска вышли на дальние подступы к Берлину. К 28 января последние немецкие части откатились на ранее занимаемые позиции. 29 января в дневнике Верховного Главнокомандования вермахта было записано: «Ввиду угрожающей обстановки на востоке фюрер приказал перейти к обороне на западе» (цит. по: *О.А. Ржевский.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 491).
- 36 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. Т. 2. 1944-1945. Документы и материалы в двух томах. Том 2. 1944-1945. М., 1983. С. 289-290.
- 37 *А.Ю. Борисов,* автор главы 16 (т. 2, С. 449) в сб. «История международных отношений» / Под ред. А.В. Торкунова и М.М. Наринского, не согласен с этим утверждением и указывает, что на Мальте дело ограничилось лишь обсуждением военных вопросов между начальниками штабов США и Великобритании.

- В тот же день А. Гарриман посетил И.В. Майского и уточнил, какие именно вопросы Рузвельт хотел бы обсудить в Крыму: «а) Будущая организация международной безопасности... Сейчас в США общая политическая атмосфера весьма благоприятна для его положительного разрешения, т.е. для закрепления участия Америки в будущем международном органе. Надо ловить момент. Позднее изоляционизм может опять поднять голову и создать ненужные затруднения; б) Послевоенная судьба Германии. Конкретно это сводится к двум моментам: во-первых, проблема раздробления Германии; во-вторых проблема репараций с Германии. На вопрос Майского, какие еще вопросы могут быть затронуты на конференции, Гарриман назвал а) кредиты для СССР; б) Польша; в) Дальний Восток; г) вопрос о Греции и о других освобожденных странах Европы (Советско-американские отношения 1939–1945. Документы. С. 615-618).
- 38 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences of Malta and Yalta. P. 28.
- 39 Цит. по: История Второй мировой войны, 1939–1945.. Т. 10. М., 1979. С. 130.
- 40 Крымская конференция... С. 56.
- 41 Был решен ряд вопросов, в том числе по подготовке двух аэродромов для челночных полетов авиации США, предоставление советских аэродромов для поврежденных английских ночных бомбардировщиков, регулярного обмена разведанными о противнике и др. (Баженов А.А. Ялтинская конференция и завершение разгрома гитлеровской Германии (Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С.95-98).
- 42 Клеменс Д. Ялта (Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. С. 12).
- 43 Крымская конференция...С. 22-23; Израэлян В.А. Указ. соч. С.334. Для сведения посла было направлено следующее разъяснение: «Англичане и американцы, которые первыми поставили вопрос о расчленении Германии, хотят теперь свалить на СССР ответственность за расчленение с целью очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения».
- 44 Крымская конференция... С. 81; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 133-134.
- 45 Клеменс Д. Указ. соч. С. 12; Stettinius E. Roosevelt and the Russians: the Yalta Conference. N.Y., 1949, p. 262.
- 46 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 5. Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. М., 1980.
- 47 5 января 1945 г. по радио, а 6 января в печати было передано следующее сообщение ТАСС: «4 января Советское правительство получило официальное уведомление Временного Национального правительства Польской Республики о том, что согласно решению Крайовой Рады Народовой Польский Комитет Национального Освобождения преобразован во Временное Национальное Правительство Польской Республики. При этом Временное Правительство Польши предложило Советскому Правительству установить дипломатические отношения и обменяться послами. Президиум Верховного Совета СССР, следуя своей политике поддержания и укрепления дружеских отношений с демократической Польшей, принял решение признать Временное Национальное Правительство Польской Республики и обменяться послами. Президиум Верховного Совета СССР назначил тов. Лебедева Виктора Захаровича Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в Польше» (АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 22. Д. 308. Л. 1).
- 48 The Conference at Malta and Yalta. P. 667; Гарднер Л. Указ соч. С. 32. У. Черчилль обошел вопрос о Львове, сосредоточившись на внутренней обстановке в Польше, и подчеркнул, что он никогда не согласится с решением, которое не позволит Польше быть свободной и независимой. Сталин попросил разрешения на 10 минут удалиться, по всей видимости, для того чтобы успокоиться.
- 49 Ржевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. С. 500.
- 50 Главные возражения Черчилля и Рузвельта касались южного участка границы, который, по проекту Сталина, проходил по западной Нейсе. Большинство населения в этом районе было немецким, что обострило бы всю проблему переселения немецкого населения. И Черчилль, и Рузвельт отказались признать предложенную СССР линию границы (Клеменс Д. Указ соч. С. 15).
- 51 Крымская конференция... С. 269-270. В решении указывалось, что «по вопросу о размерах этих приращений в недалеком будущем будет опрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции».
- 52 Ржевский О.А. Указ. соч. С. 507.
- 53 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.2. М., 1957. С.185-186.
- 54 Тегеран, Ялта, Потсдам. С. 105.
- 55 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 46. Д. 728. Л. 3.
- 56 В решении указывалось, что «действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе, с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Оно должно было называться Польское Временное Правительство Национального Единства. Молотов и послы США А. Гарриман и Великобритании А. Кларк Керр уполномочивались проконсультироваться в Москве с членами действовавшего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за рубежа. Предусматривалось, что после того, как в соответствии с данным решением будет сформировано Временное Правительство Национального Единства Польши, СССР, США и Великобритания установят дипломатические отношения с новым Польским Временным правительством и обменяются с ним послами
- 57 The Conferences at Malta and Yalta, 1945. P. 842-843.
- 58 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. Т. 2. 1944-1945. М., 1983. С. 272.
- 59 Крымская конференция... С. 267-269.
- 60 Там же. С. 36, 270.
- 61 Там же. С. 273

62 *Зимонин В.П.* Ялта — Потсдам и проблемы завершения войны против Японии (Ялта. 1945. год. Проблемы войны и мира. С.99-103).

63 *Stettinius E.R.* Roosevelt and Russia. The Yalta Conference. P. 143-144.

64 Charter of United Nations. Report to the President on the Results of the San-Francisco Conference. Department of the State. Publication 2340. N.Y. 1945. P. 128, 229.

65 Крымская конференция... С. 269-270.

66 Советско-американские отношения... Т. 2. С. 311.

67 Советско-американские отношения 1939–1945. Документы / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Международный фонд «Демократия», 2004. С. 639-641.

68 АВР РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 2. Д. 30. Л. 44-46. Г. Трумэн вскоре заменил Э.Стеттинуса Дж. Бирнсом на посту госсекретаря США.

69 Там же. С. 682-683. Командующий Армией Крайовой генерал Леопольд Окулицкий и 15 других польских деятелей были приглашены на переговоры с командованием 1-го Белорусского фронта с гарантией безопасности и там сразу же арестованы. Суд над ними был проведен в Москве 18–21 июня по решению Политбюро ЦК ВКП(б).

70 Во время встречи посла СССР в Лондоне Гусева с Черчиллем британский премьер указал, что «польские дела все ухудшаются и он не видит пути к удовлетворительному решению. Мы назвали польских кандидатов для переговоров, а вы посадили их в тюрьму. Парламент и общественность проявляют большую тревогу». В завершение беседы британский премьер даже прибегнул к угрозе, заявив, что он «приказал задержать демобилизацию воздушного флота» (*Ржевский О.А.* Указ. соч. С.523-524).

71 Советско-американские отношения 1939–1945. Документы. С. 695-696.

72 5 июля 1945 г. А. Кларк Керр направил В.М. Молотову письмо, в котором говорилось: «В соответствии с указанием, только что полученным мною от моего правительства, я пишу, чтобы сообщить Вам, что я просил Польского Посла передать Польскому Временному Правительству Национального Единства послание г-на Уинстона Черчилля с сообщением о признании Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве Польского Временного Правительства Национального Единства. Сообщение об этом будет опубликовано в Лондоне 6 июля в 2 часа ночи по московскому времени, причем мое правительство просило, чтобы это не предавалось гласности до указанного времени» (АВР РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 22. Д. 308. Л. 15).

73 *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. 6. С. 538.

74 *Смирнов В.П.* Краткая история Второй мировой войны. С. 296.

75 Берлинская конференция... С.484.

76 Там же. С. 41.

77 Там же. С. 462-466.

78 Там же. С. 462-471.

79 Там же. С. 484.

80 Мотивировалось это тем, что во время Крымской конференции в Германии еще шли огромные разрушения, а некоторые области отошли от нее, поэтому установленная в Ялте сумма репараций в 20 млрд. является нереальной (Берлинская конференция... С. 20, 370-372).

81 28 июля А.Я. Вышинский в беседе с Дж. Дэвисом, говоря о ходе конференции, отметил, что у советской делегации вызва-

ла «недоумение позиция, занятая американцами (в частности, Поули) по вопросу репараций, и что эта позиция не соответствует тому, о чем договорились на Крымской конференции. 2 августа, после достижения определенного компромисса в этом вопросе, Молотов писал Бирнсу, настаивая на том, что, в соответствии с принятыми в Ялте решениями, Межсоюзная Репарационная Комиссия должна оставаться в Москве, а в Берлине ей надежит создать свой орган (Советско-американские отношения 1939-1945. Документы. С. 727-728).

82 Берлинская конференция... С. 467-468.

83 Там же. С. 489-491.

84 *Израэля В.А.* Указ. соч. С. 425-426.

85 Берлинская конференция...С. 351.

86 Там же. С. 471. В.М. Молотов, информируя советских послов и других ответственных сотрудников НКВД о ходе конференции, указал, что английская делегация представила по вопросу о военных преступниках проект декларации, сформулированный в самых общих выражениях. Советская делегация противопоставила этому свой проект, в котором содержалось предложение передать суду Международного трибунала в первую очередь десять главных гитлеровцев: Геринга, Гесса, Риббентропа, Лей, Кейтеля, Кальтенбрунера (заместителя Гиммлера), Фрика, Ганса Франка, Штрейхера и Круппа — и обеспечить выдачу в руки правосудия главных нацистских преступников войны, укрывшихся в нейтральных странах. Англичане и американцы возражали против утверждения на конференции предложенного советской делегацией списка главных военных преступников. Сталин, пойдя на уступку солидарной позиции представителей США и Великобритании, предложил зафиксировать, что «не позднее чем через месяц будет опубликован первый список привлекаемых к суду немецких военных преступников» (СССР и Нюрнбергский процесс. Известные и малоизвестные страницы истории / Сб. документов. Научный редактор и составитель Н.С. Лебедева. М., 2012. С. 214-215).

87 18 июля делегация СССР внесла «Проект заявления глав трех правительств по польскому вопросу», в котором констатировалось, что США и Великобритания, а также правительства других Объединенных Наций порывают всякие отношения с правительством Арцишевского. «Мы считаем необходимым оказать Временному польскому правительству национального единства необходимое содействие в немедленной передаче ему всех фондов, ценностей и всякого иного имущества, принадлежащего Польше... Мы признали также необходимым, чтобы польские военные силы, в том числе военно-морской флот, а также торговый флот, находящиеся в подчинении правительства Арцишевского, были подчинены Временному правительству национального единства...» (Берлинская конференция... С. 318-319).

88 Берлинская конференция... С. 472.

89 Там же. С. 64.

90 Там же. С.331-332.

91 Там же. С. 473.

92 Там же. С. 476.

93 Там же. С. 181.

94 Там же. С 475, 478-479.

95 Там же. С. 43.

96 *Ржевский О.А.* Указ. соч. С. 537.

© Текст: Наталия Лебедева

BRITAIN

Ниже мы предлагаем две статьи нашего коллеги Михаила Борщевского, посвященные проблеме референдума, проведенного в Великобритании 23 июня 2016 года по вопросу о выходе из Евросоюза. Первая из этих статей написана в течение трех часов после оглашения результатов референдума и, по мнению автора, — «немедленная реакция на событие, во многом эмоциональная». Вторая статья — это аналитическое осмысление причин и результатов голосования, а также последовавших затем событий.

Утренние размышления по окончании референдума в Великобритании

Впервые обещание господина Дэвида Кэмерона провести референдум о выходе Великобритании из Евросоюза прозвучало в 2011 году. Тогда, во время очередной предвыборной кампании, ему хотелось любой ценой сохранить кресло премьер-министра, и он пообещал нации: а) реструктуризовать отношения с ЕС и б) провести референдум о пребывании Великобритании в ЕС не позднее 2016 года.

Очевидно, что давая подобное обещание, премьер-министр не мог предвидеть многие из тех событий, что произошли за последовавшие пять лет, таких как беспрецедентный рост исламского терроризма, резкое увеличение числа мигрантов в ЕС, обострение национально-территориального синдрома идентификации у значительного числа населения в разных странах Европы, увеличение военно-политических конфликтов во всем мире, а также структурные изменения в мировой системе финансов. Что же безусловно могло быть сделано Кэмероном и его правительством? Это публичный анализ экономических, социальных и психологических последствий возможного выхода страны из ЕС, предваряющий референдум. Могу свидетельствовать, что этого сделано не было. Кампания по разъяснению возможных последствий выхода из ЕС началась лишь в последние полтора — два месяца, и она не была достаточно развернутой. Никто всерьез не объяснил средствам массовой информации и, соответственно, самому народу даже такие очевидные вещи, как подробности долговременной экономической рецессии, в которую страна начала погружаться уже сегодня утром, или — что еще

хуже — возможный распад Великобритании вследствие неотвратимого выхода из ее состава Шотландии и Северной Ирландии.

Впрочем, рассмотрим происшедшее чуть пристальнее: почему результаты голосования таковы? Если посмотреть на подробную карту голосования по графствам и округам, то очевидно, что наиболее крупные города и промышленные районы (Лондон, Манчестер, Глазго, Бат, Белфаст, Эдинбург и другие) однозначно проголосовали за присутствие в ЕС. Многие комментаторы подчеркивают, что подавляющее число молодых людей до 35-40 лет (то есть наиболее образованная и энергичная часть населения) голосовала за Великобританию в составе ЕС. Обратите внимание, что названные территории, а также профессионально-возрастные группы — это главный костяк налогоплательщиков, которые обеспечивают высокий уровень благосостояния страны. А кто же составил большинство победителей? Территориально — это срединная Англия и Уэльс с населением, которое в основном занято в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, но глубоко разделяет опасения роста миграции. Значительная часть этого населения — фермеры, обиженные ограничениями Евросоюза на объемы и стандарты экспорта сельхозпродукции. В то же время — это население, живущее за счет компенсации от ЕС, а также пожилая часть населения английской провинции (от 50 лет и старше), для которой чрезвычайно важен синдром национально-территориальной идентификации. Наконец, это весьма значительная часть населения, живущая на пособия и дотации из бюджета, полагающая, что мигранты отрывают из их доли «жирный кусок». Попутно заметим, что, как и везде в Европе, в Великобритании «страшилка» миграции была постоянным рефреном средств массовой информации за последние пять лет. Человек с улицы боится «пришельцев». Эта боязнь повсеместна присутствует не только в Англии, но и во Франции, в Германии, Бельгии и далее по списку, включая Россию, которая тоже больна этим массовым психозом. Напомню, что совокупный объем мигрантов извне в Евросоюз составляет не более 1,5% от совокупного населения ЕС (550 миллионов человек). Также можно отметить, что прибыль от занятости мигрантов в различных секторах экономики, главным образом малоквалифицированным ручным трудом, значительно превышает долю бюджетных затрат на них, что очевидно из статистических данных ряда стран ЕС (Германия, Великобритания, Кипр и т.д.).

Итак, был ли полученный результат голосования неизбежен? Думается, что нет. Своевременное и подробное ознакомление людей с последствиями их голосования, а также с мерой личной ответственности каждого могло бы серьезно отразиться на результатах голосования. (Наверное, нет нужды объяснять, что такая ответственность, как и предварительная информация о ней, является обязательной частью любого свободного выбора в свободном мире, независимо от того, является ли он индивидуальным или коллективным.)

Что ждет Великобританию и Евросоюз в будущем?

Разумеется, система евробюрократии нуждается в ремонте и даже реконструкции, будучи постоянным предметом критики и дебатов. Однако это не следовало бы считать достаточным поводом к тому, чтобы выйти из Евросоюза или тем более дать возможный старт к его распаду в будущем. Встает вопрос о том, какой процесс будет происходить быстрее — реконструкция ЕС или его распад?

Процессы и темпы глобализации в большей степени заданы скоростью научно-технологического развития, которая опережает все остальные процессы общественного воспроизводства, включая демографическое, культурное, экономическое и политическое.

Вслед за научно-технической глобализацией вплотную идет процесс глобализации экономических и, в частности, финансовых систем. В наше время долгосрочные изменения в мировой системе финансов все в меньшей степени зависят от политиков и все больше становятся функцией внедрения новых технологий.

Названные глобальные тенденции сталкиваются с другой стороной глобализации — с общественным мнением и настроением, платформой для которых становится массовый невроз или психоз, основанные на предрассудках самоидентификации. Эти предрассудки могут произрастать на разной почве — религиозной, территориальной, этнической и наконец идеологической.

Разумеется, сказанное отнюдь не ново: в истории человечества наблюдалось множество подобных всплесков. В моменты наибольшего обострения противостояний, связанных с самоидентификацией, происходят войны, распад государств, перекройка карты мира, изменение сфер влияния. Собственно говоря, вся первая

половина XX века довольно ярко проиллюстрировала этот постулат.

После двух разрушительных мировых войн, а также сопровождающих их колониальных, гражданских войн в разных уголках мира — Китае, СССР, Африке, Латинской Америке — мир вроде бы взял длительный таймаут, для того, чтобы «отдышаться», прийти в себя после огромного количества потерь. Однако когда с арены окончательно уходят последние поколения свидетелей безумия всей первой половины XX века, стремительно разрастается новая поросль противоречий, основанных на предрассудках.

Всплеск исламистского экстремизма, выросшего на наших глазах за последние 30 лет, новая поросль националистических партий и их горластых лидеров в разных частях мира, особенно в Европе, — все это свидетельствует о том, что новые поколения, отнюдь не бывшие живыми свидетелями тягот и последствий войн и революций, так вот, эти поколения, под воздействием своих лидеров, все же могут быть втянуты в бесконечное количество гибридных войн, которые, в свою очередь, разрастаются в мировые конфликты.

Здесь уместно вспомнить, что главным мотивом создания Евросоюза послужил призыв Уинстона Черчилля. В 1946 году в своей речи в Цюрихе он призывал к скорейшему созданию Соединенных Штатов Европы — с целью предотвращения возможных будущих конфликтов на континенте. И лишь затем возник «союз угля и стали» и последующие шаги, приведшие к созданию Общего Рынка и ЕС.

К очевидным и неизбежным последствиям вчерашнего голосования для Великобритании следует отнести: — пересмотр договоров о торговле с более чем шестьюдесятью странами;

— длительное падение курса фунта стерлингов;

— серьезные затруднения в получении кредитов из-за рубежа и возможность увеличения национального долга (в частности, рейтинговое агентство Стандард & Пурс пересмотрят AAA рейтинг Великобритании; таким образом, стоимость внешних заимствований возрастет);

— повышение стоимости жизни, включая цены на товары и услуги;

— изменение миграционной политики, которая повлечет за собой отток из Великобритании рабочей силы, мигрантов из стран ЕС и, соответственно, нехватку трудовых ресурсов из-за невозможности ее восполнения контингентом тех, кто проголосовал за Брексит;

— отток за рубеж значительной части молодых и образованных специалистов;

— увеличение противоречий и конфликтов между двумя социальными группами граждан, голосовавших противоположно.

На первый взгляд, для всего остального мира сами по себе результаты вчерашнего голосования пока еще ничего существенного не изменят.

Пожалуй, не лишне вспомнить, что около двух миллиардов людей на планете пользуется банковскими услугами, а с другой стороны — приблизительно столько же людей живут на доход, не превышающий 10 долларов в день. Тем не менее отдаленные последствия вчерашнего референдума прежде всего скажутся на Европе: это голосование может послужить спусковым крючком к серии других референдумов по принципу «эффекта домино», о чем уже поторопились сделать заявления лидеры националистических партий во Франции, Дании, Голландии и Ирландии. В отдаленной перспективе можно ожидать, что между европейскими государствами и третьими странами образуются новые союзы — с целью ослабления Великобритании на политической арене. В конечном итоге не исключено, что Евросоюз распадется, и это будет, по выражению одного известного политика, «геополитической катастрофой» — на сей раз мирового масштаба.

Не было бы оснований к столь пессимистическим выводам, если было бы возможно полагать, что парламент Великобритании сумеет воспользоваться своим правом вето на результаты голосования. В соответствии с процедурой, эти результаты вообще-то должны быть одобрены парламентом с учетом всех возможных последствий, ибо без этого референдум сам по себе еще не означает автоматического выхода из Евросоюза. Правительство и его лидеры не только имеют право, но и обязаны до окончательного утверждения результатов голосования сделать то, чего они не сделали до сих пор, а именно: проанализировать все «про» и «контра». Однако, судя по сегодняшним высказываниям премьер-министра и ряда его коллег, они не обладают достаточной политической волей, а также, по-видимому, достаточной интеллектуальной смелостью. «...Здесь нужно, чтоб душа была тверда, здесь страх не должен подавать совета...» (Данте, «Божественная комедия», песнь 13-я).

Лондон, 24 июня 2016 г.

Специально для «Вестника Европы»

СТРАСТИ ВОКРУГ БРЕКСИТА

(10 НОЯБРЯ 2016)

Преыдущая статья была написана спустя несколько часов после голосования по Брекситу и потому не могла в достаточной мере содержать аналитический взгляд на последствия принятого решения. С тех пор прошло четыре месяца, в течение которых появились сотни аналитических материалов, авторство которых принадлежит крупным исследовательским центрам, таким как Лондонская школа экономики, Королевское казначейство, Организация экономического сотрудничества и развития и ряду других. Одновременно с этим множество авторов продолжают высказываться по поводу близких и отдаленных последствий Брексита в средствах массовой информации. Отметим, что во всех представленных вниманию публики аналитических материалах обсуждаются главным образом важнейшие экономические последствия этого решения.

Наконец, лишь 12 октября британский парламент начал обсуждение вопросов, связанных с условиями предстоящего выхода Великобритании из Евросоюза. За период с октября 2016 по март 2017-го парламент будет ежедневно обсуждать по одному из 180 вопросов, поднятых в связи с предстоящей процедурой выхода из Евросоюза.

Что же касается социальных последствий данного события, то из всего спектра таковых далеко не полное отражение нашли две группы проблем:

— предстоящая потеря рабочих мест в связи с выводом многих предприятий за пределы Великобритании: ожидается сокращение более 500 тысяч рабочих мест («Файнэншиал Таймс», 23.05.2016, подсчеты, проведенные государственным Казначейством) и связанное с этим повышение числа безработных до 7% от числа занятых в стране;

— резко возросший уровень ксенофобии, расизма и преступлений на этой почве. На данный момент вопрос о растущем социальном расслоении британского общества еще не осмыслен с достаточной глубиной. Отмечается лишь первое зримое и явственно осязаемое осознание разделенности общества по отношению к Брекситу.

Важно попытаться проанализировать последствия принимаемых сегодня Великобританией решений на фоне глобальных трендов экономики, политики, социальной мобильности, а также нынешних и возможных будущих конфликтов в сфере как экономических интересов, так и геополитических противостояний.

Балансы, нарушение которых опасно

Для понимания происходящих и будущих изменений важно оценить возможные нарушения равновесия систем жизнеобеспечения. В любом типе общественного устройства мы можем выделить основные системы жизнеобеспечения, воспроизводство которых и баланс между ними определяются направлением развития той или иной общественной системы в целом, будь то город, поселение, государство, содружество государств, а также и мировое сообщество. К числу главных из них относятся следующие виды воспроизводства:

- территория, экология;
- популяция населения, то есть демография;
- инфраструктура;
- культура и образование;
- экономика, включая производство и потребление;
- социальная структура населения;
- ценностная ориентация населения;
- системы управления, включая государственную власть и ее тип.

Разумеется, все названные системы воспроизводства в своем развитии проходят различные состояния (роста, стабильности, падения и т.п.). Однако они постоянно взаимодействуют между собой, и в том случае, когда любая из них приходит в нестабильное положение, возникает опасность дисбаланса их совокупности и — как следствие — конфликтов (порой даже трагических) интересов, и их носителей — будь то государства, социальные группы (в том числе национальные), экономические, политические или другие типы сообществ людей. Например, прогнозируемая потеря

рабочих мест в результате Брексита в 500 тысяч, вместе с имеющейся уже безработицей в 1 млн. 650 тыс., составит свыше 7% от общей совокупности рабочих мест (31 млн. 811 тыс на август 2016 года, по данным Офиса национальной статистики Великобритании). Даже если в среднем подсчитать минимальные расходы на содержание этой армии безработных, то дополнительная нагрузка на британский бюджет составит около 24 млрд фунтов стерлингов в год.

В контексте данной работы нам важно понять, какие из возможных дисбалансов — нарушений равновесия в системах жизнеобеспечения могут иметь настолько негативные последствия для Великобритании, Европейского Союза и для мира на континенте, что их результаты окажутся необратимыми. А потому напомним, какие из намечающихся диспропорций в британском обществе могут стать причиной возможного кризиса.

Как было показано выше, экономическое бремя Брексита приведет к повышению стоимости жизни и значительному снижению покупательной способности населения (кризис потребительского рынка).

Конкурентные условия, созданные в европейских странах, станут более привлекательными для британских финансовых институтов, что приведёт к уходу из Великобритании значительной части такого рода организаций.

Усилится диспропорция в экономическом развитии отдельных регионов Великобритании: север и северо-восток — традиционно экономически депрессивные регионы, в прошлом центры мировой текстильной промышленности; Уэльс и Корнуэлл — бывшие районы добычи угля, олова, свинца и т.п., Мидландс — регион, где сконцентрированы промышленные производства, ряд которых принадлежит иностранным инвесторам, и может оказаться невыгодным за пределами зоны Евросоюза.

Перечисленные причины возможных серьезных диспропорций в британской экономике, разумеется, требуют более подробного рассмотрения, которое должно было быть предметом специального исследования, и, **на наш взгляд, должно было предшествовать референдуму, а не констатировать его последствия.**

Немаловажным для объяснения происходящего сегодня в Великобритании является также понимание причин, аргументации, целевых установок и мотивов поведения лидеров, принимающих политические решения, приведшие страну к нынешнему тревожному состоянию.

Почему «прорвало» именно в Великобритании?

Я уже вспоминал о том, что идея Евросоюза, как «Соединенных Штатов Европы» была впервые выдвинута сэром Уинстоном Черчиллем (в его выступлении в университете Цюриха «Обращение к академической молодежи») в 1946 году с подчеркнутой им мотивацией — **предотвратить возможные будущие конфликты** на Европейском континенте, который на протяжении многих столетий являлся не только источником реформации Ренессанса Просвещения, новых технологий, но и тем беспокойным местом, где вызревали революции, происходили локальные и мировые войны.

Первой фазой создания ЕС был «Европейский союз угля и стали», основанный в 1951 году после подписания Парижского Соглашения шестью странами: Францией, Германией, Нидерландами, Италией, Бельгией и Люксембургом. В 1957 году эти же страны подписали Римский Договор, положивший основание Таможенного союза и Общего Рынка в будущем. К настоящему времени число стран — членов ЕС возросло с шести до двадцати восьми.

Одновременно с ростом Евросоюза росли и его бюрократические системы (к настоящему времени они насчитывают около 50 тысяч чиновников, непосредственно занятых в его управленческих структурах). Естественным следствием развития бюрократических систем является их усложнение и стремление к постоянному росту — расширенному воспроизводству. Отсюда и множество ограничений, которые часто вызывают справедливое недовольство многих стран — участников ЕС. Этим странам внутри Евросоюза недостает федерализма как в экономическом, так и в политическом смысле.

Несмотря на многочисленные недостатки в системе управления, Евросоюз на мой взгляд, остается лучшим из проектов общественного устройства за всю историю человечества.

Со дня окончания Второй мировой войны, унесшей десятки миллионов жизней прошло более семидесяти лет. Европа живет в мире, без внутренних границ между государствами — членами ЕС; создана самая мощная в мире экономика, реализован проект «государства всеобщего благоденствия», насчитывающего приблизительно 510 миллионов человек.

Без Евросоюза, который не раз продемонстрировал беспрецедентную ранее солидарность в решении эконо-

мических и социально-политических задач, мир не получил бы созданного в ЕС прообраза мирового государства будущего, которое позволит решать конфликты межнациональных интересов. Но 70 лет — это тот срок, в течение которого уходят (и почти ушли) поколения людей, помнящих все ужасы Второй мировой войны, а сама война остается скорее лишь как воспоминание о победах и праздновании их.

Социально-психологические последствия Брексита

Несколько слов мы хотели бы посвятить социально-психологическим последствиям Брексита.

Проголосовавших за Брексит оказалось всего на полтора процента больше, но с несогласной половиной общества почему-то было решено не считаться — вопреки британской традиции уважать мнение меньшинства. Не говорим уже о том, что многие голосовавшие за выход из ЕС были введены в заблуждение, и случись повторное голосование — они поменяли бы свое мнение, как показывают социологические опросы.

Чем больше мы изучаем материалы различных аналитиков, финансистов, политиков, тем острее встает вопрос о том, кто же является бенефициарами этого исторического решения, которое уже повлияло самым отрицательным образом на состояние умов в Евросоюзе. Брексит вызвал вспышку популярности ксенофобов в самых разных странах. В Польше, Венгрии, Австрии, Франции, Дании, Нидерландах, Греции отмечается рост популярности националистических партий и движений. Политики в третьих странах, никогда не желавшие успеха идее Европейского Союза, привыкшие лавировать с помощью временных тактических союзов и интриг, заметно оживились.

Отмеченное ранее резкое увеличение преступлений на почве ксенофобии и расизма уже за первый месяц после референдума выросло в стране в целом на 57%, а по отдельным видам преступлений — до 78% по сравнению с тем же периодом 2015 года. Из наиболее звучных следует отметить убийство проевропейского депутата от лейбористской партии Хелен Джоан Кокс, разгром польского культурного центра; наряду с этим есть большое количество обращений восточноевропейцев и мусульман в связи с нападениями на них. В этом отношении можно процитировать слова депу-

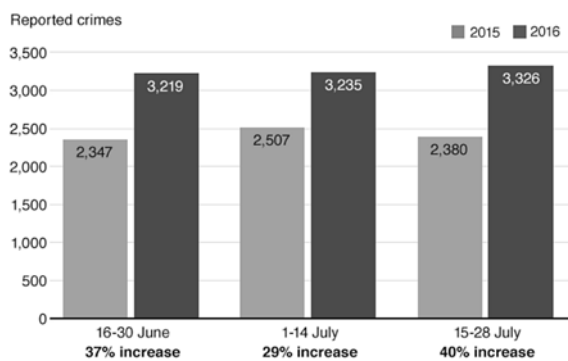
тата британского парламента от либерально-демократической партии Алистера Кармайкла, который сказал, что увеличение ксенофобии и расизма в обществе — «это следствие ужасной, разделяющей агитационной кампании референдума, которая разъединила общины, семьи и соседей».

К числу важных фоновых обстоятельств мирового характера следует отнести политическую нестабильность, отраженную в ряде региональных конфликтов на Ближнем Востоке, в Азии, Африке и более того — в Европе. Новая фаза противостояний, называемая многими «холодной войной», вовлекает в себя все большее количество стран, образующих новые альянсы, действия которых плохо прогнозируемы. На этом фоне Брексит, безусловно, усилит раскол в британском обществе, о котором мы упоминали, и приведет к созданию брешей в системе британской безопасности.

О миграции внутри ЕС и извне

Хотелось бы напомнить, что большая часть миграции в современном мире — результат перемещения масс людей вследствие утраты достаточных источников воды и питания в ряде регионов Африки, Азии и Латинской Америки и островов Тихого океана, а также вследствие локальных конфликтов, которые перерастают в международные. К слову сказать, соотношение между первой и последней группой причин — соответствен-

Hate crime in the UK after EU referendum

Рост ксенофобии в Британии до и после референдума, источник ВВС

но, 70:30 процентов приблизительно. В ближайшие 7–10 лет общий объем миграции населения в мире (по оценкам Международной организации по миграции) возрастет до двухсот млн человек в год. На этом фоне уровень современной миграции в Великобританию, который с февраля 2015 по март 2016 года (данные британской государственной статистики), составил 327 тыс человек, 50% из которых — трудовые мигранты, налогоплательщики из стран Евросоюза. Очевидно, что меры британского правительства по борьбе с миграцией направлены в первую очередь на эту категорию, ибо с мигрантами из стран Азии, Африки и Латинской Америки правительство Великобритании, как правило, просто не знает что делать и каким образом отправлять их на родину. Если даже считать, что после выхода из ЕС миграция из европейских стран упадет до нуля, то число и темпы прироста мигрантов из неевропейских стран будут гораздо большими, нежели сделанные нынешним премьер-министром Терезой Мэй. См. график ниже.

Изгнание же европейцев из Великобритании, которое, по сути дела, уже началось, приведет к безусловным дисбалансам в системе рабочих мест. Мы уже назвали ожидаемую цифру сокращений, которые произойдут в сферах строительства, торгового и финансового обслуживания на низовом уровне, а также в сфере медицинского и социального обеспечения. Однако очевидно, что они приведут к принципиальным диспропорциям — дисбалансам в системах жизнеобеспечения общества. В частности, до сих пор отсутствуют обоснованные оценки стоимости возвращения мигрантов из пределов ЕС в страны исхода, и усиления пограничного контроля, которые должны быть учтены в бюджете страны. Полагаю, что речь может идти о десятках миллиардов фунтов стерлингов. Названные изменения с неизбежностью ведут за собой дисбалансы дальнейших систем воспроизводства рынка сбыта товаров и услуг, покупательной способности населения и, как следствие — возникновение кризисных ситуаций в системе воспроизводства экономики в целом.

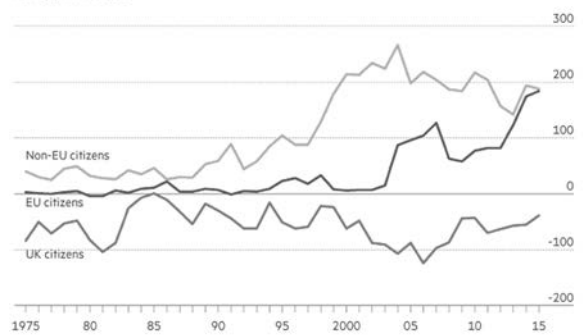
Наряду с этим нельзя упустить из виду, что все мы живем во времена обострившихся тенденций кризиса концепции «государства всеобщего благоденствия». Эта теория, реализованная на практике в развитии ряда европейских государств и США начиная с середины 1950-х годов и по настоящее время, смогла быть осуществлена за счет вывода из этих государств произ-

водство, требовавших ручного труда, в страны с «демографической экономикой» — такие как Китай, Южная Корея, Индия, Пакистан, Бразилия, Чили, а также ряд стран Африки. Однако в связи с повышением технологической оснащенности и стоимости рабочей силы к настоящему времени страны «золотого миллиарда» уже не могут позволить себе продолжать осуществлять собственное «всеобщее благоденствие» за счет демографической экономики в других странах. Великобритания позволила себе вывести ряд производственных отраслей, и теперь наступило время пожинать плоды этих решений, принятых ранее. Какую же структурную перестройку изберет новое руководство страны и каким образом она будет осуществлена?

Тут срослось сразу несколько факторов, вызвавших кризис «социального государства» — высоких, а то и чрезмерных государственных обязательств, о которых 10 лет назад писал Егор Гайдар в работе «Долгое время»: кризис современной пенсионной системы, страхования вкладов и сбережений. Вдруг выяснилось, что сама философия накопления, сбережения, аккумуляции материальных ценностей, богатства в современном мире находится под большим вопросом. Под угрозой оказалась философия сохранения достатка, статуса, классового воспроизводства под угрозой.

Это одна из важнейших причин неуверенности в завтрашнем дне граждан современного западного общества. В частности, нынешнее первое поколение молодых будут жить гораздо скромнее, нежели их родители;

Migration by citizenship
Net migration ('000s)

Source: ONS

FT

Миграция по гражданству, источник: Financial Times, сайт Национальной Статистики Великобритании

детям вряд ли удастся достигнуть уровня жизни предыдущих поколений.

В такое непростое время просыпаются извечные враги человека — «призраки Пещеры» («Государство Платона»), а вместе с ними вновь становится болезненной проблема самоидентификации, часто определяемой оппозицией «мы–они», «свои–чужие» и т.п. Как мы уже отмечали в предыдущих заметках, предрасудки самоидентификации могут возникать на разной почве — территориальной, национальной, религиозной, профессиональной и т.д.

Главным аргументом для мотивации голосования за Брексит для многих как раз и явилась проблема миграции и ее последствия, которая в средствах массовой информации обсуждалась на популистском уровне с использованием лозунгов, символов и имиджей, сильно воздействующих на эмоциональное восприятие людей, прежде всего в сфере их самоидентификации. Наиболее распространенным лозунгом на демонстрациях и публичных выступлениях накануне голосования был: «мы — британцы и сами хотим управлять своей страной».

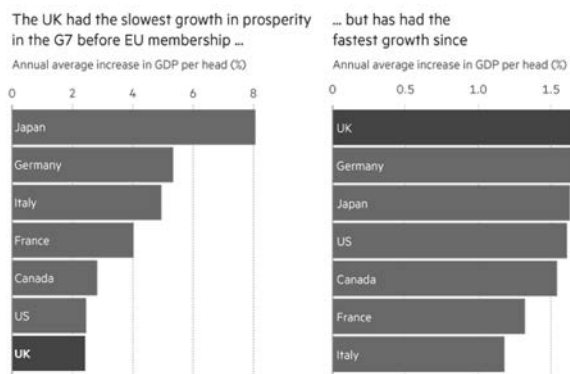

Бегство капитала и поиски новых партнеров

В этой связи возникает вопрос: какие меры могут быть приняты государством, объявившим Брексит «окончательным решением», для того чтобы остановить бегство международного и собственного капитала. Ясно, что когда правительство одновременно объявляет об увеличении корпоративных налогов, а также ряда косвенных налогов, возникающих в связи с изменениями таможенных пошлин, бегство капитала только усилится. Напомним читателю, что в системе экспорта-импорта Великобритании первая составляющая — экспорт в ЕС равен 44%, а импорт из ЕС — 53%. В настоящий момент не представляется возможным подсчитать дополнительные таможенные нагрузки как на экспорт так и на импорт, которые возникнут при подписании новых торговых договоров со всеми европейскими странами. Однако ясно, что уровень стоимости потребительской корзины существенно повысится. По оценке нынешнего главы государственного Казначейства Филипа Хаммонда (Philip Hammond to be pressed on risks of UK leaving EU customs union — «Гардиан», 19.10.2016), затраты, связанные с выходом из ЕС, воз-

можно, будут равняться 4,5% от общего ВВП Великобритании, что может составить сумму в 1 трл фунтов стерлингов в течение предстоящих 15 лет. Страна услышала об этом лишь на прошлой неделе и пропустила сообщение мимо ушей.

Другим важным внешним фактором, который следует учитывать, является ситуация с экономикой развивающихся рынков (Китай, Бразилия, Индия и др.), которые британское правительство прочит себе в новые торговые партнеры. На этих рынках намечилось длящееся снижение объемов торговли, инвестиций при давлении взятых на себя ранее обязательств по корпоративным кредитам и инвестициям, вслед за чем, безусловно, наступает замедление производства. Это один из важных в настоящее время мировых трендов. Проиллюстрируем его на примере Китая, крупнейшего игрока на развивающихся рынках (на август 2016 года индустриальное производство выросло на 6%, инвестиции в фиксированные активы — на 8,1%, что является более низким показателем по сравнению с 2015 годом). Одновременно с этим происходит замедление производства в США, в определенной степени также обусловленное обязательствами, взятыми ранее, но уже в связи с увеличением роста государственного долга и оплат по нему (госдолг США на январь 2016 года составил почти 19 триллионов долларов). На этом фоне прогноз торгового оборота Великобритании скорее будет отрицательным в ближайшие годы. Соответственно, как раз на пе-

Source: The Conference Board

FT

Темпы роста британской экономики до и после вступления в ЕС, источники: Financial Times, The Conference Board

риод выхода из Евросоюза придется волна замедления производства в Великобритании. Обратите внимание на данные, приведенные в «Financial Times» в июне этого года о темпах роста Великобритании до и после 1973 года — даты вступления Великобритании в ЕС. До 1973 она занимала седьмое место в мире по темпам роста собственной экономики; за период пребывания в Евросоюзе она вышла на первое место, по темпам роста опережая США, Японию, Германию, Францию, Канаду и Италию. Удастся ли сохранить эти темпы по выходе из ЕС — весьма сомнительно.

Следующий из внешних факторов, который необходимо учитывать: как будут меняться пропорции между разными типами «базовых экономик». Поясним, что мы имеем в виду основные типы экономик в современном мире:

- демографическая (основанная на высокой рождаемости и дешевой рабочей силе);
- сырьевая (основанная на добыче и продаже разнообразных полезных ископаемых);
- технологическая (основанная на производстве идей, ведущих к созданию новых технологий во всех областях человеческой деятельности).

Разумеется, внутри одной экономики существуют и разнообразные комбинации вышеназванных типов. Ярким примером перехода от по преимуществу демографического типа к смешанному с технологическим является Китай. Брексит как любая структурная перестройка замедлит процессы роста, в том числе и технологических инноваций вследствие вынужденно уменьшения инвестиций.

До последнего времени Великобритания принадлежала к тому типу экономики, который мы здесь назвали технологическим. Вследствие Брексита технологическая составляющая экономики может уменьшиться, возрастает роль сектора туристического обслуживания, что повлечет за собой снижение темпов роста и доходности экономики, а также ухудшение образовательных параметров социальной структуры населения.

Место Великобритании в мировой финансовой системе

Важнейшим внешним фактором, определяющим экономическую ситуацию во всем мире, являются происходящие на наших глазах глубокие изменения в мировой

финансовой системе. Остановимся несколько подробнее на этой теме, ибо Великобритания является ведущим игроком на рынке финансовых услуг. Напомним, что с того момента, когда цивилизация стала использовать деньги, они имели три главных функции: первая — как рыночный эквивалент обмена товарами, услугами и трудом; вторая — как единица монетарного стандарта (например, золотого стандарта) и третья — как продукт торговли (в том числе многообразными финансовыми инструментами — ценными бумагами, долговыми обязательствами, гарантиями и т.п.). Традиционно пропорции между первыми двумя функциями в сравнении с третьей составляли около 80%:20%. Однако вследствие технологической революции в XX веке и возникновения современной банковской системы с ее электронными формами торговли и высокоспециализированными финансовыми инструментами (включая синтетические деривативы), последняя функция (использование финансов как товара) необычайно возросла. В соответствии со статистикой, представленной Институтом Милкен в июне 2014 года, общий баланс зафиксированный на банковских счетах пятидесяти крупнейших банков мира, в 1990 году составлял около 10 триллионов долларов, а к 2013 году он вырос до 67 триллионов долларов (то есть более чем в 7 раз за 23 года). Еще более впечатляющей является общая сумма забалансовых активов, которая составляет более 700 триллионов долларов США, что превышает стоимость всей мировой экономики более чем в 10 раз (по данным Форбс). Это демонстрирует то, что торговая функция денег за последние 50 лет выросла приблизительно в 50 раз.

Кризис 2007 года, который начался в ипотечном и банковском секторе США и распространился по всему миру, совершенно отличался от предыдущих кризисов.

В чем эти различия и каковы их причины. Во-первых, это технологическая революция:

- возникновение всемирной электронной интернет-сети, связывающей мировую банковскую систему в единое целое;
- развитие высокоскоростных компьютерных торговых и финансовых систем.

Все это вместе позволило участникам рынка создать движение капитала с беспрецедентной скоростью (два основных качества современной компьютерной технологии: это скорость и новые достижения в области миниатюризации, и как результат этого — созда-

ние гигантских баз данных, позволяющих мгновенный многофакторный анализ рынка) и тем самым увеличить, усложнить и специализировать рынок производных ценных бумаг настолько, что государственные надзорные органы, которые обязаны регулировать этот рынок, не успевают за его развитием. Современное законодательство, регулирующее финансовые рынки, не учитывает скорость развития технологий.

Кризис 2000-х (так называемый пузырь «до-тком») можно с уверенностью назвать предтечей кризиса 2007 года. На сегодняшний день это уже история, но вспомним, что кризис 2000-х стал отражением доступности интернет-технологий и изменения общественного мнения по отношению к ним, превращение их в жизненно-важную необходимость. Как кризис 2000-х так и кризис 2007 года, начавшийся из-за переоценки рынка недвижимости США, были прямыми и косвенными следствиями доступности и развития интернета и электронных систем многократной торговли финансовыми инструментами, которая привела к невероятному объему накоплений токсичных активов в глобальной банковской системе. Это активы, не отражающие реальной стоимости произведенных товаров и услуг на рынке, мы называем их виртуальными финансами (не путать с виртуальной валютой типа биткоин и т.п.).

Именно этим и объясняется разрыв в между общей стоимостью мировой экономики (около 70 триллионов долларов) и суммой накопленных активов (около 700 триллионов долларов). Как заметил мой коллега Виктор Ярошенко, «если объем мировой экономики оценивается в 70 трл долларов, а финансовые активы — в 700 трл, то это означает, что все мы, все человечество, все страны, богатые и бедные, со всей своей деятельностью, включаемой в ВВП, товарами, работой, творчеством, услугами, рисками, компаниями — большими, как «Эпл», «Майкрософт» и «Газпром» и малыми стартапами, в сущности, составляем лишь десятую часть этого огромного моря необеспеченных финансов. Вот это и есть основная причина мировой, политической и социально-психологической неустойчивости, неопределенности или турбулентности, как стало модно говорить в последние годы. Отсюда и такое повсеместное охлаждение избирателей к элитам, экспертам и традиционным политическим силам; отсюда их симпатии к безответственным маргинальным внесистемным популистам».

В свою очередь, такие гигантские различия являются одним из важнейших факторов постоянства финансового кризиса. Обратите внимание, что в последней трети XX века два гигантских кризиса: первый — в 1973 году, вызванный падением цен на нефть и, соответственно, замедлением роста экономики; последующий — в 1987–94 годы в результате обвала фондового рынка (разница между ними была в 15 лет); следующий же кризис начала 2000-х годов, вызванный спекуляцией на акциях новых интернет-компаний, не обеспеченных доходами (разница между кризисами — 7 лет), затем ипотечный кризис в США 2007 года, который отразился и на всей мировой экономике (разница — 5 лет). И наконец, нынешнее замедление роста мировой экономики, вызвавшее падение цен на нефть, с развивающимися в настоящее время признаками предстоящего коллапса фондового рынка. Учитывая все сказанное, становится понятно, что падение роли Великобритании как мирового финансового центра будет для страны катастрофической и невозможной утратой. Такие финансовые центры, как Франкфурт, Нью-Йорк, Гонконг, Сингапур, безусловно, воспользуются ухудшением условий для удержания финансового бизнеса в Великобритании.

К слову заметим, что этот прогнозируемый результат придется на вторую половину 2017 года. Планируемые переговоры по Брекситу начнутся в марте 2017-го и продлятся около двух лет, а окончатся, скорее всего, в период разгара очередного финансового кризиса.

Кризис европейской бюрократии

Нельзя сказать, что в нынешней структуре Евросоюза, в его законодательстве и органах управления все благополучно. Брексит и стал реакцией на это неблагополучие. Уже назрело и многими европейцами поддерживается мнение о том, что Евросоюз нуждается в большем экономическом и политическом федерализме. Это предполагает значительно большую, чем сегодня, свободу для принятия решений отдельными странами — членами ЕС в торговле, законодательстве; для увеличение разнообразия стандартов в сфере производства и организации его потребления. Необходимо стимулировать «малые» производства, предприятия торговли и сферы обслуживания, т. е. те места, где трудится значительная часть среднего класса. В этой свободе предпринимательства особенно нуждаются «новые» члены

ЕС — страны, вступившие в него в XXI веке. Проблема создания успешного среднего класса в странах Балтии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии стоит, конечно, острее, чем в Великобритании или во Франции. Однако и для стран — основоположников ЕС проблема сохранения и развития среднего класса в условиях все возрастающей монополизации всех видов бизнеса очень важна.

Большой контроль за распределением и использованием бюджетов, уменьшение аппарата бюрократических систем, и передача многих полномочий органам местного самоуправления — вот те проблемы, которые стоят перед руководством ЕС, если оно желает сохранить Союз.

Тем не менее, на мой взгляд, создание Евросоюза и его существование на протяжении почти шестидесяти лет продемонстрировали, что это лучший эксперимент межгосударственного союза, позволившего сохранить и упрочить мир на континенте, создать новые беспрецедентные формы человеческого взаимодействия и взаимопонимания. В эпоху глобализации это особенно важно и может послужить примером для многих других регионов мира.

В ближайшем будущем Великобритания должна будет заключить новые торговые договоры с каждой из 27 стран ЕС, а также со многими другими странами, с которыми нынешние торговые отношения проходят через ЕС. Это внешняя экономическая задача. Что же касается разлома современного британского общества,

преодоление его не начинается и не заканчивается Брекситом. Как сказал Мартин Вульф в своей публикации в “Financial Times” «Брексит — это самое плохое событие, случившееся после окончания Второй мировой войны».

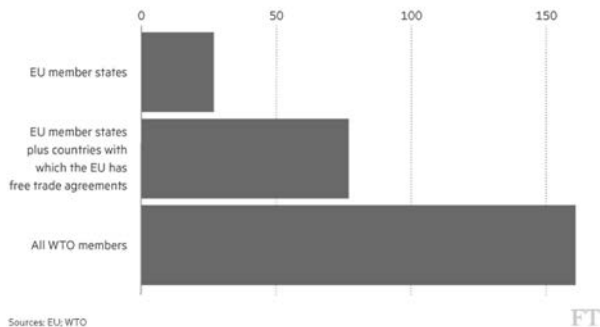
Мы намерены продолжать освещать эту тему во многих ее аспектах в последующих публикациях.

■
Постскриптум

Во время написания данной работы Высокий суд Великобритании постановил, что правительство не может объявить о введении в действие статьи 50 Лиссабонского договора (формально запускающей процедуру выхода из Евросоюза) без предварительного одобрения парламента. На наш взгляд, это позитивное событие. В случае же, если парламент не одобрит выход из Евросоюза, это будет положительным решением как для Великобритании, так и для ЕС, скорее всего, повлечет за собой реформирование самого Евросоюза, его многочисленного бюрократического аппарата, систем управления и делегирования более широких полномочий правительствами и парламентам стран — членов ЕС, более демократической формы федерализации и укреплению самого Евросоюза на равных основаниях для всех участников.

В ответ на решение Высокого суда премьер-министр и правительство обратились в Верховный суд, который и должен до конца января 2017 года принять решение о том, будет ли парламент обсуждать одобрение результатов голосования по Брекситу и тем самым его дальнейшую судьбу. Доводы правительства опираются на принятое давно решение о полномочиях правительства (royal prerogative), в соответствии с которым оно имеет право принимать решения, касающиеся внешнеполитической деятельности, без обязательного утверждения их парламентом. Однако абсолютно очевидно, что проблема Брексита — далеко не только внешнеполитическая, но она коренным образом затрагивает глубинные экономические и социальные процессы внутри страны, а потому это должно стать предметом для утверждения Брексита парламентом. Каким бы ни был исход этой ситуации, она послужит толчком к общественному обсуждению во всех странах — членах Евросоюза вопроса о том, каким образом необходимо совершенствовать механизмы и структуры управления ЕС. В день окончания этой статьи мы узнали о резуль-

Who would Britain have to negotiate a trade deal with?
Number of countries Britain would need to agree trade deals with to replicate its EU trading arrangement

С кем Британия должна заключить торговые соглашения, источники: Financial Times, Евростат, ВТО

татах президентских выборов в США, которые невероятным образом напоминают результаты голосования по Брекситу. Что же общего в этих событиях?

Во-первых:

— структура голосовавших: уже утренние аналитические данные из США о различиях между избирателями говорят о том, что победила в основном срединная, провинциальная Америка — в этих штатах средний возраст избирателей — 40 лет и старше; уровень их образования в основном низкий или средний, а уровень занятости населения ниже, чем в промышленных штатах, где подавляющее большинство — молодые образованные налогоплательщики, которые поддержали демократов.

Во-вторых:

— победили популистские лозунги — обещание уменьшить миграцию, внешние расходы, сконцентрироваться на решении внутренних проблем. Следует отметить, что, в отличие от голосовавших по Брекситу, представители крупного местного бизнеса в США поддержали кандидатуру Дональда Трампа.

Очевидно, что подобные процессы происходят сегодня во многих странах мира, их общее свойство и возможная судьба — сепаратизм, когда каждый разбегается по этнонациональным «квартирам». По-видимому, одной из главных проблем XXI века становится борьба глобализации с сепаратизмом, которая может привести к самым неожиданным комбинациям этих компонентов.

В заключение, мы хотим предложить вашему вниманию ряд высказываний участников дискуссии о Брексите.

■ ■ ■

Лорд Тайлер

(партия либеральных демократов Британского парламента):

«...хотелось бы спросить Правительство Ее Величества, как их план инициировать Артикуль 50 соотносится с обещанием, записанным в манифесте Консервативной партии в 2010 году: использование королевской прерогативы дает парламенту больший демократический контроль и таким образом делает парламент более вовлеченным в принятие больших национальных решений?».

«...отказалась ли премьер-министр от следования манифесту 2010 года; или она сейчас предлагает не рассматривать его, как большое национальное решение?»

Или же она больше не верит, что может вернуть контроль над парламентом, хотя нам продолжают говорить, что парламент суверенен? Либо это все три вышеназванные причины вместе?»

Баронесса Лудфорд

(партия либеральных демократов Британского парламента):

«...не мог бы министр уточнить до сих пор ли верит консервативная партия в суверенитет парламента или же в радикальный левый популистский смысл парламента суверенитета?»

Кир Стармер

(лейбористская партия Британского парламента):

«...мы обсуждаем вопрос суверенитета парламента, но это не только политический вопрос, хотя он и важен с политической точки зрения. Закрытая, секретная манера обсуждения, принятая правительством, вызывает большую обеспокоенность. В манифесте консервативной партии 2015 года записано следующее обязательство: “защитить интересы Британии в Общем Рынке”, но в последнее время правительство подчеркнуло, что членство в Общем Рынке не является приоритетом в переговорах по Брекситу...»

Стефен Гетинс

(партия шотландских националистов):

«...европейские) субсидии — это серьезный вопрос для рыбаков, фермеров, университетов и других, которые в своей работе полагаются на сотрудничество с Евросоюзом. Нам приходится работать с небрежным правительством, которое не посвящает нас в детали; которое строит работу на безответственности голосовавших за выход из Евросоюза».

«...три сторонника Брексита и их друзья привели нас к очередному “чудесному” беспорядку и не могут нам сообщить, как они собираются выволить нас из него».

Кен Кларк

(консервативная партия):

«...не существует даже двух сторонников Брексита, которые были бы согласны друг с другом даже сегодня на этих скамьях...»

Едвард Милибанд

(лейбористская партия):

«...я хотел бы начать с того, с чего необходимо начать, — с состояния страны. Давайте честно признаем себе: страна находится в состоянии глубокого разделения...»

Джон Мэйджор

(бывший премьер-министр о заявлениях сторонников Брексита, что якобы 88 миллионов турок получат право жить и работать в Великобритании):

«Это нонсенс, нонсенс на ходулях».

Стелла Креаси

(лейбористская партия):

«Уход — это не стиль суфражисток, это стиль сдавшихся жен...»

Лорд Брайан Гриффитс

(консервативная партия):

«...Правительство должно срочно показать бизнесу, что оно действует в духе деловых отношений, потому что частный бизнес не будет ждать по расписанию политических партий или юридических собраний...»

Пэйшенс Уиткрофт

(консервативная партия):

«...Будет гораздо тяжелее провести закон о выходе из ЕС через обе палаты парламента. В палате лордов — всего 243 консерватора из 798...»

Пол Боев

(юрист, старший преподаватель Школы юриспруденции Суссекского университета):

«...В большинстве демократий установить конституционные нормы создания или выхода из международных соглашений достаточно просто, эта процедура записана в конституции. [Однако] Великобритания не имеет такого документа, как конституция. Наша конституция состоит из разрозненных законов, конвенций и общего права...»

АС Грейлинг

(магистр Нового колледжа гуманитарных наук):

«...Популизм поднимает голос по обеим сторонам Атлантики — в феномене Трампа в США, в голосовании за Брексит в Великобритании, в других сепаратистских движениях в Евросоюзе. Популизм означает, что простые люди отталкивают от себя правящие элиты и выражают свое неудовольствие...»

Падди Эшдан

(либерально-демократическая партия):

«...Возможно, наша страна уходит от интернационализма в узконаправленный изоляционизм и прокладывает путь к более брутальным и нецивилизованным ценностям...»

Пол Джонсон

директор Института фискальных наук, профессор департамента экономики Лондонского университета):

«...если мы окажемся за пределами Общего Рынка и потеряем большую часть финансового сектора, все остальные должны будут платить огромные налоги или жить в условиях резко ухудшившихся государственных услуг».

Пол Уоллас

(бывший редактор Европейского Экономического отдела журнала Экономист, автор книги «Евроэксперимент»):

«...значение Брексита будет определено не только тем, чего хочет Великобритания, но и тем, на что согласится остальная Европа...»

Автор выражает глубокую благодарность Виктории Никишиной за помощь в подготовке представленных статей.

© Текст: Михаил Борщевский

Михаил БОРЩЕВСКИЙ — главный редактор журнала "Herald of Europe" (UK, London), член редсовета журнала «Вестник Европы», член Британского института международных отношений (Chatham House)

Art for Art sake

1982. Installation.

M. Roshal/Fedorov.

Я и художники 1980-х

Мы все были андерграундом. Разумной подземной сетью — грибницей, вскоре открывшейся миру в сети, знающей и сохраняющей всё. Потому осталось и то, что не имело материальных носителей: акции группы «Коллективные действия», перед которыми бульдозер был бессилен, и картины, в которых можно уничтожить холст, но не само произведение, обретающее вечную жизнь в цифровой реальности.

Мы были малым народом среди большого — у таких все оказываются пусть и дальними, но родственниками. Художники-нонконформисты как явление родились в тот же день, что и я, 15 сентября — знаменитая «бульдозерная» выставка. Тогда их было немного, но с тех пор они стали размножаться в геометрической прогрессии, создавая новую реальность — частного пространства, — политически оформившуюся в 1991 году. «Старой» реальности, собственно, уже и не было — так, обветшавшая декорация партийного визуального стандарта да волапук государственной идеологии. Государственным по закону было всё, но закон пришлось изменить, просто чтоб выжить.

Я с детства увлекалась живописью, ходила в музеи и на выставки, покупала открытки, хоть и были они плохого — советского — полигра-

фического качества; рассматривая их потом, продолжала свой диалог с картинами. Любимыми, из русской живописи, были Верещагин, Куинджи, Александр Иванов. Гора черепов, лунная ночь и явление Христа народу, не похожему на тот, который жил окрест, были моей внутренней панорамой. Боковым зрением слева я видела «Всюду жизнь» Ярошенко, справа — «Всадницу» Брюллова, Третьяковка стала для меня изобразительным рядом страны, которую я называла Россией, даже и тогда, в «союзе нерушимом», воспринимая поездки в «советские республики» как за границу. Но еще был «бугор». Иногда кто-то привозил из-за бугра альбомы итальянского издательства «Скира» с неправдоподобно прекрасной полиграфией. Постепенно я узнала и всю мировую живопись — от Учелло до импрессионистов. И точку, которая в ней была поставлена: «Черный квадрат». И другую точку, прозрачную — объектив фотоаппарата.

После этих точек многие пытались их не заметить, не придать значения, продолжать как ни в чем не бывало, но искусство продолжало спрашивать: кто мы, где находимся и куда путь держим? Если первый русский авангард был оригинальным, действительно авангардом во всемирном масштабе, то второй, о котором

и речь, повторял путь, который проходил и Запад. Датой рождения концептуализма можно считать 1953 год, работу Раушенберга (московский концептуализм родился на двадцать лет позже). Тем не менее оригинальность в работах наших художников, моих современников, была, и заключалась она не столько в художественном языке, сколько в уникальном локусе закрытого советского социума, глупевшего день ото дня, хотя внутренне «отпавшие» от него частные лица день ото дня умнели. Художники — в том числе, и даже в первых рядах.

Течений было три. Одно — не соцреализм, но просто «красивые картинки» (то были художники, оформившиеся как «двадцатка», выставившиеся в горькоме графиков на Грузинской). Я нелицеприятно упомянула эту «двадцатку» в стихотворении 1985 года (фрагмент):

Пчелороза — ария лета.

Окутанные тенором насекомого гуда
нагие озера в перьях — как дама в боа,

в которых проваливаются разгоряченные
человечки.

Липкое лето, безумное буйство упадка.

Достаточно макияжа, который наводит
на холст «двадцатка»...

Столбовая дорога, неведомая широкой публике, и все же *мейнстрим* (хоть и не было тогда этого слова), — концептуалисты, создавшие единственный в своем роде соцарт. Центральным местом была мастерская Ильи Кабакова на Сретенском бульваре, у «младоконцептуалистов» (мое поколение): в квартире Миши Рошалы, где я часто бывала, позже — в сквоте (scuat) на Фурманном. Со многими художниками я дружила, старалась не пропускать выставок (квартирных, разумеется), а завораживали меня тогда художники, остававшиеся в русле классической изобразительности, но работавшие с историей, историей искусства (фактически это были шифры).

Я восхищалась работами Дмитрия Плавинского, с которым мы тесно общались, и он познакомил меня со всем их кругом (Краснопевцевым, Штейнбергом, Немухиным), художниками старшего поколения, из которых никого уже не осталось в живых. Надо заметить, что кон-

цептуалисты того же поколения в основном живы и продолжают работать. Это связано с образом жизни тех и других, а «образ» — часть художественной практики. Одни — безбашенные (всемирный образ пьюще-куряще-кутящей творческой личности 60-х), другие (образ собранных, «деловых» 70-х) — спокойные и рассудительные.

О Плавинском в том же 1985-м я написала стихотворение:

У художника Дмитрия Плавинского

алфавит

травинки след /ступни/

бабочки

крест /рук/

Язык трется о зубы как о кремни

высечь пламя рта — звук.

*Косный и робкий язык как кол — рыбой — глаза
и хребет,*

види: глагол-угол-клин.

Изограф

клинья сочет, каждая кучка — один иероглиф.

Молочная глубина веков,

мутно горящие маяки,

красная геометрия крестов,

а насквозь Ящерица, Я или Бог

глядит, прокляну взгляд во льдах белков.

Травки, тетрафраты, плавники.

А в цинке и в меди

бедные буки, важные веди,

дугая дельта, сигма соседей в омега окна,

сушеные жители, литеры, ткани,

и где-то, теряясь вдали, в океане, стена.

У меня над письменным столом висит его картина того же времени с надписью «Теплое ощущение соседства со стихами Тани Щербины скрашивает мое одиночество».

А теперь — о других дорогих мне художниках, тех, чьи работы Благотворительный фонд Владимира Потанина подарил Франции. Выставка в Центре Помпиду, Бобуре, открылась 13 сентября 2016 года, закрытие будет 27 марта 2017 года, после чего выставка станет путешествовать по миру, навсегда оставаясь в коллек-

Татьяна Щербина. 1980-е годы.

ции Бобура, крупнейшего депозитария современного искусства.

Эдуард Штейнберг

Эдик, как его звали все, и я тоже, хотя он годился мне в отцы, и в самом деле был человеком без возраста, а отчество его было известно всем, поскольку отец его, Аркадий Акимыч (фамилия уже не требовалась) был живой легендой. О нем говорили с придыханием, его считали Учителем поэты, переводчики, художники, философы. Он соединял в себе все эти ипостаси. И был учителем своего сына. Возможно, и поэтому Эдик до старости был Эдиком. Сублильный, с горящими черными глазами, всегда растрепанный, улыбающийся, дружелюбный, но будто неотрывно думающий о чем-то своем. Он так и не стал настоящим взрослым. Будучи неизлечимо болен, будто не замечал этого, и накануне своей смерти, как вспоминал его парижский друг и коллега, был весел и жизнерадостен, поскольку закончил свою автобиографию. Со своей женой Галей они, кажется, не расставались ни на минуту и выглядели как юная влюбленная пара. Это было невероятно удачное сочетание — жена-искусствовед, с которой, наверное, бесконечно можно было обсуждать то, что было в работе. И Галя, Галина Маневич, написала о Штейнберге две книги.

С Эдиком меня познакомил Плавинский, а потом мы встречались в Париже, в те годы, когда я там жила. Виделись и у Генриха Сапгира, с которым я была дружна. У меня в голове сопоставились одно стихотворение Генриха (самое короткое в мире, как он говорил) и картина Эдика. Стихотворение такое:

Взрыв

.....

.....

Жив!

А на картине Штейнберга два неровных прямоугольничка внизу — как бы записки, метки: один белый, с надписью «родился», следом коричневый, с надписью «умер». Фон — чер-

ный, и только в верхней части этой непроницаемой темноты — узкая полоска света, парящая и над всяким (ибо всякий родился-умер), и внутри него.

Надо сказать, что некоторые его работы я помню наизусть, то есть целиком, в деталях. Учтем, что они в основном нефигуративны. Супрематизм — дуги, квадраты, круги, конусы, кресты, но расположены они так, что в них задано движение. Это как если бы модули Тенгели оказались застывшими на плоскости, а мы бы только мысленно приводили их в движение, глядя на них. Но, в отличие от модулей, это геометрия медитативная, медленная, и потому так всматривают в себя и отпечатываются внутри картины Штейнберга, что в каждой фигуре и композиции заключено некое переживание и размышление. Сам художник уверял, что его картины — не шифр, но как же не шифр, если крест на одной картине отсылает к погосту, на другой — заслоняет, на третьей — перечеркивает, на четвертой — связывает, и дуги, круги становятся солнцем, луной, чашей, Землей, отворачивающимися от тебя, наступающими или отчерчивающими одно измерение от другого.

Штейнберг жил в Москве, Тарусе, многие годы — в Париже, где и умер, а похоронить себя завещал в Тарусе, приюте гениев — от Цветаевой и Заболоцкого до Паустовского и Рихтера.

Владимир Янкилевский

8 октября 1993 года состоялось празднование моего новоселья в Париже. Дата эта сохранилась только потому, что ею подписана картина Володи Янкилевского, которую он мне по этому случаю подарил. Само событие имело для меня огромное значение, поскольку сняли мы эту квартиру вдвоем с человеком, жизнь без которого казалась мне тогда невозможной, но и с ним она была невозможной «по техническим причинам», во что мы оба тогда пытались не верить. Предыдущую квартиру в Париже нашел мне, надо сказать, Дима Пригов, без денег — их тогда не было, по обмену. Но та квартира была не только очень малень-

Эдик Штейнберг с Генрихом Сапгиром

Владимир Янкилевский
и его картинка «Счастлиное новоселье»

кой, но и эфемерной: я жила в ней неофициально, на птичьих правах, а двоим и вовсе приходилось ютиться, как птичкам на жердочке. А тут – настоящее жилье, со всем необходимым, я – легальный квартиросъемщик, мы вместе, и мне кажется, что навсегда.

А художник, хоть и надписал картинку «на счастливое новоселье», но изображен на ней мужчина, изогнутый во все стороны, перекрученный, скрюченный, да еще и на роликовых коньках. Мой спутник сразу спросил, не его ли так метафорически изобразил Володя? Но изобразил он, конечно же, меня, поскольку картина надписана мне одной. Изобразил мое внутреннее состояние, и даже не сиюминутное состояние, а целый отрезок пути, поскольку в картине есть движение вперед и одновременно назад, в невозможности идти ни туда, ни обратно.

Работы Янкилевского вообще всё, как мне кажется, – визуализация чувств, ощущений, самоощущений, трубопроводов и кротовых ходов мыслей, таких не экстерьеризируемых вещей. Есть у него огромные триптихи (самое известное), где он сталкивает внешнее и внутреннее. Дверь, шкаф, ящики – сдавливающие, загоняющие в трафарет, в клаустрофобные обстоятельства человека столь же трафаретного (как мы видим его извне), силуэт. А внутри этого силуэта – цветовыми пятнами, линиями, какими-то текучими или жесткими формами варится своя жизнь, где-то вспыхивает, где-то давит, где-то растекается по всему пространству, разделенному, как часто у Янкилевского, линией горизонта.

Янкилевский кажется мне очень закрытым художником, полной противоположностью Эрику Булатову, который обращен наружу, поскольку работает с социальным пространством, а Володя смотрит внутрь, в то, что нельзя увидеть глазами и даже рассказать словами. Словами, конечно, все можно рассказать, но в определенной логической последовательности, а сделать отпечаток «как есть» невозможно, это как рассказывать сон. Янкилевский именно «как есть» и пытается передать красками и формами. Его причисляют к экспрессионистам, и правильно, но, в отличие, скажем, от Мунка, он изображает

Михаил Рошаль

Эрик Булатов

Франциско Инфанте

не всплеск («Крик»), а целую внутреннюю историю. Как было и в моем случае.

Но «счастливое новоселье» все же состоялось, картина висит над обеденным столом моей московской квартиры как ежедневный привет от парижанина Янкилевского.

Михаил Рошаль

Миша — настоящая легенда. Оказавшись обладателем огромной по тем временам квартиры на улице Дмитрия Ульянова, он превратил ее в клуб, выставочный зал, приют, здесь родилось и все поколение «младоконцептуалистов», Мухоморы, Апт-Арт, SZ, здесь жил в узкой комнатке искусствовед Гриша Забельшанский, который приводил туда композиторов, поэтов, философов. Жизнь в «рошалевнике», как звалась Мишина квартира, не замирала ни на минуту.

Типичная картина такая: Алена Кирцова, тогдашняя жена Миши, впоследствии жена Юры Аввакумова, «красит» (пишет картину) в одной комнате. Туда же периодически сваливаются «тела» — тех, кто выпил лишку, а сам Миша пил сильно. Мироненки мастерят очередную «инсталляцию», Никита Алексеев развешивает по стенам и потолку свои акварели, в комнате Гриши набивается человек десять слушать, как он декламирует наизусть Михаила Кузмина и рассказывает байки из их (он отсюда) питерской жизни. Входная дверь почти не закрывается: одни уходят, другие приходят, кухонный стол пополняется новыми бутылками и закуской.

Бородатый Миша дефилирует посреди столпотворения, потом звонит телефон, и по квартире разносится клич: ГБ! Завтра приезжает ГБ. Надо немножко прибрать. В первый раз я теряюсь: никогда еще это самое ГБ не произносилось уважительно: что вот и прибрать надо к его появлению, да никогда оно и не предупреждало о своем вторжении. Тут мне объясняют, что ГБ — это Мишин отец, ученый-археолог Георгий Борисович Федоров,

Эрик Булатов

в чьей квартире мы, собственно, и находимся. Его все так и звали — ГБ.

Его круг общения — интеллектуалы и диссиденты, что было почти синонимами, так что неудивительно, что Миша оказался самым молодым — 18 лет — участником «бульдозерной» выставки. Через год, в 1975-м, они с Донским и Скерисом устроили акцию при второй попытке несоветских художников выставиться, им отвели Дом культуры на ВДНХ, где они высиживали яйца в гнезде, но их снова разогнали, а само гнездо уничтожили. С тех пор группу прозвали «Гнездо», а перформанс был чуть не первым, у нас этот вид искусства еще не практиковался.

Мишин дед, отец его матери, Григорий Рошаль, был знаменитым советским кинорежиссером, внук же стал одним из первых концептуалистов, а все концептуалисты были художниками «антисоветскими». В 1976 году тройственный союз «Гнездо» сделал объект, ставший через десять с лишним лет знаменитым на всю страну: «Железный занавес». Железная пластина, на которой были выжжены два эти слова по-английски, «*Iron Curtain*», висела в рошалевнике как главный предмет Мишиной гордости. Каждый мог ударить в него какой-нибудь железякой, как в гонг, через щели, которые образовывали слова, можно было подсматривать — короче, много возможностей. У художника-концептуалиста Кристо уже была акция «Железный занавес» в 1961-м, в Париже, но там узкий переулочек был перегорожен железными бочками, и это была акция протеста против возведения Берлинской стены. Мишин «Занавес» был не акцией, а объектом, то есть ежедневно присутствовал, напоминая о том, где мы живем. Знаменитым он стал после фильма «Асса», там же обыгрывался и другой объект гнездовцев — «Коммуникационная труба».

Миша ушел рано, в 52 года, на его похоронах мы говорили с его очаровательной вдовой Анечкой о том, что восьмидесятые забываются, и как бы сделать так, чтоб всё собрать и показать. И наконец, восемь лет спустя после этого разговора, случилось.

«Единственный серьезный критерий в искусстве — это время. Оно не ошибается», — сказал в одном интервью Эрик Булатов. Но есть принципиальная разница между всеми предыдущими временами и сегодняшним: прежде выживали или не выживали предметы — античные статуи, росписи на амфорах, холсты, хранящиеся в музеях. Сейчас бесконечно вместительный цифровой архив сохраняет все. Даже если представить себе утрату материальных носителей, их виртуальная жизнь вечна, вопрос: что будут выуживать из этого океана далекие потомки? Живее всех — легенда, и можно попробовать представить себе, какой легендой станет Эрик Булатов в отдаленном будущем, если оно, конечно, наступит.

Всё на свете сводится к простым вещам: простой мелодии, ясному образу, лаконичному художественному жесту. И Булатову в этой простоте, ясности и лаконизму нет равных.

С Булатовым я не была знакома, хотя знаю практически всех художников-нонконформистов, внесударственное пространство было не слишком велико. Услышала о нем в какой-то один момент, вдруг, от всех: есть гений. Эрик Булатов. Несмотря на то, что он ровесник Ильи Кабакова (1933 г.р.) и работает с былинных для меня времен, я о нем не знала. Сам Булатов не раз писал и говорил, что до выставки в цюрихском Кунстхалле (1988) его работ не замечали — ни искусствоведы, ни друзья-коллеги. Когда я впервые увидела работы Булатова, они тоже не произвели на меня впечатления: ну, слова гигантскими буквами, как правило, на фоне открыточного синего неба с облаками, красная «СЛАВА КПСС», это небо перекрывающая, небо-море-берег с линией горизонта в виде орденской ленты, советский «знак качества» на фоне все того же клишированного неба. Соцарт, все понятно, но как-то слишком просто.

Спустя время я побывала на персональной выставке Булатова и сделала для себя открытие. Что это не простая простота, а образ,

впечатывающийся в мозг, как формула. Например, картина «Русский двадцатый век». Умри — но точнее, объемнее, чтоб туда вмещалось все главное, не придумаешь. На переднем плане белая церковь — шатровая, каких сохранилось немного и которые опознаются как «исконная» русская архитектура. За ней — палево-бордовые, выцветшие крыши, домики, лужайка, поле, лес. Вдаль змеится ярко-красная дорога, или река, впадающая в небо, под которым на горизонте едва виднеются очертания города, эта и река-дорога окрашивает небо в свой цвет. Небо крови, кровь до небес, «с красным знаменем цвета одного». Грозовые тучи, расставленные по этому советскому небу, и две огромные белые буквы Х. XX век. Но и логотип партийного съезда — съезды тоже обозначали римскими буквами. И красное небо, перечеркнутое белыми полосами света, скрещивающимися у маленькой луковки (которая овощ, «горе луковое») на вершине церкви. И четыре прожектора — во время войны они разрезали ночное небо, как мы видели это во многих фильмах, а Булатов видел воочию. Тут весь трагический XX век.

Или картина «Явление Христа народу» с толпящимися возле нее посетителями, общающимися между собой и частично заслоняющими низ картины: кажется, что Христос идет откуда-то прямо сверху на зрителя. Или «Живую»: на фоне обычного, нейтрального пейзажа большие белые буквы «Живу» слева идут от тебя вдаль, постепенно уменьшаясь, а такие же справа — «Вижу» идут издалека к тебе. Одно движение исходит от тебя, другое входит. Буквы во все полотно — название, без которого не существует и самого восприятия, слово становится изображением, явлением, и расположение их — высказывание о самом явлении.

В XXI веке визуальное превалирует над вербальным, у Булатова они соединены. Картина «Перестройка» — только одно это слово, разбитое на три части. Слева по синему фону белые буквы ПЕРЕС (додумывается как «перестать»), справа по красному — РОЙКА (как бы от слова «рыть»), в центре — большая твердая Т, которую держит рука (с типичных советских плакатов) — как незыблемый столп или молот.

Андрей Монастырский

*Елена Елагина, Игорь Макаревич и Татьяна Шербина;
внизу — карта Таро «Умеренность»*

Нынешнему веку Булатов оказался ближе, чем своему двадцатому.

Франциско Инфанте

С Франциско мы приятельствуем множество лет, я очень ценю его работы, артефакты, в которых удивительно еще и то, что он никогда не менял стилистику и общее направление, только развивал начатое в начале 1960-х.

С некоторых пор я стала замечать, что упоминание Франциско в арт-среде стало вызывать странную реакцию. Напряженное молчание и переход к другим темам. Особого значения я этому не придавала, хотя и огорчалась. В 1980-е, когда я много времени проводила в кругу художников-нонконформистов, я страшно им завидовала: казалось, что это настоящее братство, какого никогда не было среди литераторов. Собственно, так оно и было, пока художники не состарились.

И вот Франциско подарил мне свою книжку — не альбом, а текст. Я ее немного почитала, книжка оказалась отповедью какому-то нехорошему коллеге и некогда другу. Я этого человека не знала, хотя фамилию слышала, так что вникать не стала. Но что удивило — Франциско всегда казался мне ангельского склада человеком, достаточно было видеть их отношения с Нонной, женой, с которой они вместе и делали большинство инсталляций. А некоторое время назад Франциско подарил мне свой гигантский альбом. Я посмотрела картинки, многие из которых знала, видела на выставках, а до текста все не могла добраться. Наконец добралась, с большим интересом прочла автобиографическую часть, а затем впала в ступор, поскольку дальнейшее оказалась хулой на других художников андерграунда, а я, напомним, считала их почти что братьями.

Любимой фигурой Франциско из того круга был поэт Всеволод Некрасов, он и написал о нем в превосходных степенях. Я как раз не особо почитала его стихи, но тут вспомнила, что именно мне в нем активно не нравилось: он регулярно

писал какие-то гадости про своих коллег. Тяжелый характер, короче, но уж какой есть, судят по произведениям, а не по характеру. Так же будут судить и Франциско, а он большой мастер. Так вот же что оказалось, подумала я: два человека, для которых пафос отторжения, отрицания коллег столь значим, любили друг друга.

При чтении я попробовала заразиться этим состоянием, но ничего не вышло. Моя отрицательная реакция — безразличие, писать и даже думать о том, как плохо, с моей точки зрения, тот или иной поэт или художник, лень. Думать интересно о тех, кого любишь. Литература, в которой убийственные портреты знакомцев автора обретают форму, — другое дело. Но сейчас — время письменных мнений по разным поводам, и вопрос теперь для истории будет ставиться так: что оказалось более ценным — собрание мнений или собрание произведений художника?

У меня на стене висит черно-белая работа Франциско далекого времени: будто на пустой поверхности Земли стоит человек, частично надувной, частично стеклянный, металлический, из него торчат острые неровные звезды — в общем, человек будущего, звездный киборг. А работе этой лет сорок. Франциско всю жизнь занимался имплантацией искусственных объектов в природную ткань, предвосхищая XXI век.

Андрей Монастырский и «Коллективные действия»

Андрей Монастырский — «искусственный интеллект» московского концептуализма, из тех, что обыгрывает гроссмейстеров в шахматы. В 1970–80-е годы он перестраивал и перенастраивал реальность. Его теоретические и практические разработки казались мне безумием зауми. Подобно тому как советская власть задумала однажды осуществить поворот рек, Монастырский задумал изменить нейронные связи в мозгу. Инициировать новые, в тех местах, где их не было вовсе. Посмотреть на уже имеющиеся как на самовоспроизводящуюся психическую рутину, устоявшийся

мифологический трафарет, который может быть и другим.

«Коллективные действия» были поездками за город групп художников-концептуалистов, в которых одни были участниками, другие зрителями, и происходившие там абсурдистские сценарии документировались в мельчайших подробностях. Абсурд и порождает неизвестные доселе реакции на совсем-совсем странные ситуации (впоследствии флешмобы или мострации уже никому не казались странными). Это была работа с пустотой, которая импровизационно заполнялась реальностью. Участники КД выезжали на пустые, безжизненные пространства, где и происходила очередная придуманная Монастырским игра, а комментарии к ней наделяли нейтральный природный фон метафизическим измерением.

Реальность вообще — феномен придуманный. То, что мы под ней понимаем, было когда-то кем-то создано, описано, осмыслено, а потом и обжито. Изначально реальность — это вымысел. В советские семидесятые пространство не достраивалось, а только подвергалось порче: здания ветшали, новые строились в виде однотипных примитивных коробок, все было заляпано бессмысленными красными лозунгами. Монастырский предложил уйти из города, перенестись на «неокупированные территории». Это не было зримым изменением местности, а лишь письменным комментированием случившихся там акций. Примерно как теперь существует то, что комментируется в фейсбуке.

Акции эти были и приключением, поскольку неизвестно было, кто как проявит себя (художники-участники) и воспримет (художники-зрители), тут-то и должны были возникнуть новые психические и психологические связи.

Монастырский, как мне помнится, стал и вдохновителем нового языка прозы Володи Сорокина, которая в то время «простому читателю» казалась систематическим (в смысле, что система там была) бредом. А спустя некоторое время Сорокин стал одним из самых популярных русских писателей. Монастырский же не обращен и никогда не был обращен к пу-

блике, он как какой-нибудь буддийский монах, китайский Учитель, который воздействует на мир не явлением самого себя, а концентрацией психической силы, материализующейся через других, тех, кто облекает ее в зримые формы.

Прочитав определение концептуализма самого Монастырского: «знаковое выражение новейших метафизических построений — по аналогии со средневековой экклезиастикой и иконографией, которые в свое время выполняли ту же функцию. Предметом внимания концептуализма является эволюция мышления, каковая, судя по всему, как и естественная эволюция, стремится к конкретности, обыденности, кристаллизации».

На фотографии — Андрей Монастырский, я, Владимир Сорокин и несносная собака Зверик у меня дома в 1987 году. По замыслу фотографа (кто снимал — не помню), у каждого в руках должен был быть предмет: у Андрея — сигарета с мундштуком, у Володи — китайская поделка, у меня — целая упаковка дефицитного в ту пору мыла.

Игорь Макаревич и Елена Елагина

В 1997 году ГМИИ им. Пушкина совместно с галереей «M'ARS» сделали выдающийся проект. К 300-летию «Энциклопедии чувственных вещей в картинках» Яна Амоса Коменского заказали современным художникам и писателям 150 картин и 150 текстов, на соответствующее количество тем, из которых состояла эта протоэнциклопедия. В ГМИИ им. Пушкина прошла большая выставка, и был издан альбом. Я написала для проекта шестнадцать текстов, темы понятийных статей у Коменски попадались неожиданные (например, «Теплая комната и спальня»), но одну, вполне словарную, я решила описать как карту Таро. Художником, рисовавшим эту тему, оказался Игорь Макаревич. Каково же было мое удивление, что Игорь тоже нарисовал карту Таро

«Умеренность»! В память об этом совпадении Игорь подарил мне оригинал работы, вот текст и картинка:

Умеренность

Умеренность – XIV аркан Таро. Тот, кто смотрит на нее сейчас, – она ему выпала. Девушка-ангел, льющая воду то ли в кувшин, то ли из кувшина. Двусмысленная карта. С Шутом – поражение, с Миром – успех. Сама по себе она хороша настолько, насколько «нет новостей – хорошие новости». А если ждешь именно новостей? Рядом со Страшным Судом умеренность ускоряет предстояние перед этой загадочной процедурой, но замедляет то, что не терпится получить. Рядом с Любовниками может означать переход к браку, а может – и угасание любовной связи. «Золотая середина или золотая посредственность?» – задавались вопросом еще древние римляне.

Это оптимистическая карта – конец мучений, и пессимистическая, если вы надеетесь на чудо. Вообще, Умеренность – передышка, отстойник в ожидании участи. Кроме духовно просветленных, для которых умеренность и есть участь.

Умеренность предлагает рассчитывать на собственные ресурсы. Папюс сказал о ней: «Сын Земли, соизмеряй, проверяй свои силы, но не для того, чтобы отступить перед делом, а чтобы истребить препятствия, подобно тому как вода капля за каплей точит камень». Этейла рассматривает ее как совет «умеренно пользоваться всем», чтобы всего в скором времени не лишиться. М.Моран забирает выше: «Карта Умеренности символизирует связь между видимым и невидимым мирами, наводит на мысль об обратимости всякого движения: жидкость может течь как в одном, так и в другом направлении».

Так вливается вода в ваш кувшин или выливается из него?

Умеренность как нельзя лучше характеризует нынешний отрезок времени. Когда не хотят потрясений, не идут ва-банк, не полагаются на авось, не гуляют на последние, не предаются бешеным страстям. Когда наносного мало, все что-то осмысливают, и прежде всего самих себя. Период завершения разборок. Грезвость, владение собой, сдержанность, бережливость, осторожность – только тогда происходит правильная циркуляция, вливается и выливается то, что надо.

Сергей Мироненко

Владимир Мироненко

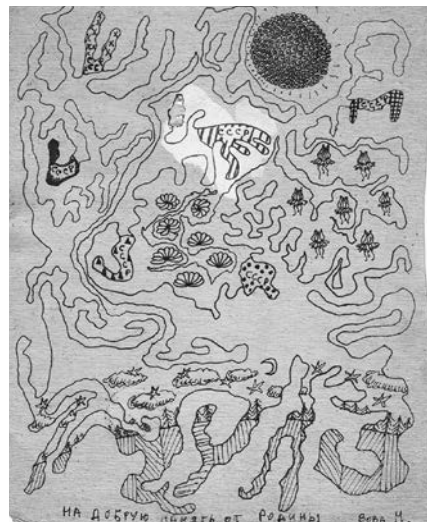

Рисунок Владимира Мироненко. 1980-е годы

Важно использовать дары Умеренности, поскольку следующий, пятнадцатый аркан – Дьявол, и там не забалуешь. Там думать будет некогда, там рок, страсти, насилие, сверкание молний, жажда власти и неизъяснимый плен. Кто не продышался, не подготовился, не набрал запаса прочности, того могут и на сковороде поджарить. Испивший чашу умеренности защищен более других.

1997

Сегодня, двадцать лет спустя, текст этот читается совсем иначе.

Многие художники составляют семейные пары (как Юра Аввакумов и Алена Кирцова), а некоторые, как Кабаковы, Инфанте, и работают вместе, превратившись в одно «художественное лицо». Вместе работают и Игорь Макаревич с Еленой Елагиной. Лена придает их творческому союзу «историческое» измерение, она – ученица Алисы Порет, от которой ниточка тянется к первому русскому авангарду, к Филонову и обэриутам, и надо сказать, что у многих проектов Макаревича и Елагиной основа – литературная, взять хотя бы превращения Пиноккио, которые сопоставляет и додумывает Игорь в большой серии работ.

Владимир Мироненко

Володя Мироненко открыл для меня Париж. Дело было так: я жила в Мюнхене, куда мне пришло приглашение на фестиваль русского искусства в Нант. 1991 год, бум России как таковой и всего нашего художественного андерграунда, в частности. Вернее, он уже перестал быть андерграундом и взлетел над Землей, самолеты развозили всех по странам и континентам. Уже много где побывав, я мечтала о Франции, поскольку французская спецшкола, французский же в МГУ, а поговорить не с кем. Володя, тоже учившийся во французской спецшколе, женился на бельгийке-парижанке и поселился в Париже. Я уже познакомилась с ней в Москве, на Володином дне рождения, по количеству гостей походившему на их свадьбу.

Юрий Альберт

Вадим Захаров

Татьяна Арзамасова и Лев Евзович

На фестиваль прилетели художники, поэты, музыканты — народу было тьма, и мне был отдельный сюрприз: парижский издатель подписал со мной контракт на книжку стихов. В Париж хотелось безумно, как же так, быть во Франции и не увидеть Париж! По советской привычке думалось еще: а вдруг это последний раз? Мы собрались группой в несколько человек, сели на поезд и поехали. Помню, что был Алеша Тарханов, а кто еще — забыла. Володя пригласил меня пожить у него, сказал, что у них с женой двухкомнатная квартира. Остальных он пристроил в отель неподалеку, запрос был на самый дешевый — ни у кого из нас тогда не было денег.

Приезжаем мы на поезде, тут же ныряем в метро и едем до станции, которую назвал Володя. Кажется, «Барбес-Рошешуар». У выхода из метро встречает Володя, мы оглядываемся, и я совершенно не понимаю, где нахожусь. Горы мусора, обшарпанные хрущобы, африканцы, арабы, одеты как вахлаки — где я? «Это Париж, — с ухмылкой говорит Володя. — Да, он такой, а ты думала?» А я думала: Эйфелева башня, Нотр-Дам, элегантные француженки и Алены Делоны в кашне с багетом под мышкой. Я же не знала, что северная оконечность Парижа — район специфический.

Отель, где остановились мои приятели, был настоящим клоповником. Но и стоил он, даже сейчас помню, 18 франков в сутки (шесть долларов). Мне, разумеется, повезло гораздо больше, но квартира Володина изумила своими размерами. В одной комнате умещалось два спальных места — одно над другим; вторая была чуть больше, в ней мне положили спальный мешок на полу, ванная-туалет вряд ли занимала больше двух квадратных метров. В Москве, думала я, таких квартир не бывает. Потом Володя с семьей переехали в другой район и другую квартиру, но пока на большее, как и у всех нас, не было средств.

Конечно, он нарочно подтрунивал над мной (бывший «Мухомор» же!), рассказывая, что таков весь Париж; на следующий день я увидела все, чему учили в школе, стала мечтать пожить тут и рассмотреть все как следует,

что вскоре и осуществила. А Володя через некоторое время вернулся насовсем в Москву.

«Мухоморы» были насмешниками-пересмешниками, мухомор как галлюциноген был символом того, что они дурачились в свое удовольствие, мухомор как яд был направлен против серьезности московского концептуализма. Если «Коллективные действия» были акциями, то свои перформанс-гуляния по городу они называли «выходками». Как-то, в 1982 году, в Москве, мы сидели и рисовали с Володей фломастером на подвернувшемся кусочке ватмана всякую ерунду, он подписал мне «на память от Вовы М.». Мироненки, Сережа и Володя, близнецы, раньше их невозможно было различить, теперь жизнь привнесла несходство. Их особенностью было то, что у них всегда были очень серьезные лица, потому их приколы казались особенно уморительными.

Прошло время, и Володя стал серьезным. Прямо очень серьезным, без тени мухоморства.

Сергей Мироненко

Я спросила Сережу, какой эпизод с моим участием ему больше всего запомнился из 1980-х. Он сказал: когда ты пришла на Фурманский с Башлачевым. Пришли мы тогда целой компанией, а у Мироненко было еще множество людей, и пришли мы, наверное, смотреть выставку, во всяком случае, с какой-то целью, но так получилось, что мы с Башлачевым смотрели друг на друга, не видя происходящего вокруг, потом нашли в лабиринтах сквота какой-то угол и пропали из виду. Когда Сережа нас обнаружил, я спросила: а где все? «Давно ушли, — сказал изумленный Сережа, — сейчас шесть утра». Это была осень 1987 года, то время, когда электрические разряды пронзали перестраивающееся советское пространство, и молнии били прямо изнутри. В эти годы шедевры рождались сами собой.

Сережа всегда был трезв как стекло. Художники, как правило, пребывают в плену иллюзий, как минимум в отношении себя самих,

но не таков Мироненко. В 1984-м «Мухоморы» распались, поскольку троих забрали в армию, а Сережу отправили художником в Воркутинский театр, построенный зэками советского концлагеря, там многие из них и осели после «оттепели» и «реабилитации» — возвращаться было некуда. Сережино общение с этими людьми — «гнилыми», как говорили, точнее, сгноенными, интеллигентами — думаю, сильно на него повлияло.

Если говорить об актуальном искусстве в буквальном, «новостном» смысле слова, то это прежде всего Сережа. Он в своих работах реагирует быстро, прямо и жестко. Был период, когда он занимался самой политикой, но вскоре вернулся к искусству. «Те самые грабли» — любимый арт-объект, надо же видеть грабли, на которые наступают с таким упорством! Еще в «мухоморскую» бытность у них (и Сережин дизайнерский глаз тут чувствуется) была такая работа: решетка на окне, в виде восходящего солнца, (такие часто ставили на первых этажах). Так они заклеили это окно с внешней стороны золотистой фольгой, назвав «Восход солнца». Решетка, глухая стена, но цвет как бы солнечный.

В 2014 году у меня был юбилей, а к юбилею положен орден, и его мне вручил Сережа. Он изготовил сто таких орденов, и я одна из счастливых обладателей. Орден называется «Иностраннный агент», с присуждением звания «враг народа» первой степени. Присуждается исключительно самым достойным людям России». Горжусь. Орден сделан по всем канонам: металл, эмаль, винт, орденовая книжка, всё упаковано в торжественную коробку. Два понятия из двух эпох, соединенные в символическом объекте. Право награждать имеют только авторы этих формулировок, которые, напротив, являются собой клеймо. Мироненко создал из этого метафору.

Недавно я была у Сережи на даче. Там стоит остов фамильного деревянного домика, сам он построил новый дом и еще один — мастерскую, всё заросло, быт — это не про Сережу, а особенность участка в том, что прямо по середине поставлена опора ЛЭП и от нее идут

провода, которые гудят день и ночь, прямо над головой. Сережа воспринимает это как памятник советской власти, которую не заботило, участок здесь или нет. Раз так линию начертили, так пусть и проходит, невзирая на людей. А теперь через эти участки собираются дорогу прокладывать. Сережа ждет — повод для очередной серии работ. А пока поели шашлыков в его зарослях, радуясь моменту: завтра, может, их не будет, к чему Сережа относится спокойно, он же стоик.

Вадим Захаров

Работы Вадима Захарова и его самого я впервые увидела на их совместной со Скерсисом выставке в квартире Миши Рошалья в 1982 году. Под впечатлением даже написала стих. Там была одна работа, состоявшая из трех одноразовых бритвенных станков (тогда говорили — «бритва», поэтому «она»), под каждым из которых было написано «хорошая». Что было еще — не помню, только общее ощущение, что увидела нечто важное.

Предмет

хорошая, хорошая, хорошая,
все три — хорошие...

но Господи, вот он,
предмет, ведущий
в бездну,
бездна — вон!

Деревья полуголые в снегу, в листве,
у глаз дрожит осенний свет,
земля раскрыта, замерзает след,
все в сумерках, во сне, все на бегу —
особенный, особенный предмет!

Тревожный сон — от неба водопад,
совсем без сна — и тоже невпопад
дотронешься,
а он сойдет на нет,
пугающий восторженно, до спазма,
как плазма, ускользящий предмет!

хорошие, хорошие, хорошие,

*Андрей Монастырский, Татьяна Шербина,
Владимир Сорокин и собака Зверик. 1987 г.
Автор фото неизвестен*

к ним можно шепотом и с ними можно
 быть —
 забыть, забыть
 число и трафарет,
 в которых чертов мыслится предмет!
 1982

Вадим ходил тогда с черной повязкой на одном глазу, как пират. Я не знала, что он уже тогда искал внутри себя разных персонажей (прежде этим занимались только артисты и писатели). Потом он уехал в Кельн, я потеряла его след, но однажды, поинтересовавшись, что произошло дальше, обнаружила и ответ на вопрос, почему его работы 1980-х вызывали во мне «живое чувство», в то время как концептуализм как направление я наблюдала, скорее, вчуже. Поскольку сама искала какие-то другие маршруты, а может, другие формулировки. Захаров, оказывается, думал о том же, о чем и я. Знал ли он о моем любимом Фернанде Пессоа, в котором жило 72 личности, мне не известно, но сам Вадим бесконечно активировал спящих внутри существ, включая мышь, оказавшуюся перед дилеммой «наслаждение или бессмертие». Это были осознанно надеваемые маски, а не как у Пессоа — спонтанное «размножение личности» (так называется одна моя книга, этому феномену посвященная). Поиск множеств внутри себя, взамен идеала «цельной личности» предыдущих веков, — ключ, открывающий дверь нашей странной эпохи, застывшей в переходе из сегодня в завтра. Личность состоит из пикселей всех времен и россыпи живших до нее людей.

Вадим давно собирает архив, постепенно превращающийся в гигантский лабиринт, а сегодняшнее время — именно архив и есть. Лучше чеканных формулировок самого художника-философа Захарова и не скажешь: «Если раньше будущее было тесно связано с утопическими мыслеформами, с идеями социального равенства и общего благоденствия, то сегодня эта категория времени переместилась в зону массмедиа, где сегодня покажут одно будущее, а завтра другое. Боязнь не попасть в будущее —

это болезнь уходящего поколения. Точнее всех прошлых поколений.

В искусстве, современном, мы также можем наблюдать сокращение “жизни будущего”. Неважно, интересно или нет то или иное произведение художника, — его выживание зависит только от приносимой прибыли сегодня, хотя бы лишь от пиара. Конечно, я говорю о жесткой схеме. Но она сегодня базисная, все мягкие варианты волнами расходятся от этого глобального центра. Быть сегодня художником гораздо проще, чем им не быть.

Каждая новая идея в искусстве, по крайней мере на последней стометровке 20 века, все же пыталась быть мирообразующей, последней в своей инстанции. Все прошлые “измы” это еще кирпичики в общем миростроительстве.

Иллюзия справедливости и сопричастности с общим создавала тысячелетиями великие произведения искусства. Сегодня все иллюзии превращены в стерео и 3d-эффекты.

Теряя будущее впереди, мы начинаем его поиск в прошлом. И это одна из тенденций — будущее человечества смещается в прошлое.

Наступает некий предел ожидаемого в сознании человекообразных существ. Единственное, что ты можешь себе позволить в этом направлении движения спиной вперед: замещение себя своим двойником, персонажем, человеком в маске или выдав себя за другого. В будущее уже никто никого не приглашает. Речь идет только о настоящем».

Дмитрий Пригов

Пригову был свойствен системный подход ко всему. Начиная с того, что одни зовут по имени, другие по имени-отчеству, регламентации никакой, потому однажды он решил всех звать однотипно, по имени-отчеству, и сам стал Дмитрием Александровичем. Это привело к тому, что в среде андерграунда все знали отчества друг друга. Жена Пригова Надя, Володя Сорокин, Миша Рошаль и я составляли для него клуб Георгиевичей.

Всерьез ли были все его бесконечные «классификации»? Всерьез, поскольку нет ничего случайного, и чем больше признаков выявлено, тем точнее общая картина, которая состоит из мельчайших частиц. Пригов и стихи писал о «мелочах жизни» — про салат, приобретенный в кулинарии, мытье посуды и знаменитого «милицианера». В детстве у нас с Дмитрием Александровичем была одна и та же редкая болезнь, от которой нас обоих вылечили, он и это отмечал как определенную связь. Но серьез и несерьез, протокольное описание и пародийное, в случае Пригова, оказались одним и тем же, как бы голографическим изображением, плоским и объемным одновременно. Тем самым он создал свой, новый язык.

Очень важно, что Пригов заполнял собой все пространство и делал это каждую минуту. Печатал на пишущей машинке воззвания типа «Граждане, будьте бдительны» на маленьких бумажках, расклеивал их по городу, раздавал друзьям. Пел в группе «Среднерусская возвышенность», участвовал в массе перформансов, делал инсталляции, кричал кикиморой и читал Пушкина на своих вечерах. Писал по три стихотворения в день — норма. Раз ты поэт, должен отработать трудодень и выдать порцию урожая. Но поскольку он поэт на полставки, а на другие полставки — художник, то и тут была норма. Если не ошибаюсь, 15 сантиметров картинка в день. Он не верил во вдохновение, которое снисходит по своему таинственному расписанию, а верил в то, что жизнь и есть творчество, и перерывов в нем не должно быть, как и в самой жизни. В результате мы получили гигантское наследие.

Еще он разгадывал сны, знал точки акупунктуры, посещал чуть не все выставки и поэтические вечера, любил разговоры на кухне, был невероятно общителен и добросердечен. Ни о ком не говорил плохо, и это было не просто свойством характера. В последовательно выстраиваемой им картине мира каждый мог быть описан и «систематизирован», вписан в тот или иной каталог, но не отрицаем: существующее — существует. Разумеется, кого-то любил, кого-то нет. Собственные стихи в одной своей книге разбил на три раздела: «сильные

стихи», «средние стихи», «слабые стихи». Это тогда были в литературном обиходе такие метки, а он всегда использовал штампы текущей реальности. Всерьез и не всерьез, вынимая их из органического им контекста, где они звучали как оценка, и вставляя в свой, где они становились описанием.

У меня висит картина Пригова «Бюрократ», когда-то он подарил, а недавно ко мне обратился один аукционный дом с просьбой продать ее. Я сказала, что продавать не хочу, но, учитывая, что это был первый аукцион самиздата и они непременно хотели выставить и даже поставить на обложку каталога работу Пригова, я согласилась дать ее «поносить» — но с возвратом. Мне объяснили, что такая возможность есть, надо поставить нереально высокую цену, и даже если вдруг кто-то на нее согласится, ее можно будет поднять сколь угодно высоко, сказав, что «продано заочно». Так и сделали. Картина покрасовалась на обложке и на аукционе и вернулась домой.

Прошло девять лет с тех пор, как Дмитрия Александровича Пригова нет, его как-то зримо не хватает, пространство, которое он постоянно заполнял собой, обвисло, и дружбы с ним тоже никто не заменил.

Юрий Альберт

Двигатели внутреннего сгорания у художников разные: миссия, арт-рынок, не могу молчать, откровение свыше, забава, у Юрия Альберта — игра ума. Причем у него единственного она обладает свойством становиться зеркалом воспринимающего. Например, его проект «Премия».

На московской биеннале, где премия не предусматривалась, он решил ее учредить, поскольку всякому художнику приятно получить премию. Выбирать лауреата должны были все участники биеннале, но премия была не простая, а заключалась она в том, что вручалась бы только при условии, что выбранный художник не дожил бы до следующей биеннале. То есть получить ее художник не мог бы в лю-

Дмитрий Пригов и Татьяна Щербина

Олег Кулик. Лев Толстой и Фекла

Экспозиция: Владислав Мамышев-Монро

бом случае. Речь шла о реальной сумме денег, которые могли бы пойти только на похороны. Соответственно, если в ситуации обычной премии каждый хотел бы, чтоб выбрали его, и сам выбрал бы именно себя, то здесь каждый мечтал ровно об обратном. Не надо премии, хочу жить долго и счастливо эти ближайшие два года. Таким образом, субъектом и объектом проекта становились все участники биеннале: их вынудили задуматься о жизни и искусстве перед лицом смерти. Девиз премии был «Жизнь коротка — искусство вечно».

Этот подход был и в ранних работах Альберта, которые я помню по тогдашним неофициальным выставкам. Их было видно издалека: на светло-сером фоне холста — темно-серые или черные надписи неровными печатными буквами. В 1983 году — «В моей работе наступил кризис. Я смущен, растерян и не знаю, что теперь делать». С одной стороны, это читается как «крик души» художника. Это же и объяснение зрителю, почему вместо собственно картины — надпись. Потому что кризис. И (1983 год — более или менее всеобщее чувство кризиса, у власти Андропов) с другой стороны — стоящий у картины зритель относит ее к себе. Он, зритель, тоже не знает, что теперь делать. И он всматривается в этот серый фон, в этот грустно покрашенный неровными мазками картон, и понимает, что это и есть его сегодняшняя «картина жизни»: серое марево и крик души.

Эта работа мне запомнилась больше всего. Небольшого роста, скромный, неброский молодой человек Юра (другие художники того же поколения были, напротив, яркими и провокативными, как те же Мироненко, Гундлах или Рощаль) выразил всеобщее ощущение времени.

У него было множество подобных картинок-надписей, часто остроумных («Эта работа должна выглядеть так, как будто не было авангарда начала века» — камешек в огород второго авангарда), но парадокс свойственной ему игры ума в том, что он в лучших образцах взывал к эмоциям и вызывал их. Чувство и разум оказываются у него монолитом, как душа и тело.

Еще у Альберта была серия работ самоопределения: «Я не...». Я не Энди Уорхол, Я не Джа-

спер Джонс и т.д., включая «Автопортрет в виде другого художника». Лучшие его работы, на мой взгляд, — проблематизация онтологических вопросов. Понять, кто я, можно только осознав, кто я не. И примерив на себя другого.

Сейчас, когда политика стала столь острой и опасной, что надписи излишни, как в анекдоте про пустые листовки («потому что и так все ясно»), Юра, живущий в Германии, комментирует в своем блоге актуальные события. В принципе, достаточно двух слов: «за» или «против».

Владислав Мамышев-Монро

Мэрилин Монро дала Владу вторую фамилию, его художественный псевдоним (у нее и самой это был псевдоним), поскольку была первой, в кого он перевоплотился, причем не так, как это происходило с его поздними работами, когда он становился каким-то персонажем на несколько часов, для съемки и перформанса. Монро жила в нем, он чувствовал себя ею, он ее воскресил. Ее (точнее, себя в ее образе) он называл полюсом добра. Потом он визуализировал в себе полюс зла, переодевшись Гитлером. Все остальные помещались в этом промежутке или пополняли эти два полюса. Он находил в себе Ленина, Крупскую, Илью Кабакова, Достоевского, Сталина, Ксению Собчак, Хрущева, Аллу Пугачеву, Карла Лагерфельда, Марлен Дитрих, Распутина, Путина, Бен Ладена, Любовь Орлову, Бабу-Ягу, Барби, Аленушку, Чарли Чаплина, Снежную Королеву... Многие из них попадали на обложки журналов по всему миру — в его исполнении, разумеется. Персонажей набралось столько, что трудно представить, как он успел за свои 43 года побывать в шкуре такого количества людей и существ.

Он писал, тоже талантливо, у него есть несколько вымышленных автобиографий, но поскольку вымысел для него с младых ногтей стал реальностью, то было совершенно непонятно, где игра, а где на самом деле. Одна его история была про то, что его назвали Владиславом в честь космонавта Владислава Волкова, погибшего в полете из-за разгерметизации в тот

день, когда он родился, — 12 октября 1969 года. Что, разумеется, неправда: космонавт погиб, когда Владу было два года, и вовсе в другой день. Но правда, что он ощущал свою связь с этим космонавтом и его гибелью. Правда, что проходил на Байконуре службу в армии, считая это знаком своего «космического» предназначения; уже в 25 лет его задачей стало «вместить в себя Вселенную». Чем больше он будет перевоплощаться (а делал он это абсолютно гениально, неотличимо от оригинала), тем ближе окажется к цели. И погиб Влад, надо сказать, как космонавт в метафорическом смысле слова, «улетал» и захлебнулся в бассейне, поскольку был «в полете». Его кабина, его тело, разгерметизировалось, и он перестал дышать. Это событие, в которое поначалу не верилось, как не верилось, что он и есть Монро, снова посетившая Землю и снова в качестве звезды (ибо Влад был безусловной звездой), увы, оказалось правдой. Влад утонул в бассейне на Бали, где давно уже поселился, в 2013 году.

Посередине его жизни было одно подлинное событие, он сжег квартиру, где жил в Москве (дом его был в Питере), квартиру дочери Бориса Березовского. Сам еле спасся. Он прибежал тогда ко мне в полном отчаянии, и кажется, не превратил это свое первое свидание со стихией, которая взяла над ним власть, в художественную акцию. Разные другие личные драмы — превращал, поскольку они были связаны с людьми, а людей Владик любил нежно, на самом деле, причем вообще всех. Потому проникновение в них, в других, чем он, и стало главной страстью его жизни и его искусством.

Он был невероятно трогательным, нездешним, иногда казалось, что он — не человек, а ангел, случайно упавший на Землю и обнаруживший невероятное чудо — людей. Как-то на его выставке корреспондент задал ему типичный смешной вопрос: «Что для вас искусство?» Он ответил, что искусство — это он сам, а все, что не он, — не искусство. Так «почестному» могли бы сказать многие художники, но не Влад — он преклонялся перед творцами. И никому не завидовал.

Олег Кулик

Олег Кулик больше всего известен как человек-собака. Вначале он был просто художником. Никто его не знал и знать не хотел, хотя он выставлялся в известной галерее. Работы не продавались. А что такое человек, которому совсем не на что жить? Бездомный пес. В отчаянии Кулик пришел в галерею Марата Гельмана, предложил себя в качестве художника, был отвергнут, и тогда попросил взять его в галерею хотя бы в качестве сторожа. Тут и родилась затея с «цепным псом», который сторожить должен снаружи, рычать на прохожих и при необходимости кусать их. То есть акционизм Кулика возник из обыкновенной нужды.

Детали возникли по ходу: цепной пес должен быть на цепи и голый (дворовые собаки же не ходят в попонках!), Кулик двинулся на четвереньках по улице, вызвав переполох. Акции человека-собаки он проводил множество раз, в разных странах, варьируя смыслы, которые в них закладывались, в зависимости от ситуации, тем и стал популярен. Из человека-собаки вырос защитник животных, Олег даже образовал партию защиты животных, а его выставки, которые с тех пор имели успех, тоже были посвящены в основном животным.

Естественным образом Кулик стал и куратором, приютив у себя в мастерской будущую группу «Война» и оказавшись их крестным отцом. Через некоторое время от радикального акционизма он перешел к полюсу противоположному, став куратором выставки «Верю» на Винзаводе. Переход ознаменовался и переменой внешности. Я даже не узнала его, встретив на этой выставке: длинная борода, очки, смиренный и прямо-таки рахат-лукумный взгляд. «Я изменился внутренне, потому изменил и внешность», — сказал Олег. Оказывается, он побывал в Тибете. Когда все привыкли считать тебя собакой, а сам ты много лет выступал против антропоцентризма и требовал узаконить браки между людьми и животными (платонические), трудно предстать перед публикой респектабельным худож-

ником, размышляющим о Боге и вере. Но Кулик больше не чувствовал себя собакой, и тибетские монахи, вероятно, помогли совершить ему переход из одной ипостаси в другую.

Человек-собака раздражал многих — это было неэстетично, неприятно и казалось каким-то неведомым доселе «падением» человека. На самом деле, когда-то такое уже было — собака-Диоген, великий философ-киник. А «неприятность» была та же, что при встрече с рычащим на тебя в подворотне бездомным псом или просто бездомными, бомжами, которые пьяны и от которых воняет. Их обходят стороной, о них не хочется думать, а Кулик поднял такую шумиху своими акциями, что не замечать это ужасное существо, человека-собаку, было невозможно.

Для самого же Олега, как я понимаю, это был такой «путь Иова». Претерпев максимальное унижение, перейдя затем к отшельничеству, отрешению от мира, он нашел себя, вернувшись в ту же среду в новом качестве. С тех пор Олег стал отцом, провел много персональных выставок, на одной из них, в ЦДХ, я стала свидетелем неожиданной сцены.

Одна его инсталляция была такая: сидит Лев Толстой в натуральную величину, в толстовской своей одежде, в курятнике, весь заляпанный пометом. Так, собственно, происходит со всеми памятниками (с той разницей, что в городах помет — голубиный), с памятником Толстому, в том числе, только здесь памятник был не каменный и не бронзовый, а что-то вроде тех, что стоят в музеях восковых фигур. Стою, смотрю, и вдруг в зал входит Фекла Толстая, праправнучка Льва Николаевича. Видит композицию и вскрикивает: «Дедушка!» Так что акционизм в «стационарных» работах Олега Кулика все равно о себе напоминает.

В 1984 году я написала стихотворение от имени собаки-Диогена:

* * *

Скисает молоко — его душа, туман,
Сковала город, разведя нас, горожан,
по фонарям.

В подзорную трубу позорного столба
Я различаю свет, я, силуэт раба,

В котором говорит высокородный ген,
 Я Галилея внук, собака-Диоген.
 Я оттепели плод, подснежника дитя,
 Нарцисс, я зеркало дыханья и питья,
 В меня вросли и крест, и смерть, но
 в претвореньи
 По жилам речь течет — то кровь, то сердце —
 ком воображенья.
 Я пью свой Млечный путь, туман слепых
 небес,
 И в мареве не знать, что мы бирнамский
 лес,
 И фонарей огни нас не сожгут:
 мы дышим,
 как родной,
 Водю, сывороткой, пылью ледяной.
 1984

AES+F

В 1995-м, когда мы с Борей Юханановым задумали делать журнал о современной культуре (в первой половине девяностых она практически исчезла из поля зрения) и я стала его главным редактором, возник вопрос о том, как журнал должен выглядеть. Существовало два вида журнального дизайна. Один — узнаваемое лицо и анонсы материалов типа «сенсационные подробности», «скандальная выставка» на обложке. Второй — глухая обложка с названием и номером, внутри убористый текст на газетной бумаге. Хотелось, чтоб ни то, ни другое. И мы пригласили художников нового поколения, группу AES — Таню Арзамасову, Льва Евзовича и Женю Святского. Поколение, с точки зрения возраста, то же, что Мироненки, Рошаль или я, но в творческом смысле — новое (так же как Бродский и Пригов — ровесники, но принадлежали к разным творческим поколениям). Группа образовалась в 1987 году и работала уже с постсоветскими реалиями.

Фотографом я пригласила Володю Фридкина и сама написала о нем в первом номере журнала (он же последний, поскольку издатель разорился). В процессе AES с Фридкисом объединились, став AES+F, в этом составе они и работают по сей день. Обложку они придумали такую: макросъемка фактуры, которая при сильном увеличении перестает опознаваться. В вариантах были зеленые жилки листа, мякоть арбуза, на обложку номера в результате пошел мрамор. «AES»ы прославились, когда журнал уже вышел, а они сделали серию работ «исламский проект». Статуя Свободы в парандже, толпа в мусульманских одеждах у Центра Помпиду, завешанного коврами и наполовину застроенного как стена мечети, и подобные же картинки по многим городам мира. Проект был сначала серией открыток в 1986 году, потом дополнился, как всегда у AES, перформансами («туристическое агентство будущего») и инсталляциями, воспринимали это все по-своему. То ли как пародию на страхи исламизации, то ли как антиутопию. После 11-го сентября проект этот, конечно, прогремел.

AES+F вообще работают не с настоящим, а с будущим, но остаются актуальными художниками, а не фантастами, поскольку их антиутопии уже существуют в реальности, затерянными в гигантском потоке мировых событий, не артикулированными, неожиданно выныривающими на поверхность то тут, то там. Язык их мультимедийных проектов — красота, пышность, великолепие, доведенные до стадии отвращения, ядовитого концентрата. Они как бы выстраивают мифологему Содомы и Гоморры, Вавилона нашего времени, которые уже обречены, но еще не знают об этом. Здесь нет трагической битвы добра со злом, а только смертельная пресыщенность, смешение всего на свете, исчезновение разделительных линий. Сами же AESы — люди очень веселые.

© Текст: Татьяна Щербина

© Фото: из архива Татьяны Щериной

ПРЕМИИ имени Егора Гайдара

.....
Победителями стали Наталья Зубаревич, Олег Будницкий и Михаил Федотов. За развитие международных гуманитарных связей с Россией награжден (посмертно) Шимон Перес. 17 ноября в Московском театре юного зрителя состоялась торжественная церемония объявления победителей и вручения Премии имени Егора Гайдара. В этом году Премия вручалась по четырем номинациям: «За выдающийся вклад в области экономики», «За выдающийся вклад в области истории», «За действия, способствующие формированию гражданского общества» и «За выдающийся вклад в развитие международных гуманитарных связей с Россией».

В номинации «За выдающийся вклад в области экономики» Премии имени Егора Гайдара удостоена Наталья Зубаревич, российский экономико-географ, директор региональной программы Независимого института социальной политики.

За вклад в развитие исторической науки в России Премией имени Егора Гайдара был отмечен Олег Будницкий, российский историк, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ.

В номинации «За действия, способствующие формированию гражданского общества», победителем стал Михаил Федотов, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека.

В специальной номинации «За выдающийся вклад в развитие международных гуманитарных связей с Россией» Премией имени Егора Гайдара был награжден (посмертно) Шимон Перес, израильский политик и го-

сударственный деятель, президент Израиля в 2007–2014 годах. Премия была вручена сыну политика Нехемиа Пересу.

Премия имени Егора Гайдара была учреждена в 2010 году. В разные годы ее лауреатами становились Евгений Ясин, Анатолий Вишневский, Ольга Романова, Дмитрий Муратов, Светлана Ганнушкина, Александр Гурьянов, Лешек Бальцеревич и многие другие.

В этом году церемония вручения премии была подготовлена с помощью режиссера Евгении Беркович и актеров МТЮЗа, а также продюсерской компании «Medusa films».

Фонд Егора Гайдара

.....
Наталья Зубаревич, лауреат Премии имени Егора Гайдара 2016 г.

КРИЗИС И РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ

<...> У нас росли цены на нефть, в экономике становилось больше денег; однако институты не улучшались, зато для развития бизнеса увеличивались барьеры и препоны. Но куда цены на нефть росли, эта система как-то балансировалась... Новый кризис — медленный, но упорный, и мы до сих пор не сможем найти новые драйверы роста. В общероссийском масштабе кризис разворачивается на трех уровнях.

Во-первых, страдают региональные бюджеты: уже три года они разбалансированы и испытывают очень сильное долговое напряжение. Во-вторых, мы наблюдаем инвестиционный кризис: происходит существенное сокращение прямых инвестиций. В-третьих, кризис сказывается на доходах и потреблении. Наконец, в том, что касается промышленности, реального сектора, нынешний кризис не совсем то же самое, что раньше, — он более закрытый. Этот кризис довольно сильно ударил по тем регионам, где уже работали модернизированные отрасли. Прежде всего по нашему автопрому, особенно сбо-

Шимон ПЕРЕС

рочному. Спад в автопроме составил 30%, но еще хуже ситуация с производством вагонов — минус 60%. Злые языки говорят: мол, посмотрим теперь на «Уралвагонзавод» в Нижнем Тагиле. Следом идут полудепрессивные регионы — Костромская, Курганская, Псковская и Амурская области. В каждый кризис они «преседают» и все глубже, а затем едва-едва «отжимаются».

Ну, а для кого этот кризис не особенно чувствителен — с точки зрения реальной экономики? Назовем три группы регионов: первая группа — современный, новый нефтегаз (Сахалин, Якутия, нефтянка Красноярского края, Ненецкий округ). Вторая группа — наш аграрный Юг и регионы Центрального Черноземья. Третья группа — регионы, работающие на ВПК (военно-промышленный комплекс). Они растут быстрее всего: 7–11%. Кто у нас сейчас в плюсе? Это, к примеру, Москва, Тюменская область. На мой взгляд, цивилизованную бюджетную политику ведет Ленинградская область. Интересно отметить, что некоторые бедные регионы стараются жить по средствам, не накапливая дефицитов. В 2015 году бедной, но честной стала Владимирская область, закончившая год с профицитом, у них ответственной бюджетная политика. В общей сложности долг регионов и муниципалитетов составляет 2,66 трлн рублей — это около 3% ВВП. При этом есть регионы, которые блестяще умеют получать федеральные трансферты. Например, республика Мордовия, «побившая» все рекорды: ее долг составляет 165% от собственных до-

Олег БУДНИЦКИЙ

ходов. И ведь ничего не боятся! А дефицит по этому году — 24%. То есть Мордовия израсходовала на 24% больше, чем заработала, при этом чувствует себя хорошо. Если же посмотреть на динамику безработицы в российских регионах, то произошло совсем небольшое, незначительное увеличение, но безработица не носит катастрофического характера. Почему, ведь мы постоянно твердят: там кого-то уволили, здесь кого-то сократили? Ответ прост. Увольнения и сокращения в России идут крайне замедленными темпами, ибо есть другие инструменты и факторы, влияющие на рынок труда. Неполная занятость — это абсолютно легальная, разрешенная законом форма. Вы работаете часть времени — и за это получаете часть зарплаты. Кстати, это норма для России. Мы всегда входили в кризисы через неполную занятость. Это наш главный способ смягчить кризисные риски для всех, это как бы наш консенсус. При этом бизнесменам, предпринимателям без разницы: либо увольнять, либо снижать зарплаты. Государство тоже невнакладе: у людей есть работа, протестов против сокращений нет. Но и человек доволен: пусть зарплата стала меньше, но зато ведь его не уволили, он может еще и подработать. То есть степень неопределенности не возросла, а послезавтра все будет хорошо! «Мы потерпим, мы подождем» — такова позиция многих. Принимая во внимание нашу текущую демографию, можно сказать, что нам повезло. Сейчас на рынок труда выходит поколение, родившееся в 1990-х

Наталья ЗУБАРЕВИЧ

годах. Известно, что в «лихие девяностые» рождаемость упала на треть против предыдущих лет. А уходит самое многочисленное поколение — рождения 1950-х годов. Если бы мы росли и развивались, то надо было бы очень озаботиться этим. Чтобы хоть как-то смягчить проблему выбытия населения трудоспособного возраста, нам потребуется иммиграция не менее 600 тысяч человек в год (сейчас у нас около 200 тысяч мигрантов ежегодно). При таком «сценарии» к 2025 году население трудоспособного возраста в России уменьшится на 8 миллионов (при более неблагоприятном — уменьшение составит 12 миллионов человек). Таковы официальные сценарии Росстата. Когда мы начнем выходить из кризиса, у нас начнутся другие проблемы. Наконец, когда мы говорим о том, что является «подушкой безопасности» для нашего рынка труда в кризис, надо еще вспомнить о таком своеобразном демпфере, как огромный неформальный сектор, где задействовано 20% населения трудоспособного возраста: сейчас это примерно 20 миллионов человек. Официально эти люди могут где-то числиться и при этом делать статистику Росстату — ведь, по методике МОТ (Международная организация труда), занятым считается человек, который работает хотя бы два часа в неделю в течение последнего месяца. Что же этот кризис нам готовит? Это будет медленный, вязкий кризис, но без массовых увольнений и сокращений. Далее — будут «падать» регионы с неконкурентной экономикой, промышленность будет вяло адапти-

Михаил ФЕДОТОВ

роваться. Впервые у нас происходит одновременное сжатие и в рыночных, и в бюджетных услугах. Еще год назад нам казалось, что кризис особенно больно ударит именно по жителям крупных мегаполисов, ведь где особенно большая доля экономики услуг. Но мы совершенно недооценили способность образованного, довольно неплохо зарабатывающего населения больших городов приспособляться к «понижительным» стратегиям выживания. То есть люди готовы съезжать с горки, даже несмотря на хорошее образование! Если человек понимает, что выход *out* для него невозможен, он начинает искать выход *in* — и это всегда сводится к «понижительной» стратегии. За рубежом журналисты спрашивают меня: у вас в России все падает, почему же нет протестов? Потому что нет линейной связи между динамикой экономики и социокультурным восприятием людей. Потому что русские люди умеют адаптироваться к любым изменениям. В адаптации же выбирают либо индивидуальные, либо малогрупповые стратегии — выживать с помощью друзей и родственников. А «бодаться» с государством — себе дороже. Риски коллективных противодействий в России чудовищны, результат же совершенно не гарантирован от последствий, возможности же выбраться из любой ситуации через индивидуальные стратегии есть всегда. Опыт жизни этому нас научил. И вот теперь вся страна приспособляется жить в режиме «понижительной» адаптации. *Синopsis лекции в Сахаровском центре.*

«Н.М. Карамзин: историк, мыслитель, патриот»

Карамзинская ассамблея, — важнейшее культурное событие 2016г. на родине Н.М. Карамзина, проходила под эгидой ЮНЕСКО, при поддержке Министерства культуры Российской Федерации, Российского исторического общества, Правительства Ульяновской области, Министерства искусства и культурной политики Ульяновской области.

Благодаря инициативе региона был издан Указ Президента РФ «О праздновании 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина».

В первый день декабря стартовал проект «*Большие чтения: 12 вечеров с Карамзиным*». Каждый вечер, с 1 по 12 декабря в уникальных интерьерах исторической мемориальной экспозиции «Карамзинская общественная библиотека» проходили встречи-диалоги с исследователями жизни и творчества Н.М. Карамзина. В течении этих 12 дней были представлены уникальные книги, изданные при федеральной поддержке Российского агентства по печати и массовым коммуникациям и при поддержке Правительства Ульяновской области, такие как «Хроника петербургского периода жизни Н.М. Карамзина. Ч. 1. 1816-1820», «Симбирский памятник Карамзину», антология «Тебе, наш чистый добрый гений..!». Поэтическое приношение Н.М. Карамзину от благодарных симбирян», «Библиотека Карамзиных в собрании отдела редких книг и рукописей Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина», «Н.М. Карамзин. Сказки», монография К.И. Новенькова «Карамзины на земле Симбирской» и другие.

Представили эти книги сами авторы: доктор филологических наук, профессор УлГПУ имени И.Н. Ульянова Любовь Александровна Сапченко, заведующая научно-исследовательским отделом государственного музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» Елена Константиновна Беспалова, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ имени И.Н. Ульянова, заведующий отделом филологии НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина Александр Павлович Рассадин, краевед, историк, отличник просвещения РФ Константин Иванович Новеньков, директор издательства ООО «Арт-студия Фризия» Наталья Наконечная, библиотечные и музейные работники, зарубежные гости. В проекте «*Большие чтения: 12 вечеров с Карамзиным*» приняло участие более 500 человек, презентовано более 20 изданий.

Первого декабря 2016г. состоялась торжественная церемония закрытия сетевого межведомственного историко-культурного проекта «*Карамзинский марафон*», который проходил в течение года и включал большой событийный ряд по трём направлениям.

5 и 6 декабря в Ульяновской области проходила *международная научно-практическая конференция «Наследие Н.М. Карамзина в истории и культуре России» («Карамзинские чтения»)*. Более 300 человек, представителей 10 регионов России и зарубежных стран, стали участниками конференции в этом году. Были гости из Москвы, Санкт-Петербурга, республик Татарстан и Марий Эл,

Саратова, Томска, Новосибирска, Калининграда, Самары, Нижнего Новгорода. В ассамблее приняли участие иностранные гости из Франции, Венгрии и Сербии, заочно из Германии, которые затронули важные и глубокие темы историзма произведений Николая Карамзина, особенности индивидуального авторского стиля писателя, актуальности его наследия.

Известная путешественница, фотограф, журналист из Санкт-Петербурга **Ольга Рачковская**, повторившая спустя два столетия швейцарский маршрут автора книги «*Письма русского путешественника*», также приняла участие в конференции. Она привезла уникальные фотографии и поделилась впечатлениями о проекте. Во Дворце книги Карамзина открылась её выставка «*В поисках Карамзина*». По итогам путешествия швейцарским маршрутом Николая Карамзина».

Имя Карамзина связало два литературных города Сети креативных городов ЮНЕСКО — Ульяновск (Россия) и Монтевидео (Уругвай), где проживает потомок Н.М. Карамзина, президент Дома Карамзиных в Уругвае Фёдор Богородский, ставший также участником Карамзинской ассамблеи. Встреча с Фёдором Богородским была организована во Дворце книги и в Ульяновском государственном университете. *Межрегиональный съезд краеведов «Волжские земли в истории государства Российского»* состоялся в Ульяновске 7 декабря. Основная часть съезда прошла на 3-х площадках: Ульяновский областной Дворец творчества детей и молодёжи, Ульяновская областная библиоте-

ка для детей и юношества имени С.Т. Аксакова, историко-мемориальный центр-музей И.А. Гончарова. В съезде приняли участие краеведы из 23 муниципальных образований Ульяновской области, а также из 10 регионов России — всего 324 делегата

В день закрытия III Международного театрального фестиваля «История Государства Российского. Отечество и судьбы» 12 декабря на сцену вышли артисты Новгородского Академического театра драмы имени Ф.М. Достоевского. Они привезли премьеру 2016 года — спектакль

(Флоренция, Италия), и Эльке Коллар из Фонда «Веймарская классика» (Веймар, Германия).

Перед началом работы Форума состоялась торжественная церемония вручения почётных региональных наград.

В этот раз обладателями Медали Н.М. Карамзина стали директор государственного литературного музея России Дмитрий Бак, учёный секретарь Дворца книги-Ульяновской областной научной библиотеки, председатель правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия Ольга Даранова и заведующая сектором частных коллекций отдела редких книг и рукописей Дворца книги-Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина Венера Морозова.

Лауреатами Премии в области региональной историографии стали поэт Виктор Малахов, краевед Юрий Мельников, актёр Алексей Храбков. Обладателем Гран-при «Шапка Мономаха» стала доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова Любовь Сапченко. В рамках Карамзинской ассамблеи состоялось подведение итогов и награждение победителей двух молодёжных конкурсов, организованных Дворцом книги-Ульяновской областной научной библиотекой: поэтического конкурса «Тебе, наш чистый, добрый гений...!» и «Мой современник — Н.М. Карамзин». В поэтическом конкурсе приняло участие более 90 человек из разных уголков страны и ближнего зарубежья. В Историко-мемориальном центре-музее И.А. Гончарова работала уникальная выставка «Карамзин на все времена». На выставке были представлены документальные материалы, связанные с историей рода Карамзиных, жизнью и творчеством историографа, прижизненные

Большое историческое собрание 12 декабря 2016 года в Ульяновске

III-й Международный театральный фестиваль «История государства Российского: Отечество и судьбы» проходил в Ульяновске с 6 по 12 декабря. Фестиваль открылся премьерным спектаклем Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова «Капитанская дочка» по повести Александра Пушкина. Инсценировку создала победитель Всероссийского конкурса современной драматургии «Ремарка» Инна Гридина. Постановку по роману Ивана Гончарова «Обыкновенная история» представил Московский драматический театр «Сфера». Малый театр России привёз спектакль «Театр Императрицы» по пьесе Э. Радзинского. Свои спектакли показали такие замечательные коллективы, как театр из Нью-Йорка «STEPS», Сергиево-Посадский театр-студия «Театральный ковчег», коллектив GOFF-COMPANY, Пензенский драматический театр имени А.В. Луначарского.

«Н. Карамзин. Портрет души и сердца». За время проведения Фестиваля спектакли посетили более 5000 зрителей. С 11 по 13 декабря 2016 года в Ульяновске состоялись три крупных события, направленные на профессиональное взаимодействие литературных музеев страны и зарубежья, изучение и применение лучших практик работы отечественных и зарубежных музеев: II Международный форум литературных музеев «Наследие Н.М. Карамзина в культурном контексте», XI Международный съезд Сообщества Пушкинских музеев и конференция Ассоциации литературных музеев союза музеев России. В Ульяновск приехали директор и сотрудники ведущих литературных музеев страны, всего свыше 80 человек из 40 регионов РФ и зарубежья. Зарубежными экспертами II Международного форума выступили Адриано Риголи, представляющий Ассоциацию мемориальных домов-музеев

издания его сочинений, предметы дворянского быта конца XVIII века — первой четверти XIX века. Эта всероссийская выставка была организована при партнёрском участии Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова, Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного литературного музея (Москва), Литературного музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург),

Открытие II Международного форума литературных музеев «Наследие Н.М. Карамзина в культурном контексте»

Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург), Государственного музея А.С. Пушкина (Москва), Дворца книги — Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина . 10 декабря в Ульяновской областной филармонии состоялся концерт **«Николаю Карамзину. К 250-летию со дня рождения»**. Вместе с Ульяновским государственным академическим симфоническим оркестром «Губернаторский» под управлением приглашённого дирижера Михаила Мосенкова (Казань) выступили солисты ведущих столичных театров: солисты Московского музыкального театра «Геликон-опера» Алексей Исаев (баритон) и лауреат международных конкурсов Ольга Толкмит (сопрано). Художественное слово — заслуженный артист России Анатолий Белый.

В этот же день состоялось открытие выставки *«Карамзинская верста российского консерватизма»*. Впервые в выставочном пространстве Ленинского мемориала было показано становление и развитие консерватизма, одного из ведущих общественно-политических течений в России XIX — начала XX вв. Выставка позволила по-новому взглянуть на идеологию консерватизма как на особую модель развития государства российского. Посетители смогли поучаствовать в дискуссии и проверить свои знания в викторине.

Зарубежные исследователи наследия Н.М. Карамзина Андрей Митич, Родольф Боден, Иван Хорват

11 декабря состоялся *фестиваль-конкурс «Край Симбирский в истории государства Российского»*, в котором приняли участие свыше 160 творческих коллективов и более 1300 человек. Организатором фестиваля выступил ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области». Завершила Ассамблею *Историческая ночь в музее* — региональная акция, инициированная музеями Ульяновской области, прошедшая в вечернее время 12 декабря. Центральным событием в Ульяновском областном художественном музее стало открытие **выставки «Карамзин и его современники»**. Выставка организована совместно с Государственной Третьяковской галереей. Музей А.А. Пластова организовал площадку *«Письма русских путешественников»*, которая включила выставку «Русские художники в Италии» и мультиме-

дийную программу «Н.М. Карамзин и А.А. Пластов». Открытие новой экспозиции *«Н.М. Карамзин и Симбирский край»* стало важной частью программы литературного музея «Дом Языковых». Кульминацией Ассамблеи стало *Большое историческое собрание «Карамзин в движении времени»*. Участниками Собрания стали гости из 40 регионов России, а также Германии, Италии, Венгрии, Сербии, Франции и США. В число приглашённых гостей вошли заместитель председателя Комитета по культуре

Медаль Н.М. Карамзина получил директор Государственного литературного музея России Д.П. Бак

Санкт-Петербурга Елена Раздорская, директор Российского государственного исторического архива Сергей Чернявский, директор Государственного музея Л.Н. Толстого Сергей Архангелов, директор Всероссийского музея А.С. Пушкина Сергей Некрасов, директор Государственного музея-заповедника «Остафьево»-Русский Парнас» Анатолий Коршиков, директор Государственного музея А.С. Пушкина Евгений Богатырёв, директор Литературного музея В.П. Астафьева Владимир Маслянка, директор Государственной публичной исторической библиотеки России Михаил Афанасьев, заведующая отделом развития Государственного музея Л.Н. Толстого, журналист, телеведущая Фёкла Толстая, экономист, культуртрегер, потомок рода Карамзиных Фёдор Богородский. Модератором Собрания выступил Дмитрий

Бак, директор Государственного литературного музея России. Красной нитью Собрания прошла мысль о современности и востребованности Н.М. Карамзина, из уст выступающих прозвучал призыв изучать и популяризировать наследие историка и по прошествии юбилея, была высказана инициатива создания международного Карамзинского общества: «Мы убедились в том, что нужно создать международное Карамзинское общество. Европа изучает Карамзина, думает и размышляет над тем, что он писал».

Губернатор Ульяновской области Сергей Морозов вручил Медаль Н.М. Карамзина Дарановой Ольге, учёному секретарю Дворца книги–Ульяновской областной научной библиотеки

«Вестник Европы», который он издавал, существует до сих пор на русском и английском языках. Поэтому следующий наш шаг — объединить то, что было сделано, а международное Карамзинское общество соберёт учёных и тех, кто неравнодушен к творчеству Николая Михайловича. Его голос актуален как никогда: время, политическая обстановка, требуют обратиться к этому провидцу, который заглянул далеко вперёд, говоря о будущем России», — высказал своё мнение Анатолий Коршиков. В этот же день в фойе первого этажа работали костюмированные аниматоры, литературно-историческое кафе, тематические площадки. На всероссийской филателистической выставке «История государства Российского», была организована презентация художественного маркированного конверта Мини-

стерства связи РФ, посвящённого 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина, выпущенного тиражом 500 тысяч экземпляров и памятное гашение специальным почтовым штемпелем «Ульяновск — Родина Н.М. Карамзина».

Культурные события, посвящённые 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина, стали финалом года во многих регионах России.

В Балтийском федеральном университете имени И. Канта (Калининград) состоялась научная конференция «Николай Михайлович Карамзин — историк, мыслитель, патриот».

В Российской государственной библиотеке прошла международная научная конференция «Николай Михайлович Карамзин в русской книжной культуре».

Декады Отечественной истории прошли в Республике Дагестан, в республике Хакассия, на острове Сахалин, в Адыгее, в Туле, Тамбове и многих других регионах России. Государственный музей городской скульптуры Санкт-Петербурга, в ведении которого находится бывшее Тихвинское кладбище Александровской лавры (ныне Некрополь мастеров искусств Государственного музея городской скульптуры Санкт-Петербурга), в рамках федерального Плана мероприятий, посвящённых празднованию 250-летия со дня рождения Н.М. Карамзина провёл реставрационные работы по восстановлению надгробий Николая Михайловича Карамзина и его жены Екатерины Андреевны Карамзиной. Впервые за длительное время (!) проведены фундаментальные работы: почищен от биологических загрязнений мрамор, вызолочены литеры и венки, приведена в порядок ограда и территория вокруг надгробий.

Проведены большие реставрационные работы в Государственном музее-заповеднике «Русский Парнас». После длительной реставрации открылся Главный дом в государственном музее-усадебке «Остафьево», где историк прожил 12 лет своей жизни. Завершены работы в интерьерах первого парадного этажа и второго — жилого. Восстановлена планировка, великолепный архитектурно-лепной декор, печи с изразцами, паркетные полы, отреставрирован Овальный зал. На втором этаже, где находился кабинет великого историографа России, открылась постоянная экспозиция из 11 залов: «Николай Карамзин. Жизнь и труды». Также проведены работы по благоустройству территории, прилегающей к дворцу. Подводя итоги, можно отметить, что Карамзинская ассамблея стала достойной кульминацией 2016-го года. На фестивалях, съездах, конференциях, встречах-презентациях, церемониях вручения премий и конкурсах побывало более 15 000 человек. Ульяновская область достойно представила себя в качестве центральной федеральной площадки празднования юбилея Н.М. Карамзина.

Материал подготовила
Ольга Даранова,
учёный секретарь Дворца книги–
Ульяновской областной научной
библиотеки имени В.И. Ленина

Свою книгу представляет
Любовь Александровна Сапченко

Александр ТЯГНЫ-РЯДНО

ФОТОГРАФИЯ ● ОБРАЗ ЖИЗНИ ● ФОТОГРАФИЯ

«Фотография — Образ жизни — Фотография».

Сначала была Тишина.

Улица — Матросская Тишина, а точнее, роддом на этой улице, где ровно 60 лет назад всё и началось.

Потом были несколько школ, пара университетов, сотни редакций и городов, десятки стран и выставок, «Смена 8м» и «Зенит», «Олимпусы» и «Лейки», «Никоны» и «Кэноны».

Была Жизнь, Любовь и Фотография.

И теперь будет Книга.

Мне очень хочется показать всем вам эту книгу. Ведь рожали мы её очень долго и всем миром: с мамой и женой, дочкой и внуками, друзьями и коллегами, учителями и учениками.

Из тысяч в неё отобраны всего 600 фотографий, они разложены по трём томам и сложены в один короб.

Много это или мало, хорошо или плохо судить вам.

В любом случае всем вам Спасибо!

Ваше, Тягны-Рядно.

В начале 2016 года вышла трёхтомная монография фотографа Александра Тягуна «Фотография — образ жизни — фотография».

Издание подготовлено к 60-летию автора и включает около 600 фотографий, начиная с первой творческой фотографии, снятой ещё «Сменой-8» в 1979 году, и заканчивая последними фотографиями 2015 года, и состоит из трёх томов. Первый том посвящён жанровой чёрно-белой фотографии, объёмно показывающей жизнь страны на сломе эпох в лучших традициях русского фотографического символизма. Во втором автор, продолжая традицию классического психологического портрета, представляет зрителю галерею знаменитых учёных, политиков, бизнесменов; мировых звёзд театра и кинематографа; всемирно известных писателей и поэтов. Третий том посвящён поискам современного языка и стиля в цветной фотографии, в него вошли работы последних семи лет. Фотографии объединены в 29 самостоятельных проектов — глав,

которые размещены в хронологическом порядке.

Кроме большой исследовательской статьи фотографического критика Виктории Мусвик, каждую главу монографии предваряют написанные с большой любовью к фотографии мини-эссе учёных, писателей, журналистов, критиков. Среди авторов монографии: академик Юрий Рыжов; главный редактор журнала «Сноб» Сергей Николаевич; дипломат и путешественник Сергей Ястржембский; писатели Татьяна Щербина, Николай Климонтович, Дмитрий Стахов, Олег Шишкин, Наталья Осс; доктора наук Елена Петровская, Мария Головановская, Наталья Исаева и другие. В течение года было проведено несколько фотовыставок, демонстрировавших проекты вошедшие в книгу. Серия презентаций началась 12 февраля в галерее «Домик Чехова» выставочного объединения Манеж, затем — выставки и презентации в Лондоне, Угличе, Иваново, Шуе, Екатеринбурге и Санкт Петербурге.

Наталья ИСАЕВА

ВАСИЛЬЕВ ПАРАУТОПИЯ АБДУЛЛАЕВА¹:

отпечаток
невозможной земли
в материи
воздушного голоса

о книгах

Запрещает себя говорить,
запрещает себя подтверждать.
Но как невидимка бывает облеплен и выдан зрению
ливнем,
так и не слово зияет среди
книги вслух,
смеха, гОлоса,
песен в такси, в унисон
в ухо стонув и пересказа кино,
океана с обеих сторон, новостей
нашего горя сквозь свет, болтовни по ночам —
и все больше в дыре не слышна умолчания весть,
все яснее, зачем.

Хельга Ольшванг

Приветствую вас и очень вам завидую, потому что у вас реально в руках вот эта книжка. Книжка, знаю, прекрасно изданная, потому что в этом же издательстве — ABCdesign — выходил пару лет назад и Ханс-Тис Леман, «Постдраматический театр», который я переводила. Поэтому я знаю, какое там оформление — это одна и та же театральная серия, которая будет существовать теперь и будет развиваться и дальше (в планах издательства, к примеру, — Антонен Арто). А у меня эта книжка пока — только в компьютере, это конечно не совсем то, но я могу постараться представить себе эту — «Параутопию».

Итак: «Утопия» — место, которого нет, небывальщина, куда не попасть, даже если очень хочется, — как в этот домик колонистов из «Серсо», — даже если только туда и стремишься, утопия так и останется недостижимой. Но всегда можно быть рядом — всегда можно оставаться где-то по-соседству, там жить, там поселиться, об этом говорить, вокруг этого кружиться... Вот ведь как — есть, скажем, «пара-докс», то есть

существует «докса» — «знание», «вера», нечто твёрдое, прочное, и «пара» — что-то вокруг, что-то, что всё переворачивает, «парадокс» — нечто совсем перевернутое, иное, искаженное? — о нет, скорее — совсем поновому выстроенное знание!

«Пара-фраза» — мы говорим некую законченную фразу, — и потом иносказательно повторяем её же другими словами. Красим другими красками — и она поворачивается совсем другим боком, гораздо острее, гораздо неожиданнее... Или, скажем, «пара-бола» (греч. *параβολή*) — геометрическое место точек, камушков, равноудалённых от некой заданной прямой или некой фиксированной точки. Ещё так называют «возле-брошенное-слово», то есть слово, которое не называет свой предмет точно, слово, которое держится по-соседству, рядом, где-то в размытой, сияющей близости значений сопутствующих.

Об этом много рассказывал Сергей Сергеевич Аверинцев, он занимался Платоном, он занимался Византией, он занимался вообще много греками. И для него это представление о «рядом-брошенном-слове» было

¹ Зара Абдуллаева, Анатолий Васильев. Параутопия. 2016 г., Изд. ABC-дизайн, С. 368.

очень важным. Я-то вообще видела его ещё живём, когда в старших классах и на первом курсе Университета, бегала на его лекции. Знаете, он потом преподавал в ГИТИСе, да, были времена, когда Аверинцев приходил в ГИТИС, а, скажем, во ВГИК приходил и читал лекции Мераб Мамардашвили...

Так вот: Сергей Сергеевич прекрасно разговаривал. У него никогда не было бумажек, записок, он говорил поэтически, очень красиво... Но вот каждый раз, когда он подходил к важной мысли, к чему-то, что ему самому было очень дорого, к чему-то, что было сложно... Ну, например, когда он начинал говорить о метафизике, о сущности Бога, он вдруг запинаясь, как если бы не мог найти подходящего слова... Не потому что не умел сказать — он был прекрасный ритор, оратор, но просто бывает очень важно — вот так, в момент, когда говоришь, не тыкать пальцем «в десятку», а просто так и оставаться рядом, по-соседству, — вот ровно так, как это делается здесь, в «Пара-утопии».

Вообще, если книжка сложилась, если книжка произошла — за всё это мы должны благодарить прежде всего Зару Абдуллаеву. Она от Васильева не отставала. Он там пишет, как они встречались и эта маленькая женщина, упрямая, упорная, в черных чулочках, во французских «балетках», как она бегала за ним, как она упорно требовала — требовала, чтобы он говорил, чтобы он с ней беседовал, чтобы вступал с нею в диалог.

Она приезжала в Лион, когда мы только начинали там работать, это было в 2004-м, в 2005-м, когда только складывалось Режиссерское отделение, режиссёрский факультет в знаменитой французской театральной школе ЭНСАТТ (ENSATT). Вот она приезжала в Лион, встречалась там с Васильевым, потом она ездила в Венецию, потом была в Москве рядом с ним, и вот так же все время лежал рядом диктофончик и что-то там шуршало и крутилось — и записывалось... Записывался живой голос. Да, конечно, в книжке есть и прежние материалы «от Зары» — из этого журнала «Искусство кино», который издают Зара Абдуллаева, Даниил Дондурей, и где много печатался Васильев. Статьи о Ларсе фон Триере, о Кире Муратовой, большая статья о Феллини... Но все-таки для меня самые дорогие, самые главные тексты — это те тексты, которые записаны с живого голоса. И те, которые этот живой голос и живую интонацию сохраняют. Живая интонация — это ведь не просто такой «оживляж», что-то, добавляемое декоративно, чтобы всё покрасивше выглядело и чтобы зрители и слушатели не помирали со скуки.

Нет, живая интонация — она для другого. Дело в том, что смысл иначе не передаётся. Меня этому научил как раз Васильев.

Потому что тогда, когда начиналась работа в Лионе, и были лекции... Зара говорит: вот, Васильев начинает всегда с Чехова, он начинает работать со студентами, это всегда Антон Палыч... Ну, на самом деле — не так, не совсем так, совсем не так... Васильев со своими студентами в разных странах начинает всегда с Платона. С диалогов Платона. А я вообще по образованию, по тренировке, выучке своей — я профессиональный философ. Мне всегда казалось, что я Платона знаю сверху донизу, с ног до головы. И я училась у Васильева вот этому — иному. Тогда я сидела в уголке в комнате, а они разговаривали с Зарой, и я иногда, чтобы им не мешать, спускалась, сбегала вниз с этой нашей Волшебной горы, энсаттовской, спускалась вниз в старый город, в Лион, в этот масонский, в средневековый Лион, бродила там и думала: ведь совсем по-другому, тот же Платон, который для меня так важен, — он совсем по-другому поворачивается, когда студенты вдруг выстраивают его диалоги, из себя, своими словами, когда Васильев им говорит об этом живым словом... И в этот момент я поняла, что вообще применительно к Платону это очень важно, и что вообще для метафизики это очень важно. Живое слово, живая интонация, вот то, что в этой книге вполне сохранено (сохранно), что и составляет её особенность — этой самой «Параутопии». Есть такой знаменитый диалог Платона «Федр», где как раз даётся противопоставление речи звучащей, устного слова — и речи записанной, остановленной. То есть прежде всего мы имеем дело с «логосом». Это то, что Платон называет ζων λόγος — «живой Логос» — именно живой, дышащий, ну, как зверь какой-нибудь, как животное. Вот этот ζων λόγος как что-то живое, шевелящееся, что никогда не может застыть, остановиться в смерти. И γραμμα — записанный текст, который, конечно, и в подметки не годится этому логосу, когда они различаются как живое и мертвое. Разница между устным словом и словом записанным... Это очень важный момент для Васильева, и я думаю, что это момент, который существен для всех нас. Есть что-то, что сохраняет смысл. Есть что-то, в чем смысл может жить. Это именно слово произносимое, слово устное. Смысл не может передаваться иначе, вот то, что происходит между наставником и учеником, то, что происходит между режиссером и актером, что потом в конечном счёте про-

исходит между актером и зрителем, — вот эта живая передача, которая существует в момент произнесения, в момент, когда слово сказывается.

Всё дело в самой особенности этого смысла. Есть и ещё один очень важный диалог Платона, «Тимей», которым тоже Васильев занимается со своими студентами. Об этом диалоге очень много писал Жак Деррида (Jacques Derrida), из русских философов для меня было важно мнение Михаила Ямпольского: он обратил моё внимание на один пассаж, который там содержится. Да, есть Логос, есть некий божественный смысл, который желает войти в мир и перестроить этот мир по своему образу и подобию. Есть некий смысл, который хочет отпечататься в этом мире. Но все дело в том, как этот смысл принимается. Не просто вот этот сияющий золотой фаллос смысла, этот голос, не просто золотой пестик, который вот входит — и оставляет свой отпечаток. Важно, как мы сами умеем его воспринимать, как мы сами умеем слушать. Ведь тут создаётся некое поле взаимного натяжения, с двух сторон заряженное электричеством, с двух сторон несущее энергию. Каким образом смысл входит в мир? Его принимает не просто какая-то мертвая, косная материя, принимает его х́ора. Вот если Логос всегда — это мужское начало, смысл, который силен, который мощен, который взламывает нечто, вторгается внутрь, то «хора» — это начало женское, как бы часть материи, но особая часть. Наши философы, когда они переводят диалоги Платона, они переводят слово х́ора как «пространство». На самом деле, это такая тоненькая мембрана, такая живая плёночка, также заряженная энергией. Ну, вот если бы смысл просто смысл входил в материю и оставлял свой неизменный отпечаток — это одно дело, так мог бы существовать и письменный текст, и мир, весь мир как письменный текст. А вот если смысл записывается скорее как на восковой дощечке, если он постоянно стирается, если он размывается, если он выкачивается как бы приблизительно, меняя своё значение, попутно оборачиваясь другой шкуркой, другой своей стороной, — его должна уметь принимать эта «хора», потому что на самом деле все только и начинает строиться с этой плёночки, с этой мембраны, на самом деле только так и начинают разворачиваться пространства и начинает разворачиваться вся вселенная.

Ну, кашмирские шивайты, индусы, — они тоже полагали, что на самом деле мир строится из звучания, из гласных звуков... Гласные, которые растягиваются и благодаря вот этому растяжению как раз и выстраивается все пространство, выстраивается время. Вна-

чале есть некая «корневая мантра», гулко звучащая в пустоте, «биджа-мантра», а потом уже из неё выделяются отдельные звуки, слова, и всё растягивается наконец в мир — в мир предметов, существ и отношений. В этот виртуальный мир, существующий вокруг этого значения, по соседству с ним. Ну ведь точно так же ведь для византийских Исихастов сущность Бога непостижима, мы никогда не сможем её схватить, никогда не сможем узнать, это чёрная дыра, ουσία, но вокруг неё есть светящаяся область «имён Божьих», вот эта область разных названий, разных попыток определить. И только в этих «именах Божьих» и заложены энергии, благодаря которым вся вселенная строится, растягивается и вообще — начинает быть.

Я тут говорила о плёночке, мембране «хоры», но ведь Васильев говорит об этом же самом — и вы найдёте это в книге. Он говорит о том, что на самом деле область искусства — это «зазор», и вот в этом живом «зазоре», несовпадении, в этом разъёме, в этой щели как раз и существует художник, творящий нечто, — существуем и мы, внимающие живому голосу этого художника, потому что не только искусство нуждается в метафизике, ну, чтобы, скажем обрести некую глубину, но самое смешное, что — ничуть не меньше — и сама метафизика нуждается в искусстве, она не может быть названа, обозначена раз и навсегда, она нуждается в этом дрожании, в этом «зазоре», в этой вибрации, в этой вечной пульсации внутри промежуточного пространства. Нуждается в способах «косвенного сообщения», — как рассказывал нам датский философ Сёрен Кьеркегор. Ну это же он говорил: бывает нужно передать нечто другому человеку, но при этом важно, чтобы то, что я хочу передать, я передавал, сам не останавливаясь, и чтобы этот человек, мой адресат, чтобы он тоже не останавливался, чтобы я не задерживал его, не тормозил его движение своим актом передачи. Чтобы это происходило как бы на бегу, как бы почти обязательно, и непременно — чтобы это происходило в живом слове, в живом общении. Только так метафизике лучше жить, только так она может реализоваться. Только в этой неопределенности, только в этой туманной, зыбкой области, в этом голосе, который продолжает звучать...

Васильев говорит ещё — и тоже вы увидите это в книжке — он говорит о том, что нам дарована способность со-творчества, как если бы само творение не было до конца закончено. Как если бы в этой вселенной существовали ещё пустоты, такие карстовые

пещеры, которые должны быть заполнены. И в этих пещерах, в пустых пространствах должен звучать голос, наш голос... Потому что мы - мы все ведь тоже со-творим, мы со-слушаем, мы — со-сердечные слушатели, мы те, кто откликается по мере сил на голос Бога. И нам дана возможность этого со-творчества, рядом с Богом, рядом с высшей силой — мы можем вставить что-то своё, вставить вот в эти пустоты... И такое устройство мира задано прежде всего смыслом и звуком голоса. Ну, я бы сказала только, что когда мы пытаемся творить что-то своё, важно быть в резонансе, исихасты сказали бы — в «перихорезисе» (περιχώρασις), во «взаимопроникновении» с этой высшей силой, отвечающей за строительство мира; нам тут важно попадать в правильное эхо. Но мы не просто слушаем — мы действуем вместе. То есть речь идёт не просто о созерцании, не просто о принятии чего-то пассивно, но об умении участвовать в этой деятельности, благодаря которой и создавалась вселенная. Вот французские актеры, студенты — они очень любят, когда им всё объясняют, объясняют до последнего момента, до последнего значения. А Васильев говорит: пусть лучше останется непонятно, пусть лучше они начнут сами участвовать, ещё не осознав до конца. Сами начнут действовать в резонанс с тем, что предложено. Важно, чтобы это со-творчество проходило в виде эха, чтобы оно откликалось, чтобы шло в резонанс, тогда и всё вообще в этом мире, откликнувшись, начинает перекликаться на разные голоса — и всё начинает вибрировать, играть, внутренне петь, разговаривать стихами...

Ну, вот в этой книжке, — в книжке, которую вы читаете сейчас, которую вы открываете и смотрите — там ведь тоже очень многие вещи рифмуются между собой. Скажем, есть какие-то истории из жизни Васильева, есть какие-то вещи из его биографии какие-то анекдоты... Скажем, история с Бабановой — история, когда он записывал с ней «Дориана Грея», они готовили специальную вещь для радио, которая вся, вся опиралась на этот её голос — холодноватый, прозрачный, стеклянный такой голос — а потом Васильеву пришла в голову мысль: а не записать ли с нею Беккета, а не поставить ли с нею «О, прекрасные дни!». Они тогда оба надеялись, что этот спектакль может быть будет как-то поставлен в филиале МХАТа... В общем, не получилось: Бабанова заболела, вся эта идея так и не реализовалась.

Дальше в книге есть к этому рифма: история, совсем-совсем другая, отдельная история, когда Васильев предложил парижскому Театру де ля Виль (Théâtre de

la Ville) проект, в котором должен был участвовать Чехов «Лебединая песнь», а все ремарки, дидаскалия, всё должно было прийти из Беккета, из этих «Прекрасных дней», которые когда-то готовила Бабанова. Он очень надеялся, что это получится... Нет, тоже не вышло, но все-таки рифма осталась и осталась эта переключка. Ну вот так же точно существует рифма к Славкину, который все время поминается в связи с «Серсо», со «Взрослой дочерью молодого человека», и Васильев о нем очень много думает, неотступно, и об этих спектаклях говорит, и о текстах, — и потом есть продолжение — печальная история, есть некролог, есть вот такой «Реквием» и стишок, текст, есть этот текст по уже умершему Славкину... Текст, который Васильев писал в Париже. На таких связях, на тоненьких ниточках держатся очень, очень многие истории. В книге очень слышен вот этот живой голос, всегда слышно, как раздвигается это виртуальное пространство и как выстраивается эта вселенная.

Потому что всякий мир — в особенности мир театральный — это мир, который прежде существует как та свернутая звуковая мантра, то есть как мир сонорный. Он держится на звуке голоса, и только потом к этому присовокупляется нечто другое, только потом присоединяются какие-то визуальные картинки. Потом он расцвечивается, поворачивается с разных сторон, но прежде он живёт голосом. Ну так же, как у Васильева. Он говорит, что когда ставит спектакли, всё тут держится на трёх интонациях, которыми мы обычно пользуемся в театре. Вы увидите это в тексте о Гротовском, в других текстах. Он говорит, что есть интонация повествовательная, нарративная, она пригодна, скажем, для психологии, она пригодна для пересказа нарративных по своей природе произведений. Она пригодна, чтобы исследовать человеческие чувства, например.

Если чувства нужны нам преувеличенно-театральными, приходит на помощь вторая интонация — экскламативная, «восклицательная». И ничто не может держаться, никак не может существовать — ни этот мир, ни мы сами, ни произведение искусства — без интонации утвердительной, аффирмативной, — той, что опускается вниз и идёт вглубь. Вот в тексте о Гротовском об этом прекрасно сказано. Для меня это каким-то странным образом рифмуется и отзывается в самом смешном разделе из книги... Я не знаю, я, может, побоялась бы что-то подобное в книгу вставить. Васильев, конечно, посмелее будет...

Вот этот раздел, написанный голосом, с голоса Капитана Лебядкина. Вот эти стишки неприличные, непристойные, грязноватые, — вот эти стишки, — они, как мне кажется, опираются на бесконечную горечь, на неизбывный страх, на трепет каждого из нас перед... перед лицом Ничто, перед возможностью погибнуть. Тогда нам остаётся только ёрническая интонация, эта интонация Капитана Лебядкина... Фёдор Михайлович хорошо про это понимал - и Васильев тоже неплохо это слышит. Я, когда говорю обо всем этом и стараюсь своими словами пересказать книгу и откликнуться на неё, я хочу прежде всего донести до вас ту простую мысль, что хотя книжка писалась ну, может быть, на протяжении двадцати лет, тексты в неё вошли самые разные, — и те тексты, которые уже существовали прежде, и тексты, написанные совсем недавно, но сама эта книжка — никоим образом не какой-то исторический документ, не просто факт биографии Васильева.

Живые вещи, с которыми он работает — это всё живые вещи, которые очень важны для современного театра. Потому что я вижу, что вот многие современные художники занимаются сходными проблемами. Ну я вот несколько дней тому назад бегала смотрела Франка Касторфа, который привёз сюда во Францию своих «Братьев Карамазовых» («Die Brüder Karamasow»). Спектакль прошлого года, но вот он его довёз наконец, должны были показывать в Бобиньи, у Ортанс Аршамбо (Hortense Archambault), но там сейчас ремонт, из-за ремонта пришлось перебраться в другое место, которое оказалось очень удачным. Так называемая «Индустриальная площадка» — Friche industrielle Babcock — в пригороде Парижа. Бывают такие пустые промышленные места, заброшенные помещения заводов, фабрик, оттуда всё вывезено, — такое место неприглядное, ободранное, которое и существует как анфилада пустых пространств. Для меня это и есть та цепочка пространств, которые словно раздвигаются усилием голоса. Потому что Касторф умеет с этим работать, он умеет работать с живой камерой, которая снимает в реальном времени. Но эта живая камера из всего целого выхватывает даже не кусок визуального образа, а вот эту картинку рта — кричащего, искаженного рта, с силой выталкивающего из себя звук. Рта, который пытается докричаться до нас, пытается доплакать, досмеяться. И именно усилием этого голоса раздвигаются горизонтальные пространства. Не все сцены там видны, что-то снимается через щель, проем, через узкий зазор, но стены

раздвинуты именно благодаря этому человеческому голосу, который несёт в себе заряд страсти, который весь стоит на этой внутренней энергии смысла.

Ну, и ещё один подобный же опыт каких-то голосовых, сонорных экспериментов, очень важный, — это Саймон МакБёрни (Simon McBurney), вы знаете конечно, руководитель английской группы «Комплисите» («Complicité»). Только в этот раз он был без своей команды, последний спектакль, который он сделал, — это «The Encounter», — «Встреча», или «Столкновение». На сцене он один. У него огромная команда техническая, потому что он работает со звуком. Он работает самым необычным способом, когда благодаря специальным наушникам создаётся стереоскопический, бинауральный эффект, то есть звуковые волны, достигающие наших ушей, слегка сдвинуты по фазе. Мы слышим голоса, мы слышим шёпот, крики, сопутствующий шум, мы слышим их как бы локализованными в разных местах — и на этом тут создаётся новая виртуальная вселенная. И внутри такой сонорной вселенной мы попадаем в какие-то тропические леса Амазонии, попадаем к голым индейцам под тропический дождь, в бурю, в оглушающий шум, — всё для того, чтобы бежать ночью с ними, для того, чтобы потом в состоянии транса проходить через исходный обряд, через первичный ритуал сохранения мира. Потому что вселенная - просто, чтобы ей жить дальше, чтобы ей существовать дальше - она должна всё время обновляться звуком этого голоса и проходить через вот эту первичную «озвучку». Проходить через этот стон, этот крик, этот звук первородный, начальный. И вместе с Саймоном МакБёрни мы — зрители, слушатели — тоже могли это сделать внутри звука. Потому что вселенная, которая тут создаётся, пространство, которое тут раздвигается, как раз и созданы здесь исключительно усилием звучащей, фонетической, голосовой материи.

А вот и сам Васильев, его последний спектакль — спектакль в «Комеди Франсез» («Comédie Française») на площадке «Старой Голубятни» («Vieux Colombier»)... Странная история, он ведь взял текст очень французский, такой по-своему камерный. Маргерит Дюрас (Marguerite Duras). Классик авангарда. Ну, и очень такая французская драма. Очень любимая здесь, очень как бы понятная, очень небольшая по объёму, «Музыка», потом «Вторая музыка» («La Musica», «La Musica deuxième»). И Васильев, который вначале работает с интонацией повествования и психологических отношений,

допустим, отношений между мужчиной и женщиной, между любовниками, супругами... И Васильев, который от всего этого переходит к интонации совсем другой. В своих этих вербальных тренингах, на этой технике, которая всем нам памятна по «Медее» Хайнера Мюллера. «Медья-материал» («Medeamaterial»), где Валери Древилль творила чудеса при аффирмативной интонации, где она создавала свою вселенную... А здесь — актёры «Комеди Франсез», которые как будто и не обучены этому, но все-таки сумели, все-таки научились...

И если Франк Касторф раздвигает пространство по горизонтали, то Васильев на этой своей интонации выстраивает вселенную вертикально. Есть три мира, три пространства. Вверху горний мир, где висит клетка с голубями: десяток голубей, горлиц, которые во время спектакля по большей части даже не видны. Они там что-то лопочут, курлычут и это идёт как постоянное звуковое сопровождение спектакля — вот этот шорох, вот этот тёплый шорох их голосов, — и шорох крыльев, которые хлопают. То ли голуби, то ли ангелы, от которых сверху — но к нам, вниз, мы это видим, — падают пёрышки. Потом голуби становятся видны, отпускаются, показываются, но есть всегда это ощущение: где-то там, наверху, висит над нами этот обозначенный так — высший, верхний мир. Есть среднее пространство, где распутывают свои сложные отношения герои. Мужчина и женщина — вот мы видим, как они что-то вспоминают, вот они разговаривают с другими, новыми любовниками. Есть какие-то отношения, вроде бы психологические, но потом из всего этого задан выход — совсем в другое пространство. И есть ещё третий мир — мир подземный, куда они уходят, спускаются, чтобы зарядиться совсем другой энергией — энергией черного света. Этот мир просвечивает и сюда, к нам: пол щелястый, так что все пространства тут сообщаются между собой. Тогда по вертикали, по этой вот линии, по вертикальной черте разыгрывается вся вселенная, совсем новая вселенная, — вот этот виртуальный мир, который создаётся здесь усилием режиссёра.

Ну а я, когда я думаю об этой вербальной технике Васильева, о которой он пишет прежде всего в очерке, посвящённом Гротовскому, — я всегда думаю ещё об одной фигуре, которая может встать вровень. Для меня эти трое как-то соединяются вместе, работают, как мне кажется, со сходными энергиями. И прежде всего

с энергией живого голоса. Это, конечно же, Васильев, Гротовский, Антонен Арто (Antonin Artaud).

Антонен Арто, который тоже очень любил фонетические упражнения, который чувствовал звуковую аллитерацию, который очень любил звучание само по себе — и все странные игры вокруг этого звучания. Я смотрела недавно фотографии его тетрадок, у него было 406 школьных тетрадок в клеточку, которые он вёл уже в последние годы своей жизни, уже в этом приюте на Родезе. Эти тетрадочки очень похожи на записные книжки Васильева. Там тоже есть рисунки карандашом, такие «лучистые» наброски, рисунки со смазанными очертаниями. Где контур все время не совпадает сам с собою, где контур все время множится, все время двойится, тройится, расплывается. И рядом текст, обрывочный текст, заметки для памяти, для себя... А потом — о чем-то другом. А потом — просто какие-то слова, складывающиеся в стишок, или в фонетическое упражнение, в детскую считалку. Для меня это очень похоже. И важно, чтобы эта книга, которая создавалась живым голосом Васильева, где он разговаривает с нами напрямую, — важно, чтобы не только в тот момент, когда он говорит с Зарой, а Зара пишет всё это на диктофон, и задаёт ему свои вопросы, и дразнит, и провоцирует, — важно, чтобы и теперь, когда он разговаривает с нами, мы тоже сумели занять это место собеседника...

Чтобы мы были вровень ему, чтобы каждый из нас становился тут «вторым», то есть полноправным участником диалога, — тем, кто разговаривает навстречу, кто слушает навстречу, кто готов встретить его на полдороге, понять с полуслова, с полу-мысли. Надо попробовать, чтобы вместе с Васильевым выстраивать эту виртуальную вселенную, которая должна же как-то получаться — у каждого по-своему... На собственный лад. Потому что та вселенная, которую конструирует Васильев — я бы сказала, что она делается не из какого-то там прочного, надежного материала, не из молекул, не из клеточек, не из каких-то там кирпичей — о нет, она вся строится на виртуальной импровизации, на джазовых «квадратах». Будем читать — будем слушать. Слушать живой голос, который останется с нами.

Запись выступления по скайпу из Парижа на презентации книги записанных бесед в Москве.

Алла Алексеевна ЯЗЬКОВА

(1930–2016)

От нас ушла профессор Алла Алексеевна Язькова, блестящий ученый, историк и политолог, специалист по истории и текущей политике многих европейских стран. Её знали по обеим сторонам Атлантики, знали на берегах Средиземноморья, Большого Черноморья. Её как друга принимали в столицах государств, даже тех, отношения с которыми складывались трудно и неровно. Принимали – потому что она была объективна; но, и более того, она умела понять и учесть позицию, интересы партнера, другой страны – нечастое, но необходимое искусство в достижении если не консенсуса, то хотя бы компромисса.

Её энергии хватало на всё, она работала до последнего дня, не давая себе ни передышки, ни скидок на возраст.

Алла Алексеевна родилась 19 мая 1930 года в Киеве, но всю свою сознательную жизнь прожила в Москве. Она училась на историческом факультете МГУ в трудные годы позднего сталинизма (окончила университет в 1952 году). Более сорока лет она проработала в институтах Академии наук; последние годы — в Институте Европы, где возглавляла отдел черноморско-средиземноморских исследований.

Главной сферой интересов Аллы Алексеевны как учёного – историка и специалиста в области международных отношений – стал регион Юго-Восточной Европы, Кавказа и Причерноморья, Большого Черноморья и даже, пожалуй, шире – Средиземноморья. Колыбель европейской цивилизации, православия, других версий христианства, иных конфессий, эпицентр столкновения и сплав различных культур, источник бесконечных конфликтов на протяжении веков... Грузия, Турция, Болгария, Румыния (Язькова была крупнейшим специалистом по истории и политике Румынии), Греция, Югославия, а позднее – страны на постюгославском пространстве.

В 1977 году Алла Алексеевна с блеском защитила монографию «Малая Антанта в европейской политике (1918–1925гг.)» в качестве своей докторской диссертации, показав истоки и глубинные корни многих проблем и процессов истории международных отношений в Европе после Первой мировой войны. Язькова была крупным мировым экспертом по проблематике Балканского региона и Большого Черноморья. Её очень удручало то, что в последние годы темы, связанные с исследованиями данного региона, стали излишне острыми, а сама зона Черноморья – чреватой постоянными конфликтами.

Алла Алексеевна была неутомимым участницей международных встреч, обсуждений, конференций и совместных работ с мировым научным сообществом, где её хорошо знали, а её суждения эксперты принимали во внимание и относились к ним с большим уважением.

На протяжении многих лет Алла Алексеевна вела преподавательскую работу в МГИМО, где получила учёное звание профессора, подготовила большое количество первоклассных дипломатов и учёных.

Алла Алексеевна – убеждённая «шестидесятница», обладавшая всем комплексом ценностей этого – блестящего, замечательного! – поколения, главными из которых стали неприятие авторитаризма и тоталитаризма, выстраданная вера в демократические ценности, доказавшие свою жизнеспособность в современной Европе и в мире, а также вера в способность России пройти свой путь и достойно войти в круг ведущих современных демократий.

Алла Алексеевна плодотворно и щедро сотрудничала с журналом «Вестник Европы». В течение десяти лет она курировала в нём (абсолютно бескорыстно) раздел международной политики: много писала сама, постоянно привлекала авторов из академической среды, добывала, переводила и редактировала материалы зарубежных коллег, которые с радостью сотрудничали с ней. Вместе с А.А. Язьковой и работавшей тогда послом Сербии в России доктором Елицей Куряк мы выпустили сложнейший по организации номер, посвященный ситуации на постюгославском пространстве, развитию независимых государств на территории бывшей Югославии. В том номере были также помещены и статьи ученых из всех этих стран. Алла Алексеевна верила в огромный миротворческий потенциал Европейского Союза, хотя и трезво оценивала его проблемы и несовершенства; с тревогой восприняла она известие о «Брексите», ставшем результатом гуманитарного кризиса в ЕС и на Европейском пространстве; остро воспринимала тот узел проблем, который затягивался всё туже в зоне Большого Черноморья.

Алла Алексеевна была одним из тех ученых, которые стремились не обострять разногласия, а находить точки и зоны возможного контакта и взаимодействия. Она умела мыслить в перспективе большого исторического времени, в широкой исторической ретроспективе, а в перспективе требует лишь мира и согласия.

Она любила нашу редакцию, участвовала в её жизни, опубликовала в «Вестнике Европы» 16 статей, которые навсегда останутся в собрании лучших авторов этого журнала с двухсотпятнадцатилетней историей.

Вечная ей память.

С благодарностью

Редакция журнала «Вестник Европы»

Публикации А.А. Язьковой в «Вестнике Европы»:

[http://magazines.russ.ru/vestnik/](http://magazines.russ.ru/vestnik/vestnik-evropy.ru)
[vestnik-evropy.ru](http://magazines.russ.ru/vestnik/vestnik-evropy.ru)

Язькова А.А. Балканский узел. № 2. С. 18.

Язькова А.А. Государства Южного Кавказа в новом геополитическом измерении. № 7. С. 8.

Язькова А.А. Европа–Америка–Россия – вместе или порознь. № 6. С. 252.

Язькова А.А. Интеграция России в систему Евро-Атлантической безопасности. Балканский аспект. № 5. С. 26.

Язькова А.А. Кавказ и Россия. Из истории российско-грузинских отношений. № 11. С. 83.

Язькова А.А. Южный Кавказ и Россия: уравнение со многими неизвестными. № 19. С. 20.

Язькова А.А. Большой Черноморский узел. № 21. С. 21.

Язькова А.А. О конфликтах «замороженных» и иных. Современный архив. № 24. С. 5.

Язькова А.А. Несвоевременные заметки о федерализме. № 26-27. С. 66.

Язькова А.А. Государства Южного Кавказа и Россия. № 28-29. С. 31.

Язькова А.А. Нагорный Карабах: Возможен ли выход из тупика? № 30. С. 56.

Язькова А.А. Европейский азимут. № 31-32. С. 194.

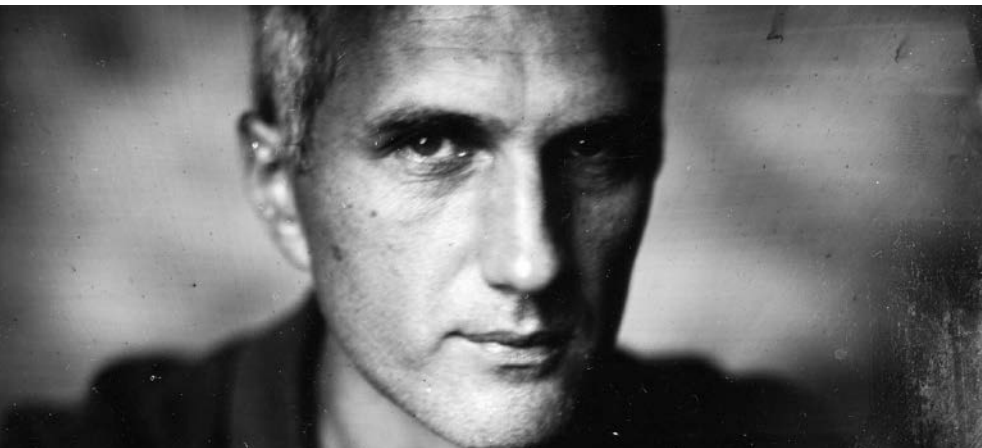
Язькова А.А. У Черного моря. О геополитике и геоэкономике Большого Причерноморья. № 33. С. 70.

Язькова А.А. Грузия на чаше весов. № 34-35. С. 102.

Язькова А.А. Республика Молдова: «европейское пограничье». № 36. С. 56.

Язькова А.А. Восточное партнерство. № 38-39. С. 180.

Эмиль Гатауллин

© Фото: Миша Бурацкий. Галерея Art of Foto

Эмиль Гатауллин — фотограф и художник, родился в 1972 году. Живет в городе Королев Московской области. В 1999 году окончил Московский художественный институт (МГАХИ) им. Сурикова по специальности монументальная живопись. В 2003-2004 годах учился у Александра Лапина — одного из ведущих российских теоретиков фотографии, фотографа, автора книг и статей. С 2005 года член Союза фотохудожников России.

Победитель международных конкурсов фотографии PhotoVisa (2015), The Alfred Fried Photography Award (2014), Best Photographer (2009), Финалист международного фестиваля Vilnius Photo Circle (2014), Лауреат Фестиваля уличной фотографии (2012) и конкурса Молодые фотографы России (2005). Сайт: www.emilgataullin.com

Персональные выставки:

- 2016 «В сторону горизонта», галерея GAF, Ганновер, Германия.
- 2016 «В сторону горизонта», галерея Art of Foto, Санкт-Петербург.
- 2016 «Колыма. У времени в тени», Вологодская областная картинная галерея, Вологда.
- 2016 «Колыма. У времени в тени», Магаданский областной краеведческий музей, Магадан.
- 2015 «Колыма. У времени в тени», Красноярская Ярмарка Книжной Культуры, Красноярск.
- 2015 «Колыма. У времени в тени», международное общество Мемориал, Москва.
- 2015 «Колыма шаламовская и современная», галерея «Красный угол», Вологда.
- 2014 «В сторону горизонта» — международный фестиваль фотографии «Vilnius Photo Circle», Вильнюс, Литва.
- 2012 «Без слов», выставочный зал объединения художников «Промграфика» Московского Союза художников, Москва.

“ В сторону горизонта ”

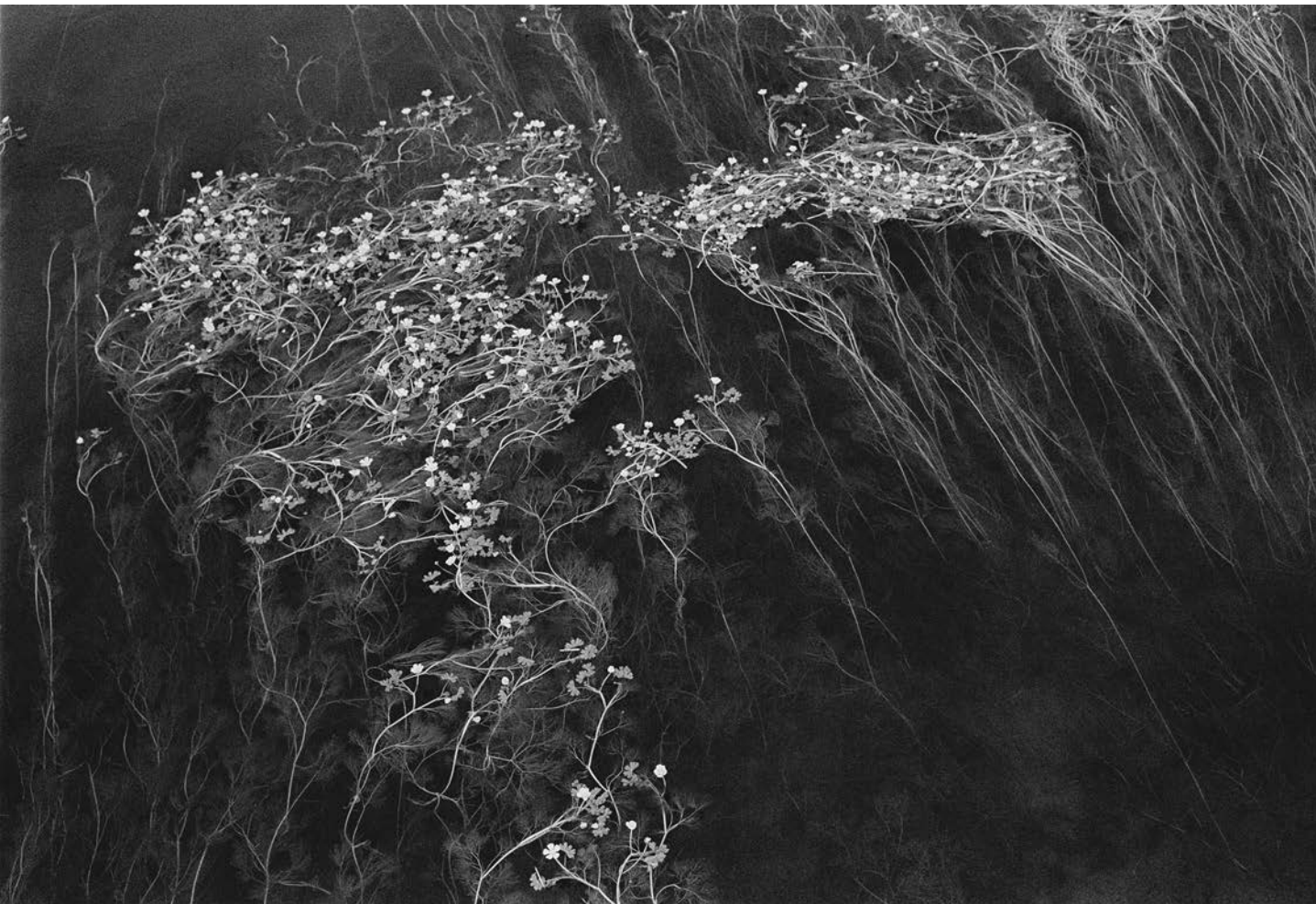
© Фото: Эмиль Гатаулин. "Из серии «В сторону горизонта»"

© Фото: Эмиль Гатаулин. Из серии "В сторону горизонта"

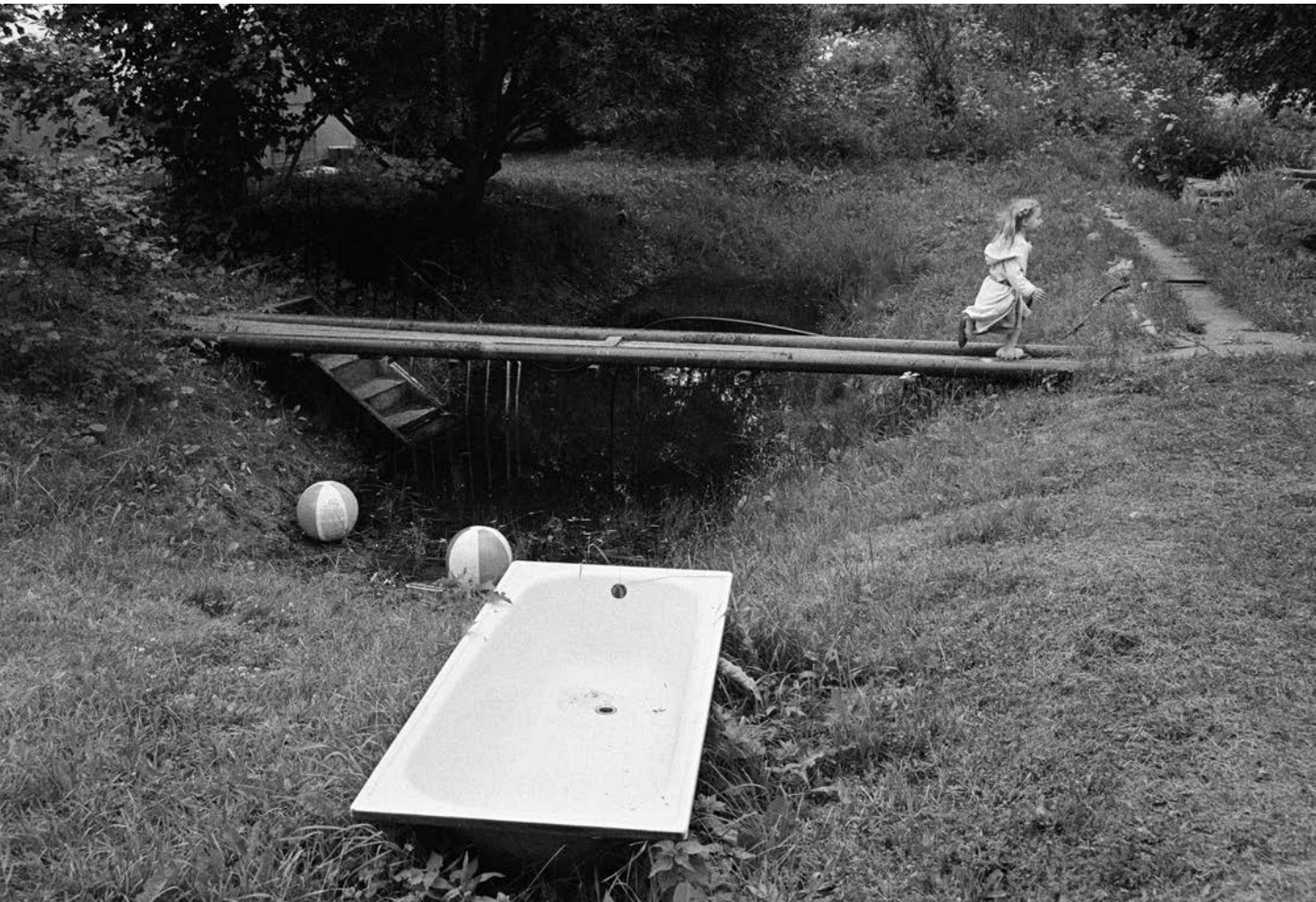

© Фото: Эмиль Гатаулин. Из серии "В сторону горизонта"

© Фото: Эмиль Гатаулин. Из серии "В сторону горизонта"

Фотопроект номера:

В СТОРОНУ ГОРИЗОНТА

Эмиль Гатауллин

e-mail: info@vestnik-evropy.ru
www.vestnik-evropy.ru